

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

СЕРИЯ I

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

ТЕРМЕЗСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

II
ТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР
ТАШКЕНТ — 1945

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

СЕРИЯ I

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

ТЕРМЕЗСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

II
ТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР
ТАШКЕНТ — 1945

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М. Е. Массон</i> — Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.	3
<i>А. П. Окладников</i> — Следы каменного века в районе Термеза . . .	10
<i>М. И. Вязьмитина</i> — Раскопки на городище Айртам	23
<i>М. И. Вязьмитина</i> — Керамика Айртама времени кушанов	35
<i>Г. А. Пугаченкова</i> — Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана	65
<i>В. Д. Жуков</i> — Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза	82
<i>В. А. Шишкин</i> — „Курган“ и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза	98
<i>В. Д. Жуков</i> — Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей	133
<i>П. И. Князев</i> — Разведочно-археологические работы в квартале металлостов Древнего Термеза	163
С. Н. Кудряшев — Материалы по культурной флоре Древнего Термеза XV в.	176
Д. Д. Букин — Каналы древнего Термеза	191
<i>Н. М. Бачинский</i> — Сырцовые здания Древнего Термеза	196

РАБОТЫ ТЕРМЕЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.

Деятельность Термезской археологической комплексной экспедиции 1937 и 1938 гг. была логическим продолжением работ этой самой крупной до сих пор археологической экспедиции в Средней Азии, начавшей свои полевые исследования с 1936 г., когда определена была и ее основная тематика. Путем установления отдельных историко-археологических фактов и выяснения общего хода развития города (что являлось прямой и ближайшей задачей экспедиции) имелось в виду также участие в разрешении более широких проблем: изучение „греко-бактрийского царства“, государства кушанов, движения народов, буддизма в Средней Азии и т. д. В числе крупных исторических проблем ТАКЭ был выдвинут вопрос о смене общественных формаций. Одновременно были поставлены на разрешение некоторые отдельные вопросы историко-археологического порядка, связанные с практическими задачами социалистического строительства (история ирригации Термезского района, изучение особенностей древних кладок из сырцовых кирпичей). Прошлое Термеза изучалось не изолированно, а на фоне истории тяготеющего к нему района правобережного Тохаристана, в связи с чем проводились стационарные раскопки на находящемся в 30 км восточнее от него городище Айртам, рекогносцировка городища у кишлака Джар-Курган, маршрутные проезды по обоим берегам реки Сурхан в ее нижнем течении и разведочные работы в отдельных пунктах Байсунского района по изучению памятников первобытного общества.

Как и в 1936 г., основной костяк экспедиции составляли сотрудники Узкомстариса. С Центральным антирелигиозным музеем в Москве была найдена организационная форма увязки научно-исследовательской тематики в виде создания смешанного отряда, занимавшегося изучением памятников древнего буддийского культа и имевшего целью попутное получение материала для экспозиции соответствующего отдела музея. Кроме того, в экспедиции принял участие ряд лиц, приглашенных в индивидуальном порядке.

Полевая работа велась в течение 1937 и 1938 гг. в составе нескольких отрядов. Памятниками доклассового общества занимались в 1938 г. археолог А. П. Окладников (ИИМК) и коллектор В. Д. Запорожская. Над изучением древней калы Термеза работали в 1937 г. искусствовед М. И. Вязьмитина (Киев, Дом архитектора) и археолог И. А. Сухарев (Самаркандский музей), а в 1938 г. археолог В. Д. Жуков и коллектор Г. П. Савельев. В раскопке на городище Айртам в 1937 г. приняли участие М. И. Вязьмитина, И. А. Сухарев и коллектор А. С. Кахаров. Исследование развалин буддийского монастыря на Чингиз-Теле осуществлялось в 1937 г. археологом Е. Г. Пчелиной (Москва, ЦАМ), коллекторами А. С. Кахаровым и Т. Э. Суровым, а в 1938 г. архитектором Г. А. Пугаченковой (САИИ). Историкотопографическое изучение северной части термезского рабада в районе развалин древнего кэшка проводилось в 1937 и 1938 гг. археологом В. А. Шишкиным при участии Г. А. Пугаченковой и коллекторов О. В. Сосновского и А. С. Кахарова. Разведкой квартала металлистов на территории термезского рабада занимались в 1938 г. геолог П. И. Князев и коллек-

торы Р. Набиев, О. В. Сосновский и А. С. Кахаров. Раскопкой дворца термезских правителей XI—XII вв. руководил в 1937 г. В. Д. Жуков. Обследование минарета у кишлака Джар-Курган в 1938 г. провели В. А. Шишкин и Г. А. Пугаченкова. Последняя произвела в 1938 г. археолого-архитектурный обмер ансамбля зданий у мазара Хакими Термези, раскопанной мечети IX—X вв., мавзолея № 1 в группе зданий Султан Са'дат и каменных архитектурных греко-бактрийских фрагментов в Сурхан-дарьинском окружном музее. Здания из сырцового кирпича в присурханской группе развалин Термеза изучались архитектором Н. М. Бачинским (ИИМК). Разрешение вопросов по истории водоснабжения Термеза и орошения его района было возложено на инженера-археолога Д. Д. Букинича.

Полученные в результате проведенных работ материалы и наблюдения выявили ряд новых данных по истории развития общества не только Термезского района, но и вообще Узбекистана и Средней Азии.

Отряд, занимавшийся специально изучением следов деятельности первобытного человека, подытожил разрозненные результаты работ прошлых лет и установил несомненное наличие в Термезском районе памятников времени неолита и эпипалеолита; последний представлен орудиями с городища Айртам. Археологическая разведка в Байсунском районе открывала впервые в Средней Азии и на прилежащей огромной территории внутренней Азии бесспорную палеолитическую стоянку времени мустье в гроте Тешик-Таш. В нем же сделана ценная находка остатков костей ребенка *Homo neanderthalensis*, свидетельствующая, вопреки реакционным теориям буржуазных антропологов, о широком распространении в Азии неандертальцев, являющихся предками современного человека.

Теперь окончательно разрешен вопрос о первоначальном местонахождении города Термеза и установлено, что он был расположен не на Чингиз-Тепе, как думали некоторые прежние исследователи, а на месте позднейшей средневековой цитадели. Именно здесь, на площади несколько более 10 га, располагался окруженный стеной античный город. Осуществленные в нескольких пунктах приамударьинского городища глубокие археологические разрезы, заставлявшие кое-где прибегать к устройству креплений при проходке в рыхлых культурных слоях, показали, что последние на территории самого античного города и в наиболее густо заселенной прилежащей части городища достигают глубины 9 м и более. При этом выявился интересный факт, что по мощности культурные слои рабовладельческого города в несколько раз превышают перекрывающие их наслоения феодального.

В 1938 г. под стенами античного города были впервые обнаружены такие могущие быть хорошо датруемыми объекты, как бронзовый трехперый, со скрытой втулкой наконечник стрелы или медные греко-бактрийские монеты чекана Евтидема I (III в. до н. э.) и Евкратиды Великого (II в. до н. э.). Теперь, когда документально доказано существование Термеза в период греко-бактрийского царства, получает большее вероятие предположение, недавно высказанное английским ученым W. W. Tarn. Исходя из установленной идентификации названий Термез и Тармит (следовало бы отметить и пехлевийскую форму — Дрмат. М. М.) и того факта, что греческое имя Димитрий передается в пракритских текстах Йога-пурана в форме Дармамита, он пришел к заключению, что упомянутый в одном санскритском труде, существующем в тибетском переложении, древний город Дармамитра, лежавший на берегу Аму-Дарьи, можно отождествлять с Термезом. Отсюда современное название его, может быть, и является позднейшим искажением имени того греко-бактрийского царя (около 200 г. до н. э.), который, как известно, явился основателем трех городов, названных им Деметриями: одного в Арахозии, второго в Синде (Патала), третьего в Согдиане. Последним, возможно, и являлся Термез*.

Работами 1937 и 1938 гг. особенно четко доказано, что расцвет города рабовладельческого общества приходится на время господства кушанов

* W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938, pp. 118—119.

или тохаров — народа, принимавшего участие в разрушении в середине II в. до н. э. „греко-бактрийского царства“. Культурный слой с археологическим материалом, охватывающим первые века до и после н. э., прослежен на всей обширной площади приамударьинского городища и характеризуется наличием в нем высококачественной лакированной, крашеной, с частичным лощением глиняной утвари изящных форм (в частности, типичных бокалов), предметов из бронзы и кости (в том числе пластин от лука), каменных и алебастровых скульптурных и архитектурных фрагментов со следами влияния эллинистического искусства. Зарегистрировано много пунктов, где были сделаны находки медных кушанских монет Кадфиза II, Канишки, Хувишки и Васудева. К СВ от античного города, на территории средневекового рабада, в культурном слое кушанского времени обнаружено обилие крупных ладошкообразных кусков кричного железа, свидетельствующих, что здесь уже около двух тысяч лет назад было развито металлическое производство и, в частности, обработка железа, добывавшегося, очевидно, из месторождений соседних гор Кугитанг-Тау. На фоне этого археологического открытия особую значимость приобретает упоминание в Махабхарата о тохарах, привозивших в Индию железо. Очень возможно, что наряду с проходившим через Среднюю Азию транзитом из Китая железом, упоминаемым Плинием, в Индию ввозилась при кушанах и часть местных железных изделий. Дальше из Индии иноземные товары шли морским путем в страны Римской империи.

Чрезвычайно показательно, что вдоль крупных русел древних арыков и на месте главного водodelителя встречаются культурные остатки бывших поселений кушанского периода, свидетельствующие, что основная ирригационная система в низовьях Сурхана уже существовала около двух тысяч лет назад и, вероятно, была создана в период господства общинной родовой аристократии, эксплуатировавшей в своих хозяйствах рабский труд.

На время кушанов, как установлено работами ТАКЭ, падает и расцвет буддийских монастырей в Термезском районе. Тщательное обследование развалин одного из них, занимающих на Кара-Тепе площадь свыше 4 га, показало, что они принадлежат монастырю полупещерного типа очень крупных размеров. Здесь установлено наличие трех ярусов пещерных помещений и ряда наземных сооружений, сложенных из крупного сырцового квадратного кирпича. В некоторых случаях стены их облицовывались гладкими и скульптурными плитами мергелистого известняка. На внутренних стенах кое-где открыты следы росписи, близкой по цветовой гамме к палитре художников, работавших над декорацией Бамьянских пещер. В одном месте встречены остатки изображения человеческой фигуры почти в натуральную величину; от нее уцелели только ноги и нижние части одеяний. Раскопками вскрыты два пещерных помещения общественного (храмового) назначения и одна индивидуальная камера с ведущей в нее вниз лестницей, лежанками и нишками по стенам. С северо-восточной стороны к Кара-Тепе примыкают руины крупных сооружений вихара или сангарамы с ясно читаемым по валам оплывших стен прямоугольным планом. Поблизости, у самой внешней стены города расположены остатки нескольких керамических печей. Их наличие вместе с встречающимися по соседству кусками металлических шлаков и кричного железа показывает, что при древнем буддийском монастыре имелись и ремесленные мастерские, возможно, не только удовлетворявшие потребности монахов, но работавшие и на рынок.

Второй пункт, где были, видимо, сосредоточены керамические мастерские времени кушанов, установлен рядом с античным городом, вблизи северо-восточной угловой башни его стены. Здесь, между прочим, найдено костяное лощило, которым наносился орнамент при частичном лощении на окрашенную поверхность керамического предмета.

В числе легкодатируемых материалов из раскопок на Кара-Тепе имеются две монеты кушанского чекана (конец I — начало II в.), а на площадке с керамическими печами найдена медная монета типа Васудева (III в.). В верхнем культурном слое одной из пещер обнаружена медная монета са-

Санидского чекана с изображением Шапура II (310—380) и, наконец, при вскрытии верхнего слоя одного из наземных помещений встречены две плоские медные монеты плохой сохранности того типа, которые я отношу примерно к VII в. Повидимому, они принадлежат времени, когда монастырь находился в запустении. К этому же периоду следует отнести несколько глиняных кувшинчиков, чираг и пару костяных колец, которые были найдены при расчистке одиночной пещерной камеры подле скелета молодого человека, задавленного некогда обвалом кровли.

Раскопка на городище Айртам в основном имела целью путем стратиграфического изучения места находок известных каменных греко-буддийских фризів получить более уточненное представление о комплексах археологического дофеодалного инвентаря, что было легче выявить там, чем в Термезе, поскольку культурные слои Айртама почти стерильны от более поздних наслоений. В этом смысле последний интересен как „ключ“ к пониманию более нарушенных, хотя и более содержательных культурных слоев Термеза. Полученные на городище Айртам археологические объекты послужили материалом для публикуемой в этом сборнике первой специальной работы, посвященной местной керамике кушанской эпохи. Кроме того, осуществленная там раскопка имела и самостоятельное более узко-локальное значение. Из нижних культурных слоев удалось впервые получить образцы жженных плиток бактрийского кирпича, на одном из которых имелся штамп с изображением оленя. Находка внутри „святилища“ медной монеты так называемого „Безымянного царя“ (I в. н. э.) позволяет более точно датировать изготовление айртамских скульптурных фризів временем около начала н. э.

Бедные по содержанию, маломощные и маловыразительные, кое-где встречающиеся на городище Термеза культурные слои, могущие быть отнесенными к V—VI вв., заставляют притти к выводу, что в эти столетия город хиреет, очевидно, под влиянием внутреннего кризиса, порожденного разложением рабовладельческого строя и осложненного внешней обстановкой (появление новых кочевых народов — хионитов и особенно эфталитов, с которыми сасанидскому Ирану с начала V столетия приходилось выдерживать тяжелую борьбу). Страна в этот период приходит в запустение. Это находит подтверждение, между прочим, в археологическом исследовании городища Айртам, опустевшего, как установлено работами ТАКЭ, впервые задолго до арабского завоевания.

В VII в., однако, кризис был уже на исходе. В это время Термез, находившийся под властью особых правителей, „термезшахов“, стал главным городом небольшого самостоятельного владения. Повидимому, местному чекану этих термезшахов принадлежат те две своеобразные, уникальные пока монеты, близкие по типу к сасанидскому чекану, из которых одна извлечена в 1938 г. из раскопа под стеной термезской цитадели, а вторая была найдена еще раньше на развалинах анхорской группы к С от Термеза*.

Ко времени, близкому к арабскому завоеванию, относится сооружение в северо-восточной части позднейшего рабада на месте развалин какого-то здания кушанской эпохи (изучавшегося в течение двух полевых сезонов) замка — кэшк, который еще недавно признавался за памятник X—XIII вв.

Большее значение, чем только для характеристики феодального Термеза, имеет раскопка в 1937 г. на территории средневекового пригорода (рядом с упоминавшимся кэшком) развалин, принадлежащих одной из наиболее ранних известных в Средней Азии мечетей IX—X вв. Она представляет собой совершенно новый по своей архитектуре и плану тип зданий этого рода. Ее главное помещение, кровля которого покоилась на крупных круглого сечения кирпичных колоннах, имело две глухие стены, сходящиеся у одного из углов, и два открытые фаса с противоположной стороны.

* М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг., „Научная мысль“, № 1. Самарканд, 1930, стр. 83.

Оригинален как бы гофрированный михраб, состоящий из девяти кирпичных полуколонок.

Интересным для истории города явилось установление в двух пунктах рабада сводчатых подземных галлерей — тазаров, возможно, связанных с канализацией. Как выяснилось теперь, система этих крытых каналов, когда-то проведенных вдоль улиц, пришла в упадок к концу Х в. и была заброшена. Позднее она не возобновлялась и затем, в связи с последующей планировкой города, оказалась под жилыми кварталами и сооружениями частных владений. Это археологическое наблюдение указывает, что переход Термеза под власть нового государства Караханидов совершился безболезненно и имел на первых порах своим последствием известный экономический кризис, который, однако, вскоре же, в XI в. был изжит.

Как выяснено работами ТАКЭ, XI — XII вв. были периодом интенсивного развития Термеза, далеко оставившего позади себя город времени саманидов. В связи с почти непрерывными феодальными войнами его укрепления несут следы неоднократных ремонтных работ, причем в XI в. цитадель была покрыта облицовкой из жженого кирпича и заметно усилен профиль стен шахристана. Можно думать, что это произошло в 466 г., т. е. в 1073/1074 г. н. э., поскольку, как любезно указал мне А. Ю. Якубовский, у Ибн-ал Асира приведено известие, что в этом году по распоряжению сельджукского султана Меликшаха производились крупные работы в Термезе по восстановлению укреплений с обкладкой стен „крепким камнем“, проведением рва и т. п.

Насколько широкое развитие получили в этот период ремесла и торговля, в основном сконцентрировавшиеся в пригороде — рабаде, показывают размеры изучавшейся в 1938 г. территории бывшего квартала металлистов, занимавшего почти 5 га. Здесь на вскрытой площадке около 200 м² обнаружены остатки небольших лавочек-мастерских, непосредственно связанных с жилыми помещениями домов мелких кустарей-ремесленников. Вот почему среди полученного археологического материала попадаются не только образцы продукции и остатки оборудования самих мастерских, но и в большом числе бытовые предметы: домашняя утварь, детские игрушки, женские украшения, среди которых обращают на себя внимание стеклянные браслеты.

Раскопками 1937 г. окончательно выявлен схематический план огромного дворца термезских правителей XI — XII вв.; уточнены представления об айване перед тронным залом; в центре двора расчищен хауз, являющийся самым древним из известных до сих пор в Средней Азии архитектурно оформленных водоемов, и вскрыта часть северного бокового павильона. Открыты новые поверхности стен, занятые штукатуркой декорацией. Совершенно исключительной является находка большого числа круглых стеклянных медальонов с рельефными изображениями всадников, всадниц, птиц, животных, орнаментами и надписями. Такие медальоны, вставлявшиеся в алебастровые решетки, до сих пор не были известны не только среди памятников Средней Азии, но и вообще всего арабско-иранского Востока. Арабская надпись на одном из медальонов гласит: „Для султана великого Абу-л-Музаффар Бахрам шаха“. С именем последнего, таким образом, связывается один из периодов жизни двора*.

Историко-архитектурное изучение ряда других феодальных памятников, относящихся к периоду домонгольского завоевания, не только детально задокументировало их, но ввело в научный обиход более уточненное представление об уникальном и неправильно трактовавшемся до сих пор минарете близ селения Джар-Курган. Стоящий среди развалин городища, представляющих собой, повидимому, остатки средневекового города Сарманган, находившегося в зависимости от Термеза, этот минарет относился как ино-

* Эти уникальные образцы архитектурных декораций предварительно опубликованы в работе В. Д. Жукова „Стеклянные „медальоны“ из дворца термезских правителей“. Известия УзФАН, 1940, № 4—5, стр. 59—66.

странными, так и советскими учеными к XII—XIII вв. и с большей вероятностью — к XIII в. При изучении этого памятника, сопровождавшемся заложением у его основания археологического шурфа, была прочитана выложенная из кирпичей арабская надпись, сделанная куфическим почерком; на ней указана дата 502 г. х. или 1108/1109 г. н. э., т. е. самого начала XII столетия.

Периоду послемонгольского завоевания, когда Термез в приамударьинской части быстро пришел в упадок и вместо него сложился в нескольких километрах восточнее новый город, экспедиция 1937—1938 гг. уделяла значительно меньше внимания. На территории городища в присурханской части проводилось изучение уцелевших там архитектурных памятников из сырцового кирпича. Подробно было обследовано 17 отдельных объектов: сделаны обмеры, зарисовки, изготовлены фото и взяты образцы строительных материалов. Повидимому, некоторые из них, хотя и немногие, представляли остатки жилых домов, что особенно важно, так как до сих пор подобного рода здания археологами в Узбекистане специально не изучались. Большое внимание было уделено выяснению особенностей древних кладок из сырцового кирпича, из которого сооружались огромные пролеты и крупные купола. Мысль о полезности внедрения в современное строительство, особенно колхозное, некоторых архитектурных приемов, применявшихся в далеком прошлом в Средней Азии, встретила в кругу специалистов сочувственное отношение. Изучение древних зданий из сырцового кирпича сейчас особенно своевременное, так как их руины быстро исчезают вследствие их использования местными жителями для удобрения почвы.

Заслуживает упоминания содержимое одной мусорной ямы XV в., которая была вырыта в 1938 г. при расчистке коридора древнего кэшка в рабаде приамударьинской части Термеза. Вследствие благоприятных условий в ней сохранился ряд хрупких объектов; например, изделия из дерева со следами окраски, а также цветные стеклянные браслеты. Особенную научную ценность представляет находка прекрасной сохранности черепов лошади, козы, собаки и большого количества косточек урюка, персика, сливы, винограда, граната и др., впервые дающие материал для познания ассортимента местных культурных растений XV века и истории домашних животных.

Во время раскопок ТАКЭ был проработан и частично применен на практике, с последующим контролем, ряд совершенно новых методических приемов археологического исследования: взятие археолого-биологических проб на микрофауну из культурных слоев для установления их генезиса; выявление при рекогносцировке поверхностей со слабо выраженным археологическим микрорельефом археологических пятен по растительному покрову; применение прозрачных микроскопических шлифов при изучении комплексов керамических объектов. В связи с намечавшимся сплошным изучением обширного квартала металлистов геологом Б. Н. Наследовым была составлена специальная инструкция по разведке древних шлаковых мест. Ставились опыты по применению ручного бурения с целью получения данных при перспективных наметках раскопочных работ и общей ориентировки в отношении содержания и глубины залегания культурных слоев. При обработке кушанской керамики, полученной в большинстве своем в виде фрагментарного материала, кандидат физико-математических наук Н. И. Вязьмитин изобрел и сконструировал в 1937 г. специальный прибор для механической графической реконструкции первоначальных форм сосудов.

Подытоживая полученные ТАКЭ результаты, следует прежде всего отметить, что ею проделана большая регистрационная работа. Выявлено значительное количество новых фактов историко-археологического порядка. Открыто немало памятников, представляющих интерес с точки зрения истории искусств. Разрешен ряд отдельных мелких и крупных исторических вопросов. Произведены полный пересмотр и переоценка всех прежних представлений о „Старом Термезе“, известном нам по письменным источникам лишь с VII в. н. э. В свете новых археологических данных его

прошлое восстанавливается теперь за отрезок времени свыше 2200 лет в виде чередования нескольких периодов расцвета и упадка*. Добыт огромный разнообразный материал для решения узких специальных вопросов среднеазиатской археологии и для обсуждения больших исторических проблем прошлого Узбекистана. Наметились археологические признаки наличия в южной части Узбекистана рабовладельческого строя и период его кризиса**.

В кратковременных работах ТАКЭ вполне оправдал себя принцип комплексности при археологическом исследовании такого крупного и сложного объекта, как обширное городище Термез, на котором одновременно были охвачены памятники материальной культуры всех встречающихся там категорий и по возможности всех эпох, представленных в его культурных наслоениях. Публикуемые в очередном втором выпуске трудов ТАКЭ статьи имеют целью ввести в научный обиход часть полученных этой экспедицией материалов, для дальнейшей обработки которых и составления монографического историко-археологического очерка о Старом Термезе еще потребуется труд не одного года.

Работами экспедиции 1938 г. завершен лишь предварительный этап широкой разведки обширного городища Термеза, которое объявлено теперь государственным археологическим заповедником. Его детальное изучение выпадет на долю нескольких поколений советских ученых.***

* О прошлом Термеза см. М. Е. Массон „Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг.“, СОНАТ, 1938, №7; *его же* „Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1938 гг.“, Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР, вып. 8, Л., 1940; *его же* „Городища Старого Термеза и их изучение“, Труды УзФАН, серия 1, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 5—122.

** Этой теме были посвящены два раздела специальной выставки ТАКЭ, устраивавшейся в 1937 г. в помещении Музея искусств в Ташкенте. О ней см. Б. П. Денике „Археологическая выставка Древнего Термеза“, „Правда Востока“, 1937, № 277.

*** Содержание III тома Трудов ТАКЭ: М. Е. Массон, Прошлое Термезского района, *Его же*, Новые приемы методики полевых археологических работ, осуществлявшиеся ТАКЭ; *Его же*, нумизматические находки на территории Старого Термеза; Е. Г. Пчелина, Раскопки буддийского монастыря на Каратеппе; В. Д. Жуков, Керамика XII—XIII вв. из пригородного Термезского дворца; В. А. Шишкин, Обследования Джаркурганского минарета; К. К. Саковский. Черепки домашних животных XV в. из Термеза.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

СЛЕДЫ КАМЕННОГО ВЕКА В РАЙОНЕ ТЕРМЕЗА

В результате систематических работ последних лет в районе Древнего Термеза обнаружены не только многочисленные памятники феодальной и дофеодальной эпохи, но и каменного века. Значение последних исключительно велико, так как благодаря им история нашей Средней Азии впервые вышла за пределы последних трех тысячелетий и охватила несравненно более отдаленное прошлое — вплоть до мустьерского времени.

Работы по изучению памятников каменного века в районе Термеза, правда, еще только начинаются; далеко не исчерпаны имеющиеся возможности даже в смысле разведочного обследования. Исследователя ждут все новые и новые горные долины, его манят десятки и сотни никем еще не изведанных пещер; вполне вероятно, что скоро будут обнаружены не только пещерные поселения, но и многочисленные стоянки открытого типа. Чтобы правильно наметить задачи ближайших работ по изучению каменного века этих районов, мы считаем полезным дать хотя бы самую краткую сводку всего, что было здесь сделано в этой области раньше, а также общий предварительный обзор памятников каменного века.

Центром археологических исследований на территории Южного Узбекистана в течение ряда лет были раскопки на территории древнего города Термеза.

В 1938 г. очередная Термезская археологическая экспедиция под руководством ее бессменного начальника М. Е. Массона имела своей целью изучение культурной стратиграфии этого древнего города в целом. Стремясь выяснить историю Термеза в связи с историей всей той территории, для которой он с самых отдаленных времен был своего рода естественным центром, М. Е. Массон включил в состав экспедиции и специальный отряд, в задачи которого входили поиски следов каменного века, а также анализ ранее сделанных находок, повидимому, относящихся к дометаллической эпохе в жизни Термезского района.

Это были в первую очередь собранные сотрудниками ТАКЭ и работниками местного Сурхандарьинского музея в самом Старом Термезе кремни, производившие такое впечатление, как будто они побывали в руках людей каменного века.

В результате работ отряда удалось установить, что на территории Старого Термеза находки кремней, обработанных человеком и носящие определенные следы употребления, действительно представляют нередкое явление. Они встречаются буквально по всей поверхности приамударьинской части „городища“, а раскопками их наличие установлено на площади древнего здания около мечети (В. А. Шишкин), в траншее, прорезающей склон возвышенности цитадели Древнего Термеза (В. Д. Жуков), и на Дуния-тепе, вблизи цитадели.

При таком широком распространении эти находки, насомненно, имеют неслучайный характер и, очевидно, так или иначе связаны с жизнью Старого Термеза.

О характере этих находок может дать некоторое представление общий их обзор и классификация, включающие в качестве опорных моментов:

- а) особенности материала (т. е. в первую очередь цвет);
- б) характер и степень патинизированности;
- в) морфологические черты, как выражение определенной техники обработки кремня в связи с функцией тех или иных изделий из него.

Среди многочисленных кремней со следами обработки или употребления здесь часто встречаются светлосерые и желтоватые различных оттенков — вплоть до буровато-коричневого. Реже попадаются изделия из плотного известняка. Кремень серого и желтоватого цвета должен был служить превосходным материалом для изготовления мелких каменных орудий.

Среди кремней, собранных на площади Старого Термеза, имеются образцы, бесспорно свидетельствующие о широком применении этого материала для изготовления каменных орудий. Таковы прежде всего отщепы, т. е. неизбежные при обработке кремня отбросы производства, которые могли, конечно, без особой обработки и сами употребляться при различных работах (для резания, скобления, прокалывания и т. д.).

Из собранных в Термезе отщепов наиболее характерны пластинчатые, тонкие и широкие с ясно выраженным ударным бугорком на брюшке и ударной меткой на нем. Некоторые из таких отщепов, сверх того, имеют на спинке ряд параллельных фасеток, выравнивающих поверхность кремня и произведенных приемами, характерными для отжимной техники обработки кремня.

Само по себе наличие многочисленных кремней со столь ясными признаками целесообразной обработки их не оставляет сомнения в том, что они являются продуктом деятельности человека, а не игры природы. В свою очередь общий характер обработки, совершенная отжимная техника, приемы которой видны здесь вполне отчетливо, говорят о превосходном знании свойств кремня, а также о высоком техническом мастерстве, с которым это знание применялось на практике.

Все это свидетельствует о том, что кремень в это время оставался основным материалом для изготовления орудий труда. Судя по отжимной технике, они не могут быть старше верхнего палеолита и моложе ранней бронзы, когда повсеместно камень начинает уступать свое место металлу, а техника обработки камня достигает той критической грани, с которой начинается уже ее прогрессирующий упадок.

Более точное определение возраста анализируемых находок возможно, однако, лишь в том случае, если изучать не одни только отбросы производства каменных орудий, но и самые изделия из камня или их фрагменты. В коллекции кремней из Старого Термеза такие предметы также имеются. К ним относятся, например, конический нуклеус, изготовленный из желтого полупрозрачного кремня, максимально, до отказа, использованный и, очевидно, за непригодностью брошенный. Здесь также найден обломок широкой ножевидной пластины из желтовато-коричневого кремня с тремя гранями.

Большой интерес представляет одно изделие, близкое по форме к срединному резцу.

Из траншеи в стене калы был взят обломок пластинчатого скребка, изготовленного из серого кремня. По типу этот скребок близок к концевым и сохранил часть обломанного выпуклого рабочего края. Рабочий край орудия очень умело и тщательно оформлен крутой ретушью. Напоминает скребок и другое каменное орудие на отщепе такого же серого цвета; рабочий край изделия выпуклый, отделанный широкими фасетками и слегка подправленный с края. Первоначально это орудие было, вероятно, вдвое больше, но затем оказалось сломанным поперек.

Есть также обработанные кремни в виде простых отщепов с ретушью, встречающихся в самых разнообразных по времени и типу памятниках каменного века.

Анализируя форму и технические приемы, с помощью которых были изготовлены отмеченные предметы, нужно сделать вывод, что сами по се-

бе они могут относиться к сравнительно отдаленному времени, когда употребление орудий из камня, в том числе ножевидных пластин и скребков, было обычным явлением, — иначе невозможно представить бытование специфической и по своему высокой техники обработки кремня, наличие устойчивых и характерных форм каменных изделий (ножевидные пластины и нуклеусы, резцы, скребки).

Интересно в связи с этим отметить, что памятники первого тысячелетия до н. э., обнаруженные в районе Термеза, пока еще не дают примеров переживания подобной техники или бытования таких предметов каменного инвентаря, как ножевидные пластины, нуклеусы и скребки.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в районе Старого Термеза, на поверхности Дуниа-тепе, кроме обработанных кремней — отщепов были найдены фрагменты глиняных сосудов, очень близких к расписной керамике, обнаруженной в нижних слоях Анау. Черепки этих сосудов плотные, в толще их рассеяны многочисленные мелкие пятна — крапинки белого цвета, резко выделяющиеся на светлокрасном фоне. Изнутри и снаружи сосуды покрыты тонким белым слоем, по которому нанесены коричневые полосы росписи. На одном фрагменте (горлышко большого сосуда) роспись снаружи имеет вид решетки из пересекающихся полосок. Изнутри роспись окаймляет край венчика. На других фрагментах отчетливо видны криволинейные широкие полосы, окаймленные узкой горизонтальной лентой.

Подобная керамика хорошо сочетается, как известно, с каменными изделиями типов отмеченных выше и также подтверждает мысль о вероятной связи их с местонахождениями очень древних культурных отложений, если и не неолитических, то, во всяком случае, энеолитических, ранней бронзы.

Но как попали описанные кремни на территорию Старого Термеза в верхние культурные слои? Все они, или значительная их часть, связаны с жизнью античного и средневекового города, даже с наиболее поздними этапами его прошлого. В ряде случаев обработанные кремни найдены и при раскопках, но точно также совместно с очень поздними предметами. Например, в 1938 г. в мусорной яме здания около мечети (раскопки В. А. Шишкина), у стен цитадели, они обнаружены вместе с поздней керамикой и даже в остатках мастерских, раскопанных П. Н. Князевым.

Как показало исследование, кремни, в том числе кремневые изделия древнего происхождения, были занесены сюда как материал для огнива. На многих кремнях отчетливо видны грубые зазубрины и вмятины по лезвиям, резко отличающиеся от настоящей ретуши и следов употребления в работе.

В отличие от правильно расположенных и четко ограниченных фасеток ретуши, следы употребления таких кремней при высекании огня не находятся на определенном расстоянии друг от друга, так как удары многократно и беспорядочно наносились по одному и тому же месту. Фасетки их, мелкие и крупные, столь же беспорядочно перекрывают друг друга.

Самое же главное отличие таких кремней от орудий с настоящей ретушью заключается в том, что лезвие в них по своим контурам неправильное и тупое, как бы закругленное скользящими ударами огнива.

При этом древние кремни часто преднамеренно ломались на более мелкие куски, о чем свидетельствует характер патины на первоначальной поверхности изделия, отличающийся от ее характера на месте позднейших сколов (ср.; например, отмеченный выше скребок из траншеи в стене калы).

Большое число найденных здесь кремней относится также и к специально изготовленным принадлежностям огнива. Они представляют собой массивные куски кремня с широкими, часто выпуклыми боковыми гранями и внешне напоминают в ряде случаев нуклеусы. Нередко на них сохраняется часть валунной корки, показывающая, что материалом служили небольшие округленные галечки из речных наносов, а не из коренных пород. Такие галечки, обыкновенно, раскалывались пополам одним поперечным ударом и после этого грубо оббивались от ударной площадки как нуклеус. Размер их колеблется в длину от 1,5 до 2,5 см, а в ширину 1,0—1,5 см.

На гранях почти всегда хорошо заметны зазубрины и вмятины, являющиеся результатом употребления таких кремней при высекании искрогнивом.

Сравнивая кремни для огнива („чакмак-таш“), употребляемые и в настоящее время жителями горных кишлаков, нетрудно увидеть в них сходство с аналогичными находками, сделанными на мертвом теперь пространстве Старого Термеза. Особенно важно при этом отметить, что современные дехкане в горах Узбекистана, как и древние жители Термеза, приспособляют для огнива каждый попавшийся им камень, в том числе, разумеется, и случайно найденные древние орудия или отщепы.

В 1938 г. автору статьи пришлось обнаружить у одного из своих рабочих великолепную ножевую пластину из кремня, которую он с успехом употреблял как обычный чакмак-таш. Оказалось, что пластина была извлечена из грота Катта-Курган, где, по его словам, и другие жители кишлака Мачай издавна находили хороший камень для огнива.

Так же, как и современное население, жители Старого Термеза за все время существования этого крупного города, оказавшегося гигантским конденсатором обработанного кремня, очевидно, собирали здесь кремни для своих огнив.

Поселения, сего вероятнее неолитические, содержавшие кремневые орудия, могли при этом, конечно, находиться как вдали от города, так и поблизости от него или даже на территории города, в его ближайших окрестностях. Прямым указанием на это может служить наличие расписной керамики, близкой к энеолитической, на Дуния-тепе. Следует отметить и то обстоятельство, что при раскопке в 1938 г. 1-м отрядом ТАКЭ ограниченного участка в том месте, где были найдены кремни и расписная керамика, под мощной толщей культурных отложений средневековья и первого тысячелетия до н. э. (8,40 м), непосредственно на песчанике был прослежен тонкий углисто-зольный слой, в котором встречен один отщеп из плотного известняка. Вполне вероятно, что здесь был ранее, до сооружения сырцовых построек верхних слоев, архаический культурный слой, и еще более вероятно, что древнейшие культурные слои будут вскрыты дальнейшими исследованиями большого масштаба.

* * *

Находки на территории Старого Термеза, таким образом, в значительной своей части могли быть причислены к следам каменного века данной территории и служат доказательством его существования в этой части Узбекистана.

Если они при этом не могли быть точно приурочены к определенным пунктам древних поселений, то сотрудникам ТАКЭ и Термезского музея удалось обнаружить и более определенные данные в том же районе, на правом же берегу Аму-Дарьи, у Айртама.

Здесь были найдены кремневые пластины, сильно патинизированные, крупного размера и очень правильных очертаний, с превосходной огранкой поверхностей. Такие правильные пластины или изделия больше всего напоминают мезолитические пластины или изделия самого конца верхнего палеолита. В последнее время на территории гор. Самарканда в стоянке у Комсомольского озера (вблизи бывшей водокачки) найдены аналогичные пластины. Эта стоянка, повидимому, относится к мезолитическому времени или к концу палеолита. Вполне вероятно, что и у Айртама будут обнаружены следы поселения того же типа и времени.

Еще более определенные следы каменного века обнаружены за последние годы в горных долинах Байсунского и Ширабадского районов, господствующих с С над низменной долиной Аму-Дарьи. Здесь найден ряд пещерных поселений, уже давших крайне интересный и разнообразный по возрасту материал.

Пионером в деле археологического изучения долины основной водной артерии района — реки Ширабад-Дарьи (в низовьях) или Турган-Дарьи (в верховьях) является Г. В. Парфенов, директор Термезского музея. В доли-

не Ширабад-Дарьи в 1931—1934 г. он обследовал ряд скальных навесов различного размера, а также собрал сведения (на основании расспросов и личных наблюдений) о пещерах в других районах Сурхандарьинского округа.

Посещенные Г. В. Парфеновым скальные навесы находятся, по его словам, на высоте от 8 до 37 м от подошвы обрыва. Размеры их колеблются в длину от 5,5 до 15 м вдоль обрыва; углубление под навес скал — от 4 до 6,5 м. В пяти навесах и гротах им были заложены разведочные шурфы, показавшие, что они были в древности заселенными.

Г. В. Парфенову удалось тогда посетить также и Байсунский район, где он на основании расспросов и частью, повидимому, личных наблюдений отметил несколько пещер, причем в одной из них, около кишлака Мачай, им был заложен шурф, давший небольшой вещественный материал, свидетельствующий, однако, достаточно определенно о том, что человек посещал ее в древности.

В 1938 г., после работ на территории Старого Термеза, отряд № 1 ТАКЭ направился в Байсунский район, где предполагалось произвести, совместно с комплексной экспедицией Сурхандарьинского музея, раскопки обнаруженной Г. В. Парфеновым Мачайской пещеры Катта-Курган. Однако, вместо ее раскопок, отряд № 1 ТАКЭ с участием сотрудников экспедиции музея занялся под руководством автора данной статьи поисками новых пещерных поселений*. К их числу принадлежит грот Тешик-Таш, раскопки которого и дали затем исключительный по своей ценности материал.

В следующем 1939 г. раскопки грота Тешик-Таш были нами закончены. Также были произведены раскопки в гроте Амир-Темир и разведочные работы вблизи Байсуна, давшие новый, очень интересный материал.

Таким образом в районе кишлака Мачай за короткий срок были обнаружены новые памятники каменного века, изучение которых явилось важным вкладом в историю Средней Азии.

Первый из них по времени открытия — грот Катта-Курган был издавна знаком местному населению. С ним связаны различные поверья, в том числе легенда о живущей будто бы в глубине грота гигантской змее. Грот находится вблизи кишлака Юкары-Мачай и легко доступен. Он помещается сразу же за последними постройками и садами Юкары-Мачая в живописном отроге правобережной возвышенности, окаймляющей долину р. Турган-Дарья. Со стороны реки этот отрог заканчивается эффектным обнажением юрского конгломерата, над которым возвышается рыхлый массив древнего укрепленного поселения — „тепа“. Еще выше, у дороги, соединяющей кишлаки, обнаруживаются отложения древней речной террасы — крупный галечник и валуны.

На высоте около 30 м в скалистом обрыве холма, над рекой, во многих местах имеются пустоты различного размера и глубины. Кое-где в них видны остатки культурных отложений, показывающие, что эти пустоты являются остатками довольно крупных гротов — убежищ, издавна посещавшихся людьми. В одной из таких пустот при первом посещении холма нами был найден *in situ* отщеп из кремневого известняка. В самом крупном гроте, названном Г. В. Парфеновым „центральным“, им были первоначально найдены кости мелких животных и птиц, многие из которых оказались расколотыми и обожженными. Вместе с остатками золы, здесь оказались древесные угли, а также кремневые отщепы, нуклеус, ножевидные пластины, скребки и наконечники стрел. Из этих находок нам пришлось видеть в коллекциях Термезского музея ножевидные пластины из темно-зеленой яшмы и кремневые отщепы. Ножевидные пластины, узкие, тонкие и длинные, сняты с нуклеусов совершенной призматической формы. Такие нуклеусы и пластины известны только с Азильского времени, подлинный же период расцвета той техники, с которой они связаны, падает уже на неолитическое время.

* Впоследствии, в том же 1938 г. экспедиция Сурхандарьинского музея произвела довольно значительные по масштабам раскопки в гроте Катта-Курган.

Посетив в 1939 г. грот Катта-Курган, я имел возможность видеть только разрез культурных отложений грота на специально оставленной их части у одной из стен грота. Под характерными зольными наслоениями специфической ленточной структуры с хорошо сохранившимися местами овечьим пометом здесь залегает довольно мощный (до 40 см) слой древесной золы и проч., густо переполненный следами деятельности человека: из него в момент осмотра торчали отщепы из кремня и кремнистого известняка, а также один небольшой призматический нуклеус. Последний был использован до отказа, а затем приспособлен в качестве орудия, так как его верхний конец, противоположный ударной площадке, был превращен в грубое долотовидное лезвие. Местами в слое были обнаружены мелкие косточки животных и древесные угли.

Глубже залегали пещерные наслоения обычного типа — желтоватого цвета, резко отличающиеся от темной массы золистого культурного слоя, лежащего под ними. Существенно и то обстоятельство, что нижние отложения, уходящие вглубь грота, имеют более грубый состав, так как переполнены пещерной щебенкой.

На обнаженной поверхности этих отложений был поднят один грубый *остроконечник удлинено-треугольных очертаний*, изготовленный из скола с валуна темнозеленой яшмы. С одной его стороны имелась только вдоль краев крутая и небрежная ретушь.

Нижний слой производит впечатление древнего, палеолитического. Нет ничего невероятного и в том что он, может быть, окажется близким по времени и к мустье.

Во всяком случае важно, что в гроте имеются наслоения разного времени. Любопытно в связи с этим, что ранее Г. В. Парфеновым отмечались даже найденные в шурфе статуэтка животного из глины и грубая керамика, украшенная узором, нанесенным красной краской по голой поверхности черепка. Не менее существенно, что грот Катта-Курган дал большое количество разнообразных находок, в том числе фаунистические остатки и человеческие кости. Научный анализ этих находок обещает дать ценные результаты.

Из других гротов с культурными остатками в долине Турган-Дарьи у Мачая, посещенных и прошурфованных нами в 1938—1939 г., заслуживают быть отмеченными следующие:

Грот Катта-Суле-Камар. Находится неподалеку от грота Амир-Темир (см. ниже), к В от кишлака, в малом сае. Он представляет собой обширный грот — навес, замыкающий сай сверху поперек. Длина площадки навеса около 25 м, глубина около 4—5 м, высота ниши до 12 м. В шурфе, заложенном с западной части площадки, в черном рыхлом слое, на глубине 25 см от поверхности, были найдены два обломка тонкой бронзовой чаши, у ободка украшенные тонким гравированным узором в виде оригинальной „плетенки“ в одну полоску. Рядом и несколько глубже лежали обожженные мелкие голыши; там же — тонкий черепок красного цвета. Повидимому, культурные отложения имеются и глубже.

Грот Зарангак-Гут. Так же, как и Катта-Суле-Камар, находится в конце сая (того же названия), длинного и глубокого. Свод грота низкий — около 3 м, но он вообще довольно обширен, так как щелью уходит вглубь скалы на 15 м; длина его площадки более 40 м. У входа в грот лежат огромные глыбы известняка, свалившиеся со свода. В глубине — небольшой источник (озерко) хорошей холодной воды. У источника на полу и стенах сталагмиты и бугорчатые натеки.

В шурфе, заложенном в левой части площадки, установлена следующая картина наслоений:

- а) плотная земля с щебенкой 30 см мощностью;
- б) рыхлая земля с щебенкой и плитками известняка с темными прослойками; в одной такой прослойке обнаружены древесные угли, кости животных — обугленные и расколотые, а также одна ножевидная пластина из кремня высокого качества; глубина от поверхности 60 см;

в) глубже идет влажная рыхлая земля с обломками камня; в ней изредка встречаются древесные угольки; найдены также ножевидная пластина и кости животных. Это не оставляет сомнения в том, что грот был заселен в каменном веке, а судя по форме пластины,—может быть, в мезолите или неолите.

Грот Дукан-Хана в сае того же названия. Это очень небольшой в данное время, должно быть, сильно разрушившийся навес. В нем частично сохранилась древняя площадка, покрытая глинистой землей с примесью щебенки, в которой на глубине 30 см обнаружен древесный уголь, а также скребочек на отщепе случайной формы и грубый нуклеус призматического типа.

Возможно, что отложения и этого грота близки по времени к отмеченным выше (призматический нуклеус).

Среди всех пещерных памятников, отмечаемых в данном обзоре, на первом месте по научному значению, разумеется, стоит грот Тешик-Таш. Находки, сделанные в нем, уже настолько широко известны, что для их характеристики достаточно и немногих сжатых сведений.

В то время как грот Катта-Курган лежит у дна долины Турган-Дарьи, а другие гроты немногим выше, Тешик-Таш находится очень высоко, на границе той зоны, где исчезают сплошные арчевые заросли и отдельные кусты арчи стелются у самой скалы. Этот грот вообще является наиболее высокорасположенным палеолитическим поселением не только в Средней Азии, но и в Союзе (около 1500 м). Он находится в узком и глубоком ущелье Заутолош-Дара, в левой его стене, и открывается к СВ широкой дугообразной аркой, достигающей в высоту 7 м. Глубина грота 21 м, ширина у входа 20 м. В момент начала раскопок площадка грота плавно поднималась вверх, к скалистому уступу — барьеру, отделяющему ее от внутренней, небольшой по размерам, части грота, куда не проникают лучи солнца.

Раскопками были обнаружены в гроте пять культурных слоев, разделенных „стерильными“, т. е. не содержащими культурных остатков горизонтами.

Культурный слой представлял обычную более или менее тонкую прослойку углисто-черного цвета, что объясняется, как известно, примесью мельчайших частиц древесного угля и, очевидно, разложившихся органических веществ. Он был связан с желтым глинистым пластом, в котором имелось много щебенки и крупных камней.

Стоило снять культурный слой и пласт, в котором он находился, как под ним сразу же обнажилась ровная поверхность стерильной прослойки, представляющей там, где она была хорошо выражена, глинистый пласт желтовато-бурого цвета, плотной, мелкослоистой структуры. В нем ясно было заметно чередование более мелких, относительно тонких и толстых, светлых и темных прослоек. Камни и даже щебенка отсутствовали. Мощность стерильных прослоек, как и культурных слоев, была различной, причем наибольшей толщины достигал первый сверху слой. Общая мощность наслоений грота, содержавших культурные остатки, включая и стерильные прослойки, не превышала 1,2—1,5 м. Они подстилались грубой, слабо окатанной щебенкой, которая лежит прямо на скале.

В культурных слоях грота в 1938 г. было обнаружено 9989 костей животных, 2360 обработанных камней (из них 209 орудий), а в 1939 г.—271 кремь и много костей животных, в том числе мелких.

Основным материалом для изготовления орудий служил местный кремнистый известняк, в котором встречаются желваки и прослойки темносерого, почти черного цвета, плотной структуры, достаточно твердые, хорошо поддающиеся раскалыванию и обработке ретушью. Кремь встречается здесь исключительно редко. Вместо кремня для изготовления лучших изделий применяли яшмовидную породу зеленого цвета, кварцит и породу вулканического происхождения серовато-черного цвета. О недостатке хорошего материала наглядно свидетельствует широкое применение обыкно-

венного кварца, грубые обломки которого и отщепы встречаются во всех слоях.

Несмотря на отсутствие хорошего материала, техника обработки камней не имеет особого отпечатка грубости и по всем признакам обнаруживает связь с техникой обработки камня, характерной для классических памятников развитого мустье.

Наличие кремнистого известняка, добывавшегося в любых количествах неподалеку от грота (возможно, даже в самом ущелье), обусловило относительное обилие отбросов производства и нуклеусов, известных десятками; последние представлены как грубыми, неправильно-дисковидной формы, небрежно ограненными образцами, так и классическими для мустье двусторонне-дисковидными. Здесь же встречаются использованные до конца „отработанные нуклеусы“.

Заготовки для орудий представлены многочисленными отщепами, снятыми с таких дисковидных нуклеусов. Отщепы обладают часто довольно правильной треугольной формой. На большинстве из них ясно видна, характерно изогнутая, извилистая, плоская и широкая ударная площадка, круто скошенная по отношению к длинной оси отщепа. На площадках некоторых отщепов или пластин, так же, как и на изготовленных из них орудиях, имеются дополнительные фасетки — следы предварительной подправки нуклеуса, с которого они были сняты. Ударный бугорок, обычно сильно выпуклый и массивный, имеет резко выраженную метку от удара. Во многих случаях ударный бугорок находится не на одном из двух концов отщепа или пластины — вдоль ее длинной оси, а сбоку. Известно, что наличие последнего признака не является показателем вторичной обработки отщепа, а связано с особым техническим приемом отделения пластин от ядрищ, свойственным памятникам с традициями архаической техники.

Пластины в ряде случаев имеют на одной из своих верхних граней следы естественной корки, показывающей, что они скалывались при начальном отсеке большого и грубого куска камня, первичного нуклеуса, чаще всего имевшего вид плитки, удлинением очертаниям которой соответствовали размеры и форма пластины-скола. Есть и отдельные, очень правильные по очертаниям, плоские и длинные, но всегда относительно широкие пластины с одним или даже двумя ребрами на спинке. При всей правильности своей формы такие пластины имеют характерно скошенную широкую и плоскую ударную площадку и массивный ударный бугорок, расположенный наискось, а не вдоль длинной оси пластинки.

Часть наиболее широких и массивных пластин сильно напоминает пластины Леваллуа. Их верхняя сторона покрыта широкими плоскими фасетками, направленными от краев к центру.

Что касается орудий из камня, то при внимательном просмотре нетрудно убедиться, что и нуклеусы в значительной своей части являлись не только материалом для изготовления орудий, но и самим орудием. На многих нуклеусах хорошо видны следы употребления в виде выбоин и зазубрин на острых краях, а также признаки преднамеренной подправки их. Кроме того, из всей массы нуклеусов и нуклевидных кремней выделяются специальные предметы, которые можно объединить в две группы: рубящие орудия и скребла. Наибольший интерес представляют изделия первой группы: массивные, подтреугольных, удлинено-овальных или миндалевидных очертаний, с острыми волнистыми лезвиями и линзовидным сечением. Один конец их обычно утолщен, другой заострен. Подобные изделия, как известно, нередки на поселениях мустьерского времени. В одних случаях они являются отработанными дисковидными нуклеусами; в других — приготовлены намеренно и по своей технике вполне сходны с „ручным рубилом“, т. е. обтесаны с обеих сторон.

Среди остальных находок в Тешик-Таше есть и еще более яркие образцы грубых рубил, специально изготовленных из галек приемами двустороннего отесывания.

Скребки и скребла обыкновенных для мустье типов оформлены на

массивных отщепах или плитчатых обломках характерной мустьерской ступенчатой ретушью, иногда с нависающим сверху карнизом. Имеются скребла с прямым и выпуклым лезвием по одному краю. Следующая и наиболее характерная категория каменных орудий — остроконечники. Все они небольшого размера; выделялись из широких треугольных пластин, сколотых с дисковидных нуклеусов. Ретушь, так же, как и на скребках, нанесена только на одной стороне — спинке. Форма обычная — подтреугольная.

Один остроконечник отличается клювовидно-изогнутыми очертаниями. Внешний край его дугообразно-выпуклый, утолщенный и обработанный крутой ретушью, приспособлен для упора пальцев. Он явно представляет собой спинку. Противоположный, вогнутый край — острый и тонкий, обработан мелкой тщательной ретушью. Нет сомнения, что здесь мы имеем настоящее режущее острие — нож.

В качестве ножей применялись без особой обработки крупные пластины правильной формы. Они часто имеют по краям зазубрины и выбоины. Некоторые из них обработаны вдоль обоих краев со стороны спинки тщательной ретушью. На некоторых отщепах и массивных пластинах встречаются следы сколов резцового типа, превращающих их в грубые орудия типа бокового резца.

Должны быть отмечены, кроме того, и галечки со следами ударов, с затупленными и волнообразно-сбитыми краями. В них естественно видеть гальки — отбойники, употребляющиеся при изготовлении каменных орудий.

В отличие от таких мустьерских памятников, как например, Чокурча (Крым), в Тешик-Таше не найдено настоящих костяных орудий. Тем не менее, на многих костях встречаются надрезы, царапины и штрихи, произведенные рукой человека при помощи каменных орудий (при отделении мяса или сухожилий от костей). Царапины или штрихи располагаются обычно группами — на длинных костях в поперечном направлении, около эпифизов, на лопатках — у гребня и около эпифизов. Среди костей животных из слоев Тешик-Таша, начиная с первого, есть настоящие „наковаленки“ — ретушеры, столь характерные для мустьерских памятников и непосредственно связанные с техникой нанесения „контрударной“ мустьерской ретуши. Далее заслуживают внимания обломок трубчатой кости со срезанным (?) концом и длинный осколок метаподы козла, конец которого намеренно приострен и превращен в шиловидное острие.

Особо следует упомянуть лишь два крупных массивных „скребла“, отесанных с обеих сторон и обладающих крутыми лезвиями (второй сверху культурный слой), а также грубое рубильце и изящный остроконечник из зеленой яшмы (четвертый слой).

Рассматривая инвентарь грота Тешик-Таша в целом, следует, таким образом, признать, что он обладает как по формам изделий, так и со стороны техники обработки камня всеми основными чертами, свойственными памятникам развитого мустье. Наиболее близкие аналогии для этих находок мы встречаем как на Кавказе и в Крыму (например, нижний слой Ахштырской стоянки по раскопкам С. Н. Замятнина, нижний слой грота Шайтан-Коба — по раскопкам Г. А. Бонч-Осмоловского), так и дальше на Ю — в Южном Курдистане (грот Hazar-Merd) и в Палестине (пещера Et-tabun и другие, исследованные Д. Гаррод и ее сотрудниками).

Обитатели грота были охотниками. Основным объектом их промысла являлся сибирский горный козел (*Capra sibirica*). Из общего числа определенных костей козлу принадлежит подавляющее большинство: 649 из 667. Найдены также кости лошади, кабана, леопарда, оленя, птиц и мелких грызунов.

Относительно высоко развитому охотничьему промыслу соответствует общий характер грота, как места обитания мустьерских охотников. Многочисленные находки в гроте свидетельствуют о более или менее постоянном пребывании в нем человека, о периодическом возвращении его в грот даже и после длительных перерывов. Люди жили, как мы видели, под прикрытием скалистого свода на площадке грота, где горели очаги, вокруг

которых рассеяны кости съеденных животных, отбросы от производства каменных орудий и сами орудия, обслуживавшие потребности мустьерского охотника. И в данном отношении находки, сделанные в гроте Тешик-Таш, отражают черты быта людей среднего палеолита, известные по другим пещерным памятникам этого времени.

Самой замечательной находкой в Тешик-Таше оказались остатки человеческого скелета: череп человека, ребра, ключицы, а также несколько длинных костей конечностей, перекрытых первым сверху культурным слоем и залегающих в стерильной глине. Вокруг человеческих костей располагались пять пар мощных козлиных рогов, три пары которых сохранились целиком.

Человеческие кости из Тешик-Таша принадлежали ребенку 7—8 лет, который, по мнению антропологов, в полной мере обладал морфологическими чертами неандертальской расы. Таким образом в гроте обнаружены не только следы деятельности человека мустьерской эпохи, но и костные остатки одного из его древних обитателей.

Грот Амир-Темир находится неподалеку от Тешик-Таша, в ущелье (сае) того же названия, и издавна пользуется суеверным почитанием благодаря своему названию. У входа в него до сих пор стоит высокая священная арча. Она выросла, по словам стариков — жителей кишлака Мачай, из сухой трости, воткнутой в землю Тимуром. В глубине же грота, по их мнению закопаны „пушки и сабля“ Тимура. Грот напоминает собой гигантскую щель, открытую на СВ. Сверху над ним возвышается громадный скалистый уступ. Далеко внизу лежит долина Турган-Дарьи. Перед гротом неглубокая долина сая, усыпанная обломками скал, поросшая арчей и скупой растительностью горных склонов. Потолок грота низко нависает над полом; в середине грота стоят лужи воды, натекающие со свода. В глубину грота уходят темные разветвления. В нем всегда сыро и прохладно.

В 1939 г., в связи с геологическими наблюдениями, производившимися в районе Тешик-Таша С. П. Эпштейном, в гроте Амир-Темир нами были произведены небольшие разведочные раскопки, позволившие полнее уяснить характер культурных отложений грота.

В гроте обнаружены три основных культурных слоя.

Первый слой залегал в непосредственной связи с верхними рыхлыми зольными отложениями, имевшими „ленточную“ структуру и явственно расчленявшимся на две более темных прослойки с находившейся между ними более светлой. С нижней частью зольного слоя связана находка четырехгранного пирамидального наконечника стрелы без шипов, но с длинным тонким черенком, и фрагмента большого глиняного сосуда грубой выделки, с широкой боковой ручкой.

Второй (неолитический?) культурный слой залегал глубже, уже в глине, богатой щебенкой, причем, однако, не везде можно было установить его точную границу с первым. Этому слою принадлежало и огнище, обнаруженное шурфом в 1938 г. Как и тогда, здесь вновь были обнаружены каменные изделия: пестик-курant для зернотерки в виде цилиндрического камня, отщепы, широкое и очень грубо выполненное овальное скребло большого размера и, наконец, серия больших нуклевидных изделий своеобразной формы. У очага и в особой ямке оказались кости домашних животных, преимущественно козла. Найдена также керамика — грубая, лепная, толстостенная. На многих фрагментах сосудов изнутри прослеживаются характерные отпечатки грубой ткани.

Наконец, на глубине около 1 м от поверхности был обнаружен ярко выраженный третий культурный слой в виде скопления угля, т. е. типичное кострище шириной около 1—1,5 м. В кострище местами великолепно сохранились древесные угли и в том числе один, поразительно напоминающий фрагмент деревянного, тщательно обрезанного острым предметом изделия.

Изделия из камня представлены только очень грубыми отщепами из темносерого кремнистого известняка, слегка оббитыми желваками известняка, скреблом, нуклеусами (в том числе один хороший двусторонне-диско-

видный экземпляр). Один из массивных желваков несколько напоминает рубило и, возможно, являлся заготовкой. Скребло, большое и тяжелое, изготовлено из плитки известняка. Обе стороны его сохранили в целости естественную поверхность, а один край обработан в виде дугообразного лезвия. Этот рабочий край оформлен широкими и крутыми фасетками; местами у края есть дополнительные фасетки вторичной ретуши. Само по себе лезвие смято, имеет зазубрины и даже в некоторых местах залощено в процессе употребления.

Совершенно такие же по технике обработки, по форме и размерам скребла обнаружены в мустьерских отложениях Тешик-Таша.

В этом же слое Амир-Темира найден массивный нуклеус из кремнистого известняка, очень сходный с нуклеусом из верхнего культурного слоя Тешик-Таша. Он имеет приготовленную одним сильным ударом ровную площадку и покрыт широкими фасетками сколов. По форме этот нуклеус в известной степени напоминает призматические нуклеусы, хотя и несравненно грубее, примитивнее любого из подобных орудий, известных в верхнем палеолите.

Фауна мустьерского слоя Амир-Темира, несмотря на ее скудость, как и следовало ожидать, близка к фауне Тешик-Таша (горный козел — *Capra sibirica*). В отличие от Тешик-Таша, Амир-Темир служил, повидимому, не постоянным, а временным убежищем для людей мустьерского времени. В тонком культурном слое грота очень мало костей животных, столь обильных в Тешик-Таше. В нем немного отщепов, а грубооббитые желваки известняка, как уже сказано, напоминают скорее заготовки. Низкий и сырой грот, несмотря на его огромные размеры, был неудобен для жилья, и естественно, что люди предпочитали ему соседний Тешик-Таш, высокий, относительно более сухой и светлый.

Сырь в гроте, вместе с тем, обеспечила и хорошую сохранность древесного угля в палеолитическом кострище, исследование которого позволит полнее представить природные условия того времени.

Таким образом в гроте Амир-Темир обнаружены следы различных культур, древнейшей из которых является мустьерская, наиболее близкая к находкам из верхних слоев Тешик-Таша.

Если верховья Турган-Дарьи, в особенности район Мачая, благодаря благоприятным естественно-географическим условиям являются узлом, где густо сконцентрированы пещерные поселения каменного века (причем некоторые из них посещались людьми на разных этапах этого периода), то несомненно, что сходные условия могут быть встречены и в других местах. Таковы в первую очередь ближайшие окрестности г. Байсуна, а затем, район селения Курганча.

Вблизи Байсуна остатки древних пещерных поселений найдены в трех местах: в гротах Курган-Дара, Искандер-Хана и Темир-Ульдэ.

Грот Искандер-Хана, связанный своим громким именем с Александром Македонским, имеет очень скромные размеры и не производит большого впечатления. Это небольшая ниша в вершине Искандер-Сая, одного из небольших саев, пересекающих пологий склон известняковой возвышенности над кишлаком Сары-Ассия в 6—7 км к СВ от г. Байсуна. В нем при попытке заложить небольшой шурф были встречены обломки костей: зуб человека и отщеп (?), а также грубая керамика. Возраст и характер этих находок, естественно, удастся установить точно лишь после обстоятельных раскопок.

Грот Курган-Дара находится при самом начале длинного и глубокого ущелья того же названия. Круто опрокинутые пласты гигантской складки юрских известняков образуют здесь по сторонам русла ручья два высоких грота. На дне их имеются рыхлые галечные отложения. В гроте слева обнажены размывом две темных прослойки с мелкими древесными угольками, первая — на глубине 50 м от поверхности; вторая — на уровне 150 см. В последней прослойке, кроме угольков, найдены обломки раздробленных трубчатых костей животных, отщепы из грубого кремнистого известняка и скребло

из того же неблагоприятного материала. Скребло изготовлено из массивного и плоского куска камня, у которого довольно тщательно с одной стороны оббит край.

Грот Темир-Ульдэ находится в небольшом ущелье; сохранилась, видимо, только его часть; свод обвалился, а площадка (общим протяжением не меньше 60 м) засыпана. В нижней ее части (по саю) мощность этих позднейших отложений достигает 5—8 м. В обрывистом склоне осыпи, тем не менее, довольно ясно виден мощный культурный слой, который тянется почти на всем протяжении площадки. Этот слой почти сплошь состоит из зольной массы с прожилками сильно разрушенного древесного угля и достигает местами 30—50 см. В нем рассеяны кости и обработанные камни, в том числе обломок тонкой ножевидной пластины из черного, хорошего по качеству кремня, большое и массивное скребло с выпуклым рабочим краем, сделанное из кремнистого известняка.

Замечательно, что еще глубже, в рыхлой толще, состоящей из совершенно выветрившегося известняка, найдены древесные угли и грубо ретушированный кремь.

Верхний культурный слой грота Темир-Ульдэ по своему характеру напоминает верхний слой Мачайской пещеры Катта-Курган. Нижний слой, очевидно, древнее. Раскопки этого грота обещают, таким образом, дать много интересного.

Кроме того, поблизости от грота Темир-Ульдэ, между гротом Шапарак-Хана и кишлаком Сары-Ассия, вдоль тропы на пашне были обнаружены обломки кремнистого известняка с признаками обработки. Один из них оказался нуклеидным изделием совершенно такого же типа, какие были найдены во втором культурном слое грота Амир-Темир. Возможно, следовательно, что здесь производилась первичная обработка кремня или была первая для данного района стоянка под открытым небом.

Большие надежды можно возлагать на район кишл. Курганча. Его окрестности славятся обилием больших пещер. В 1939 г. сотрудник экспедиции А. С. Кахаров, посетивший окрестности Курганча, собрал интересные сведения об этих пещерах, а также доставил, хотя и небольшой, но интересный материал.

Самая известная из пещер находится на расстоянии 250—300 м от кишлака Курганча и называется Бут-Хана, т. е. капище, языческий храм. Она расположена в южной стене ущелья на высоте около 80 м; высота арки грота достигает примерно 30—40 м. В середине грота раньше находился видный издали предмет, напоминавший лежащую фигуру человека. Грот вообще недоступен; но недавно один смельчак из курганчинцев с риском для жизни проник туда и сбросил вниз „идола“, оказавшегося большим древесным пнем оригинальной формы.

Недоступна и другая пещера вблизи Бут-Ханы.

Третья пещера, Казак-Гузар, по описанию А. С. Кахарова, обладает признаками карстового происхождения. Она тянется далеко вглубь скалы и образует высокое сводчатое помещение. В шурфе у входа под мелким щебнем встречен очажный слой. В гроте найдены были также кости животных, часть которых носит следы обработки: одна из них превращена в желобчатое долото, из другой сделано изящное долотцо небольшого размера.

Местному населению известны также небольшие пещеры: Ходжа-Гур-Гур (в числе семи), Ходжа-Кагах, Зай, Кзыл-Су, причём названными, конечно, не исчерпываются все пещеры в Курганчинском сельсовете. Здесь необходимо произвести археологические разведки.

* * *

В итоге отмеченных выше разведочных исследований и раскопок в районе Древнего Термеза и прилегающих к нему горных районов получены исключительно интересные материалы по каменному веку.

Наибольшее значение имеют, конечно, материалы мустьерских отложений Тешик-Таша и Амир-Темира.

Благодаря раскопкам в них мы обладаем теперь не только драгоценным собранием каменных орудий и фаунистических остатков вместе с остатками самого неандертальского человека, но и яркой картиной жизни древнейших обитателей Средней Азии.

В ее прошлом впервые открывается целая эпоха, огромная по своей длительности и историческому значению.

Следует также считать установленным, что за средним палеолитом и здесь следовал верхний палеолит или мезолит, мало изученные памятники которого могут еще дать много неожиданного.

Наконец, ряд памятников, повидимому, охватывает и более позднее время — до позднего неолита или ранней бронзы включительно.

Для того, чтобы эта схематическая картина смены хронологических этапов первобытного прошлого приобрела полную ясность и четкость, в интересах дальнейшего развития советской исторической науки нужно неуклонно продолжать столь удачно начатые исследования по каменному веку в Термезском районе.

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ АЙРТАМ

Области, расположенные по правому берегу среднего течения Аму-Дарьи, входили в состав среднего Тохаристана и в первые века н. э. составляли часть владений так называемой великой империи кушанов, включавшей в себя, кроме земель, граничивших на С с Согдианой и на З с Парфией, еще и большую часть Афганистана, северо-западную Индию и юг Восточного Туркестана.

Первыми правителями этой обширной империи принято считать в исторической науке Кадфиза I, Кадфиза II и Канишку. Они объединили под своей властью кочевые народности юэ-чжи, известные под другим названием кушанов, вышедших во II столетии до н. э. с Дальнего Востока, от границ Китая.

Особое внимание уделено в буддийской назидательной литературе Канишке. С именем его связано огромное количество живущих далеко за пределами Индии — в странах Тибета, Монголии и Китая — легенд, приравняющих его по значению для буддизма к Ашоке — одному из царей династии Маурья, объявившему буддизм государственной религией и построившему, согласно преданию, несколько тысяч монастырей. Канишка, по данным буддийской литературы, представляется ревностным приверженцем и распространителем буддизма и щедрым покровителем буддийских религиозных учреждений. В своей зимней столице Пурушапуре (современный Пешавар в Северо-Западной Индии), в Матхуре и в летней резиденции в Афганистане — Паитаве (современная Каписа) по его распоряжению якобы было построено большое количество буддийских храмов — ступ и монастырей — сангхарам и вихар. Во времена правления кушанов целый ряд таких монастырей возник вдоль древних торговых путей, соединявших Индию со странами Востока и Запада. Эти монастыри выполняли, таким образом, роль своего рода торговых факторий, способствующих развитию мировой торговли.

Раскопками французских и английских ученых в Индии (1), Афганистане (2) и в пределах Восточного Туркестана (3) обнаружен целый ряд памятников, в которых перекрещиваются элементы эллинистической, индийской и иранской культур, свидетельствующие о том, что в древности эти страны жили одной общей жизнью.

Самым известным из архитектурных памятников, построенных Канишкой, был большой ступа возле его столицы Пурушапуры в *Shāh-jī-kī Dherī*, который, по описаниям китайских паломников, видевших его уже в переделанном виде, считался одним из чудес мира. Он покоился на пятиэтажном основании и состоял из 30 украшенных деревянной резьбой этажей, увенчанных высокой металлической колонной с 25 золочеными зонтиками. Высота его равнялась 638 футам. Раскопками, произведенными на этом участке, было открыто место его нахождения и установлено, что общий диаметр этого здания равнялся 285 футам, что характеризует его как крупнейший памятник этого рода в Индии (диаметр основания ступа в Маникяле равен 160 футам). Здесь же был найден известный золоченый реликварий с изображением самого Канишки и надписью, упоминающей его имя — *maharaja Kanishka* и имя мастера — грека Агесилая. Возле Пеша-

вара находился и знаменитый построенный Канишкой монастырь Сангхарама, имеющий стороны по 200 метров и укрепленный по углам четырьмя башнями. Этот монастырь являлся местом буддийского образования и процветал до IX в. н. э.

Другой архитектурный памятник, обнаруженный раскопками в *Māt* — селении, находящемся неподалеку от Матхуры, — ввиду нахождения там подписных каменных статуй кушанских правителей характеризуют, как часовню кушанских царей. Среди монастырей, построенных Канишкой, также пользовался большой славой монастырь в его летней резиденции — Паита-ве, где в 1924 г. производил раскопки французский ученый Ж. Акэн.

Особенное значение для характеристики кушанского искусства имеет город Матхура, достигший в первые века н. э. при кушанских правителях (Канишке, Хувишке и Васудеве) большого культурного развития. Из этого города происходит больше подписных и датированных памятников, чем из какого-либо другого города Индии. Если в Гандхаре мы насчитываем 19 подписных памятников, из которых только 4 датированных, то в Матхуре мы имеем значительно большее их количество. В подавляющем большинстве они относятся к кушанской эпохе, что дает нам возможность с большей долей вероятности ориентироваться в массе других безымянных памятников, найденных в других местах.

Особый интерес имеют для нас упомянутые выше статуи кушанских правителей (все они, к сожалению, лишены голов), найденные в 1911—1912 гг. возле селения *Māt*, на левом берегу Джумы. Одна из них, согласно надписи, принадлежит самому Канишке. Две другие, по мнению Фогеля (4), можно приписать также кушанским правителям — одну из них, возможно, Кадфизу, а другую — какому-то западному сатрапу *Castana* (5) из *Ujjainī*.

Кроме Матхуры, памятники кушанского искусства найдены и в целом ряде других мест Индии (*Basarh*, *Sarmath*, *Pataliputra* и др.), а также в Кашмире и во владениях Канишки, расположенных в Хотане. Следует отметить происходящий из городища Иоткан глиняный кувшин с наклепными рельефными фигурами, отмеченный надписью карошти, упоминающей Канишку (6).

Распространение буддизма в Средней Азии, на основании ряда свидетельств китайских источников, обычно связывают с правлением кушанов. В первые века н. э. в областях, лежащих в бассейне Аму-Дарьи, буддизм считался уже господствующей религией и продержался там дольше, чем в других городах Средней Азии — до самого арабского завоевания.

Еще до Октябрьской социалистической революции по правобережью Аму-Дарьи находили большое количество различных памятников, по преимуществу монет и мелких скульптурных изображений, часто сделанных из драгоценных металлов — золота и серебра (фигурки людей и животных), среди которых попадались и памятники, относимые к греко-буддийской культуре (7). Находки эти носили обычно чисто случайный характер; многие из них бесследно исчезли, не получив должного определения и научного освещения; многие до сих пор не выявлены. Но уже и этот случайный, разрозненный материал, находимый в упомянутых областях, свидетельствовал о наличии здесь большого количества памятников, связанных с буддизмом и относящихся к наиболее темному и неизученному в истории Средней Азии — дофеодальному периоду. Только при советской власти этим областям было уделено серьезное внимание, и они сделались объектом специальных научных исследований. Уже экспедиция Музея восточных культур и Средазкомстариса, проводившая в 1927 г. научное обследование Древнего Термеза, выявила там ряд греко-буддийских памятников, ошибочно отнесенных тогда к IV—VII вв. н. э. Соответствующий корректив внесли работы ТАКЭ, с непреложной очевидностью установившие наличие на возвышенностях Кара-Тепе и Чингиз-Тепе двух крупных древних буддийских монастырей и зарегистрировавшие десятки пунктов с находками каменных фрагментов греко-буддийской архитектуры и скульптуры.

Среди них особое место занимает городище Айртам. В нашем распоряжении нет абсолютно никаких исторических источников, относящихся к этому городищу. Наиболее подробное упоминание об этом районе за дофеодалный период мы встречаем у китайского паломника VII в. Сюань-Цзана, но он остановил свое внимание, главным образом, на Термезе, как наиболее значительном пункте того времени, в районе которого он упоминает о существовании более десятка буддийских монастырей с более чем тысячью монахов, ступа и чтимых изображений будды (8). Правда, к СВ от Термеза Сюань-Цзан упоминает еще два буддийских монастыря во владении Tchi'go-уеп-па, но ни подробного их описания, ни точного их местоположения он не указывает.

Ничего, к сожалению, не дает и расшифровка самого названия городища — Айртам, что в переводе означает „развалины дома“, т. е. просто развалины. К тому же, название это является позднейшим и имеет, можно сказать, чисто нарицательный характер, будучи приложимо, как отмечает М. Е. Массон, и к целому ряду других развалин в разных местах Средней Азии.

История изучения городища Айртам очень коротка. Начинается она с археологической разведки, произведенной здесь впервые в 1933 г. М. Е. Массоном, обратившим на городище особое внимание после находки возле указанного городища на берегу Аму-Дарьи каменной плиты с изображением музыкантов (9).

Городище Айртам находится в 17 км от Термеза и лежит на древнем пути из Термеза в припамирские страны. Оно расположено на правом обрывистом берегу Аму-Дарьи вблизи древней переправы через нее. Городище состоит из возвышенного тепе, вытянутого с ЮЗ на СВ и окруженного с трех сторон стенами, от которых теперь остались оплывшие валы, и остатков окружавшего его поселения. С западной стороны находятся три сильно разрушенные в настоящее время башни, сложенные из сырцового кирпича вперемежку с пахсовыми блоками. Фрагменты глиняной посуды встречаются и за стеной городища и по обе стороны дороги, доходя на С почти до возвышенной гряды холмов, в которую постепенно переходит прилегающая к реке равнина. На склонах этих холмов можно предполагать существование такого же типа пещерного монастыря, какой был обнаружен раскопками 1937 г. в Кара-Тепе. Несколько восточнее городища, возле дороги, находятся развалины сырцового здания башенного типа, повидимому, буддийского ступа, подле которого в 1933 г. была обнаружена древняя керамическая печь.

В 1933 г. М. Е. Массоном было заложено два разведочных шурфа на возвышенном тепе. Первый шурф в южной его части над самым обрывом обнаружил основание цоколя пилона, облицованного каменными плитами; возле него были найдены и шесть продолговатых каменных плит скульптурного фриза с фигурами музыкантов и гениев, приносящих дары, к которому принадлежала и поднятая в 1932 г. на берегу Аму-Дарьи каменная плита.

Второй шурф, заложенный несколько севернее пилона, обнаружил прямоугольное в плане и сложенное из сырцового кирпича помещение с остатками белой штукатурки на стенах и с прямоугольным, также покрытым белой штукатуркой, постаментом в центре его, на котором, очевидно, находился сброшенный каменный реликварий, найденный в северо-восточном углу. Тут же на полу помещения были найдены трехчетвертная большая каменная база, каменные карнизы, несколько фрагментов алебастровых статуй (ухо с длинной мочкой, части пальцев, фрагменты темени с окрашенными черными волосами и небольшой фрагмент складок одежды) и несколько алебастровых же архитектурных деталей (фрагменты аканта).

Резкое отличие штукатурки, покрывающей тонким слоем нижнюю часть стен раскопанного помещения (условно названного М. Е. Массоном „Святилищем“), от более грубой алебастровой штукатурки, в несколько слоев

покрывающей верхнюю их часть, а также наличие в нем второго пола, находящегося на 60 см выше первоначального, дали основание М. Е. Массону сделать вывод, что раскопанное здание пережило, очевидно, 2 периода своего существования и окончательно было разрушено уже при исламе, когда подвергались осквернению и изуродованию находившиеся там статуи и фигурный фриз.

М. Е. Массон предварительно определил это здание, как буддийский монастырь или дворец правителя с культовым помещением и датировал I в. н. э., отметив при этом восточно-эллинистический характер в трактовке горельефных фигур музыкантов фриза, напоминающего произведения гандхарского искусства, и в то же время указав на наличие в нем особенностей, характеризующих индийскую школу скульптуры.

Разведка 1933 г. в Айртаме, кроме установления важного самого по себе факта нахождения в пределах Средней Азии архитектурного памятника греко-буддийской культуры, открываемого здесь впервые, определила и значение этого памятника для более точной датировки подобных же памятников соседнего Термеза. Произведенное на городище Айртам исследование установило наличие здесь более или менее однородного материала, не усложненного, как в Термезе, позднейшими наслоениями и имеющего, таким образом, особо важное значение при установлении комплекса предметов материальной культуры, бытовавших здесь в дофеодальный период.

Все эти соображения и послужили причиной включения раскопок на Айртаме в план работ ТАКЭ 1937 г. в качестве отдельного специального задания и организации там специального отряда в составе М. И. Вязьминой (начальника), И. А. Сухарева, а после его отъезда — А. С. Кахара.

Раскопки 1937 г. захватили площадь в 288 м², на глубину 3—4 м, в северо-восточной части тепе, примыкающей к обрыву; в нее были включены и разведочные шурфы 1933 г. Разбивка на квадраты производилась с расчетом на возможность продолжения здесь дальнейших исследований. Указанную площадь в силу различных причин не удалось раскопать полностью: открыта только одна часть здания, состоящая из целого ряда помещений культового и служебного характера, план которых усложнен позднейшими переделками и добавлениями, о чем свидетельствуют различные размеры кирпича, их состав, характер связующего вещества и другие моменты, противоречащие первоначальному архитектурному замыслу. Поэтому полученные результаты еще не дают возможности составить цельного представления о плане этой постройки.

Обнаруженная часть здания помещается на западной стороне, занимая $\frac{2}{3}$ всей раскопанной площади. В восточной части площади остатки обрушенного сырцового здания встречены только на ее южной, наиболее возвышенной и примыкающей к обрыву стороне. Часть сложенного из сырцовых кирпичей здания на западной стороне площади разделяется ориентированной с С на Ю продольной стенкой в $3\frac{1}{2}$ кирпича на два вытянутых прямоугольника, ограниченных в свою очередь стенами, внутренняя часть которых ясно прослеживается в западном прямоугольнике. Что же касается восточного, то здесь стена только намечается в южной его части благодаря небольшому обвалу под продольной контрольной перемычкой, ограничивающей восточный прямоугольник с В. В средней своей части намеченная стена, повидимому, сильно нарушена здесь мусорной ямой, образованной позднее, на дне которой была найдена целая глиняная водопроводная труба [дл. — 45 см, диам. — 15 (отв. — 9) см и 13 (отв. — 9) см].

Оба указанные прямоугольника поперечными стенами-перегородками разделяются на целый ряд небольших по размеру помещений. В восточном прямоугольнике, очевидно, были размещены служебные помещения; в северной части находилась кухня, как это можно судить по остаткам очагов (10), а в южной, судя по огромным глиняным корчагам-ямам (сохранившимся только в нижней своей части), повидимому, кладовая. Оба эти помещения отделяются одно от другого поперечной стеной в $3\frac{1}{2}$ кир-

нича, причем и то и другое в свою очередь разделяются поперечными же перегородками на две половины. В кухонном помещении перегородка (толщиной в 1 кирпич) сложена из кирпича, по размерам отличающегося от кирпича западной стены явно позднейшего происхождения. Она расположена под углом (4 кирпича в южной стенке и 3 кирпича с западной стороны) и образует небольшую каморку южнее кухни и нишу, помещенную в „выемке“ (в $1\frac{1}{2}$ кирпича) западной стены (11).

Самую северную часть западного прямоугольника занимает храмовое помещение с прямоугольным постаментом в центре, открытое впервые разведкой 1933 г. Раскопками 1937 г. удалось более детально обследовать это помещение, продолжив раскопки к Ю от поперечной перегородки, и связать его в одно целое с пилоном, соединенным, как оказалось, одной с ним общей западной стеной, покоящейся на двухъярусном пахсовом фундаменте, выступающем внутрь небольшой ступенькой. Этот фундамент продолжается и под цоколем пилона и лежит на глубоком слое серого песка, на котором находится все здание (быть может, песок служил здесь специальной подкладкой под здание, предохраняющей его от землетрясения). Под северной стеной храмового помещения, как показал разведочный шурф, проложенный у самого ее основания, удалось обнаружить уже пять рядов пахсового фундамента, идущих на глубину более 133 см и слегка свисающих один над другим.

Кроме указанной поперечной перегородки, в храмовом помещении обнаружена и вторая продольная перегородка в 1 кирпич (разм. 33 см сторона), начинающаяся непосредственно от первой (несколько отступя от восточной стены), идущая прямо на Ю и образующая с В нечто вроде длинного коридора, очевидно, также позднейшего происхождения. Западная продольная стена храмового помещения после поперечной перегородки заходит несколько внутрь и находится на одной прямой с восточным обрезом пахсового фундамента цоколя пилона, который является как бы продолжением этой стены. В южной части этого помещения намечается западная щековая часть входа в него.

Параллельно с южной частью восточной стены на одном уровне с пилоном, в pendant к нему, обнаружена подстилка из щебня, но без пахсового фундамента под ним.

Сказать сейчас, каков был план передней части храмового помещения, еще трудно. Можно только отметить, что первоначально оно было более удлиненной формы. На это указывают два факта: во-первых, наличие щебня, служащего, повидимому, настилом для нижнего пола, вымощенного поверх щебня каменными плитами, — под позднейшей перегородкой и за ней (в самой южной части, прилегающей к пилону, сплошного настила уже не обнаружено); во-вторых, наличие в нижней части стен храмового помещения тонкого слоя белой алебастровой штукатурки и гораздо южнее — позднейшей поперечной перегородки, которая непосредственно в нее упирается. Относительно первоначального плана здания можно, кроме того, сделать вывод, что храмовое помещение одновременно с пилоном. На это указывает как наличие каменного щебня на полу храмового помещения и под плитами пилона, так и одинаковый материал их архитектурного оформления — плиты пилона, трехчетвертная база на полу храмового помещения, и, наконец, одинаковый уровень их нахождения.

На вопрос о том, какой вид имела передняя часть храмового помещения первоначально, нельзя дать уверенного ответа. Возможно, она являлась непосредственным продолжением северной части, образуя в плане удлиненный прямоугольник с постаментом, находящимся на противоположной от входа стороне, вокруг которого можно было совершать культовое обхождение (*pradaksina*), как это известно на примере индийской чайтья. Возможно также, что она имела более широкую в плане часть, служа своего рода преддверием храма (в котором мог помещаться и фигурный фриз с музыкантами), характерным для турфанских буддийских монастырей (12). Однако наличие длинной прямой стены (ограничивающей храмовое поме-

шение с В), идущей почти до самого обрыва, до некоторой степени противоречит второму предположению.

Трудно также сказать, какой вид имели перекрытия изучаемого объекта. Можно только предполагать, что небольшие узкие помещения были перекрыты коробовыми сводами; быть может, для них употреблялся жженный кирпич, находимый в раскопках. Большого размера квадратные помещения могли иметь плоское перекрытие или купольный свод с угловыми тропками или, наконец, с выступающими одна над другой верхними частями, как это мы видим в деревянных срубах, засвидетельствованных сводами буддийских пещер, открытых в Бамиане.

Что касается вопроса о назначении изучаемого объекта, то, кажется, есть основания считать его буддийским монастырем типа сангхарамы, который мог включать в себя, кроме помещения культового характера (таких могло быть несколько), общежития для монахов и целый ряд всякого рода служебных помещений, как кухня, кладовые и т. д. Мы знаем множество таких монастырей в Индии, Афганистане и в Восточном Туркестане. Подробные описания служебных помещений буддийских монастырей дают и китайские паломники, отмечая при этом, какое важное значение придавалось приготовлению пищи, всегда связанному с соблюдением известной ритуальной чистоты. Подобные монастыри часто владели большим количеством земель и деревень, доставляющих им необходимые запасы. Интересны в этом отношении упоминания китайского паломника Yi-tsing'a о находившейся в эксплуатации у монастыря Nalanda 201 деревне и Fa-hien'a — об обычае монастырей гравировать особые хартии на металлических пластинках (13). Кроме того, в монастырях имелся целый ряд всевозможных мастерских, изготовлявших для собственного потребления различного рода продукцию, часть которой, по всей вероятности, отправлялась на рынок. Обычно такого рода монастыри были хорошо укреплены и, будучи обеспечены необходимыми жизненными припасами и водой, хранению которой, несомненно, придавалось большое значение, могли выдерживать длительные военные осады. Общий характер городища Айртам, как нам кажется, вполне соответствует всем вышеупомянутым условиям.

Наиболее трудным является вопрос о времени возникновения на территории Айртама предполагаемого монастыря. Известными отправными пунктами для датировки данного объекта являются пока каменный фигурный фриз и найденная в храмовом помещении, несколько выше нижнего пола, бронзовая монета с изображением „Безымянного царя“ (14). Не имея еще достаточно определенных данных для точного разграничения отдельных периодов существования описываемого объекта, можно только, в виде грубой схемы, наметить в самых общих чертах 5 основных этапов.

Постройке на возвышенном тепе храмового помещения с каменным фигурным фризом, несомненно, предшествовал какой-то более древний период, о существовании которого можно судить только по остаткам, найденным под основанием пилон, как например, обожженным квадратным глиняным плиткам, очевидно, служившим для облицовки (разм. $31 \times 29 \times 4$ и $32 \times 27,5 \times 4$ см) и названным М. Е. Массоном „бактрийскими кирпичами“; по фрагменту более изящной выделки глиняной обожженной плитки с круглым рельефным медальоном, изображающим оленя с удлиненным треугольником над спиной, рассеченным продольными и поперечными линиями, и ряду фрагментов глиняной посуды, среди которой особенный интерес представляет конической формы бокал на невысокой профилированной ножке из темнорозовой глины, покрытой красноватым ангобом — наиболее ранний экземпляр подобного типа бокалов, находимых на территории Средней Азии (15).

Следующим периодом можно считать постройку храмового помещения, которое и явилось, пожалуй, ядром, объединившим вокруг себя монастырское поселение, основанное здесь, по всей вероятности, членами какой-то буддийской общины, выходцами из Индии. Подробное описание принадлежавшего храмовому помещению каменного фриза, украшенного горель-

ефными фигурами музыкантов и гениев, приносящих дары, дано в статьях М. Е. Массона (16), и потому укажем лишь на некоторые особенности, касающиеся его определения.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении фриза, это отмеченная уже М. Е. Массоном разнохарактерность его отдельных частей, указывающая на то, что в исполнении его принимали участие различные мастера. Возможно также, что отдельные его части были выполнены неодновременно и являются уже позднейшими добавлениями, быть может, во время ремонта и подновления здания.

Более художественным исполнением и самой лучшей сохранностью отличается плита с фигурами музыкантов. Остальные плиты более грубой работы, характеризуются большей сухостью и схематичностью трактовки. В целом фриз представляет собой сочетание разнообразных стилевых элементов. По своей композиции этот фриз напоминает эллинистические образцы: об этом говорят горельефные полуфигуры, выходящие из акантовых листьев, мотив акантов (кстати, закругленными контурами вырезом листа они более близки к римским, чем к греческим образцам), наличие угловых ионийских волют (17), в сочетании с акантами образующих на торцовых частях двух плит форму коринфской капители, и, наконец, известные характерные пропорции фриза. Фриз изображает музыкальный концерт, долженствующий услаждать слух Будды священной музыкой, и гениев, приносящих ему дары; из них на фризе особенно хорошо сохранились сленгиды (ритуальные повязки) — чисто индийского характера, очень часто встречающиеся на индийских рельефах, особенно в Гандхаре, а также в росписях Бамиана в Афганистане и Кызыла в Восточном Туркестане.

Обилие драгоценностей — серьги с длинными подвесками, двойные ожерелья, гривны, браслеты, диадемы, ритуальные повязки, шарф, перекинутый через плечи и заброшенный за руку, — является неотъемлемой принадлежностью индийского костюма; в то же время туники с короткими и длинными рукавами, широкие покрывала и плащи, наброшенные на голову или драпирующие туловище, как уже отметил М. Е. Массон, напоминают костюмы римской империи.

То же можно сказать и о музыкальных инструментах, изображенных на фризе. Часть из них можно определить как местные инструменты [это подтверждается находками в разных областях Средней Азии (18)], часть же, повидимому, иноземного происхождения. К инструментам местного происхождения мы прежде всего относим лютню (19), хотя следует оговориться, что этот инструмент имел чрезвычайно широкое распространение и встречается в скульптурных изображениях как раннего, так и более позднего времени не только в Средней, но и в Передней Азии, в Иране, Индии и Восточном Туркестане. На Айртамском фризе лютня имеет несколько своеобразную форму короба с перехватом посередине, что сближает ее с гитарой. Что касается двойной флейты и кимвалов (20), то возможно, что первая не была характерным среднеазиатским музыкальным инструментом и занесена сюда греками. Мы встречаем ее и в эллинистических статуэтках Афганистана [Хадда (21)] и среди ольвийских статуэток (22). Относительно кимвалов можно сказать, что они встречаются и в Восточном Туркестане [городище Иоткан (23)], и в Индии, где их употребление засвидетельствовано памятниками скульптуры только в V в. н. э. (24).

Повидимому, местным инструментом следует считать и арфу Айртамского фриза, где она изображена в форме треугольника (25), что резко отличает ее от индийской арфы, имеющей форму выгнутой арки (26) [с четырьмя, шестью и семью струнами], известной также и в Афганистане, и в Восточном Туркестане (27), куда она была занесена из Индии. Очевидно, в Средней Азии в первые века н. э. была в ходу иная, чем в Индии форма арфы. Интересно отметить, что рядом с описанной арфой в Средней Азии употреблялся барабан индийской народной формы с суживающимися кверху и книзу концами, как у богетба (28).

Обращаясь к изображенным на фризе персонажам, мы отмечаем, что они представляют собой либо чисто индийский тип с характерными для буддийских святых длинными мочками ушей и своеобразной прической (волосы уложены на темени плоским круглым узлом), либо отличный от них тип с круглым полным лицом, раздвоенным подбородком, невысоким лбом, прямо поставленными глазами и прямым греческим носом — быть может, тип местного населения.

Сравнение Айртамского фриза с аналогичными памятниками скульптуры приводит к выводу, что более всего он близок к произведениям Матхурской школы скульптуры времени первых кушанских правителей, когда она являлась крупным культурным центром и выработала свои местные особенности, отличающие ее от гандхарской школы, характеризующейся большой близостью к эллинистическим образцам.

Характерной особенностью Матхурской школы, сближающей с ней Айртамский фриз, является некоторая схематичность и угловатость в трактовке фигур, несколько резкая подчеркнутость в моделировке отдельных частей лица, без плавного перехода от одной части к другой (как это мы наблюдаем в произведениях гандхарского искусства), пластическая передача резко очерченных надбровных дуг, полный, несколько выдающийся вперед рот, подчеркнутая декоративность в трактовке волос.

Наиболее близкими к фигуре арфистки Айртамского фриза являются изображение *Nāgīti* из *Skarah Dheri* [87 г. н. э. (29)] и голова бодисатвы Мюнхенского музея, тоже происходящая из Матхуры [II в. н. э. (30)]. С фигурой *Nāgīti* сближает арфистку совершенно аналогичная трактовка прически с необыкновенно ритмически выписанными прядями волос, образующими над лбом небольшую выемку в форме сердца. Кроме того, у обеих фигур аналогична трактовка лица с прямым, резко отграниченным от плоскости щек носом и ртом и пластически трактованными изогнутыми дугами бровей. Последнее мы наблюдаем и у бодисатвы из Мюнхенского музея — черта, встречаемая, как отмечает *Vachhofer*, только в Матхуре и совершенно неизвестная в Северной Индии. Трактовка волос ровными бороздками также является характерной чертой матхурской школы. Сравнить хотя бы трактовку волос у фигуры буддийского типа, изображенной рядом с музыкантом, бьющим в кимвалы, Айртамского фриза и у женской фигуры под деревом — на матхурском рельефе (31).

Можно также указать аналогии и с другими фигурами Айртамского фриза, свидетельствующие об их близости к произведениям матхурской школы; например, фигура, держащая чашу рядом с музыкантом, ударяющим в кимвалы, и две фигуры, сходные с указанной, по буддийскому типу лица и прическе имеют много общих черт с скульптурным изображением сидящего на троне, повидимому, кушанского царя, датировемым II в. н. э. (32), и стоящей статуей Будды из *Friar Bala*, тоже II в. н. э. (33). Мы упоминали уже голову бодисатвы (34). Как у тех, так и у других одинаковая круглая форма головы с открытыми, несколько оттопыривающимися ушами и полными губами, плотно прилегающая к телу одежда, выступающие округлости груди.

Близость Айртамского фриза к аналогичным произведениям матхурской школы, быть может, говорит за то, что в создании его принимали участие индийские мастера (35), повидимому, члены той же буддийской общины — выходцы из Индии, основавшие в Айртаме свой монастырь, а быть может, и местные мастера, обучившиеся этому у индийских пришельцев.

Интересно отметить, что матхурская школа в эпоху кушанов отличалась повышенной продукцией и оказала большое влияние на соседние и отдаленные страны (Северная Индия, Центральная Азия, Китай). Кроме того, в Матхуре впервые был установлен первый тип Будды, сделавшийся ортодоксальным (I в. н. э.) среди буддийских общин. Церковь (ученье) Матхуры занимала привилегированное положение.

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что Айртамский фриз представляет собой образец одной из местных провинциальных школ ку-

шанского искусства, впитавшей в себя элементы эллинистического и индийского искусства, но подвергшей их своеобразной переработке.

Период существования здания с описанным фигурным фризом, который можно датировать на основании анализа фриза и монеты „Безымянного царя“ I в. н. э. (36), очевидно, совпадал со временем расцвета первых кушанов, наместником которых в северной части Тохаристана некоторые исследователи считают того „Безымянного царя“, чья монета найдена в храмовом помещении Айртама. Ко времени владычества последних кушанов наступил, вероятно, какой-то период упадка, когда, повидимому, были расхищены плиты с пола храмового помещения и он покрылся слоем земли. Затем здание снова стали приводить в порядок; нижняя часть стены была укреплена рядом поставленных на ребро кирпичей, приткнутых прямо к штукатурке; был досыпан и утрамбован новый пол, отремонтированы и доделаны каменные карнизы и сложен из сырцовых кирпичей постамент, на который на каменных базах был поставлен каменный реликварий с зонтиками (одна из баз сохранилась от прежнего помещения, например, трехчетвертная в юго-восточном углу); поставлены раскрашенные алебастровые статуи Будды и предстоящих; стены заново оштукатурены белой алебастровой штукатуркой, повидимому, еще и раскрашенной (37); добавлены алебастровые архитектурные украшения (фрагмент аканта); с Ю храмовое помещение было отгорожено поперечной перегородкой (38). Возможно, что это новое приспособление первоначального храмового помещения произошло одновременно с какими-то перемещениями в самом монастыре и описанная целла со статуями является здесь не единственной. Насколько можно судить по фрагментам алебастровых статуй, они очень близки к статуям, обнаруженным при раскопках Гадды в Афганистане, Таксилы в Индии и в Восточном Туркестане. По мнению некоторых исследователей, их можно датировать IV — VI вв. н. э.

Монастырь, который мог видеть Сюань-Цзан, в VII в. был уже в упадочном состоянии. Повидимому, перед самым арабским завоеванием он пришел в полное запустение (39), в силу каких-то причин — то ли вследствие землетрясения (характерно, что обвалившееся здание в южной части восточного прямоугольника местами дает картину удивительно ритмичных, как будто осунувшихся, частей кладки), то ли от недостатка воды (последнее обстоятельство часто являлось одной из причин упадка многих мест в Средней Азии). Появившихся здесь новых завоевателей уже ничем не могло соблазнить заброшенное поселение, и они ушли, так и не осев здесь, быть может, только надругавшись напоследок над ненавистными им изображениями и изуродовав их.

Из существовавших в первые века н. э. на территории монастырского поселения в Айртаме ремесленных производств исследования с наибольшей полнотой выявили лишь керамическое производство. Большое наличие на городище керамических шлаков и фрагментов разных видов керамики, а также остатки печей для обжига свидетельствуют о том, что изготовление глиняной посуды было одним из распространенных здесь видов ремесленного производства. Глиняная утварь, за исключением крупных предметов (хумов, ямов и т. п.), изготовлялась на гончарном круге. Материалом для нее служила лессовая глина, добывавшаяся здесь же на месте (для более тонких изделий употреблялись специальные сорта глины). Раскопки дали возможность впервые выявить целый комплекс разнообразных типов глиняной посуды. При помощи специально изготовленного прибора удалось по небольшим фрагментам частично, а в некоторых случаях и полностью реконструировать больше 20 различных форм сосудов — как крупных, хозяйственного назначения (хум, хумча, тагара, таз, кувшин, коническая и круглая миски, шаровидный сосуд, блюдо, тарелки глубокие и мелкие и т. д.), так и мелких (кувшинчик, широкогорлый сосудик типа банки, полусферическая чаша и чашечка, конический бокал на низкой профилированной ножке, кувшинчик с боковым носиком, глубокие сосудики с округлыми и прямостоящими стенками, глубокие и мелкие мисочки-чаши и плоские тарел-

лочки и т. д.). Подробный разбор этой керамики дается в специальной статье.

Поливная керамика до арабов, очевидно, не имела еще широкого распространения. Находки в Айртаме обнаружили лишь очень незначительное число поливных фрагментов посуды и притом исключительно с зеленой поливой. Описанная глиняная посуда, за исключением поливной (40), имеет большое сходство с керамическими находками в Старом Термезе, обнаруженными раскопками 1936 г. на Чингиз-Тепе в части открытого там буддийского здания, датируемого кушанскими монетами Кадфиза, Канишки и Васудевы. Можно только отметить, что раскопками в Айртаме выявлен более разнообразный по формам и орнаменту материал, чем раскопками 1936 г. на площади Чингиз-Тепе (41).

Менее распространена была в Айртаме выработка металлических изделий, характеризуемая сравнительно небольшим количеством находок. Кроме кусков железного шлака, в раскопках найдены остатки двух круглых в сечении железных орудий, небольшой, конической формы медный гвоздик и другие сильно окислившиеся и не поддающиеся в силу этого определению небольшие предметы.

Кроме указанных производств, в Айртаме существовало производство каменной посуды и обработка каменных архитектурных деталей, материалом для которых служил мергелистый известняк, добываемый несколько восточнее Айртама, у горы Ходжа Гульсуар. В этих каменоломнях была найдена золотая монета Канишки, указывающая на существование здесь выработок в эпоху кушанов. Большое количество каменных архитектурных деталей, происходящих из Старого Термеза, городища Хатын-Рабат и других пунктов, имеет аналогичное происхождение.

Можно еще упомянуть о ручных каменных зернотерках, находимых в Айртаме в значительном количестве, служивших для изготовления продуктов питания. Что касается других производств, несомненно существовавших здесь, о них еще ничего нельзя сказать, так как они пока не обнаружены раскопками.

Все указанные производства характеризуются примитивной ручной техникой. Выработка тонкой изящной посуды, отмеченной подчас высоким мастерством, требовала для своего изготовления затраты большого количества времени и труда.

Из предметов культа, найденных в Айртаме, отметим следующие: глиняную пятиярусную чайтью, символизирующую собою дерево, под которым получил просветление Будда, обычно находящуюся на крышке ритуального сосуда, реликвария, или служащую навершием ступа (42); разбитый надвое фрагмент каменного горельефа с изображением юноши, повидимому, донатора, держащего в руке диск с изображением пальметы и одетого в короткую тунику с длинными рукавами и длинные штаны — костюм, в котором на индийских рельефах обычно изображались (43) варварские донаторы (фрагмент этот, очевидно, составлял часть фриза, обрамляющего небольшой ступа); глиняные головки баранов — излюбленные у буддистов изображения, связанные с воспоминаниями о детских играх бодисатвы; глиняные столики — подставки для ритуальных предметов. Быть может, к культовым предметам можно отнести и миниатюрный цилиндрический стаканчик с исколотой дырочками поверхностью, найденный в помещении кухни, также как и небольшой кувшинчик с боковым носиком, происходящий оттуда же.

Из других находок, найденных на территории Айртама до 1937 г., интересно отметить глиняную фигурку мужчины явно кушанского типа в длинном кафтане с меховой оторочкой, держащего в правой руке, может быть, плеть или жезл, а в левой — шаровидный сосуд, и небольшой фрагмент керамики с отпечатком ступни Будды. Отсюда же происходит часть ритона из темнорозовой глины, покрытого тонким слоем красного ангоба, в форме головы львицы, исполненной с большим художественным мастерством и тонким пониманием природы.

Оканчивая обзор находок на городище Айртам, хочется отметить, что

они лишь в слабой степени отражают картину жизни существовавшего здесь в первые века н. э. буддийского монастыря и выводы, делаемые на основании их, не могут считаться исчерпывающими и окончательными, нуждаясь в дальнейших подтверждениях и проверке. А это может дать лишь продолжение начатых здесь работ. Только тогда можно будет четко обрисовать намеченные здесь контуры и свести их в одно стройное целое.

Дальнейшие раскопки и разведочные работы в других соседних местах правобережного Тохаристана, несомненно, пополнят датированными материалами выявленный уже на территории Узбекистана (находки в Древнем Термезе и Айртаме) комплекс памятников кушанского искусства и культуры и установят их местные особенности. Это позволило бы более определенно охарактеризовать существовавший здесь в первые века н. э. социально-экономический уклад и те взаимоотношения, которые существовали в дофеодалное время между странами Средней Азии, Афганистана, Индии и Восточного Туркестана, и пролило бы, таким образом, некоторый свет на остающуюся до сих пор темной страницу истории Средней Азии дофеодалного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Исследования А. Фуше в Пешаваре и Гандхаре, Дж. Маршала в Таксиле, раскопки в Матхуре и др. См. А. Foucher „L'Art gréco-bouddhique du Gandhara“, vol. I, II, Paris, 1905—1920; J. Marshall — A guide of Taxila. Calcutta, 1921; А. Foucher — The decoration on the stuccoed stupas (Taxila). Memoirs of the archeological survey of India, n° 7; J. Marshall — The monuments of Ancient India. A Cambridge history of India, v. I, Cambridge, 1922. А. Coomaraswamy — History of Indian and Indonesian Art. London, 1927 и др.

2) Обследования, произведенные А. Фуше, А. и Ж. Годар, Ж. Барту и Ж. Акэн в Хадде, Бамiane и в целом ряде других мест, расположенных по древнему пути китайского паломника Сюань-Цзана, см. А. Foucher — Notes sur l'itinéraire de Hiouen Tsang en Afganistan (Etudes Asiatiques, publiées à l'occasion du vingtième anniversaire de l'École Française de l'Extrême-Orient. Paris, 1925). J. Bartoux — Les fouilles de Hadda I. Stupas et sites, Paris, 1933. J. Bartoux — Les fouilles de Hadda III — Figures et figurines. Paris, 1930. А. et J. Godard et J. Hackin — Les antiquités bouddiques de Bamiyan. Paris, 1928. J. Hackin et J. Carl — Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. Paris, 1933. J. Hackin — L'Oeuvre de la délégation archéologique française en Afganistan, Tokio, 1933. J. Carl et J. Hackin — Recherches archéologiques au col de Khair-Khaneh près de Kaboul. Paris, 1936.

3) Раскопки А. Штейна (городище Йоткан). См. А. Stein — Ancient Khotan. Oxford, 1917. Ego же — Serindia, vol. I—V. Oxford, 1921.

4) J. Ph. Vogel — Een beeld van Koning Kaniska den Kušan. Amsterdam, 1918.

5) В надписи читается одно только слово Castana.

6) Указанный кувшин экспонирован в Отделе Восточного Туркестана Государственного Эрмитажа.

7) Подробное перечисление этих находок см. в статьях М. Е. Массона: „Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.“. Материалы Узкомстариса, вып. I, Ташкент, 1933 г. и „К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана“, СОНАТ, Ташкент, январь, 1937.

8) Hiouen — Thsang, Mémoires sur les contrées occidentales, traduit en français par St. Julien. Paris, 1857, vol. I, p. 25. Более правильный перевод текста о Термезе см. P. Pelliot — Termez dans les textes chinois et tibetains. ДАН, 1929, n° 16, p. 297.

9) М. Е. Массон, „Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.“. Находка сделана бакенщиками и доставлена в Термез И. Рясловым.

10) Наличие здесь целого ряда зольных прослоек с остатками очагов, расположенных на разных уровнях (таких уровней И. А. Сухарев насчитывает здесь около 5-ти), говорит за то, что помещение это существовало в течение нескольких периодов, причем назначение его не менялось.

11) Возможно, что в этом месте стена была заложена, может быть, одновременно с устройством здесь перегородки.

12) С. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Краткий предварительный отчет, СПб, 1914. См. план буддийского монастыря в Туюк-Мазаре, рис. 49, и Сенгым-Агызе № 9, рис. 42.

13) А. Foucher — L'Art gréco-bouddhique du Gandhara, vol. I, p. 170 (примечание).

14) На лицевой стороне монеты изображена голова царя, повернутая вправо. На оборотной — царь верхом на коне. Вокруг греческая надпись: „царь царей великий освободитель“. Определение монеты сделано М. Е. Массоном.

15) См. изображение аналогичной формы в рельефном медальоне на перилах ограды из Amaraveti кушанского времени (середина II в. н. э.). L. Bachhofer — The early Indian sculpture, Paris, 1929, vol. II, pl. 118.

16) М. Е. Массон — „Находка фрагмента скульптурного карниза“ и „Скульптура Айртама“. „Искусство“ 1935, № 2.

17) Как волюта, снабженная сильно выпуклым глазком, так и листы аканта даны здесь в своеобразной переработке.

18) М. Е. Массон — „Находка фрагмента ...“ стр. 14.

19) См. терракотовые статуэтки, происходящие из Афрасиаба и хранящиеся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, а также упоминания в работе В. Л. Вяткина, „Городище Афрасиаб“. Ташкент, 1927, стр. 24.

20) О двойной флейте мне известны только упоминания у В. Л. Вяткина (op. cit., стр. 24) и у М. Е. Массона; о кимвалах — лишь у М. Е. Массона (op. cit., стр. 14).

21) J. Bartoux — Les fouilles de Hadda. Figures et figurines, pl. 58-a, где изображен ребенок, играющий на двойной флейте, из Тара Калан. О двойной флейте в Индии см. у Claude Marcel-Dubois, Notes sur les instruments de musique figurés dans l'art plastique de l'Inde ancienne. Revue des Arts Asiatiques, 1937, v. XI, n° 1, pl. XIV, 4.

22) Экспонирована в археологическом отделе Исторического музея в Киеве.

23) Экспонированы в Отделе Восточного Туркестана Государственного Эрмитажа.

24) Claude Marcel-Dubois, op. cit.

25) Подобную же форму треугольника дает терракотовая статуэтка сузского происхождения, приводимая у М. Rutter — Scènes de musique et de danse. Musée de Louvre. Antiquités Orientales. Revue des Arts Asiatiques, 1935, vol. IX, p. 218, fig. 13. Но на указанной статуэтке фигура арфистки находится справа от арфы, тогда как на айртамском фризе фигура музыкантши помещена слева от инструмента.

26) См. А. Foucher — T. I, f. 247; f. 248. Hackin, Guide-catalogue du Musée Guimet. Paris, 1923, pl. III, верх. Claude Marcel-Dubois, op. cit. pl. XV, I и др.

27) A. Grünwedel — Altbuddhistische Kultstätten in Chinesischem Turkestan. Berlin, 1912, S. 121, Fig. 262 — в росписях Кызыла.

28) См. А. Foucher — Op. cit., vol. I, fig. 179 — в сцене развлечений; fig. 179 — в сцене сна жен бодисатвы; fig. 132 — на фризе с музыкальным дивертисментом из Kafir-Kot и fig. 256. A. Stein, Serindia, vol. II, pl. III, IV, f. I — в росписях Pfauenhöhle в Кызыле. Подобной же формы барабан мы видим среди пяти музыкальных инструментов, производящих звуки божественной музыки и изображенных отдельно, без музыкантов, вверху над сценой адорации бодисатвы царями змей — на рельефе из Матхуры. См. Claude Marcel-Dubois, op. cit., pl. XV, I.

29) См. Ostasiatische Zeitschrift, n° F. 12, 1936. Taf. 19, Abb. I; также L. Bachhofer — Op. cit., vol. II, p. 150.

30) Там же, Taf. 20, Abb. 6.

31) Там же, Taf. 20, Abb. 9.

32) Ananda, K. Coomaraswamy — History of Indian and Indonesian Art. London, 1927, fig. 64.

33) Op. cit., fig. 83.

34) Ostasiatische Zeitschrift, op. cit., Taf. 20, Abb. 6.

35) Об индийских мастерах, работавших в Средней Азии, есть указания А. Фуше, упоминающего об одном мастере, уроженце Пушкаравати, который направился в Ташкент с целью оформления там буддийского вихара.

36) Относительно времени правления „Безымянного царя“ между нумизматами существуют разногласия. Обычно принято его считать современником Кадфиза II (см. Cunningham, Numism. Chron., 1892, p. 71). Монеты „Безымянного царя“, по мнению Смита, в большом количестве выпускались теми военными вице-королями, которые управляли завоеванными индийскими провинциями. Они очень распространены по всей Северной Индии от долины Кабула до Бенареса на Ганге, также и в Куче (Smith, The early history of India). Встречаются они, по сообщению М. Е. Массона, в большом количестве и в разных местах Средней Азии, до берегов Сыр-Дарьи включительно. М. Е. Массон „Монетные находки в Средней Азии 1917—1927“, Известия Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 285—286.

37) Об этом свидетельствуют остатки штукатурки со следами красной краски, к сожалению, очень попорченной.

38) Таким образом вход в него должен был перейти на другую, быть может, западную сторону.

39) Между указанным периодом перестройки монастыря и периодом упадка, наступившим перед арабским завоеванием, намечается существование еще какого-то периода, на что указывает более высокий уровень пола с очагом в соседнем с целлой помещении кухни, находящейся на VIII ярусе. Пол же целлы со статуями находится на X ярусе, т. е. совпадает с ранним полом кухни с другого типа очагом.

40) В раскопках на Чингиз-Тепе поливной керамики не обнаружено совсем. Но в районе Старого Термеза она все же встречается (хотя и в незначительном количестве).

41) Если же сравнить Айртамскую керамику с керамикой, находимой в других местах Древнего Термеза и в раскопках стены древней его крепости, то картина получится обратная.

42) См. аналогии у А. Foucher — Op. cit., v. I, fig. 6 — на серебряном реликварии из ступа в Illida. A. Le Coq, Auf Hellas Spuren in Ost-Turkestan. L. 1926, Taf. 39, на деревянном реликварии из Тууок, у С. Ольденбурга — Гандхарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа, Л., 1931, табл. IV, рис. с и табл. I, рис. в находятся на выставке в Отделе Восточного Туркестана Государственного Эрмитажа; у Grünwedel — Buddhist Art in India. L., 1901, рис. 128 — на древних глиняных индийских печатях — на верхушке ступа.

43) См. А. Foucher — Op. cit., vol. II, fig. 346 на рельефе из Svât (grand miracle); L. Bachhofer — Op. cit., vol. I, pl. 143 изображение донаторов на цоколе статуи Будды из Lauriyan tangai (I ст. н. э.). На монете Канишки: R. Whitehead, Catalogue of coins in the Punjab Museum. Lahore, 1914, pl. XIX, 231 и др.

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

КЕРАМИКА АЙРТАМА ВРЕМЕНИ КУШАНОВ

Если о каменной скульптуре времени кушанов имеются специальные опубликованные исследования (1), то о глиняных изделиях того же времени нам не известно ни одной работы ни в нашей, ни в зарубежной литературе. При этом не имеется ни одной более или менее подобранной коллекции этих предметов. В работах иностранных исследователей керамике кушанского времени не уделялось специального внимания. Говоря о раскопках на месте знаменитого ступа и санкхарама Канишки в окрестностях

Рис. 1. Вид одного из раскопанных помещений (кухня).

Пешавара, А. Фуше в своей книге „L'Art gréco-bouddhique du Gandhâra“ (2) отмечает, что они не богаты произведениями искусства. Из керамических находок он, как бы мимоходом, упоминает только о сосудах для муки („pots de farine“). Это единственное упоминание о кушанской керамике, встреченное нами в иностранных изданиях.

Систематическое изучение периода рабовладельческого строя и, в частности, времени кушанов на территории Средней Азии было начато впервые только после Октябрьской Социалистической революции. Практическое осуществление этой задачи первой взяла на себя Термезская археологическая комплексная экспедиция, начавшая с 1936 г. систематические раскопки в районе Древнего Термеза и в местности по правобережью Аму-Дарьи. Из раскопок ТАКЭ 1936 г. в Чингиз-Тепе (3) и 1937 г. в крепости Старого Термеза и на горо-

дище Айртам (4) (рис. 1, 2) впервые был получен стратиграфический материал по керамике, которая датируется кушанским временем на основании найденных при раскопках монет „Безымянного царя“, Кадфиза, Канишки и Васудевы (I—III вв.).

Добытый из раскопок массовый керамический материал, отличающийся определенными, ярко выраженными особенностями, представляет для нас большой интерес, так как характеризует культуру того социального уклада, который господствовал в древнейших центрах Средней Азии до утверждения в них феодализма. Сопоставление этой керамики с аналогичными находками в других местах Узбекистана — на Афрасиабе, в ряде окрестностей Самарканда (5), в Тали-Барзу (6) и во многих других пунктах среднеазиатских республик — поможет нам установить район ее распространения.

Прежде чем перейти к описанию керамических изделий городища Айртам времени кушанов, вкратце остановимся на характеристике этого городища и методов извлечения описываемого материала.

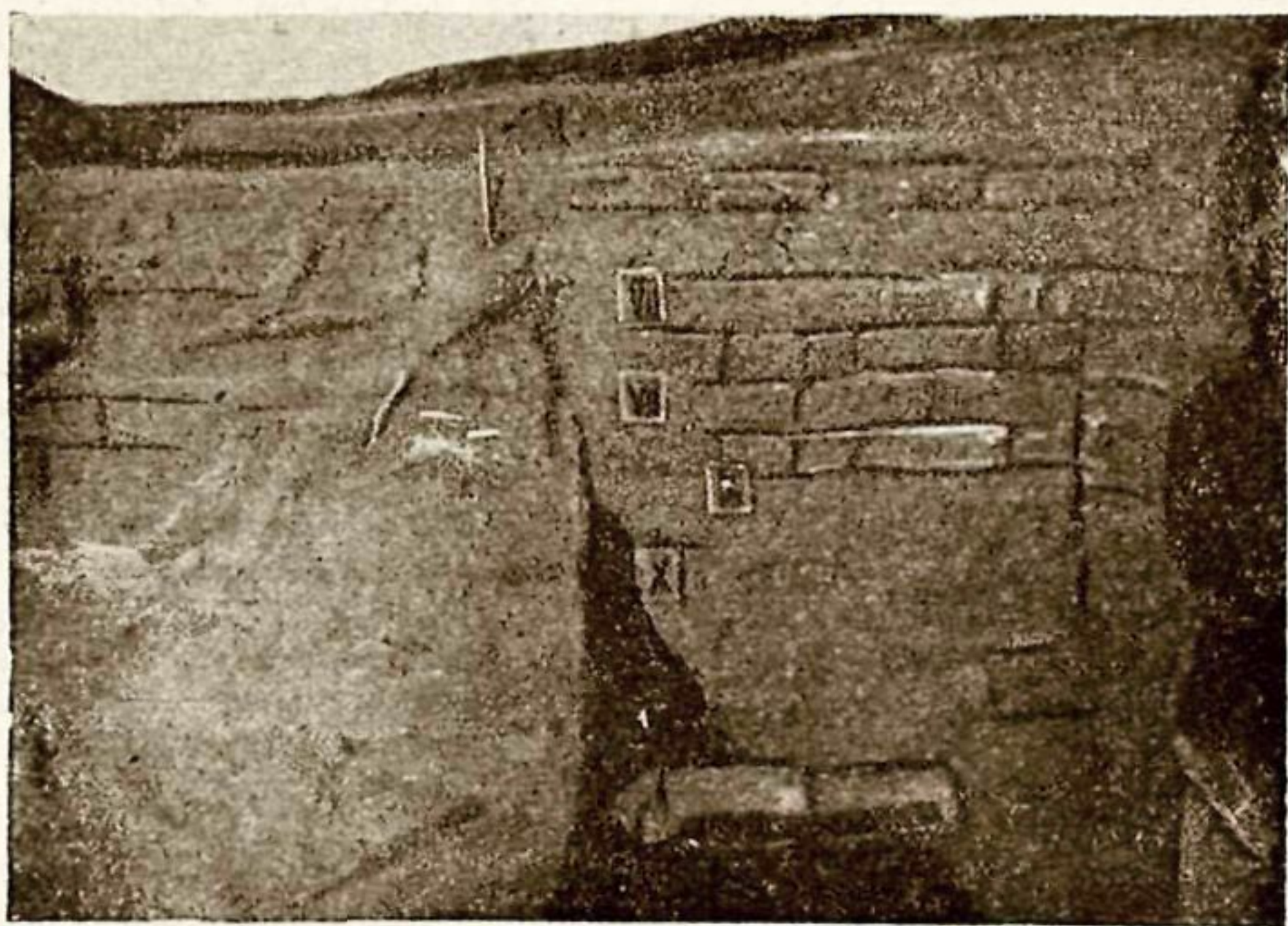

Рис. 2. Вид раскопанной стенки с обозначением ярусов.

Городище Айртам расположено в 17 км от г. Термеза, на правом берегу Аму-Дарьи. В первые века н. э., как установлено произведенными здесь в 1933 и 1937 гг. раскопками, на месте теперешнего холма, повидимому, находился древний буддийский монастырь типа санкхарамы с прилегающим к нему поселением. Одним из основных занятий его жителей являлось производство глиняной посуды, на что указывают многочисленные находки на его территории глиняных черепков различного вида и керамических шлаков.

Основная масса археологического материала, являющегося предметом нашего исследования, получена из раскопок на городище Айртам, производившихся нами в течение весеннего сезона 1937 г. при участии научного сотрудника Самаркандского музея И. А. Сухарева и Султан Ахат Кахарова, под общим руководством доктора археологических наук М. Е. Массона. Несколько экземпляров взято также и из разведочных рекогносцировок М. Е. Массона (1933 г.) и сотрудников Термезского музея (1936 г.).

Городище Айртам было, повидимому, заброшено еще в древности, до прихода сюда арабов, что делает его особенно ценным для исследователя, так как вследствие этого сохранившийся здесь материал не перемешан с позднейшими наслоениями и более или менее однороден.

В 1937 г. была раскопана только часть возвышенного тепе, а именно, северо-восточный ее угол, общей площадью 288 м², с которой толща снята на глубину до 3—4 м. Главное внимание при работах было сосредоточено на стратиграфии разреза. Раскопки производились путем поквартного снятия земли ярусами (1 ярус=25 см). Извлекавшиеся из раскопа предметы раскладывались в определенном порядке на соседнем участке, в точности повторяющем план раскопа, что давало возможность наглядно представить себе картину их залегания. Весь керамический материал получен, главным образом, из помещений монастыря, частично из мусорной ямы более позднего происхождения. Самым нижним, находящимся на уровне пола раскапываемых зданий, можно считать XII ярус, до которого и были произведены раскопки большей части указанной площадки. Только в одном месте, возле пилон, находящегося над самым обрывом, земля была снята до XVI яруса, так как почва в этой части имела естественный уклон.

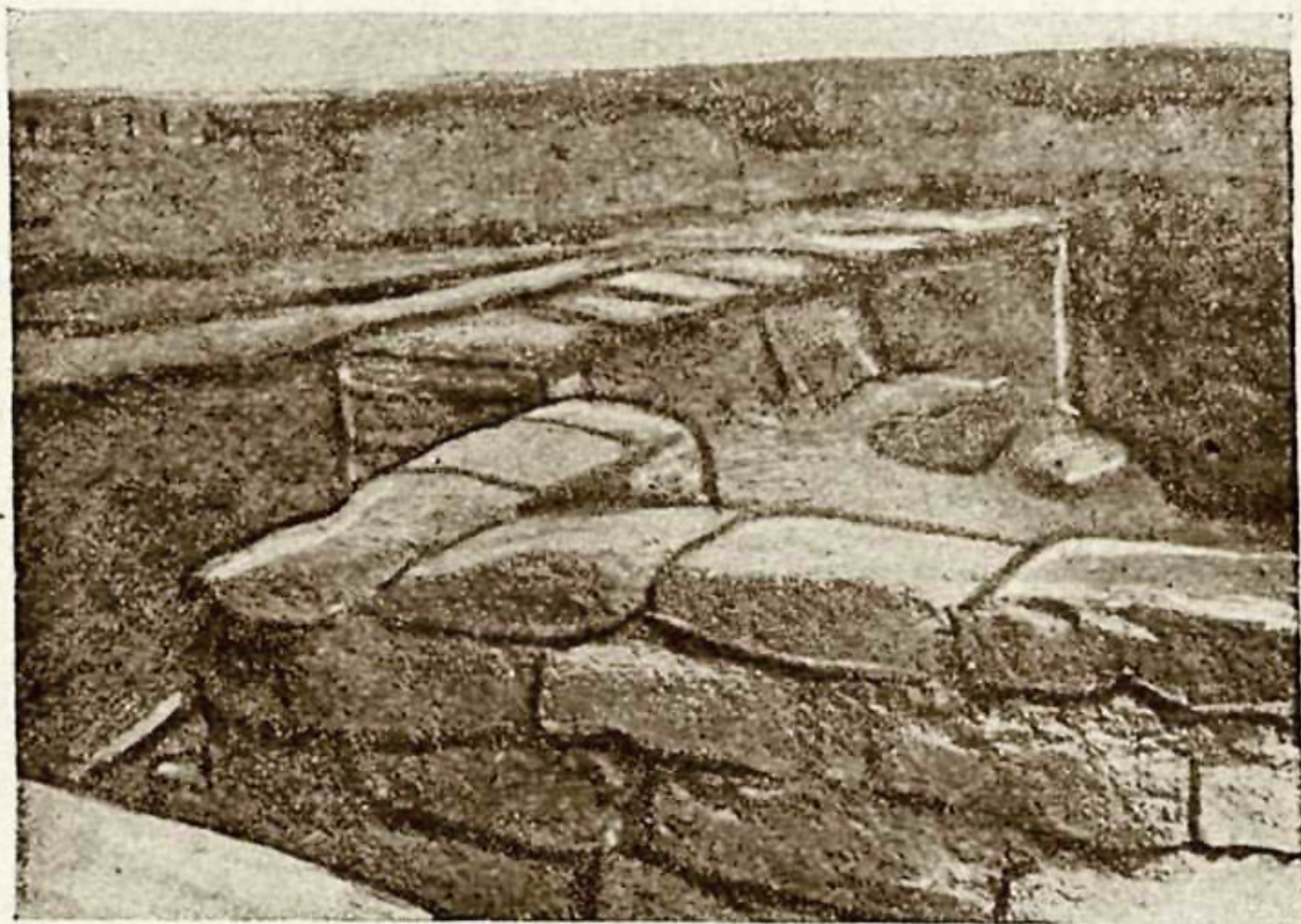

Рис. 3. Стенка из сырцового кирпича.

В общей массе полученный из раскопок материал можно датировать I—V в. н. э. (7) на основании находки монеты „Безымянного царя“ и данных стилистического анализа найденного там же в 1933 г. каменного скульптурного фриза и фрагментов алебастровых фигур Будды. Единичные образцы, извлеченные из-под пилон (XV—XVI ярусы), можно отнести ко времени, предшествующему I в. н. э. Сравнение всего материала по ярусам не дает, однако, возможности провести какую-нибудь резкую границу между нижними и верхними ярусами. Все же можно отметить, что в нижних ярусах чаще, чем в верхних встречаются фрагменты лощеной керамики.

Изделия из глины, обнаруженные раскопками на городище Айртам, можно разбить на три категории: строительный материал (сырцовый и обожженный кирпич), разного рода сосуды, составляющие, главным образом, бытовой инвентарь, и статуэтки культового характера. Хотя основным предметом нашего исследования является бытовой инвентарь, все же мы вкратце коснемся строительного материала и статуэток.

Строительным материалом кушанского времени являлся высушенный на солнце сырцовый кирпич (рис. 3). Он вырабатывался на месте из находящейся всюду под руками лессовой глины. Кроме нее, в состав кирпича входила мелкая галька, саман, песок и шамот. Кирпич имеет обычную для Средней Азии квадратную форму. Размеры его сторон варьируют в преде-

лах от 27,5—28,5—29,5 см до 30—32—33 см; толщина—от 10—11,5 до 12 см; изредка попадаются кирпичи толщиной в 8,5 см (как известно, позже, в арабское время, размеры кирпича изменились — он стал меньше и тоньше). Гораздо реже встречаются фрагменты обожженного кирпича, имеющего также квадратную, но более уплощенную форму; размеры его равняются 30×30×7 см или 33×33×7 см (Д. 20. XV). Обожженный кирпич употреблялся, повидимому, и для облицовки стен; в таких случаях одна из широких его поверхностей была сглажена. Размеры подобных плиток — 27,5×32×4 см или 29×31×4 см. Поверхность их — кремового, розоватого и зеленоватого цвета; в последнем случае они бываю́т на глубину 2—5 мм почти черными в изломе, что свидетельствует о перекале.

Химический анализ (8) одной из упомянутых плиток (Г. 14. V) кремоватозеленоватого цвета (SiO_2 —55,01%; $\text{Al}_2\text{O}_3 + \text{Fe}_2\text{O}_3 + \text{SiO}_2$ —21,19%) показал, что она сделана из мергелистой глины, содержащей повышенное количество песка. Обжиг велся в окислительной атмосфере в печи при температуре до 1000°. Водопоглощаемость ее (13,42%) и временное сопротивление сжатию (130,9 кг/см) указывают, что по качеству описываемый кирпич не уступает лучшему современному.

Среди обломков обожженного кирпича обращает на себя внимание фрагмент угловой части плитки из глины розоватого цвета более или менее изящной выделки (13×10×4 см), с рельефным изображением на одной из его поверхностей не то антилопы, не то оленя в круглом медальоне диаметром 3 см (рис. 4). К сожалению, это невысокое рельефное изображение сильно потерлось, особенно внизу, вследствие чего контуры рисунка различаются недостаточно отчетливо. В верхней части медальона, над фигурой, как будто намечается изображение треугольника, пересеченного поперечными и продольными линиями (возможно, лент, развевающихся за спиной?). Не является ли этот рельефный медальон специальным клеймом особых мастерских, поставлявших эти облицовочные плитки?

Рис. 4. Фрагмент плитки со штампом оленя.

Нижеприводимые примеры, повидимому, подтверждают наше предположение; например, в Риме, в царствование Траяна, кирпичи и черепицы отмечались особыми клеймами, указывающими либо на принадлежность их к определенным мастерским, вырабатывавшим их, либо на того или другого консула, в правление которого они были сделаны (9); в греческих городищах Причерноморья в большом количестве найдены подобные образцы с клеймами римских легионов (10) и именами астиномов и фабрикантов (11); интересно при этом отметить, что изображаемые на них эмблемы, как отмечает Б. Н. Граков, в числе своих источников имели часто и монеты (12). Описанный фрагмент плитки можно считать уникальным образцом подобного рода изделий, до сих пор неизвестных в Средней Азии. Нахождение фрагмента ниже уровня пилонa, датируемого I в. н. э., позволяет относить его к более раннему времени.

К образцам строительной техники времени кушанов можно отнести глиняную водопроводную трубу (рис. 5), найденную на самом дне мусорной ямы, выкопанной в более позднее время и заполненной разного рода глиняными черепками, остатками костей, фрагментами керамических шлаков, кирпича и обломками мергелистого камня. Эта труба (Д. 16. IX, № 1) довольно примитивного типа с неровной, несколько волнистой поверхностью стенок сделана из темнорозовой глины. Размеры ее: длина — 96 см; диаметр одного конца — 13,5 см (отверстия — 9,5 см), другого — 15 см (отверстия — 9 см). Труба

прекрасно сохранилась и представляет собой совершенно цельное звено круглой в сечении формы, суживающейся к одному концу, снабженному горизонтально отогнутым бортиком.

В наибольшем количестве обнаружены в Айртаме остатки глиняной посуды — эти скромные, но красноречивые свидетели исчезнувших исторических эпох и бытового уклада различных этапов общественной жизни, являющиеся подчас единственным материалом, на основании которого можно установить те или иные важные исторические факты и, таким образом, восстановить недостающие звенья в длинной цепи исторического развития.

Общий комплекс найденных здесь глиняных сосудов по своему характеру представляет сравнительно скромный хозяйственный инвентарь, отличающийся простотою форм и незатейливостью украшения. Характерно, что в этом инвентаре совершенно отсутствуют изделия чисто декоративного характера.

Материалом для глиняных сосудов служила обычно добываемая на месте лессовая глина; для более тонкой посуды употреблялись ее специальные сорта. Произведенный химический, механический и минералогический анализы керамической массы двух фрагментов айртамских сосудов — толстостенного хума и тонкостенной чаши, покрытой глянцевитой облицовкой, выявили, что первый (К. 13. XII) состоит из SiO_2 — 52,62% и $\text{Al}_2\text{O}_3 + \text{Fe}_2\text{O}_3$ — 26,20%, из чего можно заключить, что он сделан из гончарной пластичной глины с примесью слюды. Микроскопическим анализом установлено, что размеры зерна в основном достигают 0,03—0,25 мм; редко встречаются размеры зерна до 0,5 мм. Это указывает на то, что масса неплохо размешана и обработана. Цвет черепка от присутствия окислов железа — красноватый. Обжиг

Рис. 5. Водопроводная труба.

велся в окислительной атмосфере в печи при температуре не менее 1000—1100° С. Черепок частично спеченный; водопоглощаемость — 3,4%.

Полный химический анализ состава керамической массы тонкостенного черепка, взятого ниже основания пилон (Д. 20. XV), показал:

SiO_2	— 54,25
Al_2O_3	— 26,30
Fe_2O_3	— 6,66
TiO_2	— 1,39
CaO	— 9,80
MgO	— 1,44
SO_3	— 0,68
	100,52

т. е., что он сделан из карбонатной глины. Судя по излому, керамическая масса очень хорошо размешана и обработана: нет грубых включений, масса однородная, черепок пористый, обжиг производился в окислительной атмосфере, температура обжига не выше 900° С.

Очень часто поверхность основного черепка покрыта еще сверху тонким слоем ангоба — той же глиной, но более тонкого качества. Ангоб встречается двух цветов: светлый кремовый, полученный в результате покрытия сосуда белой известковой глиной, и разных оттенков: красный — от розоватого до темнокрасного и коричневого, что зависело от разных пропорций,

находящихся в ангобе окислов железа. Кроме последнего, химический анализ выявил в ангобе и наличие марганца. Темнокоричневый или черный тон получался от обжига в восстановительной атмосфере.

Кроме ангобного покрытия, на Айртаме в ранний период его жизни (как на то указывает фрагмент тонкостенной керамики, Д. 20. XV), очевидно, практиковалось и так называемое „лакоглазурное“ покрытие, сообщаемое поверхности сосуда особый блеск. К сожалению, ввиду очень небольших размеров фрагментов, глазурь не удалось подвергнуть анализу.

На Айртаме встретилось также несколько фрагментов с двусторонним покрытием поливой — сверху зеленого, снизу желтого тона (Г. 18. XII и З. 20. VI). Подобного рода фрагменты были обнаружены и при разведке 1933 г. Химический анализ поливы не установил в ней наличия свинца; из красящих окислов были обнаружены: марганец, хром, железо. Несомненно, состав указанной поливы несколько иной, чем в позднейших поливах и более близок к ангобам, чем к настоящим глазурям. Подробнее на характеристике двух последних покрытий остановимся при описании техники орнаментации.

Вся посуда изготовлялась на гончарном круге, за исключением сосудов очень больших размеров, которые, повидимому, делались и от руки, как и найденные в нижних ярусах Айртама большие сосуды, имеющие форму ямов (Г. 16. XI, 5), и плоскодонных сосудов (диаметр дна — 26 см) со слегка округлыми стенками и широким отверстием. Они сохранились только в нижней своей части и отличаются неровной поверхностью стенок и неравномерной выпуклостью дна.

Для орнаментации в Айртаме применялись: процарапывание, налеп, вдавливание, покрытие цветными ангобными красками, лощение и штамп.

Процарапывание — довольно распространенный на Айртаме прием, — повидимому, производилось для нанесения одной линии острой деревянной палочкой или металлическим острием (К. 20. А. № 4) — (Ж. 15. VI) и для нескольких параллельных или волнистых линий — гребнем (А. № 5). Реже встречается налепной орнамент в форме тонких полосок или валиков, наложенных на стенки сосуда и сверху придавленных через некоторые промежутки пальцем (З. 14. VIII), главным образом, на плечиках и венчиках хумов или больших кувшинов (З. 14. VIII; АС—З, А В); иногда налеп встречается в форме плоских кружочков с отпечатком наложенного сверху штампа. Такой же прием надавливания боковой стороной пальца или палочкой (Е. 16. VI) (круглой ее стороной или острым ребром) применялся при украшении венчиков хумов; иногда такие фестончатые края получались и от защипа пальцами (А. с.—з.).

Подобно процарапанному орнаменту, в айртамской керамике был распространен и орнамент, наносимый на поверхность сосуда цветными ангобными красками, а также путем лощения. (В Айртаме была известна, как уже отмечалось выше, техника лакоглазурного покрытия и покрытия поливой).

Из более механизированных приемов орнаментации применялся штамп простой и фигурный. Обычно штампом мог служить всякий находящийся под руками предмет: какая-нибудь деревянная или металлическая палочка, имеющая в сечении квадратную, треугольную или круглую форму, ракушка, пуговица, пряжка и т. д. Иногда подобные штампы специально готовились из глины. К сожалению, в Айртаме никаких штампов найти пока не удалось. Однако анализ некоторых орнаментальных мотивов айртамской керамики дает возможность предположить, что в ней находили применение металлические и глиняные штампы. Так, часто встречаемый в ней мотив круглого медальона, заполненного выпуклыми бусинами, очень напоминает покрытую зерну круглую пуговицу, бусину или серьгу — украшения, которые, как это засвидетельствовано на каменном айртамском фризе, были в большом ходу в среде местной аристократии. Вдавленные квадратики на одном из фрагментов, повидимому, также сделаны металлическим штампом, но не исключена, конечно, возможность и применения здесь деревянного штампа (13).

Несомненно, специально изготовленным глиняным штампом сделан отпечаток ступни на другом фрагменте.

Нередко описанные технические приемы комбинировались: процарапанный орнамент встречался вместе с крашеным, крашеный со штампованным или же наклепной со штампованным. Реже комбинировалось лощение с процарапанным или крашеным орнаментом.

Из всех перечисленных приемов орнаментации особый интерес для нас представляет техника лощения, представляющая одну из своеобразных особенностей керамики времен кушанов; следует отметить, что эта техника совершенно исчезла в арабское время, когда, в связи с изменившимися производственными отношениями, в этих областях шло развитие нового общественного строя — феодального.

Фрагменты лощеной керамики обнаружены в Айртаме в наиболее глубоких слоях (X, XII, XV ярусы).

Лощение является одним из самых древних способов обработки поверхности сосуда. Как можно установить на основании многочисленных раскопок и исследований, произведенных за прежние и последние годы в различных областях Европы, Африки и Азии, техника лощения была известна в этих странах на огромной территории еще в III—II тысячелетии до н. э. Она была обнаружена на глиняных сосудах из древнейших погребений Египта, откуда происходят образцы красной лощеной посуды, сделанной от руки и заглаженной при помощи ракушки или кремня и затем покрытой красной, содержащей железо облицовкой, тщательно перед обжигом отполированной (14). Эта же техника засвидетельствована в эпоху неолита на Балканском полуострове (особенно богатые находки сделаны в Фессалии), а также на о. Крите (15) и на территории СССР, в Триполье. Она продолжает развиваться и в эпоху бронзового века: на островах Мелоссе и Крите мы встречаем особый тип красной лощеной керамики (16). На основании раскопок недавнего времени можно говорить о применении ее в бронзовом веке в Анатолии и распространении по всей Малой и Передней Азии (17). На территории СССР мы находим ее в Закавказье (18), Туркмении (19), Казахстане (20) и Сибири (21). В бронзовом веке также применялась орнаментация, выполненная техникой лощения и состоящая из вертикальных и пересекающихся линий (22).

Применение техники лощения отмечается в керамике эпохи железа, в гальштатской культуре, в керамике эллинистического и римского времени при рабовладельческом строе в Италии (23) (этрусская и римская керамика преимущественно черная), на побережье Черного моря, главным образом на местных скифских изделиях, в керамике античных колоний в Керчи, Херсонесе и Ольвии (24) (красная, черная и серая), а также в областях нижнего Дона (25) — на образцах местной догреческой керамики и в изделиях поздних донских поселений последних веков до н. э. и первых веков н. э. (26) (серая и черная лощеная керамика). Мы встречаем ее в Фанагории, где она датируется IV—III в. до н. э. (27). В Передней Азии эта техника применялась в парфянской керамике Селевкии; она датируется здесь периодом от II в. до н. э. по II в. н. э. (28)—раскопки в Дура Эвропас (29).

Наиболее близкими к айртамской керамике можно считать образцы ольвийской и парфянской керамики Селевкии. На территории Средней Азии в указанную эпоху подобная техника отмечена, кроме соседнего Термеза, где она дает несколько разновидностей красного, темнофиолетового, почти коричневого и черного лощения, и в более северных частях Узбекистана: в Афрасиабе (30), окрестностях Самарканда (31), а также на территории других среднеазиатских республик (32).

Делая этот краткий обзор находок лощеной керамики, мы отнюдь не задавались целью привести исчерпывающие данные по этому вопросу (указанный перечень можно было бы еще во много раз расширить) и сделать на основании их окончательные выводы. Это является уже предметом специальной темы, требующей более детального исследования, которое должно учесть все реальные взаимоотношения и особенности перечислен-

ных находок. Все же даже суммарное перечисление материала позволяет, как нам кажется, сделать некоторые предварительные выводы относительно района распространения (в данном случае, конечно, ограниченного, главным образом местами, подвергнутыми наибольшему исследованию) и времени применения техники лощения глиняных сосудов.

Эта техника применялась с давних пор как на сосудах, сделанных от руки, так и на сосудах, изготовленных на гончарном круге. Зачатки ее относятся к раннему периоду варварства, а время наибольшего ее расцвета можно приурочить, повидимому, к высшему периоду варварства и к рабовладельческому строю. Прекращение массового применения указанной техники совпадает с утверждением нового общественного строя — феодализма, что особенно наглядно наблюдается в Средней Азии.

Как указывает Г. Гехт (33), в керамике применялось два способа лощения: до и после обжига. В первом случае, после того как сосуд просушивался до состояния твердости кожи, его полировали инструментом из камня, дерева или металла. Затем сосуд обжигался, после чего получал определенный блеск. Иногда сосуд покрывали ангобом и полировали уже по ангобу. Другой способ состоял в том, что лощение производилось уже после того, как сосуд был обожжен; тогда он получал необыкновенный глянец, напоминающий глазурь. Последний случай применяется и в настоящее время при производстве так называемого красного фарфора. Полировкой по ангобу и по обожженному черепку пользовались некоторые немецкие исследователи (Фишер и Бетгер) при изготовлении копий римских изделий. В лаборатории Киевского института археологии Украинской академии наук, где производились всесторонние анализы над ольвийскими черепками эллинистического и римского времени, научной сотруднице этого института О. А. Кульской удалось достигнуть путем полирования подсушенного черепка (изготовленного из состава глины, сходной с ольвийской) костью, галькой и металлическим шариком и протирания кожей аналогичных эффектов, свойственных лощеной ольвийской керамике. В древности, как указывают некоторые исследователи, лощение производилось также при помощи точильного станка (34).

Исследование фрагментов айртамской керамики показало, что лощение производилось здесь по ангобу. Инструментом для этого, очевидно, служила кость, зуб или находящаяся здесь в большом количестве хорошо отполированная галька. Лощению подвергался или весь сосуд, получающий после этого гладкую блестящую поверхность, или частично с целью орнаментации. В первом случае нередко на поверхности сосуда можно было различить ряд идущих в одном направлении полосок, получившихся от нажима полировальным инструментом. Во втором случае на сосуд наносился линейный орнамент острым концом зуба или кости, оставляющими на его поверхности слегка углубленные желобки, кажущиеся на общем фоне более светлыми и блестящими.

В указанных случаях лощение производилось по высушенному и необожженному черепку, который потом подвергался обжигу. Поверхность этих черепков довольно мягкая и легко царапается ножом. Но встречаются черепки с блестящей поверхностью, не покрытой ангобом, на что указывает отсутствие каких бы то ни было следов от нажима полировального инструмента; черепок хорошо обожжен; при ударе о каменную поверхность звенит; поверхность его крепкая, монолитная, ножом не соскабливается. Не исключена возможность, что в подобных случаях блестящая поверхность получалась и от покрытия черепка так называемой „лакоглазурной“ краской, нанесенной на обожженный черепок, подвергнутый потом вторичному, менее высокому, обжигу. Указанные образцы айртамской керамики встречаются в самых нижних ярусах. Они очень напоминают найденную в Ольвии, в слоях первых н. э., керамику группы античных акоглазурей. Как известно, техникой „лакоглазурного“ покрытия особенно прославилась античная керамика, но начало ее имеет гораздо более ранние истоки, уходящие в эпоху бронзового века, когда подобная техника применялась при украшении глиняных сосудов на

о. Крите, Кикладских островах и в целом ряде мест греческого материка. В римское время вошел в употребление особый сорт глиняной посуды красного цвета; наряду с керамикой без лакоглазурной облицовки, покрытой красным ангобом, была распространена и красная глиняная посуда с лакоглазурным покрытием, украшенная рельефным штампованным орнаментом, так называемая „terra sigillata“, известная еще под названием арретинской керамики (по Аррецо, одному из главных мест ее производства (35).

Секрет изготовления этого покрытия оставался совершенно неизвестным, несмотря на то, что многие исследователи добивались его разгадки. Как я уже упоминала, над подражанием римской керамике „terra sigillata“ (36) работали немецкие исследователи Фишер и Бетгер, причем первый из них пользовался приемом полирования покрытого ангобом черепка при помощи деревянного стека, агатового штифа или резца.

Особенно много над раскрытием этого секрета работала американская исследовательница А. Рихтер (37), но ей не удалось в полной мере добиться воспроизведения античных образцов. В результате ряда опытов подражания античным и римским образцам, научной сотруднице Киевского института археологии Украинской академии наук О. А. Кульской, производящей все-сторонние исследования материалов ольвийской экспедиции, удалось достигнуть значительных успехов. В настоящее время Институтом производится работа по репродукции этой керамики и внедрению ее техники в современное производство (38).

Известна была в Айртаме, как уже упоминалось, и техника покрытия сосудов поливой. Установить точно, к какому времени относятся найденные в раскопках на Айртаме фрагменты зеленой поливной керамики довольно трудно ввиду очень небольшого количества этих фрагментов. Однако сам по себе факт нахождения их на Айртаме среди керамики кушанского времени является очень знаменательным и позволяет говорить о том, что эта техника была известна здесь задолго до прихода арабов, с которыми обычно связывают появление поливной посуды в Средней Азии.

Вопрос о времени появления в Средней Азии производства поливной посуды еще не подвергался детальному исследованию и остается до настоящего времени невыясненным так же, как и аналогичный вопрос о времени появления поливной посуды на территории УССР. Ее обычно связывали там с византийским влиянием, и на поливную керамику, находимую в эллинистических или римских слоях, совершенно не обращали должного внимания, считая присутствие ее там случайным. А между тем, накопившийся уже материал и новые находки последних лет заставляют пересмотреть это установившееся мнение как в отношении керамики Черноморского побережья, так и Средней Азии.

Упоминания о находках поливной керамики на почве Греции и Малой Азии еще в старых изданиях (39) и находки недавнего времени на Черноморском побережье и Керчи, Ольвии (40) и Херсонесе (41) дают возможность прийти к тому выводу, что в черноморских колониях указанная техника была известна в эллинистическое и римское время. Раскопки американской экспедиции в Селевкии на Тигре (42), обнаружившей в слоях, датируемых временем от II в. до н. э. по II в. н. э., присутствие сосудов, покрытых зеленой поливой (green glaze) (43), и знаменитых поливных бирюзовых гробов в форме башмака (44), и раскопки в Дура Эвропас (45), свидетельствующие о распространении этой техники в Сирии и Месопотамии, где она, очевидно, не прекращала своего существования с древнейших времен и где центром производства бирюзовой поливной керамики в парфянское время была Ракка, а также недавняя находка Джона Маршала в Таксиле (Индия) в блоке „В“ четырех фрагментов керамики с двусторонней желтой поливой, восходящих к эпохе скифо-парфянской (46), — все это с достаточной вероятностью указывает на возможность знакомства с этой техникой в Айртаме. Если же принять во внимание оживленные торговые сношения, которые вел древний Тохаристан с соседними и более-отдаленными странами, благодаря тому выгодному положению, которое он

занимал, находясь на узловом пункте главнейших международных торговых магистралей, и входя в силу этого в тот общий поток народов, который объединил в своем русле элементы западных и восточных культур, то не покажется удивительным, что ему очень рано могли стать известны разные способы керамического производства, применявшиеся и в соседних странах (47). Этому способствовал и усиленно практиковавшийся в древности обычай насильственного переселения целых колоний пленников в пустынные места с целью насаждения в них культуры и новых отраслей производства. В истории известен целый ряд таких переселений. Вспомним хотя бы выселение в центральную Сузиану Дарием I целой колонии эритрейцев из Ионии, которая, между прочим, была известна своим керамическим производством (48); переселение Ородом римских пленников в окрестности Мерва или использование Шапуром I римских пленников для сооружения известной царской плотины в Гундешапуре, а Шапуром II — пленников из Амиды для введения новых сортов парчи и шелка (49).

Часто купцы и ремесленники разных специальностей следовали за полчищами завоевателей и обосновывались в новых покоренных областях, привнося там вынесенные ими со своей родины навыки и вкусы. Немало греческих, малоазийских и сирийских поселений со времени похода Александра Македонского было разбросано в Иране, Парфии, Бактриане, Афганистане и Индии (50). Свидетельства о работе иноземных мастеров при дворах кушанских правителей мы находим на их изделиях, как например, надпись грека Агесилая на известном золоченом реликварии с изображением Канишки (51). Этому же Агесилаю W. Тап считает и строителем ступы Канишки возле Таксилы (52).

Раскопки в Айртаме дали очень мало цельных сосудов, но в процессе обработки найденных фрагментов удалось восстановить целый ряд форм. При этом много внимания было уделено разработке методики их реконструкции на основании находящихся под руками фрагментов. Реконструирование производилось при помощи специального прибора, изобретенного для этой цели В. И. Вязьмитиным. Этот прибор позволяет с большой быстротой и точностью устанавливать исходные данные о наклоне и толщине стенок, диаметре сосуда и его высоте. Н. И. Вязьмитиным была разработана и методика этого вопроса. Пользуясь указанным прибором, ему удалось восстановить целый ряд форм сосудов, чертежи которых здесь приводятся (см. таблицы в конце статьи).

Обращаясь к характеристике форм айртамской керамики, можно отметить, что в своих основных типах она, естественно, обусловлена характером своего назначения и дает либо разновидности глубоких, вытянутых вверх цилиндрических, грушевидных или яйцевидных сосудов с небольшим верхним отверстием (хум, кувшин), либо плоских и неглубоких круглых сосудов, растянутых в ширину с большой открытой поверхностью (блюда, тарелки, чаши).

Говоря о назначении сосудов, трудно, конечно, с полной определенностью установить его для всех без исключения сосудов, найденных в Айртаме. К сожалению, для среднеазиатской керамики описываемого времени (как для греческой и римской) в нашем распоряжении нет той богатой литературы и упоминаний античных авторов, которые дали бы возможность установить названия, назначения и особенности большинства античных сосудов. Говоря о назначении айртамских сосудов, приходится, главным образом, ограничиваться догадками и предположениями, основанными на аналогиях с древними образцами или на сравнении с местной современной глиняной посудой, так как большинство из форм, бытовавших в Средней Азии, совершенно вышло из употребления, а многие, вместе с отмиранием прежнего уклада жизни, получили другое употребление.

В основном глиняную айртамскую посуду можно разбить на три большие группы: к первой относятся сосуды хозяйственного назначения, служившие для хранения запасов — сыпучих тел и жидкостей (хум, хумча, ям, амфороподобные сосуды, кувшины), для приготовления пищи (горшок,

котелок), для производства всяких хозяйственных работ — стирки белья (тагара), умывания (таз). Все перечисленные сосуды имеют обычно большие размеры, сделаны из грубой глины, толстостенные. К указанной группе можно отнести еще и приборы, служившие для освещения жилищ — небольшие круглые светильники в форме плоской чашечки с загнутыми в середину бортиками.

Вторую группу составляют сосуды более тонкой выделки, употреблявшиеся для подавания пищи, еды или питья. Сюда относятся разного рода блюда, тарелки и тарелочки, миски, чаши и чашечки, бокалы, широкогорлые сосуды в форме кубка, разных форм небольшие кувшинчики, сосуды с боковыми носиками, сферические сосудики.

Особо следует отметить сосуды культового назначения, составляющие третью группу. Быть может, сюда можно отнести кувшинчики с шаровид-

ным туловищем и боковым носиком; кувшинчики типа энохойи, служившие, очевидно, для возливания и ритуальных омовений; чаши-курильницы; небольшой с наколотой поверхностью сосудик в форме стаканчика (И. 17. VII) (рис. 6).

К культовому же инвентарю относятся и небольшие столики — подставки четырехугольной формы на четырех профилированных ножках, на которые ставились буддийские статуэтки — образки, изображающие сидящего Будду.

Из сосудов хозяйственного назначения особое распространение в Айртаме имели большие корчаги — хумы, от которых в большом количестве сохранились, главным образом, лишь их верхние, наиболее прочные части — по преимуществу венчики. Судя по диаметрам, которые удалось восстановить (от 21 до 43 см и больше), эти сосуды имели огромные размеры — высо-

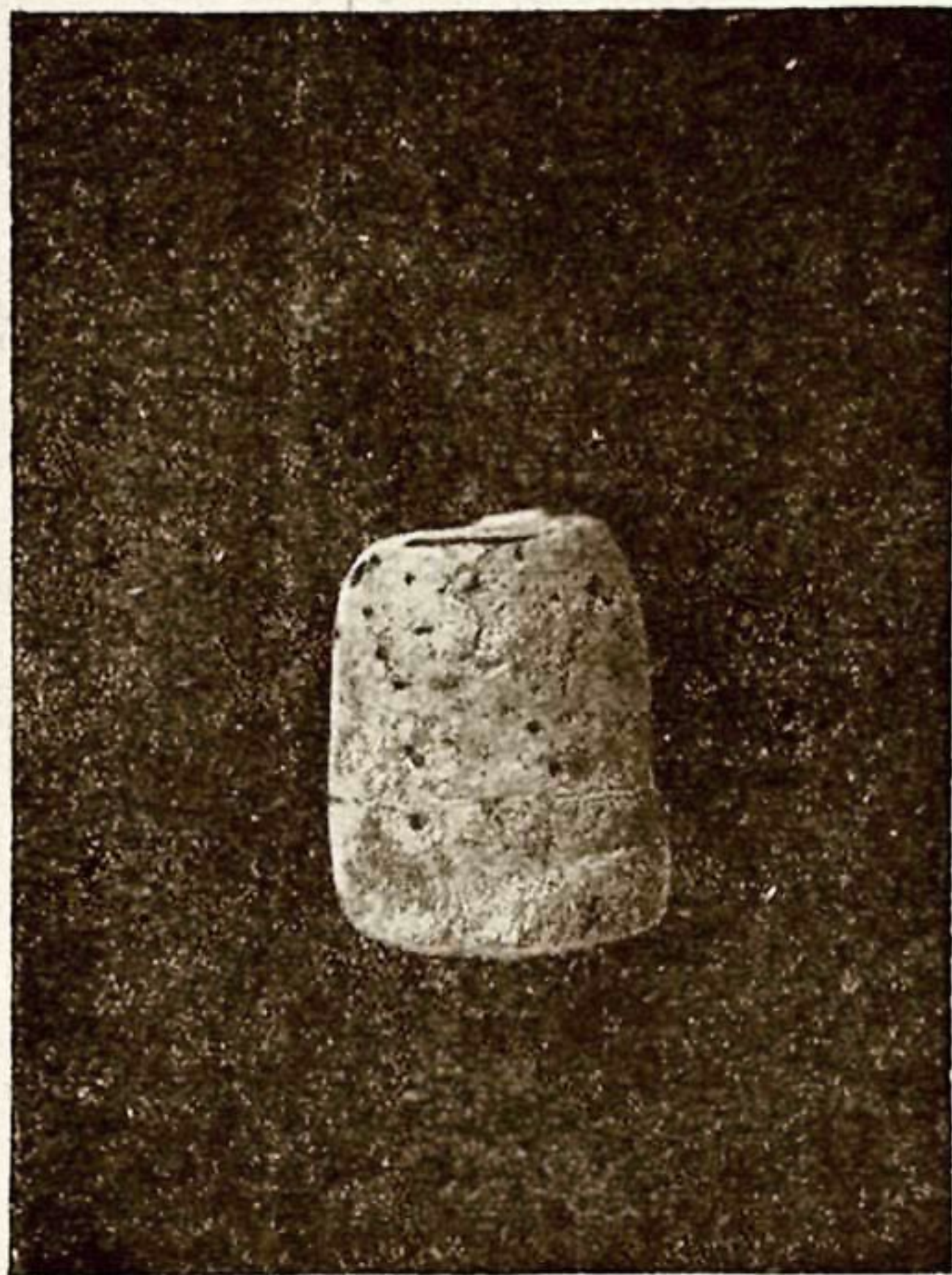

Рис. 6. Культовый сосудик-стаканчик.

та их варьировала от 40 до 90 см и больше. По аналогии с подобного же рода цельными сосудами из соседнего Термеза того же времени можно судить об их формах: это или приземистые грушевидные, или более вытянутые высокие яйцевидной формы сосуды с плоским, прямо срезанным дном и низенькой цилиндрической шейкой с отогнутым наружу бортиком, иногда указывающим своей формой на то, что хум был снабжен еще крышкой. Такая форма сосудов, служивших для хранения в них зерна, воды, сохранившаяся до наших дней, является одной из наиболее упрочившихся в Средней Азии. Найденные венчики хумов дают целый ряд вариаций в отношении профилировки от простого выпуклого валика, слегка выступающего над шейкой, до более изогнутого контура, часто усложненного еще орнаментальным мотивом в виде волнистых фестонов. Большинство хумов покрыто светлым кремовым ангобом, реже — красным. Обычно они не орнаментированы.

Очевидно, к сосудам, служившим для хранения жидкостей, принадлежит и амфороподобный сосуд с яйцевидным корпусом и двумя вертикально поставленными петлевидными ручками (В. — 19 см, Д. дна — 9 см) (рис. 7).

К особенно ходкой посуде в Айртаме относятся кувшины, разнообразных форм и размеров, то приближающиеся к хумам, то представляющие собой миниатюрные образцы (диаметры их верхних отверстий варьируют от 24—17 см до 11—9 см и 4,5 см). На Айртаме найдено большое количество фрагментов этих кувшинов: венчики, ручки, стенки и донца. Как удалось установить, большая часть этих кувшинов имеет грушевидную форму; дно их прямо обрезано или имеет низенькую ножку с изящным загибом; плечи покатые или выпуклые, переходящие в длинную или низенькую шейку, середина которой соединяется с наиболее выпуклой частью корпуса горизонтально поставленной ручкой, загибающейся вверху в виде вопросительного знака или изогнутой в форме петли с широко расставленными или же близко сдвинутыми концами. Иногда ручка начинается от самого края горла, иногда несколько возвышается над ним. В разрезе она дает овал; перерезается одним, двумя, тремя или четырьмя желобками. Под ручкой иногда встречается вдавленная ямка или же бугорок, который, как это чаще всего наблюдается в термезской керамике, принимает форму львиной головы. Горло кувшина имеет или строго цилиндрическую форму с отогнутым вверху бортиком, или несколько суживается кверху, или, наоборот, выгибается наружу в виде воронки, как в античной гидрии.

Некоторые кувшины имели еще крышки, на что указывает наличие изгиба на отогнутом бортике.

В общем форма кувшина отличается необычайной ясностью контуров, подчеркивающих, можно сказать, „архитектурное“ построение посуды с четким разделением его на основные части: шейку, корпус, ножку и ручку.

Особое разнообразие отмечаем мы в профилировке венчиков. В своей простой форме (как у хумов) они представлены выпуклым валиком. Очевидно, постепенно эта форма меняла контуры, усложняя свой профиль. Первоначально округлый контур валика разбивался одним желобком посередине; иногда верхняя часть несколько нависала над нижней; последующее усложнение состояло в том, что валик разбивался уже двумя желобками с сильно выступающей средней частью; здесь мы отмечаем целый ряд вариаций в профилировке верхней и нижней частей. Часто венчик представлял собой сильно выступающий над шейкой бортик, что вело снова к различным вариациям контуров, усложняемых желобками по верхнему краю и по боковой части. В общем для кувшина можно отметить более 30 таких вариаций венчика.

Своеобразным по форме является кувшин типа энохойи с широким горлом, сплюснутым с двух сторон и имеющим вверху форму трилистника.

Кувшины часто украшались процарапанным, расписным и штампованным орнаментом, который размещался на шейке или на плечиках. Иногда кувшины покрывались одним расписным орнаментом: красным, темнокоричневым и марганцово-фиолетовым, переходящим иногда почти в черный, по кремовому фону, иногда красным по более светлому — розовому; обычно

Рис. 7. Амфороподобный сосуд (фото).

окрашивался венчик сосуда на внутренней и внешней части и ручка до половины, иногда же — вся верхняя часть сосуда вместе с плечиками, от которых вниз спускалось несколько правильных полосок или просто натеков; нередко плечики сосуда отмечались широкой горизонтальной крашеной полосой, которая в свою очередь обрамлялась процарапанными параллельными бороздками и комбинировалась со штампованным орнаментом, дающим ритмическое повторение одного и того же мотива (звездочки, круглые медальоны, заполненные выпуклыми бусинами, пальметками и другими мотивами).

Кроме крашеной полосы, плечики сосуда украшались еще несколькими рядами процарапанных волнистых линий, отделенных друг от друга параллельными бороздками или рядом параллельных, волнистых линий, внизу обрамленных бахромой или горизонтальным поясом, состоящим из одинаковых повторяющихся мотивов, сверху и снизу отграниченных узкими полосками из одной или нескольких параллельных линий. Часто штампованные орнаментальные мотивы, если они наносились на кремовую поверхность сосуда, окрашивались в более темный цвет (коричневый или красный).

К сосудам, служившим для хранения жидкостей, по профилю своей шейки и стенок напоминающим кувшин, но отличающимся от последнего более низкой формой, широкой, открытой в верхней своей части, можно отнести сосуд, изображенный на табл. III.

Для приготовления пищи обычно служили горшки грубой работы. Они имели шаровидную форму, прямое широкое дно и низенькую шейку, слегка отгибающуюся наружу, иногда еще перехваченную в своей наиболее узкой части одним или двумя желобками (вариации диаметра отверстия 9—11—15 см). Встречаются и несколько иные вариации венчиков, в общем не отличающиеся большим разнообразием. Горшки, как правило, лишены ручек. Обычно они покрыты сажей. Другая разновидность сосудов для приготовления пищи имеет также шаровидную, но несколько приплюснутую форму и снабжена двумя горизонтальными, близко к туловищу поставленными ручками, иногда витыми. Такая форма с витыми ручками распространена и в соседнем Термезе и в других местах (на Черноморском побережье, в Ольвии, в Придонье и в др.).

Из числа широкогорлых сосудов, найденных в Айртаме, можно выделить довольно распространенную группу посуды с округлыми, несколько загибающимися вверх стенками. Она представлена целым рядом верхних частей стенок и венчиков, отличающихся некоторым разнообразием профилировки и обычно отделенных параллельно идущими желобками, имеющимися иногда и на плечиках сосуда (IV, 24—26). Эти сосуды бывают разных размеров — от более крупных до совсем небольших. Особую разновидность в этой группе составляет большой сосуд сферической формы с характерным загнутым внутрь венчиком, как об этом можно судить по фрагменту его верхней части (табл. III).

Из крупных сосудов хозяйственного назначения с широкой открытой поверхностью следует отметить тагару — кадку для стирки белья, имеющую совершенно прямые или слегка наклонные стенки и прямое дно, соединенное под прямым углом с боковыми стенками. Известен сосуд для умывания в виде таза с изогнутыми под тупым углом стенками.

Как уже упоминалось, в Айртаме обычно употреблялся светильник в форме плоскодонной чашечки. Встретилась только одна форма круглой чашечки с загнутыми в середину краями. В соседнем Термезе, кроме упомянутой формы, встречаются и другие с одним и четырьмя оттянутыми носиками для фитилей.

От тарелок, не сохранившихся в целом виде, остались, главным образом, бортики, довольно широкие, иногда с волнистой линией контура, с выпуклостями и желобками, бегущими по нему параллельными или зигзагообразными линиями. Несколько иной формы бортики, обычно загнутые кверху, имеют плоские тарелки — блюда (IV, 39, 40) на кольцевой ножке (V, 23).

Лучше сохранилась форма глубокой чаши, напоминающей украинскую миску. Она имеет в Айртаме несколько разновидностей, из которых можно восстановить три. Это — глубокая миска с округлыми стенками и слегка загибающимися внутрь верхними краями. Затем следует отметить миску конической формы с отогнутым вниз верхним бортиком стенок, который иногда имеет сложный волнистый профиль и рифленую поверхность наружных стенок. Третья разновидность миски имеет несколько иную форму дна с изящным изгибом и своеобразную форму отогнутых бортиков на двух противоположных концах, снабженных овальными выступами (часто отмеченных более сложным процарапанным или штампованным орнаментом или же покрытых краской). Подобные выступы служили для более удобного держания сосуда. Аналогичные формы с выступами — ручками мы также встречаем в Термезе, где указанные выступы бывают украшены более богато. Эту же форму мы встречаем и среди римских сосудов (53) и среди ольвийской глиняной посуды римского времени (54).

На сосудах с широкой открытой поверхностью (тарелки, миски) орнаментом украшалась, главным образом, внутренняя поверхность; снаружи обычно орнаментировалась только верхняя часть. В мисках и тарелках с отогнутыми широкими бортиками орнамент обычно сосредоточивался на бортиках; они либо окрашивались в более темный по отношению к общему фону тон, либо орнаментировались рядом прямых или волнистых процарапанных линий, или довольно широких углубленных полосок, вносящих в ровную поверхность тарелки игру светотени. Особой орнаментацией подчеркивались в мисках их боковые выступы — „ручки“, отмечаемые иногда рядом штампованных мотивов. Дно в такой миске либо оставлялось без орнаментации, либо покрывалось целой сеткой линий, сделанных лощением, что в свою очередь разнообразило гладкую матовую поверхность дна блестящими контурами пересекающихся в разных направлениях линий. Подобный лощеный орнамент состоял как из волнистых, так и зигзагообразных отрезков, заключенных в рамки двух параллельных линий.

К разряду столовой посуды относятся также разного рода небольшие кувшинчики с ручкой или с боковым носиком (без ручки); последний бывает то совсем небольшого размера, то более длинной вытянутой формы вроде носика наших чайников. Подобные кувшинчики, повидимому, употреблялись для культовых целей при ритуальных возлияниях, как это засвидетельствовано на целом ряде барельефов с буддийскими изображениями, например, на барельефе в Бхархуте середины III в. до н. э. (55).

Характерен для Айртама широкогорлый небольшой сосуд, имеющий форму кубка, со слегка суживающейся цилиндрической шейкой и со сплюснутым грушевидным туловищем. Верхняя половина такого кубка обычно украшена лощеным орнаментом из вертикальных полосок. Такими же вертикальными полосками по корпусу орнаментировались и указанные выше небольшие кувшинчики с боковым носиком.

Особым изяществом отличаются довольно распространенные на Айртаме полусферические глубокие и более мелкие тонкостенные чаши, обычно окрашенные красным ангобом, часто лощеные или покрытые „лакоглазурной облицовкой“. Они имеют слегка загнутые внутрь края стенок, иногда с одной или двумя изящными бороздками и часто снабжены низенькой цилиндрической или кольцевой ножкой. Главное внимание в этих сосудах обращалось на изящество контуров и качество цветного ангобного покрытия, и они обычно совсем не орнаментировались. Подобная форма полусферической чаши является очень древней и широко распространенной еще во времена неолита (56) и бронзового века у всех народов. Она засвидетельствована и на целом ряде изображений в Египте, Ассирии и Вавилонии, на греческом материке с окружающими его островами (Крит, Кипр и др.) и в других странах Европы.

Большого изящества достигли подобные чаши в эллинистическое и римское время, когда особенно прославились так называемые мегарские кубки, арретинские и самосские чаши, украшенные часто рельефным орна-

ментом; многие из них отличаются необычайной тонкостью стенок и прекрасным качеством своей облицовки. Подобные формы чаши встречаются очень часто и на каменных буддийских барельефах в Индии (57).

К своеобразным образцам айртамской керамики относится конический бокал на невысокой профилированной ножке, несколько вогнутой снизу, покрытый красным ангобом. Тут же мы встречаем и несколько иную форму бокала с ломаным контуром стенок: в верхней части он образует цилиндр, а в нижней — конус; ножка его напоминает ножки наших рюмок с тонким стержнем и круглым поддонцем (подобная форма часто встречается в Термезе). Найдена и еще одна разновидность ножки бокала, имеющей коническую, расширяющуюся вниз форму с прямо срезанным дном (рис. 8).

Форма конического бокала существовала уже в глубокой древности (58). Она имела целый ряд разновидностей: от узкого вытянутого кверху бокала ма

Рис. 8.

1 — кувшинчик с боковым носиком; 2 — широкогорлый сосуд в форме кубка;
3 — конический бокал.

небольшой конической неустойчивой ножке (59) до более низкого, широко раскрытого сосуда на плоской круглой ножке (60) или же на небольшой цилиндрической или кольцевой ножке (61). Встречается также бокал без всякой ножки с прямо срезанным дном в форме стакана (62). К сожалению, ввиду недостаточности материала мы не имеем возможности проследить развитие этой формы на территории Средней Азии. Можно только отметить, что здесь встречается несколько ее вариаций. Узкий, высокий бокал на конической неустойчивой ножке обнаружен на Афраснабе (63); там же встречен бокал с ломаным контуром стенок, на плоской круглой ножке с перехватом посередине (64), а также широкий конусообразный на невысокой конической ножке с прямым срезом дна. Для Тали-Барзу (65) эллинистического периода типичным является широкий конусообразный бокал на небольшой цилиндрической или со слегка скошенным краем ножке, с прямым срезом дна. Эта форма приближается к современной, столь распространенной в Средней Азии и соседних с ней странах, пиале, которая, возможно, произошла от бокала конической формы.

Таким образом, как мы видим, айртамский бокал является своеобразным

вариантом конической формы сосуда. Один из ранних ее прототипов мы встречаем в керамике из раскопок холма каменного века в Персеполе (66). Любопытно отметить, что аналогичная форма встречается и на буддийских барельефах Индии во II в. н. э., где она некоторыми исследователями трактуется как чаша для подаяний Будды (67).

К таким же единичным находкам относится и небольшая, довольно изящной формы круглая глиняная коробочка типа пиксиды, которая, очевидно, была снабжена еще крышкой, как на то указывает углубление в верхней части ее выступающего бортика (табл. III).

К единичным образцам форм сосудов, найденных среди айртамской керамики, можно отнести и ритон в виде головы львицы (68). От него сохранилась только одна нижняя часть. Ритон покрыт красным ангобом. Сделан он с большим мастерством и напоминает хорошие образцы античной керамики (рис. 9 и 10).

Описанный нами комплекс форм дополняется еще изображениями сосудов на терракотовой статуэтке и в монументальной скульптуре Айртама. В первой мы видим сделанный из грубой глины шаровидный сосуд с низкой и слегка отогнутой наружу цилиндрической шейкой — типичная форма сосуда, служащего для ношения воды в Индии и известного там под названием „lota“. Этот же сосуд служил буддийским монахам для приношения очистительной воды; он же употреблялся огнепоклонниками, как „жертвенный сосуд“ (69). На указанной статуэтке сосуд этот держит в руках кушанец (рис. 11). Другое изображение сосуда мы видим на каменном скульптурном Айртамском фризе: это — изящная чаша с волнистым контуром стенок, которую держит в руке, повидимому, буддийский монах, находящийся рядом с музыкантом, ударяющим в кимвалы.

На этом заканчиваем перечисление наиболее распространенных главных типовых форм айртамской керамики. Остается еще коротко остановиться на особенностях ее орнаментации.

Рис. 9. Ритон в форме головы львицы.

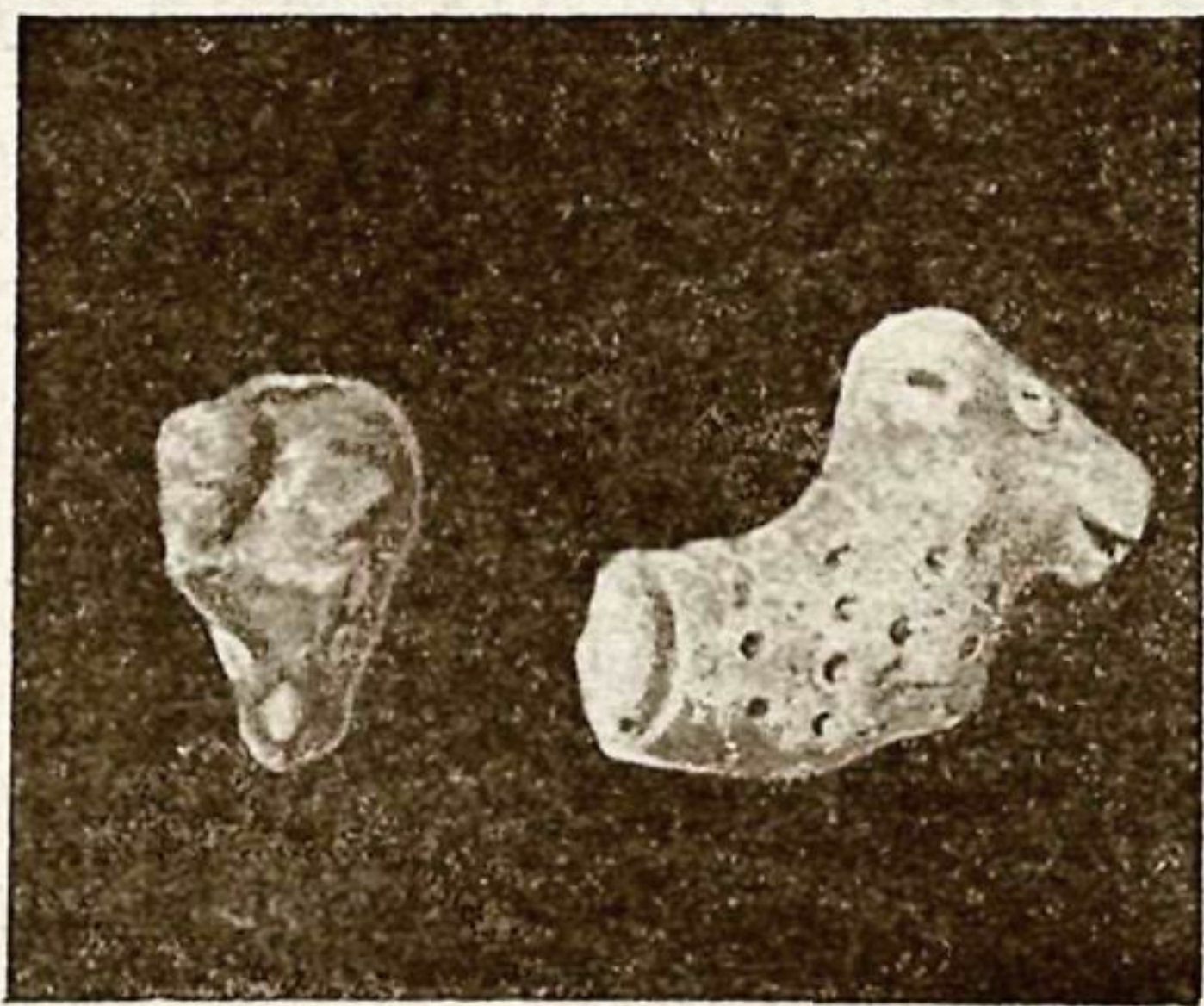

Рис. 10. Фрагмент статуэткы барашка.

В общей массе айртамская керамика, как уже отмечалось, совершенно лишена всякого орнамента и главным ее, так сказать, украшающим моментом является покрытие поверхности светлым кремовым или реже разных оттенков красным (от светлокрасного до темнокоричневого и марганцово-фиолетового) ангобом (редко — зеленой поливой). Обычно же, если сосуд орнаментирован, то эта орнаментация очень экономно распределяется на поверхности сосуда, подчеркивая его конструктивные части: венчики кувшинов и хумов, плечики и ручки кувшинов, бортики тарелок и мисок, верхний край сферических сосудов и шейку горшка или котелка. Характерной особенностью ее орнаментальной композиции является распределение узора в горизонтальных поясах, идущих вокруг сосуда непрерывной полосой, или же размещение его отдельными мотивами, ритмически чередующимися, иногда обрамленными только с двух сторон одной или несколькими линиями.

Рис. 11. Статуэтка кушанца с сосудом.

В состав орнаментальной композиции входит целый ряд геометрических элементов — прямых или волнистых линий, зигзагов, черточек, дужек, квадратиков и треугольников, или же растительных — листочков, пальметок и других мотивов — звездочек, изображений вертуна, свастики, ступни Будды. Некоторые из указанных мотивов являются изображением традиционных символов, связанных с древним обожествлением сил природы; сюда относятся изображения священного дерева, небесных светил (солнца и звезд), которые отчасти могли еще сохранить свой символический характер; однако тут мы встречаемся и с новыми символами, связанными с одним из господствовавших здесь религиозных культов — буддизмом; в этом отношении характерно изображение ступни Будды на одном из глиняных черепков.

Говоря о лощеном орнаменте, следует отметить, что в айртамской керамике он имеется на сосудах, покрытых красным ангобом; очень редко встречаются образцы с марганцово-фиолетовым и почти черным узором.

Кроме глиняной посуды, составляющей основную массу находок, в Айртаме было обнаружено несколько терракотовых статуэток, часть которых происходит из раскопок, а часть является подъемным материалом. К ним относится довольно грубой работы примитивная статуэтка с необработанной тыловой частью из темнорозовой глины со следами красной окраски. Эта статуэтка изображает кушанца (голова отбита) в длинном кафтане с меховой оторочкой и открытым треугольным вырезом шеи; кафтан застегнут на груди крупной пряжкой; внизу полы его расходятся закругленными углами. В левой руке он держит шарообразный сосуд, в правой, повидимому, плет, прислоненную к плечу. Высота статуэтки 12 см, ширина — 8 см вверху и 5 см внизу (70).

Другая статуэтка изображает женскую фигурку с высокой приче-

ской, а может быть, с головным убором. Изображение сильно попорчено. В правой руке она держит неопределенной формы предмет. Размеры: $8,5 \times 5 \times 1,5$ см.

Две другие статуэтки являются фрагментами фигурок животных, повидимому, баранов. От первой сохранилась передняя часть туловища, покрытого круглыми ямочками, быть может, изображающими завитки шерсти; размеры ее 5×7 см. От второй сохранилась типичная головка с круто закрученными рогами; размеры $4 \times 4 \times 3$ см. Возможно, эти статуэтки относятся к культовым изображениям (известно, что в буддийской пластике очень часто встречаются изображения барашков — этих излюбленных участников детских игр Будды).

К культовому инвентарю относится также глиняный предмет винтообразной формы, несколько суживающийся кверху; размеры $8 \times 8,5 \times 6$ см. Предмет этот являлся, очевидно, навершием какого-нибудь небольшого реликвария в форме ступа и символизировал собой чайтью (рис. 12) — священное дерево, под которым получил просветление Будда. Подобного рода формы известны нам по целому ряду предметов, принадлежащих к буддийскому культовому инвентарю. Мы

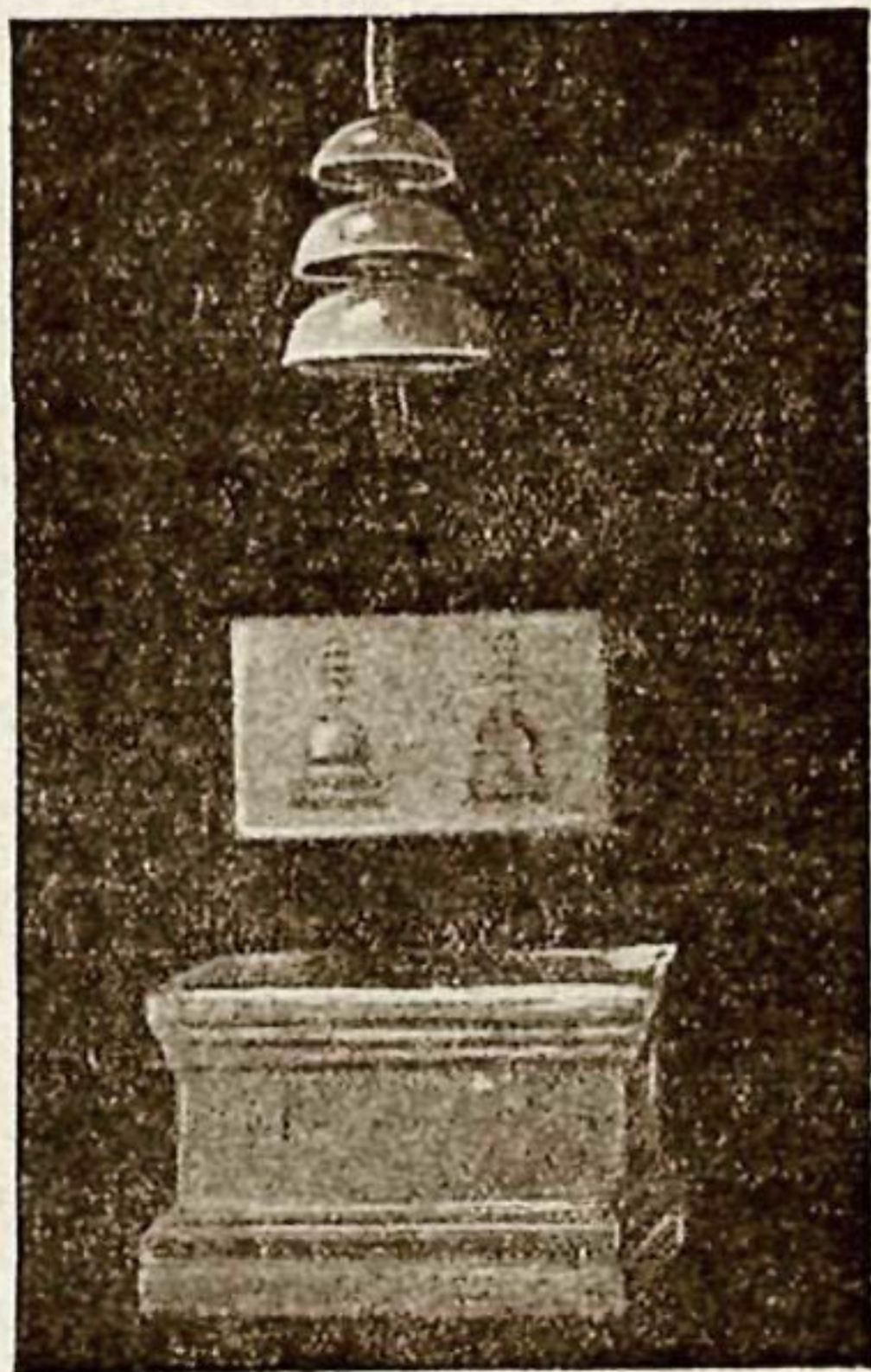

Рис. 12. Чайтья.

встречаем его на крышке глиняного реликвария, происходящего из Кара-Тепе (Древний Термез) (71); на деревянном реликварии, хранящемся в Отделе Восточного Туркестана Государственного Эрмитажа (72) и в целом ряде иллюстративных изображений буддийского искусства (73).

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что гончарное производство в Айртаме в описываемый период, т. е. в первые века н. э., прошло уже известные этапы своего развития и достигло определенного уровня совершенства в приготовлении керамической массы для строительного материала и тонкой высокосортной посуды, в формовке сосудов и выработке большого разнообразия форм.

Нахождение же на Айртаме небольшого количества фрагментов сосудов, покрытых зеленой поливой, указывает на начало какого-то перехода к новой технике гончарного производства, которая прочно утвердилась здесь только после прихода арабов, когда изменившиеся производственные отношения сделали невозможным применение прежних очень трудоемких технических приемов, распространенных в условиях рабского труда.

Интересно отметить, что этот факт перехода к новой технике керамического производства засвидетельствован в Средней Азии в связи с установлением там нового социального уклада — феодального.

Анализ форм некоторых групп айртамских сосудов (кувшин, чаши), отличающихся особой четкостью контурных линий и ясностью своей архитектоники, свидетельствует об усвоении определенных, можно сказать классических, традиций, которые частью еще дают себя знать в некоторых формах, как например, в кувшине типа энохойн, в пиксиде и ритоне в форме головы львицы, частью, возможно, в применении особых приемов техники („лакоглазурное покрытие“). В связи с этим встает вопрос, не являлась ли здесь указанная техника полирования сосудов местным подра-

жанием столь широко распространенным изделиям эллинистической и римской керамики? Если вспомнить, что на территории древнего греко-бактрийского царства работало немало пришедших сюда вместе с греческими завоевателями и купцами различных специальностей ремесленников-греков и других выходцев из эллинизированных стран, долженствовавших удовлетворять вкусы и запросы живущей здесь греческой военной аристократии, то станет понятным это проникновение в местное искусство технических приемов и форм эллинистического и римского искусства.

В Айртаме, бывшем, повидимому, провинциальным центром кушанских владений, мы не обнаружили особого богатства форм и орнаментации. В отличие от него, в соседнем Термезе, являвшемся крупным торговым и политическим центром древнего Тохаристана, наблюдается значительно большее разнообразие форм и аналогий с эллинистическими образцами.

Наряду с эллинистическими мотивами, подвергшимися здесь своеобразной переработке, как это ясно видно на примере монументальной скульптуры Айртама, в трактовке акантов, угловых волют фриза и др., мы встречаем и применение элементов чисто примитивного орнамента, связанного с древними народными верованиями (древо жизни, небесные светила) и мотивов, заимствованных из нового, господствовавшего при кушанских правителях на побережьях Аму-Дарьи религиозного культа — буддизма. Отмеченное в Айртаме сочетание элементов различных культур, отраженных в айртамской керамике, предстанет перед нами в еще более ярком виде, когда мы привлечем для характеристики айртамской керамики каменный фриз с музыкантами и гениями, приносящими дары, и мелкие статуэтки, где изображены и самые носители культуры того времени: местная, породившаяся с греческой знатью и воспринявшая элементы эллинистической культуры аристократия, кушанские правители, покровительствовавшие организации вдоль древних торговых путей буддийских общин и монастырских поселений, и буддийские монахи, принесшие сюда новое религиозное учение, навыки индийской школы искусства и письмо — карошти.

Если при характеристике керамики кушанского времени мы почти не выходили из границ Айртама, то это, конечно, не значит, что этот город являлся важнейшим центром данного производства. Нами неоднократно упоминалось, что керамика подобного рода, кроме соседнего Термеза и побережья Аму-Дарьи, была обнаружена и значительно севернее этого района. Дальнейшее исследование должно пополнить настоящее описание, являющееся лишь первой попыткой дать общую характеристику одного лишь пункта керамического производства времени кушанов, определить район распространения этой керамики и углубить изучение техники производства, подвергнув всестороннему анализу образцы глины и облицовочных покрытий.

В связи с этим небезынтересно было бы произвести стратиграфическое исследование наиболее ранних культурных наслоений Афрасиаба, где еще В. Л. Вяткиным были отмечены красные конусовидные высокие бокалы на маленьких неустойчивых подставочках и широкие чаши на ножках, производившие впечатление архаичных (74). В настоящее время мы можем более уверенно определить их как кушанские.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) *L. Bachhofer*, Early Indian sculpture, 2 vol., Paris, 1929; *Ananda Coomaraswamy*, History of Indian and Indonesian Art. London, 1927; *J. Ph. Vogel*, Een beeld van koning Kaniska den Kusan. Amsterdam, 1913; *J. Ph. Vogel*, La sculpture de Mathura. Paris, 1930 („Art asiatique“, 1930, XV).

2) *A. Foucher*, L'Art gréco-bouddhique du Gandhara. Paris, 1905, vol. 1 (гл. Sangharama).

3) Керамика из раскопок Чингиз-Тепе находится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

4) Материалы из раскопок 1937 г. в Айртаме были экспонированы на отчетной выставке работ ТАКЭ, устроенной ко дню празднования 20-летия Октябрьской революции в помещении Художественного музея в Ташкенте. Основная масса материалов хранится в Узкомстарисе, часть — в Термезском музее.

5) В фондах Самаркандского музея среди керамических материалов разного происхождения (из раскопок на Афрасиабе и многочисленных находок в окрестностях Самарканда) часто попадаются образцы кушанской керамики.

6) Материалы из экспедиции *Г. В. Григорьева* в Тали-Барзу хранятся в Самаркандском музее.

7) Подробнее о раскопках в городище Айртам и каменном скульптурном фризе см. в статьях *М. Е. Массона*: „Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.“ (материалы Узкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1933) и „Скульптура Айртама“ („Искусство“ № 2, М., 1935), а также в моем отчете о раскопках 3-го отряда ТАКЭ в городище Айртам весной 1937 г.

8) Все приведенные химические анализы были сделаны в лаборатории силикатов Киевского индустриального института научным сотрудником этого института — доцентом *Е. А. Галабуцкой* и дополнены научной сотрудницей Института археологии Украинской академии наук *О. А. Кульской*. Минералогические анализы произведены научной сотрудницей Института геологии Академии Наук *М. П. Кожич-Зеленко*.

9) *Samuel Birch*, History of ancient pottery, London, 1858, p. 239 и сл.

10) *А. В. Арциховский*, Введение в археологию, М., 1940, стр. 96.

11) *В. Н. Граков*, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1929, стр. 7.

12) Там же, стр. 24.

13) На Айртаме глиняных штампов обнаружено не было. Но употребление подобных штампов для орнаментации керамики упоминается *Л. В. Вяткиным* в его книге „Городище Афрасиаб“, Самарканд, 1926. Известно также применение подобных штампов и во многих других местах, как например, в Ольвии (ИАК, вып. 20, стр. 20). Мы имеем свидетельство о том, что штампованный орнамент наносился также и при помощи деревянного инструментария. См. статью *Madeleine Colani*, описывающую технику орнаментирования глиняной посуды в Индии. Статья помещена в „Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient“, Т. XXXIII, 1933, fasc. 1, Hanoi, 1934, под заглавием: „Céramique, procédés anciens de décoration“.

14) См. Vase в „Reallexikon der Vorgeschichte unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter“, herausgegeben von *Max Ebert*. Berlin, 1929. Verlag Walter de Gruyter und Co., Band XXIV.

15) *M. Ebert*, op. cit., а также книгу *A. Evans*, The palace of Minos, London, 1921, t. I, p. 38.

16) *M. Ebert*, op. cit.; *Einar Gjerstad*, Studies on prehistoric Cyprus. Upsala, 1926, стр. 89 и сл.

17) Встречается она в Трое (*Carl W. Blegen*, Excavations at Troy: „American Journal of Archeology“, 1934, vol. XXXVIII, n° 1, January—March, и там же, 1935, vol. XXXIX, n° 1, January—March, p. 112); в Киликии (*Einar Gjerstad*, Cilician studies — „Revue archéologique“, 1934, t. III, 6-me serie, mai-juin, pp. 155—203). В центре Сирии (Hamath) встречается черная и серая лощеная керамика; в Палестине обнаружена в XI—XII слое бронзового века в Beth-yerah (*W. E. Albright*, Excavations during 1933 in Palestine, Transjordan and Syria, „American Journal of archeology“, 1934, vol. XXXVIII, n° 1, January—March); фрагменты керамики, извлеченные раскопками в Трансиордании, покрыты прекрасной красной или коричневой облицовкой и хорошо отполированы и украшены темнокоричневым орнаментом (*Nelson Glueck*, The civilisation of the moabites, „American Journal of Archeology“, 1934, t. XXXIII, n° 2, April—June (p. 214); в Месопотамии, в Сузах (*M. Ebert*, op. cit.); в Иране встречается серая лощеная керамика и красная по бурому фону — возле Кашана (*M. Arthur Pope*, Prehistoric pottery from Persia, „Illustrated London News“, 1934, Dec. 15, p. 1005, „American Journal of Archeology“, 1935, t. XXXIX, n° 1, January—March, p. 119).

18) В Закавказье, в эпоху меди и бронзы, лощеная керамика черного цвета обнаружена раскопками 1936—1937 гг. в Шенгавитском поселении у Еревана (первая половина II тысячелетия до н. э.); в Грузии, в р. Цалки найдена в 1937—1938 гг. в курганах черная лощеная керамика с резным узором (История народов СССР, т. I, стр. 115).

19) Встречается в Анау I и II светлокрасная, часто красная керамика, полированная (*M. Ebert*, op. cit., стр. 82, а также *E. Gjerstad*, Cilician studies, „Revue Archéologique“, 1934, t. III, 6-me serie, mai—juin, p. 185). В Ак-Тепе, у Ашхабада (раскопки 1930—1931 гг.), среди многочисленных находок керамики встречаются фрагменты неорнаментированные, с серой или черной лощеной поверхностью (III тыс. до н. э.). Интересны формы — высокие чаши с сильно расширенной верхней частью и кубки на высоких ножках, украшенные валиками (op. cit., т. I, стр. 156).

20) В Казахстанских степях (аул Дындыбай на р. Чурубай-Нура) в могиле, сложенной из камня, обнаружены фрагменты лощеного сосуда (История народов СССР, т. I, стр. 154).

21) В Сибири, в могильниках Минусинских степей, найдены горшки шаровидной формы с лощеной поверхностью, иногда окрашенные в красный цвет (ор. cit., т. I, стр. 151).

22) В Till el Hammeh, на северном берегу реки Yarmūk, на границе Палестины, Сирии и Трансиордании, в Beth-yeḡah найдены фрагменты с лощеным узором, состоящим из вертикальных и перекрещивающихся линий на красновато-коричневом и красном фоне (Research in Palestine, Transjordan and Syria, „American Journal of Archeology“, 1935, vol. XXXIX n° 1, January — March, p. 141).

23) Samuel Birch, op. cit., p. 200; 333.

24) Среди материалов Ольвийской экспедиции Института археологии Украинской академии наук встречается очень много образцов лощеной керамики, черной, серой и красной, орнаментированной обычно прямыми, волнистыми и перекрещивающимися линиями.

25) Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станицы Елисаветской по находкам экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1928 г., см. в сборнике „Из истории Боспора“, М.—Л., изд. Гос. академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, стр. 111—201; стр. 137, 167—168 и 198. Лощеная керамика найдена ниже слоя, содержащего греческую керамику; в меньшем количестве она найдена вместе с греческою (стр. 175—176).

26) Там же, стр. 175.

27) „Вестник древней истории“, 1938, № 1 (2), стр. 142, об экспедиционной работе московских археологов в 1937 г.

28) Раскопки французской и американской экспедиции, производимые здесь в течение ряда лет, обнаружили образцы из красноватой или бурой глины с полным и частичным лощением вертикальными полосками. Описание этой керамики см. у Nielson C. Debevoise. Parthian pottery from Seleucia on the Tigris. „Am. Arbor University of Michigan Press“, 1934.

29) Там же.

30) В. Л. Вяткин, Городище Афрасиаб, стр. 40; см. также образцы Самаркандского музея.

31) См. образцы, хранящиеся в Самаркандском музее и происходящие из разных разведочных экспедиций.

32) В Киргизской ССР лощеные, сделанные от-руки сосуды, большей частью окрашенные в красный цвет, с зеркальным и полосчатым лощением мы находим в усуньских могильниках III в. до н. э.—I в. н. э.—М. Е. Воеводский и М. И. Грязнов. Усуньские могильники на территории СССР („Вестник древней истории“, 1938, № 3, стр. 179).

33) Г. Гехт, Керамика, перевод со 2-го немецкого издания, Л.—М., 1938, стр. 127—128.

34) Упоминание о применении точильных станков мы встречаем у S. Birch, op. cit., стр. 349 и у Nielson C. Debevoise, op. cit., стр. 13.

35) Долгое время среди исследователей существовало разногласие относительно первоначального места производства этой керамики. Но в настоящее время рядом раскопок установлено, что район ее распространения был очень обширен. Эту керамику находят в различных местах Европы — в Британии, Германии, Франции, Польше и Испании, где были местные центры ее производства, а также на Востоке — в Малой Азии, Сирии, Месопотамии и по побережью Черного моря, где также встречаются местные подражания привозной римской посуде.

36) Г. Гехт, op. cit., стр. 227.

37) A. Richter, The craft of athenian pottery. 1923, см. также рецензию на эту книгу А. К. Драгоев, Мастерство древних афинских гончаров: „Вісник Одеської Комісії Краєзнавства“ № 2—3, Одесса, 1925, стр. 86—99.

38) Подробные анализы глины и облицовок даны в работах О. А. Кульской, подготавливаемых к печати.

39) Mazard, De la connaissance par les anciens des glaçures plombifères, 1879; Rayet et Collignon, Histoire de la céramique grecque; Dressel. Annali, 1882; Dragendorf. „Terra sigillata“. Перечисленные авторы указаны в упомянутой книге S. Birch.

40) Штерн, Значение керамических находок, находимых на юге России, для выяснения культурной истории черноморской колонизации, стр. 19. Его же, Античная глазированная посуда на юге России, Одесса, 1922 („Записки Одесского об-ва истории и древностей“, т. XXII, стр. 22).

41) Херсонесский сборник, вып. 2, Севастополь, 1927, стр. 185, 231.

42) Nielson C. Debevoise. Op. cit.

43) Там же, fig. 192, 193, 199, 201, 346, 347 и др.

44) Их находят также в Варке, Ассуре, Ктезифоне и Ниппуре.

45) Cumont, Fouilles de Doura Europas. Paris, 1926, 460 ff. M. Rostoutzeff, Dura Europas and its art. Oxford, at the Clarendon Press, 1938, p. 79. Некоторые из глазированных ваз, находимых в могилах, датированы.

46) Annual Report of the Archeological Survey of India, 1928—1929, publié sous la direction de H. Hargreaves, official Director General of Archeology in India, Dehli, 1933, p. 57. см. в „Revue Archéologique“, 1934, 6-me série, t. III, p. 288.

47) Следует отметить, что в ранний период Римской империи особенно оживленным являлся путь, ведущий из Сирии через Персию и Афганистан в Индию, большая часть которого находилась в руках парфянских владетелей. По мнению Ростовцова (M. Rostoutzeff, op. cit., стр. 140, note 13), указанным путем проникали в Афганистан и Индию месопотамские культурные влияния. Об этом свидетельствуют недавние находки индийских изделий из слоновой кости II—III вв. н. э. и сирийского стекла разных типов и форм (S. Birch,

ор. cit., p. 114), обнаруженные французской Афганистанской экспедицией в Каписа в Афганистане.

48) Эритрея в Ионии славилась исключительной тонкостью и изяществом посуды (S. Birch, op. cit., стр. 114).

49) Arthur Christensen, Iran sous les sassanides. Copenhagen, 1936, стр. 121.

50) W. Tarn отмечает подобных выходцев из Сирии в Сузах и Мерве (носившем даже название Антиохии „Сирийской“); поселения греков и македонян в Бактрии — Согдиане; иранцев в Индии и др. W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, стр. 10 и сл., 15, 250.

51) Ananda K. Coomaraswamy, History of Indian and Indonesian Art. London, 1927, стр. 54.

52) W. W. Tarn, op. cit., стр. 355. Между прочим W. Tarn указывает, что упомянутый грек Агесилай был, очевидно, одним из искусных греческих рабов, импортированных с З. Следует отметить, что он не принадлежал к числу перворазрядных греческих мастеров и был скорее вульгаризатором классического наследия.

53) На подобных блюдах эти овальные выступы обычно украшены рельефным фигурным и растительным орнаментом (S. Birch, op. cit., fig. 197).

54) См. материалы из экспедиции Института археологии Украинской академии наук.

55) См. изображение бытовой сценки в ограде монастыря Srāvastī, где один из монахов льет воду на священное дерево из сосуда с длинным носиком. B. Havell, The ancient and medieval architecture of India: a study of Indo-Aryan civilization. London, 1915, pl. XXI.

56) Укажем хотя бы на разнообразные вариации данной формы в керамике Персеполя. E. Herzfeld, Iranische Denkmäler. Lieferung 1, Berlin, 1923, Taf. XVII, XVIII.

57) A. Foucher, op. cit., t. I, fig. 1, 131, где изображены сосуды для питья, и fig. 241, изображающая сценку трапезы в монастыре; L. Bachhofer, The early Indian sculpture. Paris, 1929, t. II, pl. 136, где на барельефе в Orissa (Raler Cave, нач. I в. н. э.) изображен донатор держащий в руке полусферическую чашу.

58) Подобные сосуды с маленькой неустойчивой ножкой служили для держания их в руке, ибо, по существующим обычаям, только опорожнив все содержимое, сосуд этот можно было поставить, перевернув его вверх дном. По подобному же принципу сделаны также сосуды в форме ритона или же рога, употребляемого у закавказских и других народов.

59) См. изображение бокала в руке у богини-матери на золотом кольце из сокровищницы Тиринфа: „D'un seau d'Harappa à l'anneau de Tirinthe“ (Revue Archéologique, 1938, 6-me série, t. XII, juillet — septembre, p. II, fig. 6).

60) A. Evans, op. cit., I, t. I, p. 38.

61) В поздней элладской керамике. E. Gjerstad, Studies on prehistoric Cyprus. Upsala, 1926, p. 212, № 2, во втором ряду снизу.

62) Бокал конической формы очень характерен для керамики Суз бронзового века M. Ebert, op. cit., Vase. В каменном веке он встречается в раскопках холма около Персеполя: E. Herzfeld, Iranische Denkmäler. Lieferung 1, Berlin, 1923, Taf. XVIII, Klasse K.

63) B. Л. Вяткин, op. cit., стр. 40.

64) Эта форма, между прочим, встречается и в Ольвии. См. материалы экспедиции.

65) См. материалы из раскопок Г. В. Григорьева 1937 г., хранящиеся в Самаркандском музее.

66) E. Herzfeld, Iranische Denkmäler. Lieferung 2, Berlin, 1923, Taf. XX, n° 59. Бокал, изображенный на указанной таблице, имеет несколько отличную от айратамского ножку, по форме напоминающую поддонце в виде полого усеченного конуса. Материалы из раскопок, печатаемых E. Герцфельдом, близки к керамике Анау I.

67) См. изображение на каменной ограде в Amaravati сцены поклонения тридцати трех чаше для подаяний Будды, которая имеет форму нашего айратамского бокала. L. Bachhofer, op. cit., t. II, pl. 118.

Здесь интересно обратить внимание на назначение, приписываемое бокалу, на указанном изображении. В книге же Oncken'a (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, Berlin, 1879, стр. 602), описанная сцена трактуется как сцена празднования золотого кубка.

68) Упомянутый ритон принадлежит к находкам 1933 г.

69) См. сцену победы Будды над змеей, изображенную на бруклинском камне, относящемся к раннему кушанскому периоду начала II в. н. э., где в руках у трех огнепоклонников мы отмечаем точно такие же шаровидные сосуды, наполненные водой, которой двое из них заливают пламя, окружающее Будду: Alvan C. Eastman, The buddhist victory over the serpent, „Ostasiatische Zeitschrift“, 1935, Heft 6, Ab. 1.

70) Очень часто на буддийских барельефах изображаются кушанцы в виде донаторов, с сосудами и другими дарами в руках. Аналогии см. у A. Foucher, op. cit., t. II, f. 352.

71) См. каталог отчетной выставки ТАКЭ 1937 г. по отделу дофеодалного Термеза № 312 — Н. 10/38 а.

72) Воспроизведено у С. Ф. Ольденбурга в статье „Гандхарские скульптурные памятники Гос. Эрмитажа“, Л., 1931, табл. IV, рис. с и табл. I, рис. в.

73) A. Foucher, op. cit., t. I, fig. 6 — серебряный реликварий из ступа в Illida; A. Le Coq, Auf Hellas Spuren in Ost Turkestan, London, 1926, Taf. 39, изображение реликвария из Гиуок и др.

74) B. Л. Вяткин, op. cit., стр. 41.

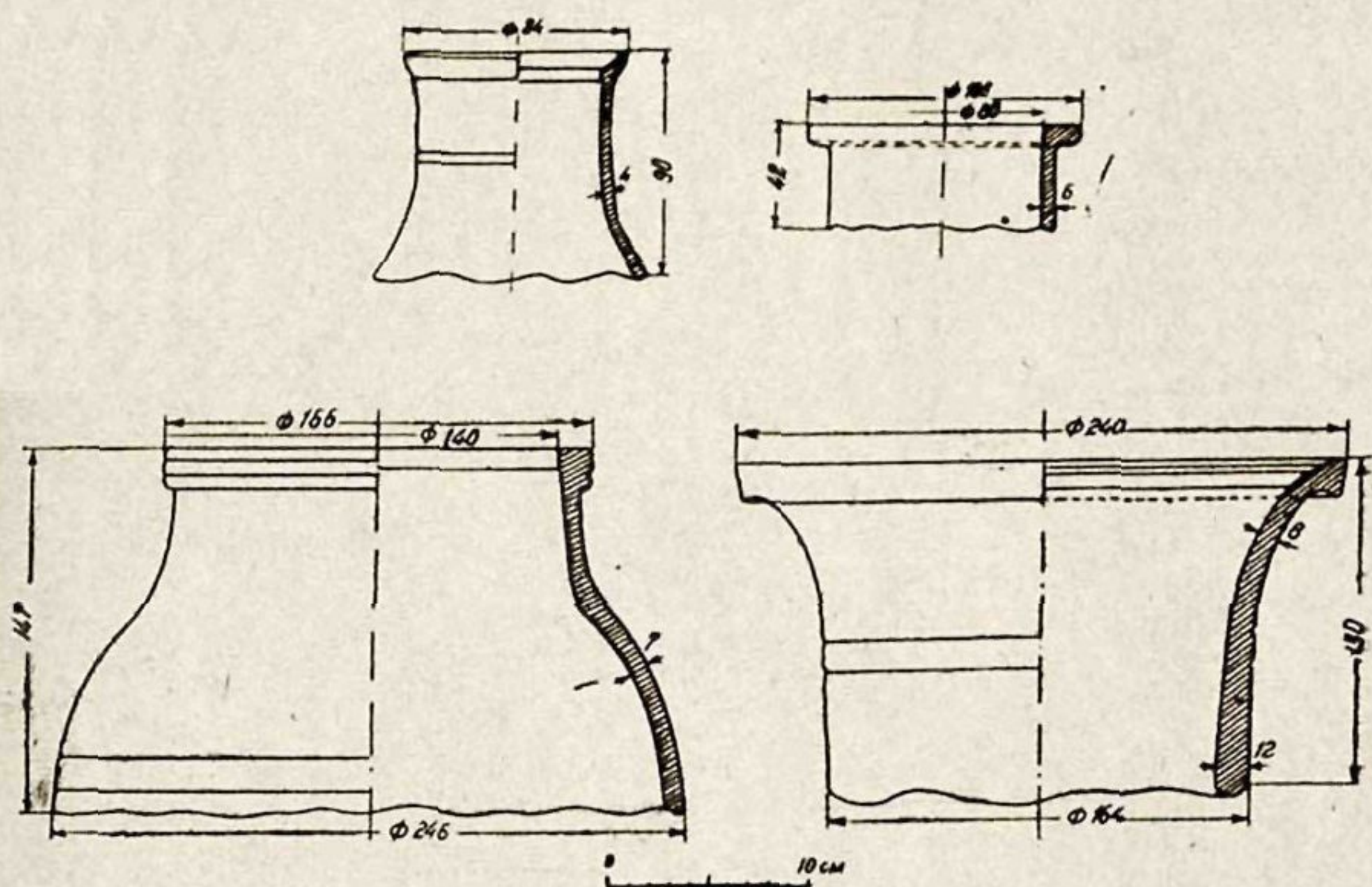

Таблица I.

Реконструкции верхней части кувшинов (разные формы).

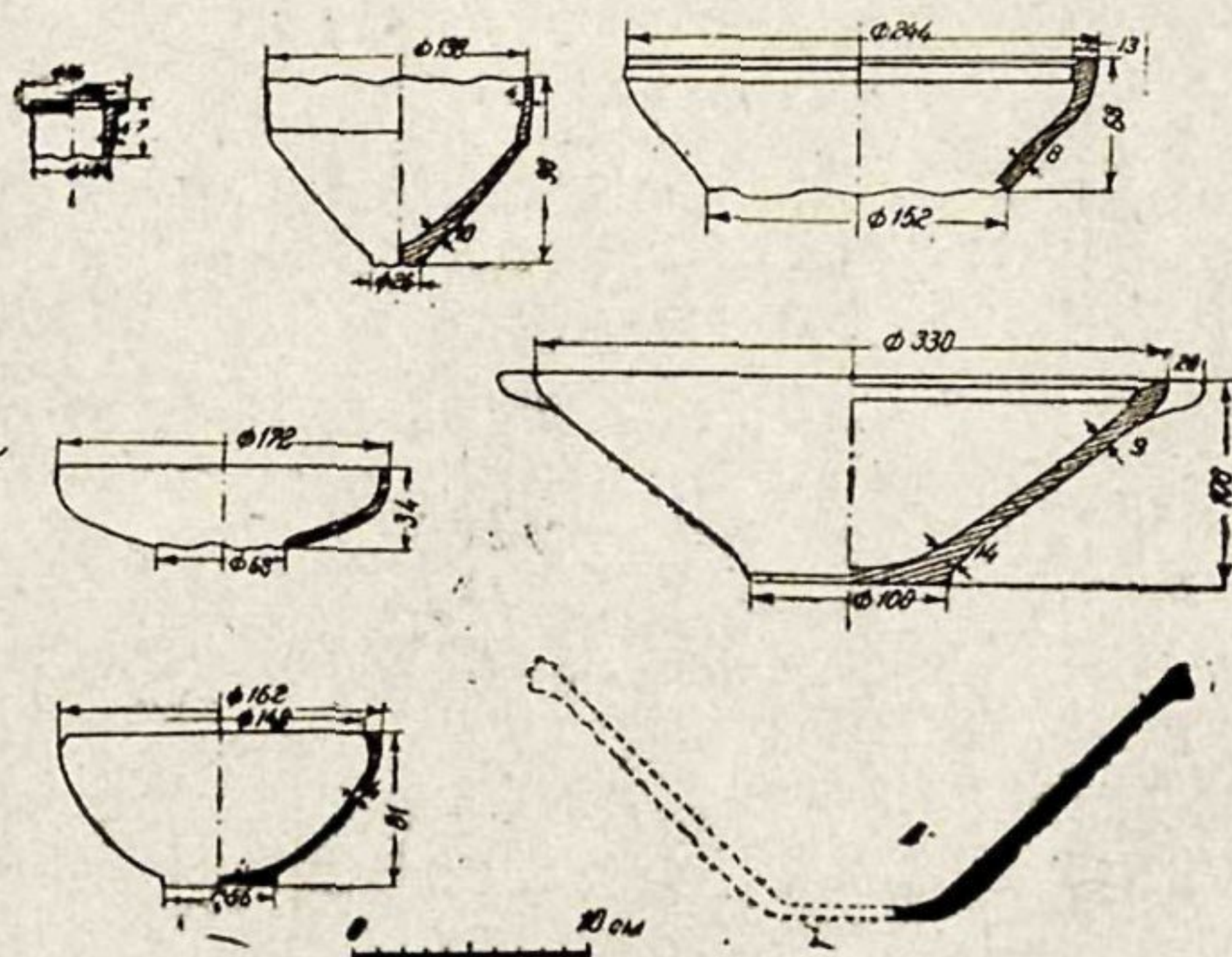

Таблица II.

1 — реконструкция ликсиды; 2 — реконструкция бокала с ломанными контурами стенок; 3 — реконструкция глубокой чаши; 4 — реконструкция мелкой чаши; 5 — реконструкция круглой миски; 6 — реконструкция конической миски с боковыми выступами; 7 — реконструкция конической миски.

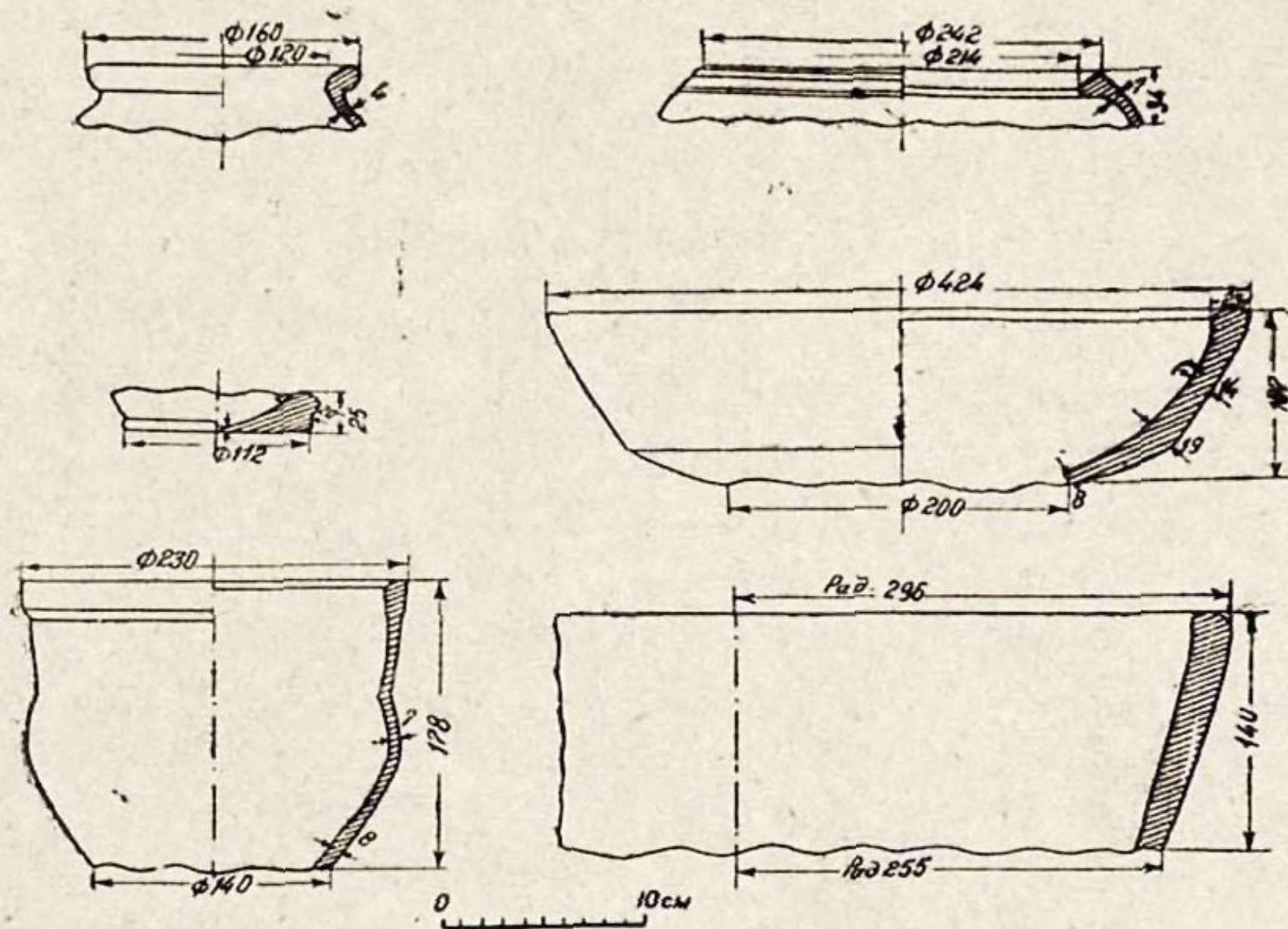

Таблица III.

1 — реконструкция горшков; 2 — реконструкция широкогорлого сосуда в форме кринки;
3 — реконструкция верхней части шаровидного сосуда; 4 — реконструкция таза для умывания; 5 — реконструкция тагары.

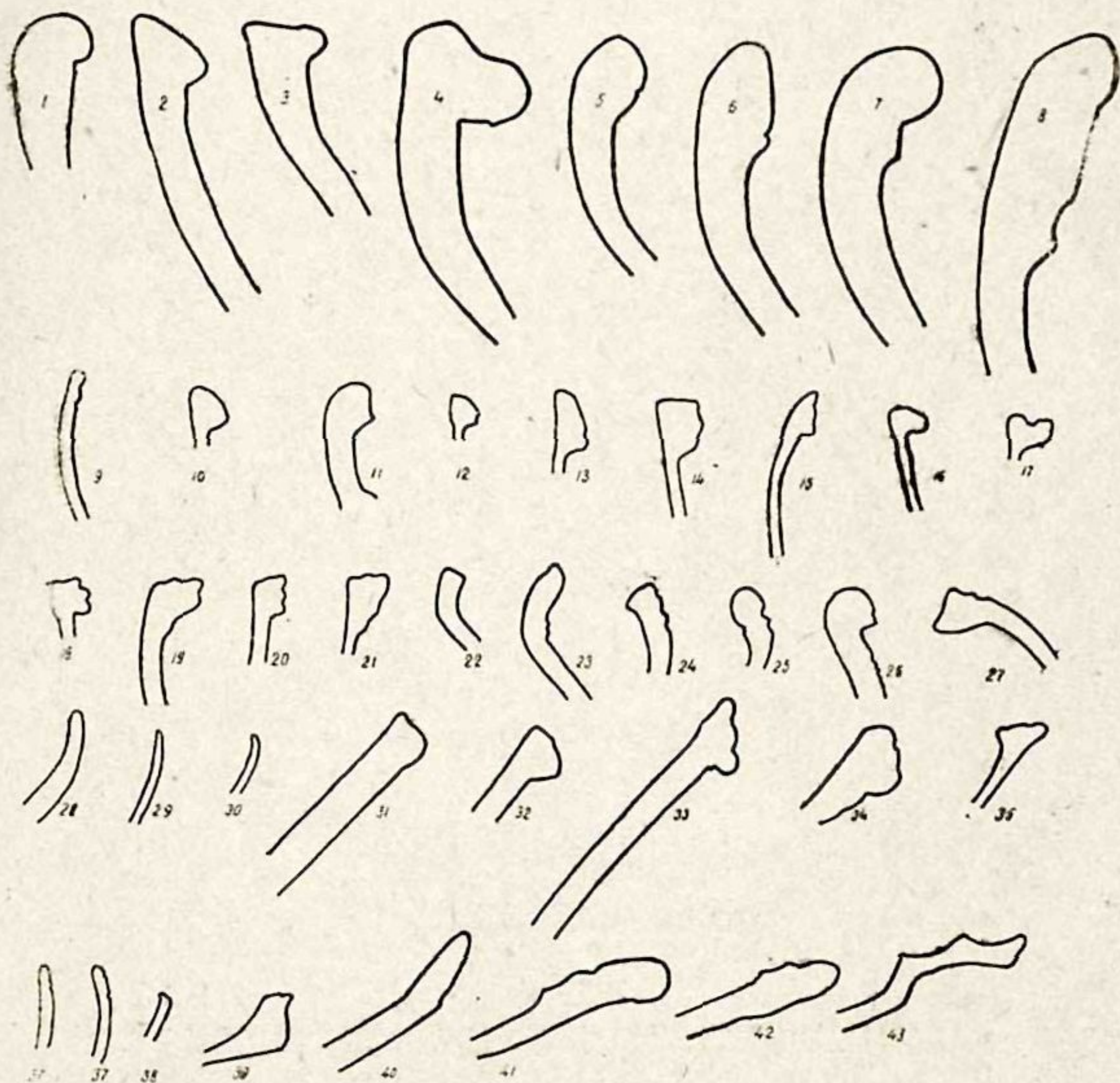

Таблица IV.

1—8 — венчики хумов (контурные рисунки); 9—21 — венчики кувшинов; 22—23 — венчики горшков; 24 — 26 — венчики широкогорлых сосудов; 27 — венчик шаровидного сосуда; 28 — 31 — венчики чаш; 32—36 — венчики мисок; 37—43 — венчики тарелочек.

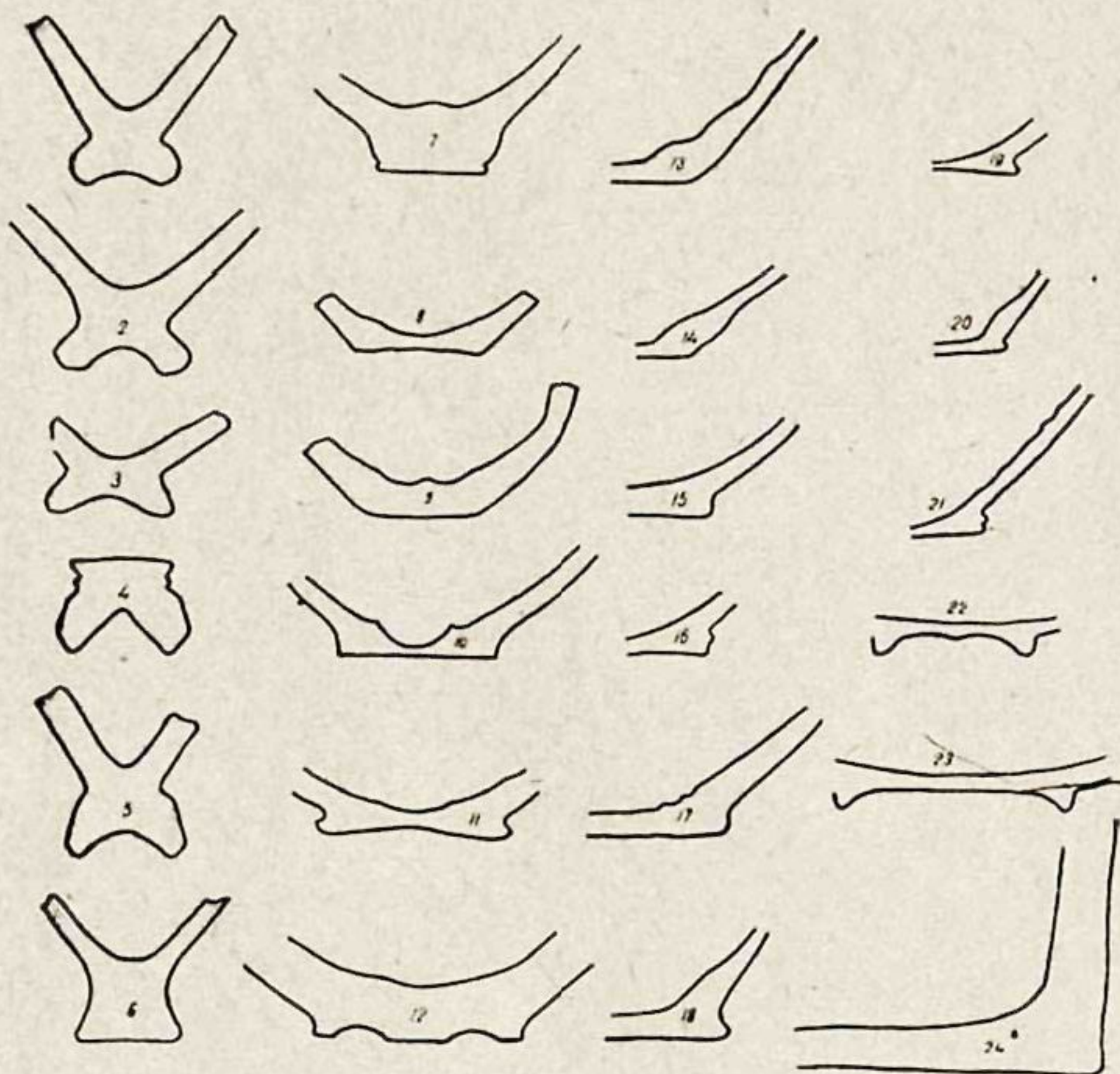

Таблица V.

1—6 — ножки бокалов (контурные рисунки); 7—10 — донца кувшинчиков с боковым носиком (контурные рисунки); 11—12 — донца сосудов с широкой открытой частью (контурные рисунки); 13—14 — донца конических мисок с отогнутыми бортиками (контурные рисунки); 15—18 — донца конических мисок с боковыми выступами; 19—21 — донца чаш; 22—23 — донца плоских тарелочек; 24 — донце тагары.

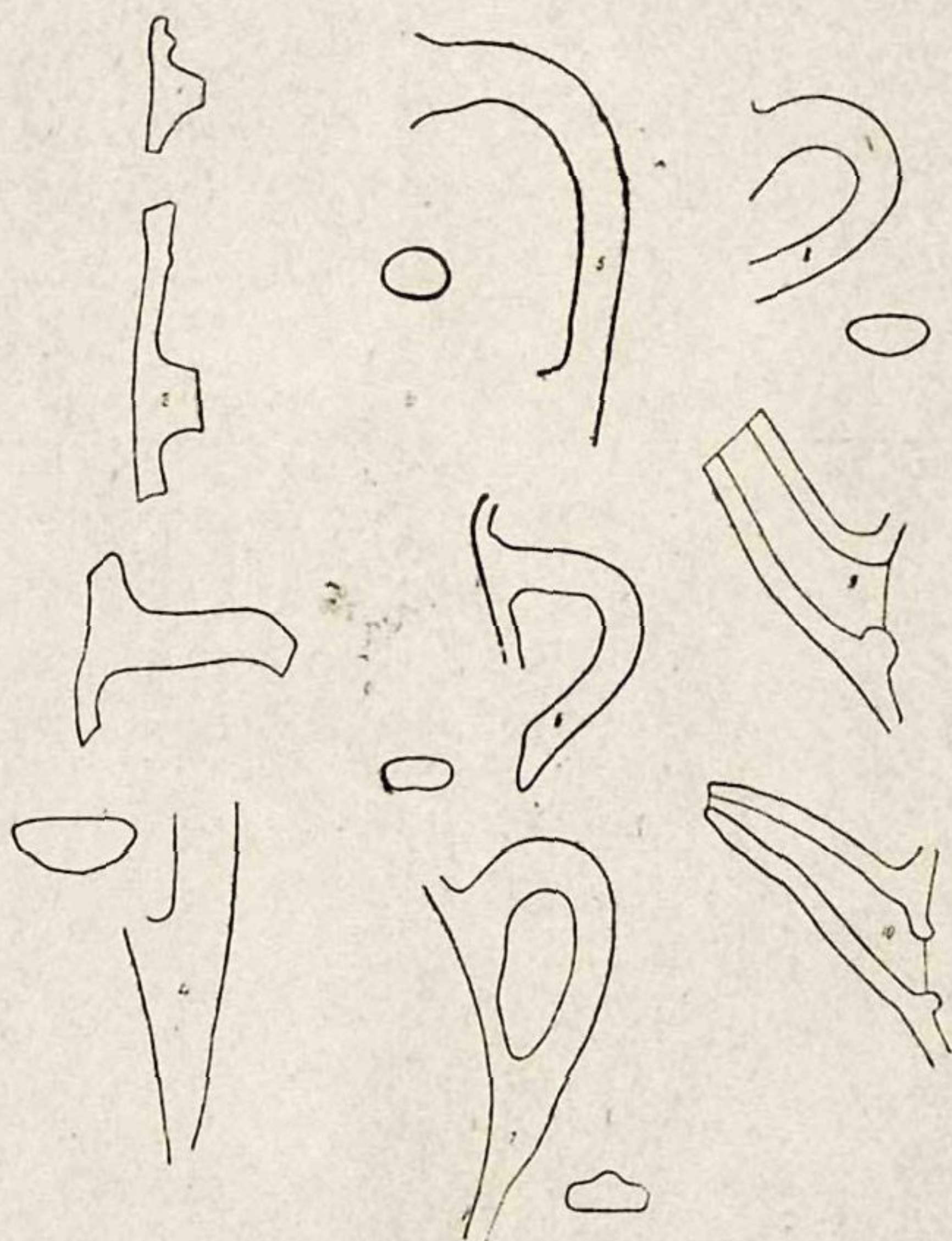

Таблица VI.

1-3 — горла кувшинов с верхней частью ручек; 4-8 — ручки сосудов;
9-10 — носики сосудов.

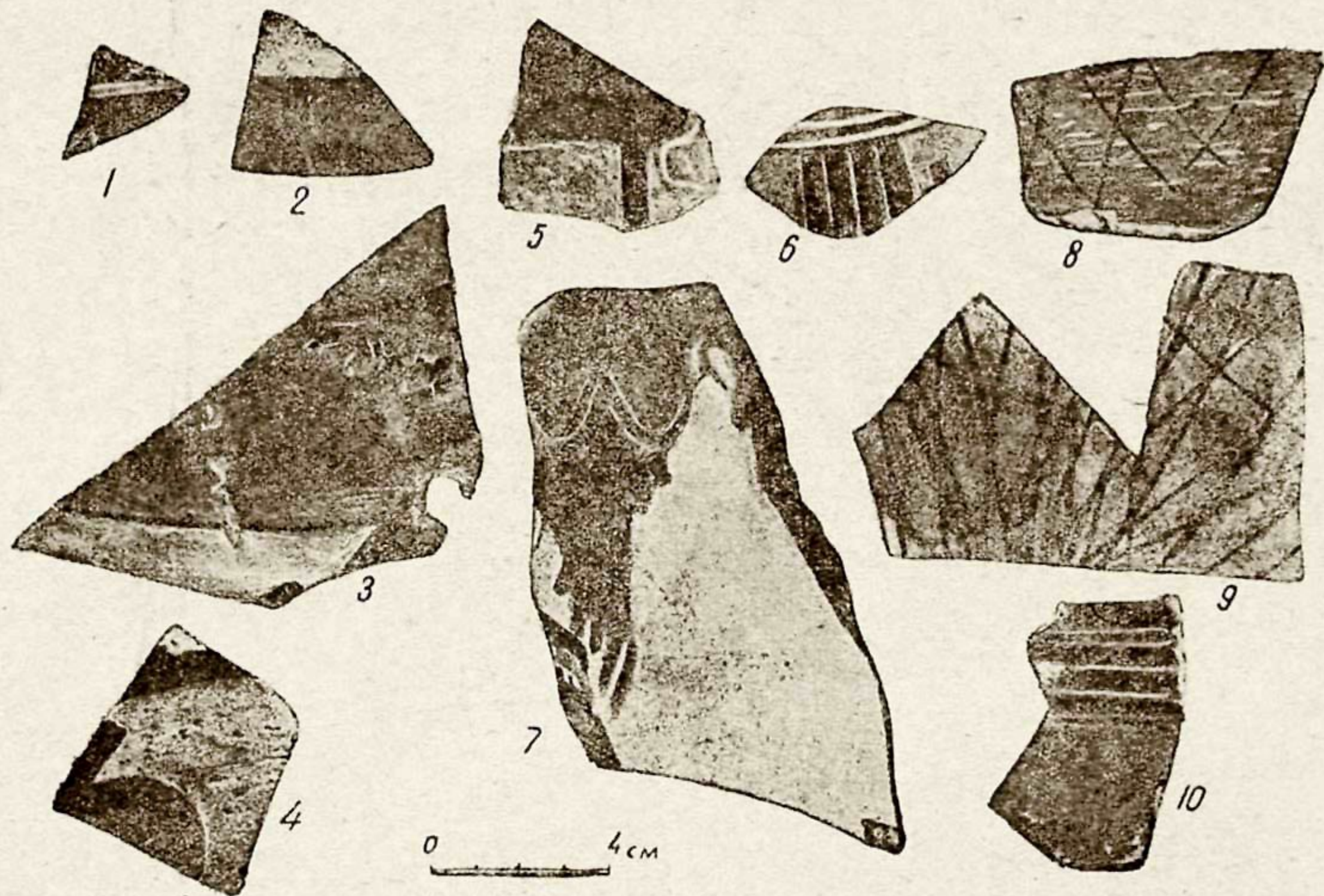

Таблица VII.

1—6 — фрагменты с расписным орнаментом; 7—8 — фрагменты с лощеным орнаментом; 9—10 — фрагменты с комбинированным орнаментом;

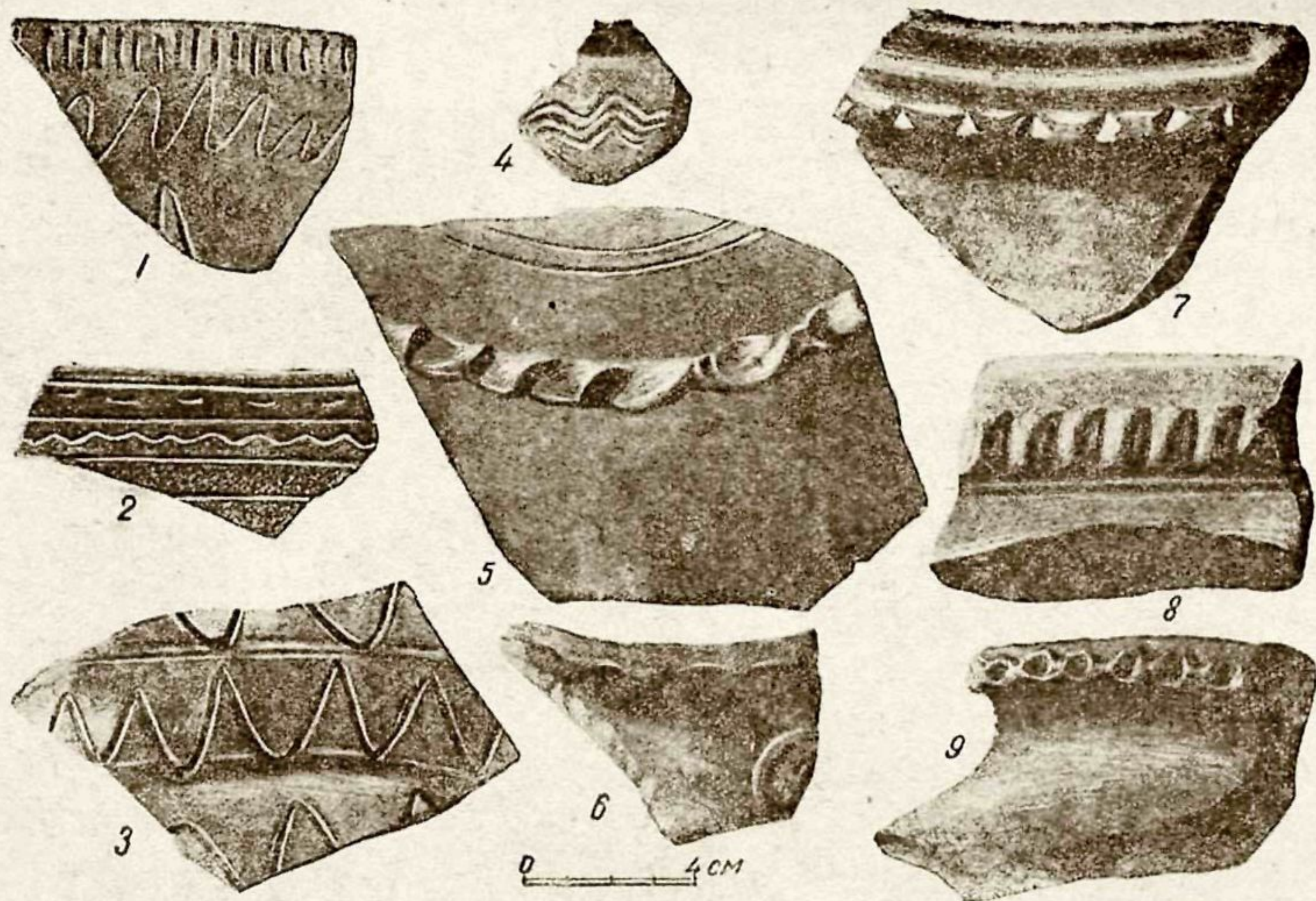

Таблица VIII.

1—4 — фрагменты с процарапанным орнаментом; 5—6 — фрагменты с налечным орнаментом; 7—9 — фрагменты с вдавленным орнаментом.

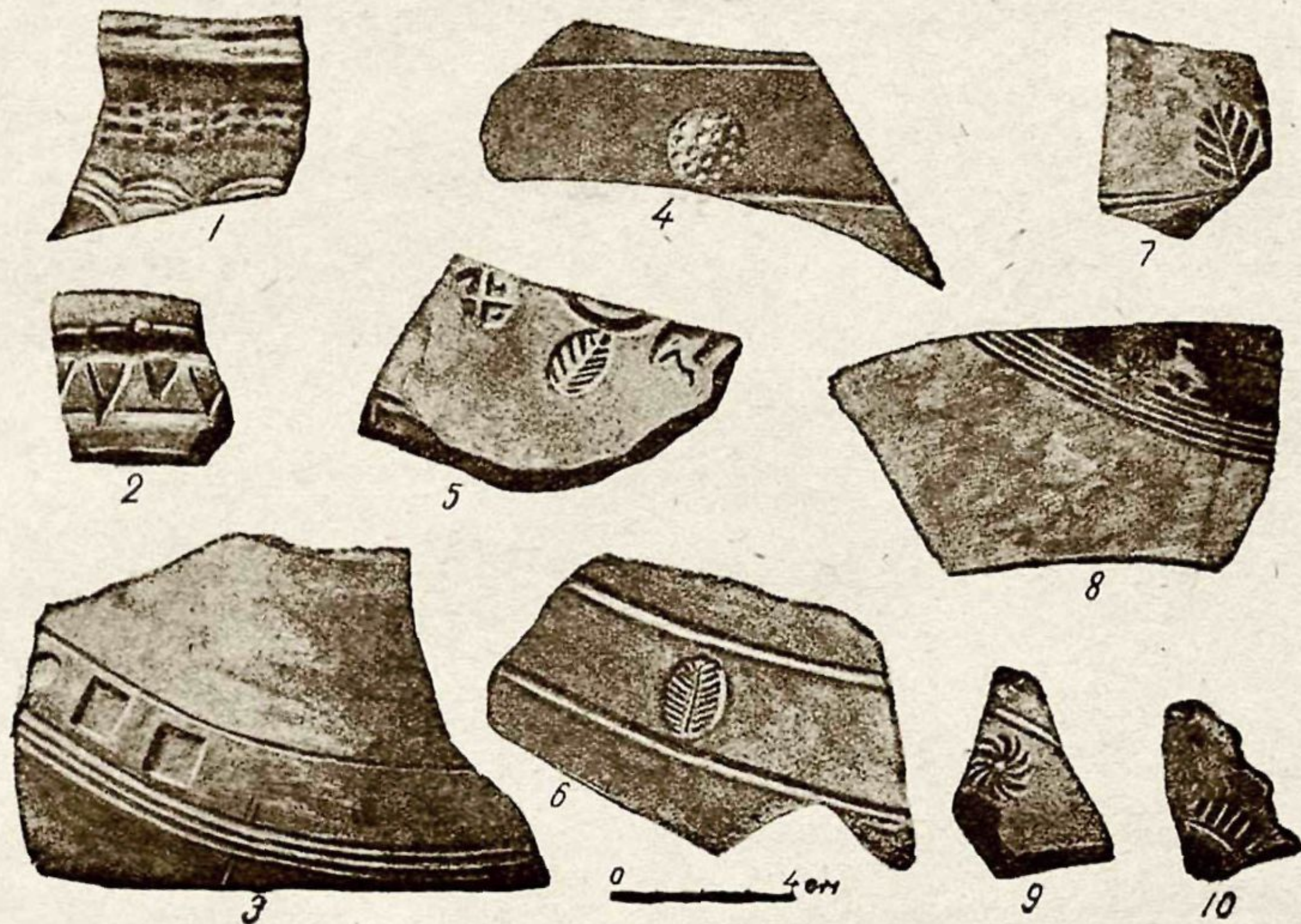

Таблица IX.

1—10 — фрагменты со штампованным орнаментом.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ФРАГМЕНТЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПРАВОБЕРЕЖНОГО ТОХАРИСТАНА

В истории мирового зодчества архитектуре Средней Азии надлежит занять одну из увлекательных и ярких страниц. Глубокое и всестороннее изучение ее богатого наследия обещает развернуть на фоне огромных общественных сдвигов картину борьбы различных влияний, длительной эволюции форм, смены традиций и вкусов, формирования конструктивных основ и технических приемов — весь этот сложный комплекс, который накладывает печать оригинальности на общий характер искусства целой страны во всем пути ее многовекового развития.

До сих пор в среднеазиатском зодчестве исследователей привлекала его наиболее бьющая в глаза внешняя „экзотическая“ сторона: подавляющая импозантность форм, техническая смелость, пышная декорация, приводящая в изумление воспитанный на более строгих образцах вкус европейца.

Относительно связную картину развития среднеазиатского зодчества можно проследить с X века. Монументальная архитектура саманидов, гармонически законченное выражение которой воплощено в совершенных пропорциях так называемого мавзолея Исмаила в Бухаре; строительство эпохи караханидов, когда изобретательный гений декораторов покрывал стены сплошными панно орнаментированного штукатурки; расточительная роскошь, властный строительный размах Тимура и блистательные постройки его преемников, определившие архитектурный облик средневекового Самарканда; прихотливое великолепие бухарских построек после узбекского завоевания — стиль, иногда именуемый „среднеазиатским барокко“, где столь любезная европейскому глазу восточная изощренность доведена до крайнего своего предела; жилые дома XIX столетия, в декоративных и архитектурных мотивах которых, может быть, в наибольшей чистоте дошли до нас прекрасные традиции народного искусства, — таковы основные объекты, привлекавшие внимание путешественников, искусствоведов и историков, которые изучаются и по настоящее время.

Архитектурные же памятники столь интересного периода, как первые века до и после начала н. э., почти совершенно не были исследованы. Причиной этого является прежде всего слабая изученность истории Средней Азии до арабского завоевания, скудость письменных указаний, недостаток источников, нередко отсутствие даже предварительной рекогносцировки мест, которые могли бы снабдить исследователя некоторым вещественным материалом. Между тем, уже в прошлом столетии было на основании письменных источников известно, что страны Центральной Азии с их высоко развитым земледельческим хозяйством, лежавшие на пути между Дальним Востоком и античными государствами Средиземноморья, имели свою достаточно высокую культуру, свое искусство, свои художественные традиции.

Городище Старого Термеза, лежавшее на одном из великих торговых путей, связывавших Китай с Западом, давно вызывало интерес со сто-

роны историков и археологов, но лишь в 1927 г. туда выехала специальная экспедиция Музея Восточных Культур, возглавляемая Б. П. Денике. Собранный ею материал впоследствии был опубликован в ряде статей (1).

В одной из них, а именно „Доисламские памятники Древнего Термеза“, дано описание каменных архитектурных и скульптурных фрагментов. Основываясь на известном техническом несовершенстве пластики фигур и архитектурных обломов, автор относил их к IV—VII вв. н. э. Однако находка Айртамского фриза, которой посвящены две статьи М. Е. Массона (2), сразу значительно отодвинула указанную дату. В них впервые был подведен итог некоторым группам памятников материальной культуры периода с последних веков до н. э. — до VII в. н. э., найденных на территории Средней Азии, или тех, о которых имеются упоминания в письменных источниках. Автором также была сделана попытка на основании анализа стиля этого фриза связать его, с одной стороны, с памятниками материальной культуры сопредельных стран и, с другой — выяснить те оригинальные особенности, которые свидетельствуют о существовании местных, достаточно прочных традиций. И, наконец, и это самое главное, — был выдвинут на повестку дня ряд актуальных проблем, которые сводятся в основном к вопросу об историческом месте и культурной роли Центральной Азии в общем круге государств древнего мира первых столетий до и после начала нашей эры.

В настоящее время мы располагаем еще рядом новых вещественных материалов, описанию которых посвящена данная работа.

Уже на исходе 1935 г. в Сурхандарьинский окружной музей были доставлены две каменные базы классического профиля, обнаруженные на Орлиной горке (30 км выше Термеза), на вершине которой находился какой-то, пока еще не исследованный комплекс сооружений, а у подножья — древние каменоломни (3).

Но особенное обилие находок, значительную часть которых представляли именно архитектурные фрагменты, отмечается в течение полевых сезонов 1936—1937 гг. Отдельными отрядами Термезской археологической комплексной экспедиции они были обнаружены в Айртаме, при раскопках ансамбля помещений на Чингиз-Тепе, во вскрытых пещерах буддийского монастыря на Кара-Тепе, в Хатын-Рабате (4) и в ряде других пунктов на территории приамударьинской части городища Старого Термеза. Основными объектами настоящего очерка являются около 30 архитектурных фрагментов, демонстрировавшихся на отчетной выставке ТАКЭ, организованной Узкомстарисом в конце 1937 г., и находящихся в данное время в Сурхандарьинском областном музее. Кроме того, описана капитель из раскопок 1938 г. Несмотря на некоторую разношерстность материала, он уже позволяет дать предварительную классификацию и приблизительные выводы и обобщения. Результаты такой работы могут иметь значение лишь как некий черновой эскиз, как попытка исследования, которое базируется, главным образом, на внешнем подобии форм. А это заставляет быть крайне осторожными в окончательных суждениях, ибо простое формально-типологическое сопоставление предметов материальной культуры может иногда привести к ошибочным заключениям.

При характеристике стиля термезских фрагментов самый беглый взгляд убеждает в многообразии факторов, его слагающих. Греко-римская природа архитектурной декорации здесь вполне очевидна. Однако наличие элементов индуизированной скульптуры, а в иных случаях и самое назначение фрагмента (например, реликварий из Айртама) свидетельствуют о генеалогических связях с так называемым греко-буддийским искусством, существовавшим на территории северо-западной Индии и современного Афганистана. Несомненно, что буддизм, проникший в I в. до н. э. в Среднеазиатское междуречье, пустил здесь крепкие корни. Но далеко еще не доказано, что искусство правобережья Аму-Дарьи представляет, как это считают некото-

рые исследователи, лишь ветку гандхарской и индо-афганской школ, откуда якобы не только заимствовались готовые архитектурно-декоративные формы, но даже ввозились индийские мастера (5). Стилистический анализ фрагментов этого пока не подтверждает. Для выяснения этого вопроса безусловно необходимо привлечь индо-эллинистические памятники, которые в течение последних десятилетий неплохо изучены. Искусство Гандхары, помимо капитальной работы А. Фуше (6), в той или иной степени затрагивалось рядом авторов, работавших над изучением древних периодов истории Индии (7).

Раскопки в Афганистане городища Хадда, одного из северо-западных центров буддизма, проведенные при поддержке афганского правительства французской археологической миссией, возглавляемой Ж. Барту, также дали обильный материал, опубликованный в 1933 г. (8). Если в архитектуре Гандхары эллинистические декоративные элементы, будучи приносными и формально заимствованными, без особой борьбы уступили свои позиции занесенным из Центральной Индии вместе с буддизмом мощным влиянием высокоразвитого и достаточно самобытного древнеиндийского искусства, то территория правобережья Аму-Дарьи, в меньшей степени испытывая его влияния, к началу нашей эры, видимо, в большей чистоте сохранила традиции и вкусы, сформировавшиеся здесь еще во времена бактрийских правителей. Нельзя при этом забывать, что Термез не только лежал почти рядом с центром Бактрии — Балхом, но был даже одним из греко-бактрийских городов.

Трехлетние изыскания ТАКЭ дали возможность выяснить в общих чертах историю города. Возникновение его окутано легендами. Первое неоспоримое упоминание, данное в описании китайского пилигрима Сюань-Цзяня, относится к VII столетию н. э. (9). Исторически установлено, что правобережье Аму-Дарьи входило в состав так называемого греко-бактрийского царства, возглавляемого группой македонской военной аристократии, которое в III в. до н. э. отложилось от государства Селевкидов и последовательно и властно проводило политику эллинизации путем внедрения здесь западных вкусов. В середине II в. до н. э. это царство пало под мощным натиском племени юэ-чжи, и на развалинах его выросла могущественная, экономически крепкая империя кушанов. Это время ознаменовано интенсивным развитием городской жизни — торговли и ремесел, внешним выражением чего служил небывалый расцвет искусства, впитавшего в себя лучшие эллинистические традиции в увязке их с традициями искусства местного (10). Позднее, в результате хорошо налаженных торговых связей с Западом имело место просачивание культурных идей, воодушевлявших Рим и поздний эллинизм. Таким образом буддизм, проникнув сюда в I в. до н. э. и став государственной религией, застаёт искусство, синкретичный характер которого являет собой как бы некий гибрид восточно-эллинистических и локальных форм. Буддизм лишь насыщает это искусство новым содержанием, в полной увязке с прочно установившимися формами и стилевыми элементами его.

Основным строительным материалом термезских построек являлась лесовая глина, которая в виде жженого кирпича, сырца или просто пахсы, шла на устройство основных ограждающих конструкций.

Для облицовки стен и на изготовление различных архитектурных деталей (капителей, баз, карнизов и т. д.) употреблялся камень — мергелистый известняк, добывавшийся, видимо, в карьерах расположенной вверх по Аму-Дарье упомянутой выше Орлиной горки (другое название — Ходжа Гульсуар), где до сих пор видны следы древней каменоломни и откуда водным путем его нетрудно было переправлять к Термезу. Под воздействием ли воздуха или в результате многовекового пребывания в завалах мусора фрагменты имеют сероватый тон, хотя при добыче из недр порода отличается ослепительно белым цветом.

Любопытно отметить, что обладающий прекрасными пластическими свойствами, столь широко применявшийся впоследствии уже в архитектуре

после арабского завоевания алебастр в Древнем Термезе употреблялся для декоративных целей нечасто. Хотя экспедициями и было собрано несколько фрагментов алебастровых акантов, антефиксов и фрагментов статуй того же стиля, что и каменные детали, но все же капители и базы колонн, профили карнизов вытесывались по преимуществу из камня — труд очень сложный, требующий искусной руки и большого практического навыка.

Откуда пришла эта техника? Около III в. до н. э. в Индии окончательно оформился переход от дерева к камню, результатом чего явилась та прихотливая резьба, сплошь покрывающая каменные архитектурные поверхности, которая представляет рабский перенос на новый материал старых технических приемов (11). В термезских фрагментах этого несоответствия нет, что сближает их с каменными формами западного зодчества. Видимо, технические трудности, связанные с обработкой камня и транспортировкой его, вынуждали термезских мастеров ограничиться только внешней облицовкой стен, сложенных из сырцового кирпича. Такой прием совершенно противоречит традициям каменного зодчества Индии, где сама

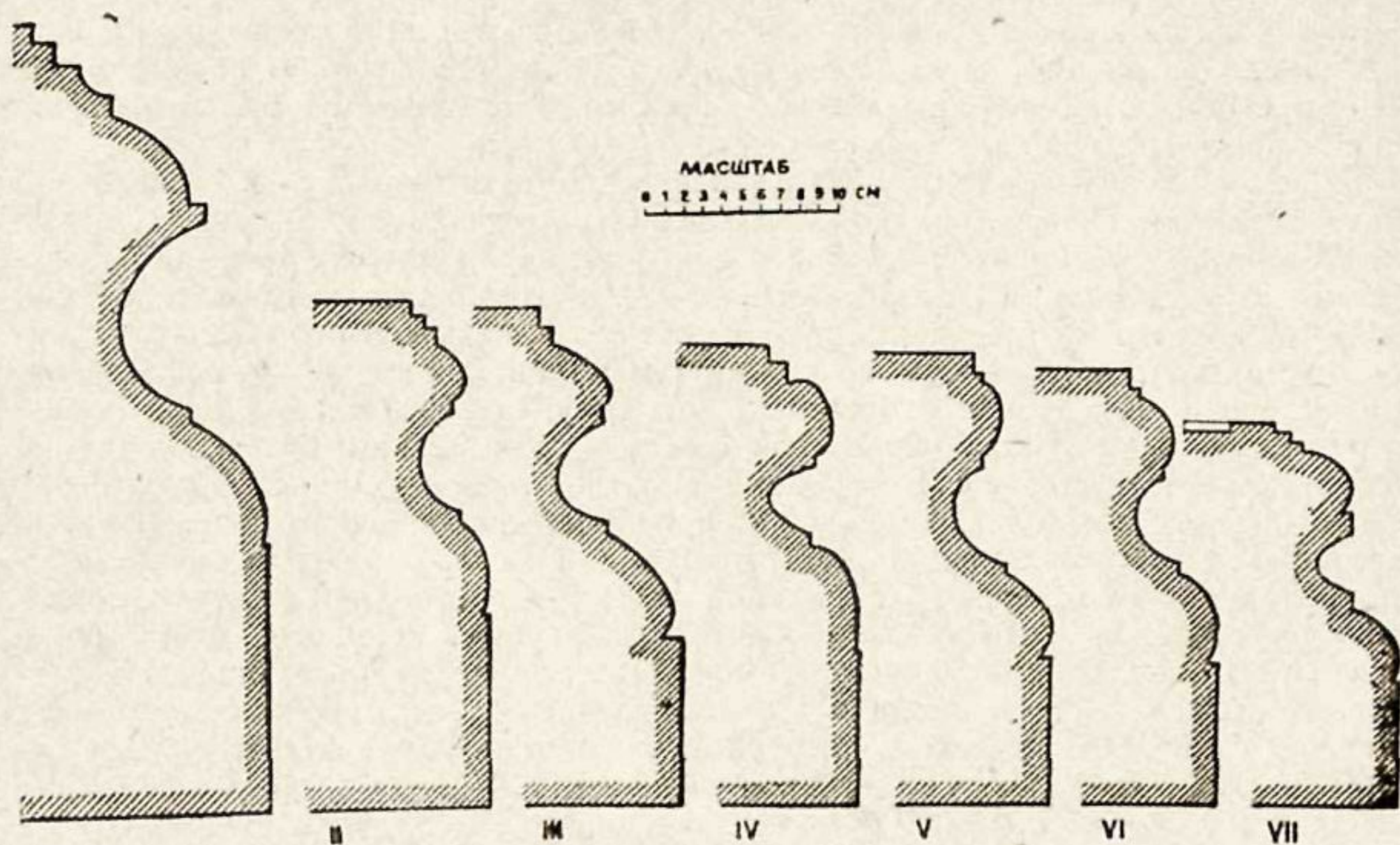

Рис. 1. Сравнительная таблица профилей баз.

поверхность камня, из которого сложено сооружение, используется и для декоративной обработки его. Напротив, он довольно обычен в строительной практике Рима (12). В противовес грекам, обладавшим колоссальными запасами мрамора и потому возводившими из него целые храмы, римляне использовали его лишь для облицовки стен, строительный массив которых выводился из кирпича или бетона. Ствол колонны изготовлялся из простого камня — туфа или травертина, лишь облицовывая его поверхность мраморными плитами, а из монолитных мраморных блоков выполняя базы — как наиболее ответственную часть конструкции, передающую нагрузку на основание, и капители — самый нарядный элемент колонн. Так поступали и анонимные термезские мастера. Используя имеющийся под руками материал, они выводили стены из глины, употребляя известняк лишь для облицовки их, а также для баз и венчающих частей колонн, добиваясь внешне эффектного впечатления.

Переходя к рассмотрению каменных фрагментов, естественно подразделить их на несколько групп. Первую составят базы, профили которых воспроизведены на рис. 1. Хотя в натуре острые выступы углов и граней баз по большей части сбиты, а упругие очертания валов в некоторых местах утратили четкость, все же техническое состояние их, за исключением двух, сильно пострадавших, вполне удовлетворительно и дает возможность произвести самые пунктуальные замеры (для точного графического воспроизведения профилей нами были использованы алебастровые слепки, отлитые в модельной мастерской Ташкентского музея искусств). Базы изображены в реконструированном виде на рис. 2; представление об истинном их состоянии дает рис. 3.

Изображенные на рис. 2 семь неодинакового размера круглых баз, найденных в различное время и в разных местах, дают тип так называемой „ат-

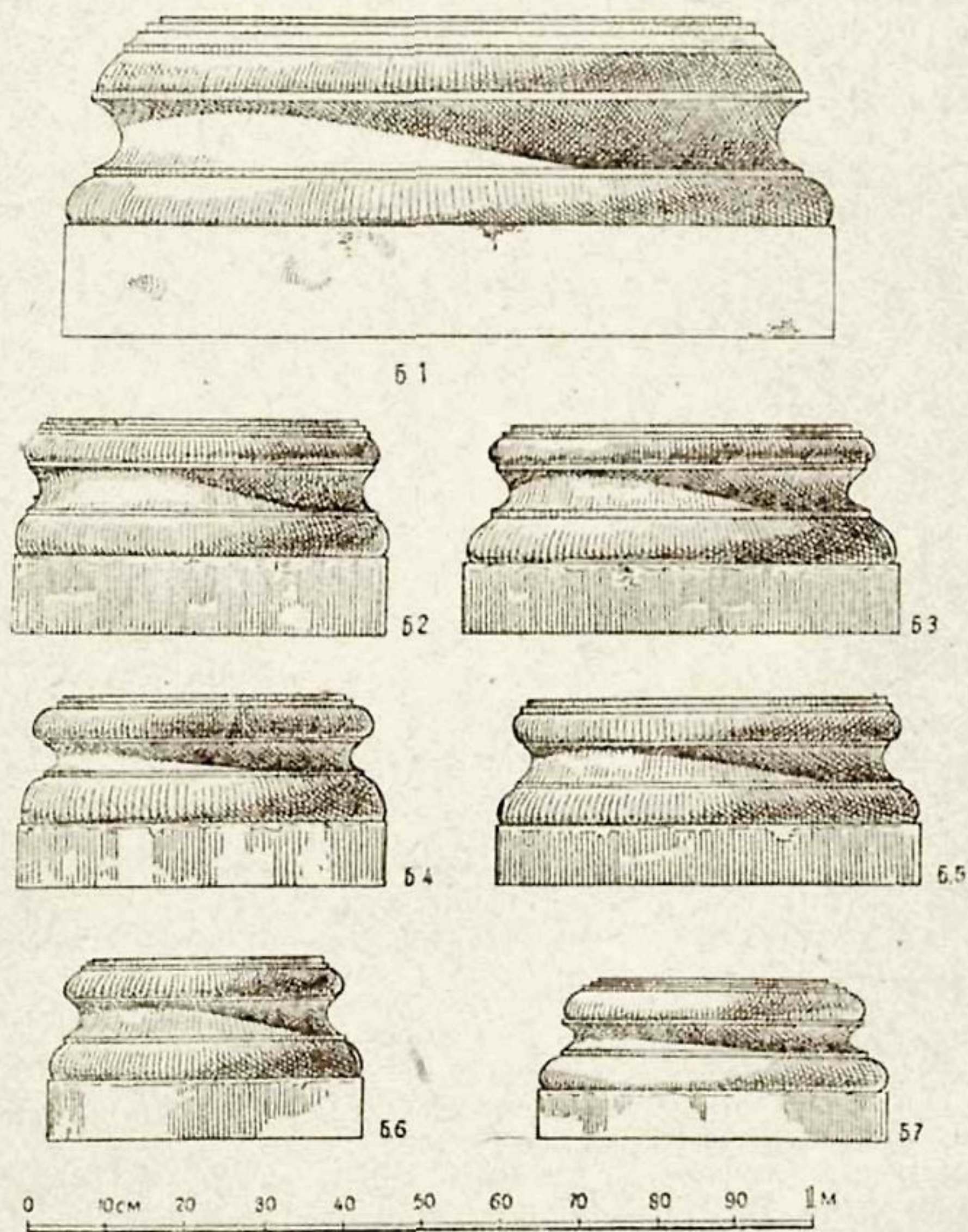

Рис. 2. Базы.

тической базы“, характеризующейся тем, что на квадратном плинте покоятся два разделенных скоцией тора. Между скоцией и валами имеются узенькие пояски.

Возникновение аттической базы в классическом зодчестве восходит к самым отдаленным временам. Эмбрион ее нетрудно усмотреть в архитектуре ликийских гробниц. Являясь элементом ионического ордера, она как и самый ордер, зародилась в Малой Азии (13). Но свою каноническую форму эта база, перенесенная с Малоазийского побережья, получила в Ат-

тике, которой она и обязана своим названием. Наиболее чистое и совершенное выражение аттическая база получает в северо-западном портике Эрехтейона. Однако здесь отсутствует плинт, который для греческих ордоров раннего и классического периодов был элементом, далеко не обязательным. Не играя существенной конструктивной роли, он лишь загромождает проход и вследствие неравномерного распределения по его площади давления угрожает сколом углов. Вполне справедливым выглядит негодование Виоле ле-Дюка по поводу этой формы: „... четыре выступающих угла которой легко откалываются под тяжестью колонн и годны лишь для того, чтобы ушибать ноги“ (14).

В эллинистическом зодчестве, равно как и в архитектуре Рима, в аттической базе, которая охотно применялась и в ионическом и в коринфском ордерах, плинт сделался обязательным элементом. Сама база, не утрачивая характерного для нее порядка в расположении профилей, стала разнообразиться путем введения дополнительных мелких обломов — валиков и каблучков; одна скоция нередко заменялась двумя меньшими, разделенными парой астрагалов.

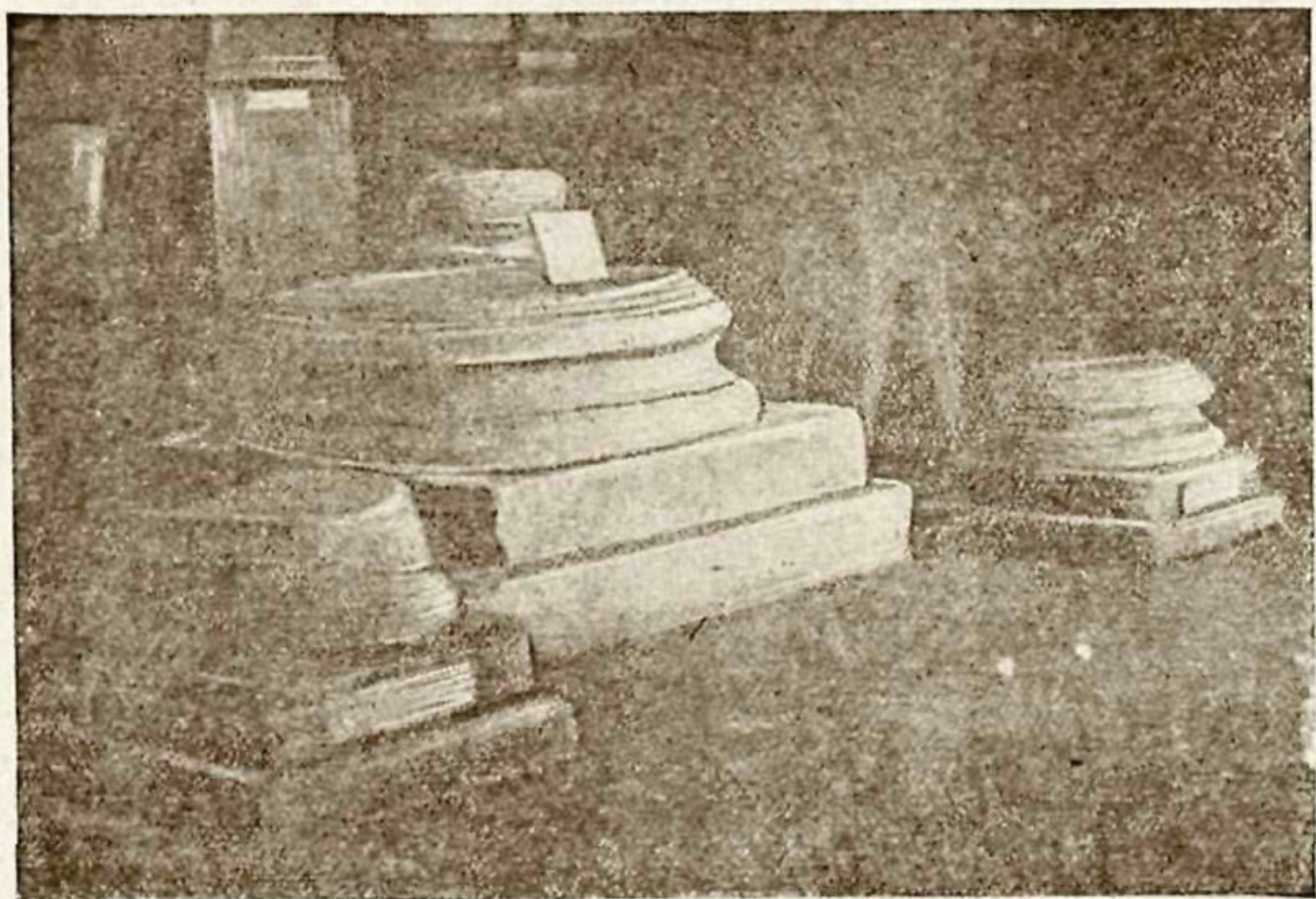

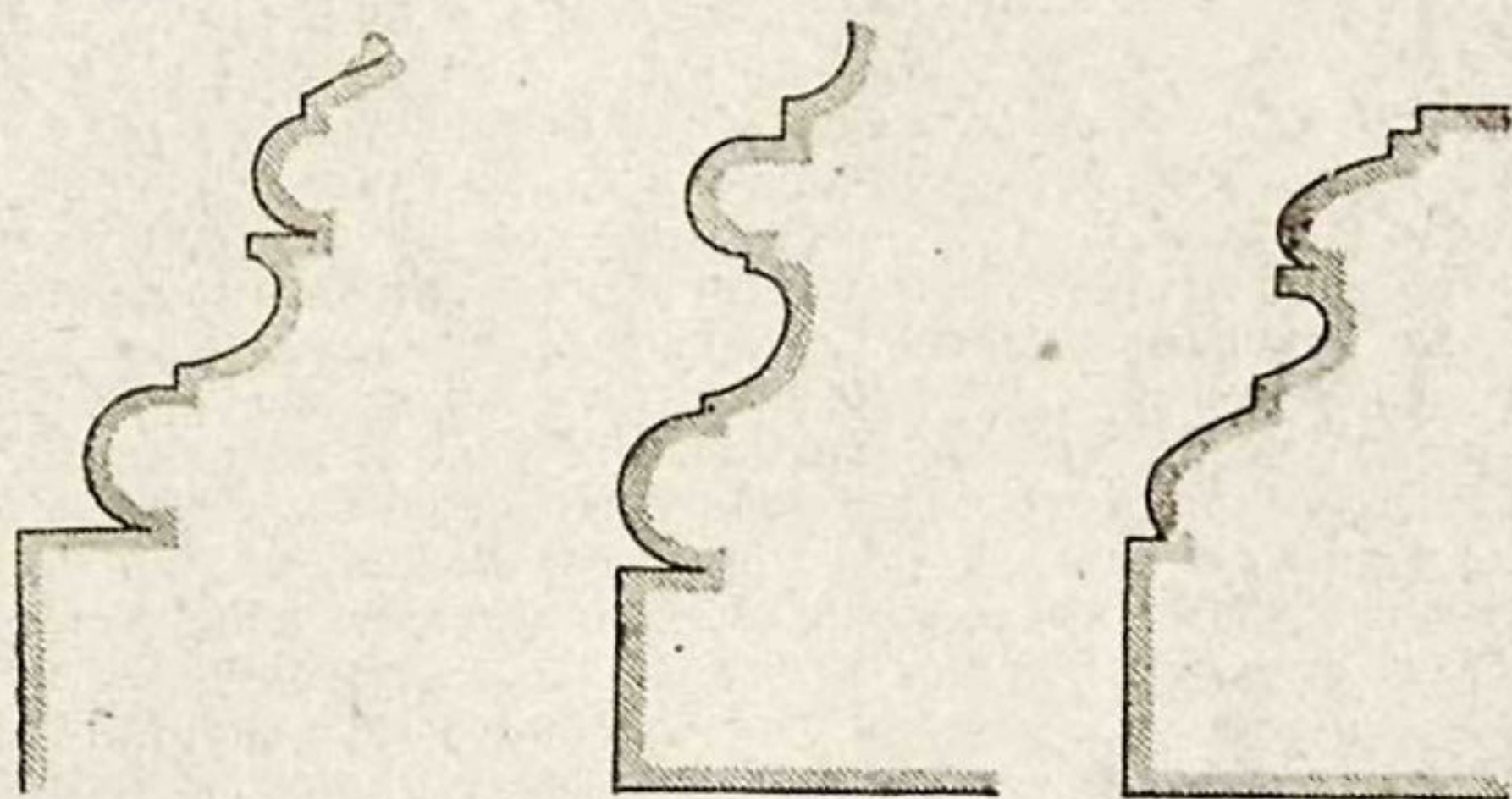
Рис. 3. Базы.

Что поражает в термезских базах, так это именно отсутствие всяких вариаций. Последовательность обломов выступает перед нами, как несколько монотонная, раз навсегда установленная норма: плинт — большой вал — пояс — малый вал — и, наконец, 2 или 3 пояса, видимо, создающие переход к стволу. Но если, по Витрувию, высота базы укладывается дважды в нижнем диаметре стержня колонны, то в нашем случае определенной закономерности нет: соотношение между высотой и диаметром верхнего основания базы колеблется в пределах от 1:1 до 4:7.

Большая свобода чувствуется в абрисе кривых, куда вытесывавшим их мастерам удалось внести много свежести. Сухой геометризацией позднеэллинистических и римских профилей, где угадывается циркуль и линейка, противостоят плавные кривые, может быть, многоцентровые, а вернее всего просто прорисованные от руки, кривые, изобличающие острый глаз и уверенную руку. Качественно эти мулюры не всегда равноценны — разница во времени, а может быть, индивидуальность мастера в каждом отдельном случае накладывает свой отпечаток. Близкие к античным об-

разцам обломы баз встают перед нами в своеобразном, видимо местном претворении. Если, например, в греческой архитектуре классического периода вал близок к полуокружности, слегка припухлой в верхней своей части (как в базе Эрехтейона), если в римском зодчестве он представляет точно описанный циркулем полукруг, то в наших базах вал — это сложная кривая эллиптического очертания, то очень пологая, то крутая (рис. 4). Принципиальное отличие моденатуры баз греко-римских и термезских состоит в том, что у первых расширение к плинту достигается помощью скоции, имеющей сильный относ. внизу, а у вторых верхняя и нижняя точки глубоко врезанной скоции находятся почти на одной вертикали (иногда даже, как напр., у Б-1, рис. 2, нижняя точка западает относительно верхней) и расширение получается за счет валов.

Здесь уместно вспомнить базы ступа из раскопок в Хадда (15). Будучи всегда профилированы, они повторяют с некоторыми вариациями мотив, который Ж. Барту называет „un élément ionique“, имея в виду последовательность плинта, вала, полочки и обратной выкружки. Иногда, главным образом во вторых этажах ступа, добавляется валик, отделенный от выкружки глубоким углообразным желобком. При сравнении этих баз с термезскими

База Эрехтейона Римско-ионическая база База из Термеза
Рис. 4. Сравнительная таблица профилей баз, приведенных к одному высотному модулю.

ми, бросается в глаза насколько совершенней последние по исполнению. Это становится очевидным при сопоставлении грубого, как бы вырубленного контура „grain d'orge“, представляющего собою упрощенную трактовку скоции, с энергично вырезанными, дающими глубокую тень скоциями наших баз, плавное очертание которых может соперничать с лучшими образцами греческой профилировки. Да и сама „аттическая“ последовательность обломов тяготеет к кругу средиземноморских архитектур, что, как будет видно из дальнейшего изложения, подтверждает сравнение и других архитектурных элементов Термеза и Хадды.

В литературе высказывалось предположение, что термезские базы не служили основанием колонн, но являлись либо пьедесталами, на которых покоились статуи Будды, либо основаниями малых ступа, а гнезда в верхней их постели служили для укрепления металлических штырей, на которые нанизывались „почетные зонтики“ (16). Но наряду с этим вполне возможно, что термезские круглые базы служили и базами колонн. Указание на то, что до сих пор не найдены стволы колонн, опровергается следующим фактом: в 1939 г. при земляных работах на территории приамударьинского городища Старого Термеза случайно была обнаружена часть круглого каменного ствола. Зато именно фрагментов, которые принадлежали бы, несомненно, к верхним частям малых ступа, пока найдено не было. Что же касается гнезд, то проще всего предположить, что они предназначались для

связи базы с фустом посредством пиронов, которые могли быть как металлическими, так и, — учитывая наличие хорошего строевого леса, — просто деревянными. Греки, например, при отсутствии горизонтального распора (что возможно лишь при архитравном перекрытии, когда стойка работает только на вертикальную нагрузку), ограничивались гладкой притиркой соприкасающихся плоскостей и креплением с помощью штырей — в ранний период деревянных, позднее — свинцовых и железных. Известно, что на Малоазийское побережье металлические скрепы проникают с материка только в IV в. до н. э. Впрочем, в термезских базах малый размер гнезд (4—5 см) дает основание считать, что они предназначались для металлических пионов. Гнезда эти, расположенные в аккуратно выравненной под горизонтальную поверхность, но не отшлифованной верхней постели, имеют по большей части квадратную, а изредка круглую форму и углублены на 3—6 см.

Следы правильных концентрических кругов на поверхности профилей свидетельствуют о применении какого-то специального инструментария. Практическое выполнение по заданному шаблону такого рода сложной моденатуры требует высокого развития техники обработки камня, а перенос и установка как готовой детали, так и полуобработанной глыбы, которая могла отделяться уже на месте, вызывает необходимость применения достаточно совершенных подъемных приспособлений (18). Так как приятный сам по себе белый цвет камня быстро тускнеет на воздухе, приобретая унылый изжелта-серый оттенок, то в одних случаях сверху, возможно, наносился слой краски, а в других — тонкой штукатурки, почему при обработке поверхности и ограничивались шлифовкой без полирования. Наличие желобка в верхнем вале (рис. 2, Б-4) вызывает недоумение, если представить базу неоштукатуренной, так как в нем всегда будет скапливаться грязь, но он выглядит вполне естественно, если предположить, что он был оставлен для лучшего сцепления и что его заливал слой раствора.

Кое-где видны следы охристого грунта. Известно, что на Востоке охра издавна служила подготовкой для позолоты. Нет ничего невероятного в том, что эти фрагменты некогда одевал столь драгоценный покров.

Мы не можем не упомянуть поразительной находки английской экспедиции, возглавляемой профессором Бристольского университета Evert Varger, имевшей место летом 1938 г. в Афганистане (19). В Кундузе (Бадахшан — часть древней Бактрии), городе, находящемся к В от Балха, на расстоянии примерно 80 км, один из жителей показал путешественникам две каменные базы аттического профиля, найденные им в яме, где аборигены обычно брали для своих нужд глину. Третья точно такая же база лежала там полуоткрытой. Они могли, высказывает предположение Е. Varger, принадлежать колоннаде какого-либо общественного здания — форума или храма (20). Выяснить это могли бы только детальные раскопки, для которых участники не имели ни времени, ни возможностей. Эти базы, как свидетельствует фотография, очень близки по типу к термезским и, очевидно, являются остатками памятников той единой высокоразвитой культуры, которая простиралась по течению Окса, тяготея к северному его побережью больше, нежели к кругу индо-афганских школ Гандхары и Хадды.

Возвращаясь к термезским базам, нельзя не отметить поразительного сходства их моденатуры с моденатурой романского и раннеготического стилей (X—XIII вв.). Разумеется, было бы грубой ошибкой на основании внешнего формального подобия искать какой-либо внутренней связи между архитектурными памятниками древней Бактрии и средневековой Западной Европы. Но, видимо, в данном случае мы сталкиваемся с такого рода явлением, когда в разное время, в разных социальных условиях, исходя из одних и тех же образцов, искусство, пролагая новые пути, создает свои критически переработанные формы, приходя иногда к близким и даже почти аналогичным результатам. Ведь здесь, как и там, каменотесы брали за основу аттическую базу и, не меняя ее конструктивного облика, шли по пути изменения деталей, каковыми являются обломы. Не подражая слепо модулям и образцам,

эти мастера, как говорит Виолле ле-Дюк: "...не были археологами, но они рассуждали; у них было родство с этими древними цивилизациями Ближнего Востока; они любили прекрасное, использовали традиции и шли вперед" (21).

Особняком от рассмотренной группы стоят две базы (рис. 5, Б-8, Б-9). Первая имеет сплюсненную шарообразную форму на двухступенчатом основании, аналогичную чему можно отыскать в базах ранних индусских пещерных храмов (напр., в храме в Карли). Относите льно же второго блока

возникает вопрос, является ли он базой вообще. Подобная форма, создающая переход от большого квадратного к меньшему круглому основанию, известна нам лишь по мраморным базам деревянных колонн Узбекистана XIX в. Между тем, если повернуть базу Б-9 на 180°, то невольно бросается в глаза ее сходство по форме с капителями сасанидского Ирана (напр., капитель из Так-и-Кесра) и

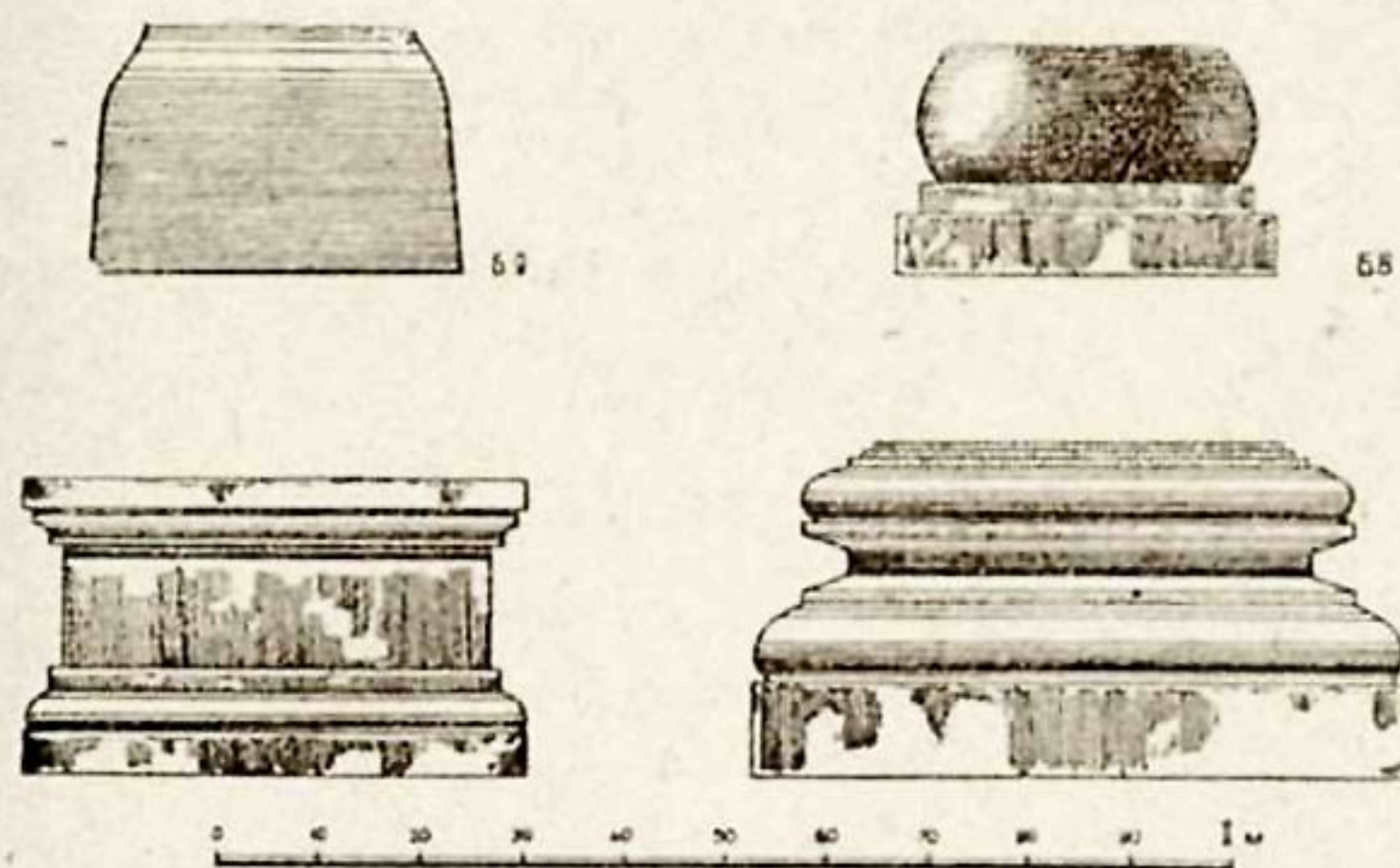

Рис. 5. Базы.

Византии. Возможность генетических связей некоторых термезских фрагментов с персидской архитектурой времени первых сасанидов вполне допустима; не имея, однако, под рукой материала более убедительного, чем этот блок, приходится воздерживаться от окончательного суждения.

В следующей группе фрагментов объединены обломки акантовых листов, волюты и капители пилястров, выступавших примерно на $\frac{1}{3}$ своего лицевого размера из тела стены. Следуя удачному выражению К. Рончевского (22), их надлежит называть „коринфизированными“, подразумевая под этим все разнообразие вариаций декорированной акантовыми листьями капители колонн или пилястров, пропорции которой и расположение деталей отступают от канонов, установленных Витрувием. Откуда пришла эта форма? Разумеется, не из материковой Греции (хотя коринфский ордер возник именно там), где после распада македонской державы греческая архитектура начала вырождаться, а греческие мастера пошли на службу к римским хозяевам, подобоострастно приспособляясь к их вкусам. Вряд ли ее появление связано и с официальной архитектурой Рима, хотя между ними можно уловить некоторое внешнее сходство. При разрешении этого вопроса естественнее всего, повидимому, обратиться к Малоазийскому побережью. Подобно тому, как в VII—V вв. до н. э. культура ионийских городов—государств, пышный эллинский цветок, взращенный под азиатским солнцем, наложила печать своего влияния на все соприкасавшиеся с ней страны, в том числе и материковую Грецию, так и в первые века до и после начала н. эры она просачивалась и на Восток, и на Запад. Блистательный характер эллинистической архитектуры, импонируя римлянам своей пышностью и размахом, был воспринят и приспособлен к упорядоченно-репрезентативному стилю римского зодчества. Хотя уже в I в. пришлое архитекторов сменили образованные и технически подготовленные отечественные кадры (23), Рим еще долго импортировал с Востока мастеров или, по меньшей мере, шел к ним на выучку. Не менее тесные узы связывали восточно-эллинистический мир с Центральной Азией, которая являлась для него опорным пунктом в самом сердце восточных караванных путей. Мотив оживления стены пилястрами, варьирующими ионический и коринфский ордер, с заполнением промежутков скульптурой, будучи

намечен в эллинистической архитектуре, проник как в Азию (мы видим его в гандхарских рельефах и фасадах ступа из Хадда), так и в Рим (подобную обработку поверхности ворот в Перуджии и Porta Marzia К. Рончевский (24) рассматривает как компиляцию восточно-эллинистических черт).

Из двух капителей, которые мы рассматриваем, первая (рис. 6) представляет до минимума упрощенный тип капители коринфского пилястра:

Рис. 6. Капитель.

тройной ряд прогрессивно увеличивающихся акантовых листьев, где в нижнем их три, в среднем два, а в центре один, самый крупный; все это вписано в равнобедренный треугольник с прямым углом при вершине. Характер аканта тот же, что и на Айртамском фризе: гипертрофированный центральный жилочек, схематично моделированные лепестки. Сбитые загибы

листьев, видимо, сильно выступали вперед. В этом убеждает нас находка обломка загибающегося аканта, который даже по размерам подходит к пустующим местам на капители. Мощные угловые волюты также сбиты, начиная с того места, где спираль делает крутой поворот. Абака исполнена в виде прямоугольной плиты; она не профилирована и не имеет в плане столь типичных для коринфской капители „рогов“. Под нижним рядом листьев, взамен астрагала, подчеркивающего границу капители и ствола, простой, неширокий пояс. По манере исполнения все элементы чрезвычайно близки к Айртамскому фризу.

Рис. 7. Капитель пилястра.
Реконструкция.

Другая капитель (на рис. 7 она дана в реконструированном виде) несравненно изысканнее в пропорциях и деталях (25). Не дает ли это основания считать ее более ранней по времени? Можно предположить, что у высекавшего ее каменотеса еще были свежи воспоминания об образцах, равно как и о технических приемах западных мастеров. Это вполне вероятно, так как первые два века н. э. ознаменованы мощной экспансией римлян на Восток, приостановленной лишь у границ Парфянского царства, бывшего как бы буфером между Римом и азиатскими странами, но в то же

время не послужившим препятствием ни для торговых сношений между ними, ни для проникновения культурных влияний. Лишь с течением времени, по мере ослабления самого политического организма кушанской империи, искусство начало падать, грубеть и в результате сошло на нет. Надо полагать, что не вторжение арабов положило конец существовавшей здесь культуре, но те большие, пока еще мало изученные социально-экономические сдвиги, под влиянием коих пало государство кушанов. „С изменением экономического базиса более или менее быстро преобразуется и вся надстройка над ним“, — пишет К. Маркс. Вот почему захирел буддизм, без особой борьбы уступив свои позиции исламу, а искусство, с ним связанное, увяло, уступив дорогу иному, базирующемуся на совершенно другой, новой основе.

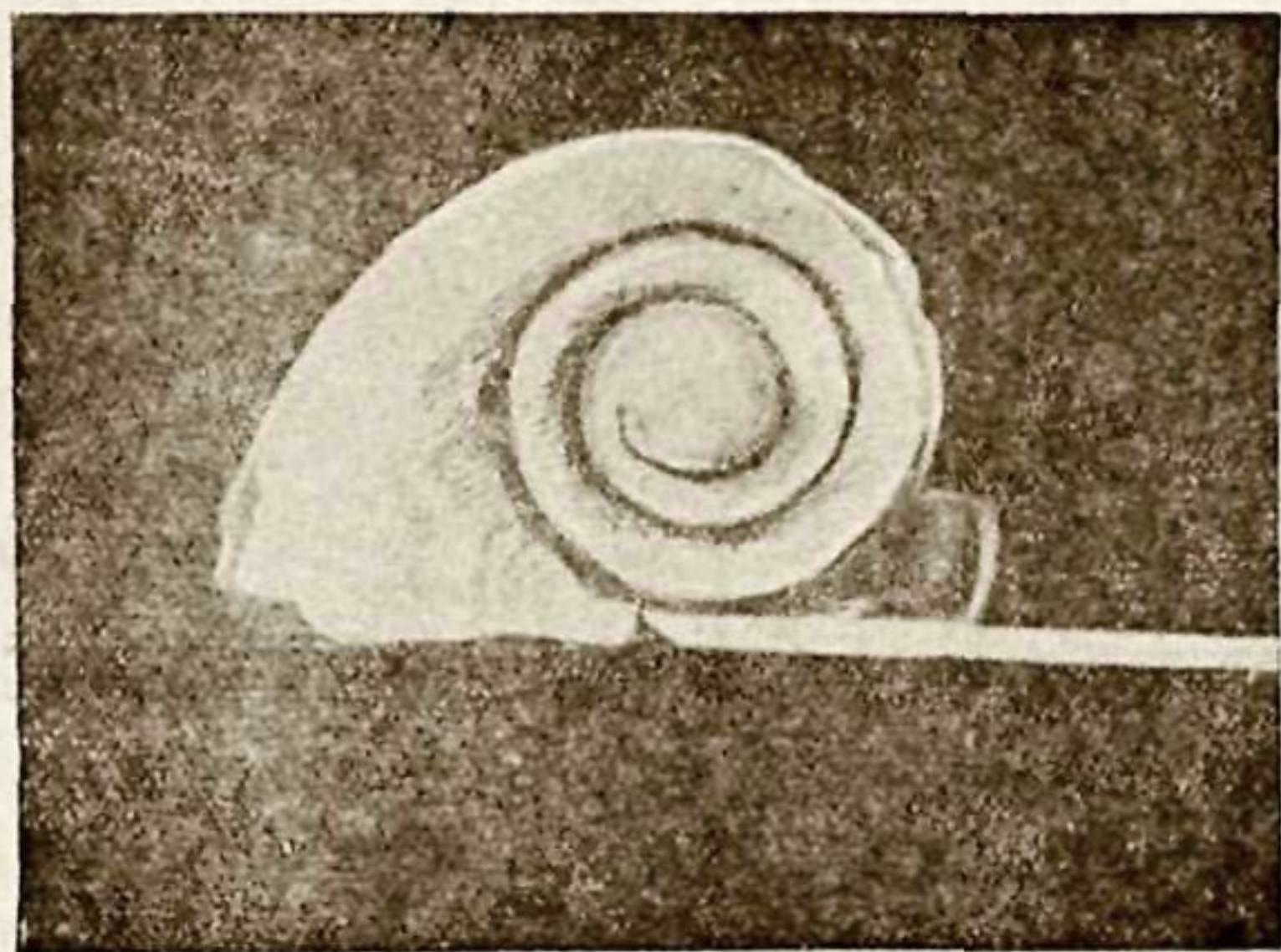

Рис. 8. Волюта Айртамского фриз.

В капители, изображенной на рис. 7, подкупает качество исполнения: мягко вырезанные листья аканта, ясный рисунок волют, лишенных того подчеркнутого рельефа и преувеличенно выступающего глазка, которые типичны для волют Айртамского фриз. Интересно толкование центра, где сбитые контуры позволяют угадывать очертания женской фигурки, может быть богини, с согнутой правой рукой. Такого рода коринфизированные капители, на которых среди листьев

аканта расположен маленький персонаж, распространенные в греко-буддийском искусстве Северо-западной Индии, Masson-Oursel рассматривает как „символ этого искусства—слияния двух культур“ (26). Впрочем, мотив этот был известен и на Западе (27).

Волюта на рис. 8 принадлежит Айртамскому фриз. Троекратный разворот спирали от выпуклого эллипсоидального глазка имеет какой-то своеобразный, пока еще невыясненный закон построения, отличный от традиционных приемов классической архитектуры. Вероятно, она была высечена отдельно от капители и прикреплялась к ней с помощью свинца, который вливался через узенькое отверстие, видимое по фасаду, в глубокий жолоб, выходящий с тыльной стороны. Наоборот, волюта, изображенная на рис. 9, вытесана из того же блока, что и капитель, частью которой она является. Вверху она сливается с абаккой, не гладкой, как в рассмотренных выше капителях, но подразделенной парой несложных профилей. Сохраняя тот же порядок членений, что и первая, эта волюта качественно уступает ей, утратив плавность и слишком круто ломаясь в местах максимального перегиба.

Таковы элементы термезских колонн. Нехватает последнего звена — ствола. Характеристика колонны в целом, анализ ее пропорций, дадут возможность установить большую или меньшую ее близость к греко-римскому прототипу. Архитектурные памятники Ирана времен парфянского владычества (в частности, хорошо изученный дворец в Хатра) по своим тяжеловесным пропорциям контрастируют с соответствующими образцами классической архитектуры. В еще большей мере это относится к декоративным мотивам из Хадда, где известная приземистость частей, преобладание горизонтали, наличие массивных тяг придает заниженный и

грузный характер сооружения этого большого архитектурного ансамбля. Ответ на вопрос о том, как решалась проблема пропорциональности в термезских постройках, будет в известной мере указанием на ту или иную степень преемственной зависимости их от классической архитектуры.

Небольшую группу айртамских фрагментов, найденную в помещении, которое условно было названо „святилищем“, отличает примитивная профилировка, неуклюжие очертания кривых, непараллельность линий и т. д. Сюда относится реликварий, тяжелое квадратное тело которого (52×52 см при высоте 35 см) венчает несложный карниз (рис. 5), образованный выкружкой с двумя нависающими над ней полками, а базу составляют плинт, грубоватый вал и выкружка. В гладко отесанной плоскости верхнего основания выдолблено в форме усеченного конуса углубление для реликвий. Его венчала многоярусная чашья из каменных чашек, от которых сохранились только части четырех.

Рис. 9. Волута.

Мощная трехчетвертная квадратная база, которая, видимо, фланкировала угол помещения, опять повторяет аттическую последовательность обломов. Профили предельно упрощены — очертание скоции близко к трапециевидному.

Два фрагмента карнизов (рис. 10, Т-6, Т-7) при неодинаковых размерах имеют тот же порядок обломов, что и карниз реликвария. Один из них является элементом, завершающим внешний угол, другой — просто частью, венчающей горизонтальной тяги.

В следующей группе объединены элементы вертикальных и горизонтальных членений стены: два криволинейных блока из Термеза (рис. 10, Т-2—Т-3) с их деликатной моденатурой, видимо, части карнизов каких-то цилиндрических тел, может быть, ступа; вычисляя по хорде и центральному к ней перпендикуляру диаметр этих сооружений, получаем для первого 9—10 м, для второго — свыше 12 м, что является знаменательным фактом, свидетельствующим о существовании значительных по размерам построек с круглым планом, может быть, близких по типу к рисункам тех двух ступа, что были обнаружены в 1936 г. на стенах одной из пещер буддийского монастыря на Кара-Тепе. Верхняя и нижняя постели этих имеющих в профиль клиновидную форму блоков отесаны только с краев и по плоскостям соприкасания со смежными камнями; остальная нагрубо отделанная часть, видимо, утопала в „черном“ теле стены.

Профилированная плита на рис. 10, Т-4 являет собой часть углового карниза на дентикулах. Происхождение зубцов, как декоративной формы, находит свое объяснение в подражании деревянным конструкциям — переносе на камень стилизованных контуров, поперечно выступающих кругляков (28). Полагают, что эта форма возникла в Малой Азии, где она встречается в архаизирующих памятниках Ликии, равно как и в развалинах Персеполя и Суз. Вместе с тем, вполне возможно, что в Термезе она является самобытной. В размере дентикул наблюдается определенная закономерность: ширина зубцов равна промежутку между ними, высота — половине глубины;

двойная раскреповка повторяет форму каждого зубца, создавая надежный переход к вышележащим горизонтальным членениям. Аналогичное использование дентикул отмечается также во фрагменте декоративной арочки (рис. 11).

Длинный и узкий блок (рис. 10, Т-5), может быть, является частью торца стены, выступающего наподобие анта. Так как пологая выкружка сверху сбита, а маленький угловой фрагмент (рис. 10, Т-5) удивительно дополняет эту незавершенную кривую, то на чертеже дана возможная его

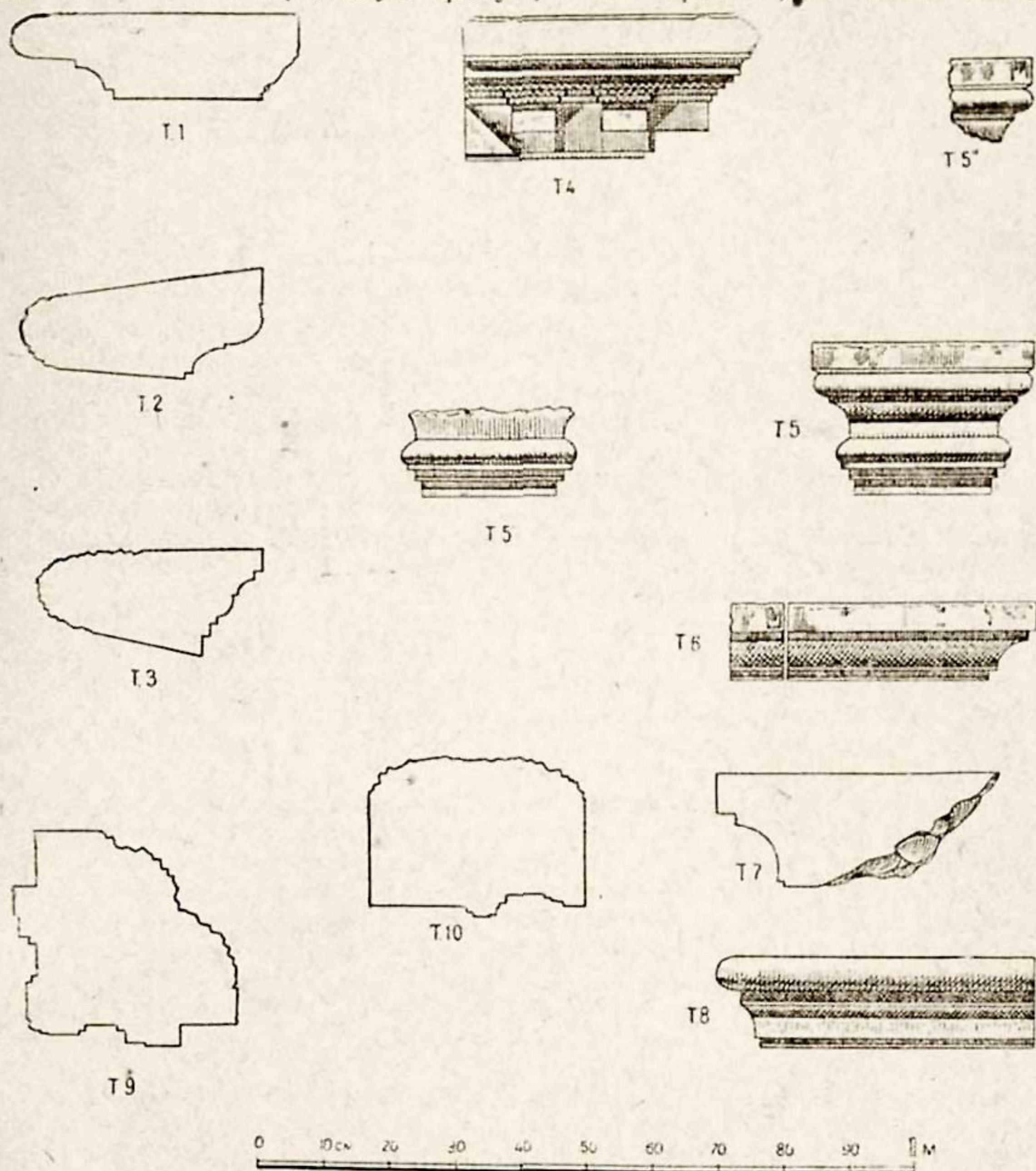

Рис. 10. Профилированные блоки.

реконструкция (рис. 10, Т-5). Нижняя плоскость плиты отесана, но не вся, а по контуру—на ширину 5 см.

Два каменных блока—один угловой, а другой какой-то промежуточный (рис. 10, Т-9, Т-10)—представляют интерес как элементы вертикального расчленения стен. Узкие вертикальные „лопатки“ оживляют поверхность. Подобно горизонтальным плитам, эти блоки аккуратно отесаны со всех сторон, кроме тыльной.

Наконец, осталось рассмотреть коллекцию небольших фрагментов, ко-

которые в ТАКЭ условно именовались „микроархитектурой“. Эти детали, повторяющиеся в миниатюре элементы „большой“ архитектуры, представлены маленькими базами, капительками, розеттой (рис. 12, М-7) и даже фраг-

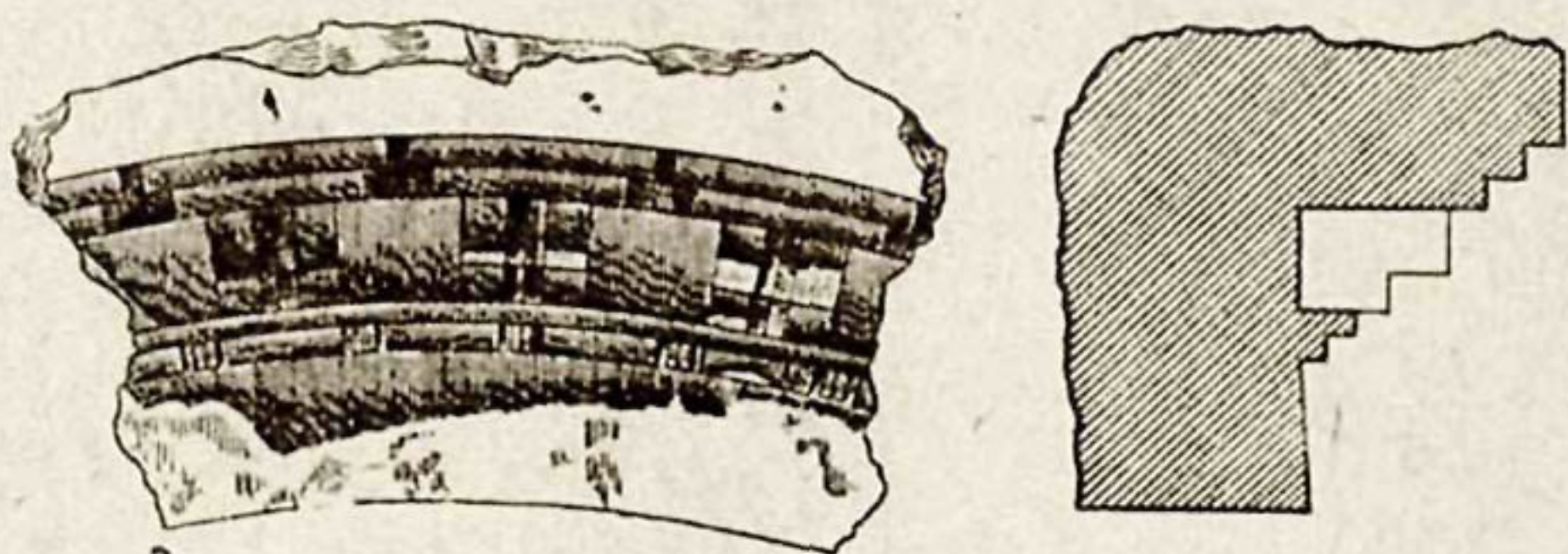

Рис. 11. Декоративная арочка.

ментом арочки (рис. 11). Трудно сейчас определить их назначение. Являются ли они остатками какой-то архитектурной модели, в малом масштабе воспроизводящей крупную постройку, или это элементы архитектурной декорации проемов и стен? Пока мы вынуждены ограничиться простым их описанием.

База М-1 (рис. 12) сохраняет традиционную последовательность обломов, но отличается исключительной тщательностью отделки и отшлифовки. Угрюмый красный тон покрывающей его охры служил, очевидно, грунтом для позолоты. Верхняя постель нагрубо выравнена. Квадратный плинт верхнего основания — 9 см, общая высота — 9,6 см.

Круглая база с квадратным плинтом (рис. 12, М-2) сохранила лишь нижний вал и часть скоции; в верхней своей части она настолько сбита, что всякая возможность графической реконструкции исключена.

Так называемые „столики“ — квадратные профилированные постаменты миниатюрных реликвариев — являются предметами культового обихода (рис. 12, М-3, М-4).

„Микроархитектура“ дает два новых варианта капителей, но венчавших не пилястры, а круглый стержень. Фрагмент (рис. 12, М-6), внешне близкий по типу не к коринфской, а скорее к угловой ионической капители, сохранил лишь угол, где сходятся волюты. Рельеф последних неглубок; глазок выступает не более, чем внешняя спираль. Зигзагообразный надрез, аналогичный надрезу на реконструированной большой капители, пилястра (рис. 7) следует очертанию волюты; нет никаких намеков на акант.

Другая капитель (рис. 12, М-5) представляет как бы надетый на цилиндрический стержень куб, украшенный с каждой стороны тремя акантовыми листками.

Фрагмент арочки, изображенной на рис. 11 (радиус по подсчетам — около 60 см), которая могла быть частью глухой аркатуры, декорирующей стену, свидетельствует о знакомстве с криволинейным перекрытием. Архиволют, украшен комбинацией сдвоенных зубцов, которые отделены полочкой от полосы попеременно чередующихся то вытянутых, то узких элементов, являющихся, несомненно, схематическим воспроизведением шнура перлов.

Розетта (рис. 12, М-7) — 12-лепестковый цветок очень сочной резьбы. Подведем итог сказанному.

Если анализ памятников материальной культуры Бактрии (рельеф, орнамент, пластика, ткани) дает возможность К. В. Тревер утверждать, что в гибридном характере греко-бактрийского искусства „нет основной господствующей линии, хотя иногда эллинизм, а иногда черты искусства иранского или китайского дают специфику сочетанию ряда других элементов“ (28), то о термезской архитектуре, судя по фрагментам, можно сказать, что в ней

преобладает именно восточно-эллинистическое начало, окрашенное в локальные тона.

В результате перенесения классических архитектурных традиций на новую почву, под воздействием как местных, так и привнесенных извне идеологических слагаемых, при кушанах была создана своя вполне оригинальная архитектура. На первоначальной стадии качественно уступая Западу, она бережно сохранила его традиции, что спасло ее от внешнедекоративного подражания гандхарской школы, в которой эллинистическое начало, под влиянием буддийской религии и крепких родственных уз, связывавших ее с Центральной Индией, было оттеснено на второй план. Видимо, не Гандхара, а Бактрия была подлинным очагом эллинизма в Центральной Азии. Эта страна, история которой остается во многом до сих пор неясной, обладала культурой, несомненно, значительной и своеобразной,

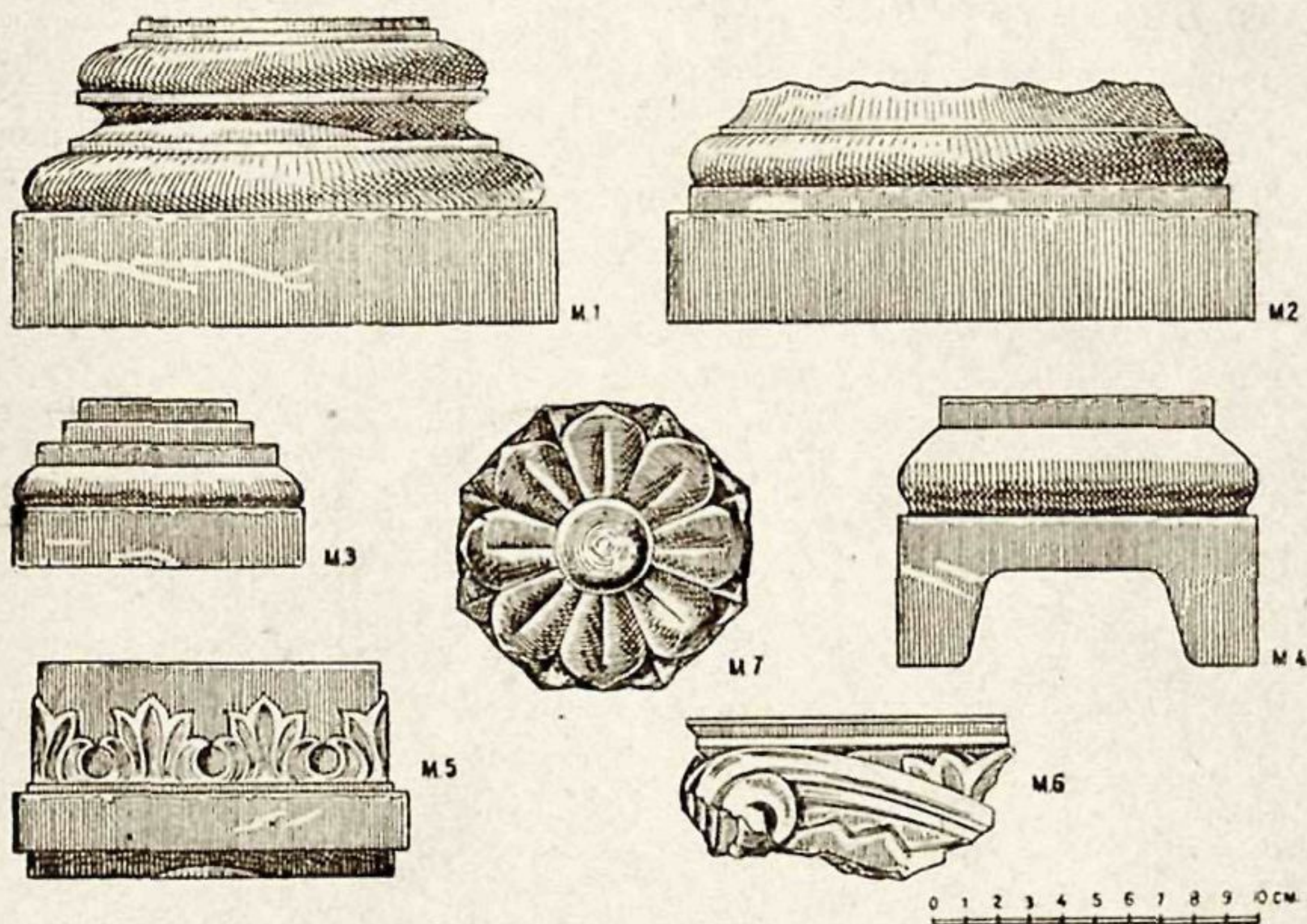

Рис. 12. Фрагменты микроархитектуры.

изучение которой должно занять не последнее место в той части науки об искусстве, которое очень широко определяется как искусство античное, но которое по существу ограничивается государственными образованиями Средиземноморского бассейна. Между тем, изыскания последних десятилетий свидетельствуют о том, что в первые века до и после н. э. тесное общение между народами Запада и Востока было непрерывным, что постоянное взаимопроникновение культурных достижений между ними имело место и что азиатские страны, может быть, именно в силу столкновения здесь самых разнородных влияний, сформировали свой, достаточно крепкий, уверенный творческий метод. В этом убеждают нас не только памятники Термеза. Вспомним архитектурные фрагменты из Несы, долгое время экспонировавшиеся в Эрмитаже: листья аканта, львиная маска, пальметта, по мотивам поразительно близкие к памятникам малоазийского греческого зодчества. Сделанные из обыкновенной, слабого обжига глины, они изобличают руку искусного мастера. Рас-

копки этого города, в течение ряда лет ведущиеся Туркменским институ-

том истории, обещают дать в этом отношении исключительно интересный материал. По словам М. Е. Массона, приглашенного в 1939 г. для экспертизы в Ашхабад, там обнаружены датированные первыми столетиями до н. э. базы, выложенные из кирпича, причем одна из них, подобно термезским, „аттического“ типа с эллиптическими, сильно вынесенными валами. Не менее любопытна отмеченная им плоская „капитель“ ионического ордера, попросту выре-

Рис. 13. Орнаментированный камень. Реконструкция

занная на кирпичной плитке, помещавшаяся над пилястром декоративной стенки могильного сооружения I в. до н. э. Очевидно, мастера Несы находились в худших по сравнению с термезскими условиях и, не имея под рукой ничего, кроме глины, переносили в нее формы каменного зодчества

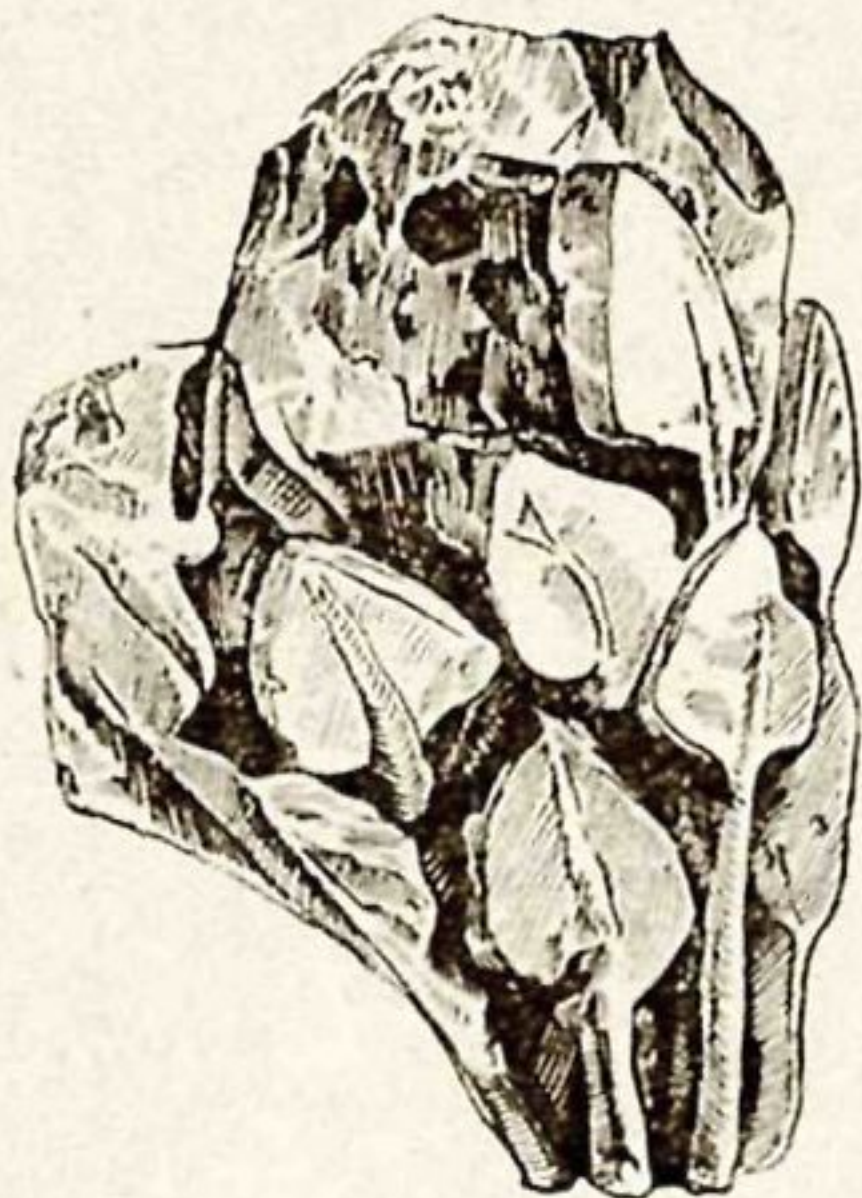

Рис. 14. Фрагменты орнаментированного штукатурки из Варахша.

В связи с этим следует указать на работы археологических экспедиций, возглавляемых В. А. Шишкиным. В руинах городища Варахша был собран представляющий исключительный интерес резной шtuk с изображением людей и животных, с растительным и геометрическим орнаментом. В. А. Шишкин относит его к VI—VII вв. н. э. (30), в то время как М. Е. Массон отодвигает дату не позднее III—IV вв. Этот материал свидетельствует о существовании высокого, до сих пор неведомого нам местного искусства, тесно связанного с культурами сопредельных стран. В этом отношении очень характерен найденный ТАКЭ в 1937 г. камень (рис. 13), имеющий поразительное сходство с некоторыми растительными мотивами фрагментов варахшского шtuk (рис. 14). Камень покрывает трехслойная резьба, большинство листьев сбито (рисунок дает его в реконструированном виде); ветви растения с выпуклым стеблем и сердцевидными листочками (может быть, местная разновидность дикорастущего перца) капризно перекрывают друг друга. Указанное сходство, видимо, свидетельствует о известной стилевой общности в архитектурном декоре Термеза и Варахши.

Городище Старого Термеза — ныне археологический заповедник — является неиссякаемым источником для многолетней работы будущих исследователей. Унылое зрелище представляет его территория — мертвенное однообразие усеянной руинами пустыни, развалины зданий, остатки городских стен, поросшие изжелта-серой колючкой холмы, где под заносами песка погребены рухнувшие постройки. Но какие тайны, какие сокровища погибших культур хранят эти тысячелетние груды мусора — вот увлекательная загадка, которую ставит перед советскими историками, археологами, искусствоведами этот древний заброшенный город.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) „Культура Востока“, Сборник Музея восточных культур, II. М., 1928.
- 2) М. Е. Массон, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Материалы Узкомстарица, вып. I, Ташкент, 1933. *Его же*, Скульптура Айртама, „Искусство“ № 2, 1935.
- 3) М. Е. Массон, Новый пункт местонахождения греко-бактрийских памятников, „СОНАТ“ № 1, 1936.
- 4) М. Е. Массон, К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, „СОНАТ“ № 1, 1937.
- 5) Отчеты ТАКЭ 1936—1937 гг. Рукопись „Раскопки на Чингиз-Тепе в 1936 г. и доарабская культура Термеза“. Автор считает таковыми мастеров монахов из Матхуры.
- 6) А. Foucher, L'art greco-bouddhique du Gandhara, vol. I—II, Paris, 1905.
- 7) S. A. Smith, The early History of India. Oxford, 1914. Gauranga Nath Banejee Hinduism in Ancient India, Calcutta—London, 1920. Marshall, Monuments of Ancient India. Cambridge, History of India, ch. XXXI. Masson-Oursel, L'Inde antique et la civilisation indienne, Paris, 1933.
- 8) J. Bartoux, Les fouilles de Hadda, v. I, Paris, 1933.
- 9) М. Е. Массон, Старый Термез и его изучение. Сборн. ТАКЭ, 1936 г. Рукопись.
- 10) С. П. Толстов, Основные вопросы древней истории Средней Азии, „Вестник древней истории“ № 1(2), 1938, стр. 184—187.
- 11) А. Foucher, The Beginning of Bouddhist Art, London, 1917. См. The preface by F. W. Thomas.
- 12) О. Шуази, Строительное искусство древних римлян, М., 1938, стр. 133—134.
- 13) Charles Chipiez, Histoire critique des origines et de la formation des ordres grecs. Paris, 1876, стр. 263. О. Шуази, История архитектуры, т. I, М., 1936, стр. 266.
- 14) Вюле ле-Дюк, Беседы об архитектуре, т. I, М., 1937, стр. 300.
- 15) J. Bartoux, op. cit., p. 18.
- 16) „Раскопки на Чингиз-Тепе“...
- 17) О. Ф. Вальдгауэр, Лисипп. Берлин, 1923, рис. 15.
- 18) Вес большой базы (Б-I) превышает одну тонну.
- 19) Экспедиция эта, организованная на средства Музея Виктории и Альберта, разделилась на две группы. Первая, возглавляемая самим E. Barger, двигалась вдоль одного из великих трансзиатских античных путей по левому берегу реки; вторая направилась на ЮВ в Сват. Результаты этих исключительно интересных рекогносцировочных изысканий, на которых, мы здесь не имеем возможности остановиться подробно, опубликованы в 1938—1939 гг. Evert Barger, The results of the recent Archaeological Expedition to Swat and Afghanistan, in relation to the present position of Indian Studies in this country. Journal of the Royal Society of Arts, Dec. 1938, vol. LXXXVII, p. 102—124. „Revue archeologique“ t. XIII, Janvier—Mars 1939, p. 149. Traces de civilisation grecque dans l'Iran Occidental. Evert Barger, Exploration of Ancient Cities of Northern Afghanistan—The Geographical Journal, vol. XCIII, n° 5, May 1939, p. 377—398.
- 20) E. Barger, Exploration of Ancient Cities..., p. 384.
- 21) В. ле-Дюк, op. cit., стр. 429.
- 22) К. Рончевский, Варианты римских капителей, М., 1935.
- 23) Выразительным документом этой энергичной борьбы за полноценную архитектуру, соответствующую мощи образовавшейся Римской империи и созданную руками римских зодчих, является „Трактат об архитектуре“ Витрувия. См. Г. П. Поляков, Витрувий и Август, „Вестник древней истории“ № 4(5), 1939.
- 24) К. Рончевский, Римские триумфальные арки, М., 1916, стр. 11—12.
- 25) ТАКЭ 1938 г. Капитель была открыта научным сотрудником А. Кахаровым неподалеку от северо-западного угла калы.
- 26) P. Masson-Oursel, L'Inde antique et la civilisation indienne. Paris, 1933, p. 413.
- 27) Таковы — капитель из Падули, капители из Помпей, даже капитель терм Каракаллы с могучей фигурой Геракла в центре и др. См. К. Рончевский, Варианты римских капителей, стр. 7, рис. 1, табл. I; *его же*, Художественные мотивы в древнем римском зодчестве, ч. I, Рига, 1905, фиг. 24, 166.
- 28) О. Шуази, История архитектуры, т. I, 1936, стр. 255.
- 29) К. В. Тревер, Проблема греко-бактрийского искусства, III международный конгресс по иранскому искусству и археологии, Доклады, М. — Л., 1939, стр. 269.
- 30) В. А. Шишкин, Резная стукковая декорация из развалин Варахша. „Искусство“ 1938, № 5, стр. 151.

В. Д. ЖУКОВ

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ ЧАСТИ КРЕПОСТНОЙ ОГРАДЫ КАЛЫ ДРЕВНЕГО ТЕРМЕЗА

На территории Старого Термеза, у самого берега Аму-Дарьи, возвышается колоссальных размеров городище, называемое кала. Остатки полуразрушенных угловых башен четко выделяются среди беспорядочно разбросанных бесчисленных обломков жженого кирпича, густо покрывающих всю поверхность городища и склоны размытых крепостных стен. Многократные прежние описания этой наиболее эффектной части всего Приамударьинского городища Старого Термеза мало вскрывают ее исто-

Рис. 1. Разрез крепостного вала.

рическое прошлое и в лучшем случае дают представление о состоянии руин в сравнительно недалекое от нас время. Последнее описание калы, в котором учитываются результаты ранее произведенных и зафиксированных осмотров, приводится в отчетах Термезской археологической комплексной экспедиции 1936 г. Арабское слово „кала“ означает крепость, замок, форт, укрепление. Смысл этого слова в применении к данному археологическому объекту наиболее точно передается на русский язык понятием город-крепость.

При обследовании территории этого городища возникли различные мнения относительно местоположения первоначального города и его роста. Так, например, руководитель экспедиции М. Е. Массон предполагал, что Кала являлась центром „античного“ города, в то время как другие исследователи считали, что там находился буддийский монастырь. Ввиду того, что от решения этого вопроса зависела возможность установления общей схемы развития всего города, выявилась необходимость произвести специальное предварительное обследование этого объекта.

Сложность раскопок такого грандиозного памятника и, вместе с тем ограниченность времени, а также желание при наименьших затратах сил и средств получить необходимые материалы из толщи самих наслоений калы для обоснования тех или иных предположений заставили нас ограничиться разрезом с наружной стороны крепостной ограды, так как при этом в меньшей степени нарушалась неприкосновенность особенно интересных найденных культурных наслоений, отложившихся, в основном, с внутренней стороны города-крепости. Наиболее удобной частью для производства такого рода разреза являлось место у северо-западного угла калы (рис. 1), где, по предположению начальника экспедиции М. Е. Массона, ранее производили свои изыскания Самарская ученая экспедиция и Бонвало (1); в

настоящее время здесь образовалось нечто вроде пролома, что облегчало производство расчистки для выявления залегающих наслоений.

Крутые склоны оплывшего вала, поднимающиеся на протяжении 27 м почти на тринадцатиметровую высоту, были усыпаны обломками обожженного кирпича и прочим мусором (рис. 2), свидетельствующим о былой интенсивной деятельности здесь человека. Среди обильного подъемного материала встречались отдельные фрагментарные находки, указывающие, что жизнь на этом городище продолжалась с небольшими перерывами свыше двух тысячелетий. Какой высоты достигала крепостная ограда раньше — сказать затруднительно. Во всяком случае, размытые остатки ее дают возможность предполагать, что она была значительно выше и окру-

Рис. 2. Вид раскопа с ЮВ.

женная рвом представляла серьезное препятствие для нападающих.

Нашей основной задачей являлось получение стратиграфического разреза всех культурных наслоений, залегающих от сохранившегося гребня крепостного вала до материка. Для вскрытия наслоений была заложена снаружи в направлении с С на Ю траншея шириною около 2 м, которая должна была разрезать часть северной крепостной ограды, углубиться до материка и, обнажив культурные наслоения, помочь выявить отдельные моменты из истории существования этого археологического объекта; вместе с тем, можно было ожидать получения некоторых данных для установления времени сооружения крепости-города. Вскрытие производилось поквадратными выемками при толщине яруса по вертикали 0,25 м. Вскрытая площадь всего раскопа равнялась 54 м²; кроме того, была произведена расчистка от завалов строительного мусора гребня первоначальной крепостной ограды (рис. 3) общей площадью в 21 м².

Работы были начаты в 1937 г. научными сотрудниками 2 отряда

М. И. Вязьмитиной и И. А. Сухаревым (2) и окончены в 1938 г. отрядом в составе научного сотрудника В. Д. Жукова и студента III курса исторического факультета САГУ — Г. П. Савельева (3), при переменном количестве землекопов от 1 до 5 человек. Первый год полевые работы продолжались около 20 дней (с 2 по 10 мая и с 19 по 25 июня) и второй — с 25 мая по 2 июля.

Рис. 3. Расчистка гребня крепостного вала.

Несмотря на техническую сложность проведения этих работ (необходимость специального крепления от обвалов уже вскрытых слоев для дальнейшего углубления разреза), материк был вскрыт в трех местах заложеного раскопа, условно обозначенных на плане и разрезе шурфами №№ 1, 2, 3 и 4 (рис. 4, 5 и 6).

Выявленные при обследовании данные вполне оправдали методику постановки этих работ: удалось не только решить основную задачу, но также получить необходимые материалы для организации дальнейших систематических раскопок этого исключительного по значению памятника. В результате работ мы имеем стратиграфический разрез наружной части крепостного вала Калы. Описанию обнаруженных в толще его культурных наслоений и посвящена настоящая статья.

Шурф № 1. В верхней части стенки среза на глубину 0,8 м прослеживается кладка из плиток кирпича солнечной сушки размером: 12 см толщины и 30—33 см длины. Швы этой кладки толщиной 6—7 см заполнены глиняным раствором. Ближе к краю склона гребень стены

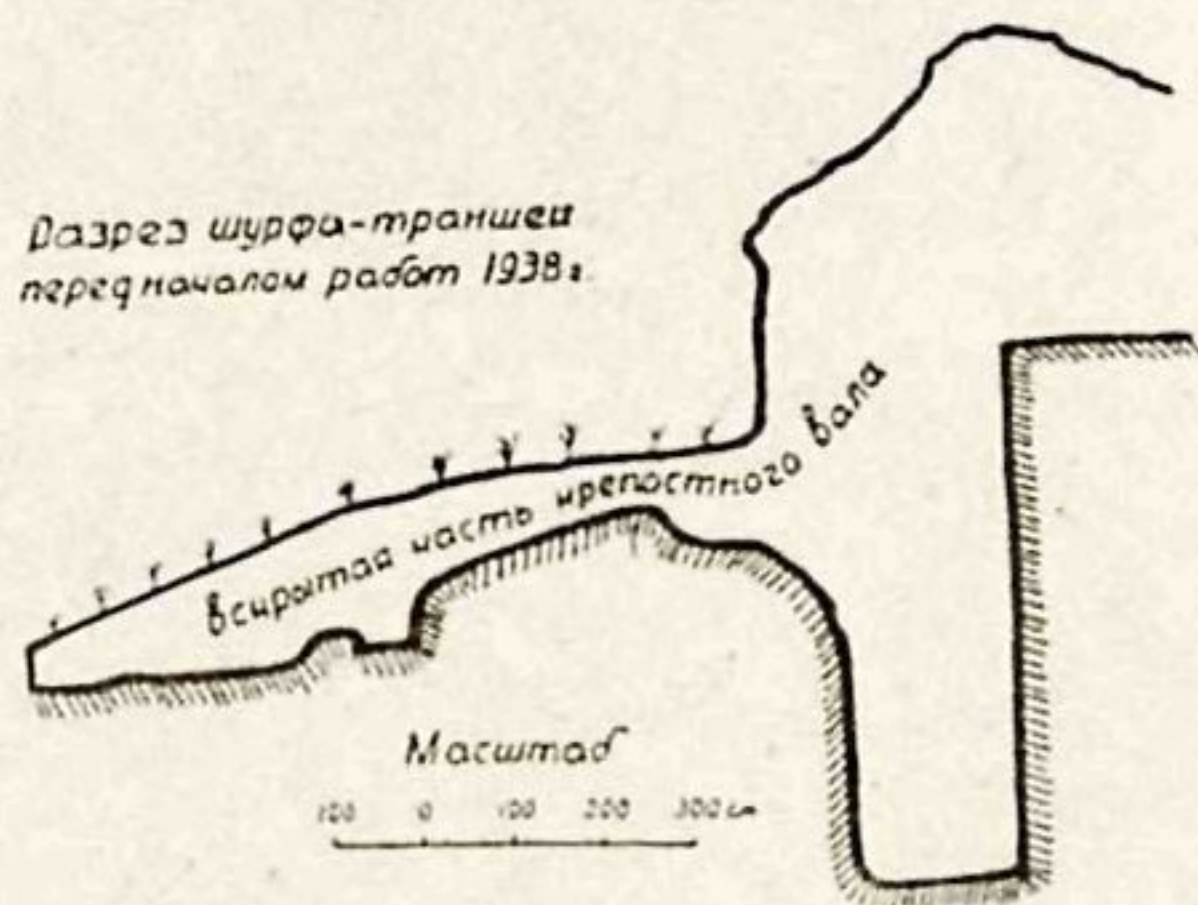

Рис. 4. Разрез шурфа-траншеи перед началом работ 1938 г.

размыт и кладка теряет свое отчетливое очертание. Сверху размытый слой прикрыт тонкой, хрупкой корочкой лесса, образовавшейся на поверхности. Эта сырцовая кладка лежит на довольно рыхлом наслоении, состоящем из лесса и песка и прорезанном несколькими зольными прослойками. Однород-

ный характер мусора, слагающего эту толщу селитроносных наслоений, в которой отмечено довольно значительное количество костей животных, фрагментов грубой, неполивной керамики, кусочков древесного угля и следов каких-то разложившихся органических остатков, свидетельствует не о медленном накоплении нажитых наслоений, а скорее о том, что эти наслоения состоят из одновременно сложенного и слежавшегося мусора. Южной границы этого наслоения проследить не удалось вследствие того, что оно

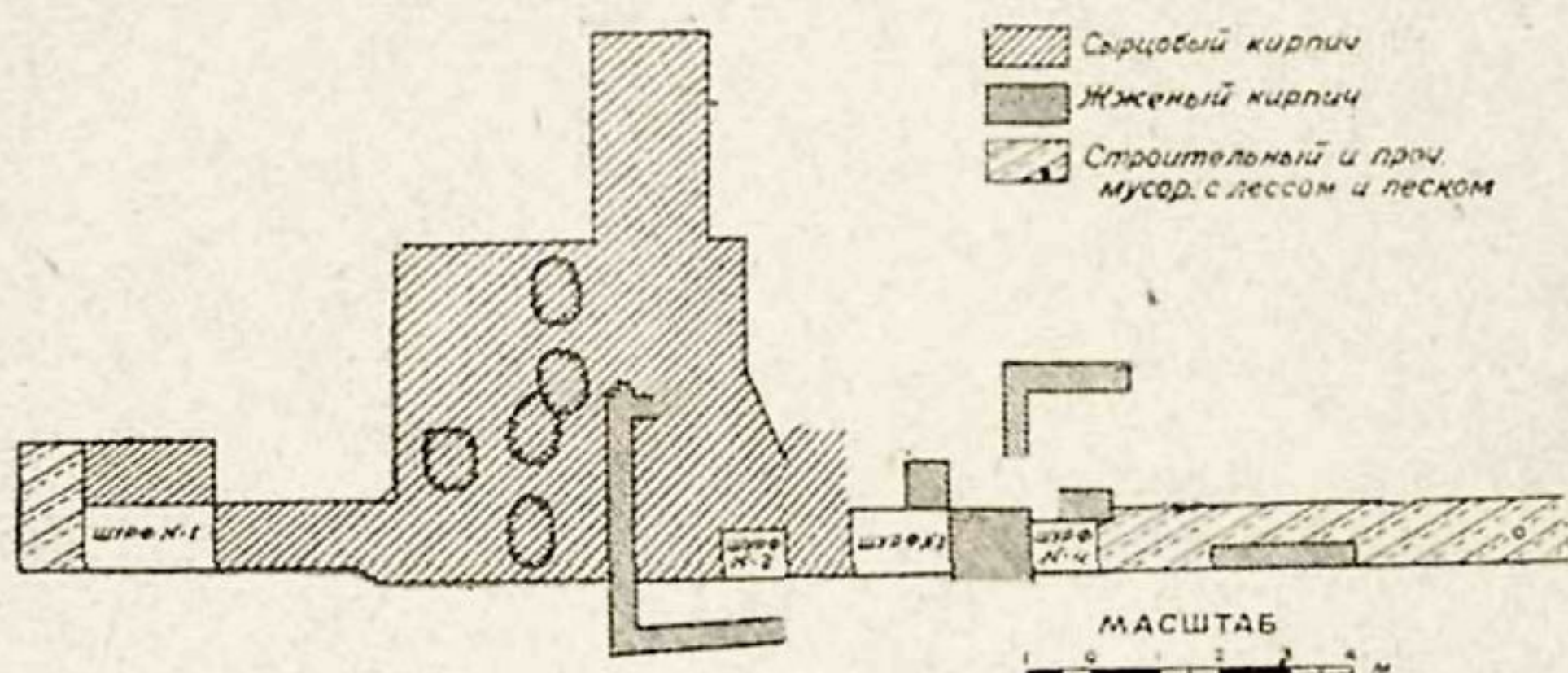

Рис. 5. Схематический план раскопа части северной стены калы городища Термеза.

уходит в толщу невоскрытой части крепостной ограды, а с северной стороны упирается в остаток, повидимому, более ранней кладки, сложенной из сырцового кирпича размером 36×10 см. На глубине 5 и 6 м к этой кирпичной кладке примыкает другая, несколько выдающаяся к Ю и также состоящая из сырцового кирпича, хотя более крупного размера (40×12 см).

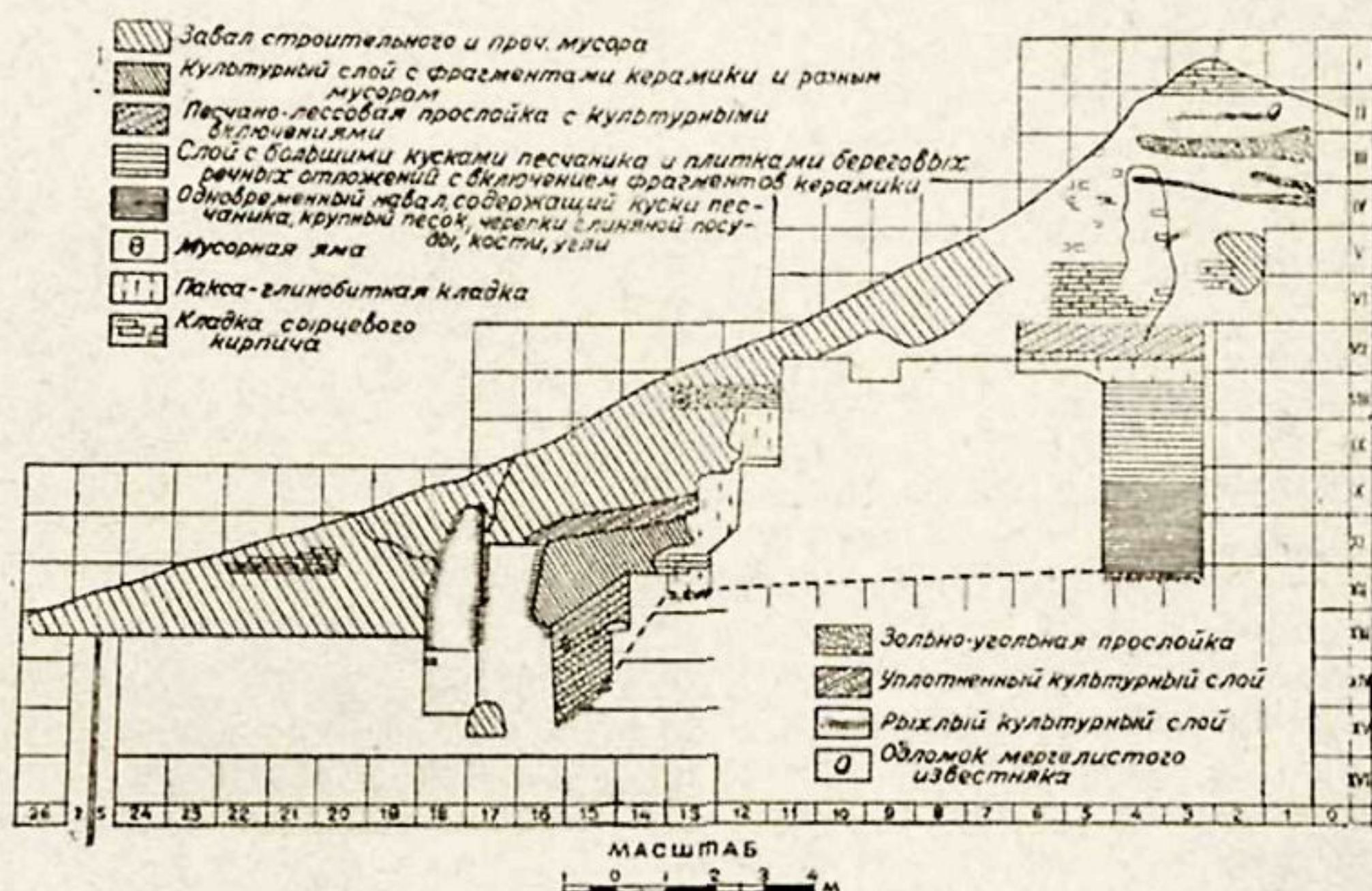

Рис. 6. Схематический разрез части северной стены калы городища Термеза.

Южная сторона последней оканчивается гладкой выровненной плоскостью стены, покрытой белой штукатуркой. Непосредственно прилегающее к этой стене наслоение имеет уже другой, несколько отличный характер. Несомненно, что штукатурка покрывала северную стену помещения, расположенного в крепостной ограде и что это помещение было засыпано до возведения той стены, остаток от которой в виде небольшого гребня еще сохранился на высоту около одного метра.

Таким образом в верхней стенке среза выделяется участок более или менее однородного культурного наложения, залегающего от нижней части остатка верхней крепостной ограды до отмеченного на квадратах V и VI помещения. Толщина этого слоя равна 3 м. Интересно отметить, что залегание в нем прослоек горизонтальное, в то время как нижележащая толща наложений, которая заполняет помещение, имеет наклон слоев в южную

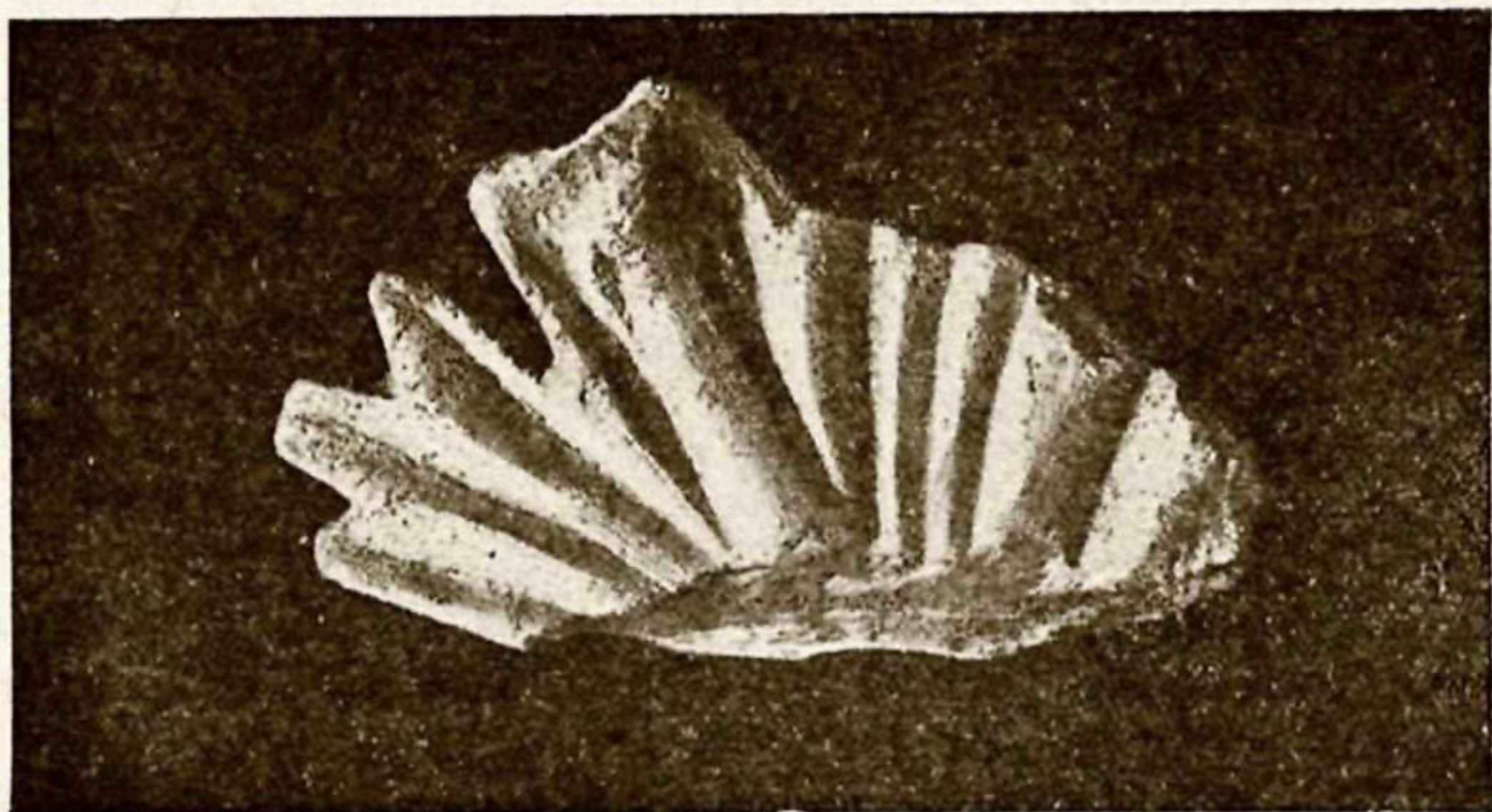

Рис. 7. Обломок от фриза из мергелистого известняка.

сторону под углом в 45° . Это помещение было прорезано шурфом, заложенным в 1937 г. Вскрытия помещения не производилось. В срезе точно обозначилась вертикальная линия прорезанной стены, плоскость которой была покрыта тонким слоем белой штукатурки. Позднее, очевидно при ремонте и некоторой переделке крепостной ограды, помещение было сверху засыпано различным мусором, из которого извлечены следующие находки:

1. Небольшой обломок верхней части акантового листа из мергелистого известняка хорошей обработки, повидимому, фрагмент фриза (рис. 7). У восточного фаса калы был поднят аналогичный фрагмент более крупного размера. Такого рода аканты известны по фризам городища Айртам (4). Изготовление этих архитектурных изделий из мергелистого известняка относится ко времени Кушанского государства, когда буддизм получил наиболее широкое распространение на территории Средней Азии.

2. Глиняные черепки, по которым не удалось установить формы сосудов. Вообще во всем разрезе встречались только сравнительно небольшие осколки, что следует в большинстве случаев объяснить неоднократным их перемещением на другие места. Однако в технике изготовления предметов этого комплекса керамики наблюдаются следующие черты, сближающие их между собой: венчик, примерно в два раза толще черепка стенки сосуда; утолщенная часть венчика, выступающая обычно с наружной

Рис. 8. Венчик от глиняного сосуда кушанского периода.

стороны, украшена в большинстве случаев бороздками, в результате чего венчик резко выделяется как самостоятельная часть сосуда (рис. 8); стенки глиняной посуды этого типа, изготовленной на гончарном круге, снаружи хорошо затерты; черепок обычно состоит из светлой глины ровного обжига; наружная сторона (а нередко и внутренняя) ангобирована красноватой краской, реже покрыта следами лощения, а иногда орнаментирована красноватыми линиями. Эта посуда отличается тщательностью приготовления самого теста и внешней отделки.

Следующим характерным ее признаком является утолщение в двух местах черепка — в венчике и при переходе стенок в днище; при этом стенки, резко обрываясь, образуют с наружной стороны довольно четкую линию, служащую границей между ними и дном. Донце этого типа глиняной посуды в части, примыкающей к стенкам, обычно имеет некоторое утолщение; ближе же к центру черепок становится тоньше.

Судя по тем фрагментам, которые были обнаружены в засыпанном помещении, можно высказать следующие соображения относительно керамического производства того времени: гончарный круг уже получил широкое распространение; мастера путем долголетней практики научились готовить тонкий и прочный черепок, чем обуславливалась легкость изготавливаемых сосудов. Интересно также отметить особенную тщательность в обработке гончарных изделий и различное оформление отдельных частей сосуда. Все это, повидимому, указывает на существование в то время группы ремесленников, специально занятых в гончарном производстве. Пола самого помещения в срезе отметить не удалось. На горизонте 16—17 ярусов проходит граница, разделяющая наслоения на две совершенно различные части: первое — нижнее образовалось путем искусственного заполнения свободных пространств в стенах калы, и второе — верхнее накопилось не в яме, а на поверхности площадки. Вообще следует отметить, что в Средней Азии, в местах поселений, особенно городского типа, в сравнительно небольшой срок своего существования накапливаются большие толщи культурных наслоений, что обуславливается, главным образом, употреблением с давних пор в качестве основного строительного материала глины, которая при разрушении старых зданий образует чрезвычайно мощные наслоения, причем эта толща сравнительно быстро увеличивается с возведением новых сооружений; последнее объясняется тем, что при постройке их обычно выравнивалась только площадь и новые здания в большинстве случаев возводились на подземных частях древних построек. Особенно наглядный пример этого мы можем наблюдать на городище Варахша, где внутренность одного большого дворцового помещения, стены которого сохранились на высоту нескольких метров, была сплошь забита глиняными комьями, утрамбованными через каждые 15—40 см.

Суммируя общее описание первых шести метров толщи культурных наслоений, мы можем выделить следующие включения:

1. Остатки крепостной ограды, сложенной в основном из сырцового кирпича крупного размера; кладка эта перемежается с глинобитной (последний прием наблюдается также и в сооружениях средневекового Термеза). По середине одной из широких сторон сырцового кирпича были отмечены проходящие поперечные выступы, которые ложились в соответствующие гнезда прилегающих кирпичей, укрепляя прочность кладки. Этой особенностью, повидимому, отличаются только сооружения дофеодалного периода на территории Узбекистана.

2. Часть помещения, находящегося в ограде и позднее засыпанного различным мусором; засыпка помещения производилась с северной стороны без утрамбовки и выравнивания, вследствие чего слои имеют наклонное положение. Можно отметить даже некоторую поспешность во время проведения этих работ, совпавших, очевидно, с одним из очередных ремонтов ограды. Между четвертым и пятым метрами залегает несколько уплотненное наслоение, включающее в себя меньшее количество культурных остатков. На этой высоте, возможно, находилось перекрытие помещения, пола ко-

торого в срезе проследить не удалось. Остатки сохранившейся северной внутренней стены, покрытой белой штукатуркой, поднимаются на высоту до одного с небольшим метра.

3. Характерные селитроносные прослойки различных оттенков, с золой, кусочками угля, обломками костей животных и фрагментами глиняных сосудов, находящихся в толще культурного наслоения, заключенного между помещением и верхним остатком крепостной ограды. Характер залегания показывает, что наслоение постепенно подвергалось какой-то трамбовке. В толще его отмечен каменный обломок мергелистого известняка, изделия из которого особенно характерны для первых веков н. э.; к этому же периоду относятся также обнаруженные здесь фрагменты керамики. Позднее это наслоение нарушалось при производстве строительных работ, вероятно ремонте стен, чем и объясняются находки в нем обломков жженого кирпича.

Ниже, начиная с VII метра от гребня крепостного вала, проходит песчано-лессовая прослойка со включением культурных остатков. Это наслоение залегает на глинобитной кладке высотой несколько больше полуметра, в свою очередь возведенной на песчаной прослойке толщиной в 5—10 см. Такие песчаные прослойки употребляются в сооружениях в различных районах Бухарского округа и в настоящее время в тех местах, где выступающие на поверхность соли, подымаясь, разрушают глинобитную кладку. Песчаная прослойка, изолируя кладку от проникновения солей, способствует ее сохранности.

Ниже, на глубину немногим больше полуметра, залегает песчано-лессовая прослойка со следами разложившихся органических остатков. Глубже шурф прорезал трехметровый слой, состоящий из кусков песчаника и слоистых плиток береговых речных отложений (5). По своему механическому составу всю эту толщу можно разделить на две части: верхняя состоит из более крупных глыб, а нижняя — из более мелких. В состав той и другой входят слоистые куски иловых речных отложений, песчаник, крупный песок и лесс; вместе с тем, они содержат довольно значительное количество черепков глиняной посуды, костей животных и угольков. На глубине 11,15—11,3 м культурные наслоения не прослеживаются: шурф был доведен до материка, состоящего из третичного песчаника, выходы которого можно наблюдать у дороги, проходящей вдоль северного фаса Калы.

Наиболее характерные фрагменты керамики, обнаруженные в наслоении, непосредственно прилегающем к матерiku (рис. 19, 20), относятся к кушанскому времени. Как видим, венчики этих сосудов утолщенные; стенки в большинстве случаев гладкие; поддонце невысокое. Изготовление этих гончарных изделий, несомненно, производилось на гончарном круге. Следует отметить ровный обжиг и тщательную, большей частью гладкую отделку наружной стороны сосуда, обычно покрытой ангобом.

От гребня сохранившейся сырцової кладки крепостного вала до материка толщина культурных наслоений имеет 11,15—11,3 м. Эти наслоения свидетельствуют о нескольких периодах, в течение которых происходило их накопление при различного рода ремонтах и достройках этой ограды. Совершенно очевидно также, что самое нижнее наслоение, непосредственно залегающее на материке, образовалось до возведения на этом месте крепостной ограды и жизнь сравнительно продолжительное время протекала где-то по соседству. В этом слое, погребенном под одиннадцатиметровой толщей, отмечаются черепки, долгое время лежавшие на поверхности земли и подвергавшиеся действию сильного ветра, несущего песок. Повидимому, первоначальное поселение, возникшее около реки, продолжительное время располагалось на довольно узкой полосе и только в последующие периоды, когда около него успели накопиться наслоения из различного мусора, возникла необходимость в расширении городской территории. Новые стены были возведены в то время, когда эти культурные отложения на краю прибрежной скалы успели вырасти до 1 м. Вероятно, эти

стены были построены вокруг продолжительное время существовавшего городского поселения, следы прошлой жизни которого в виде черепков глиняной посуды попали не только в самую кладку стен, но находятся также в значительном количестве и в ее основании. Поэтому заключение, высказанное одним из участников экспедиции МВК в 1927 г. о том, что „холм Чингиз-Тепе был частью доисламского города, тогда как один из монастырей располагается значительно дальше, где в настоящее время идет дорога мимо юго-восточного угла калы к мазару Хакими аль-Термези“ (6), следует уточнить следующим образом: холм Чингиз-тепе был занят сооружениями, относящимися уже к позднему доисламскому городскому поселению, центральная часть которого находилась на территории, носящей ныне название Калы.

На квадрате № 13 (рис. 5—6), расположенном по середине склона, удалось также довести шурф до материка, обнаруженного на глубине 11,5 м, считая от высоты гребня крепостного вала. Как и в первом шурфе, материк состоит из третичного песчаника. Из небольшой прослойки песка, прилегающей к матерiku, извлечена следующая керамика:

1. Черепок из хорошо промешанной и ровно обожженной глины. Наружная сторона гладко затерта и покрыта красным ангобом. Сосуд был изготовлен на гончарном круге.

2. Венчики от четырех глиняных сосудов, из которых самый крупный принадлежал небольшому хуму. Венчики имеют небольшое утолщение по сравнению со стенками сосуда. Плотный черепок трех венчиков ровного обжига состоит из однородной массы. Черепок венчика хума отличается пористостью, слабым неравномерным обжигом и значительной примесью шамота, в котором выделяются крупные зерна кварца (?).

Эти находки показывают, что накопление наслоений в обоих шурфах, непосредственно прилегающих к матерiku, относится к одному и тому же периоду.

Верхнее наслоение — завал, состоящее из песка и лесса с включением большого количества различного рода мусора, отличается материалом, по-видимому, неоднократно перемещавшимся. Для характеристики его не-безынтересно упомянуть следующие обнаруженные в нем предметы:

1) бронзовый, трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 9);

2) утолщенный венчик от глиняного сосуда уже описанной формы, относящегося к кушанскому периоду;

3) терракотовая пуговица с насечками на лицевой стороне, покрытая красным ангобом;

4) небольшой обломок венчика от тонкостенного сосуда красного лощения;

5) обломок кости животного; наружная сторона этой кости, возможно, употреблявшаяся для лощения сосудов, тщательно отполирована;

6) фрагменты глиняного сосуда с белой, слегка кремовой поливой с геометрическим орнаментом коричневого цвета — из утвари X в.;

7) небольшой фрагмент поливной керамики, по-видимому, касы XVII—XVIII в.

Рис. 9. Бронзовый наконечник стрелы.

Судя по перечисленным находкам, материал этого наслоения имеет „случайный характер“ и датировать последнее по обнаруженным в нем находкам не представляется возможным. Накопление его происходило за счет небольших обвалов мусора, скопившегося на более высоких частях крепостной ограды.

В шурфе № 3 на квадрате № 15 (рис. 5 и 6) также был выявлен материк на глубине 14 м. Здесь на протяжении одного метра вскрытой площади можно наблюдать склон скалы, подымающейся под углом 45°. На материке залегало наслоение из песка, в котором обнаружены фрагменты керамики, кусочки угля и обломки костей. Из керамического материала в этом на-

слоении в изобилии встречаются обломки гончарных изделий кушанского периода с утолщенным венчиком и красным лощением. Здесь же был обнаружен небольшой фрагмент верхней части сфероконического сосуда, наружная сторона которого покрыта поливой зеленого цвета. Кроме того, это наслоение характеризуется также керамикой, изготовленной без гончарного круга из плохо перемешанной и неровно обожженной глины, содержащей большое количество кварцевых зерен. В изломе черепок имеет воздушные гнезда, которые отмечаются как на внутренней, так и на наружной его поверхности. Судя по этому материалу, можно предполагать, что на склоне скалы до возведения крепостной ограды была произведена насыпка грунта с целью выровнять в различных местах площадку строительства.

С северной стороны шурф № 3 вскрыл позднейшую обкладку крепостной сырцовой ограды. С наружной стороны эта обкладка была укреплена контрфорсом. (Величина плиток обожженного кирпича, составляющих его кладку, характеризуется следующими размерами: $28 \times ? \times 4$; $27,5 \times ? \times 5$; $27 \times ? \times 4$; $26 \times ? \times 5,5$; $26 \times ? \times 5$; $26 \times ? \times 4,5$; $26 \times ? \times 3,5$; $25 \times ? \times 4$; $25 \times ? \times 5$; $24 \times ? \times 3$; $13 \times ? \times 4$; $12 \times ? \times 3,5$). Этот капитальный ремонт ограды, производившийся, повидимому, одновременно с обкладкой из жженого кирпича северо-западной бурджи (7), и сооружение устоев (8) вдоль южного фаса Калы по характеру произведенных работ относятся, вероятно, к началу XV в.

Заложенная траншея показывает, что толщина крепостной ограды в то время достигала уже свыше 15 м. В местах, где гребень основной стены был расчищен от позднейших наслоений, всегда отмечался характерный комплекс фрагментов гончарных изделий кушанского периода.

В процессе проведения раскопок были обнаружены следы деятельности человека и в более позднее время. Так, в гребне крепостной ограды были отмечены пять, повидимому хозяйственного назначения, ям (рис. 10), возможно, служивших гнездами для установки хумов, в которых хранили воду или зерно. На том же уровне крепостной ограды с северной стороны ям вскрыты остатки нижней кладки из жженого кирпича, являющейся, вероятно, частью небольшого сооружения легкого типа, состоящего из одного помещения размером 3,5 и 4,5 м. Судя по разнообразному размеру кирпича в кладке, в которую также было включено и значительное количество обломков, строительный материал был собран из расположенных вокруг полуразрушенных строений. Небрежность самой кладки, сложенной на глиняном растворе, размеры помещения и положение его на склоне Калы против мавзолея Абуль-Хаким Термези говорят о том, что сооружение это следует отнести к комплексу незатейливых построек, которые некогда довольно густо располагались вокруг мечети и мавзолея с блестящим надгробием и служили пристанищем для многочисленных шейхов, широко эксплуатировавших этот мазар, так удобно расположенный у переправы через реку (9).

В юго-восточном углу выявленного помещения находился очажок из обожженного кирпича, грубая кладка которого указывает на скудость обитателей этого строения, возможно, служившего чайханой. Внизу под очажком был обнаружен „тайник“ или „таукхана“, как местные жители называют небольшую, вырытую в земле, камеру. В тайнике находилось несколько полуистлевших обломков-саксаула. Возможно, что камера служила для хранения терьяка, употребление которого было широко распространено среди жителей. Завалы строительного и прочего мусора, непосредственно примыкавшие к этим остаткам, в большей части заключали фрагменты поздней керамики XVIII—XIX вв. Довольно значительное количество черепков битой посуды свидетельствует о почти постоянном пребывании здесь человека в течение этого времени.

В этом же завале у самой стены был обнаружен клад монет около 70 штук, спаянных целыми стопками в результате окисления и густо покрытых снаружи медным купоросом. Этот клад был когда-то завернут в белую хлопчатобумажную ткань — тряпку, обрывки которой плотно пристали

к металлу. Монеты отличаются плохой сохранностью и только на немногих из них М. Е. Массоном разобраны отдельные буквы имени второго аштарханидского правителя Субхан Кулихана [1680—1702 (10)]. Неправильная, несколько продолговатая форма медных монет, покрытых тонким слоем серебра, указывает на характерную особенность теньги (11)—тип монеты, переходной от шейбонидского чекана к типу денег матытских эмиров (12).

Судя по кладу монет, вскрытое сооружение относится к самому началу XVIII в. Вероятно, в то время здесь производилась широкая эксплуатация мазара, связанного с культом Термез-ата. Путешественники, проходившие мимо этого места, приносили немалые доходы владельцам как культовых, так и расположенных около них трактирно-ночлежных заведений.

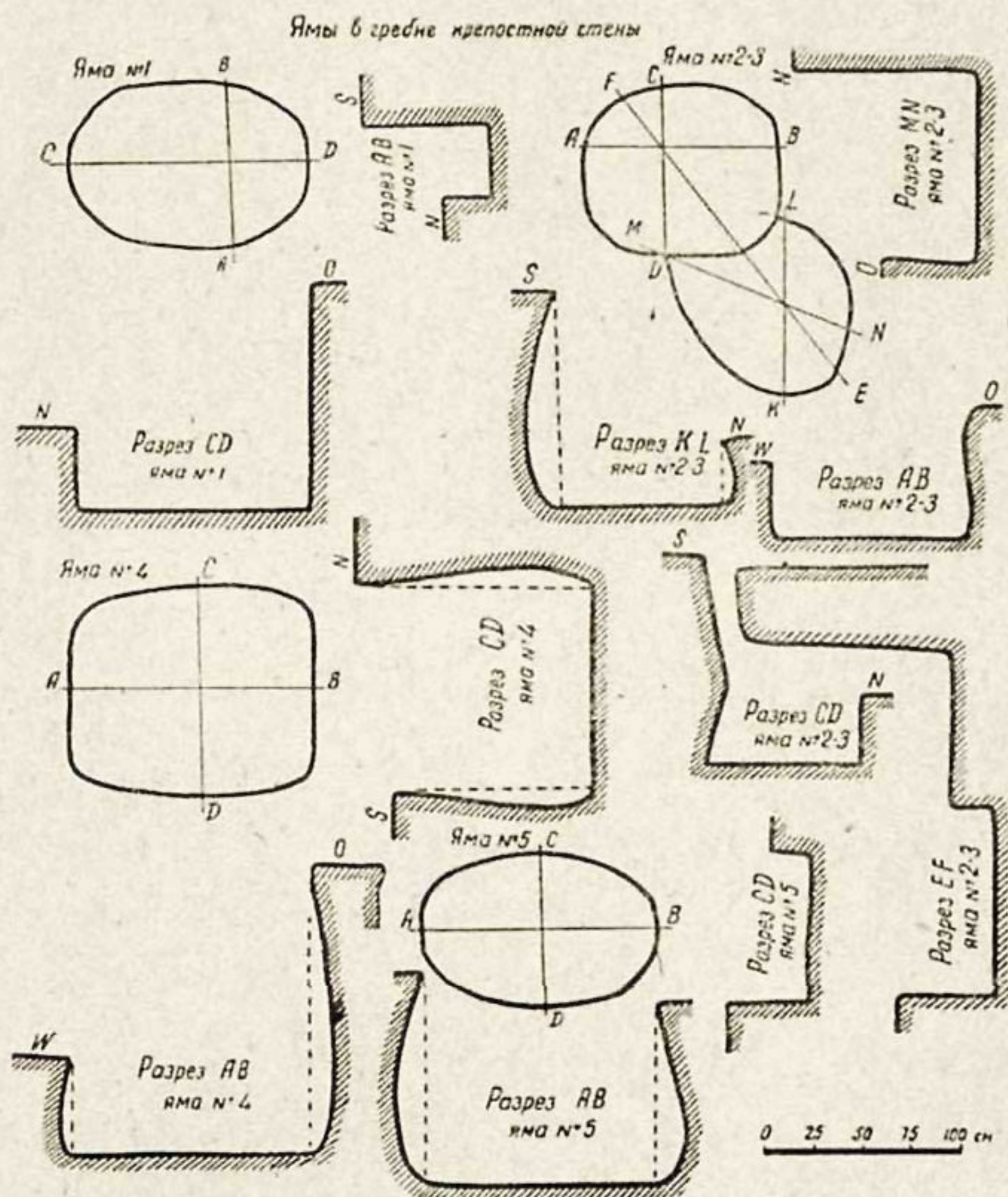

Рис. 10. Ямы в гребне крепостной стены.

На квадратах №№ 20—22, близ подошвы, на глубине около 0,5 м от поверхности склона, была вскрыта другая кладка из обожженного кирпича, частично сохранившаяся на высоту 8 рядов (рис. 11) и на протяжении двух с небольшим метров. В кладку, сложенную на глиняном растворе, включено значительное количество довольно мелких обломков. Различные размеры и выделка плиток кирпича указывают на то, что они принадлежали к различным сооружениям.

Территория городища Древнего Термеза, опустевшая после разрушения города и избиения многих его жителей войсками Чингиз-хана осенью 1220 г. (13), в значительной своей части оставалась незаселенной, так как город был позднее перенесен ближе к Сурхан-Дарье, вверх по подводящей

оросительной системе. Но в отдельных пунктах Древнего Термеза, как установило обследование городища, начиная с XV в. возникает довольно оживленная жизнь. Одними из таких пунктов были кала и расположенный около нее ансамбль сооружений: надгробье Абуль-Хаким Термези и два других — около мавзолея Ходжа-Варуха и минарета 1032 г. Стратегическое значение, которое имела кала, обязывало правителей поддерживать ее и содержать в ней караульную команду. Надгробье же Абуль-Хаким

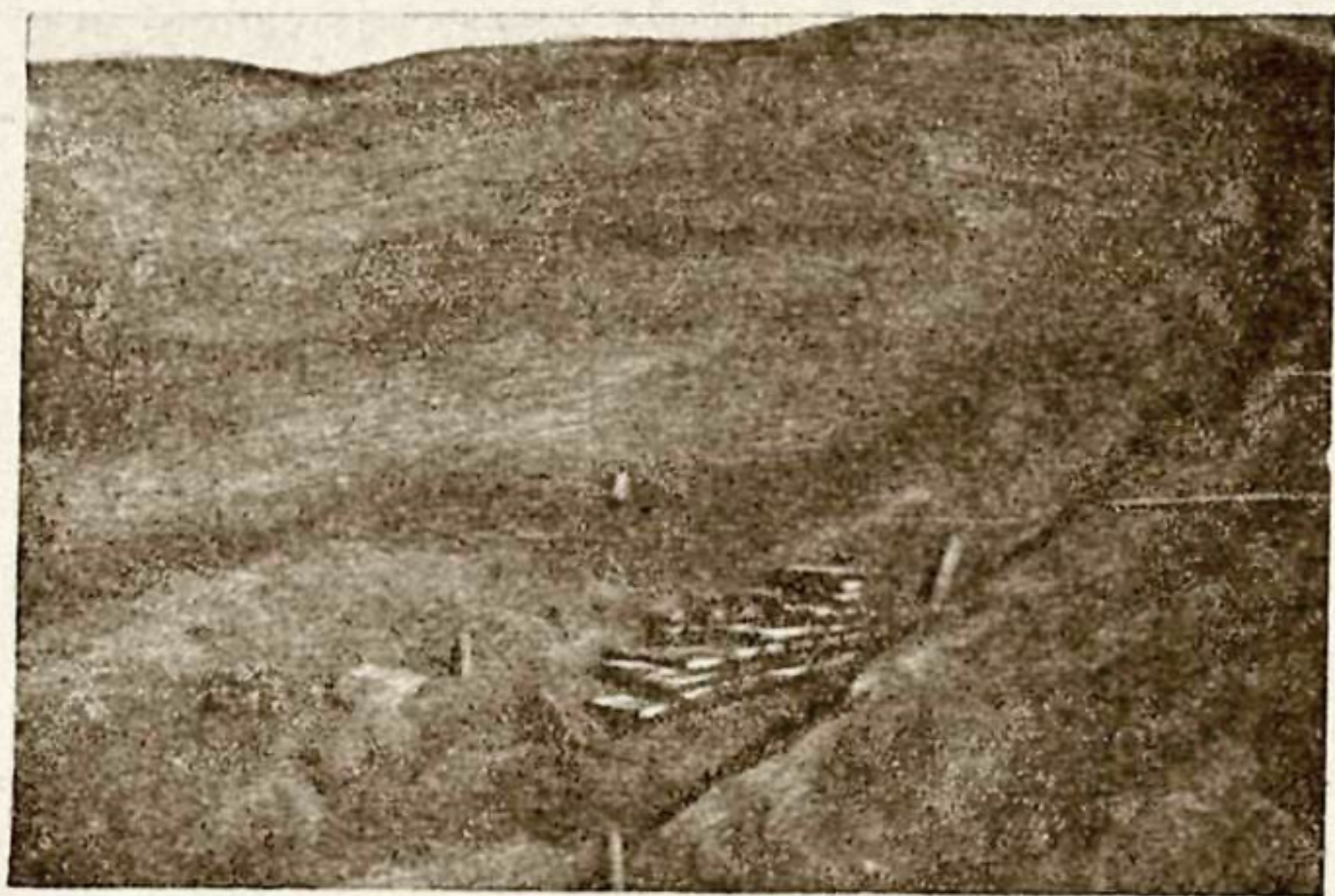

Рис. 11. Остатки вскрытого на склоне калы сооружения.

Термези, служившее хорошей приманкой и дававшее возможность получать с населения большие доходы, явилось местом, около которого образовалось небольшое поселение шейхов, кормившихся обильными жертвоприношениями.

Находясь вблизи довольно многочисленных полуразрушенных сооружений, жители, обитавшие на территории городища, использовали в качестве строительного материала беспризорные остатки этих строений. Разнообразные по своему размеру плитки кирпича включались в позднейшие незатейливые постройки. Повидимому, вместе со строительным материалом переносились также и другие предметы, привлекавшие почему-либо внимание. Одним из таких предметов, вероятно, и является небольшой осколок стеклянного штампованного „медальона“, обнаруженного раскопками 1937 г. при обследовании остатков дворцового сооружения. Судя по этому осколку, становится очевидным, что сюда сравнительно давно заносились предметы из других частей городища, в частности, из ансамбля дворцовых сооружений, находящегося в пригороде средневекового города на расстоянии свыше 3 км от калы.

Кроме того, на склоне калы, около вскрытых остатков сооружений, на небольшой глубине было обнаружено погребение, по положению костяка — мусульманское и, повидимому, позднее (рис. 12).

С целью определения мощности культурных наслоений и глубины рва, который, вероятно, с трех сторон окружал крепостную ограду, была сделана попытка применения в археологической практике ручного бурения. Несмотря на твердость грунта, заключающего в себе плитки обожженного кирпича, при наличии шланги всего длиной в 6 м удалось установить, что до глубины 5,2 м от современной поверхности и 18,2 м, считая от гребня стены, продолжается культурный слой с фрагментами гончарных изделий, кусочками древесного угля, золы и проч. Таким образом ров, окружавший калу, имел глубину свыше 5 м.

Наконец, было произведено углубление (шурф № 4) на квадрате № 18 у контрфорса (рис. 13). Залегавшее здесь наслоение содержало меньшее количество обломков обожженного кирпича. Из обнаруженных в

Рис. 12. Остатки погребения на склоне калы.

завале находок, кроме довольно многочисленных фрагментов керамики, начиная с кушанского периода и кончая XI—XVII вв., следует отметить у основания контрфорса, в 51 ярусе, две монеты, которые, по определению

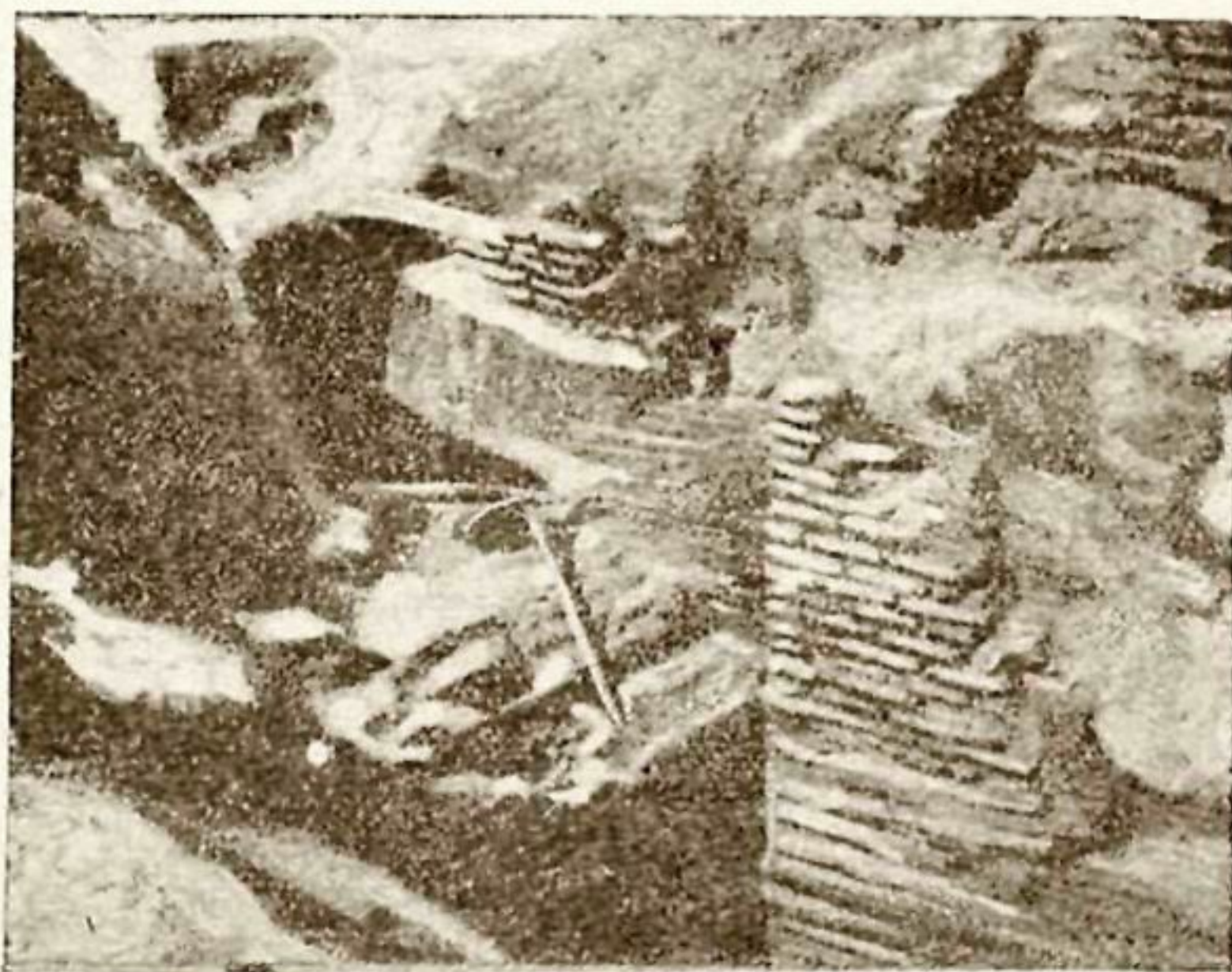

Рис. 13. Обкладка из обожженного кирпича и контрфорс с наружной стороны крепостной ограды; капитальный ремонт стены XV в.

М. Е. Массона, относятся — первая к типу монет Васудевы и вторая — чекану термезшахов. На горизонте 15 м в этом шурфе с южной стороны было выявлено нечто вроде подземного хода, наполненного рыхлой землей. Расчистка его не могла быть произведена по техническим причинам.

Из числа отдельных находок интересно упомянуть фрагмент сосуда из серой глины, покрытый с наружной стороны ангобом светлосерого цвета. На этом черепке сохранилось оттиснутое штампом изображение ступни — повидимому, чисто буддийский мотив. К этому же времени следует отнести и фрагментарные остатки глиняных бокалов, которые были обнаружены, главным образом, на гребне стены, отнесенной к первому периоду (рис. 18).

Из металлических предметов, крайне незначительных по сравнению с керамическими изделиями, кроме монет, в верхнем завале были обнаружены: небольшой ножичек и железное орудие, которое, судя по его форме, повидимому, служило серпом (рис. 14). Датировать эти предметы затруднительно, но, принимая во внимание, что значительное количество керамики в этом завале относится уже к сравнительно позднему времени, их можно отнести к середине второго тысячелетия н. э. По другим нескольким фрагментарным остаткам, в которых железо уже в большей своей части превратилось в руду, нельзя восстановить первоначальной формы предметов.

В итоге трехлетних работ в Термезе накопилось довольно значительное количество материалов: изделий из керамики, металла и камня, которые после детальной обработки послужат материалом для составления определителей этих предметов, бытовавших на протяжении свыше двух тысячелетий. Эту работу необходимо провести в ближайшие годы. Для сравнения желательно использовать коллекции музейных фондов и уже опубликованные материалы.

В результате проведенных работ установлены следующие данные, относящиеся к существованию калы.

1. Стратиграфический разрез от гребня крепостной ограды до материка дает возможность считать, что средняя глубина куль-

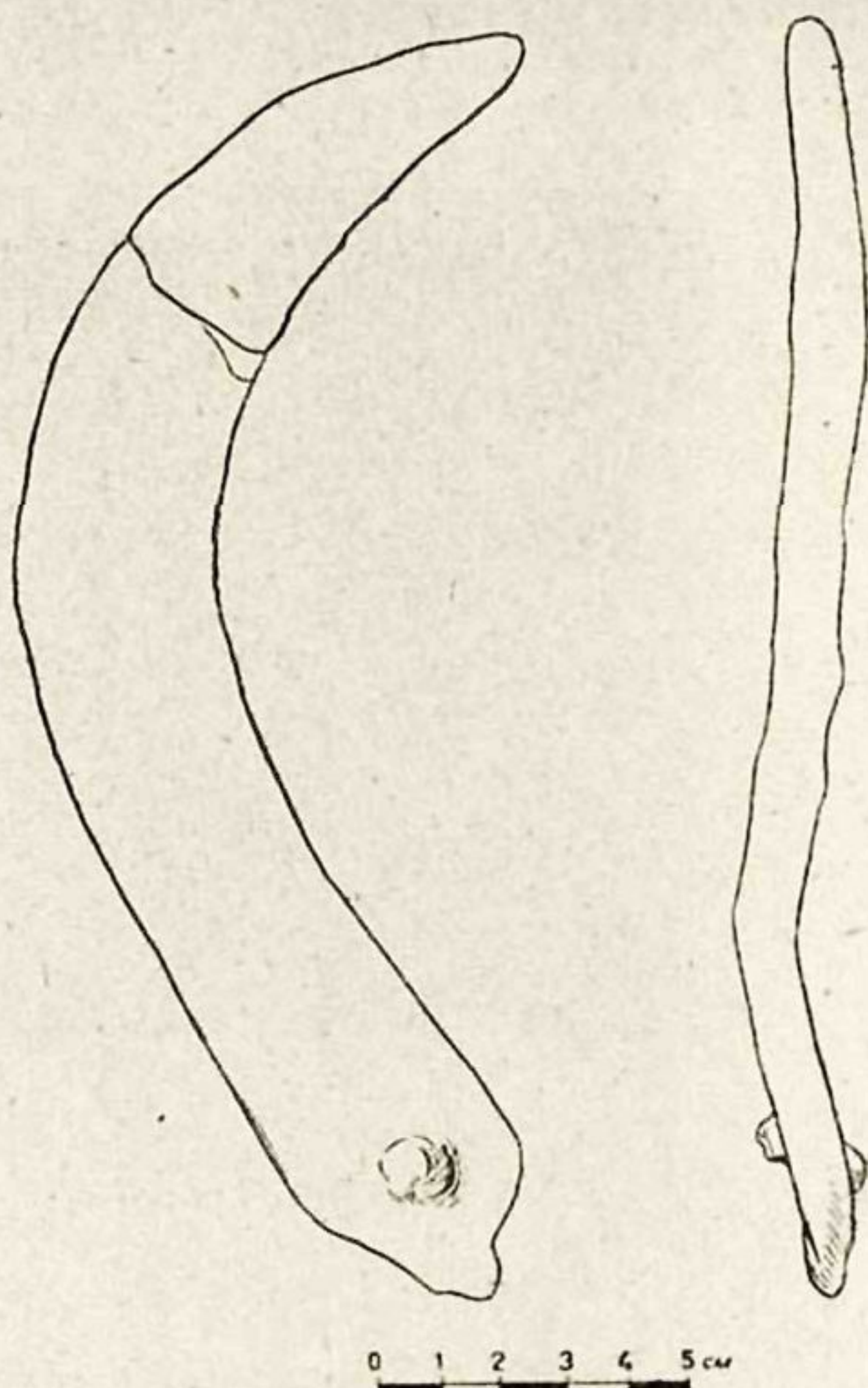

Рис. 14. Железное орудие, по форме напоминающее серп.

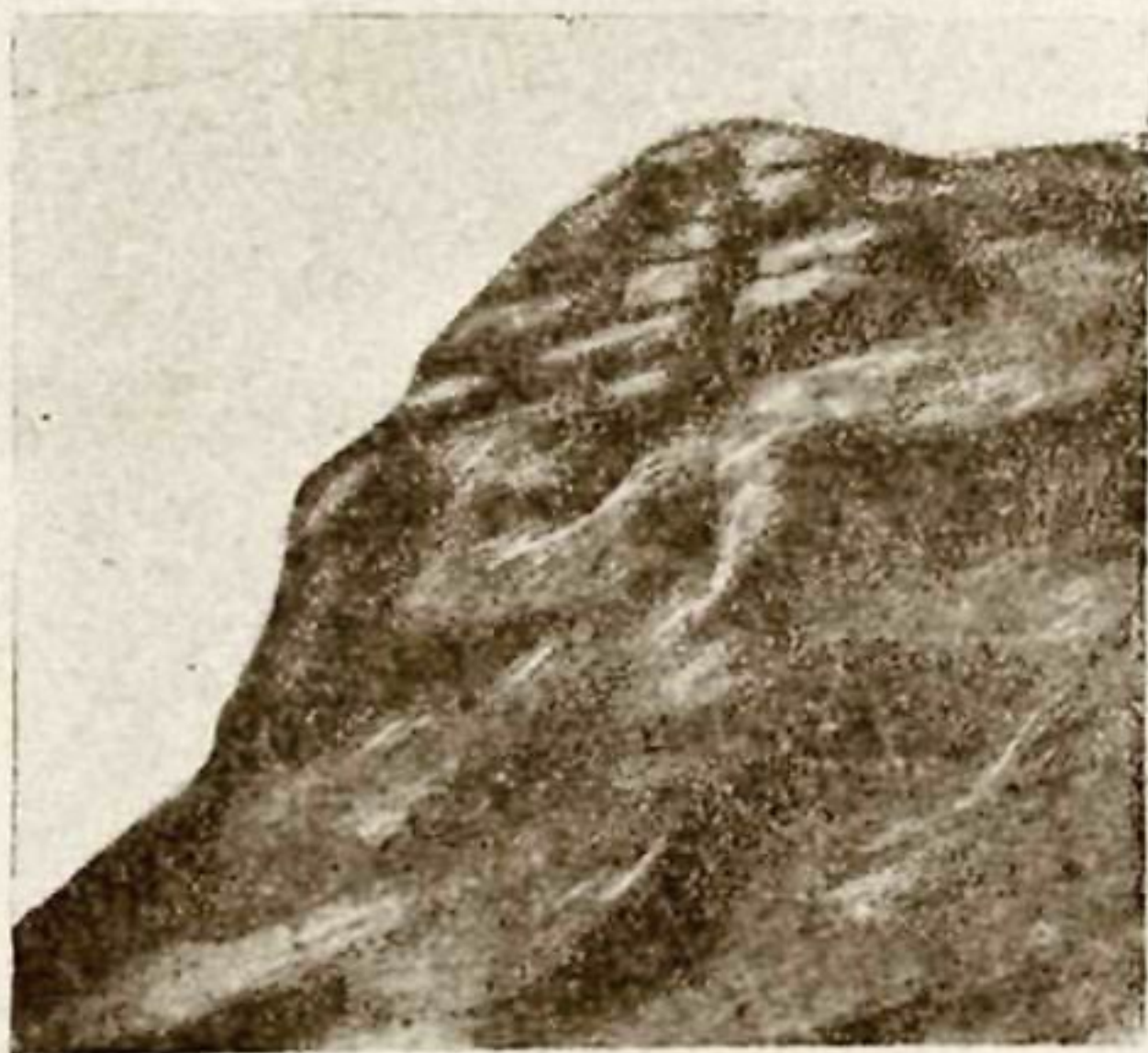

Рис. 15. Плитки сырцового кирпича на вершине крепостного вала.

турных наслоений составляет 6—8 м. Таким образом объем всей толщи культурных наслоений на Кале достигает 500 тысяч кубических метров.

2. Наибольшая толща этих наслоений, залегающих под гребнем вала, состоит в верхней своей части из завалов строительного и прочего мусора.

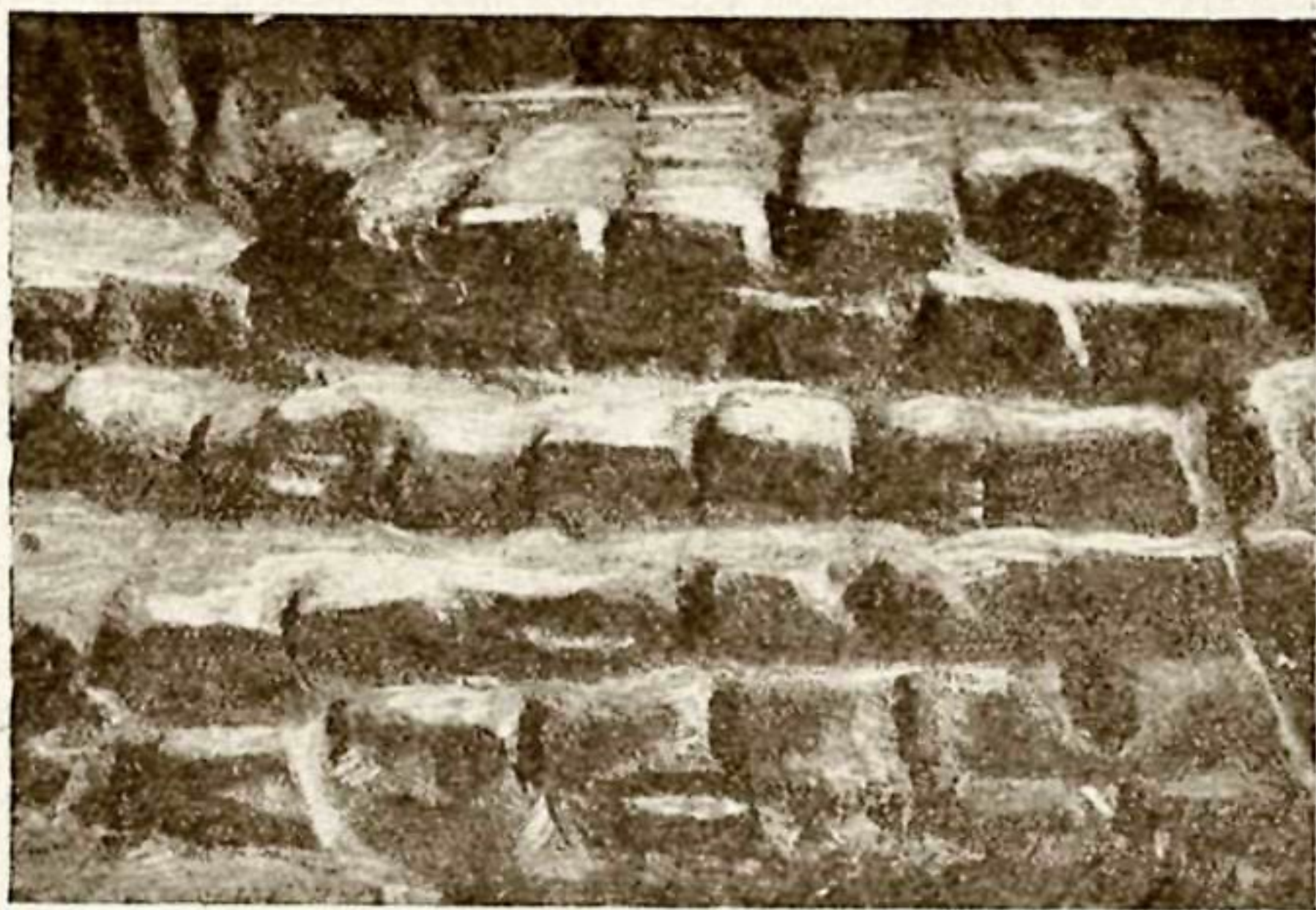

Рис. 16. Расчищенная от завалов строительного мусора кладка крепостной ограды.

а в нижней — из кирпичной и глинобитных кладок. Последняя кладка относится к городской крепостной ограде, сооруженной, повидимому, свыше двух тысяч лет назад.

Рис. 17. Сырцовые блоки в кладке крепостной ограды.

3. Различные размеры кирпича в кладке крепостной ограды свидетельствуют о неоднократных ее ремонтах. Проведенное обследование дало пока возможность установить четыре отдельных периода ее существования, представленных на рис. 18, из которых первый период, вероятно, следует отнести к первой половине первого тысячелетия до н. э.; четвертый — к XV в. н. э.

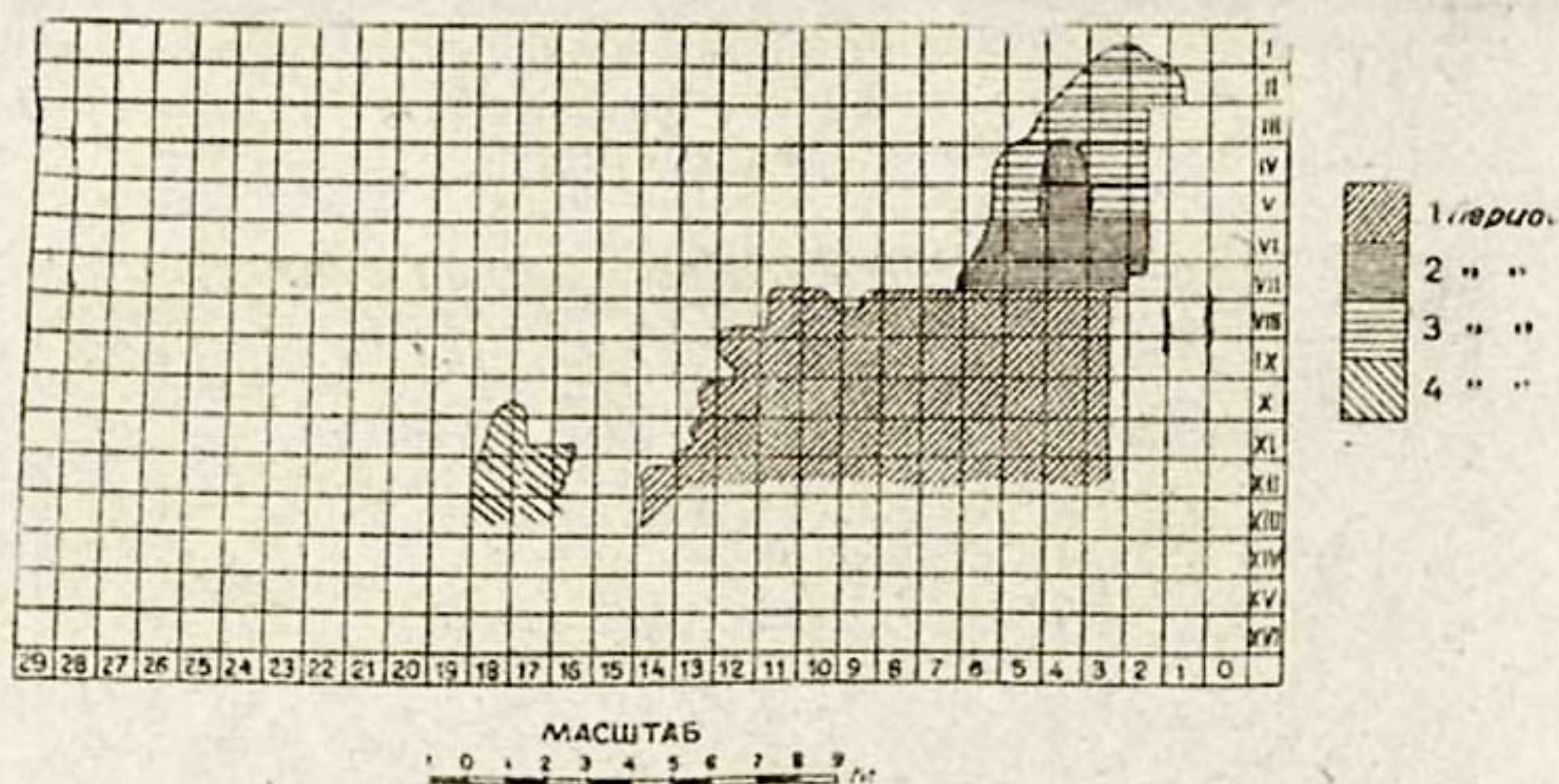

Рис. 18. Различные периоды достроек в разрезе северной стены городища Древнего Термеза.

4. Под завалами строительного мусора залегают наслоения, содержащие керамику и прочие находки, относящиеся к кушанскому периоду (рис. 19, 20, 21). Интересно отметить также отсутствие материала, который мог бы быть с уверенностью отнесен к V—VI вв. н. э.

5. Наконец, факт возведения крепостной ограды на наслоениях, содержащих керамику более древнего периода, т. е. на том месте, где раньше, повидимому, находилось какое-то поселение, дает возможность предполагать, что именно на территории калы были расположены и первоначальное поселение и „античный“ город и что отсюда шло его дальнейшее расширение.

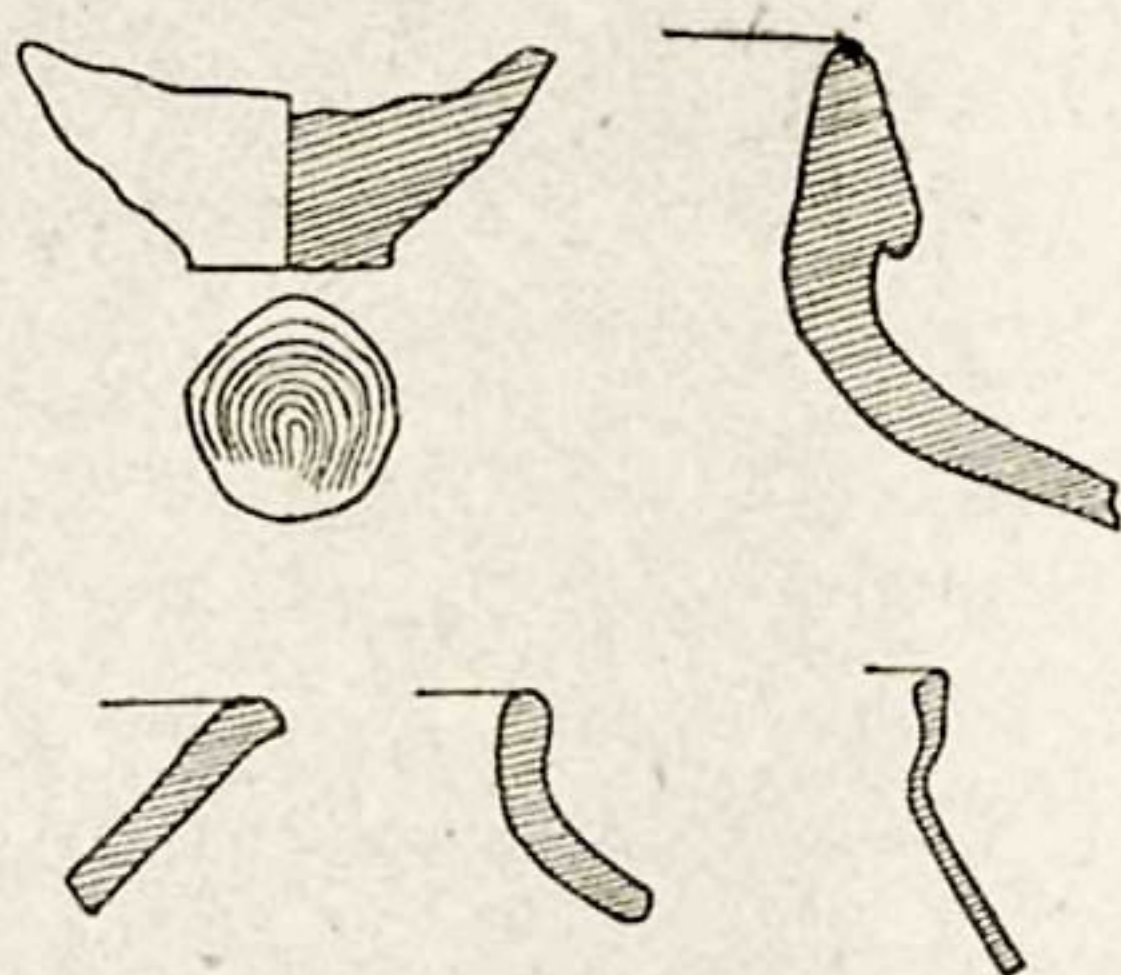

Рис. 19. Венчики и донышки глиняных сосудов из наслоения, прилегающего к материке.

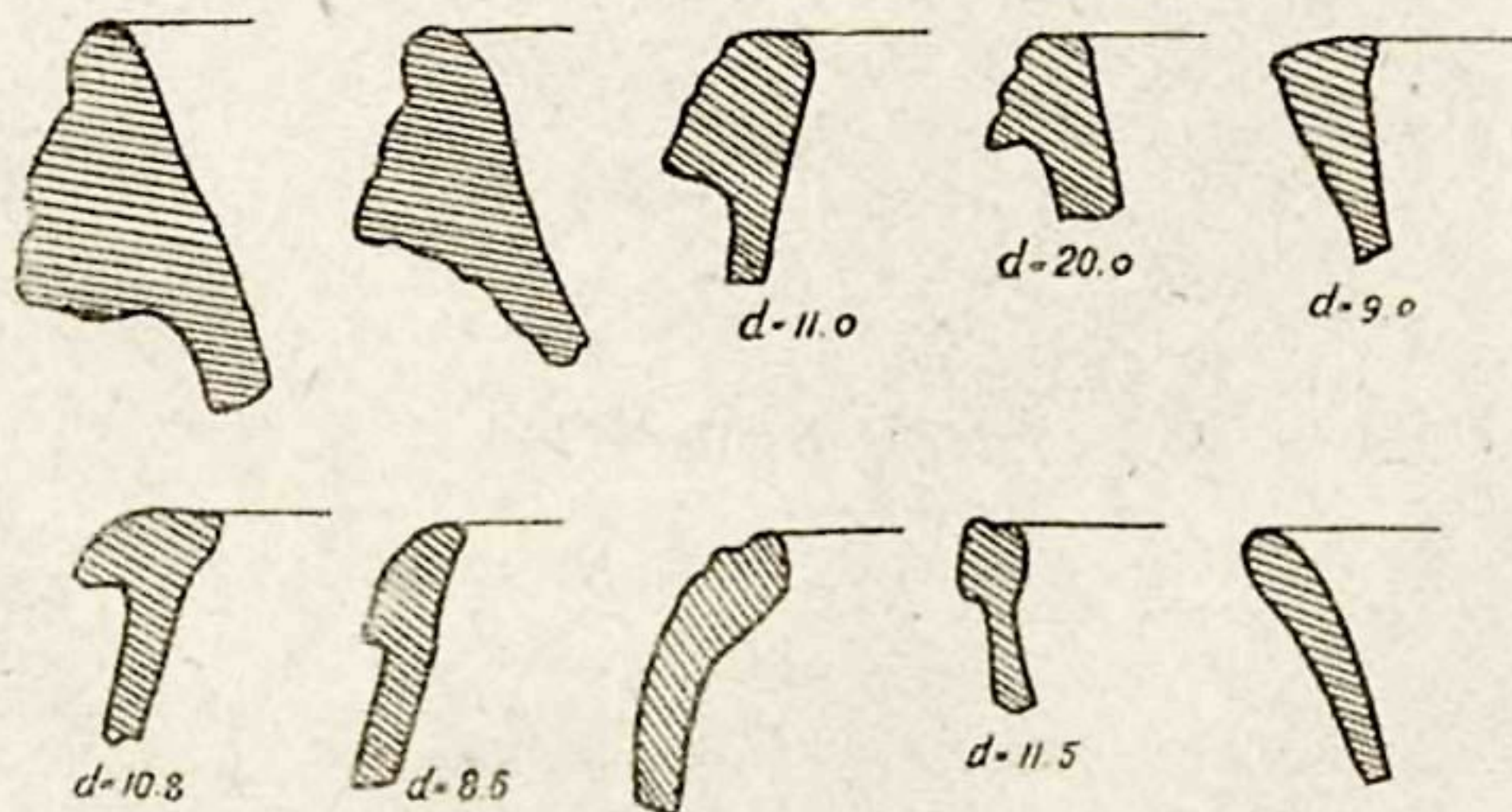

Рис. 20. Профили венчиков глиняных сосудов кушанского периода.

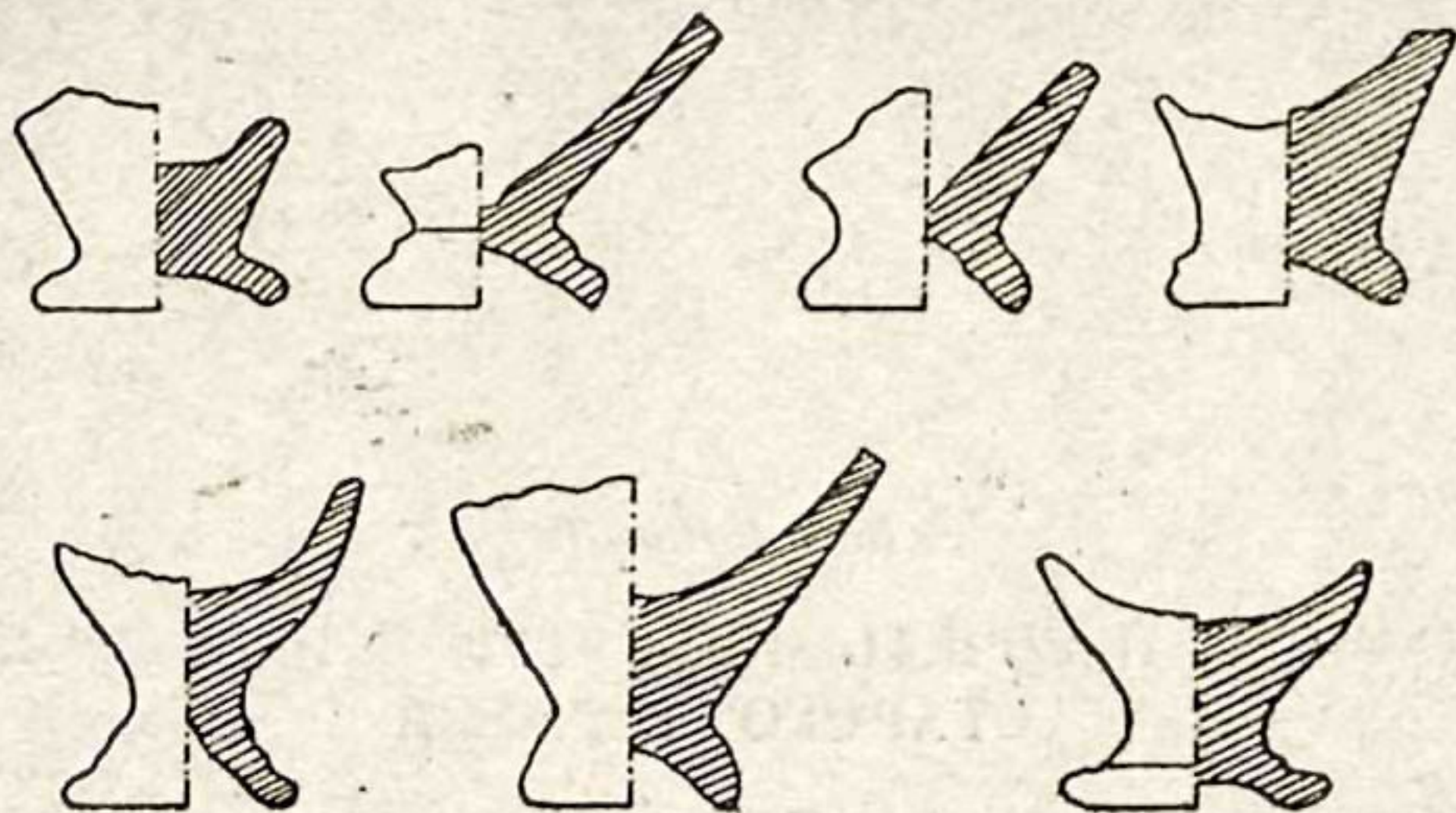

Рис. 21. Ножки бокалов из комплекса кушанской керамики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Полный отчет о работах Самарской ученой экспедиции для исследования направления Средне-Азиатской железной дороги и изучения бассейнов р. Аму-Дарья не был опубликован. Обследование, повидимому, было произведено в 1879 г. Что же касается Бонвало, посетившего вместе с Капю Термез в 1881 г., то доклад об их научной командировке в Среднюю Азию, изданный в 1882 г. *Capus et Bonvalot, "Rapport sur une mission scientifique dans l'Asie Centrale"*, нами, к сожалению, не мог быть просмотрен (см. *И. В. Мушкетов, "Туркестан"*, т. I, СПб, 1886, стр. 266—270).

2) О произведенном в 1937 г. обследовании калы и результатах этой работы см. следующие полевые отчеты в библиотеке Узкомстариса.

М. И. Вязьмитина, Полевой отчет начальника отряда № 2 ТАКЭ, 1937, рукопись № 50, стр. 7—8.

И. А. Сухарев, Полевой отчет о работах И. А. Сухарева в отряде № 2 ТАКЭ, 1937, рукопись № 50.

М. Е. Массон, Краткий полевой отчет научного руководителя ТАКЭ М. Е. Массона о работе первого полевого сезона 1937 г., рукопись № 50, стр. 3—4.

М. Е. Массон, Краткий отчет о работе Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) за 1937 г., рукопись № 50, стр. 4.

3) *Г. П. Савельев* принял также участие в камеральной обработке собранного материала; он составил подробную коллекционную опись всем находкам, обнаруженным во время полевых работ.

4) *М. Е. Массон*, Скульптура Айртама, журнал „Искусство“ № 2, 1935; его же, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Материалы Узкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1939.

5) Интересно отметить, что у Рашид-Эддина (труды Восточного отделения Археологического общества, вып. XV, стр. 12) имеется следующее упоминание о крепостной стене Термеза: *بحصانت قلعة كه يك نيمه باووی آن از میان جيحون برآوده بودند* *И. Н. Березин* на стр. 74 дает перевод „на твердость крепости, половина стены которой была выведена из Джейхуна...“ Последнее при сопоставлении описания с самим объектом, повидимому, следует понимать так, что крепостная стена южного фаса Калы обрывалась у самой воды р. Аму-Дарья.

6) „Культура Востока“, сборник МВК, II. Москва, 1928, стр. 46.

7) Размеры кирпича этой обоймы различны: $28 \times 28 \times 4,5$; $26 \times 26 \times 4$; $25 \times 25 \times 4$ см.

8) Размеры плиток разнообразны — от $30 \times 29 \times 6$ до $25 \times 5 \times 3,5$ см.

9) По свидетельству Бонвало, посетившего в 1881 г. этот мазар, последний обслуживался попеременно четырьмя ишанами — по три месяца каждый. — *Bonvalot G., En Asie Centrale. De Moscou en Bactriane, Paris, 1884, p. 233.*

10) *С Лэн-Пуль*, „Мусульманские династии“ в переводе *В. В. Бартольда*, СПб, 1899, стр. 232.

11) *В. В. Вельяминов-Зернов*, Монеты бухарские и хивинские, Записки Арх. об-ва, том XII, стр. 404. Интересно отметить, что в этой работе совсем не упоминаются монеты Субхан Кулихана.

12) *Ibid.*, 402.

13) *В. В. Бартольд*, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб, 1898, стр. 461.

14) См. ст. *М. И. Вязьмитиной* „Керамика Айртама времени кушанов“, где в состав орнаментальной композиции включается и „ступня Будды“.

В. А. ШИШКИН

„КУРГАН“ И МЕЧЕТЬ ЧОР-СУТУН В РАЗВАЛИНАХ СТАРОГО ТЕРМЕЗА

В северной части развалин Старого Термеза, в том месте, где городскую стену пересекает дорога Термез — Ширабад, возвышаются остатки значительного по размерам здания, построенного из сырцового кирпича. Оно расположено на возвышенной площадке, ограниченной с трех сторон — восточной, южной и западной — ясно прослеживаемыми улицами города. На северной стороне эта площадка была ограничена городской стеной, сохранившейся в виде хорошо заметного вала. Внутри площадки, представляющей собой в плане неправильный прямоугольник размерами 65 × 35 м,

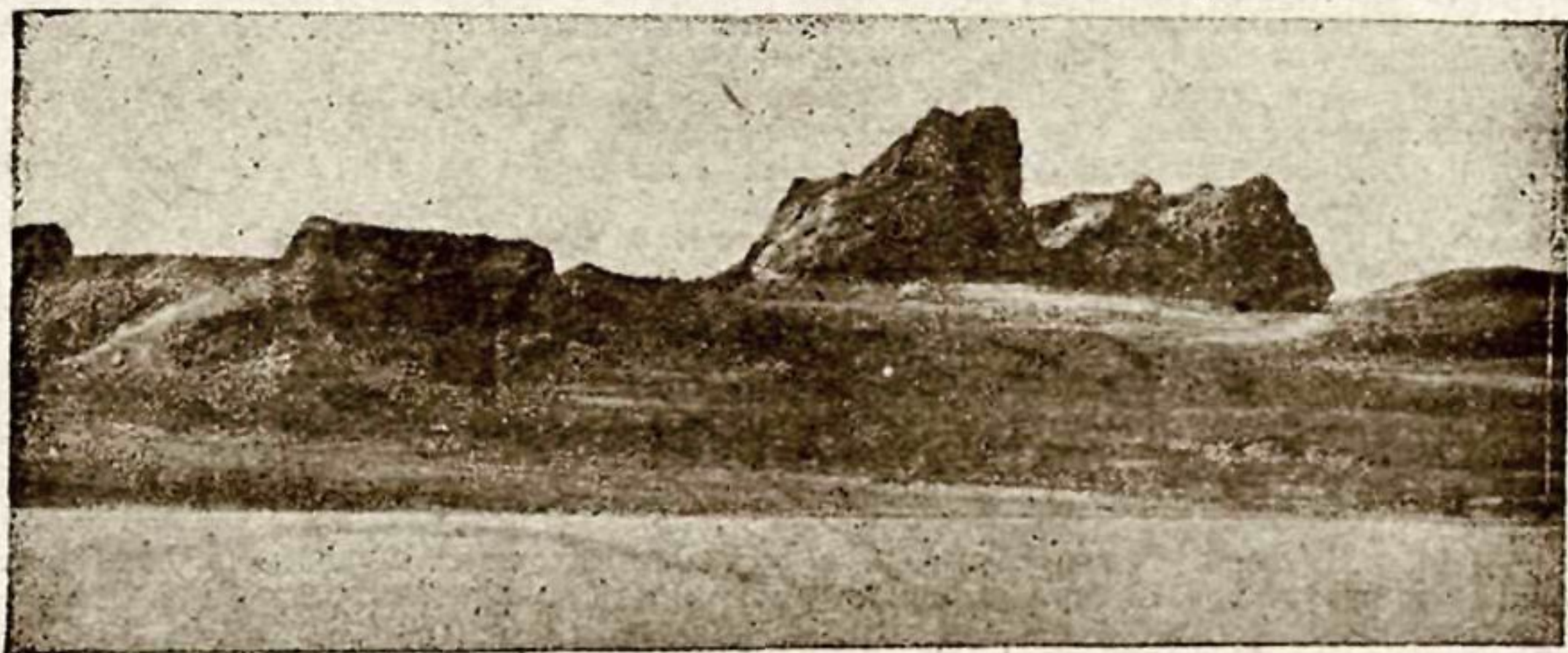

Рис. 1. Общий вид места работ.

кроме упомянутого сырцового здания, сохранились развалины древней мечети, занимающей юго-западный угол у основания минарета при ней; следы построек к С от мечети и к Ю от центрального большого здания и полузасыпавшийся колодец к З (рис. 1).

Центральное здание, квадратное в плане (20 × 20 м), сохранилось настолько хорошо, что в нем легко прослеживаются основные черты его внутренней планировки: коридор, прорезающий его посередине в направлении с С на Ю, и соединенные с ним одинаковые помещения — комнаты, расположенные по пять с каждой стороны. Почти все комнаты сохранили остатки перекрывавших их сводов, построенных также из сырцового кирпича, и небольшие окна в наружных стенах, помещенные под самыми замками сводов. Это здание было предварительно обследовано нами во время работ Термезской археологической комплексной экспедиции Узкомстариса в 1936 г. в связи с изучением исторической топографии Старого Термеза (1). Раньше оно изучалось наряду с другими памятниками Термеза экспедицией Музея восточных культур в 1927—1928 гг.; описание его с приложением схематического плана было сделано архитектором Б. Н. Засыпкиным (2).

Среди местных жителей, как нам удалось установить, это здание известно под названием Курган (крепость).

Крайне интересными оказались развалины обследованной нами мечети в юго-западном углу площадки — одной из древнейших известных нам мусульманских культовых построек. Мечеть носит название „Чор-Сутуни Шари'а“ или короче Чор-Сутун („Четыре столпа шарията“ или „четыре столба“) (3).

Недалеко от северо-западного угла мечети еще недавно возвышался не существующий теперь цилиндрический столб минарета с надписью, содержащей дату его постройки — 423 год хиджры (1032 г. н. э.). К В и СВ от минарета находились какие-то небольшие здания, часть которых была зарисована Б. Литвиновым (4). По ясно видимому на этом рисунке тугу (шест с флагом и хвостом яка, который ставили на мазарах) можно судить, что среди этих зданий находился какой-то мазар, от которого ко времени наших работ не осталось следа.

Описываемый небольшой кварталчик, сохранивший остатки явно древнего здания и значительной, надо полагать, для своего времени древней мечети, вызывал особый интерес, что послужило причиной постановки здесь стационарных раскопочных работ*.

Работы были начаты с изучения юго-западного угла площадки в том месте, где находилась мечеть, которая была раскопана в основном в течение мая — июня 1937 г. В этом же году был начат раскоп № 2 под восточной стеной Кургана и внутри его, в помещении № 2. В следующем 1938 г. продолжены раскопки Кургана, а также произведены зачистки, дополнительные раскопки и шурфование внутри мечети. Схематический план Кургана дан на рис. 2.

МЕЧЕТЬ ЧОР-СУТУН

Сравнительно еще недавно, около 1900 г., здание древней термезской мечети было значительно сохраннее: на фотографии, сделанной Б. Н. Кастальским (6), ясно видна центральная часть постройки, опирающаяся на четыре круглых столба. Почти целым, повидимому, был также михроб мечети. Недалеко от северо-западного угла здания возвышался легкий и изящный минарет, представлявший собой цилиндрическую кирпичную колонну с обычной для этих сооружений винтовой лестницей внутри. По-

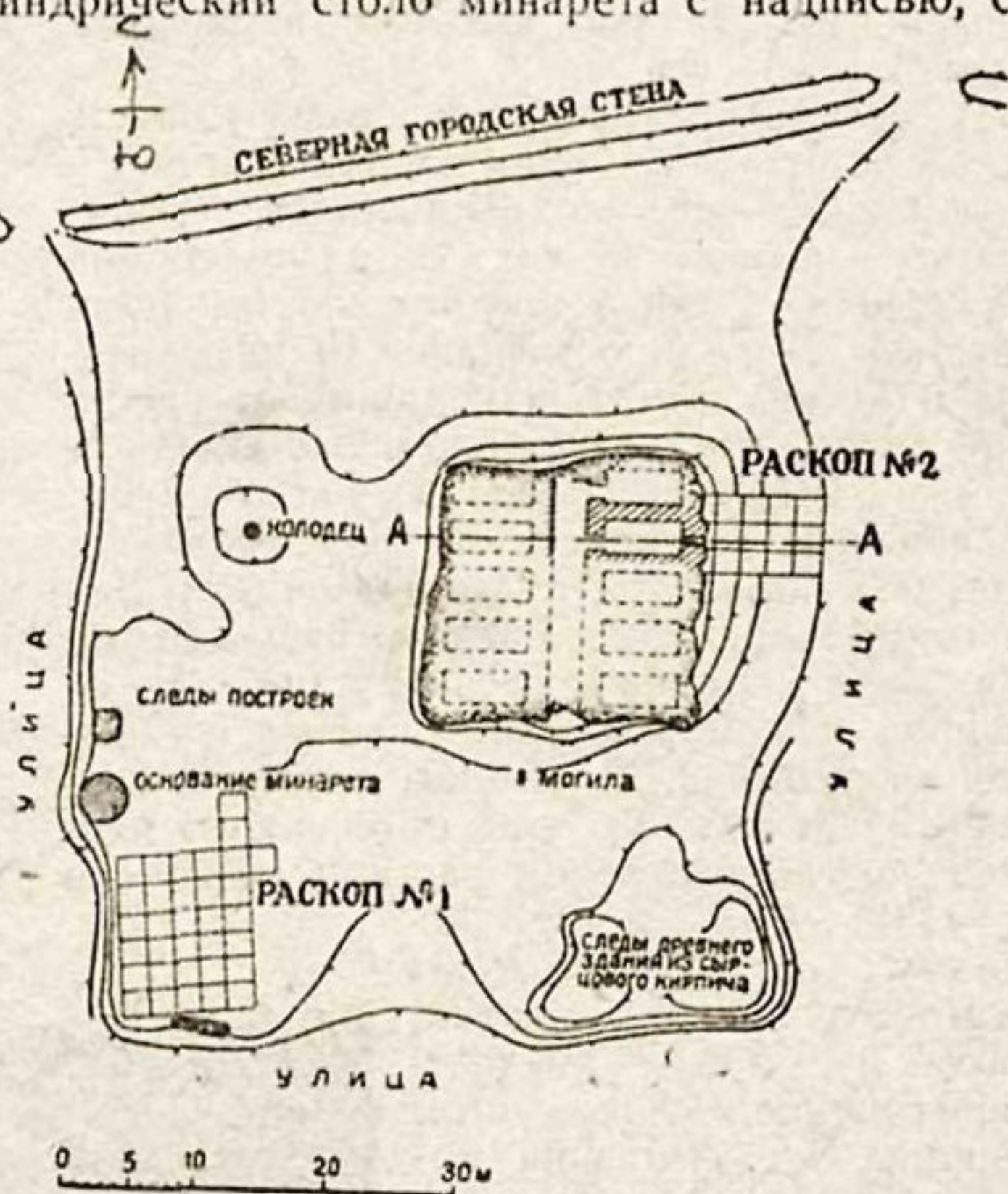

Рис. 2. Схематический план места работ.

* Работы производились небольшим отрядом, входившим в состав Термезской археологической комплексной экспедиции Узкомстариса под общим руководством М. Е. Массона, в течение двух полных периодов в 1937 и 1938 гг. Кроме автора настоящей статьи, руководившего работой отряда, в ней приняли участие в качестве коллекторов А. Кахаров и О. В. Сосновский; часть работ по архитектурным замерам мечети выполнена архитектором Г. А. Пугаченковой.

верхность минарета была облицована гладкой кладкой из зашлифованных кирпичиков. Гладь цилиндрической поверхности минарета разбивалась тремя горизонтальными полосами с выложенными в них терракотовыми куфическими арабскими надписями, по которым можно судить, что минарет был построен в 423 г. хиджры (рис. 3).

Ко времени начала наших работ не существовало ни минарета, ни купола мечети. На месте здания была только холмистая площадка, заросшая травой. Все было совершенно сравнено с землей, кроме одного куса сырцово-й стены на южной стороне, возвышающегося в виде неправильной формы обрывистого валика высотой несколько больше 1 м.

В результате раскопок нам удалось выявить полностью план здания (рис. 4) и его нижние части, сохранившиеся неодинаково в разных местах. В плане здание представляет собою квадрат со сторонами (внутри) несколько меньше 10 м. Западная и южная стены, выходящие на городские улицы, глухие; только в юго-западном углу имеется небольшой выход наружу. Северная и восточная стороны, граничившие, надо полагать, с двором мечети, были открытыми. Здесь, вместо стены, были возведены кирпичные столбы-устои, образовавшие, как можно догадываться, открытые аркады (рис. 5). Столбы круглые, сложены из лекального или обтесанного кирпича на алебастровом растворе. Диаметр их 1,02—1,03 м. К угловому устою приложены

четырехугольные лопатки, придающие ему квадратное сечение. Все устои внешних сторон здания покоятся на квадратных плитах из жженого кирпича, равных по ширине диаметру самого ствола. Четыре таких же круглых устоя находились внутри мечети, разбивая все пространство ее на девять одинаковых квадратов. Это те самые стол-

бы, которые видны на упомянутой выше фотографии Б. Н. Кастальского. Между устоями были переброшены четыре стрельчатых арки, на которых возвышалась квадратная в плане кладка. Вся конструкция была увенчана куполом, о форме которого, как и о системе перехода от квадрата арок, покоившихся на столбах, к кругу основания купола, мы не имеем теперь никакого представления.

В настоящее время центральные столбы сохранились очень плохо. Северо-западный из них едва возвышается над полом, а от северо-восточного не осталось ничего, кроме вырытой здесь ямы недавнего происхождения, заполненной рыхлой землей, обломками кирпичей и мусором. Юго-восточный из центральных устоев показан на рис. 6.

Таким образом мечеть представляет собой очень простой по своей конструкции павильон — айван, вероятный родоначальник позднейших айванов мечетей, широко распространенных по всей Средней Азии.

Северный конец западной стены и восточный конец южной обработаны в виде слабо выступающих цилиндрических полуколонн, углубленных в

Рис. 3. Минарет.

плоскость стены. Ширина и положение их соответствуют устоям северной и южной сторон.

Особенно интересным в мечети оказалось архитектурное оформление западной стены изнутри. В середине ее находится михраб, представляющий

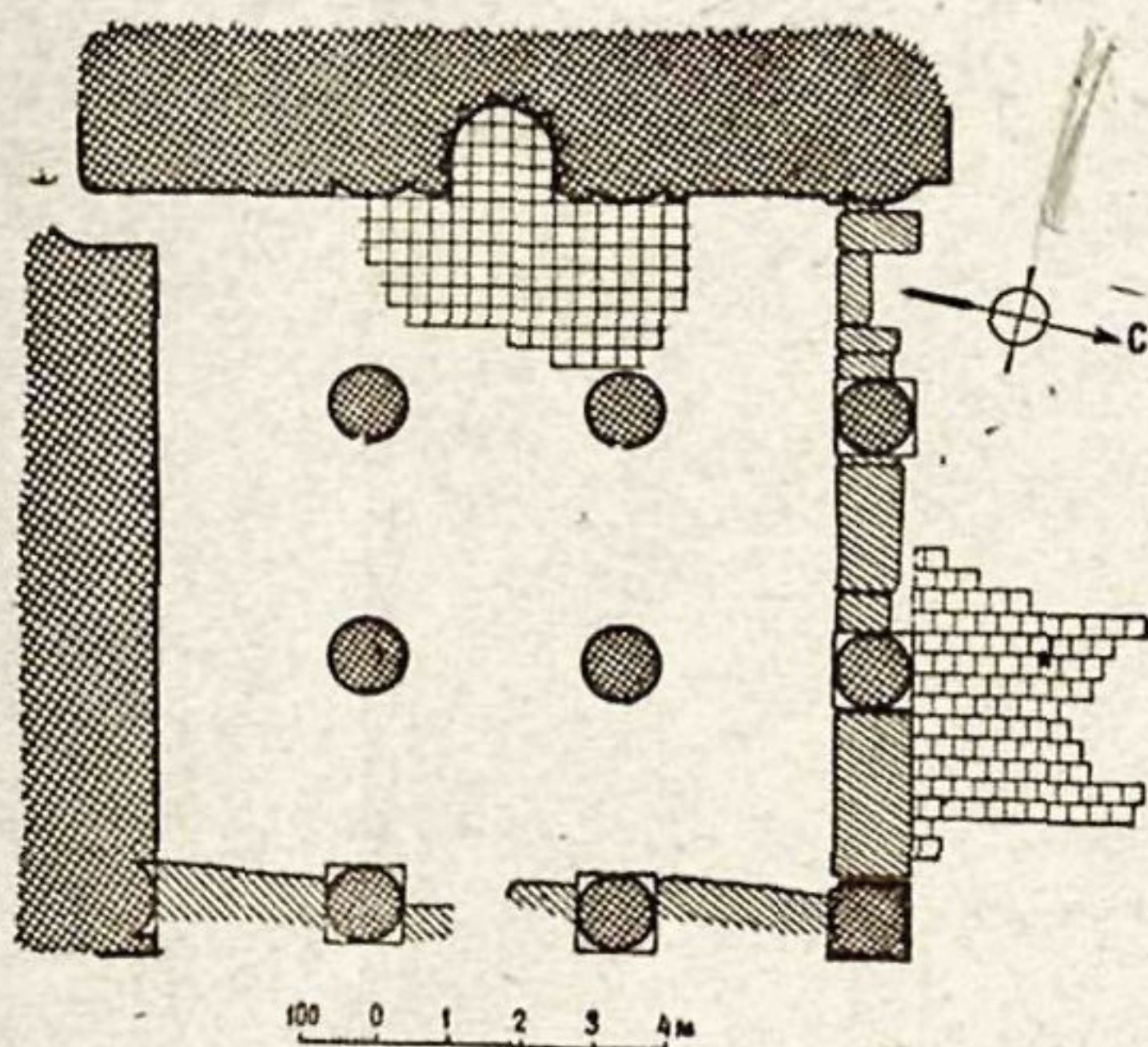

Рис. 4. План мечети.

собой довольно глубокую нишу, подковообразную в плане. Стенки ниши оформлены составленными вплотную цилиндрическими полуколоннами, создающими своеобразный зрительный эффект рубчатой, как бы „гофрированной“ поверхности. Интересно отметить асимметрию при выкладке этой ниши, допущенную строителем. На северной стороне последняя полуколонна не доходит до края, на южном — переходит за него, выдаваясь вперед (см. план). Полуколонны михраба сложены из жженого кирпича, поставленного на ребро, в отличие от кладки всех других частей сооружения, вклю-

чая сюда и столбы — устои, выложенные горизонтальными рядами (рис. 7 и 8).

По обе стороны михраба, почти непосредственно рядом с ним, в стене имеются такие же утопленные в кладке стены полуколонны, как и в кон-

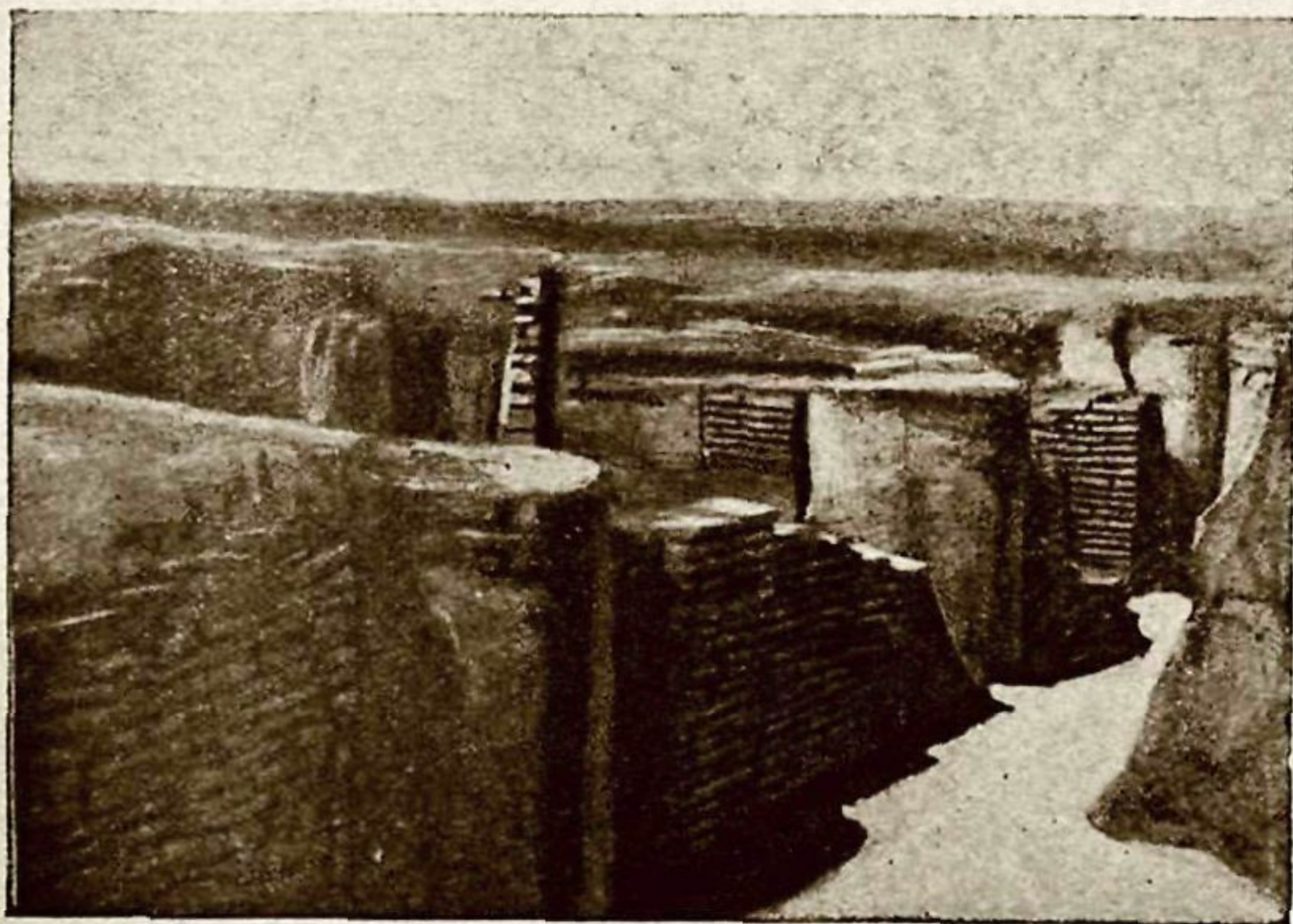

Рис. 5. Устои северной стороны.

Рис. 6. Один из центральных устоев.

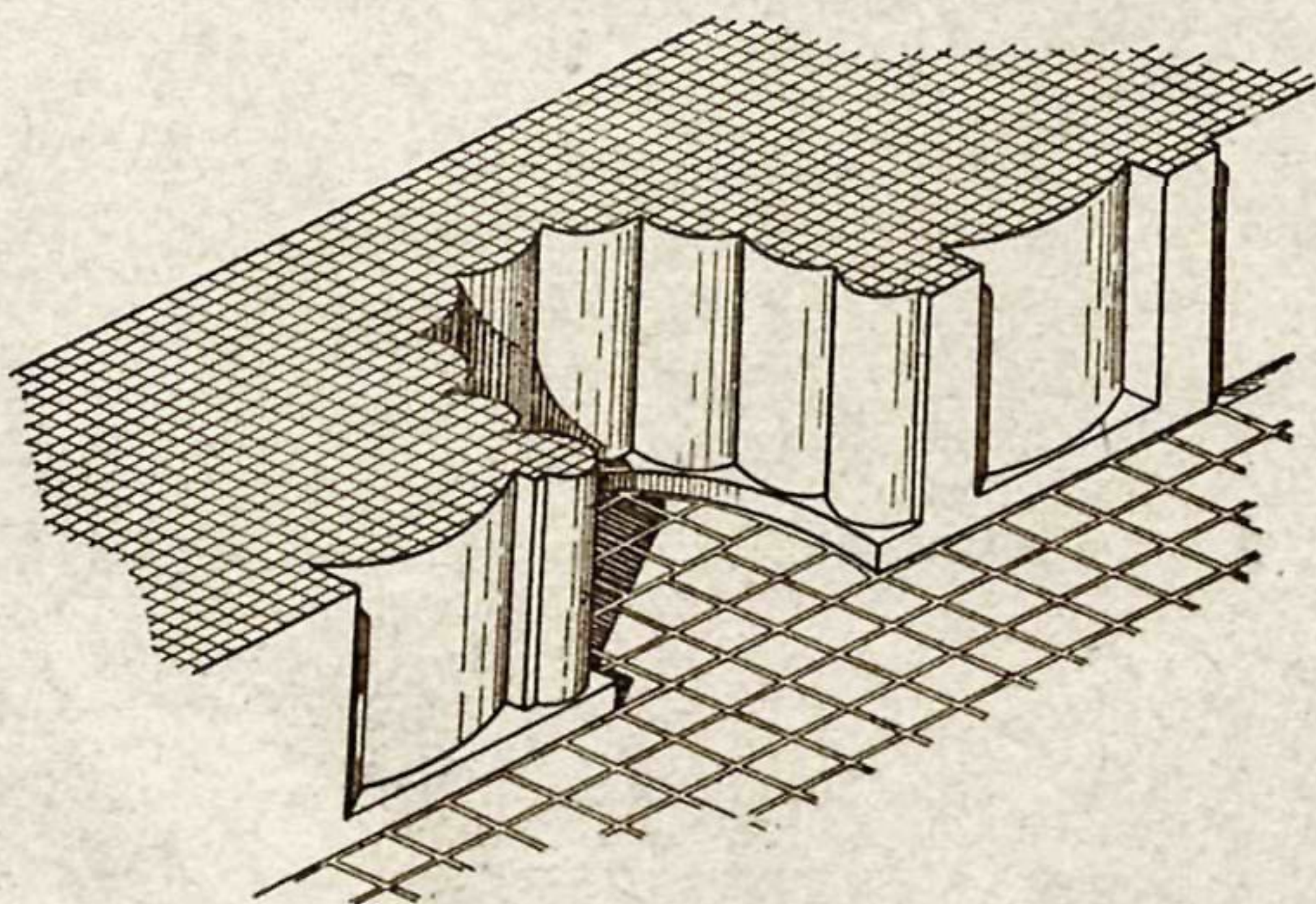

Рис. 7. Михраб мечети.

цах западной и южной стен. Здесь они помещены против соответствующих устоев среднего квадрата, оформляя и подчеркивая деление мечети на три нефа одинаковой ширины.

Устои, стены и михраб были оштукатурены в несколько слоев алебастром, теперь по большей части осыпавшимся и обнажившим кирпичную кладку. При раскопке внутри михраба, а также и в других местах мечети, в завале строительного мусора было найдено несколько кусков алебастровой штукатурки с остатками росписи красками. Фрагменты настолько малы, что установить характер росписей не представляется возможным. Только на

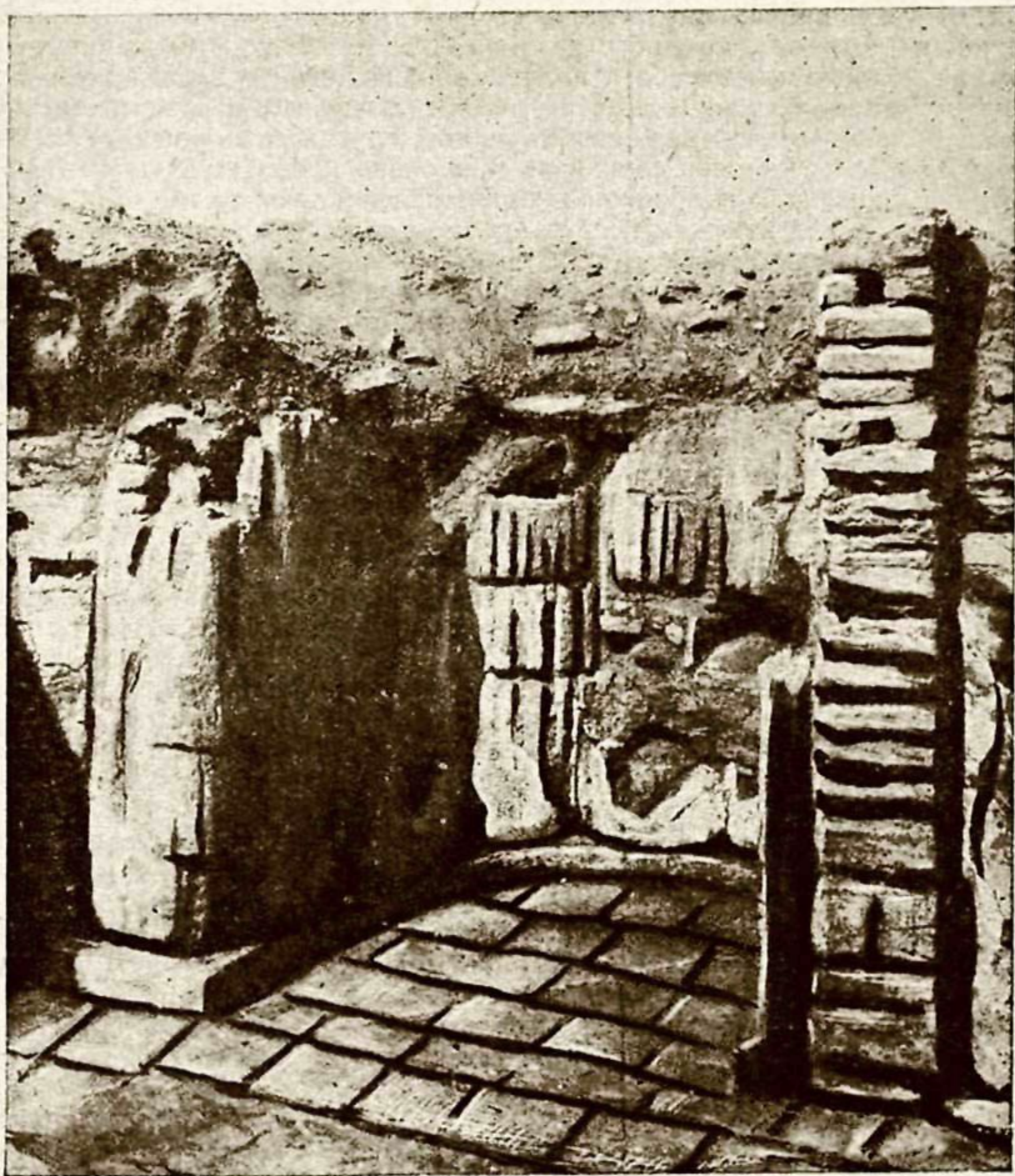

Рис. 8. Михраб мечети.

одном кусочке несколько большего размера удалось видеть остатки растительного узора, нарисованного линиями с помощью кисти. В росписи преобладает ультрамариново-синий цвет. На одном из фрагментов штукатурки, найденном внутри михраба, видны обрывки персидской надписи, сделанной тушью (7). Почерк — старый насх, датируемый XIV в. Таким же почерком сделана и плохо сохранившаяся надпись на штукатурке второго с В устоя северной стороны.

Дальнейшее изучение остатков здания показало, что оно подвергалось ремонтам и переделкам. Уже многослойность штукатурки на стенах и устоях указывает на многократность этих ремонтов.

Древнейший пол мечети, как установлено шурфованием, представлял собой площадку с глино-саманной смазкой. Позднее был настлан пол из квадратного жженого кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ см. Этот настил обнаружен нами внутри мечети в нише михраба и перед ним, а также на северной стороне здания, вне его.

О перестройках свидетельствуют, кроме того, стены здания, из которых полнее нами была исследована западная. Стена толщиной до 90 см сложена из сырцового кирпича. Внутренняя сторона мечети облицована жженым кирпичом необычного, крупного размера $30 \times 30 \times 5$ см. Этим же кирпичом выложена облицовка михраба и полуколонн; из него же возведены наружные и внутренние устои. К другому, более позднему времени, относится внешняя облицовка стены жженым кирпичом других размеров 24 (или 25) $\times$ $25 \times 3,5$ см. Эта облицовка сохранилась на очень небольшую высоту (около 90 см); она сложена из половинок кирпича на глине. Снизу имеется 5 рядов гладкой кладки. Над ними выложена зубчатка из поставленных вертикально кирпичей, заходящих один на другой; выше — несколько рядов гладкой кладки.

К этой облицовке, вероятно для предотвращения разрушения стены, снаружи была пристроена еще более новая стена из сырцового кирпича размером $31 \times 31 \times 4,5$ см, достигающая толщины 94 см.

Между устоями северной и восточной сторон в позднейшее время были сложены стенки, повидимому, с целью превращения открытого айвана в закрытую постройку, более защищенную от холода и сырости зимой. Эти стенки сложены из самого разнообразного материала на глине и носят следы спешной, небрежной работы. Здесь встречается сырцовый кирпич ($26 \times 26 \times 5$ см) и различного формата жженный цельный и ломаный ($25 \times 5 \times 4$; $28 \times 28 \times 4,5$ и др.). Закладки проемов устоями явно неодновременны. Особенно характерен в этом отношении проем между западной стеной и первым устоем, где оставленный первоначально широкий проход, края которого оштукатурены алебастром, был затем значительно уменьшен кладкой из жженого кирпича, а еще позднее заложен наглухо сырцовым кирпичом. Следы входа в позднейшей сырцовой стене заметны также между вторым и третьим устоями на восточной стороне. Все эти закладки возведены на уровне, соответствующем кирпичному полу, т. е. в то время, когда здание еще не подверглось сильному разрушению.

Наслоения земли, культурных остатков и строительного мусора внутри мечети оказались довольно значительно перемешанными; в тех же местах, где они лучше сохранились, выяснилось следующее: непосредственно на полу лежал слой почти чистого песка, нанесенного ветром; в нем только изредка встречались небольшие фрагменты посуды и жженого кирпича. Этот слой, местами очень тонкий (на месте того устоя, который разрушен до основания, он исчезает совсем), повышается к стенам, доходя почти до верха сохранившихся частей здания. Изредка встречаются небольшие зольные линзы с угольками — следы костров, раскладывавшихся в полуразрушенном здании, засыпанном песком. Выше песчаного слоя (или вернее — слоев, так как отдельные прослойки местами явно отделяются одна от другой) залегает совершенно перемешанный ямами, сделанными, вероятно, для добывания кирпича, слой земли с большим содержанием строительного мусора, осколков керамики и проч. Здесь наряду с относительно старыми образцами встречаются предметы самого недавнего происхождения в виде, например, медной цепочки от часов, найденной на глубине 1,5 м.

Наибольшее значение имеют, конечно, находки, сделанные непосредственно над самым полом здания, в тех местах, где наслоения сохранили нетронутой свою структуру. Это — фрагменты посуды (частью поливной — белой с черным и синим рисунком), которая может быть датирована XV—XVI вв. н.э. Из этих предметов следует отметить светильник довольно боль-

шого размера, обычной для этого времени формы, покрытый бирюзовой поливой, одноцветной и без рисунка.

Для исследования нижних слоев, на которых была построена мечеть, нами был заложен небольшой шурф между устоем и западной стеной, на северной стороне михраба. Под настилом кирпичного пола обнаружен 10-сантиметровый слой из глины, представляющий собой постельный шов. На этом уровне находится верхний обрез фундамента, выступающего вперед на 10—20 см. Глубина его равняется 33 см (5 рядов кирпичной кладки). До уровня обреза фундамента идет рыхлый слой земли со строительным мусором — кусками сырцового и жженого кирпича. Ниже, до глубины 64 см от пола шурфом прорезан рыхлый песчаный слой; еще ниже (до глубины 103 см) обнаружен песчаный слой, но значительно более плотный, подстилаемый слоем плотной глины (до 133 см), под которой лежит песок с галькой, переходящей в нижней части в чистый галечник (до 160 см) и, наконец, плотный песчаный слой с жестковатыми горизонтальными прослойками сцементированного песка, прослеженный до глубины 230 см от пола, продолжающийся еще глубже. Шурф совершенно не дал материала, пригодного для датировки отдельных слоев.

По археологическим данным довольно надежно устанавливается, что мечеть функционировала еще в XV—XVI вв., после чего она была заброшена и в течение долгого времени стояла пустой, заносимая песком, сыпучие барханы которого в настоящее время находятся совсем недалеко от этого места.

Время постройки здания определяется с большим трудом. На основании весьма своеобразных и очень архаичных архитектурных форм можно с полной уверенностью отнести его к числу древнейших мусульманских культовых зданий. Круглые столбы внутри здания мы встречаем в таком, несомненно, древнем памятнике, как мечеть в кишлаке Деггарон (хазара) (8). Второй пример употребления круглых кирпичных столбов для поддержания перекрытия известен нам в мечети Магоки-Аттари в Бухаре, где при археологических работах, производившихся в 1935 г., удалось установить, что под поздней облицовкой, придавшей устоям восьмигранную и квадратную форму, совершенно ясно видна их первоначальная цилиндрическая форма. Мечеть Магоки-Аттари по стилистическим особенностям относится к XII в., вероятнее — к концу этого века (9).

Четыре круглых столба диаметром около 1 м имело также более древнее здание, находившееся на месте мечети Магоки-Аттари, построенное в IX—X в. н. э. Остатки этого здания были обнаружены автором настоящей статьи под полом мечети в том же 1935 г.

Круглые кирпичные столбы являются особенностью старинных мечетей Ирана. Так например, мы встречаем их в мечетях „арабского“ типа в Дамгане, Найине и в мечети Исфагана, где эти формы столбов относятся ко времени господства Сельджуков. О фактах постройки колонн из кирпича, кроме того, имеются свидетельства авторов X в. (в мечети Саганиана и в соборной мечети Балха) (10).

Во всех известных нам случаях применения кирпичных круглых столбов в среднеазиатской архитектуре (в мечетях Деггарон и термезской Чор-Сутун) мы видим одну общую черту: главный купол располагается в центре и опирается на четыре колонны. План мечети Магоки-Аттари не выяснен окончательно, но, повидимому, в отличие от первых двух примеров, там имелась еще одна добавочная пара столбов, а план мечети представлял собой не квадрат, а прямоугольник, вытянутый с З на В, что можно рассматривать как дальнейшее развитие более простого древнего плана.

Как бы то ни было, эта система возведения перекрытия на круглых опорах-столбах дает нам особый, новый для нас архитектурный тип на территории Средней Азии, несомненно древний, сложившийся не позднее времени возведения самых старых мусульманских культовых зданий (о чем свидетельствуют остатки постройки, сохранившейся под мечетью Магоки-Аттари). Возможно, что только недостаточное знание домусульманской

культовой архитектуры не дает нам возможности связать этот тип с древнейшими традициями местного среднеазиатского зодчества.

Пожалуй еще более надежный материал дает нам сравнение мечети с построенным при ней минаретом 423 года хиджры, упоминавшимся выше. Этот минарет был возведен на алебастровом растворе из жженого кирпича, размеры которого варьируют от $20,5 \times 20,5 \times 3,5$ см до $23 \times 23 \times 4$ см. Этот кирпич, так же, как и фактура стены, типичны для XI в., т. е. того времени, которое указано в надписи на самом здании. Остатки мечети Чор-Сутун дают в этом отношении совсем иную картину. Прежде всего, кирпич, использованный для облицовки стен внутри, отличается своими крупными размерами. В среднеазиатской архитектуре, поскольку она нам известна, этот формат кирпича встречается только в раскопках памятников, относящихся к так называемому „доарабскому“ времени. Сравнивая строительный материал и технику постройки мечети и минарета, мы не можем считать мечеть ни одновременной с минаретом, ни более поздней: мечеть возведена, несомненно, значительно раньше. Небезынтересно остановиться на своеобразной „гофрировке“ михраба. Это первый известный нам случай применения указанного приема декорации стены на вогнутой поверхности. Все же самый прием не является для нас новым. Мы встречаем его в таких всем известных памятниках, как башня-мавзолей в Радкане, Рабати-Малик, минарете в Джар-Кургане. Но во всех этих зданиях такого рода украшение (или укрепление, по Б. Н. Засыпкину) стены тесно сдвинутыми полуколоннами имеет характер пережитка. Эта декоративная форма сложилась значительно раньше, до VII—VIII в. в архитектуре замка „кешка“. Примеры такого оформления здания встречаются в памятниках Хорезма (11). Их можно видеть на известном „сасанидском“ блюде из Эрмитажа (12) и здесь, в здании Кургана, описанном ниже.

К сожалению, мы не имеем теперь возможности судить о форме михраба в целом. По упоминавшейся уже фотографии Б. Н. Кастальского можно только догадываться, что его завершала стрельчатая арка, контуры которой видны достаточно ясно. Все же остатки, которые нам удалось наблюдать, повидимому, дают возможность считать форму „гофрировки“ и ее кладку значительно более ранними, чем здания Джаркурганского минарета и Рабати-Малик.

Суммируя все изложенное, мы приходим к выводу, что раскопанная нами мечеть Чор-Сутун не могла быть построена позднее X в. и что ее сооружение, как предполагал М. Е. Массон, следует отнести к IX—X в. (13).

Таким образом, мечеть Чор-Сутун является одной из древнейших известных нам культовых построек Ислама на территории Средней Азии. Тип ее, несмотря на отмеченные выше общие черты с другими древнейшими мечетями — Деггарон и Магоки-Аттари, отличается большим своеобразием. Других подобных зданий, широко открытых с двух сторон, мы, в сущности, не знаем.

А. Годар, изучая древние соборные мечети Ирана (14), приходит к выводу, что они в известный период представляли собой открытый с трех сторон киоск с единственным купольным перекрытием, и связывает возникновение этого типа с домусульманскими строительными традициями, выработавшимися при постройках древних храмов огня — „оташкаде“ и айванов сасанидских дворцовых зданий.

В Средней Азии мечетей-киосков, подобных описанным А. Годаром, мы не знаем. В этом можно усмотреть один из признаков самобытного развития среднеазиатской мусульманской культовой архитектуры, основанной на использовании сложившихся ранее местных традиций. Право на это дают нам архитектурные формы таких зданий, как мавзолей Исмаила Самани и ряд перечисленных выше памятников. С этой точки зрения планировка мечети Чор-Сутун, представляющей собою своеобразный навес, закрытый с двух сторон, особенно интересна. Она не сходна ни с „арабским“ типом мечетей, развившимся из открытого двора, окруженного галереями, ни с киосками старых иранских мечетей.

РАСКОП ВНУТРИ КУРГАНА

Раскоп внутри здания Кургана заключался в вскрытии второго с С помещения на восточной стороне и примыкающей к нему части коридора, проходящего через все здание в меридиональном направлении, причем раскоп коридора продолжен был до его северного конца. В основном работы заключались в раскопке первого (нижнего) этажа здания, так как верхний этаж сохранился только в нескольких местах над уцелевшими сводами нижних помещений, ближе к внешней стене здания. Над средним коридором остатков второго этажа совершенно не имеется (рис. 9).

Свод раскапывавшегося нами помещения сохранился на площади около $3,7 \text{ м}^2$; соответственно с этим, на этой же площади уцелел пол верхнего помещения, а над ним небольшой завал из земли и кусков сырцового кирпича, достигающий $0,6 \text{ м}$ в толщину. Сырцовые стены покрыты глино-саманной штукатуркой. На северной стене помещения, сохранившейся лучше других, заметны следы широкого, слабо выступающего пилястра, составлявшего, очевидно, один из элементов архитектурного оформления. Верхнее помещение величиной и положением соответствует помещению нижнего этажа. В завале из земли и строительного мусора, скопившихся

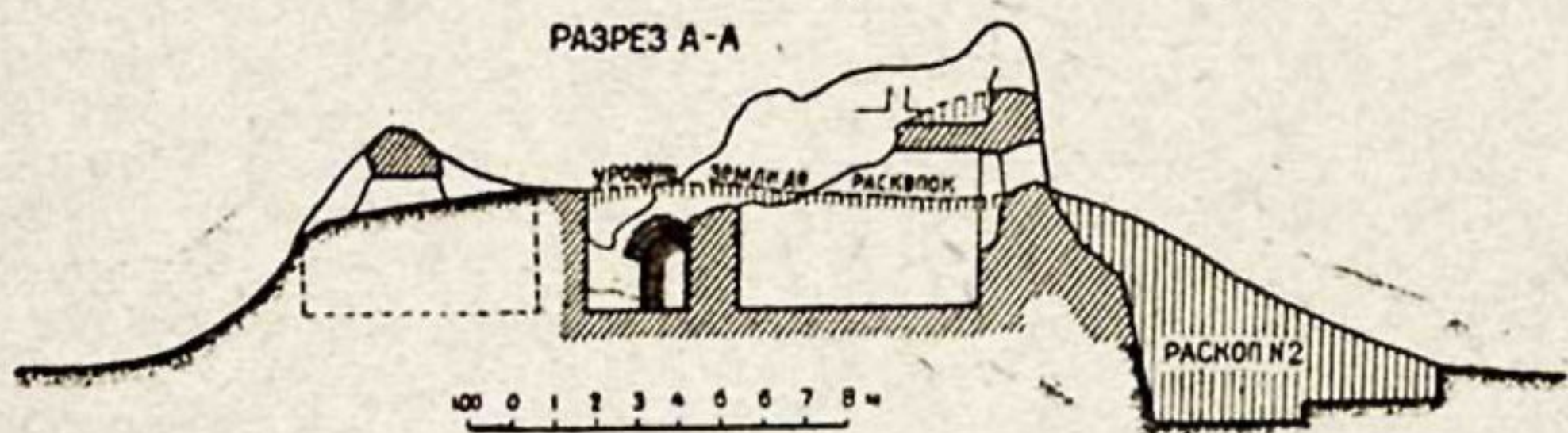

Рис. 9. Разрез Кургана.

на полу, было найдено несколько фрагментов керамики. Поливная посуда представлена обломками белополивных блюда и чашки с светлобирюзовой каймой по краю; маленьких чашек с двусторонней темнобирюзовой поливой и одного фрагмента так называемой „кашинной“ чашки с светлокоричневым рыхлым черепком и стекловидной толстой двусторонней глазурью сине-бирюзового цвета. Среди неполивной посуды отметим осколки крупной глиняной лоханки, диаметром около 70 см ; бок котелка розовато-коричневого в изломе, с мелкими и редкими белыми вкраплениями, изготовленного на гончарном круге, и обломки тонких, хорошо сформованных и обожженных светлосерых кувшинов. На последних имеется орнамент в виде горизонтальных полосок, процарапанных при вращении сосуда на гончарном круге, и параллельных волнистых линий, нанесенных зубчатым инструментом („гребенкой“). Один из фрагментов украшен выпуклыми штампами, изображающими звездчатую розетку. В этом же завале найдены два небольших фрагмента сосудов, покрытых красным ангобом с лощеной поверхностью.

В смазанном глиной и саманом полу, в северо-восточном углу помещения обнаружен очаг-печка. Она имеет вид овального углубления с поперечниками $0,8$ и $0,6 \text{ м}$, глубиной около $0,3 \text{ м}$. Стенки ямы обложены жженым кирпичом. Яма заполнена сверху землей и строительным мусором, а внизу золой с угольками. Здесь же найдено довольно значительное количество фрагментов керамики, сходной в общих чертах с вышеописанной. Почти все эти фрагменты сильно закопчены. Среди них имеются два кувшинчика светлосерого черепка очень тонкой работы, сохранившихся настолько, что они дают полную возможность установить их форму. Интересен один из них с прорезным ажурным орнаментом в верхней части. Назначение подобных ажурных сосудов, фрагменты которых относительно часто встречаются в Термезе, не выяснено. Возможно, что он представлял собой курильницу для сжигания каких-нибудь благовонных трав.

Весь этот комплекс керамических остатков, включая сюда жженный кирпич размерами $22 \times 22 \times 3,5$ и $23 \times 23 \times 4$ см, производит впечатление одновременного и может быть датирован XI—XII вв. н. э. Исключение составляют лишь два фрагмента керамики, покрытой красным ангобом, и один фрагмент „кашинной“ чашки с сине-бирюзовой поливой. Но здесь следует отметить, что мелкие фрагменты сосудов, покрытых красным ангобом и лощением (подробнее об этой разновидности керамики см. ниже), встречались во всех раскапывавшихся нами культурных слоях. Происхождение их совершенно понятно: они выпадали при разрушении сырцового здания из его стен и сводов, в кладке которых имеются в весьма значительном количестве. В отношении сине-бирюзового поливного черепка можно предположить, что он попал сюда случайно, так как стоит особняком и совершенно не связан с комплексом найденных вещей, достаточно большим и полным.

Раскопанное нами помещение нижнего этажа представляет собой прямоугольную худжру длиной 5,8 м и шириной 2,2 м (рис. 10, 11). Стены ее сложены из сырцового кирпича $33 \times 33 \times 8$ (или 9) см и несут многочисленные следы переделок и поправок. Помещение перекрыто сырцовым сводом, сложенным отрезками, наклоненными в сторону восточной (внешней) щипцовой стены. Сечение свода, подвергшегося, по видимому, значительным деформациям, несколько приближается к эллиптическому (рис. 12). Пяты свода сделаны нависающими и находятся на высоте 1,5 м от пола при наибольшей высоте самого свода 3,2 м. В середине внешней щипцовой стены, под самым замком свода, пробито небольшое окно, представляющее собою в настоящее время неправильной формы отверстие шириной около 0,45 и высотой 0,75 м. Такие же окна имелись и во всех других помещениях Кургана. Ни первоначальная величина окна, ни его форма теперь, конечно, не могут быть установлены. В стене, противоположной окну, пробита дверь, соединяющая комнату с коридором. Дверь находится не в середине стены, а в юго-западном углу, почти у южной стены. Такое же асимметричное положение двери отмечено нами в частично расчищенном соседнем помещении. Ширина дверного проема 0,8 м.

Стены и двери помещения были покрыты в разное время несколькими слоями глино-саманной штукатурки. Во многих местах стены подвергались ремонтам, при которых использовался жженный и сырцовый кирпич разных размеров. Видимо, при этих ремонтах были сделаны небольшие нишки на западной и южной стенах и нечто вроде панели из кирпича, поставленного плашмя на ребро, на северной стене.

На полу помещения, смазанного глиной с саманом, обнаружены остатки приспособлений невыясненного назначения. В северо-западном углу расчищена почти квадратная площадка из сырцового кирпича размерами $30 \times 30 \times 6$ см. В настоящее время сохранилось два ряда этой сырцовой кладки. Кирпич сложен на глине. Часть площадки занимает изогнутый под прямым углом углубленный лоток, обмазанный алебастром. В одном конце этого лотка обнаружено круглое отверстие диаметром около 0,22 м, под которым оказался врытый в землю большой хум высотой около 1,12 м. Хум был частично заполнен мягкой рыхлой землей, пылью, в которой найдены семена растений: ореха, миндаля, персика, абрикоса и т. д. Дно хума оказалось пробитым.

Кроме этого сооружения, назначение которого осталось невыясненным, в раскопанном помещении имеются еще другие особенности, также пока не поддающиеся объяснению. Все помещение перегородено поперек низенькой стенкой до 40 см высотой, небрежно сложенной из целого и битого жженого кирпича на глине. В эту стенку, в ее середине, наклонно вставлена глиняная гончарная трубка (кубур) (рис. 13). Уровень пола той части помещения, которая прилегает к входной двери, несколько выше (на 15 см). Верхний западный конец трубы положен на одном уровне с этим полом. Под нижним (восточным) ее концом в полу имеется небольшое круглое углубление диаметром около 45 см и глубиной 14 см. Края ямы обложены осколками жженого кирпича, образующего вокруг нее небольшой

бортик. Яма заполнена тонкими прослойками мусора, золы и угольков. Дно ямы красноватое, обожженное. Все свидетельствует о том, что в этом углублении раскладывали огонь. Сама яма по своей форме и величине легко могла бы быть очагом, подобным углублениям в современных домах Узбекистана, в которых раскладывается костер — „гульхан“ или ставится жаровня с горячими углями, закрываемая особым низеньким столиком —

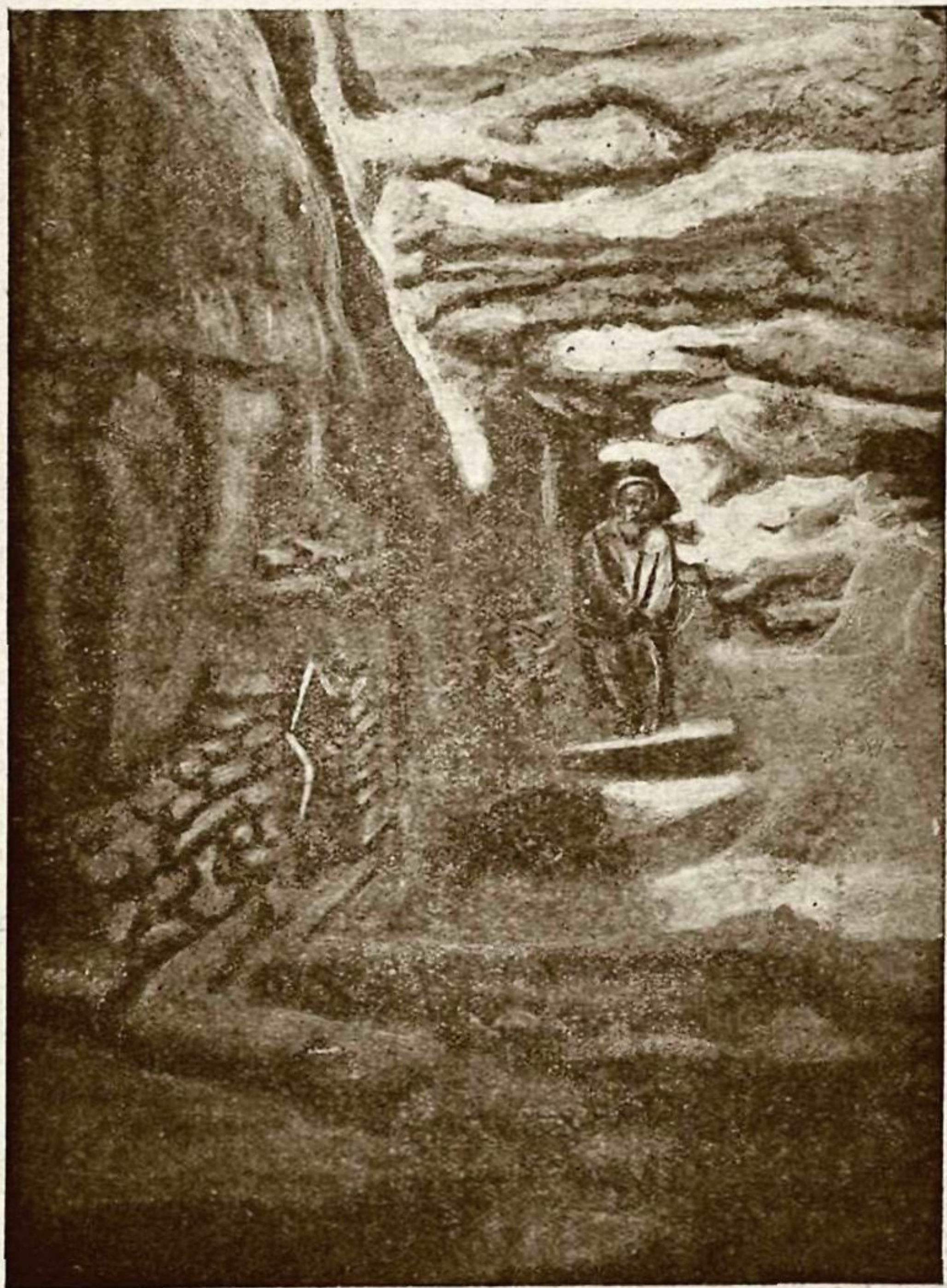

Рис. 10. Раскоп внутри здания.

сандали. Однако такое предположение совершенно не объясняет наличия примыкающей к яме стенки с трубой. Следует отметить, что на трубе и стенке никаких следов копоти или воздействия огня нами обнаружено не было. Найденные в непосредственной близости к полу археологические материалы, заключавшиеся в незначительных остатках керамики, ответа на вопрос о назначении этих приспособлений также не дают.

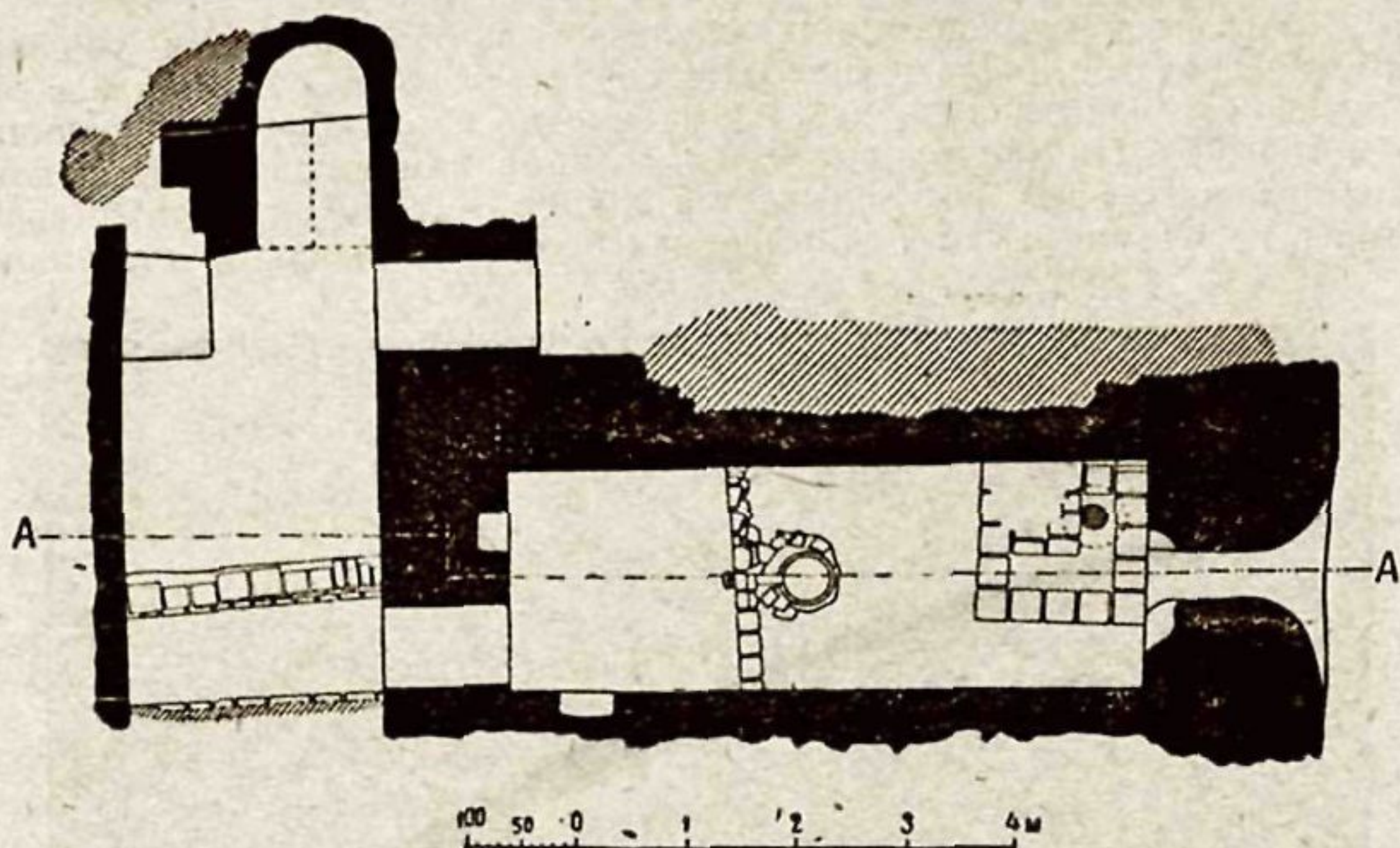

Рис. 11. План раскопа внутри здания.

Вскрытая во время раскопок часть коридора имеет ширину около 2,35 м. Сырцовые стены толщиной 1,2 м, отделяющие коридор от описанного помещения, сохранились на высоту до 3 м. В северном конце коридор заканчивается в своей восточной половине довольно глубокой нишей со стрельчатым арочным верхом, сложенным из жженого кирпича. Это сооружение приложено вплотную к внешней северной стене здания и отделяется от него ясно заметной глубокой трещиной. В более позднее время ниша была углублена с какой-то целью в стену. Вторую половину северного конца коридора заполняют разрушенные ступени, формы которых установить не удалось. Наиболее вероятно предположить, что это остатки лестницы, по которой входили в верхний этаж.

При расчистке пола коридора выяснилось, что здесь, собственно, имеется два пола—один над другим. Первый, на уровне пола описанного выше помещения, представляет собой всего только уплотненную земляную площадку. Вторым — ниже первого на 35 см — выложен жженым кирпичом. Этот последний сохранился только в южной части нашего раскопа.

При дальнейшей расчистке установлено, что нижний пол на этом же уровне продолжается и в самом помещении, образуя в дверном проеме и перед дверью прямоугольное углубление, обложенное невысоки-

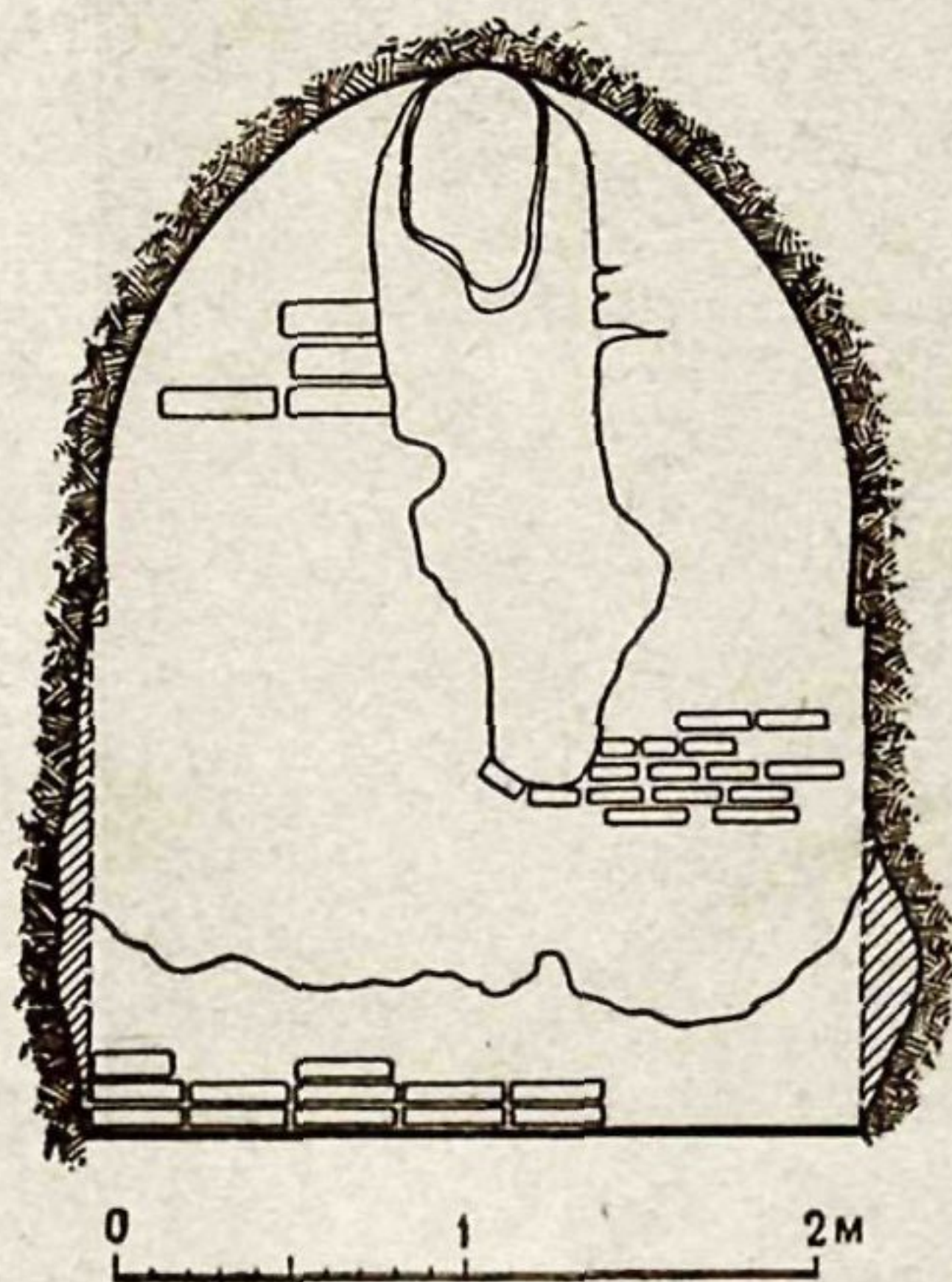

Рис. 12. Свод раскопанного помещения.

При дальнейшей расчистке установлено, что нижний пол на этом же уровне продолжается и в самом помещении, образуя в дверном проеме и перед дверью прямоугольное углубление, обложенное невысоки-

ми (35 см) стенками из жженого кирпича, аккуратно сложенными на глиняном растворе.

На этом же уровне от северного края двери к двери противоположного помещения отходит стена, сложенная из жженого кирпича. Сохранившаяся высота ее около 33 см соответствует расстоянию между двумя указанными уровнями—верхним и нижним полом. Выше верхнего пола эта стенка также продолжается вверх, но кладка ее резко отличается своей небрежностью, использованием половинок и обломков кирпича. Начиная с уровня верхнего пола, от другой стороны двери отходит стенка, параллельная первой, также сложенная из жженого кирпича. Обе стенки составляют, таким образом, узкий проход (в среднем около 1 м шириной) между дверями противоположных помещений. Кладка их сохранилась на высоту 50—55 см.

Описанные стенки еще больше усложняют картину, полученную в результате раскопа. Объяснить все описанные сооружения бытовыми потребностями обитателей здания мы считаем невозможным. Скорее всего их следует рассматривать как специальные приспособления производственного характера. Определить назначение этих сооружений и датировать отдельные детали, вскрытые раскопками, особенно трудно вследствие их несомненной разновременности и чрезвычайно большой перемешанности слоев.

Нижнюю часть наслоений, заполнявших помещение, составляла мягкая, очень рыхлая и сухая земля с примесью различного мусора: осколков жженого кирпича, кусков сырца, костей животных, фрагментов различной керамики.

Этот слой не был одинаковой толщины: в середине помещения он достигал мощности около 80 см, ближе к восточной и западной стенам был значительно меньше, а в некоторых местах, как например, в северо-восточном углу почти совершенно исчезал (рис. 14).

Соответствующие наслоения в коридоре, в южной части раскопа, значительно выше и занимают весь промежуток между описанными параллельными стенками. В северной части коридора слои перепутаны вырытой здесь некогда большой ямой.

Единственным материалом, на основании которого можно сделать попытку датировать нижний слой, являются содержащиеся в нем мелкие фрагменты керамики.

Основную массу образцов поливной посуды представляют фрагменты блюд и чашек с выемчатым кольцевидным, хорошо выточенным невысоким поддоном. Среди этой посуды мы можем отметить три главных типа, покрытые: 1) белой, не везде одинаково хорошего качества поливой, иногда с бирюзовыми расплывчатыми пятнами или бирюзовой каймой по краю

Рис. 13. Стенка и труба.

сосуда; 2) бирюзовой с процарапанным линейным подглазурным рисунком в виде завитков и спиралей и 3) поливой с распылчатыми пятнами, белыми, зелеными и желтыми с таким же рисунком. Сравнение этой посуды с большим количеством образцов, находившихся как на самом городище Термеза, так и в других частях Узбекистана (Бухара, Самарканд и др.) показывает, что она относится к периоду, предшествующему разгрому города, произведенному монголами, т. е. к концу XII или, вернее, к началу XIII века. Этим же временем можно датировать фрагменты котелков с примесью дресвы, с характерно отогнутыми наружу бортиками, и кувшиников из тонкой светлосерой глины с штампованным орнаментом.

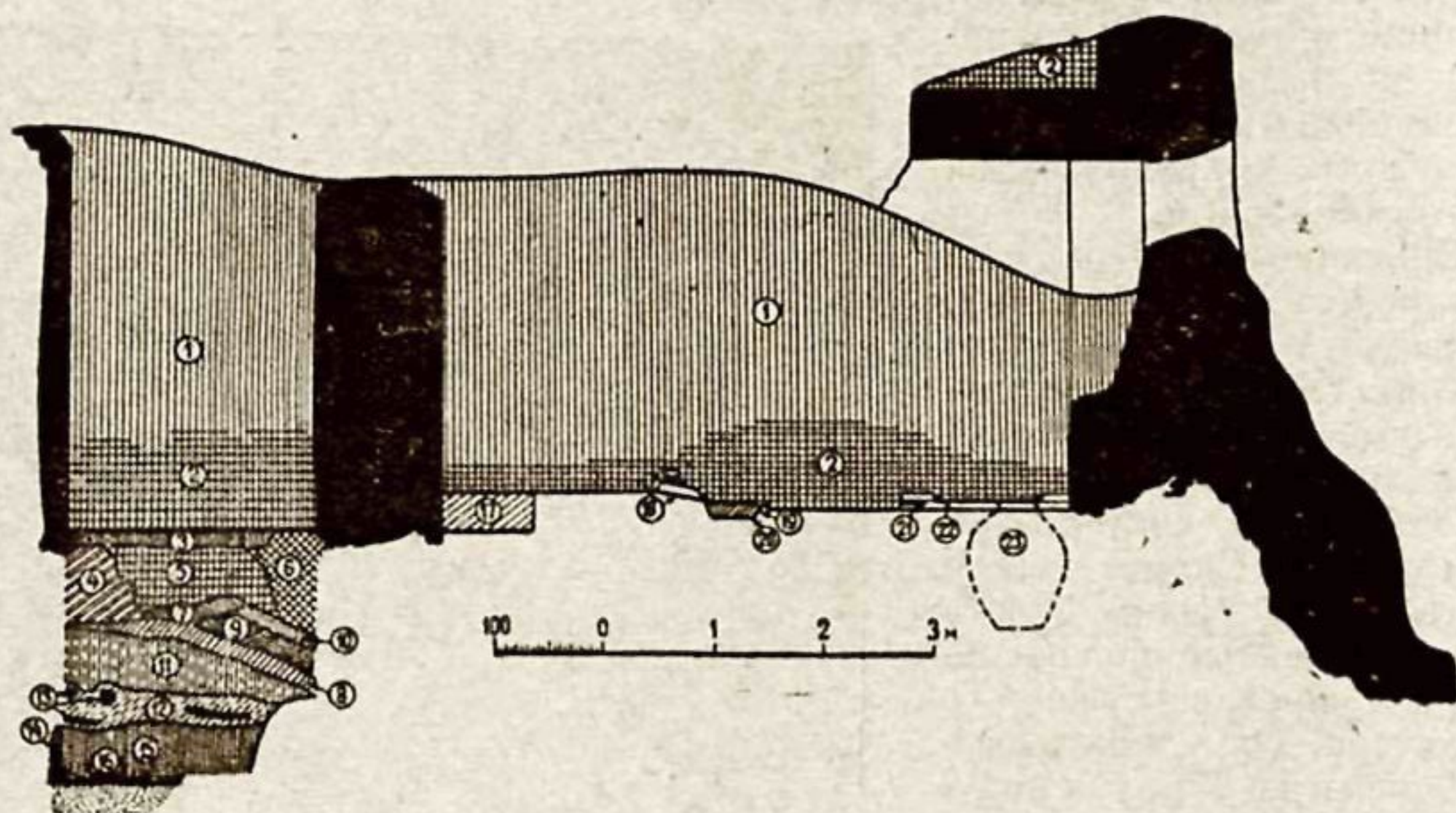

Рис. 14. Разрез через раскоп внутри здания.

1—водные и золовые прослойки; 2—завал сырцового кирпича; 3—лессовая глина; 4—рыхлый мусор с землей; 5—земля с примесью мусора; 6—золистая земля с мусором; 7—слоистая глина; 8—плотная глина; 9—мусор с землей; 10—зола; 11—плотная земля; 12—зола, перегоревшая земля, угли; 13—угли; 14—остатки стены; 15—лессовидный слой; 16—смазка пола; 17—рыхлая земля; 18—гончарная труба; 19—яма с золой и угольками; 20—красноватый обожженный слой; 21—сырцовая кладка; 22—смазка алебастром; 23—хум.

Наряду с этими фрагментами встречены образцы посуды совсем других типов, которые могут быть отнесены к тимуридскому или даже более позднему времени. Так например, в западной части помещения был встречен фрагмент так называемой „кашинной“ чашки с беловатым рыхлым черепком, покрытой стекловидной синей поливой с надглазурным оливково-зеленым орнаментом, отливающим металлическим блеском. Здесь же найден другой небольшой фрагмент аналогичной „кашинной“ чашки, покрытой белой глазурью с синим и черным рисунком. Посуда с плотным розоватым черепком, белой поливой и нанесенным на ней синим и черным (марганцово-коричневым) орнаментом встречалась в других частях этого слоя, так же, как и крупный фрагмент типичного грубовато сделанного светильника бирюзового цвета (рис. 15—2).

Наслоения, залегающие выше, сложены многочисленными тонкими прослойками глины, чередующимися с такими же тонкими (от 1,0 до 0,1 см), рыхлыми песчанистыми прослойками. Чередование этих прослоек очень правильно, но нарушается во многих местах линзами мелкого черноватого песка, лессовой земли с осколками сырцового кирпича и вкрапленными в большом количестве фрагментами керамики; во многих же местах эти прослойки совершенно перемешаны вырытыми когда-то ямами. Происхождение слоистости этих отложений несомненно: прослойки глины представляют собой намывы лессовой земли со стен здания, образывавшиеся в течение дождливого зимнего времени года. Прослойки рыхлого, наносимого ветром песка соответствуют летнему времени. Они сохранились местами

настолько четко, что нами была сделана попытка подсчета их под сохранившейся частью свода раскапывавшегося помещения. Полного подсчета всех слоев произвести не удалось вследствие того, что прослойки местами исчезают или выклиниваются, местами же нарушаются попавшими в наслоения кусками кирпича или черепками, песчаными линзами и т. д. Все же в разных местах было насчитано от 350 до 400 хорошо выраженных „годовых“ слоев, что оказалось весьма полезным для ориентировочной датировки, тем более, что она (с значительной, конечно, поправкой на неполноту сохранившихся прослоек) довольно близко подходила к той, на которую нам указывают найденные в культурных слоях археологические материалы. Последние заключаются, главным образом, в фрагментах поливной и неполивной керамики, среди которой встречаются описанные выше типы. В северной части коридора, на высоте несколько больше одного метра от пола, найдена медная монета городского чекана 813 г. хиджры (1410—1411 г. н. э.), которая дает возможность датировать соответствующие наслоения.

На высоте от 0,5 до 1,0 м и несколько выше было обнаружено значительное количество фрагментов различных сосудов, в частности так называемых „сфероконических“, обломков светильников и т. д., облепленных глиной с ясно заметными следами жирной копоти. Вид сосудов и покрывающая их копоть заставляют предположить, что мы имеем здесь дело с известными приспособлениями для курения наркотических веществ (рис. 15—3 и 4). Сосуды эти числом 37 располагались около стен помещения.

По окончании раскопа помещений, нами был заложен шурф в средней части раскопанного отрезка коридора с целью исследования культурных наслоений, находящихся ниже пола. Этот шурф занимал всю ширину коридора; длина его — около 1,5 м.

Культурные наслоения над полом, в том месте, где был начат шурф, так же как и самый пол, были нарушены. Оказалось, что и ниже пола культурные наслоения были разрушены вырытой здесь ямой, с подкопом под восточную стену коридора. Глубина ямы на западной стороне 0,85 м, на восточной 1,5 м.

Сверху, над уровнем пола лежит небольшой слой (14—15 см) лессовидной глины с кусками сырцового кирпича. Этот слой перекрывает не всю площадь шурфа — он не доходит на 40 см до восточной стены. Под этим слоем на западной стороне обнаружен рыхлый завал мусора с костями животных, кусками дерева и углей, обломками жженого кирпича, кусками глино-саманной штукатурки. Толщина этого слоя около 70 см. Середину шурфа занимает приблизительно такой же мощности слой рыхлой земли с небольшой примесью мусора — угольков, золы и черепков, а восточную часть шурфа — золистая рыхлая земля с примесью гумуса и большим количеством костей, черепков, кусков дерева и древесной коры. Отсюда извлечены: обрывок веревки, свитой из растительных волокон (рис. 15—5), обломок деревянного точеного предмета, раскрашенного в черный и красный цвета,

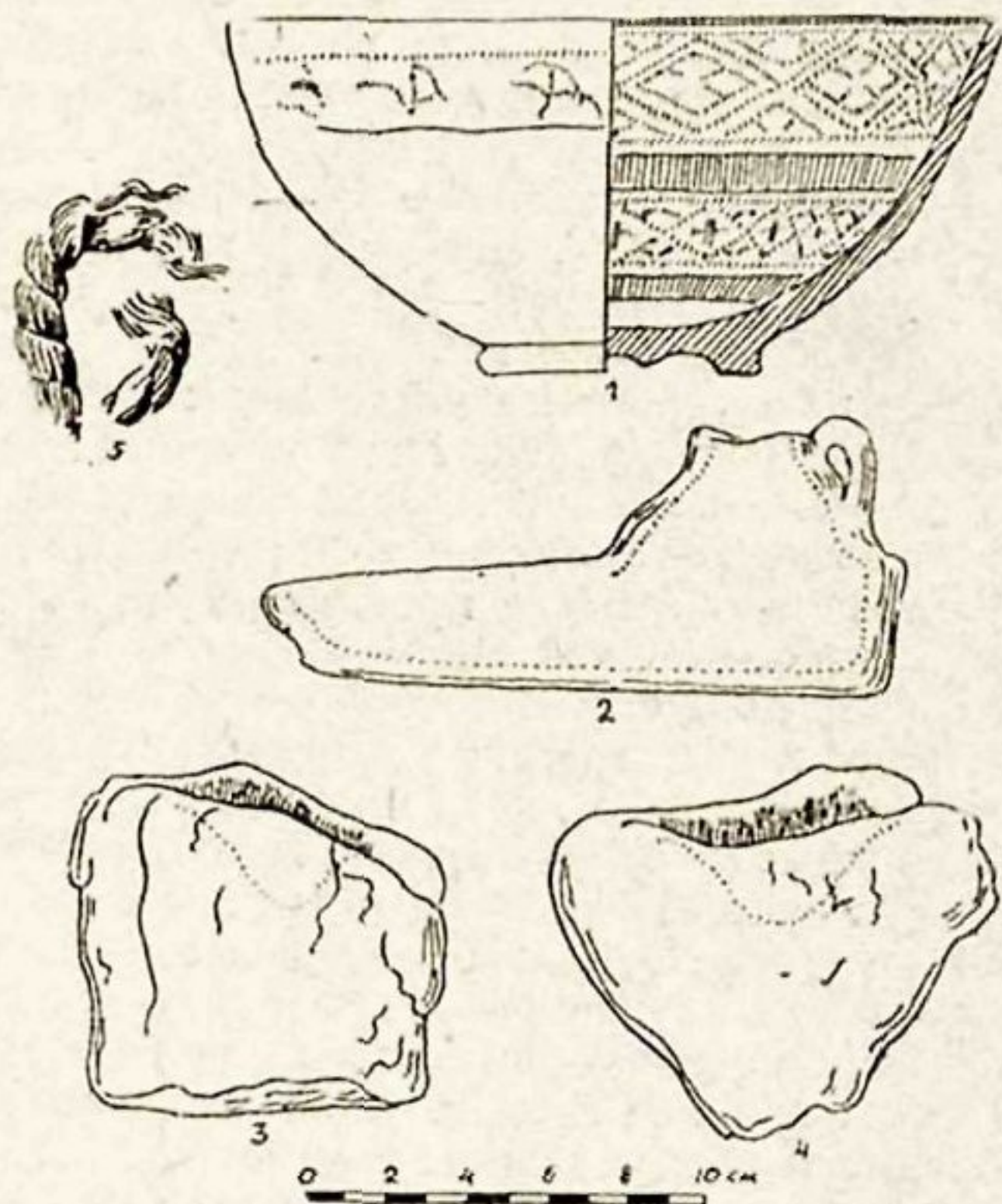

Рис. 15. Керамика XV—XVII вв.

рукоятка ножа, хорошо сохранившиеся черепа козы, собаки и лошади, обломки стеклянных браслетов из синего стекла, обрывки бумажной (?) ткани с вышивкой серебряными нитями, стеклянные бусы и подвески. Здесь же найдена монета, которая, по определению М. Е. Массона, является анонимным фельсом хорезмского чекана 758 г. х. (1357) и, по его заключению, могла иметь хождение и в XV в.

Керамика типичная — тимуридского типа. Ниже этих слоев лежат прослойки глины с песком, золы с угольками, и еще одна прослойка рыхлой земли с мусором, начинающаяся от середины коридора и уходящая вниз, под восточную стену. В этой прослойке собрано большое количество косточек от фруктов: персика, абрикоса, сливы, миндаля и др., ореховой скорлупы, веточек от гроздьев винограда*. Здесь же обнаружены куски дерева, среди которых найдена развилка, обработанная ножом или тешой. На двух кусках дерева имеются дыры, прожженные раскаленным металлическим стержнем. Найдены также плохо сохранившиеся остатки истлевшей цыновки, сплетенной из растения, называемого местным населением кугай, а под ней — сильно размельченная солома. Остатков керамики в этом слое не было найдено.

Все перечисленные наслоения подстилаются слоем довольно рыхлой земли с угольками до 20 см толщиной, а под ним плотная лессовая земля с незначительным количеством мелких кусков неполивной керамики. Среди них часто встречаются черепки с красным ангобом и лощением. На одном из фрагментов оттиснуты простые украшения в виде листа („елочки“) и звездочки из семи точек.

Следующий слой на глубину до 1,8 м от пола состоит из золы, перегоревшей глины и крупных углей — сгоревших балок или бревен, что свидетельствует о бывшем здесь пожаре. Под ним — плотная лессовая земля с небольшими фрагментами хорошо отмученной светлорозовой розоватой глины, с оранжево-красным ангобом и тщательно выполненным лощением.

На глубине 1,79 м от пола, на западной стороне шурфа, обнаружены остатки стены из сырцового кирпича, приблизительно соответствующей по своему положению западной стене коридора. Основание этой стены находится на глубине 2,30 м. Сама стена сохранилась на высоту только 51 см. Обращенная к раскопу сторона стены оказалась покрытой тонким слоем алебастровой штукатурки, окрашенной в охристый розоватый цвет. На уровне основной стены сохранились остатки глинобитного пола, который лежит в свою очередь на чистом сером слюдистом, очень сыпучем песке. Толщины слоя песка ввиду его сыпучести нам выяснить не удалось.

Второй небольшой шурф вырыт нами в восточном конце помещения с целью выемки обнаруженного в северо-восточном углу большого хума. При этом выяснена стратиграфия культурных наслоений на глубину до 1,25 м от пола. Под сырцовой кладкой, в которую была вделана часть хума, идет прослойка земли с черепками. Здесь встречены фрагменты очень тонкого, тщательно сделанного светлосерого кувшинчика, который по времени изготовления мог бы быть отнесен к X—XI в. (рис. 16—1). Под этой прослойкой земли на глубине 0,22 м от пола вскрыта кладка в два ряда из сырцового кирпича размерами 33 × 33 × 8 см, т. е. приблизительно такого же, как тот, из которого сложено само здание. Связи этой кладки со стенками здания установить не удалось. Под сырцовыми кирпичами идет мягкая насыпная, неутрамбованная земля без черепков и других культурных остатков.

Несмотря на значительную перепутанность разновременных культурных наслоений, раскоп в общем дает довольно ясную картину истории здания.

Остатки сырцовой стены со штукатуркой, обнаруженные в шурфе, который был вырыт в коридоре, с полной очевидностью показывают, что на месте изучавшегося нами здания находилось какое-то другое, значительно

* Анализ материала, характеризующего культурную флору по остаткам, собранным в нашем раскопе, посвящена статья С. Н. Кудряшева „Материалы по культурной флоре XV века Древнего Термеза“.

более древнее сооружение. Завал в яме, содержащей керамику с красным ангобом и лощением, возникший под полом, связанным с этой стеной, свидетельствует о том, что древнейшее здание разрушилось раньше, чем вышла из употребления ангобированная лощеная керамика, относимая нами пока ориентировочно ко времени до середины первого тысячелетия нашей эры. Наличие связи между остатками стен древнейшего здания и тем слоем из золы и крупных углей, который лежит выше, установить трудно. То обстоятельство, что слой, лежащий над этими остатками, характеризуется исключительно керамикой „кушанского“ типа, указывает на большую древность здания.

Вопрос о времени постройки изучавшегося нами Кургана отложим до описания раскопа на восточной стороне, так как для его решения необходимо привлечь все материалы, полученные в результате раскопок. Теперь же сделаем попытку определить время обитания здания.

Возможно, что древнему уровню пола здания соответствует та сырцовая кладка, которая была обнаружена в восточном конце помещения на глубине 22 см от позднейшего пола. В таком случае находка остатков кувшинчика, могущего быть достаточно надежно датированным, заставляет предположить, что на этом уровне пол сохранялся до X—XI в. Позднее, здание, может быть, заброшенное на некоторое время, подверглось значительным ремонтам и переделкам: пол его повысился, стены

были отремонтированы и местами облицованы жженым кирпичом, в стенах сделаны ниши, выложенные также жженым кирпичом, сложена арка над нишей в северном конце коридора. Затем последовали новые переделки—установка поперечных стенок в коридоре, новое повышение уровня пола, сооружение стенки с трубами, кладки из сырца с вмазанным хумом и т. д., которые мы склонны рассматривать как часть какого-то производственного оборудования, могущего быть поставленным в связь с большим количеством остатков косточек фруктов, найденных в хуме и в шурфе.

Характер и залегание археологических остатков, главным образом керамики, приводит к заключению, что здание опустело в XIII в. и вполне естественным кажется предположение, что причиной этого было монгольское завоевание, как известно, приведшее к полной гибели города и переносу его на другое место—ближе к реке Сурхан.

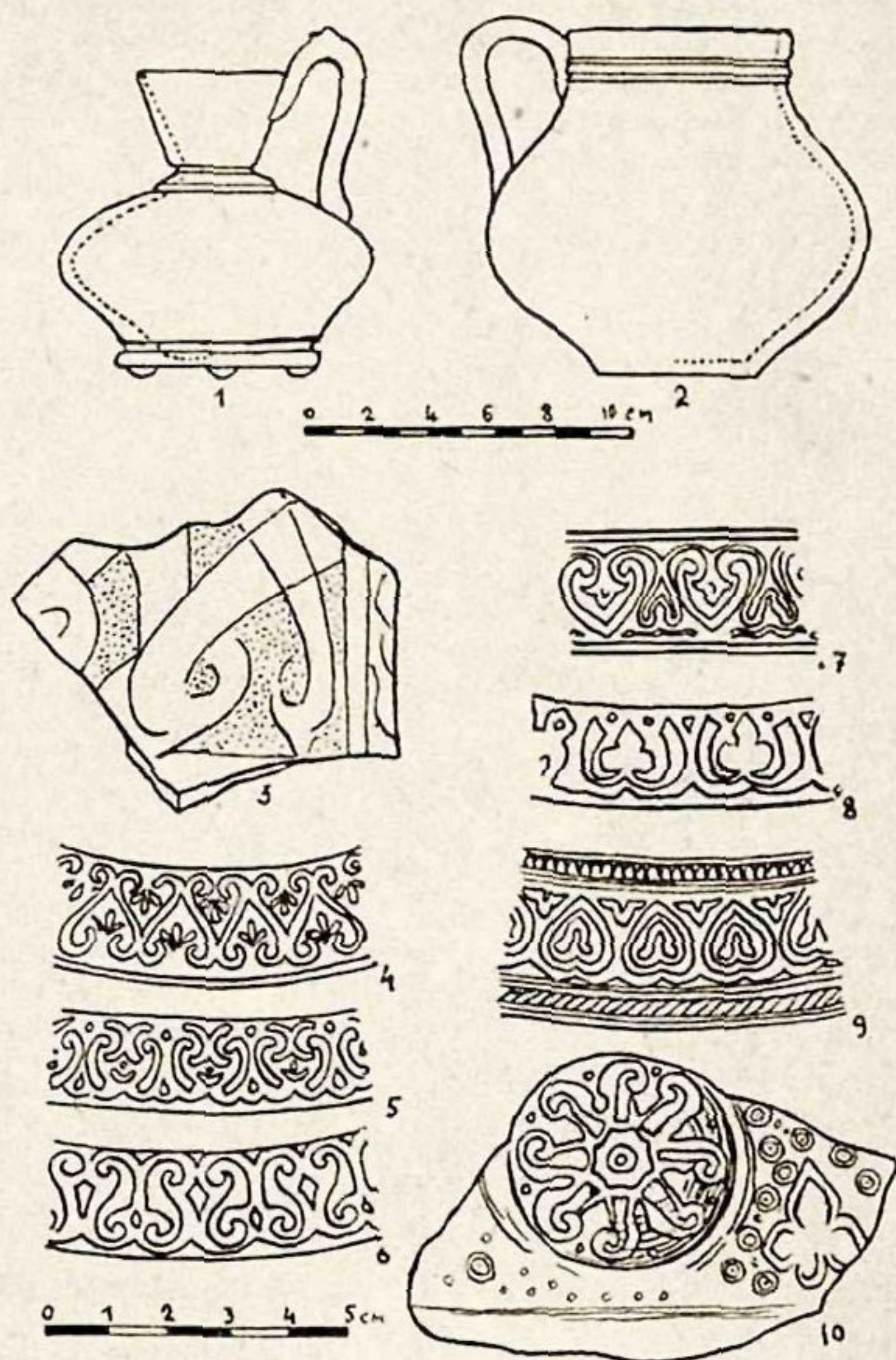

Рис. 16. Керамика X—XIII вв.

В дальнейшем это здание представляется в виде полуразвалин, внутри которых, под уцелевшими еще частично сводами нижнего этажа, вероятно, иногда ютились какие-то люди. Возможно, что в XV и XVI вв. здесь, в пустынных развалинах древнего города, у большой проезжей дороги, связывавшей Балх с культурными областями Кашка-Дарьи и Зеравшана, существовал притон наркоманов, о чем свидетельствуют многочисленные остатки. Возможно, что тогда же были вырыты ямы (кладонскателями?), в том числе и ямы в коридоре. Все это вполне удовлетворительно датируется как керамическими находками, так и найденной в коридоре монетой XV в. Позднее это здание, все больше и больше разрушавшееся, размываемое водой и заносимое мелким сыпучим песком, опустело, наконец, совершенно.

РАСКОП НА ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЕ КУРГАНА

Раскоп, площадью несколько больше 50 м², был заложен на восточном склоне холма, образовавшегося от разрушения здания. Место для раскопа было выбрано против стены того помещения, которое раскапывалось внутри здания (рис. 17).

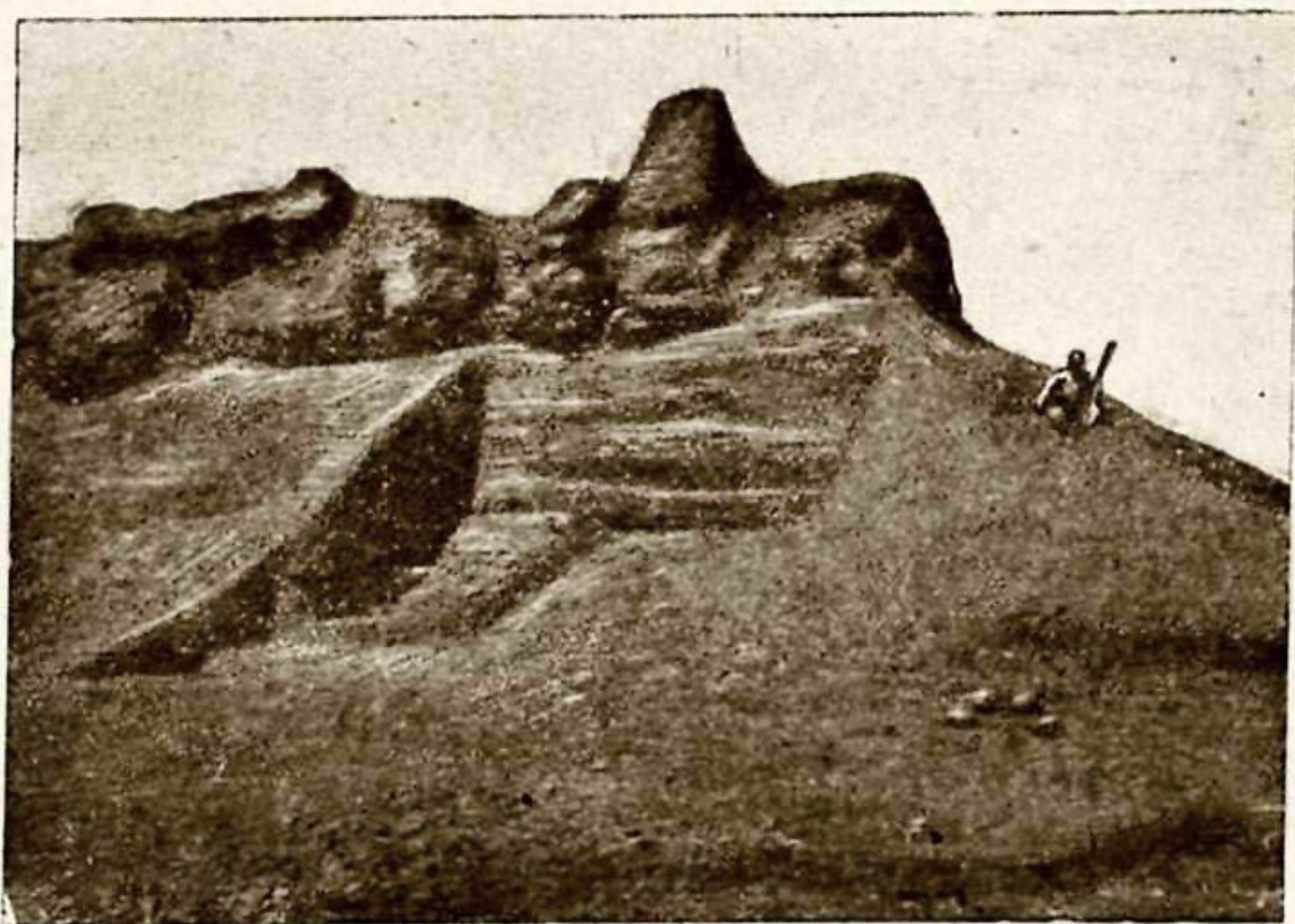

Рис. 17. Общий вид раскопа № 2.

Завал, образовавшийся у внешней стены, доходил приблизительно до нижнего края окна этого помещения. Здесь нами была отмечена нулевая точка, от которой ведется отсчет глубин при описании раскопа (рис. 18, 19, 20).

При съемке горизонтальными слоями верхней части до уровня 3,36 — 3,24 м выяснилось, что она состоит из завала, преобладающую часть которого составляют куски насыпавшегося сверху сырцового кирпича, прослойки песка и лессовой земли. В некоторых местах намечаются горизонтальные площадки из уплотненной глины, не занимающие большого пространства. Все это, несомненно, является продуктом разрушения здания. Не считая нескольких фрагментов белой поливной посуды и светлосерых кувшинчиков с процарапанным на поверхности орнаментом, встречающихся в верхней части этих наслоений, вся керамика состоит исключительно из мелких кусков неполивной посуды. Значительная часть этих осколков представляет

собой тонкий, отмученный черепок, покрытый ангобом разных оттенков — от темнокоричневого до оранжево-красного, очень часто с лощеной поверхностью. Эта типичная древняя керамика, надо думать, попала сюда из стен разрушавшегося здания (куски керамики встречаются очень часто и в кирпичах, и в швах кладки).

Начиная с указанной выше отметки, в раскопе стали обнаруживаться небольшие постройки, примыкавшие к стене Кургана (рис. 21). В южной части раскопа были вскрыты два помещения. Одно из них не только прилегает вплотную к стене Кургана, но частично врезается в нее. Размеры

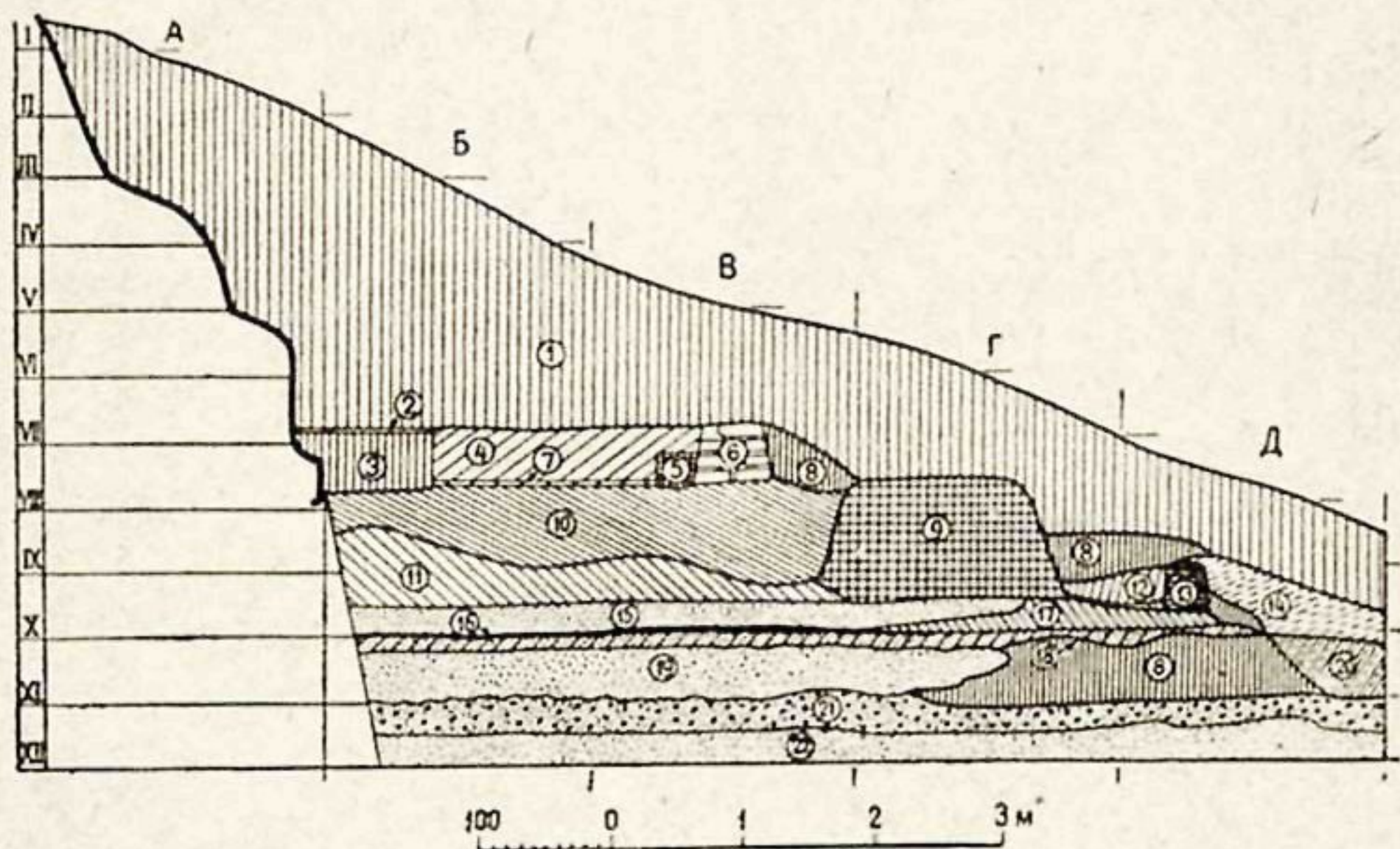

Рис. 18. Разрез по северной стороне раскопа № 2.

1—завал с прослойками песка и глины; 2—глино-саманная смазка; 3—рыхлый песчаный слой; 4—строительный мусор; 5—глинобитная стена; 6—стена из сырцового кирпича; 7—пол из жженого кирпича; 8—плотная глина; 9—глинобитная стена; 10—земля с мусором; 11—песчаный слой с угольками; 12—песок с мусором; 13—стена из глины и черепков; 14—песчаный слой с мусором; 15—серый песок; 16—иллистый слой; 17—плотный лесс; 18—песок с кусками леса; 19—серый песок с галькой; 20—песчаный слой с мусором; 21—песок с мелкой галькой; 22—песок.

его очень невелики: ширина равняется всего 1,6 м, длина не могла быть выяснена, так как на Ю помещение выходит за пределы раскопа. Глинобитный пол его находится на более низком уровне, чем полы других вскрытых в этом слое помещений и даже ниже основания стены Кургана. Западную и частично северную стены составляет стена Кургана; восточная стена, отделяющая описываемое помещение от соседнего — каркасная; толщина ее около 0,2 м. От этой стены довольно хорошо сохранилась закладка каркаса и круглые отверстия от каркасных стоек. Рядом, с восточной стороны, к этому помещению примыкает другое, также очень небольшое, северная и восточная стены которого глинобитные, западная — каркасная. Ширина помещения с 3 на В равняется 2 м; южная его стена осталась не вскрытой. В глинобитном полу у северо-западного угла имеется квадратная яма, одна из сторон которой равна около 0,65 м. Стенки ямы сделаны очень тщательно и обмазаны глино-саманной штукатуркой. Яма не могла являться сандалом — она слишком глубока и в ней нет никаких следов копти и золы. Подобные углубления автор видел неоднократно в мастерских бухарских ткачей. Они устраиваются перед ткацким станком; ткач, сидя на полу мастерской, ставит в углубление ноги; в нем также помещаются и педали ремизок. Сходство обнаруженной нами ямы с описанными приспособлениями ткацких мастерских дает, как нам кажется, основание предполагать, что здесь мы имеем дело с остатками оборудования ткацкого или какого-то другого производства.

Третье помещение, примерно на том же уровне, обнаружено на северной стороне раскопа (рис. 22). Площадь его несколько больше. Поперечник помещения с З на В равняется 2,7 м. Южная и восточная стены сложены частью из сырцового, частью из жженого кирпича. Западную стену составляет стена Кургана, к которой примыкает широкая лежанка—суфа.

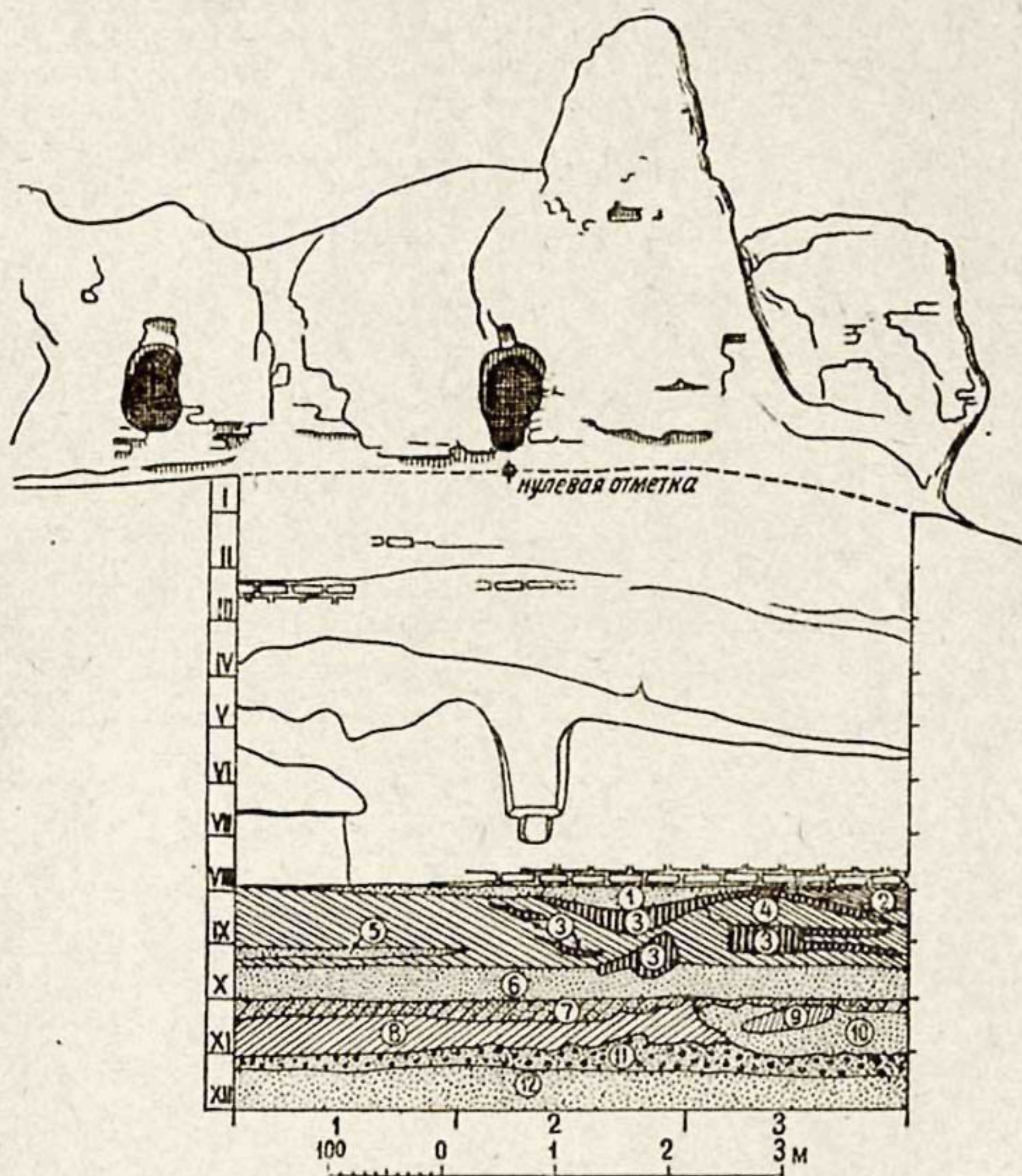

Рис. 19. Разрез по западной стороне раскопа № 2.

1—песок с лессом и строительным мусором; 2—плотный лесс; 3—золиные линзы; 4—лесс с культурными остатками; 5—песок; 6—серый песок; 7—песок с кусками лесса; 8—плотный красноватый лесс; 9—листая линза; 10—серый песок; 11—песок с мелкой галькой; 12—песок.

На ней сохранились осколки небольшого хума. Пол помещения несколько понижается к середине, где он выстлан жженым кирпичом. В середине этой кирпичной выстилки имеется маленькое квадратное углубление, дно которого, сделанное из кирпича, имеет небольшое круглое отверстие в середине. Назначение этого сооружения совершенно ясно. Оно представляет собой „ташнау“—поглотитель грязной воды, который часто можно встретить и до настоящего времени в домах Средней Азии. Под кирпичом находился колоколообразный сосуд, несомненно вделанный сюда с указанной целью, представляющий собой как бы верхнюю часть большого горшка (хума), но без дна (обыкновенно для этой цели использовались хумы или большие кувшины с пробитым дном). Такой формы сосуд обнаружен нами здесь впервые (рис. 23). Под сосудом имеется небольшой поглощающий колодец, заполненный зеленоватой массой, содержащей остатки органических веществ. На полу помещения, недалеко от отверстия „ташнау“, стоял

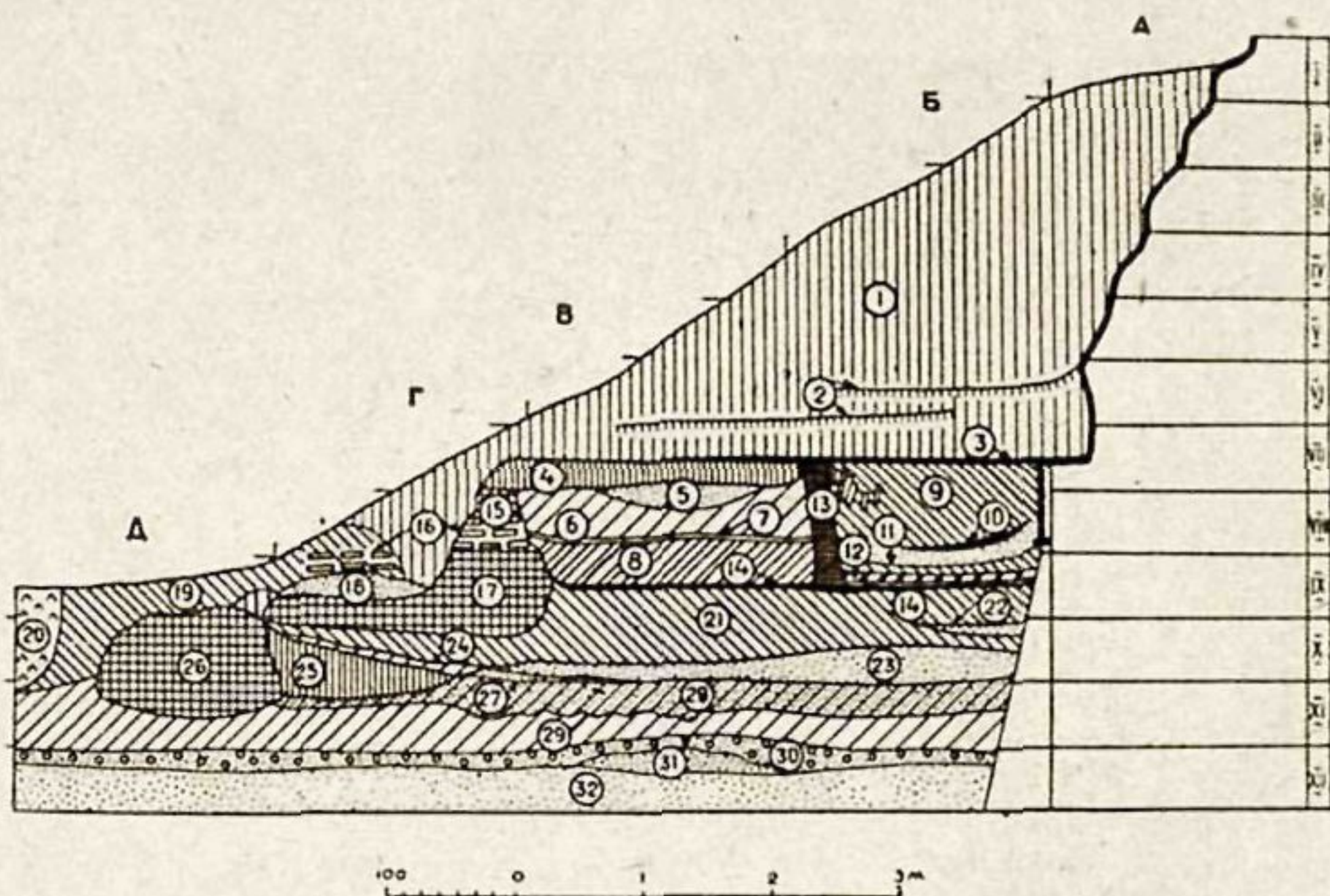
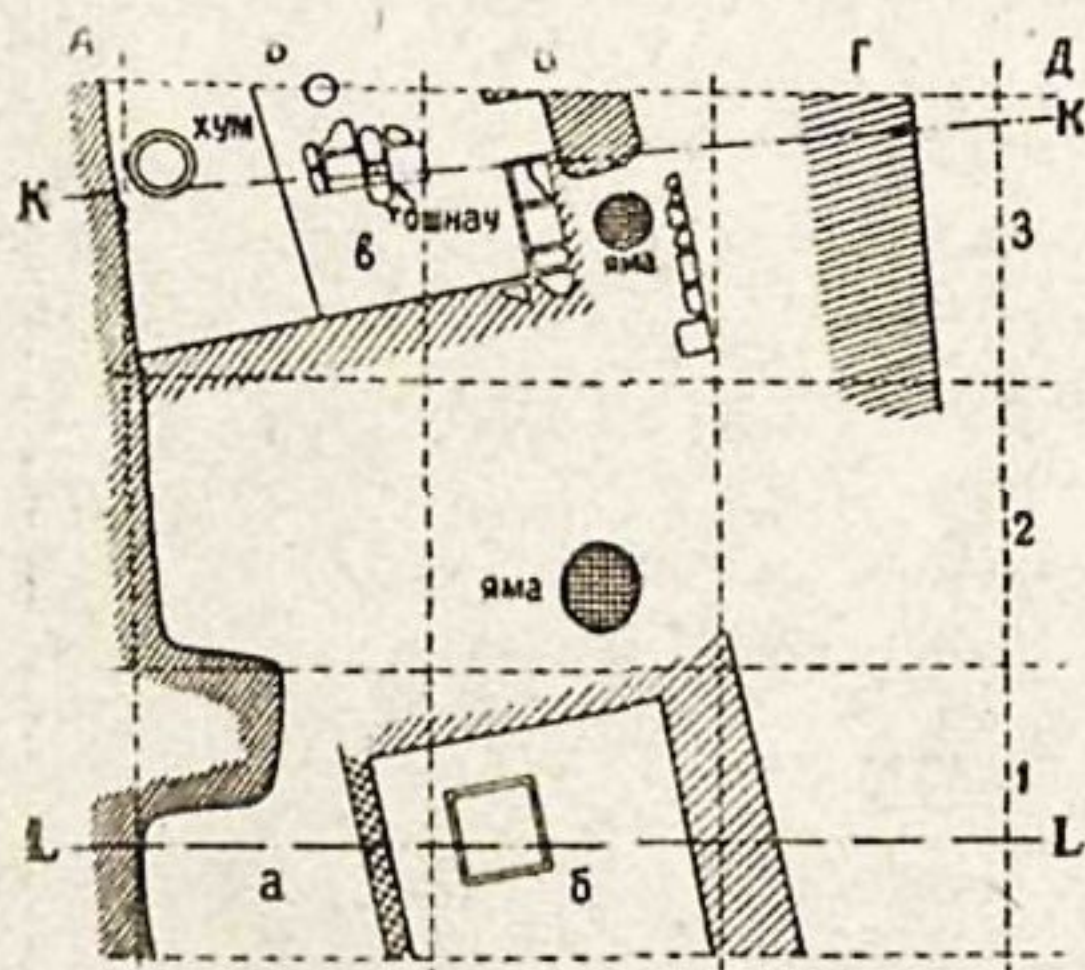
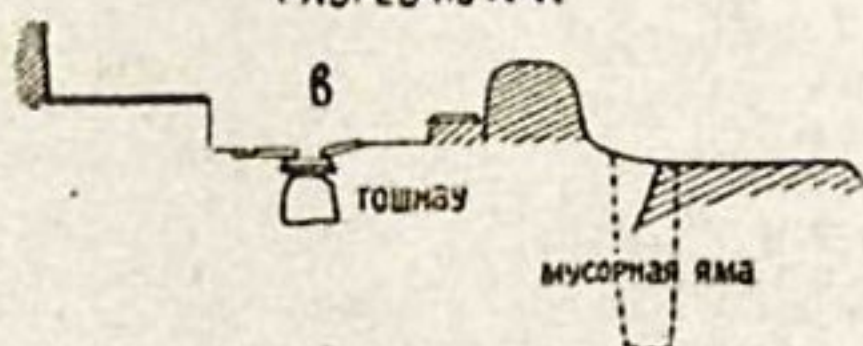

Рис. 20. Разрез по южной стороне раскопа № 2.

1—завал с прослойками песка и глины; 2—уплотненные глинистые прослойки; 3—глино-саманная смазка; 4—плотная глина; 5—слоистый песок; 6—завал из сырцового кирпича; 7—глино-саманный пол; 8—земля с кусками сырца; 9—то же; 10—уголь; 11—строительный мусор; 12—плотная глина; 13—каркасная стена; 14—глина с угольками; 15—глинобитная стена; 16—кладка из сырцового кирпича; 17—глинобитная стена; 18—песок; 19—строительный мусор; 20—мусорная яма; 21—песчаный слой с строительным мусором; 22—песок; 23—песок с галькой; 24—рыхлая земля; 25—плотная глина; 26—остатки глинобитной стены (?); 27—песок; 28—песок с кусками лесса; 29—плотная красноватая глина; 30—песок с галькой; 31—красноватый песок; 32—песок.

РАЗРЕЗ по К-К

РАЗРЕЗ по Л-Л

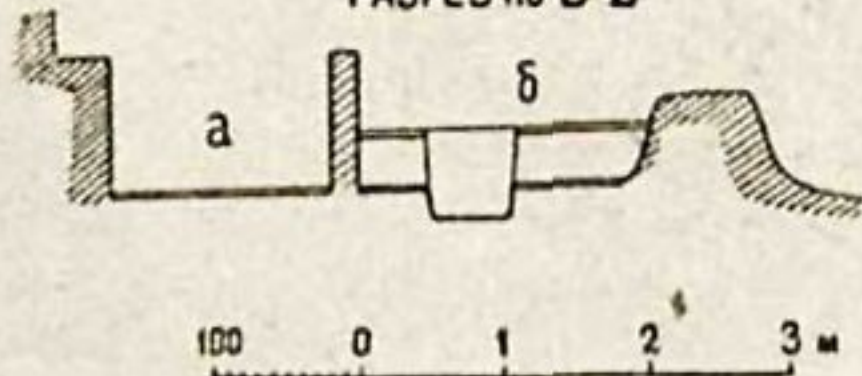

Рис. 21. Остатки построек начала XIII в.

сосуд с шарообразным туловом и широким горлом, с нижней частью, почти так же профилированной, как и горло, но без дна. Неровность нижней поверхности, возможно, указывает на то, что этот сосуд первоначально имел дно, приделанное неодновременно с формовкой сосуда и отвалившееся уже после обжига. Тулово, горло и поддон сосуда украшены рядами оттисков маленького звездообразного штампа (форма сосуда показана на рис. 24—4).

Повидимому, помещение имело дверь на восточной стороне, закрытую впоследствии стеной из сырцового кирпича.

На всем остальном пространстве раскопа сохранились бесформенные остатки стен, яма в квадрате 2 В, заполненная землей, и другая в квадрате 3 В непосредственно у восточной стены помещения в. Эта вторая яма, узкая (ее поперечник вверху равен 0,45 м) и неглубокая (1,3 м) была заполнена мусором, в котором встречены мелкие кости животных, осколки кирпича, фрагменты поливной и неполивной керамики, характерной для конца XII—начала XIII в. (в том числе сосуд, изображенный на рис. 16—2).

Рис. 22. Пол помещения в.

Культурные наслоения, заполняющие три раскопанных помещения, а также характер собранных археологических материалов (почти исключительно фрагменты керамики) дают в совокупности достаточно ясное представление о времени бытования этих построек.

Помещение а заполнено разнообразными наслоениями. Над глиняным полом залегает небольшой слой довольно плотной глины без черепков и мусора. Возможно, что этот слой представляет собой какой-то пол вторичного происхождения. Выше обнаружен завал строительного мусора, состоящий из осколков сырцового кирпича, соответствующий времени разрушения постройки. Над ним — небольшая прослойка сыпучего песка, в свою очередь перекрываемая слоем золы и угля — остатком костра. Вся остальная часть помещения заполнена мелкой рыхлой землей с обломками сырцового кирпича. Так же разнообразны наслоения в соседнем помещении б. Внизу слой серой плотной глины с мелкими угольками. Судя по тому, что каркасная стена, разделяющая помещения а

Рис. 23. Ташнау.

и б, доходит как раз до этого уровня, данный слой должен соответствовать площадке, на которой было построено здание. Над ней находится 42-сантиметровый слой из земли с сырцовым кирпичом, поверх которого сохранились остатки глино-саманного пола, вероятно, вторичного. Выше — снова завал из земли с сырцовым кирпичом, над ним — линза сыпучего песка, нанесенного тонкими слоями, и слой относительно плотной глины. Поверх этого слоя, а также тех наслоений, которые заполняют сохранившуюся часть помещения а, сделана глино-саманная смазка, образующая горизонтальную площадку, устроенную с какой-то целью уже после разрушения здания.

Все помещение в заполнено завалом из земли со строительным мусором, состоящим из кусков сырцового кирпича.

Почти все перечисленные наслоения сопровождаются значительным количеством фрагментов керамических изделий. Среди них мы встречаем большое разнообразие типов поливной посуды, преимущественно чашек с крутыми или отлогими краями и блюд, среди которых типичны полублюда — получаши с характерно отогнутым вверх узким краем (рис. 25—2, 3). Качество изготовления посуды неодинаково, но в общем, в смысле подготовки глины для формовки, тщательности изготовления на гончарном круге, блеска и прозрачности глазури она далеко уступает получившей широкую известность среднеазиатской керамике времен саманидского государства (IX—X вв. н. э.), названной В. Л. Вяткиным (5) „согдийской“, хотя пределы ее распространения далеко выходят за границы древнего Согда. Черепок становится грубее, менее тщательно отмучен и вымешан; в нем нередко виднеются раковины, пустоты, посторонние примеси. Обжиг довольно часто неравномерный; глазури плохого качества, неравномерно покрывающие черепок, пузырчатые и тусклые; однако наряду с этим встречаются и образцы прекрасно выполненных сосудов с блестящей поливой глубоких чистых тонов. Все блюда и чаши имеют невысокие поддоны (7—10 см), обточенные на гончарном круге, выемчатые, разных профилей (рис. 25—1, 8, 9).

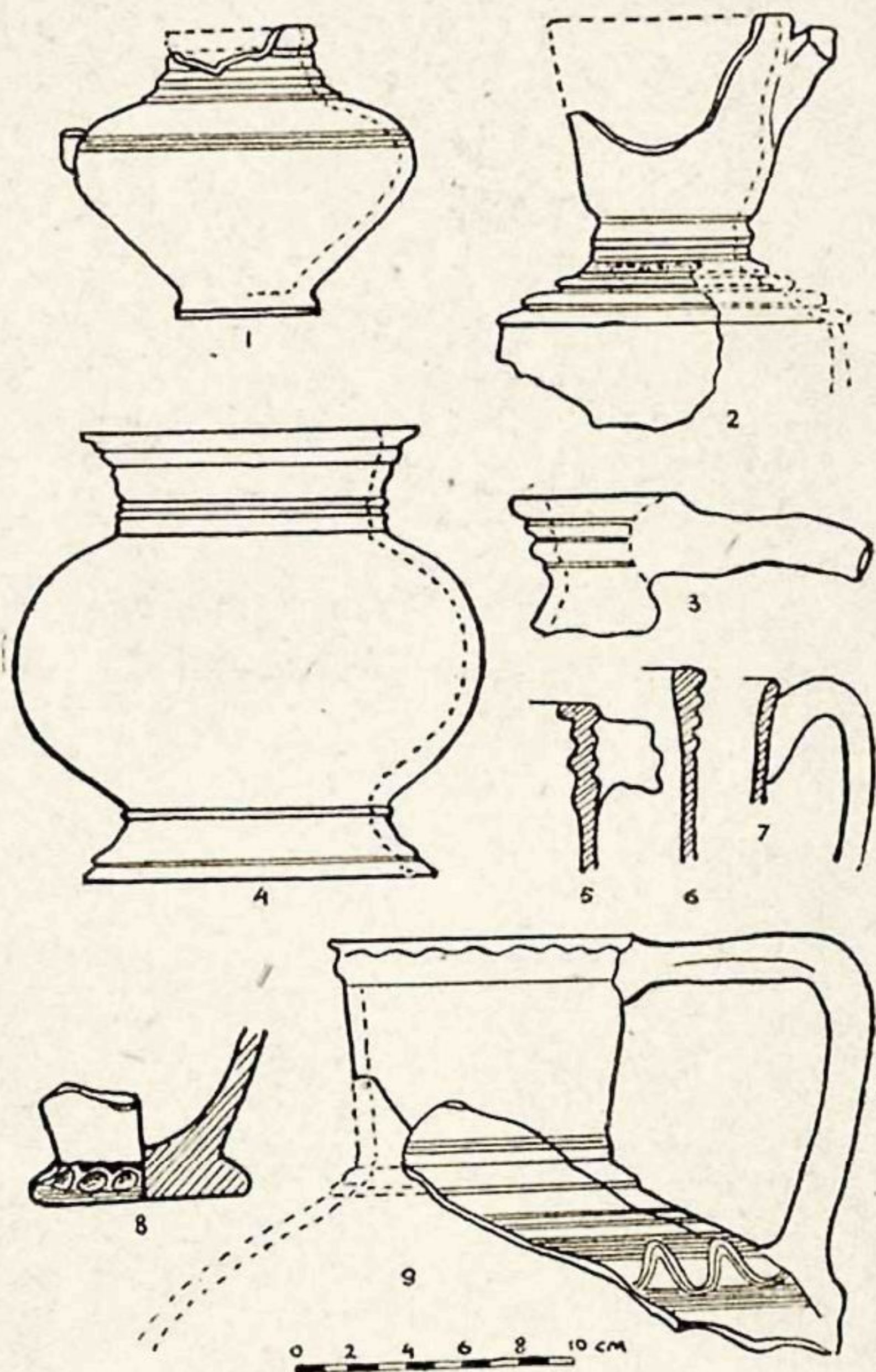

Рис. 24. Керамика XII—XIII вв.

и прозрачности глазури она далеко уступает получившей широкую известность среднеазиатской керамике времен саманидского государства (IX—X вв. н. э.), названной В. Л. Вяткиным (5) „согдийской“, хотя пределы ее распространения далеко выходят за границы древнего Согда. Черепок становится грубее, менее тщательно отмучен и вымешан; в нем нередко виднеются раковины, пустоты, посторонние примеси. Обжиг довольно часто неравномерный; глазури плохого качества, неравномерно покрывающие черепок, пузырчатые и тусклые; однако наряду с этим встречаются и образцы прекрасно выполненных сосудов с блестящей поливой глубоких чистых тонов. Все блюда и чаши имеют невысокие поддоны (7—10 см), обточенные на гончарном круге, выемчатые, разных профилей (рис. 25—1, 8, 9).

По цвету поливы можно различить следующие типы: а) чаши и блюда, покрытые сероватой белой поливой с более или менее резко выраженным цеком; поверхность этой посуды различна — от гладкой, блестящей до мутной, пузырчатой; иногда посуда украшена тонким линейным орнаментом, процарапанным по ангобу до наложения поливы и выделяющимся в виде темных, иногда слегка углубленных полосок; б) сосуды, украшенные чистой белой поливой с голубыми (бирюзовыми) каемками по краю и иногда разной формы бирюзовыми же полосами, с подглазурным процарапанным орнаментом (рис. 25—1) или без него; в) темно-бирюзовые грубоватые чашки с неровной поливой; г) бирюзовые блюда и чаши с черно-фиолетовым (марганцовым) орнаментом, грубовато выполненными расплывчатыми линиями; д) тоже (белые с расплывчатыми бирюзовыми или зелеными полосами и пятнами, с подглазурным процарапанным орнаментом; е) чашки и глубокие блюда, покрытые бирюзовой, иногда тусклой и пузырчатой поливой с подглазурным процарапанным орнаментом. Посуда именно этого типа изготовлялась преимущественно в ближайшем соседстве с Курганом, к С от улицы, проходившей через все городище — от северо-восточного угла первого участка Рабада к зданию Тешик-Пештак (16). Интересно отметить, что при обжиге этой посуды

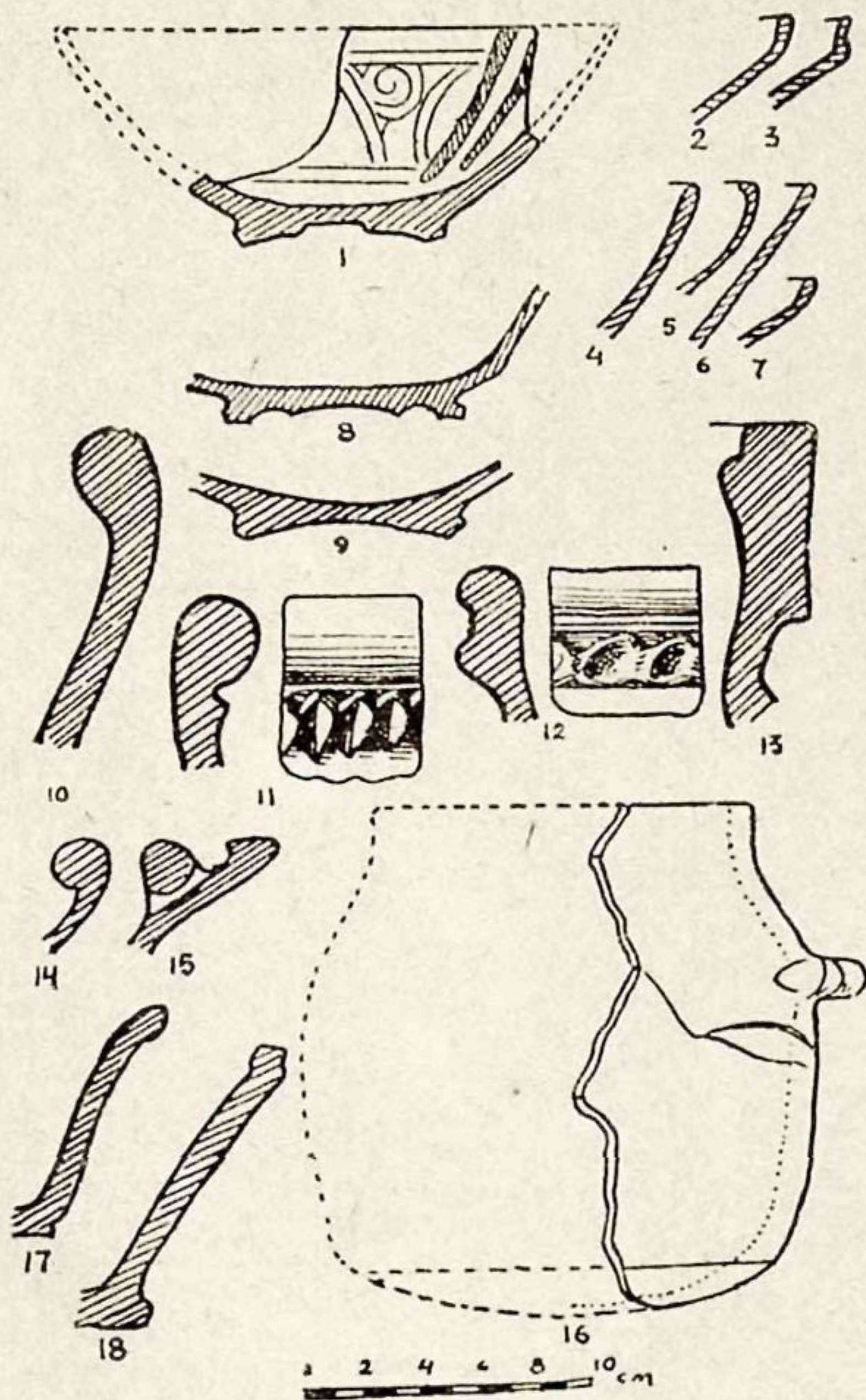

Рис. 25. Керамика XII—XIII вв.

употреблялись прокладки — треножки из глины („сепоя“), оставляющие характерные пятна на внутренней поверхности чашек и блюд, не употреблявшиеся, повидимому, при обжиге посуды в более старое время. Особо отметим здесь типичные светильники (чираги), полуоткрытые, с длинным носиком и маленькой кольцеобразной ручкой, снабженной щитком-держателем ромбовидной формы. Щиток почти всегда украшен штампованным рисунком, иногда с изображением животных и даже человека.

Неполивная посуда представлена также достаточно большим количеством разновидностей. Здесь встречаются прекрасно сделанные сосуды небольшой и средней величины из хорошо размешанной и отмученной глины хорошего обжига. Поверхность их не покрыта ангобом, но тщательно

сглажена. Это — преимущественно кувшины разнообразной формы и величины (рис. 24—1—3 и 5—9).

Горлышки кувшинов цилиндрические или конусообразные, украшены горизонтальными бороздками. Край отогнут несколько внутрь или отвернут в виде валика наружу. Кувшины снабжены ручками овального или круглого сечения, прикрепляющимися одним (нижним) концом к тулову, другим — к верхней части горлышка. Плечики или резко отделяются от тулова, или плавно переходят в него. Дно плоское, без поддонов и ножек, часто с небольшим расширением или валиком (рис. 24—8).

Приемы орнаментации этих кувшинов очень разнообразны: мы встречаем здесь горизонтальные полосы, сделанные при вращении сосуда на гончарном круге; бороздки, волнистые линии, нанесенные зубчатым инструментом в виде гребеночки, валики с углублениями, сделанными при помощи пальцев; орнамент, нанесенный небольшими штампами подковообразной или звездчатой формы; гравированный рисунок, нанесенный резцом, штампы с повторяющимся ритмически орнаментальным мотивом, составляющим бордюр по плечикам кувшинов; круглые розетки в виде выпуклых бляшек, получившиеся в результате оттискивания углубленным штампом при одновременном прижимании части сосуда пальцем изнутри, и т. д. (рис. 16—3—10).

Из крупных по размерам сосудов встречались в большом количестве осколки больших корчаг — хумов и ямов (котлообразные большие сосуды с широким отверстием). Форма и, в частности, венчики этих сосудов различны (рис. 25—11—13). Одни сосуды сделаны тщательно: их поверхность сглажена, они орнаментированы зубчатыми валиками; другие сосуды грубой лепки, отличаются неровной поверхностью. Качество черепка, его цвет (от светлокоричневого, розоватого до светлосерого, беловатого), плотность и равномерность обжига также разнообразны. Найдено несколько фрагментов больших глиняных чашек (тагора), изготовленных на гончарном круге, с крутыми стенками и плоским дном (рис. 25—17—18).

Посуда, употреблявшаяся для приготовления пищи, представлена фрагментами котелков из глины с большой примесью дресвы, изготовленных также на гончарном круге. Стенки их круты, иногда почти цилиндрической формы, дно округлое, приплюснутое; характерны горизонтально посаженные небольшие ручки, чаще без отверстий. Венчик простой, с небольшим утолщением, иногда с валиком на наружной стороне (рис. 25—14—16).

Особый тип неполивной посуды, обнаруженный здесь всего лишь в нескольких фрагментах, представлен небольшими сосудами с остроконечным дном, зеленовато-серого цвета, обожженными до состояния спекания черепка. Такие сосуды известны в археологической литературе по Средней Азии под названием „сфероконических“ сосудов, „бомб“, „симвоб-кузача“. Одним из центров производства этого сорта керамических изделий являлся Термез, как это было выяснено при общем топографическом изучении Старого Термеза, производившемся нами в 1936 г. (17). Мастерскими, изготовлявшими сфероконические сосуды, была занята значительная территория в юго-восточном углу городища.

Для полноты приведенного перечня керамического материала, полученного в описываемом слое, следует упомянуть открытый лоток шириной 6,7 см, с вертикальными бортиками 4,0 см высотой.

Описанный комплекс керамических изделий по целому ряду особенностей резко отличается от уже упоминавшейся так наз. „саманидской“ посуды и связанной с ней технически и стилистически керамикой XI—XII вв. Здесь мы совершенно не встречаем типичных блюд с прозрачной белой поливой, покрывающей черепок, расписанной минеральными неплавящимися красками (ангобами); отсутствует также посуда с белой поливой и росписью марганцово-фиолетовой и красной красками, которую можно отнести к XI—XII вв. Орнамент в керамике описываемого культурного слоя сводится почти исключительно к простым линиям и гравированному линейному подглазурному рисунку. Еще, быть может, более определенно она отличается

от старых образцов своими формами, несвойственными более древней керамике.

Продукция керамических мастерских более позднего времени — „монгольского“ — носит в отношении форм сосудов, их орнаментики, красочной гаммы и т. д. настолько своеобразный характер, что описанную выше керамику можно безоговорочно считать более старой, предшествующей появлению этих новых типов.

В результате сопоставления всех известных нам материалов по керамическому производству Средней Азии, мы можем датировать нашу керамику приблизительно рубежом XII и XIII вв. На основании же исторических данных о разрушении города монгольскими войсками в 1220 г. она может быть более точно отнесена ко времени, непосредственно предшествовавшему этому роковому в истории Старого Термеза событию, т. е. началу XIII века, когда город, судя по историческим известиям и археологическим данным, полученным в результате работ Термезской археологической экспедиции в 1936 г., был оставлен жителями. Впоследствии город возродился уже на новом месте, на той территории, которая известна теперь под условным названием „Присурханской группы развалин“. Бытование построек, лепившихся к стене древнего сырцового здания, можно, следовательно, датировать временем, предшествовавшим монгольскому завоеванию. По их характеру можно заключить, что они были населены трудовым людом, скорее всего, ремесленниками. Жизнь в этих домиках была, надо полагать, как-то связана с мастерскими, находившимися в Кургане. Эти постройки, судя по незначительности соответствующего культурного слоя, существовали весьма непродолжительное время, — вероятно, не больше одного-двух поколений.

Перейдем теперь к описанию и характеристике нижних наслоений, резко отличных от тех, которые только что описаны нами.

Прежде всего отметим в нижних наслоениях остатки глинобитной стены, параллельной стене Кургана и отстоящей от нее на 4,0 м. Верхний обрез этой стены находится приблизительно на одном уровне с нижним обрезом стены Кургана. Толщина стенки в лучше сохранившейся части равняется 1,3 м вверху и 1,9 м внизу; высота (сохранившаяся) — 0,95 м. Пространство между этой стенкой и Курганом заполнено землей с мусором — черепками, костями животных, углем, золой. Положение глинобитной стенки и характер засыпки между нею и стеной Кургана (это вполне ясно выражено на рис. 18) создают впечатление, что стенка представляла собой облицовку платформы, на которой выведено здание Кургана, не имеющее фундамента. Это тот самый прием возведения здания на возвышенной платформе, который известен нам по многочисленным древним образцам архитектуры Месопотамии и Ирана, а также Средней Азии, где очень часто основой для такой платформы служит более древнее здание (Варахша, Тали-Барзу, памятники Хорезма и т. д.), забитое глиной и строительным мусором.

За исключением тех мест, которые были нарушены при возведении построек XII—XIII вв., керамические остатки этого слоя носят ясно выраженный характер. Здесь совершенно не встречалась поливная керамика. Неполивная представлена фрагментами крупной (хумы) и мелкой посуды. К сожалению, весь материал очень сильно измельчен. Из более или менее целых сосудов найден только высокий и стройный горшок, сформованный тщательно на гончарном круге с подсыпкой песка; бортик горшка отогнут наружу в виде валика; под бортиком — две параллельные бороздки; черепок розовый, светлый с наружной стороны; хорошо обожженный; верхняя часть горшка покрыта светлым желтоватым ангобом; высота его 36 см (рис. 26—11).

Из предметов, сохранивших частично свою форму, можно упомянуть небольшой кувшинчик с круглым, несколько небрежно сделанным туловом, невысоким, выступающим наружу поддоном, украшенным под горлышком тремя горизонтальными бороздками. Горлышко, ручка и носик кувшинчика отбиты (рис. 27—1). Черепок хорошей отмучки, покрыт красным ангобом.

Сохранили свою форму небольшая чашечка, служившая, надо полагать, крышкой (рис. 27—18), и нижняя часть типичного бокальчика (рис. 27—17). Оба эти предмета, так же, как и миниатюрный, вероятно игрушечный, сосуд с носиком, напоминающий чайник, покрыты красным ангобом. При раскопке описываемого слоя собрано весьма значительное количество фрагментов горлышек кувшинов с разнообразной профилировкой венчика, отогнутого наружу (рис. 27—4—10); конических чашек с круто поднимаю-

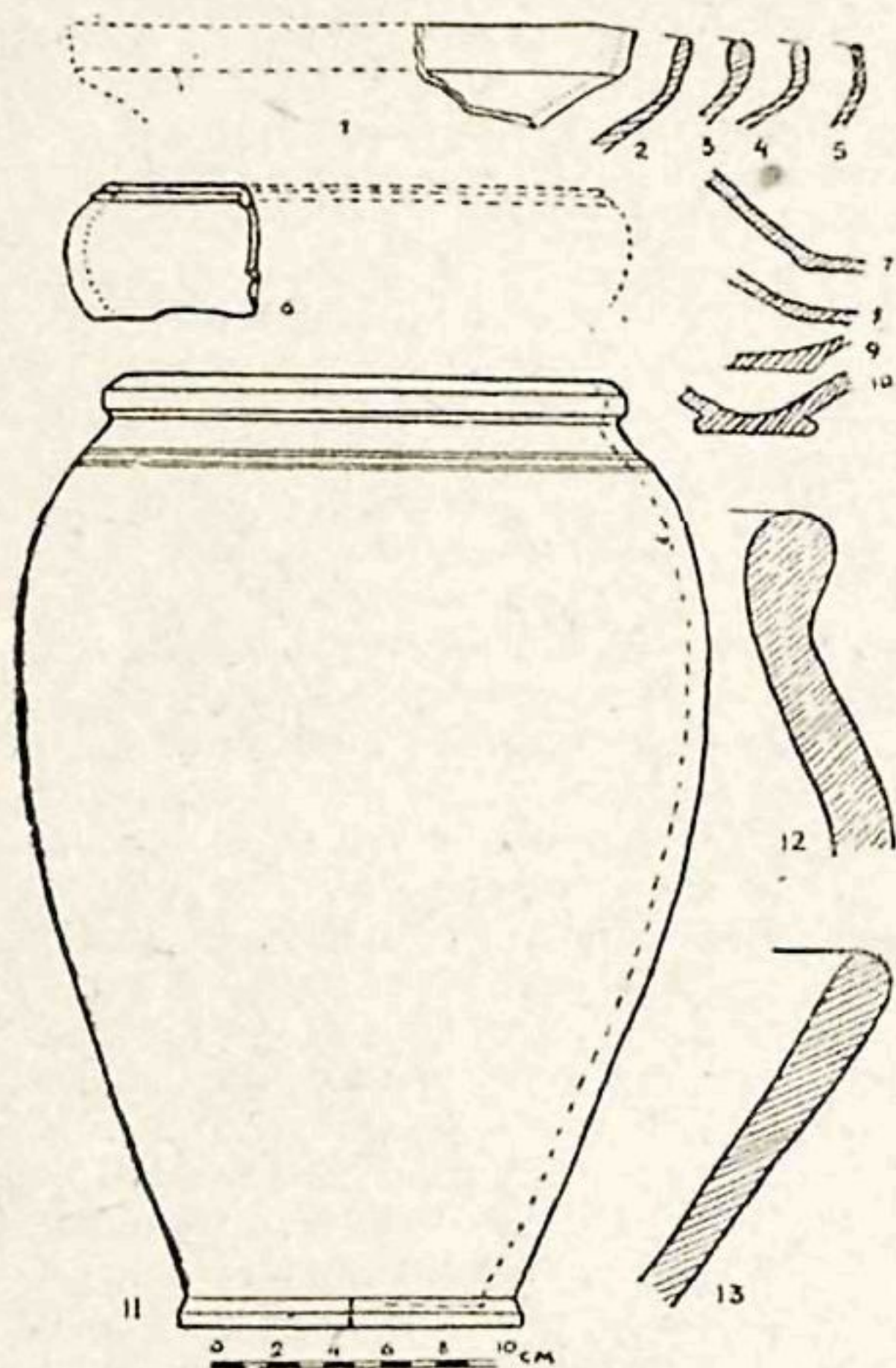

Рис. 26. Кушанская керамика.

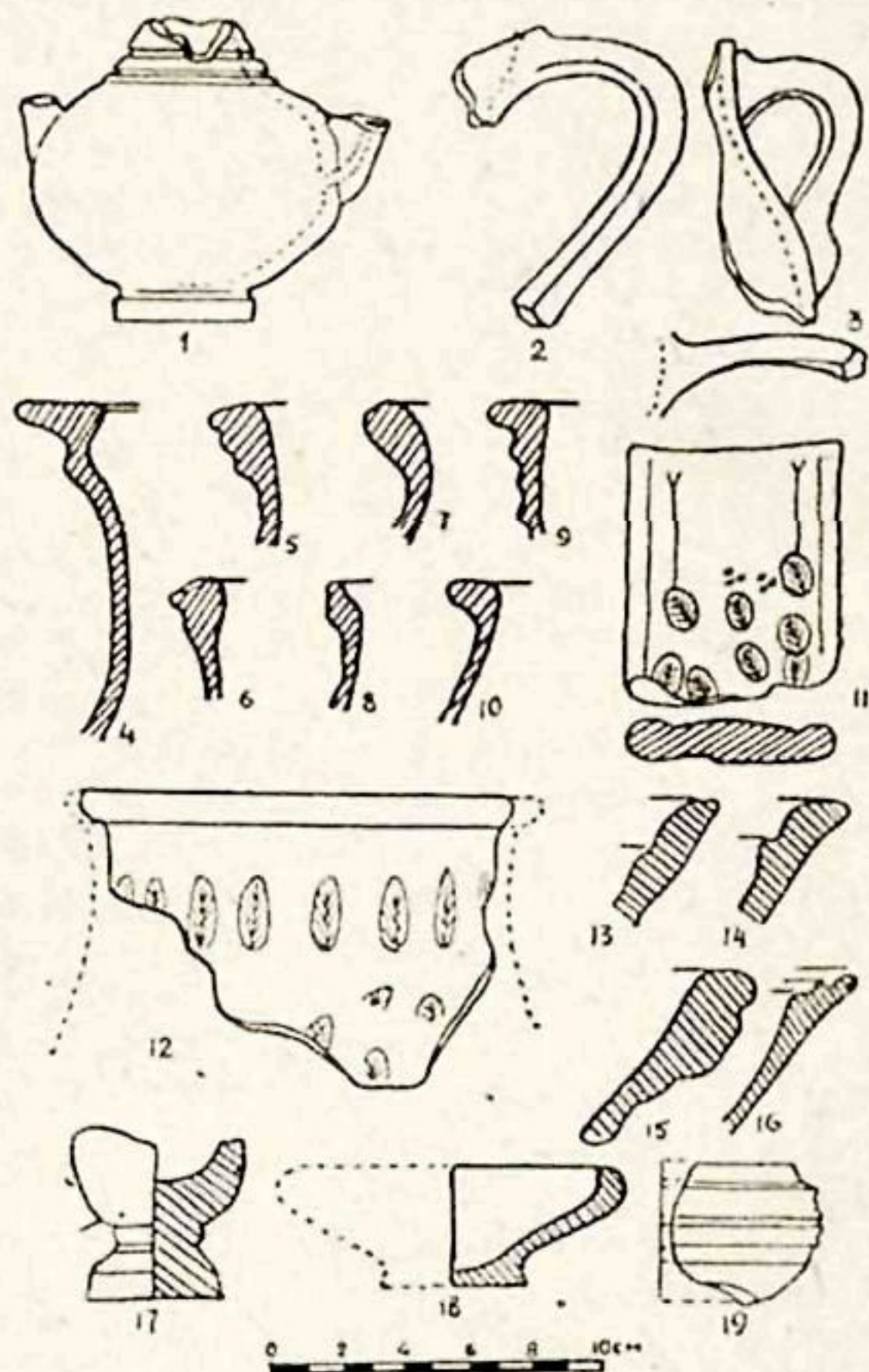

Рис. 27. Кушанская керамика.

щимися, иногда отогнутыми под углом краями и плоским дном, обычно без поддона; круглых чашек с краями, загибающимися внутрь (рис. 27—1—10); кроме того, здесь обнаружены 4 большие чашки с толстыми стенками различной профилировки. Своеобразен рисунок ручек кувшинов, изгибающихся изящной линией (рис. 27—2 и 3), иногда широких, пластинчатых (рис. 27—11 и 28—7). Здесь же найдена одна ручка, изображающая животное (рис. 28—1). Вся эта посуда, как и описанные выше образцы, сделана из тонкоотмученной и хорошо размешанной глины; черепок в изломе розоватый. Поверхность покрыта ангобом, цвет которого варьирует от оранжевато-красного до коричневого, почти черного. Значительная часть фрагментов сохранила следы лощения — полосками или сплошного. Некоторые предметы украшены небольшими штампами, оттиснутыми в довольно большом беспорядке. Здесь мы встречаем миндалевидное изображение листочка (рис. 27—11 и 12 и 28—2), три тесно сдвинутых точки (рис. 27—11) и круглый штампик с радиально расположенными лучами (рис. 28—3). Встречается также ромбовидный штамп (рис. 28—5), небольшие штампы кружками и луночками (рис. 28—4) и своеобразно оформленные изгибающимся жгутом края блюд (рис. 28—6). Других способов орнаментации сосудов не отмечено.

Крупные сосуды представлены осколками хорошо сделанных хумов и больших чаш-лоханей (рис. 26—12 и 13).

В северной части раскопа в этом слое была найдена медная монета, определенная М. Е. Массоном. Она представляет собой хорошо выполненное подражание монетам Васудева и может быть датирована III в. нашей эры. Благодаря этой монете можно считать достаточно надежно датированным и самый культурный слой вместе с его содержимым.

Не останавливаясь на детальном описании керамики с красным ангобом, распространенной в Средней Азии и за ее пределами, отметим только, что ее типы, которые описаны выше, очень близко примыкают к керамике городища Айртам, относимой к кушанскому времени. Анализ этой керамики посвящена специальная статья М. И. Вязьмитиной (18).

Слой с кушанской керамикой подстилается слоем серого слюдистого песка с галькой, неравномерно распределенной, причем гальки значитель-

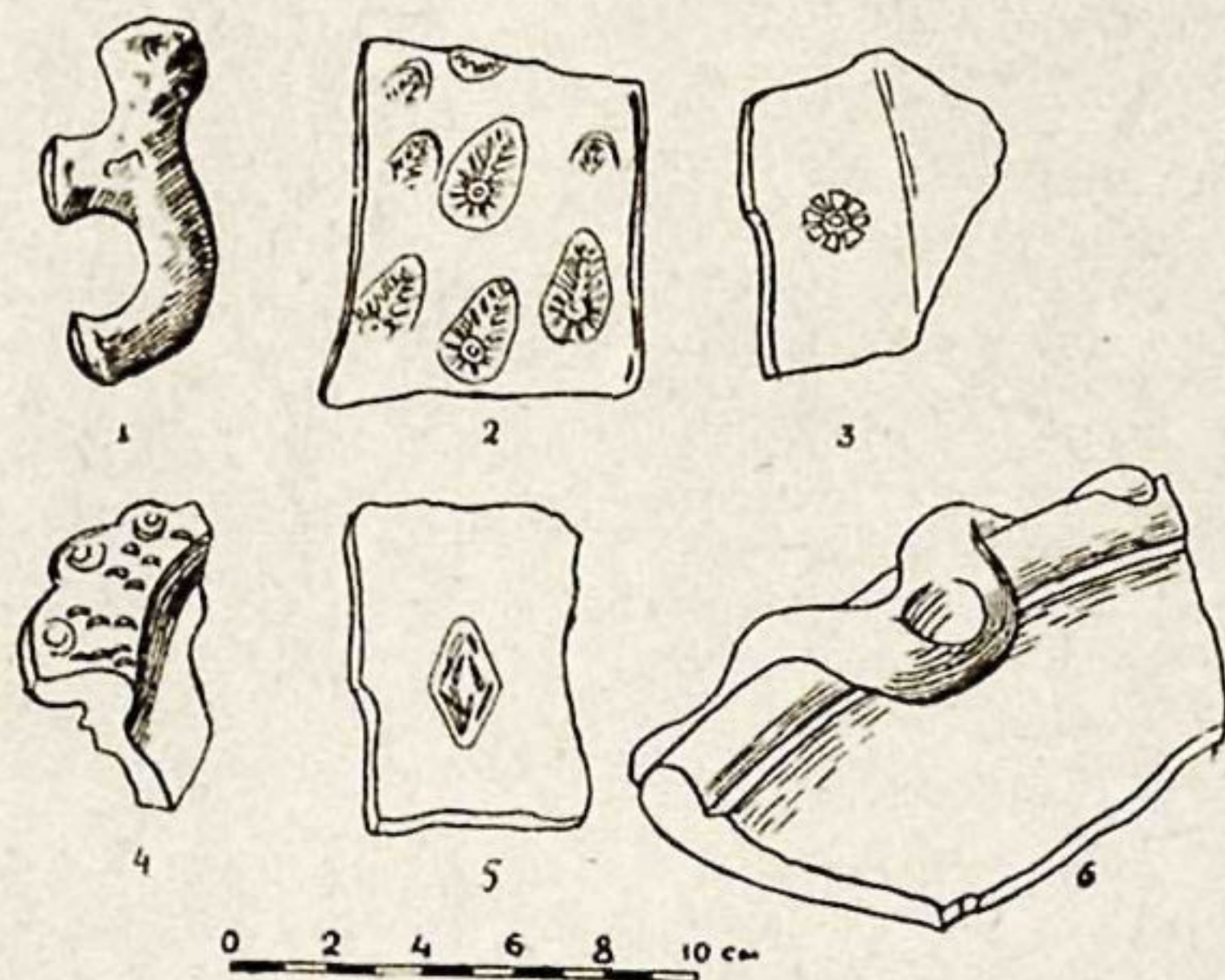

Рис. 28. Кушанская керамика.

но больше в юго-западной части раскопа. Этот слой занимает не всю площадь раскопа; он заканчивается под упомянутой сырцово-й стеной; в восточной его части, на уровне этого слоя, вскрыты: песчаный слой с мусором, стенка из глины с черепками, завал из строительного мусора и мусорная яма (в юго-восточном углу раскопа), в которой обнаружена керамика XII—XIII вв. Над песчаной прослойкой, достигающей толщины 32—33 см, местами заметен тонкий илистый слой темной зеленоватой глины. Ниже, почти через весь раскоп (за исключением юго-восточного угла) проходит слой песка, смешанного с кусками лесса. В слое многогнезд — ячеек земляной пчелы; галька отсутствует. Еще ниже залегает разной мощности слой красноватой земли, содержащий некоторый археологический материал: черепки, кости животных, угольки. Лесс, вероятно, водного происхождения. Керамические остатки этого слоя заключались в нескольких фрагментах хумов и крупных грубых сосудов, сделанных на гончарном круге. Наряду с этим встречены фрагменты тщательно сделанных, покрытых красным ангобом чаш, ножка бокальчика, горлышко кувшина. Там же найден кусок гончарного шлака. В общем фрагменты посуды этого слоя очень сходны с керамикой, описанной выше. К сожалению, вследствие недостаточного количества материала мы были лишены возможности провести сравнение керамики этих двух слоев, отделенных друг от друга большим периодом времени, о чем свидетельствуют мощные прослойки песка и гальки между ними. В северо-западном углу раскопа вместо лесса залегает слой с тонкими мергелистыми прослойками, имеющими очень характерную волнистую структуру с завихрениями, опрокинутыми складками и т. д. Повидимому, этот слой заполняет русло какого-то потока. Берега его в разрезах раскопа весьма ясно очерчены (рис. 18 и 19).

Русло потока (арык? проток реки?) было занесено песком и глиной. Слой содержит много гравия и гальки, достигающей иногда довольно крупных размеров.

Весь вышеописанный горизонт как в той части, где он состоит из гли-

ны, так и в части песчаной прослойки предполагаемого русла потока подстиляется проходящим через весь раскоп слоем серого песка с мелкой галькой, в нижней части которого прослеживаются линзы железистого песка. Толщину последнего слоя нам выяснить не удалось ввиду его крайней сыпучести и большой мощности. Слой явно материковый, не имеющий никаких культурных остатков.

На расстоянии 9,6 м к В от описываемого раскопа нами был вырыт небольшой шурф, который показал, что культурный слой в этом месте весьма невелик (всего 80 см) и состоит из лесса, в котором встречаются черепки. В верхней части этого слоя, приблизительно до половины, обнаруженная керамика сходна с той, которая найдена в верхнем культурном горизонте раскопа № 2; ниже идут черепки посуды более старой, с подглазурной росписью „саманидского“ стиля, могущей быть датированной X—XI вв. Под культурным слоем лежит слой песка, совершенно аналогичного нижнему слою песка в раскопе № 2.

Второй такой же шурф заложен на 20,8 м и дальше к В. В нем культурный слой оказался несколько толще (120 см), но состав его такой же: в мягкой лессовой земле встречены черепки, в верхней части относящиеся к XII—XIII вв., в нижней — к X—XI вв. Под культурным слоем продолжается тот же песок.

Никаких остатков построек, строительного мусора или чего-либо подобного ни в том, ни в другом шурфе обнаружено не было.

Сравнение этих шурфов с раскопом у восточной стены Кургана показывает, что песчаный слой, подстилающий нижний культурный слой, распространяется в восточном направлении, несколько понижаясь; в первом шурфе, как нам показала нивелировка, он ниже на 30—40 см, а во втором — на 50—60 см, что дает уклон около 0,012—0,013. Соответствующий слой, выявленный шурфом в мечети, дал также понижение по отношению к раскопу № 2 на 15—20 см, т. е. еще меньший уклон (0,003). Эти уклоны настолько незначительны, что придавать им большое значение, разумеется, нельзя.

Интересный материал дает сравнение высот отдельных слоев в раскопе на восточной стороне Кургана с шурфом внутри здания, не доведенным до конца по чисто техническим причинам. Как в том, так и в другом раскопе тот слой, который мы датировали III в., начинается приблизительно на одном уровне, соответствующем основанию внешней стены здания Кургана. Почти одинакова также и мощность этого слоя в глубину. Это дает возможность заключить, что данный слой был, видимо, лишь незначительно нарушен при постройке Кургана. В обоих раскопах соответствующий слой подстиляется прослойкой серого слюдистого песка, поверхность которого находится почти на одном уровне, что совершенно ясно свидетельствует об идентичности этих слоев.

ВЫВОДЫ

Произведенные нами в 1937—1938 гг. работы по раскопке Кургана и исследованию прилегающей местности, конечно, ни в коем случае нельзя считать исчерпывающими. Очень многие факты, полученные в результате раскопок, требуют дальнейшего уточнения. Так например, стратиграфически не выяснена связь вскрытой при раскопках мечети и подстилающих ее слоев с наслоениями, лежащими под Курганом. За недостатком времени и рабочих не удалось исследовать основание минарета 1032 года, остатки построек, находившихся между минаретом и Курганом, а также развалин здания на южной его стороне, несомненно, связанного с Курганом. Поэтому картина, полученная нами, остается недостаточно полной и не дает достаточно ясного представления об истории и значении разновременного и сложного архитектурного комплекса, составленного из целого ряда зданий, существовавших одновременно в течение определенного отрезка времени.

Местность, окружающая архитектурную группу Курган—Чор-Сутун, была позднее других частей городища включена в черту города в тех границах, как он сложился к началу XIII в. Это вполне подтверждается данными шурфов, вскрытых нами на В от Кургана, где обнаружены только незначительные культурные наслоения, содержащие археологический материал не старше X—XI в. Но так как здание Кургана и достаточно мощные наслоения под ним относятся к значительно более раннему времени, мы должны прийти к заключению, что первоначальные постройки не являлись здесь собственно городскими, но, будучи связаны с городом, представляли собой нечто самостоятельное и обособленное.

Судя по стратиграфическим разрезам, древнейшие культурные слои, относимые ориентировочно ко времени, близкому к началу нашей эры, отложились на площади, представлявшей собой песчаную сыпучую поверхность, образованную перевеянным или переотложенным речным песком, возможно, связанным с одним из древних протоков Аму-Дарьи (18).

Загадочными представляются, с одной стороны, факты накопления культурных остатков на песчаной площади, а с другой—наличия большой, песчаной линзы с волнистыми складками лессовых (илистых) прослоек, заполняющей северо-западный угол раскопа и имеющей ясно выраженные берега. Судя по структуре линзы, она возникла в результате работы текучей воды, что находится как будто-бы в противоречии с тем обстоятельством, что русло потока располагается выше поверхности окружающей песчаной местности. Однако, если предположить, что глинистый слой (значительной площади) с остатками культурных отложений, лежащий на песчаной поверхности, был уничтожен развеиванием (20) или размыв потоками дождевых вод, стекавших с возвышенной местности, расположенной севернее Кургана, до поверхности материкового песка, то вполне понятным становится наличие уклона поверхности песка в восточном направлении. При таком предположении нижний культурный слой нашего раскопа можно рассматривать как останец более широкого глинистого массива, и возникновение в нем русла искусственного или естественного потока представляется вполне естественным. Так же могут быть объяснены горизонтальные слои и линзы сыпучего песка, песка с галечником и песка с вкраплениями кусков лесса, носящие местами явно эоловое, местами водное происхождение. Они разделяют нижний и верхний культурные горизонты с крашеной эллинистической керамикой. Повидимому, только при предположении, что в местности, окружающей Курган, произошли значительные разрушения поверхности в течение времени, протекшего от отложения нижнего культурного горизонта (около начала нашей эры) до возведения здания (остатки его обнаружены в верхних частях слоя), датированного III—IV в. нашей эры, мы можем удовлетворительно объяснить многочисленные естественного происхождения наслоения, прорезанные раскопом. Не исключена возможность, что разрушение земляного слоя, перекрывавшего песчаную поверхность, произошло при деятельном участии людей, строивших здание, и вторично—при постройке самого Кургана, требовавшей весьма значительного количества материала—лессовой земли, которую, несомненно, брали здесь же, рядом с возводимым зданием.

Мы уже высказали предположение, подкрепляемое находкой монеты и характером керамического материала, что верхний слой с крашеной эллинистической керамикой должен быть отнесен к III—IV в. нашей эры. Вероятно, несколько ранее этого времени было возведено здание, остатки которого обнаружены нами в раскопе, под полом коридора.

После того, как здание было разрушено, его развалины были выравнены сверху в виде площадки. Для укрепления краев площадки-платформы была сложена глинобитная стенка, ясно прослеженная нами в раскопе № 2, а на платформе без всякого фундамента и углубления в землю возведены сырцовые стены здания Кургана. Незначительные размеры нашего

раскопа не дали возможности выяснить формы и назначения прослойки серого песка, обнаруженного под стенкой здания (рис. 19—1).

При попытке определить время постройки Кургана, мы встречаемся с весьма значительными трудностями, так как при раскопках не был обнаружен материал, который можно было бы считать одновременным с его постройкой. При разрешении этого вопроса мы должны учесть два основных факта: здание стоит на культурном слое III—IV вв., следовательно, оно возведено позднее этой даты. Так определяется в данном случае *terminus post quem*. С другой стороны, под позднейшим полом здания обнаружены фрагменты керамики, датированной нами ориентировочно X в. н. э.; эта находка дает *terminus ante quem*. Этими двумя датами исчерпываются указания, полученные непосредственно на основании раскопанных археологических материалов.

Архитектура самого здания, по аналогии с памятниками, изучавшимися за последние годы в Бухарском оазисе (Варахша, Пайкенд и др.) и в Хорезме (работы С. П. Толстова, А. И. Тереножкина и др.), дает возможность предположить, что оно построено не позднее VII—VIII в. С другой стороны, сравнивая здание Кургана с остатками построек на Чингиз-Тепе и Кара-Тепе, относящихся к кругу еще греко-буддийского искусства, мы должны констатировать их глубокую принципиальную разницу в отношении понимания архитектурной композиции и архитектурных форм и признать здание Кургана значительно более поздним, далеко отошедшим от традиций собственно эллинистического искусства. Приведенные соображения дают нам возможность сузить те хронологические рамки, которые указаны выше, и отнести архитектуру здания Кургана к VI—VII в. нашей эры. Сравнивая Курган с постройками Хорезма, которые С. П. Толстов датирует приблизительно тем же временем, мы видим между ними весьма значительное сходство: все они поставлены на более или менее высоких глиняных платформах; чрезвычайно показательна вышеупомянутая разделка стен сдвинутыми вплотную полуколонками, чрезвычайно распространенная в Хорезме и Средней Азии, и уходящая корнями в архитектуру Ассирио-Вавилонии, а в позднем своем проявлении наблюдаемая в ряде памятников XI—XIII вв. Этот декоративный прием, сохранившийся очень фрагментарно, подмечен в здании Кургана еще в 1927 г. Б. Н. Засыпкиным (21).

Платформа Кургана значительно шире здания и образует площадку перед его стеной, чего не наблюдается в памятниках Хорезма, опубликованных С. П. Толстовым (22).

О первоначальном назначении Кургана можно делать только догадки. По всей вероятности, здание не являлось оборонительным сооружением. Против этого предположения говорит, во-первых, наличие перед стеной возвышенной площадки — платформы, которая могла бы облегчить штурм стен, и во-вторых, сравнительно невысокие окна худжар, слишком легко доступные снаружи и высоко поднятые изнутри, что не дает возможности считать их бойницами.

Таким образом очевидно, что по своему архитектурному типу здание вряд ли могло бы быть одним из кешков — укрепленных замков землевладельческой и рабовладельческой аристократии, развалины которых в огромном количестве рассеяны по всей Средней Азии. Здание не могло быть и храмом или вообще местом, где совершались религиозные обряды, так как в нем нет ни одного значительного по площади помещения и ни одно из них не выделяется. Следовательно, здание было жилым. Но кем же являлись его обитатели?

Ответить на этот вопрос с достаточной уверенностью мы не можем.

Некоторые указания на назначение здания дает последующая история изучавшейся местности, в частности, постройка мечети в непосредственном с ним соседстве. Здание мечети, принадлежащей к числу старых, ранне-мусульманских мечетей на территории Средней Азии, возведено для своего времени достаточно монументально, и, конечно, не случайно было выбрано

для нее место вне городской черты (или в части города, которую еще только захватывали расширявшиеся торгово-ремесленные предместья). Очевидно, этому месту (а следовательно, и возведенным здесь постройкам) придавалось какое-то особое значение, которое могло заключаться в том, что в нем издревле совершались обряды одной из религий, предшествовавших исламу. Такое усвоение исламом старых культовых традиций, связанных с почитанием „священных“ местностей и зданий, как нам уже приходилось указывать (23), не является чем-нибудь необычным: достаточно вспомнить Каабу, бывшую в древности языческим храмом, превращение храма огнепоклонников в мечеть Мах в Бухаре-исламизацию буддийского (?) культа в Касри, Арифон (Бахауддин) в Чашма-Аюб и т. д. Представляется вполне вероятным, что в Термезе мы встречаемся с аналогичным явлением, выразившимся здесь в том, что на месте древнего капища (может быть, храм огнепоклонников зороастрийцев) была возведена мечеть, а те постройки, которые находились при нем (типа монастыря или общежития при храме), были использованы служителями нового культа. Отметим еще, что в 1927 г. Б. Н. Засыпкин, не располагавший теми материалами, которые находятся в нашем распоряжении, высказал мнение, что описанное им „гофрированное“ здание есть хонако — „обитель дервишей, живущих при мечети“ (24). Признавая за этим мнением достаточную достоверность, заметим, что оно справедливо только в отношении позднейшего использования постройки, возведенной до распространения ислама.

Что касается дальнейшей истории здания и всего архитектурно-археологического комплекса, связанного с ним, мы можем только предполагать, что жизнь в нем продолжалась вплоть до конца XII и начала XIII в., когда у его восточной стены, на платформе, описанной выше, были возведены небольшие постройки, повидимому, жилого и производственного назначения, а внутренние помещения самого Кургана были также использованы для каких-то производственных нужд. Этот новый этап в истории здания обусловлен ростом городских торгово-ремесленных пригородов — рабадов, вызванным развитием феодального города. К этому времени Термез значительно разросся в ширину. Недалеко от Кургана, к Ю от него, возник большой базар, окруженный кварталами ремесленников, из которых нам удалось распознать кварталы металлистов, гончаров и квартал мастеровских, специально выделявших так называемые „сфероконические сосуды“. Возможно, что некоторые из этих производственных пунктов сложились раньше в виде, ремесленных слобод, но освоение городом всей этой площади должно было произойти в XI—XII вв. Около этого же времени обширный новый рабад был окружен глинобитной городской стеной. Таким образом прежняя загородная местность была не только включена в городскую территорию, но оказалась в непосредственном соседстве с его жизненным центром — базаром и производственными кварталами.

Непрерывность обитания людей в здании Кургана за этот период установить трудно. Почти никаких археологических материалов, соответствующих VIII—XII вв., при раскопках здания мы не обнаружили, но тот факт, что в начале XI в. (точнее в 1032 г.) описываемый архитектурный комплекс пополнился прекрасно построенным минаретом, дает возможность предполагать непрерывное использование входивших в него построек. Даже и самое отсутствие черепков и мусора, относящихся к этому времени, свидетельствует о том, что здание поддерживалось в порядке и чистоте, что исключало возможность возникновения культурных наслоений. В качестве следующего этапа отметим монгольское завоевание 1220 г., в результате которого город был разрушен, а жители выселены. Характер культурного слоя, соответствующего началу XIII в., показывает, что разрушение зданий у восточной стены Кургана произошло очень быстро, может быть, одновременно. То же самое, надо полагать, относится и к внутренним помещениям, также немедленно опустевшим.

Несколько иначе обстоит дело с мечетью: здесь не обнаружено слоя, который можно было бы приурочить ко времени разрушения города. Не-

посредственно у самого пола имеются остатки керамики, относящейся к XV в. Весьма возможно, что мечеть — „священное место“ — продолжала еще поддерживаться после монгольского завоевания, но, пожалуй, вернее, что она была впоследствии приведена в порядок, причем внешний вид был несколько изменен в результате того, что промежутки между внешними устоями были заложены сырцовым и жженым кирпичом. Это могло произойти в относительно позднее время — в XIV—XVI вв., когда Старый Термез на некоторое время вновь сделался довольно значительным стратегическим пунктом, когда была восстановлена его цитадель, произведены работы по ремонту мавзолея Хакими Термези и поставлено прекрасное мраморное надгробие. Во всяком случае, керамика этого времени представлена в наших раскопах достаточно обильным количеством обломков характерной посуды.

В это же время в помещениях Кургана снова появились люди, жившие здесь как будто бы довольно продолжительное время. Но некоторые особенности слоя этого времени, главным образом большое количество приспособлений для курения наркотических веществ, скорее всего указывают на то, что здесь мы встречаемся не с нормальным жильем, а скорее с каким-то притоном, который возник среди развалин древнего города, у большой дороги, соединявшей Термез того времени (а через него Балх) с областью Самарканда.

Такова была, поскольку нам удалось выяснить, история описанного архитектурного ансамбля в местности, в которой он находится. Вновь полученные данные подтверждают те выводы, к которым мы пришли в 1936 г. в результате изучения исторической топографии Старого Термеза в целом. Схематически выявленные в то время основные этапы развития города пополняются теперь новыми деталями, освещающими историю одного из важнейших и древнейших городов Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Результаты работы изложены в нашей статье „К исторической топографии Старого Термеза“. Труды УзФАН, серия I, в. 2 Ташкент, 1940.

2) Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры Термезского района, „Культура Востока“, вып. 2, М., 1928, стр. 18 и след.

3) Вторая форма названия может быть объяснена тем, что центральный купол, как это видно из фотографии Б. Н. Кастальского, опирался на четыре столба. Первая форма, возможно, искусственного — книжного — происхождения.

4) Б. Н. Засыпкин, цит. статья, стр. 20 и след. Перевод даты на наше летоисчисление у Б. Н. Засыпкина неточен.

5) Рисунок Б. Литвинова в „Изборнике Разведчика“, IX за 1899 г., стр. 48.

6) Б. Н. Кастальский, Историко-топографический обзор Сурханской и Ширабадской долин. „Вестник ирригации“ 1930, № 3, стр. 9.

7) Смысл надписи установить невозможно из-за ее фрагментарности.

8) А. Ю. Якубовский, Археологическая экспедиция в Зерафшанскую долину 1934 г. Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, II. Ленинград, 1940, стр. 137 и след.

9) Предварительное сообщение о раскопках в мечети Магоки-Аттари см. в нашей заметке в журн. „Социалистическая наука и техника“ 1936 № 2,.

10) А. Godard, Les anciennes mosquées de l'Iran „Athare Iran“, 1933, стр. 187—212. Сообщение древних авторов приводит М. Е. Массон (Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Труды УзФАН, серия I, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 58 и след.)

11) С. П. Толстов, Древнехорезмские памятники в Кара-Калпакии, „Вестник древней истории“ 1939, № 3 (8), стр. 137 и след.

12) А. И. Тереножкин, К истории искусства Хорезма, „Искусство“, 1939, № 2, стр. 121—126; И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл, Л.—М., 1935, табл. 20.

13) М. Е. Массон, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг., СОНАГ № 7, 1938, стр. 85.

14) Цит. раб., стр. 193.

15) Афрасиаб—городище бывшего Самарканда, Самарканд, 1928, стр. 41 и след.

16) В. А. Шишкин, К исторической топографии Старого Термеза цит. соч.

17) Там же.

18) „Керамика Айртама времени кушанов“ в настоящем сборнике.

19) В определении происхождения отдельных слоев и в расшифровках сложной стратиграфической картины района, особенно в той части, которая относится к области геологии,

мне оказывали большую помощь руководитель экспедиции М. Е. Массон и геолог П. И. Князев, ценными указаниями которых я неоднократно пользовался в своей работе.

20) Термез подвержен частым и продолжительным ветрам, достигающим значительной силы.

21) Цит. ст., стр. 187 и след.

22) Цит. ст., стр. 18 и след.

23) Мазар Ша-Абду-Малик, Известия Узбекистанского филиала Академии Наук, № 8, 1940.

24) Цит. ст., стр. 18.

В. Д. ЖУКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ В 1937 г. ДВОРЦА ТЕРМЕЗСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

В предыдущей работе об ансамбле дворцовых сооружений в пригороде Старого Термеза* нами был приведен перечень главнейших работ, полностью или частично посвященных описанию выявленных трех дворцовых сооружений, находящихся на северо-восточной окраине городища Термез**. В ней же указывалось, что первые опубликованные сведения относительно упомянутых руин принадлежат проф. Б. П. Денике и архитектору Б. Н. Засыпкину. Уже после ее сдачи в печать директор Сурхандарьинского окружного музея Г. В. Парфенов установил, что развалины эти были отмечены раньше одним из старейших исследователей Южной Бухары ориенталистом Е. Ф. Калем в его неопубликованном дневнике 1890—1891 гг., хранящемся в архиве бывшей Государственной академии истории материальной культуры. В этом дневнике при описании развалин городища Термез на странице 1466 имеется фраза, что „всех дальше город тянется на СВ, где находятся развалины, как говорят туземцы, дворца падишаха — падшанынг тахта“. Это и есть первые письменные сведения об архитектурном ансамбле дворцовых сооружений. Сам Е. Ф. Каль, судя по краткой записи, не осмотрел этих руин и сделал только отметку о них в своем дневнике на основании устных сообщений местных жителей, сохранивших верное суждение об истинном назначении этих построек.

Обследование 1937 г., кроме дальнейшего уточнения представлений об их плане, ставило своей задачей разрешить возникшие в прошлом году рабочие гипотезы и выявить данные, позволяющие более точно датировать отдельные периоды существования здания № 2. Исследовательские работы, сосредоточенные исключительно на этом объекте, должны были дать материал для выявления следующих данных:

- 1) плана северной части айвана, примыкающего к парадной тронной зале;
- 2) назначения обнаруженного на глубине 1,8 м от современного уровня кирпичного настила, отмеченного в шурфе № 10, заложенном посередине внутреннего двора здания № 2, и отношения его к другим сооружениям;
- 3) наличия остатков помещений, находящихся в середине северного фаса этого здания.

Для выполнения указанных заданий земляные работы пришлось проводить на трех площадках, обозначенных на прилагаемом схематическом плане под №№ 1, 2 и 3 (рис. 1). Как и в 1936 г., общее научное руководство работами всех отрядов ТАКЭ осуществлялось начальником ее М. Е. Массоном. Раскопки производились по установленной методике поквadrатного вскрытия наслоений. Принимая во внимание, что завалы были уже частично обследованы в прошлом году, решено было разбить рабочие пло-

* В. Д. Жуков, Развалины ансамбля дворцовых сооружений в пригороде средневекового Термеза. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2, Ташкент, 1940.

** В изданной в 1939 г. работе Б. П. Денике „Архитектурный орнамент Средней Азии“ помещено значительное количество иллюстраций по декоративной отделке внутренних помещений дворца; там же на стр. 48 приводится главнейшая литература по этому вопросу.

щадки на четырехметровые квадраты (2×2 м), с делением каждого такого квадрата на четыре части по 1×1 м. По вертикальному залеганию деление производилось по ярусам (на глубину 0,5 м каждый, считая от нулевой — высшей точки поверхности завала), которые обозначались порядковыми римскими цифрами I, II, III и т. д. *

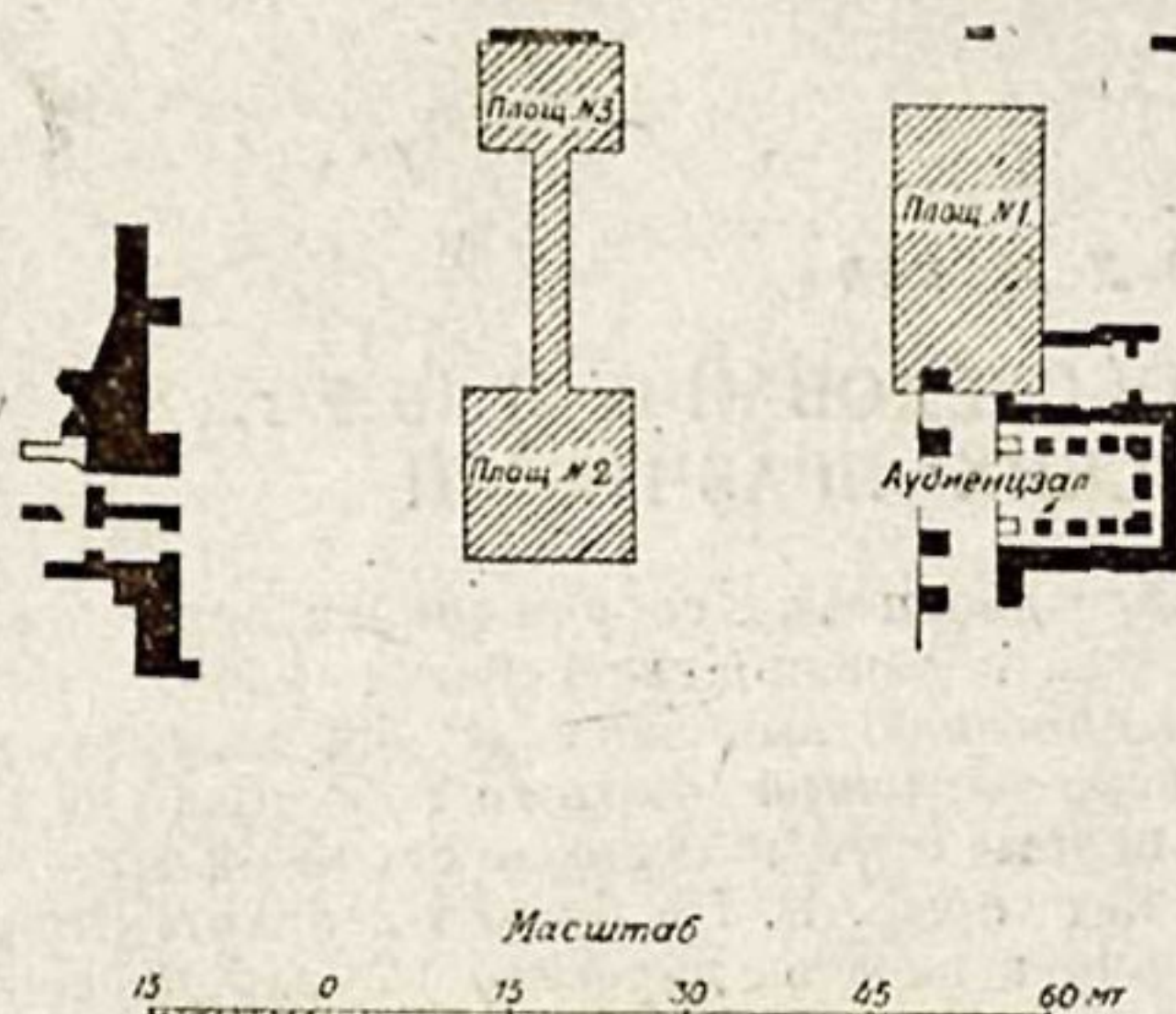

Рис. 1. Схематический план месторасположения площадок раскопа.

щади 14×8 м, выявило завалы строительного мусора, залегавшие до северной стены айвана, которые по своему составу мало чем отличались от завалов уже обследованной ее части. В слежавшихся, рухнувших сверху грудах сырцового кирпича лежали обломки и целые плитки жженого кирпича и декоративные плитки резных и тесаных кирпичиков. Среди последних, кроме уже известных форм, отмечена еще одна, ранее не зарегистрированная, представляющая с лицевой стороны гладко затесанный по поверхности квадрат размером 4×4 см. По форме эта плитка, представленная большим количеством отдельных экземпляров (без следов позднейшего покрытия алебастровой штукатуркой), напоминает усеченную четырехгранную пирамиду; кроме того, в указанных грудах обнаружены фрагменты резного штука, осколки тонкой алебастровой штукатурки со следами нанесенной клеевыми красками росписи, черепки глиняной посуды и прочие следы жизни и деятельности здесь человека. Обследование подтвердило заключение

Площадка раскопа № 1 примыкает к северной стороне обследованного в 1936 г. участка, на котором была обнаружена центральная часть парадного айвана. Поверхность площадки, почти сплошь покрытая низкой эфемерной растительностью (на отдельных небольших свободных от нее местах имелись скопления крупного строительного мусора), довольно ровно поднималась от уровня внутреннего двора с 3 на В, и только юго-восточная часть ее по своему рельефу указывала на существование здесь некогда большого сооружения (рис. 2 и 3). Вскрытие, произведенное на площадке 14×8 м, выявило завалы строительного мусора, залегавшие до северной стены айвана, которые по своему составу мало чем отличались от завалов уже обследованной ее части. В слежавшихся, рухнувших сверху грудах сырцового кирпича лежали обломки и целые плитки жженого кирпича и декоративные плитки резных и тесаных кирпичиков. Среди последних, кроме уже известных форм, отмечена еще одна, ранее не зарегистрированная, представляющая с лицевой стороны гладко затесанный по поверхности квадрат размером 4×4 см. По форме эта плитка, представленная большим количеством отдельных экземпляров (без следов позднейшего покрытия алебастровой штукатуркой), напоминает усеченную четырехгранную пирамиду; кроме того, в указанных грудах обнаружены фрагменты резного штука, осколки тонкой алебастровой штукатурки со следами нанесенной клеевыми красками росписи, черепки глиняной посуды и прочие следы жизни и деятельности здесь человека. Обследование подтвердило заключение

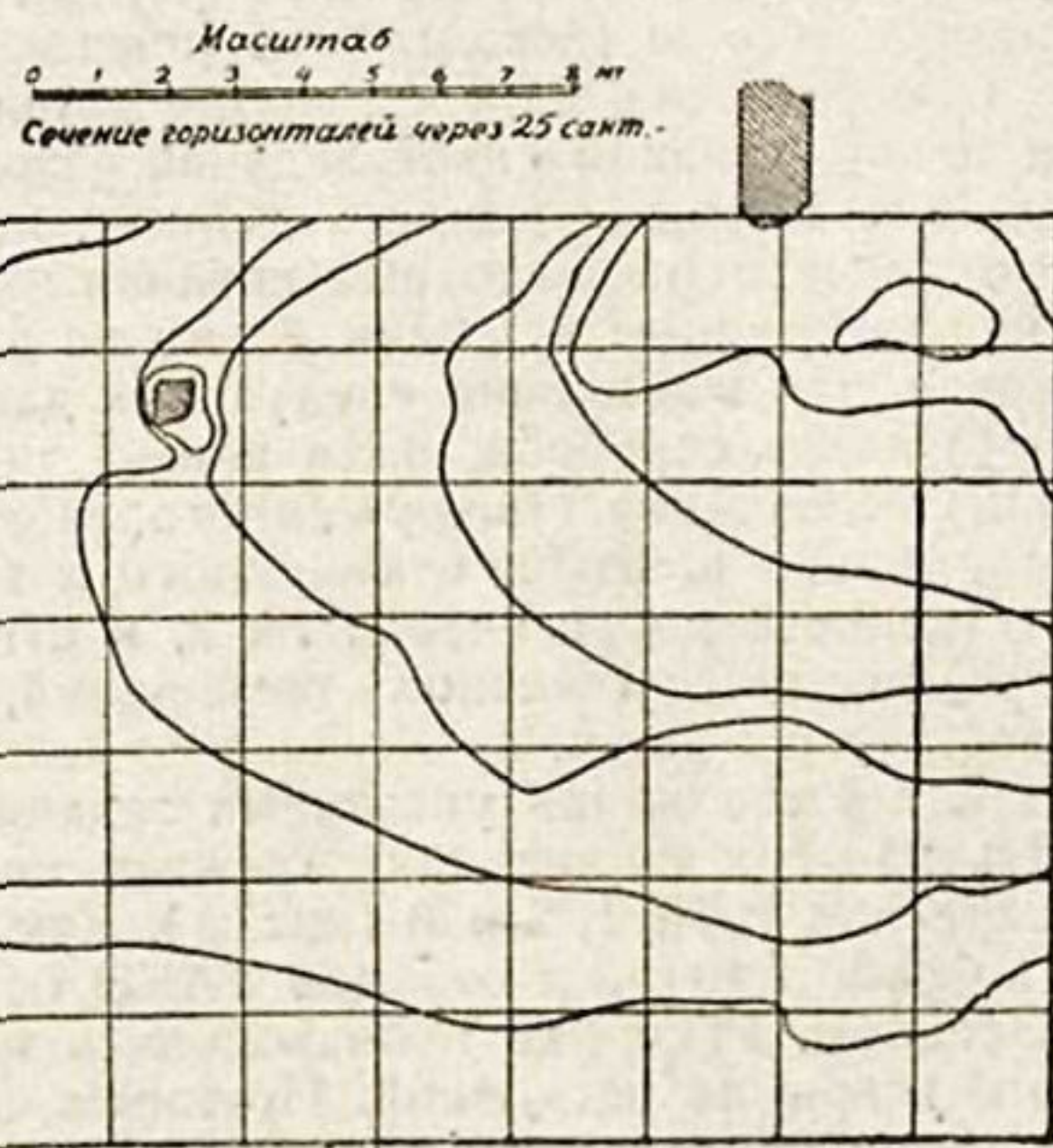

Рис. 2. Нивелировка площадки № 1.

* Полевые работы продолжались с 3 мая по 25 июня и велись при переменном количестве землекопов, под постоянным наблюдением автора.

О постепенном разрушении сооружения: отмечены прослойки песка, нанесенного ветром на размытые обвалы сырцового кирпича (рис. 4). Вначале была выявлена западная граница последнего бокового пролета айвана, отделявшая его от внутреннего двора. Этой границей, как и следовало ожидать, служил порог, сложенный из обожженных кирпичей разм. $27 \times 27 \times 4$ см, поставленных на ребро и скрепленных ганчевым раствором. Длина этого порога от северной стены до ближайшего устоя равнялась 2,8 м. Затем были вскрыты (рис. 5) и полностью освобождены от завалов строительного мусора сохранившиеся остатки северной и восточной стен, плоскости которых, составляющие внутренний северо-восточный угол парадного айвана, были покрыты резным алебастровым штукатуром. Пол айвана был весь выложен плитками жженого кирпича, причем в центральной части кладка эта была фигурной, а по бокам обыкновенной (из крупных квадратных плиток размером 39×39 см).

Протягиваясь параллельно вытянутым с З на В двухметровым сторонам устоев и как бы следуя им, северная стена через два метра от порога делает поворот под прямым углом и, отступая на 0,5 м, расширяет площадь айвана. На расстоянии 1,16 м от этого поворота остатки стены не обнаружены: здесь, повидимому, помещался дверной проем. Дальше, через 1,3 м северная стена хорошо сохранилась на высоту около двух метров; она начинается с поворота, где ясно прослеживается гнездо дверного косяка, благодаря

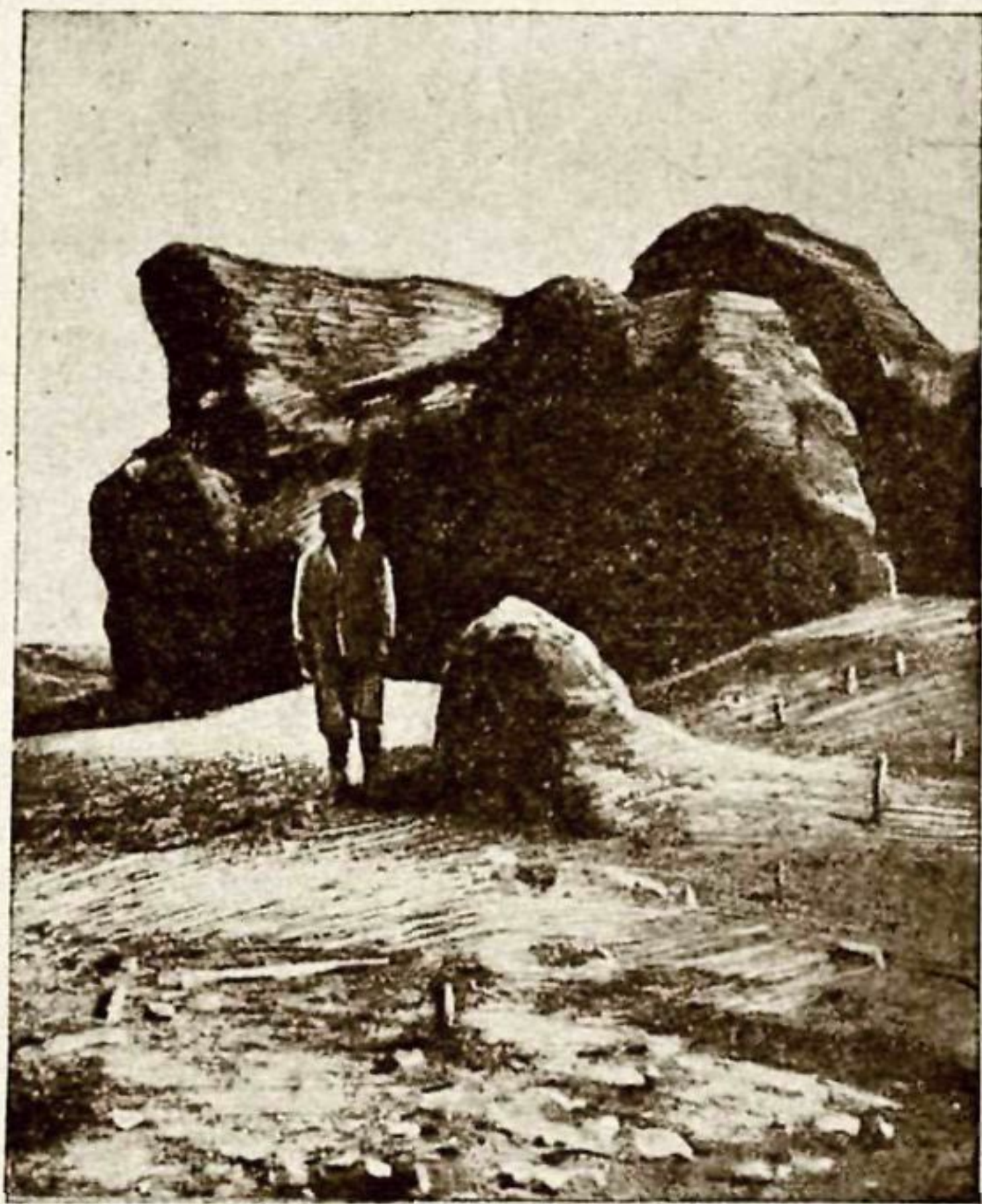

Рис. 3. Площадка № 1 перед началом раскопа.

которому можно было установить наличие существовавшего здесь бокового прохода (рис. 6), и идет на протяжении 1,7 м до северо-восточного угла айвана. Выявленный дверной проем вел через небольшой коридор длиной в 1,73 м в помещение, расположенное в системе построек, примыкавших к парадному айвану с северной стороны. Западная стена этого коридора не сохранилась; южная же, сложенная, повидимому, более капитально, уцелела на высоту 2 м и даже несколько больше. Вся плоскость выявленной стены покрыта тонким слоем белой штукатурки, положенной на грунт из глино-саманной смазки. Оба слоя штукатурки за время долгого лежания в земле совершенно потеряли связь со стеной и между собою, и при первых попытках отнять плотно прижимавший ее завал строительного мусора она тотчас же осыпалась кусками, разбивавшимися вдребезги при падении. Принятыми мерами удалось задержать ее падение на время, необходимое для подробного осмотра и фиксации могущих быть на ней надписей и изображений. При обследовании этой штукатурки выяснилось, что данное помещение довольно значитель-

ный промежуток времени оставалось без всякого надзора, сохраняя свои верхние перекрытия. Различные посетители нередко оставляли на стенах этого помещения следы своего пребывания в виде порчи штукатурки ударами, процарапыванием хаотических линий и проч. Обрушившимися верхними частями сооружения нанесены также большие повреждения всей уцелевшей лицевой плоскости стены. На указанном участке интересно отметить

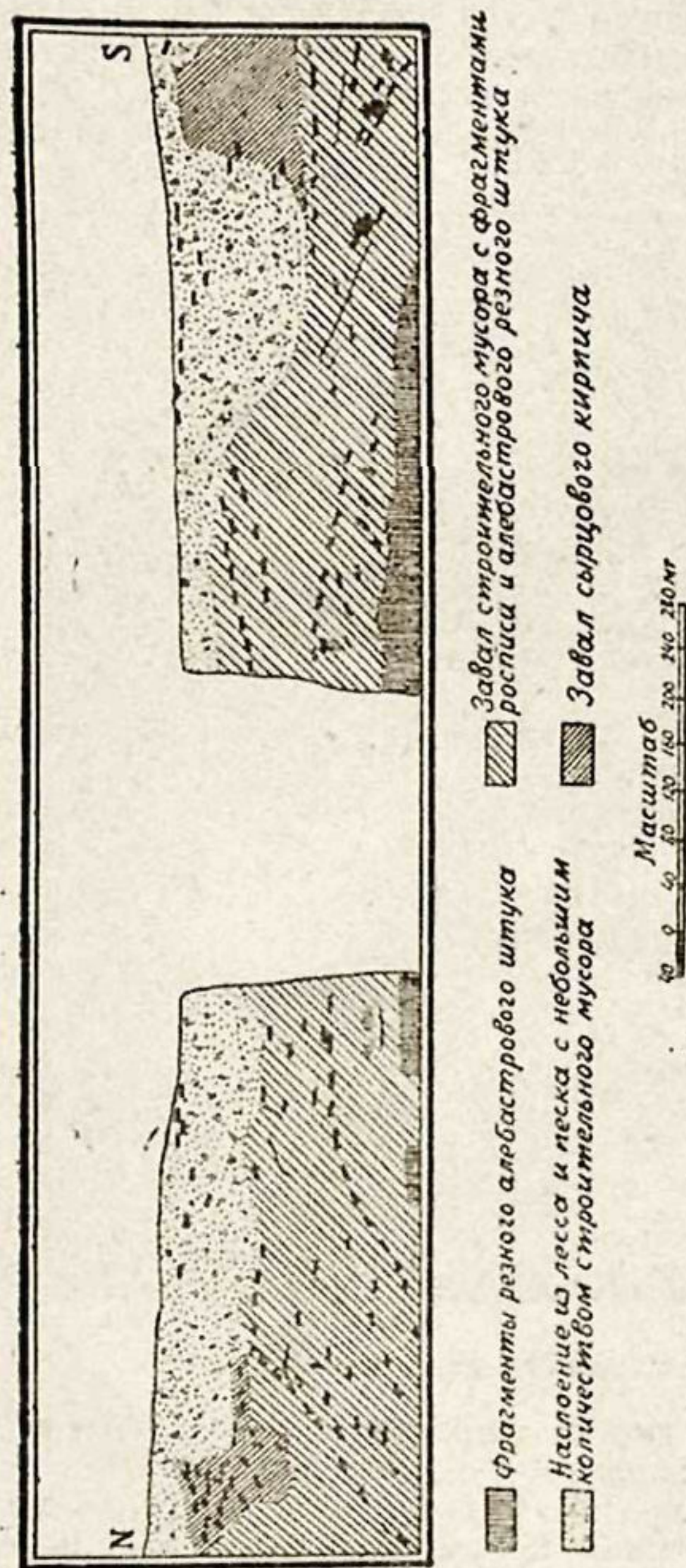

Рис. 4. Разрез завала айвана, примыкающего к парадной тронной зале.

четыре знака, процарапанные по тонкому слою штукатурки, вероятно, заостренным концом деревянной палки. Знаки нанесены настолько небрежно, что появилось сомнение в правильности толкования их, как писем. Выявленное число, процарапанное арабскими цифрами, состоит из трех знаков ١٢١ — 421, что в переводе на наше летоисчисление дает 1030 г., слева вверх отчетливо читается имя *محمد* — Мухаммед (рис. 7).

В конце коридора стена поворачивает под прямым углом на В. Здесь находился боковой проход шириною около 2 м, ведущий из здания № 2 на задний двор. На южной стене этого прохода, на высоте 1,5 м отмечено выцарапанное на штукатурке изображение павлина (рис. 8). Судя по трактовке перьев и ног, этот рисунок относится, по мнению М. Е. Массона, ко времени не ранее XVI в. Расположенные к С помещения, в некоторой своей части выявленные обследованием и отмеченные на прилагаемом плане, сохранили следы переделок. Непосредственной конструктивной связи с основными капитальными сооружениями — парадной тронной залой и айваном они не имеют. Декоративная отделка их не поражает своим нарочитым блеском. Верхние внутренние части этих помещений также имели роспись, но более грубую и без подобного обилия красок: по белому фону бы-

ли проведены красные и синие широкие линии, сходящиеся наверху в остроконечные нишки. План всей системы этих внутренних помещений можно частично восстановить путем специального обследования, при проведении которого большую помощь окажут кое-где уцелевшие на месте остатки штукатурки, покрывавшей некогда стены указанных строений. При этом совершенно необходимо еще до вскрытия завалов проследить в плане направление плоскостей стен и точно произвести их фиксацию, так как уцелевшие на месте осколки штукатурки, освобожденные от завалов, почти сразу исчезают, сдуваемые при малейшем порыве ветра. Таким образом установление плана легкого типа строений, примыкавших с северной стороны к середине восточного фаса, не потребует особенно больших

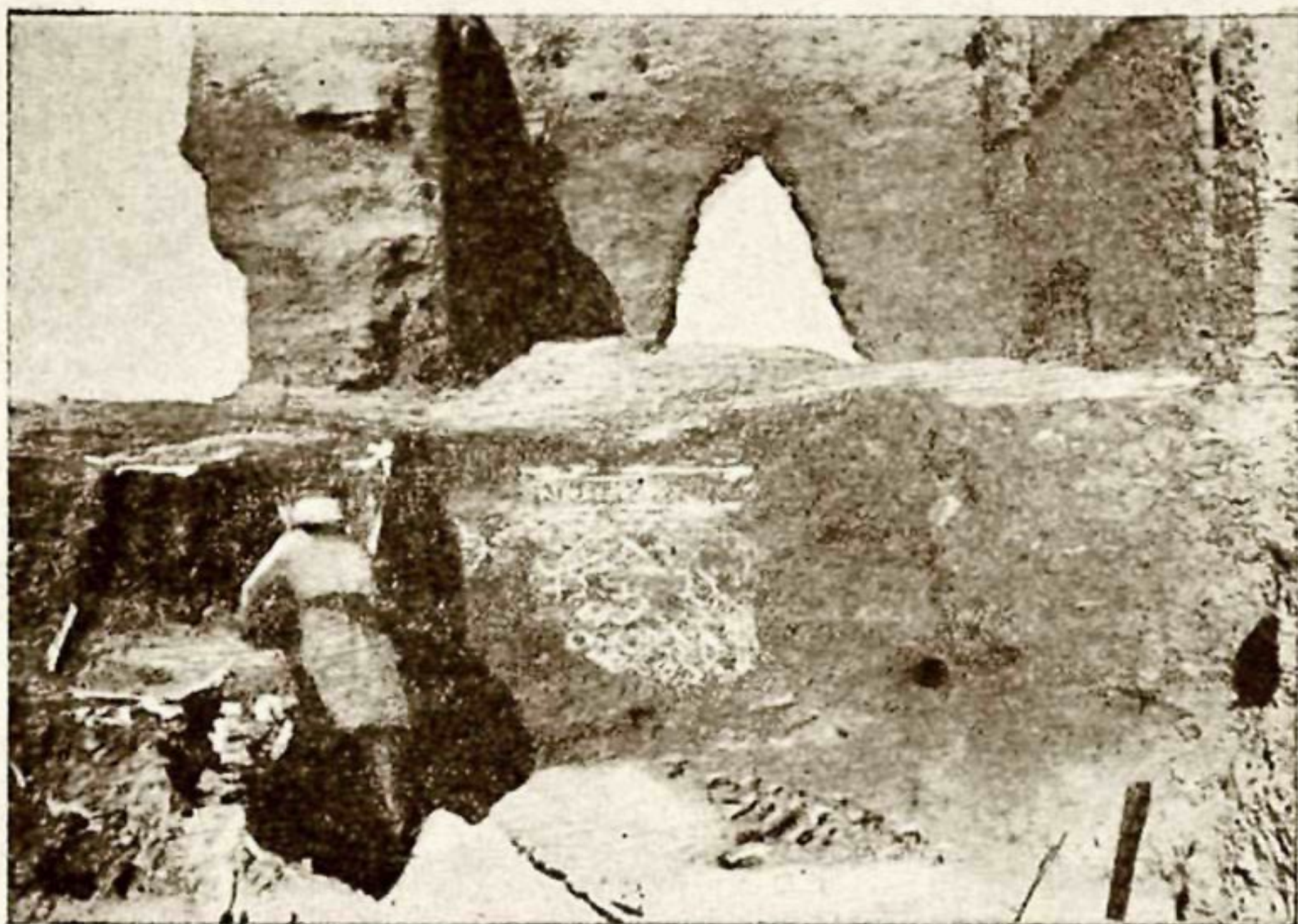

Рис. 5. Вскрытие гребня северной стены парадного айвана.

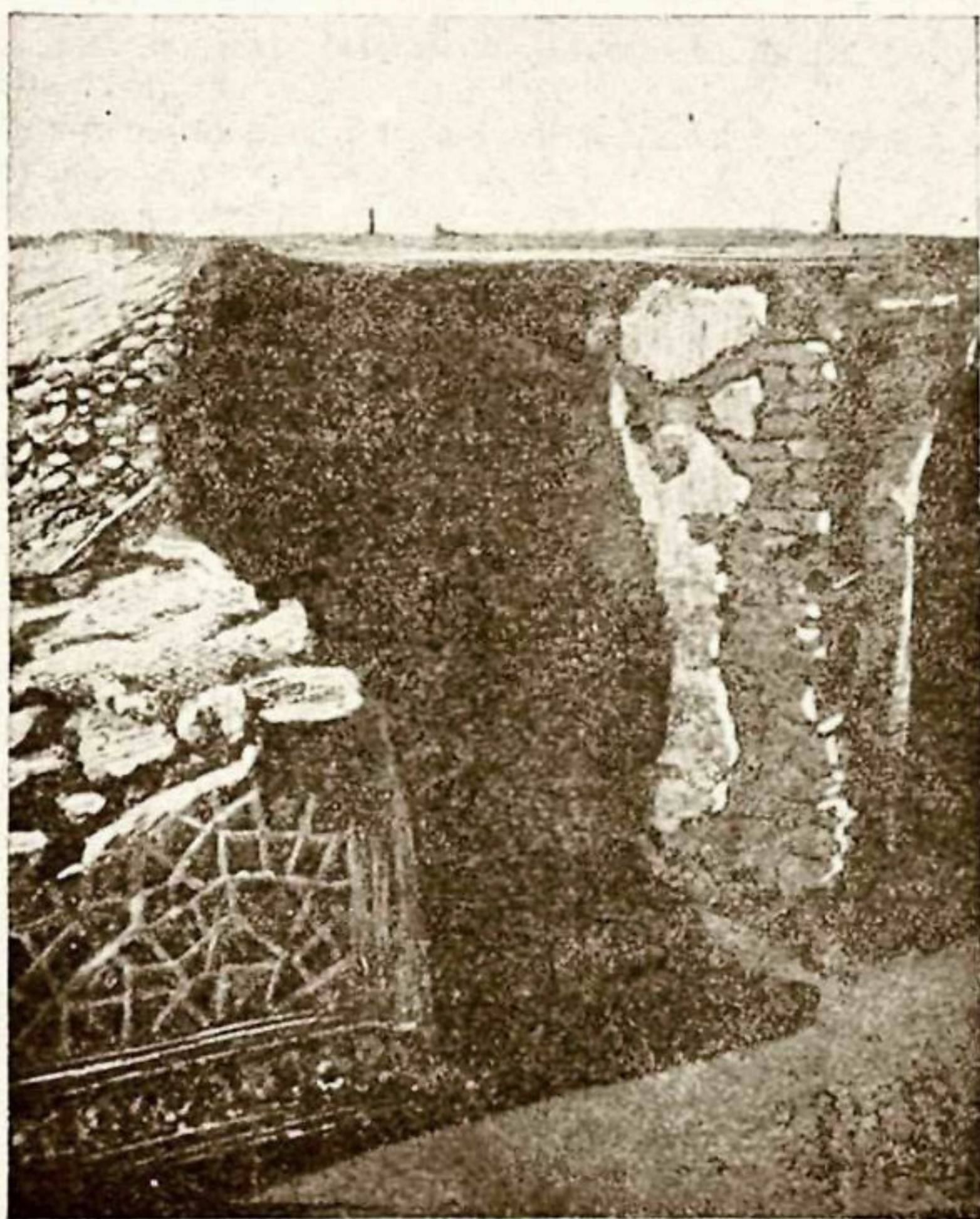

Рис. 6. Дверной проем и гнездо косяка в северной стене парадного айвана.

земляных работ, но, вместе с тем, займет продолжительное время вследствие необходимости расчистки путем легкого разметания или раздува верхних наслоений ее мехами. Применение других способов может не дать желательных результатов и окончательно лишит возможности получить

точный план всех строений, входящих в систему восточного фаса здания № 2.

После бокового северного прохода стена отступает на В, расширяя площадь соседнего помещения; восточная и северная границы последнего точно установлены благодаря хорошей сохранности тонкого слоя белой штукатурки, на котором около прохода внизу, на высоте одного метра от уровня пологого настила из жженого кирпича, выцарапано каким-то острым предметом второе изображение птицы, повидимому, дрофы в спокойном состоянии (рис. 9). Хорошо сохранился также и северо-восточный внутренний угол этого помещения, состоящий из нижней части пахсовой стены и примкнутой вплотную к ней кладки из сырцового кирпича разме-

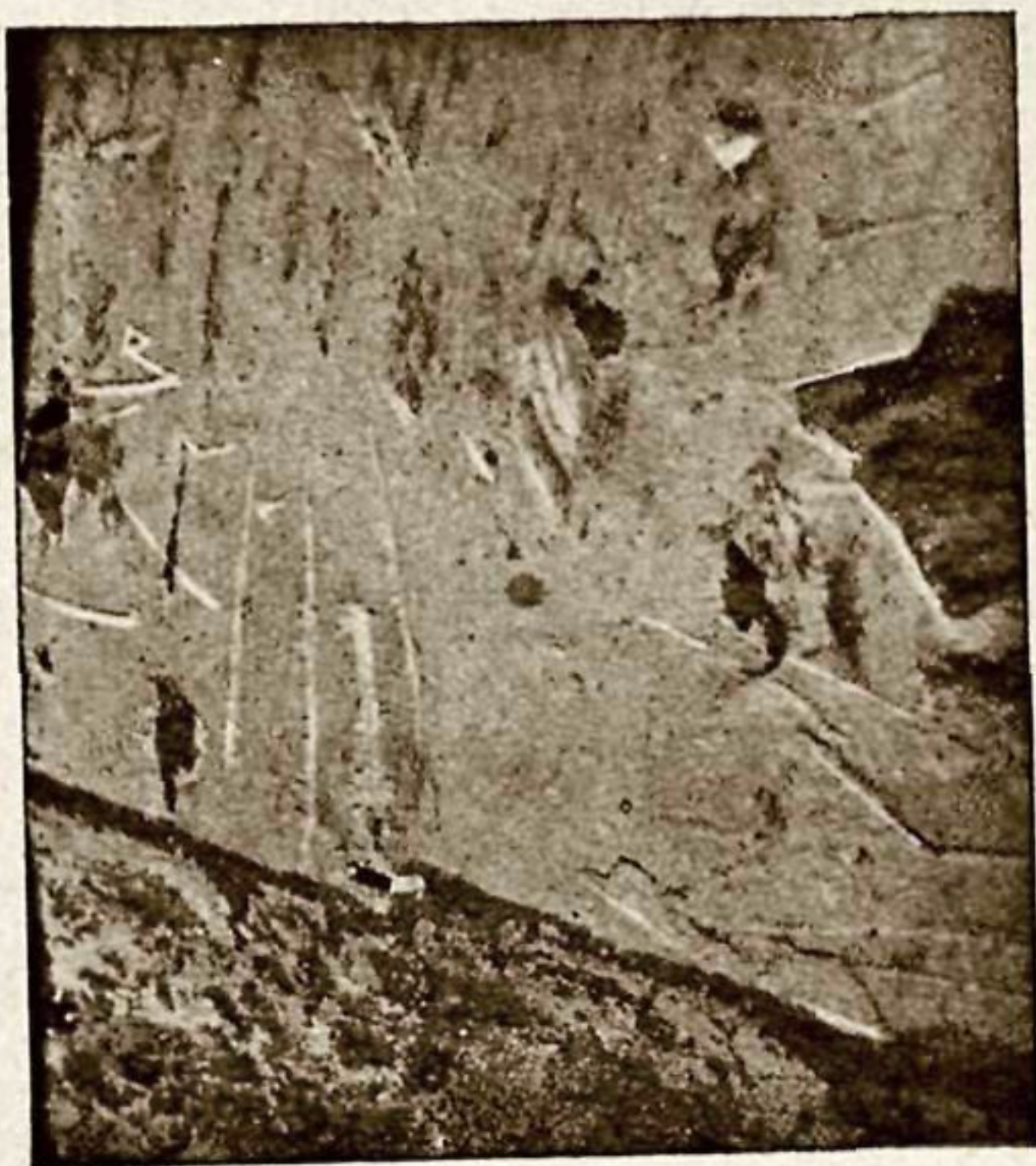

Рис. 7. Цифровые знаки и буквы на штукатурке.

ром $27 \times 27 \times 4-3,5$ см, повидимому, более позднего происхождения.

Кроме упомянутых двух помещений, вскрыт также юго-западный угол третьего, примыкавшего с северной стороны к айвану. Небольшие остатки стены этого помещения не достигали 1 м высоты; по обломкам же различной величины, обнаруженным в завале, удалось установить, что внутренняя отделка поме-

Рис. 8. Изображение павлина.

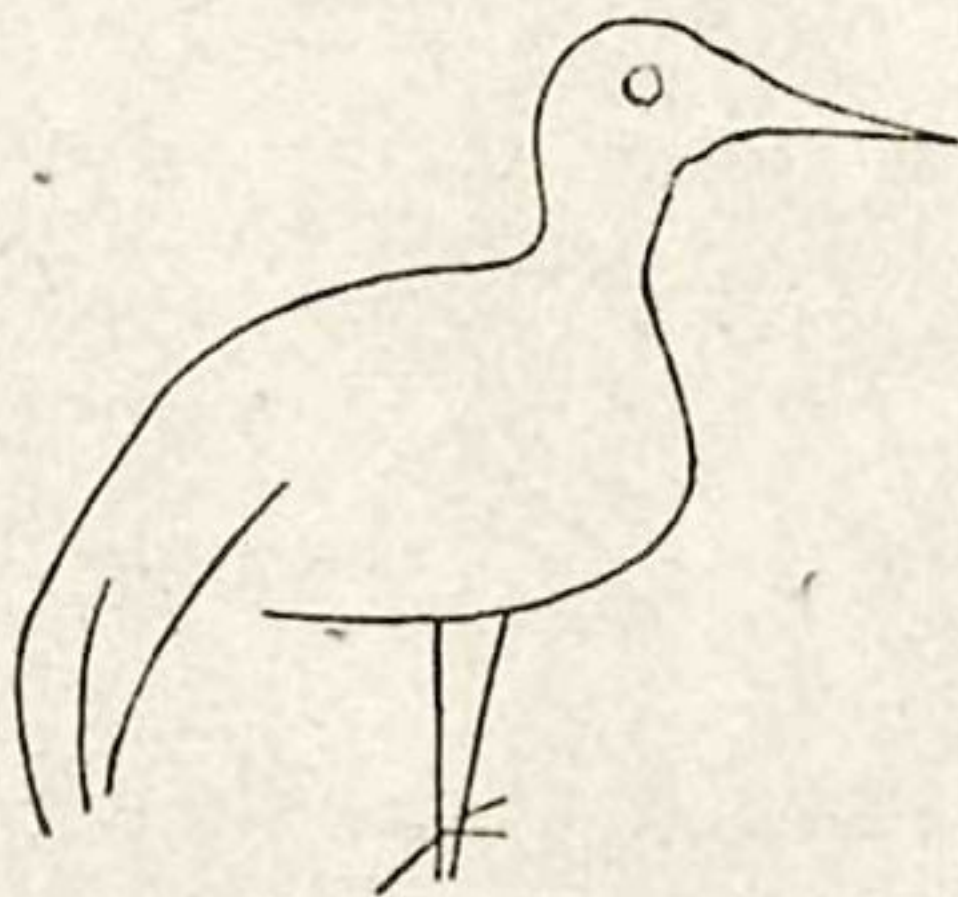

Рис. 9. Изображение птицы.

щения состояла из белых оштукатуренных стен, по краю которых проходили вертикальные широкие каймы, нанесенные клеевыми красной и синей красками. Эти обломки с уцелевшей местами штукатуркой неред-

ко имели на своей лицевой стороне углубления в 2—3 см, служившие, вероятно, декоративными, может быть, нишеобразными рамками. Хотя границы этого помещения еще точно не прослежены, но произведенное обследование установило, что оно имело четыре выхода: первый — в северную часть парадного айвана; второй — наружу из восточного фаса здания № 2; третий, расположенный в северной стороне, имел длинный полого поднимающийся подступ из плиток жженого кирпича, положенных без всякого раствора — пандус (рис. 10); наконец, западный — четвертый выход давал возможность проникнуть в это помещение со стороны внутреннего двора. От первого и последнего проемов сохранились справа гнезда для дверных косяков. Таким образом, кроме парадного, айван имел и боковые запасные проходы (рис. 11).

Рис. 10. Пандус, ведущий в парадный айван с северной стороны.

Очень характерны составные части завалов парадного тронного зала и айвана по сравнению с завалами примыкавших к ним строений, составлявших северную часть восточного фаса здания № 2. Если в двух первых наслоениях серая масса лесса и песка, обломков жженого и сырцового кирпича совершенно тонула в белых фрагментах резного алебастрового штукатурки, блестящих осколках цветного стекла, причудливых узорах панджары, мно-

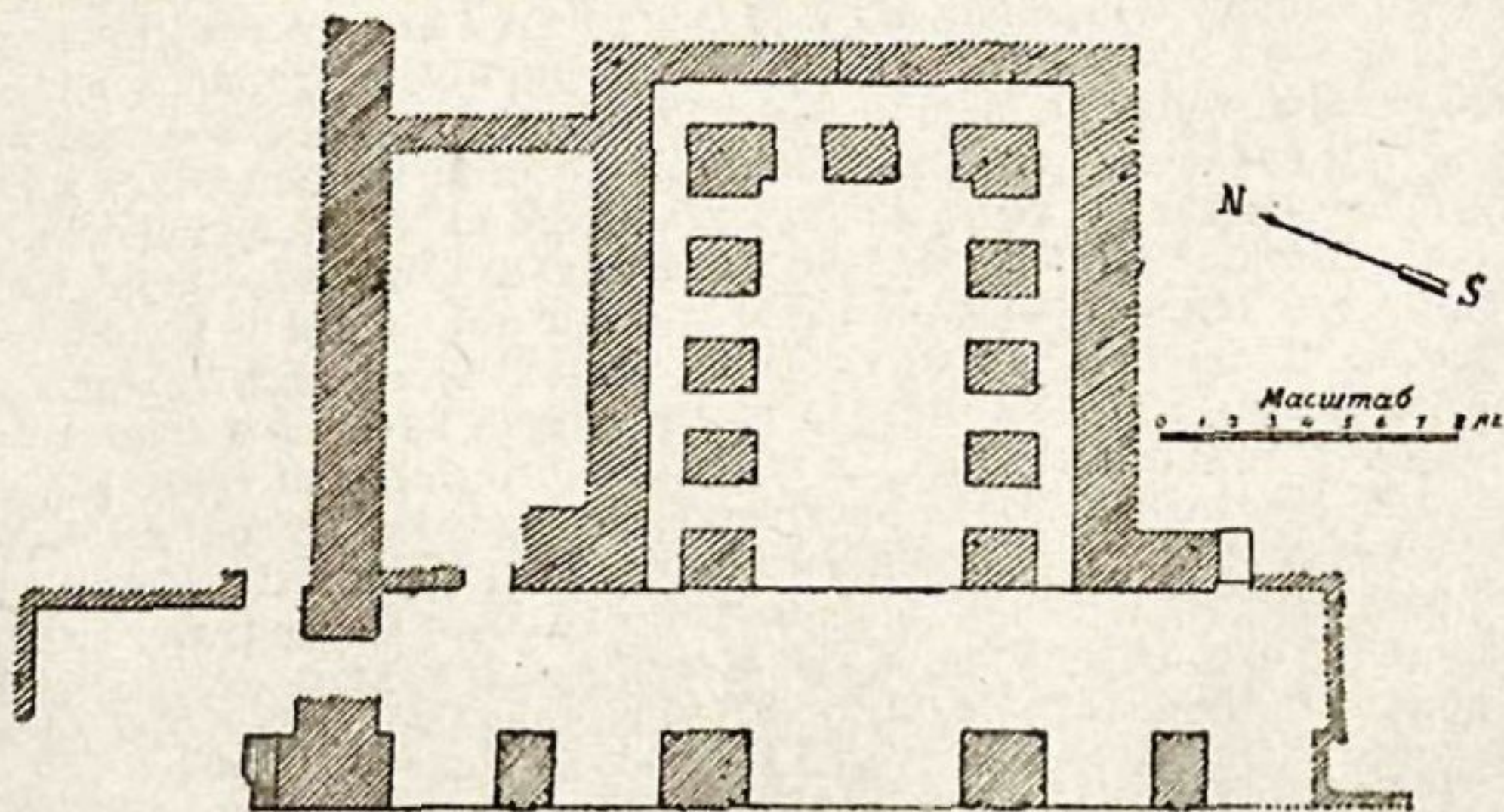

Рис. 11. Схематический план раскопа парадного зала и айвана.

го численных плитках фигурного декоративного кирпича и ярко раскрашенных уцелевших кусков клеевой росписи, то во вторых завалы строительного мусора состояли в основном из сырцового кирпича; здесь обнаружены обломки стен, покрытых с лицевой стороны тонким слоем белой штукатурки, случайно попавшие сюда плитки фигурного кирпича и куски резного алебастрового штука. Следует отметить, что обнаруженные в завале находки, характеризующие наслоения, отличались как по количеству, так и по качеству от предметов, обнаруженных в этих помещениях: все находки, выявленные при вскрытии парадного зала и айвана, несомненно, „случайного происхождения“, т. е. они попали туда при завале верхних частей помещения вместе с плитками кирпичей, раствором, скреплявшим кладку, и т. д. Кроме того, здесь найдены вещи, случайно оброненные или брошенные разными посетителями, приходившими в более поздний период существования этого помещения, когда оно перестало служить парадным тронным залом.

Несколько другое толкование напрашивается при осмотре выявленных находок в строениях, примыкавших с северной стороны к парадным сооружениям. Черепки разнообразной керамической и стеклянной утвари найдены в одном месте в таком изобилии, что невольно возникает вопрос, не служило ли оно хранилищем посуды, из которой наиболее целая и ценная была расхищена позднее многочисленными посетителями, оставившими о себе память в виде отметок на штукатурке. Только дальнейшие детальные исследования могут разрешить этот вопрос и вместе с тем восстановить план всей системы этих помещений. Указанные задачи, повидимому, и будут поставлены в процессе проведения новых работ по изучению восточного фаса здания № 2.

Площадка раскопа № 2 расположена посередине внутреннего двора дворца (рис. 1 и 12). Заложенный здесь в 1936 г. шурф площадью 4 м² обнаружил на глубине 1,8 м от современного уровня кирпичный настил, который, занимая все дно шурфа, уходил дальше под толщу культурных наслоений.

Первоначально намеченный для обследования участок занимал 196 м² (14 × 14 м); в дальнейшем площадь эта была несколько увеличена вскрытием выявленных водоподводящих сооружений. При расчистке кирпичного настила удалось установить три культурных наслоения, залегающих от обнаруженной кладки до поверхности современного уровня.

Первое — непосредственно на самом настиле, имевшее толщину от 10 до 35 см, образовалось из осадков, принесенных водой во время наполнения водоема; такое же наслоение было отмечено и на площадках ступенек угловых спусков бассейна. Обнаруженные в этом наслоении фрагменты относятся к предметам дворцовой утвари: тонкого стекла бокалы на высоких ножках, керамические изделия с хорошей ровной поливой и проч. Очевидно, образование его происходило в то время, когда здание еще не перестало служить дворцовым помещением, и посуда, принадлежавшая владельцам его, находилась в употреблении. Вместе с тем, интересно отметить, что в этом нижнем наслоении не обнаружено предметов, относящихся к первому периоду существования сооружения: все керамические фрагменты характерны для XII столетия. Указанный факт легко объясняется постоянными очищениями водоема от различного мусора и приносимых водой осадков.

Второе, наиболее мощное из указанных трех наслоений, толща которого достигает одного с лишним метра, включавшее на определенном уровне в беспорядке разбросанные плитки обожженного кирпича (рис. 13), состоит из лессовых прослоек, перемежающихся с песком. В образовании его принимали участие и ветер, и вода, и человек. Оно накопилось, повидимому, сравнительно быстро, и послойное вскрытие не дало материалов для определения времени его образования. Фрагменты керамики, служившие здесь единственным материалом, по которому приходилось производить определение, относятся к XII — началу XIII в.

Третье, самое верхнее наслоение толщиной в 0,5 м состояло из лесса,

Рис. 12. Площадка раскопа № 2 перед началом работ.

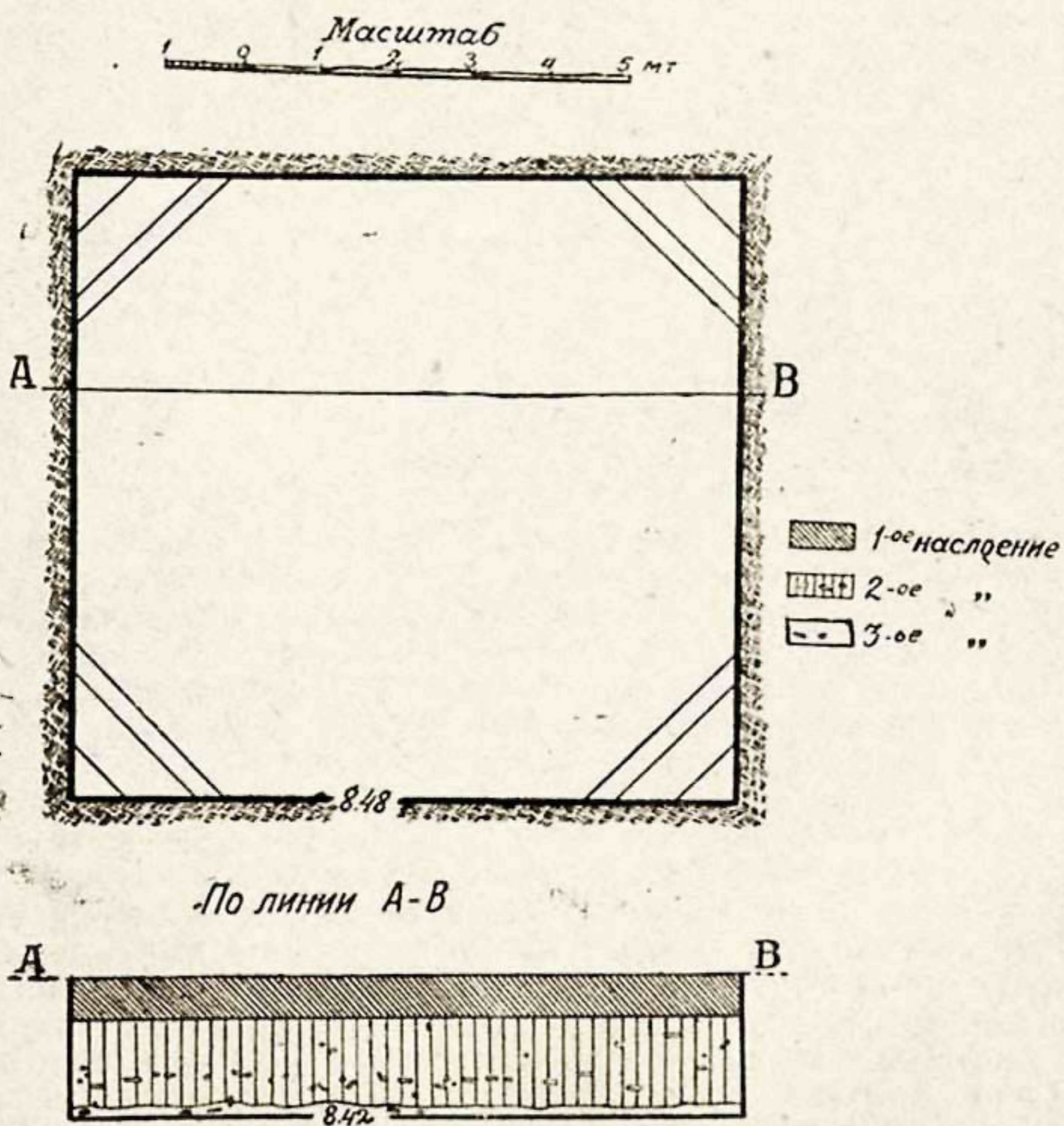

Рис. 13. Стратиграфический разрез наслений, залегающих в бассейне.

перемешанного с песком, и включало грубые черепки керамики. Образование его носило несколько иной характер: до этого горизонта заполнение водоема, представляющего углубление по отношению к прилегающей дворовой площади, шло интенсивнее; в нем же горизонт наслоений выравнился с уровнем внутреннего двора, вся площадь которого начала медленно покрываться как золовыми наносами, так и материалом, смытым с окружающих двор высоких строений. Из года в год некоторая часть наносов переносилась ветром на другие места; оставшиеся же небольшое количество их закреплялось растительностью и задерживалось на месте. В дальнейшем, вследствие деятельности роющих землю животных, часть наносов, покрытая

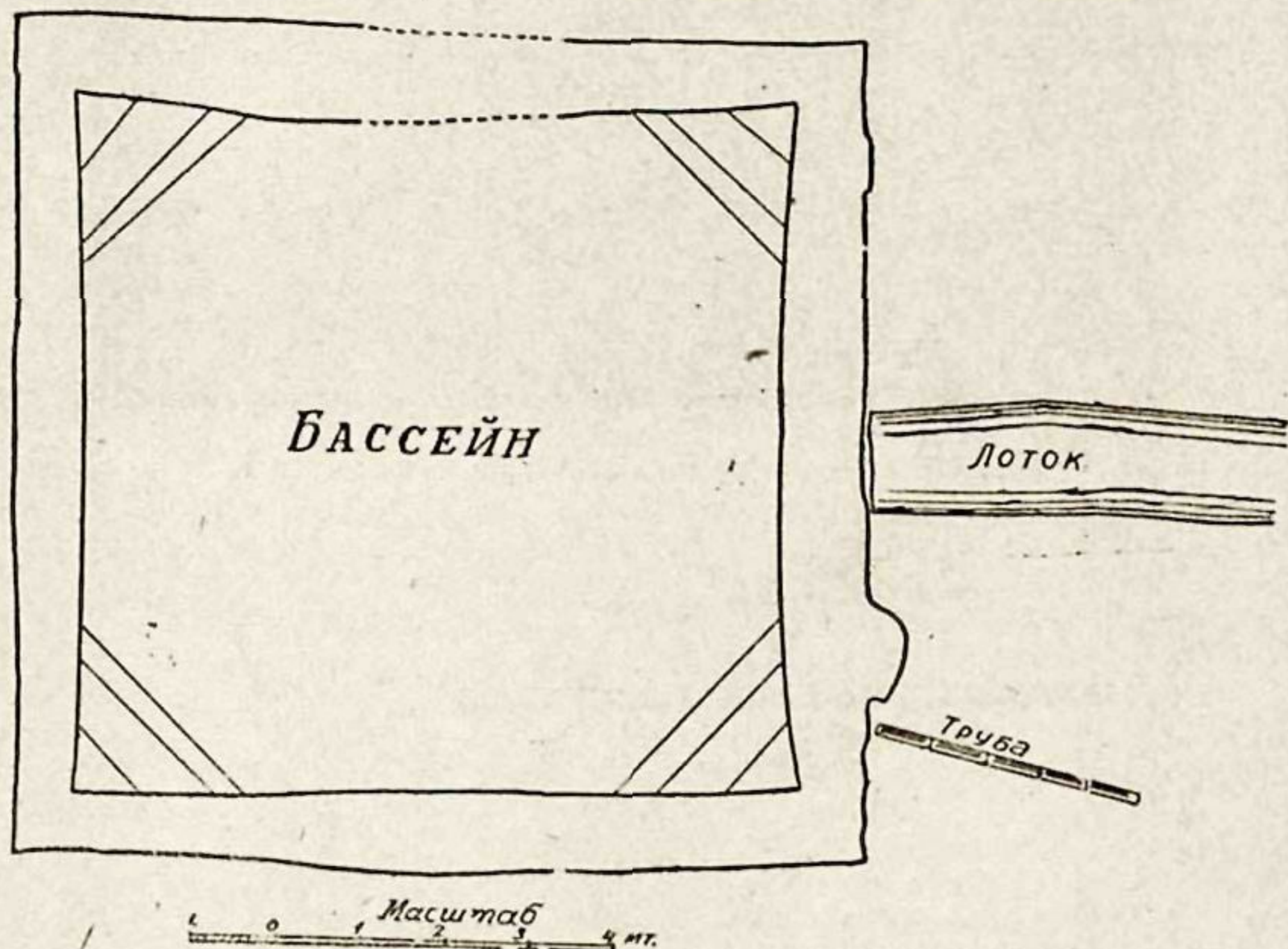

Рис. 14. План бассейна.

растительностью, вероятно, снова подвергалась действию ветра, в результате чего рельеф площади снова менялся. За время, истекшее с XII в. до наших дней, территория ансамбля неоднократно служила местом, где эпизодически располагались полукочевники, главным источником существования которых было скотоводство. Следы их пребывания здесь являются черепки глиняных сосудов и обломки железных изделий, разбросанные на поверхности намеченного к вскрытию участка.

В результате обследования выявлены остатки расположенного посередине внутреннего двора водоема (рис. 14 и 15). Верхние части его не сохранились. Наружный размер этого водоема, включая и толщину стен, сложенных из обожженного кирпича, равнялся $10,1 \times 9,9$ м, а внутренний $8,48 \times 8,46$ м. Дно бассейна состоит из четырех рядов положенных плашмя кирпичей размером $25 \times 25 \times 4$ см до $23 \times 23 \times 3,5$ см, причем они настланы таким образом, что прямая кладка каждого ряда перемежается с косой. Эта кладка смазана толстым слоем гидравлического раствора, положенного не только между рядами кирпичей, но и поверх их, в результате чего получился почти совершенно водонепроницаемый настил. В плане бассейн имеет вид квадрата. Считая от дна, стены этого водоема сохранились на высоту 1,2 м. Был ли этот водоем окружен возвышавшейся над площадью внутреннего двора оградой, сказать с уверенностью трудно. Учитывая ремонт

и переделку его, следует допустить, что края бассейна, особенно в верхней своей части, могли неоднократно изменяться.

Для сооружения стен были использованы также и обломки плиток обожженного кирпича. Точно такой же прием мы находим и в кладке стен парадной тронной залы, внутри целиком сложенных из обломков кирпича, более или менее удачно пригнанных друг к другу. Вся плоскость стен,

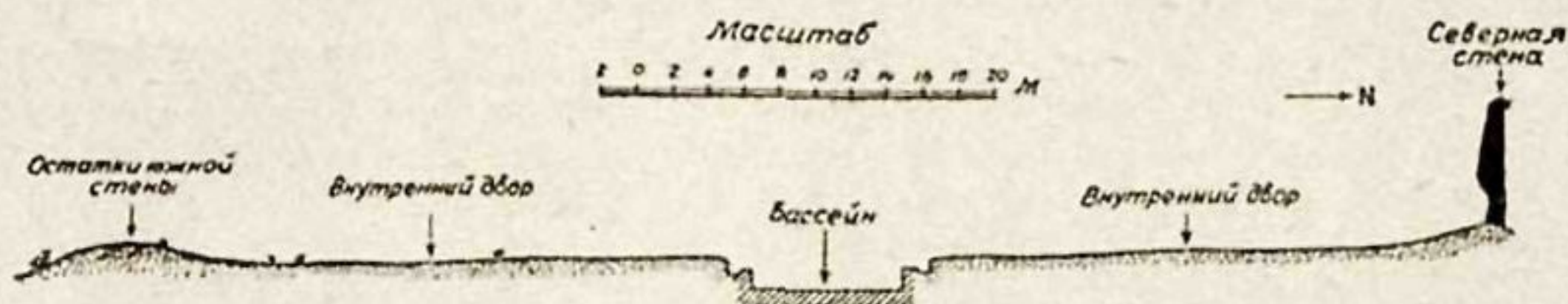

Рис. 15. Нивелировка участка, занимаемого зданием № 2; разрез с С на Ю.

так же, как и дно, была покрыта толстым слоем раствора, положенным поверх кирпичной кладки.

Во всех четырех углах бассейна сохранились ступенчатые спуски, сложенные из плиток обожженного кирпича (рис. 16 и 17). Площадь первой ступеньки, повидимому, была расположена, если не на обычном уровне воды наполненного бассейна, то очень неглубоко от ее зеркала. Поэтому легко допустить, что верхняя часть стены подымалась в виде невысокого барьера, служившего широким порогом, через который без особенных затруднений можно было перейти, чтобы приблизиться к воде. Площадка второй ступеньки, находившейся на 0,35 м ниже уровня площадки первой ступеньки, превосходит по величине все остальные. Высота ее до уровня площадки третьей ступеньки 0,45 м. Посередине в толщу ее кладки заложен в горизонтальном положении больших размеров глиняный сосуд — хум, горлышком в направлении водоема и заделанный заподлицо с вертикальной стенкой второй ступеньки (рис. 17 и 18). Если смотреть в бассейн сверху, видны только венчики скрытых в кладке хумов, напоминающие манжет водопроводных труб. Наконец, третья ступенька высотой в 0,35 м, сложенная из пяти рядов кирпича плюс 5 швов, имеет узкую площадку около 30 см ширины.

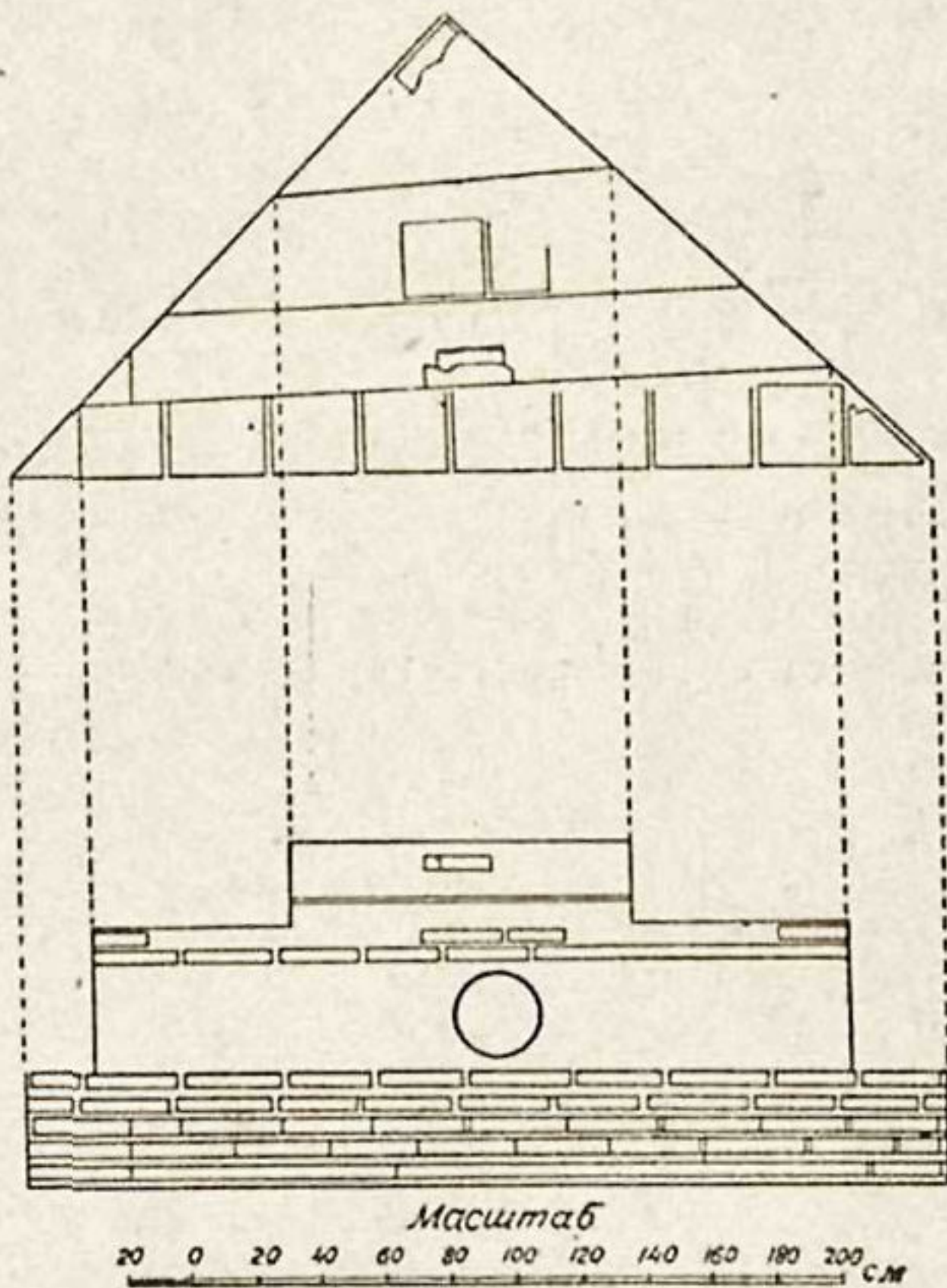

Рис. 16. Ступенчатый спуск северо-западного угла бассейна.

Первоначально сооруженный квадратный в плане бассейн не имел угловых ступенчатых спусков. В дальнейшем, в каждом из его внутренних углов были сооружены указанные трехступенчатые спуски. Заложенные в них хумы, кроме декоративного назначения, могли служить также и убежищем для содержащихся в водоеме рыб. Различная форма хумов и лепные украшения в виде каймы, проходящей по верхней части наружной, стороны сосудов, являющиеся в данном случае совершенно излишними

свидетельствуют о том, что хумы изготовлялись для другой цели. Указанные украшения удалось установить вследствие повреждений в кладке ступенчатых спусков в северо-западном и юго-западном углах. Как видно из разреза, уровень закладки хумов по глубине от площади второй ступеньки неодинаков вследствие различного диаметра расширенной части хума. Видимо, стремились только к тому, чтобы выходящие в бассейн гор-

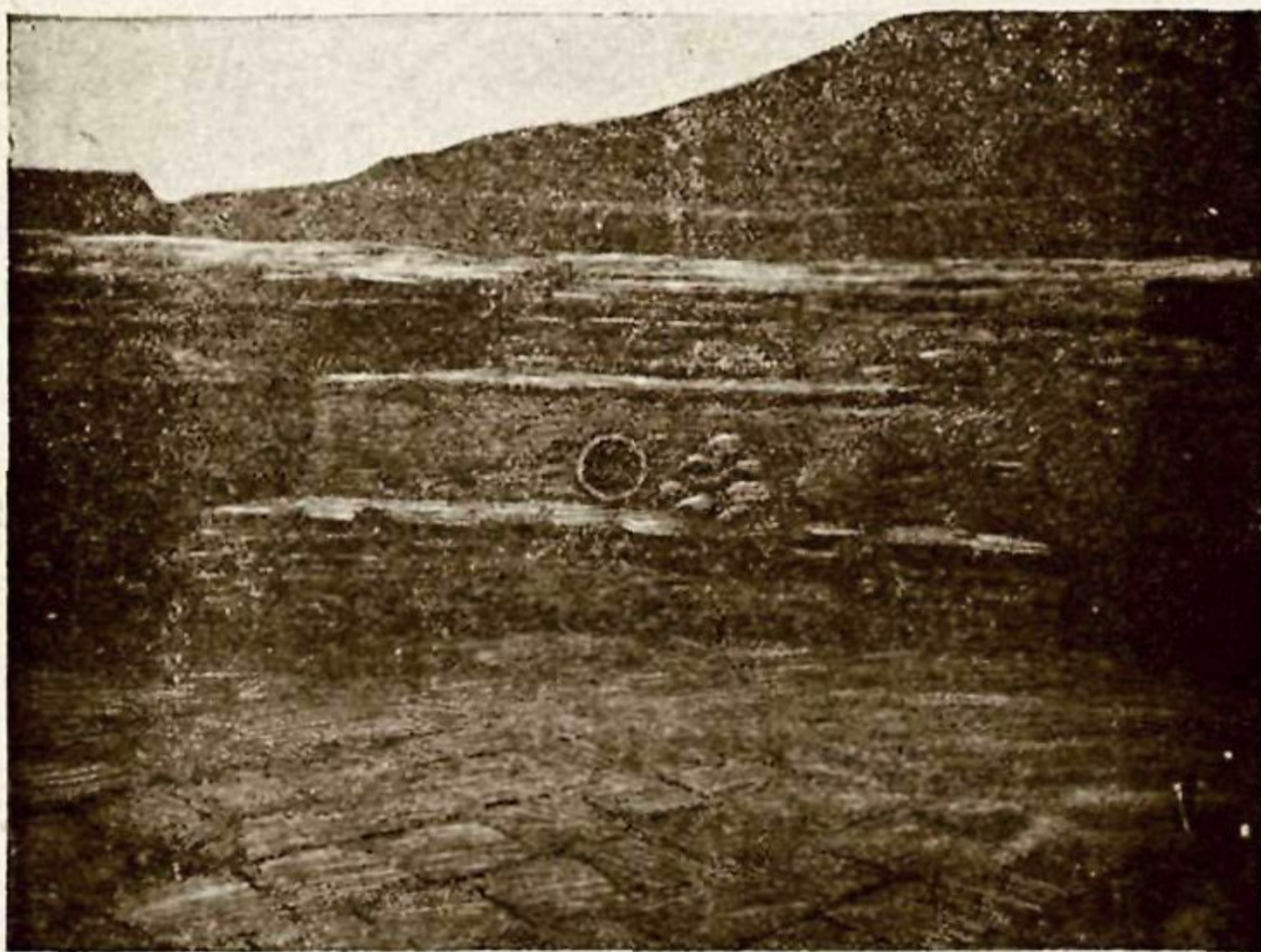

Рис. 17. Северо-восточный угловой ступенчатый спуск бассейна.

лышки сосудов прились как раз посередине вертикальной стены второй ступеньки углового спуска.

Принимая во внимание, что руины дворцовых построек расположены к ЮЗ от снабжавшего город магистрального канала, питавшегося водой

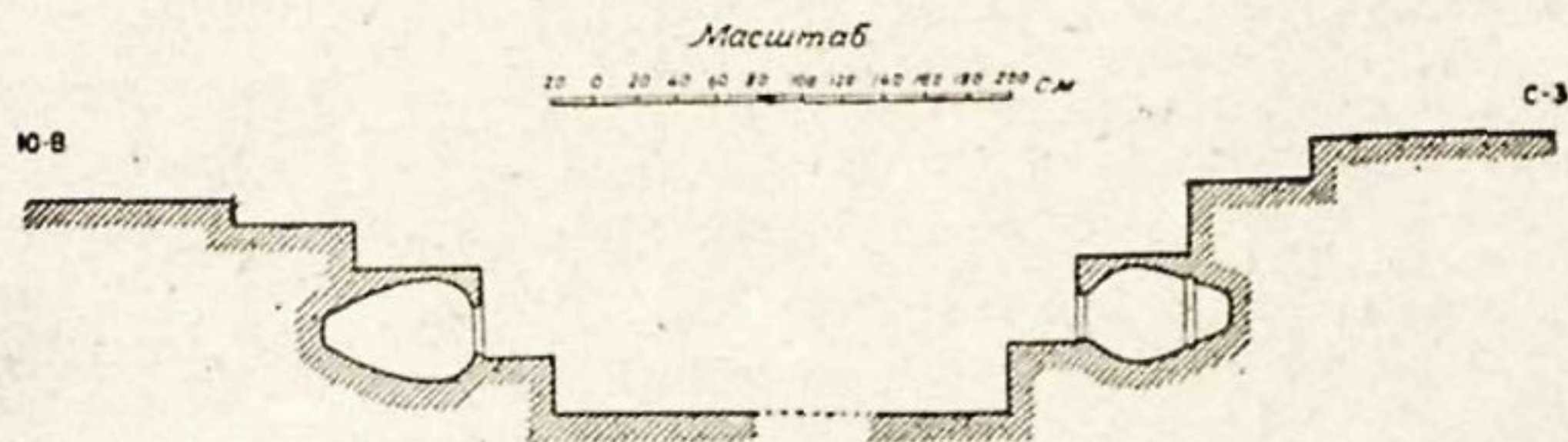

Рис. 18. Разрезы ступенчатых спусков юго-восточного и северо-западного углов бассейна во внутреннем дворе здания № 2.

из Сурхандарьинской системы, естественно было искать остатки сооружений, подводящих к бассейну воду, именно с северо-восточной стороны. Расчет оказался правильным: по вскрытии верхнего наложения, на глубине 0,5 м, близ северо-восточного угла водоема было обнаружено пять звеньев гончарных труб, уложенных по направлению хода главного оросительного канала. Конец последнего звена этой водопроводной трубы почти упирался в наружную подземную часть северной стены бассейна — здесь находился ввод, питавший его водой (рис. 19). Из сохранившихся в относительной целостности звеньев водопроводной гончарной тру-

бы рабочее протяжение первого из них равнялось в общей системе 0,57 м, второго — 0,65 м, третьего — 0,6 м, четвертого — 0,54 м и пятого — 0,59 м. Для определения длины одного кобура следует прибавить к каждому из указанных размеров ещё сантиметров десять, вводимых в отверстие соседнего кобура для соединения их в одну водопроводную систему. Внутренняя полая часть всех звеньев была забита принесенными водой осадками, образовавшими плотную массу, с трудом поддающуюся расчистке. Такой же плотности и цвета наносами были заполнены вложенные в угловые ступенчатые спуски хумы. За время долгого лежания в земле стенки кобур растрескались и сохраняют свою форму до тех пор, пока плотно сле-

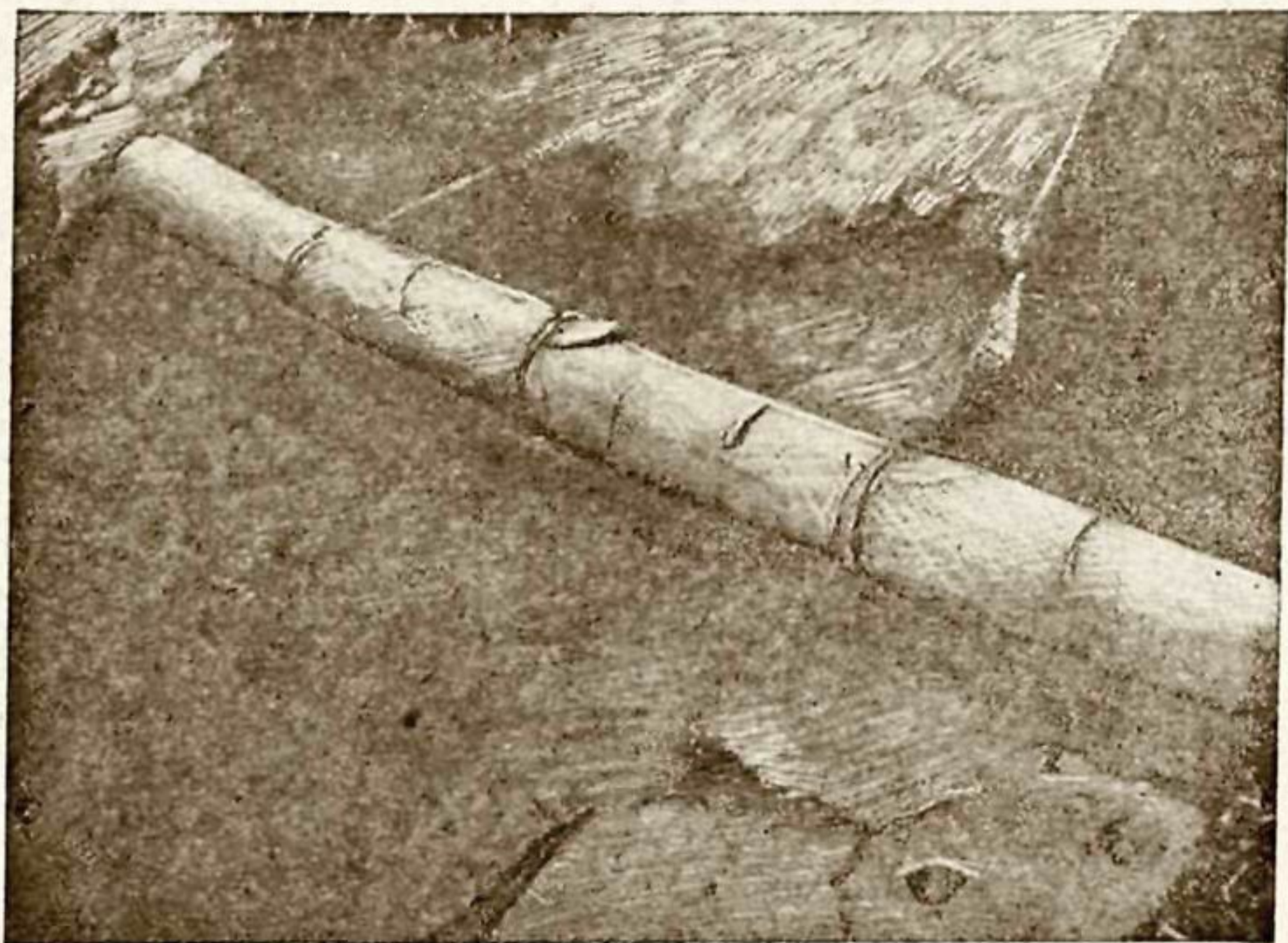

Рис. 19. Вскрытая гончарная труба у бассейна.

жавшаяся внутри их масса держит уже потерявшие между собою связь куски, составлявшие отдельное звено. Измерение кобура № 5 дало следующие результаты: длина его 0,69 м; диаметр наружный 0,175 м; диаметр внутренний 0,155 м; толщина стенки 0,01 м; другой конец этого кобура имеет диаметр наружный 0,155 м; диаметр внутренний 0,130 м; толщина стенки немного больше 1 см. Таким образом в системе водопровода концы каждого кобура служили муфтами, состоящими из двух обойм — наружной и внутренней; при этом, если один конец кобура служил наружной обоймой, то другой использовался как внутренняя обойма соседней муфты.

Из осмотра выявленной части водопроводной системы выяснилось, что она подавала воду в бассейн только в течение определенного периода времени, после чего была заброшена и явилась потребность в постройке нового, подводящего воду сооружения. Это вполне понятно, так как отсутствие очистительных колодцев лишало возможности своевременно производить очистку без излишних земляных работ и ломки отдельных звеньев водопровода. Около того места, где конец водопроводной трубы примыкает к наружной стороне стены, последняя имеет выступ, повидимому, связанный с вводом в бассейн этой подводящей системы. Уровень залегания самой трубы, сохранившейся на месте ее первоначальной прокладки, дает возможность судить о предельной высоте уровня воды в бассейне, исходя из которого вычислено, что полезный объем водовместилища равен около 100 м³.

В результате вскрытия гребня северной стены и обследования прилегающей к ней площадки, на глубине 0,5 м от современного уровня внутреннего двора обнаружен примыкающий к бассейну кирпичный настил шириною немного больше 1 м, идущий в северном направлении (рис. 20). Для выяснения назначения этого сооружения в северной части был раскопан дополнительный участок протяжением в 17,5 м, соединяющийся с третьей площадкой раскопа (рис. 1). Обнаруженные во время работ фрагменты керамических изделий, находящиеся непосредственно на кирпичном настиле, относились к концу XII — началу XIII в.; по этим фрагментам устанавливается первоначальный период накопления вскрытого наслоения. Это указывает, что, начиная с этого времени, внутренний двор здания № 2 находился без постоянного присмотра со стороны служителей. Даже если

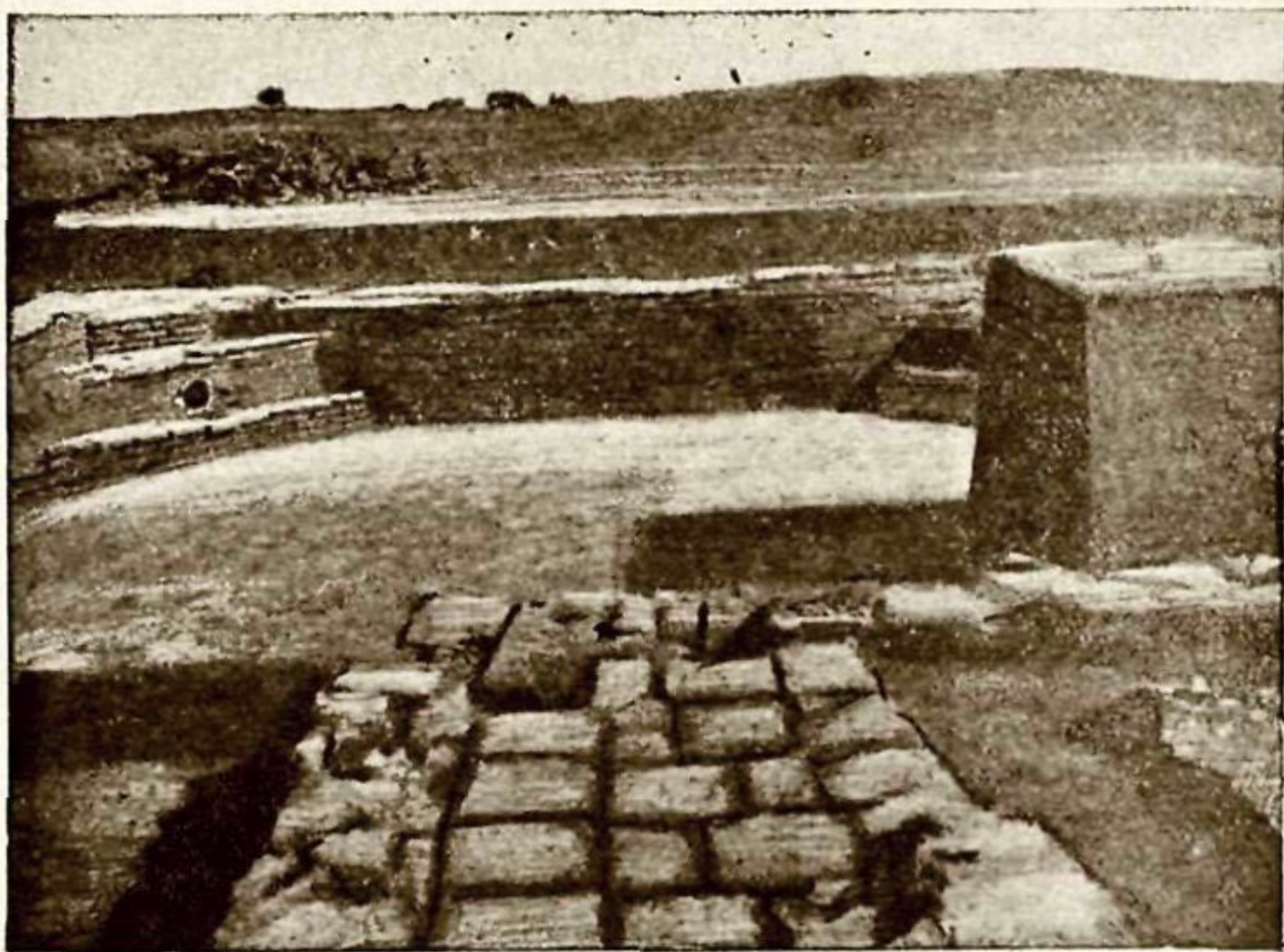

Рис. 20. Северный гребень стены бассейна и примыкающий к ней лоток-дорожка; вид с С.

допустить, что владелец дворца пользовался им только как кратковременной резиденцией (последнее согласуется с расположением его в пригородной части), то это сооружение должно было бы поддерживаться в чистоте и порядке на случай внезапного приезда правителя. Возможно также допустить, что использование этого здания по назначению прекратилось во время его последнего ремонта, не доведенного до конца. Как бы то ни было, но в начале XIII в. никем не удаляемый различный мусор начал постепенно накапливаться и к XVI в. закрыл полуметровым слоем наносов и сивелировал всю площадь внутреннего двора. Погребенный вместе с нею кирпичный настил сохранился в том состоянии, в каком он находился в начале XIII в., т. е. около времени разрушения Старого Термеза монгольскими войсками Чингиз-Хана.

Замощенная плитками обожженного кирпича вскрытая лоток-дорожка поражает небрежностью своей кладки (рис. 21). Отчетливо выделяются четыре продольные ряда настила, идущие по направлению с Ю на С. Для кладки были использованы не только целые, но и расколотые плитки; в некоторых местах мощение произведено разной величины обломками, положенными с единственной целью как-нибудь заполнить свободное пространство, нисколько не заботясь о красоте и опрятности общего вида со-

оружения (рис. 22). Между отдельными плитками зачастую оставлены широкие швы. В кладке самого настила чувствуется привычная к этой работе рука каменщика. Вместе с тем, нельзя не отметить, что для устройства его использованы остатки строительного мусора. Совершенно очевидно, что кладка настила проводилась без четко намеченных продольных линий, служивших западной и восточной его границами; повидимому, строитель в них не нуждался. Естественно встает вопрос: для чего могло быть использовано такое сооружение? По первому впечатлению после осмотра кирпичного настила можно было склониться к решению, что перед нами тротуар — дорожка, поверхность которой сглажена и укреплена для хождения. Но какой контраст между примитивной техникой ее кладки и техникой декоративного настила айвана при входе в парадный тронный зал, находящийся почти рядом с ней.

Это приводит к выводу, что либо они существовали неодновременно, либо настил не являлся тротуаром, а был сделан для каких-то других целей. Естественнее всего допустить, что он служил дном — лотком, по которому протекала вода для наполнения бассейна уже после засорения первоначальной подводящей системы из гончарных труб. Его преимущество перед трубой, конечно, состояло в том, что весь его рабочий ход для протока воды был постоянно открыт и, таким образом, очистка его не представляла никаких затруднений. Если остановиться на последнем предположении, то тогда небрежность кладки, употребление кирпичного боя и проч. становятся понятными, так как сверху все это было закрыто слоем раствора. Это до некоторой степени подтверждается обнаружением на кладке остатков раствора, отмеченного в виде невысокого валика с западного края настила. Однако этот вопрос может быть окончательно решен только после обследования всей восточной половины северного фаса, близ северо-восточного угла которого и находился, вероятно, ввод этой подводящей системы во внутренний двор здания № 2.

Суммируя данные, полученные в результате проведенного обследования на площадке раскопа № 2, позволяющие до некоторой степени реконструировать середину внутреннего двора, расположенного перед тронным залом, следует прежде всего отметить, что теперь уже не подлежит никакому сомнению правильность заключения, высказанного в отчетных работах 1936 г. о том, что торчащие ныне из земли остатки сырцовых стен, разбросанных на площади около 12000 м² и отмеченных как здание № 2, представляют собой отдельное законченное строение, являющееся частью архитектурного ансамбля дворцовых сооружений. Установление этого факта послужит исходной точкой при дальнейшем изучении руин не только данного здания, но и всего комплекса в целом. Вместе с тем, в результате проведенных работ выявлен наиболее древний из известных нам в Средней Азии искусственных больших водоемов, неразрывно связанных с общим планом всего сооружения. Подобные гидротехнические сооружения на городской и сельской территории, применяющиеся в быту у местных оседлых жителей до настоящего времени, возникли, повидимому, одновременно с искусственным орошением и вместе с ним получили широкое распространение. Водоем задолго до наших дней постоянно являлся составной частью многих жилых домов, общественных сооружений и город-

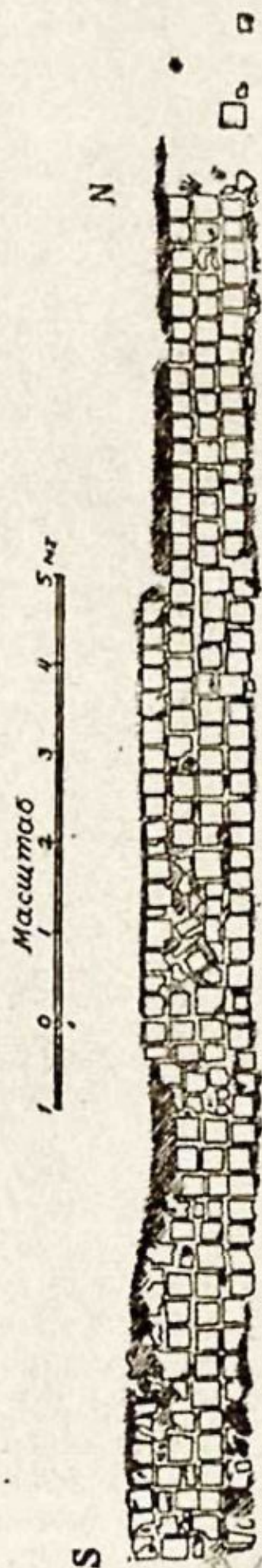

Рис. 21. Лоток-дорожка, примыкающая к бассейну.

ских ансамблей. В установившийся веками план жилого городского и сельского участка почти всегда включался хауз. У мазара, служившего для привлечения и эксплуатации темных, забитых масс населения, а также на площади, прилегающей к медресе, там, где это допускалось техническими возможностями, обычно устраивался большой водоем. В законченных городских архитектурных ансамблях XIX в. мы обычно встречаем бассейн, который, если не являлся его центром, то всегда выделялся в виде особого уголка, невольно привлекавшего проходящих. Позднее некоторые хаузы были засыпаны, и образовались сплошные площади, при обследовании и восстановлении общего плана которых необходимо учитывать это обстоятельство.

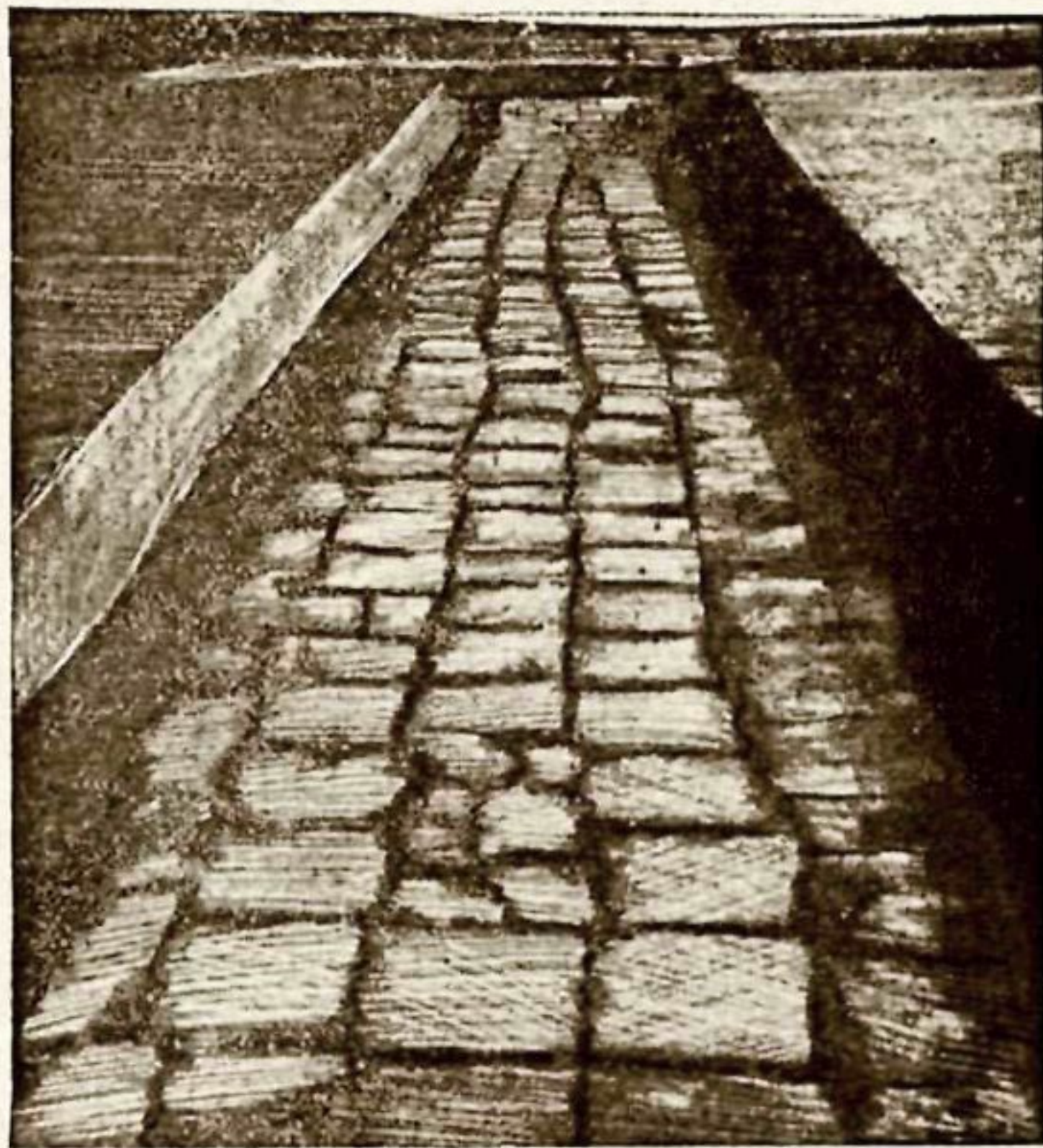

Рис. 22. Общий вид с С на лоток-дорожку.

Таим образом намечаются два аспекта, под которыми должно проходить изучение искусственного водоема в Средней Азии: с одной стороны, его можно рассматривать как часть всей ирригационной системы, снабжавшей водой определенный район, и как запасное водохранилище, сохранявшее воду во время отсутствия ее в проточной оросительной сети, и с другой — как часть целого архитектурного ансамбля. Обнаруженный раскопками бассейн представляет исключительный интерес с обеих точек зрения: являясь частью внутреннего оформления двора, он, вместе с тем, сохранил остатки подво-

дящей водопроводной сети и притом в двух вариантах. О существовании в то время водопровода, следы которого в виде отдельных кобур неоднократно отмечались на территории древних городищ в пределах Узбекистана, мы находим упоминание и в письменных источниках, относящихся к более раннему периоду, чем постройка вскрытого сооружения. Так, еще в X в., при описании г. Самарканда, есть указание, что по крышам домов его базара был проложен свинцовый водопровод, снабжавший город водою с гор*.

Небезынтересно рассмотреть вопрос о технике скрепления кобур. Упомянутая двухобойменная муфта не является единственным приемом соединения двух звеньев. Демонстрированный на отчетной выставке Термезской археологической комплексной экспедиции небольшой набор гончарных труб с древнего городища Термеза позволяет наметить не менее трех различных приемов скрепления.

В описаниях средневекового города Средней Азии можно встретить отдельные упоминания и о бассейнах, расположенных в черте города. Так например, арабский путешественник Мукаддаси в сочинении, написанном им около 985 г., говоря об орошении Старого Мерва, отмечает, что „жи-

* Худуд-ал-Алем. Рукопись Туманского, Л., 1930, стр. 23а. Об употреблении для устройства водопроводов свинцовых труб, наряду с гончарными, говорит также и Витрувий, см. Марк Витрувий Поллион, „Десять книг об архитектуре“, Л., 1936, стр. 245 и дальше.

тели имеют крытые и открытые бассейны с лестницами и дверцами, которые в них со стороны канала открываются по мере надобности**.

Из отдельных находок, обнаруженных при вскрытии водоема, особенно интересна вылитая из меди накладка, лицевая сторона которой изображает стоящую женщину с засунутыми в длинные рукава теплого халата руками. Халат несколько ниже колен; в талии он стянут поясом**. Ворот на груди имеет двойные отвороты. На голове женщины надет высокий убор, закрывающий виски и спускающийся до мочек ушей. Этот головной убор оставляет весь лоб открытым. По своему типу лицо не носит особенно характерных ни монгольских, ни иранских черт. Легкая, спокойная улыбка, небольшая скуластость, широкий нос и толстые губы дают возможность предполагать, что изображенная на этой накладке фигура относится к типу женщин тех турецких кочевых народностей, по имени которых в XI—XII вв. назывались государственные объединения на территории Средней Азии (рис. 23).

На обратной стороне накладки имеется несколько выдающаяся пластинка, повидимому, для прикрепления этой статуэтки к какому-нибудь предмету в виде украшения. Из известных нам аналогичных этой статуэтке предметов, относящихся к этому же времени, можно указать на накладные изображения женщины на персидской бронзовой шкатулке XII в., в которых общий стиль, форма и трактовка отдельных частей имеют поразительное сходство*** с нашим изображением.

Рис. 23. Медная статуэтка.

Условно ооконтуренная площадка раскопа № 3 размером 216 м² занимала середину северного фаса здания № 2 (рис. 1); из этой площади в 1937 г. вскрыто 72 м². Произведенная в начале работ нивелировка (рис. 24) указывает на заметное превышение участка, прилегающего непосредственно к остаткам северной стены, из которых один возвышается на 8 м над завалом строительного мусора (рис. 25). Очевидно, здесь произошло разрушение каких-то строений, существовавших вдоль стены и поверхность завалов, сглаженная ветром и водой, постепенно сравнялись с наслоениями внутреннего двора (рис. 26). Вскрытие, как и в двух первых раскопках, производилось послойно и поквратно. Неглубокие наслоения, залегающие в южной части площадки, по мере удаления на С значительно увеличивались и у северной наружной стены достигли двух метров. По своему

* В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва. СПб, 1894, стр. 24.

** По сообщению директора Термезского краеведческого музея Г. Н. Максимова, эта статуэтка, к большому сожалению, была похищена из выставочного зала Термезского музея, куда временно была послана вся выставка ТАКЭ за два первые года работ.

*** Persian Art. An illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House. Second edition. London, 1931, p. 20.

составу они мало чем отличались от завалов обследованных помещений тронной залы и парадного айвана, но в них совершенно не отмечено фрагментов клеевой росписи; здесь также обнаружено сравнительно небольшое количество кусков резного алебастрового штука; последний зарегистрирован только на участке, простирающемся от стены на расстояние шести метров. Фрагменты керамических изделий дают возможность установить, что эти завалы образовались не позднее XIII в. Выявленные на кирпичном настиле, обнаруженном под наслоениями, небольшие кучи алебаstra и золы свидетельствуют о последнем незаконченном ремонте, внезапно прервавшемся в то время, когда это здание использовалось еще в качестве дворца.

Предполагая посвятить специальную статью керамическим и про-

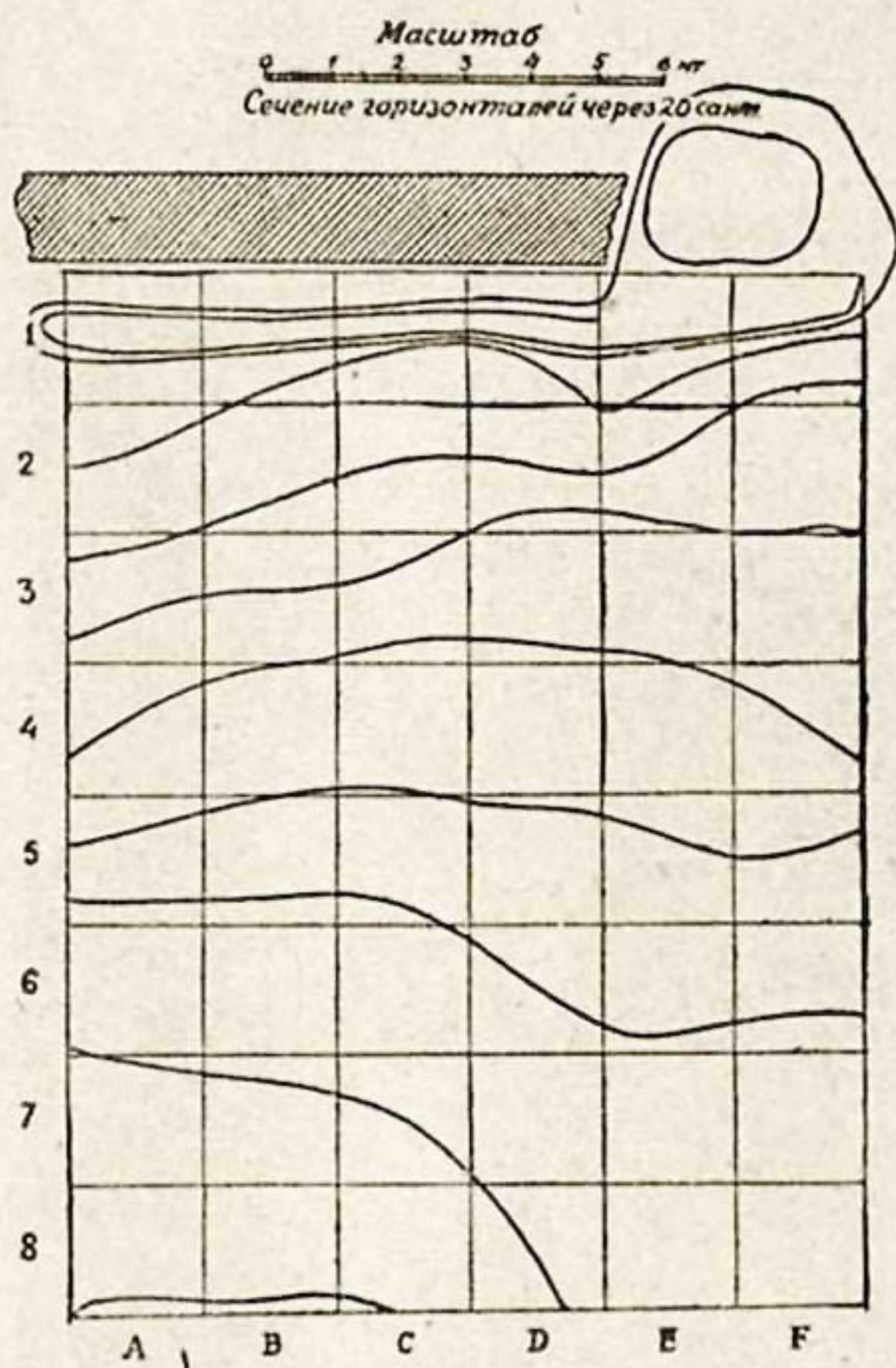

Рис. 24. Нивелировка площадки раскопа № 3.

чим изделиям, найденным при обследовании части дворцового помещения, в настоящей статье упомянем лишь о фрагментах, связанных с архитектурной отделкой этого сооружения.

Кроме уже отмеченной ранее декоративной отделки дворца, состоящей из плиток фигурного кирпича, резного алебастрового штука, двух видов росписи клеевой и фресковой, панджары с цветными стеклами и узорной выкладки пологого настила, обнаружен, повидимому, еще один тип предметов, до сих пор не отмеченный не только среди памятников Средней Азии, но и других стран арабско-иранского Востока: в массе отделочного строительного материала, погребенного в наслоении, непосредственно образовавшемся на кирпичном настиле вскрытого помещения, выявлены в довольно значительном количестве стеклянные штампованные медальоны, большей частью с изображением на лицевой стороне охотничьих сцен*. Учиты-

Рис. 25. Остаток северной стены здания № 2; вид с В.

* Предварительное описание их дано в статье В. Д. Жукова «Стеклянные медальоны, из дворца термезских правителей», Известия УзФАН 1940, № 4—5, стр. 59—66.

вая, что они найдены вместе с осколками разноцветного стекла, приготовленного и частично уже вставленного в ганчевые решетки, возникает предположение, что они являлись частью ее архитектурной декоративной отделки. Укрепленные на белом алебастровом штуке, может быть даже несколько утопленные в нем с целью исправления не совсем правильной их формы (близкой к кругу), вероятно, они служили украшениями отдельных панно, а некоторая часть, очевидно, была предназначена для вставки в сквозные решетки. Обычно застекление панджары производилось стеклами неправильной формы. Геометрическая фигура (круг, треугольник, продолговатый прямоугольник) получалась от рамки гнезда каждого отдельного отверстия решетки.

Несложная техника изготовления этих стеклянных штампованных медальонов, насколько можно судить по их наружному виду, заключалась в

Рис. 26. Площадка раскопа № 3 перед началом работ; вид с ЮВ.

следующем: превращенное в жидкое состояние стекло сливали на гладкую поверхность и сверху слегка надавливали четырехугольным штампом, следы от краев которого ясно видны на некоторых экземплярах; размеры штампа в среднем не превышали 60×60 мм. Точные же его размеры удалось установить только для медальона № 5, представленного девятнадцатью целыми и свыше сорока фрагментарными экземплярами, в то время как другие, за исключением нескольких осколков № 7 и одного № 2, представлены только единичными экземплярами. Эти медальоны классифицированы нами по типу изображений.

Медальон № 1 (рис. 27), сделанный из красного стекла, представляет кружок диаметром 48—52 мм. Толщина его 2 мм; в местах рельефного изображения—4 мм. На лицевой стороне медальона оттиснута розетка, состоящая из проходящих по краю медальона перлов, из которых каждый расположен в отдельной лунной ячейке замкнутой линии рисунка цветка, сложенного из восьми фестонов, окаймляющих восемь тычинок; посередине — небольшое углубление с отмеченным в нем центром в виде малого круглого бугорка. В местах соединения фестонов с наружной стороны цветка расположены рельефные круглые бугорки несколько большего размера. Цепь перлов не охватывает всего медальона: штамп оказался по диаметру

больше, нежели надавливаемая им пластинка из стеклянной массы, поэтому на жетоне вышла только часть изображения, заключенная в кругу. Подобный факт можно часто наблюдать на монетах, при чеканке которых на одном из секторов не умещается рисунок или легенда, расположенная по краю; последнее иногда происходит вследствие небрежности мастера, сдвинувшего в сторону штамп, которым наносилось изображение.

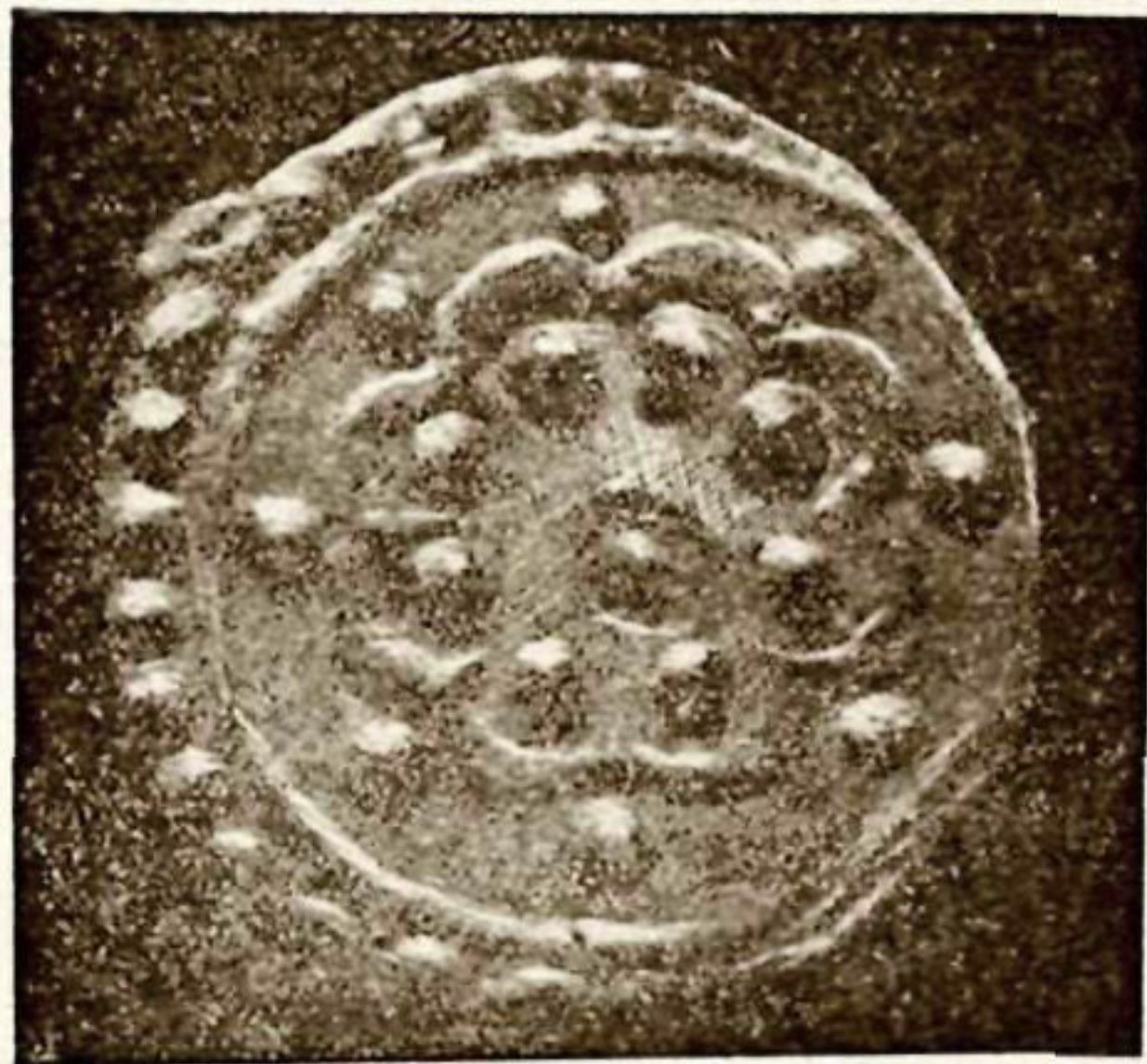

Рис. 27. Медальон № 1.

зывает силу удара. Опушенный вниз хвост и неплотно прижатое левое крыло придают птице некоторую напряженность, подчеркивающуюся изогнутостью лап, когти которых вонзаются в добычу. Перья трактованы крупными, смелыми штрихами. Бегущее влево небольшое животное — джейран или заяц с повернутой назад короткой и тупой мордой является объектом охоты, многочисленные сцены которой служили излюбленным мотивом эпохи сасанидов.

Медальон № 3 (рис. 29). Лицевая и оборотная стороны покрыты сплошь большими выцветами. Толщина стекла 3 мм; в местах рельефного изображения она достигает 5 мм. Рисунок помещен в овале длиной до 50 мм. Изображение представляет вариант охотничьей сцены, воспроизведенной на медальоне № 2, но, кроме хищной птицы и бегущего влево животного, лицевая сторона медальона в верхней своей части по краям имеет ветвь растительного орнамента с листьями, цветком и бутоном. В стремительном беге джейран повернул назад голову, на которой четко выделяются рога. Охотничья хищная птица с широкой грудью вонзает свои когти в его спину. Раскрытым правым крылом она готовится ударить добычу. Поднятая голова ее с изогнутым клювом занесена для удара. Левым крылом она сохраняет равновесие. Но в вытянутых лапах птицы незаметно никакой экспрессии; все изображение носит несколько застывший „мертвый“ характер.

Рис. 28. Медальон № 2.

Медальон № 4 (рис. 30) представляет собой овальный стеклянный кружок диаметром 52—57 мм. По краю четырех сторон резко поднимаются округлые валики, образовавшиеся от нажима четырехугольного штампа. Толщина медальона 3 мм; в местах рельефного изображения — 5 мм. На гладкой левой стороне вправо, в кругу, оттиснуто изображение льва. Поверхность вне круга — без рисунка. Средний диаметр круга 35 мм. Главную композицию в круге занимает разъяренный бегущий лев с повернутой назад головой и широко раскрытой пастью, в которой он держит какой-то круглый предмет. Вокруг изображения животного в пределах круга расположен растительный орнамент, состоящий из веточек, усиков, листиков и характерных для среднеазиатского орнамента элементов, известных под названием „бодамча“.

Медальон № 5 (рис. 31) — овальный кружок из зеленого стекла диаметром 50—58 мм представлен только одним неполным экземпляром: нижний правый сектор, составляющий около одной четверти всего медальона, отколот.

На лицевой стороне имеется изображение коня, женщины и птицы, оттиснутое штампом. По краям медальона образовались округлые утолщения от нажима штампа. Толщина стекла 2—3 мм; в рельефной части изображения — 5 мм. Рисунок изображает

Рис. 29. Медальон № 3.

Рис. 30. Медальон № 4.

стоящую на земле женщину с птицей в руке и коня, от которого сохранилась только часть — от морды до седла, причем изображение головы лошади, вследствие бракованности оттиска, неразборчиво. Крутая шея покрыта густыми прядями длинной гривы. Через широкую мускулистую грудь проходит нагрудник, украшенный прикрепленными к нему подвесками. Левая передняя нога коня упирается в землю, в то время как правая, далеко закинутая вперед, готова опуститься. К спине лошади плотно прилегает седло, позади задней луки которого привязан сосуд с высоким горлышком и ручкой. Перед конем с повернутым к нему лицом и с поднятыми вверх в согнутом положении руками стоит женщина. Широкое круглое лицо ее отражает в себе все характерные признаки красоты женщины феодального Востока. На левом ее ухе пристегнута серьга. Правой рукой она поднимала край покрывала, обвитого вокруг ее головы и спускающегося за спину. Верхняя одежда на ней с закрытым воротом перетянута в талии двумя оборотами шарфа, длинные концы которого спущены вниз. Ниже пояса прослеживаются широкие полы орнаментированной одежды. На ле-

вой руке женщины сидит небольшая птица с раскрытыми крыльями, породу которой нет возможности определить. Судя по богатой одежде, изображенная женщина принадлежала к привилегированному классу.

Рис. 31. Медальон № 5.

ность с несколько закругленными краями. Всего обнаружено 19 целых и около пятидесяти разной величины осколков этого медальона, по которым удалось установить, что четырехугольный штамп, употребленный для их изготовления, был размером 57 — 58 мм². Сохранность стекла различна, но почти во всех медальонах отмечается уже начавшийся процесс его кристаллизации, вследствие чего они частично потеряли свою прозрачность. Большую часть композиции занимает конь, идущий влево крупным шагом; правая передняя нога его высоко поднята и согнута в двух суставах, причем она разделена на три почти равные части, вероятно с целью придания большей экспрессии рисунку. Копыта на всех четырех ногах имеют немного преувеличенные размеры. Левая передняя нога находится в вытянутом положении, а правая задняя, твердо упирающаяся в землю — в согнутом. Левая задняя, удаленная от парной ей ноги, поднята в воздух и готова переступить вперед; копыто ее, так же, как и правой передней ноги, нарочито поставлено под углом к земле. Голова лошади посажена на крутую высокую шею, украшенную пятью прядями густой гривы, перекинутой на левую сторону. Отчетливо выделяется широкая, могучая мускулистая грудь лошади. В унисон общему движению дано изображение хвоста, вначале закрутившегося кверху кольцом и с се-

Медальон № 6 (рис. 32) из зеленого стекла; средняя толщина его около 3 мм, в местах рельефного изображения она увеличивается до 5 мм. Неровный кружок этого декоративного медальона, имеющего большую частью несколько овальную форму, варьирует от 5 до 7 см. На лицевой стороне оттиснуто изображение всадника с птицей; свободное поле украшает растительный орнамент. Обратная сторона его имеет гладкую поверх-

Рис. 32. Медальон № 6.

редины до конца разделенного на развивающиеся отдельные пряди волос. Указанные три момента в трактовке ног, груди и хвоста передают движение лошади. Остальная часть изображения, за исключением птицы, согнутой левой ноги всадника и его рук, воздетых до уровня плеч, не только не передает движения, но, наоборот, хранит в себе все элементы застывшего спокойствия, которым хотели, повидимому, отметить высокое звание изображенного всадника.

На морде лошади надета уздечка, закрепленная тремя перехватами, из которых один охватывает всю морду лошади, другой — только верхнюю ее половину, проходя впереди ушей, и третий, удерживающий уздечку от сползания вниз, закреплен на голове лошади позади ушей. Место соединения уздечки с поводьями, начинающимися на некотором расстоянии от удила, отмечено накладными бляхами. Широкий нагрудник с рельефно выделяющимися пятью подвесками охватывает грудь лошади. Богатая попона украшена разделкой, состоящей из геометрического и растительного орнамента. Заднюю часть спины и бока лошади обтягивает система ремней, сходящихся в подхвостник. Позади всадника прослеживается высокая, изогнутая лука седла, оканчивающаяся несколько утолщенным стреловидным верхом. Под попоной проходит широкая одноремная подпруга. На лошади изображена фигура всадника, лицо и корпус которого повернуты *en face*. Руки его в согнутом положении воздеты вверх до уровня плеч; в правой руке он держит поводья, а на левой сидит охотничья птица, повидимому, беркут, с раздвинутыми лапами, полураскрытым левым крылом и с легким наклоном всего корпуса вперед, с опущенным вниз хвостом, как бы стараясь сохранить нарушенное равновесие. Вокруг головы всадника изображен нимб. Голову его венчает корона, состоящая из двух рельефно выдающихся крайних выступов и проведенных между ними нескольких вертикальных бороздок меньшего размера. Вверху короны крупный шар. На медальонных оттисках корона почти совершенно слилась с нимбом в одно изображение. В лице всадника не прослеживается ни монгольских, ни турецких черт: большие глаза, прямой, крупный нос; опущенные вниз усы сливаются с короткой бородой; в общем лицо имеет скорее продолговатую, чем округлую форму и приближается к иранскому типу. Из одежды его можно отметить халат, пояс и сапоги. Халат с низко вынутым воротом прикрывает колени и плотно облегает верхнюю половину корпуса; ниже пояса до подола одежда орнаментирована нашивками. Узкая, низкая талия стянута поясом. Сапог заходит под халат. Под верхней одеждой всадника на груди через вынутый ворот видно второе одеяние с пуговицей на горле.

Остальная площадь лицевой стороны медальона покрыта растительным орнаментом в виде отдельных завитков, оканчивающихся стилизованными листьями и бодамча, с характерным среднеазиатским орнаментом. Судя по изображенному вокруг головы всадника нимбу, состоящему из круга и лучей, идущих в вертикальном направлении, короне, богатому набору сбруи и попоне лошади, наконец, по занятию, за которым представлен всадник, рисунок, очевидно, изображает охотничью сцену, сам всадник является каким-либо определенным правителем, на что явно указывает его головной убор.

Медальон № 7 (рис. 33) представляет собой несколько неровный кружок диаметром 56—58 мм из цветного зеленого стекла. Средняя толщина 2—3 мм; в местах рельефного рисунка — до 5 мм; представлен одним целым экземпляром и тремя фрагментами. На лицевой стороне медальона крупным куфическим почерком, отдельные буквы которого украшены симметрично расположенными завитками растительного орнамента, оттиснуто арабское слово **الملك**, т. е. царь, царство, владение, государство, собственность, в зависимости от огласовки. Слово это употреблялось как титул в легендах монет, чеканенных от имени халифата; позднее оно вошло также и в надписи на монетах, выпускавшихся отдельными правителями в странах, которых коснулось влияние арабов. Свободное от букв пространство занимает растительный орнамент, потопленный по сравнению с оттис-

нутыми буквами, изображение которых четко выделяется на украшенном цветистом поле.

Последний тип — медальон № 8 (рис. 34) представляет округлую пластинку из зеленого стекла диаметром 52—57 мм, толщиной 2—3 мм, а в местах штампованного рисунка — до 4 мм. Часть края медальона подымается в виде валиков, образовавшихся вдоль границы штампа, имевшего,

повидимому, четырехугольную форму. Медальон представлен только в одном экземпляре, который удалось составить из двух частей, обнаруженных на соседних квадратах. На лицевой стороне медальона имеется рельефное изображение бегущего влево животного; вокруг по всем четырем сторонам проходит арабская надпись. Здесь, так же, как и на других оттисках, точно определить породу животного трудно. Это — либо изображение зайца, либо джейрана; последнее наиболее вероятно, если учесть длину передних ног животного.

Проходящая вокруг

арабская надпись гласит: *للسلطان الاعظم ابي المظفر بهرامشاه*, что в переводе на русский язык значит — „для величайшего султана Абул-Музаффар Бахрам-шаха“ или „для величайшего султана победоносного сына Бахрам-шаха“*, т. е. принадлежащий величайшему султану Абул-Музаффар Бахрам-шаху.

Можно предполагать, что сам дворец и является как раз объектом, принадлежавшим величайшему султану. Таким образом здесь мы имеем наименование и титул правителя, с именем которого как-то связано самое изготовление этих медальонов.

Из числа лиц, носивших имя Бахрам-шаха и могущих быть так или иначе связанными с сооружением и перестройкой дворца термезских правителей, в первую очередь следует упомянуть Газневидского султана Султан Гази Емин-ад-даула Бахрам-шах ибн Масуд ибн Ибрагим (1118—1157); заклю-

Рис. 34. Медальон № 8.

* Надпись прочитана при любезном содействии проф. А. А. Семенова.

ченный сначала своим братом Султаном ад-даула Арслан-шахом (1115—1118) в темницу, он бежал оттуда и обратился за помощью к Сельджукидам. Султан Санджар (1115—1157), последний правитель из династии великих Сельджуков, совершил поход на Газну, овладел ею и в 1118 г. утвердил там правителем своего вассала Бахрам-шаха. В 1150 г. этот Бахрам-шах был окончательно разбит и изгнан из Северного Афганистана четвертым братом Изз-ад-дин-Хасана гуридом Ала-ад-дин Хусейном, получившим за свои огромные опустошения и многочисленные убийства прозвище Джахан-суз, т. е. предающий пламени весь мир. Бахрам-шах был вынужден бежать в Индию и поселиться в Лагоре, где он и умер в 1157 г. Кроме того, в сведениях об историческом прошлом средневекового Термеза есть упоминание о том, что в 1205 г. наместником города был назначен Бахрам-шах, сын Имад-ад-дина, наместника Балха*, принадлежавшего в то время гуридам. Но уже в следующем году Термез был взят Мухаммедом хорезмшахом с помощью кара-китаев и отдан под власть последних**. Таким образом город в течение одного столетия неоднократно находился в руках газневидов, сельджуков, гуридов, кара-китаев и хорезмшахов. На основании выявленных данных не представляется возможным окончательно решить вопрос, с каким именно из перечисленных Бахрам-шахов — газневидским или гуридским — связано изготовление выявленных стеклянных медальонных оттисков. Даже титул в данном случае не может иметь большого значения, так как каждый мелкий, незначительный правитель того времени старался присвоить наиболее пышный титул, чтобы хотя этим придать себе обаяние и авторитет. Отсюда происходит такое необычайное разнообразие громких витиеватых титулов, которые ни в коей степени не определяют значения того или иного правителя; при выявлении его бесславного и кратковременного существования этот пышный титул звучит скорее насмешкой***.

Все же, судя по некоторым историческим фактам, изготовление указанных медальонов скорее всего связано с именем газневидского Бахрам-шаха. Как известно, по взятии Синджаром Балха и восстановлении на троне первого Бахрам-шаха великие Сельджукиды впервые получили право упоминать на хутбе имя Синджара как „Мелика“, в то время как за именем Бахрам-шаха осталось наименование „султана“. Может быть, изготовление декоративных медальонов связано с этим историческим фактом.

Цветное стекло производилось и широко употреблялось на территории Средней Азии, повидимому, задолго до рассматриваемого нами периода. В письменных китайских источниках V века н. э. есть указание, что в конце первой четверти этого столетия „люди, прибывшие из государства большого Юэчжи, произвели выплавку разноцветного стекла и с этого времени стекло стало дешево, и люди не считали его драгоценностью“****.

Там же мы находим указание, что до того времени стекла доставлялись в Китай из западных стран, т. е. из Средней Азии. Подтверждением этого могут служить факты обнаружения в курганных погребениях до VIII в. н. э. разноцветных стеклянных бус иногда чрезвычайно маленького раз-

* В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб. 1900, стр. 377.

** О дальнейшей судьбе этого последнего Бахрам-шаха мы находим сведения у Несеви в главе, где он сообщает об отъезде Туркан-Хатун из Хорезма; перед своим отбытием она дала распоряжение умертвить около двадцати находящихся в плену высоких сановников, опасаясь, что они могут извлечь выгоду из затруднительного положения династии. Среди имен некоторых лиц умерщвленных по ее приказанию, приведены: Бахрам-шах — правитель Термеза и его отец Имад-ад-дин — наместник Балха. (В. В. Бартольд, — Туркестан . . . стр. 464; *Nesawi „Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti prince du Charezm“, trad. par O. Houdas. Piblic. de l'Ecole des langues orient. viv. X. Paris, 1895 (p. 66).*

*** Интересно отметить, что титул „величайший султан“ мы встречаем на многих монетах газневидских правителей, в числе которых приводится и полная титулатура Бахрам-шаха газневидского: „Muizzu-d-din Bahram Shah“ — „As sultanu-l azam Aloudunya wan-d-din“. *Elliot. The History of India, Coins of the Ghaznivides and Ghorians, vol. 11. London, 1869, p. 483.*

**** Н. И. Веселовский, Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии. ЗВО, т. VIII, стр. 137.

мера (бисер), употреблявшихся как для отделки одежды, так и для украшения различных изделий из кожи и ткани. Что же касается XII в., то здесь мы имеем уже достаточно хорошо освоенное стеклянное производство, изделия из которого продавались на городских рынках. Фрагменты стеклянных тонких бокалов на высоких ножках с перехватами, найденные при раскопках дворца, дают некоторую возможность представить себе уровень техники кустарных мастеров средневековья. Хотя обнаруженные медальоны являются уникальными, все же сюжеты изображенных на них сцен, в большинстве случаев относящиеся к охотничьему быту, обычно встречаемые на сасанидской утвари и надолго сохранившиеся в изобразительном искусстве мусульманского Востока*, не являются новыми, за исключением,

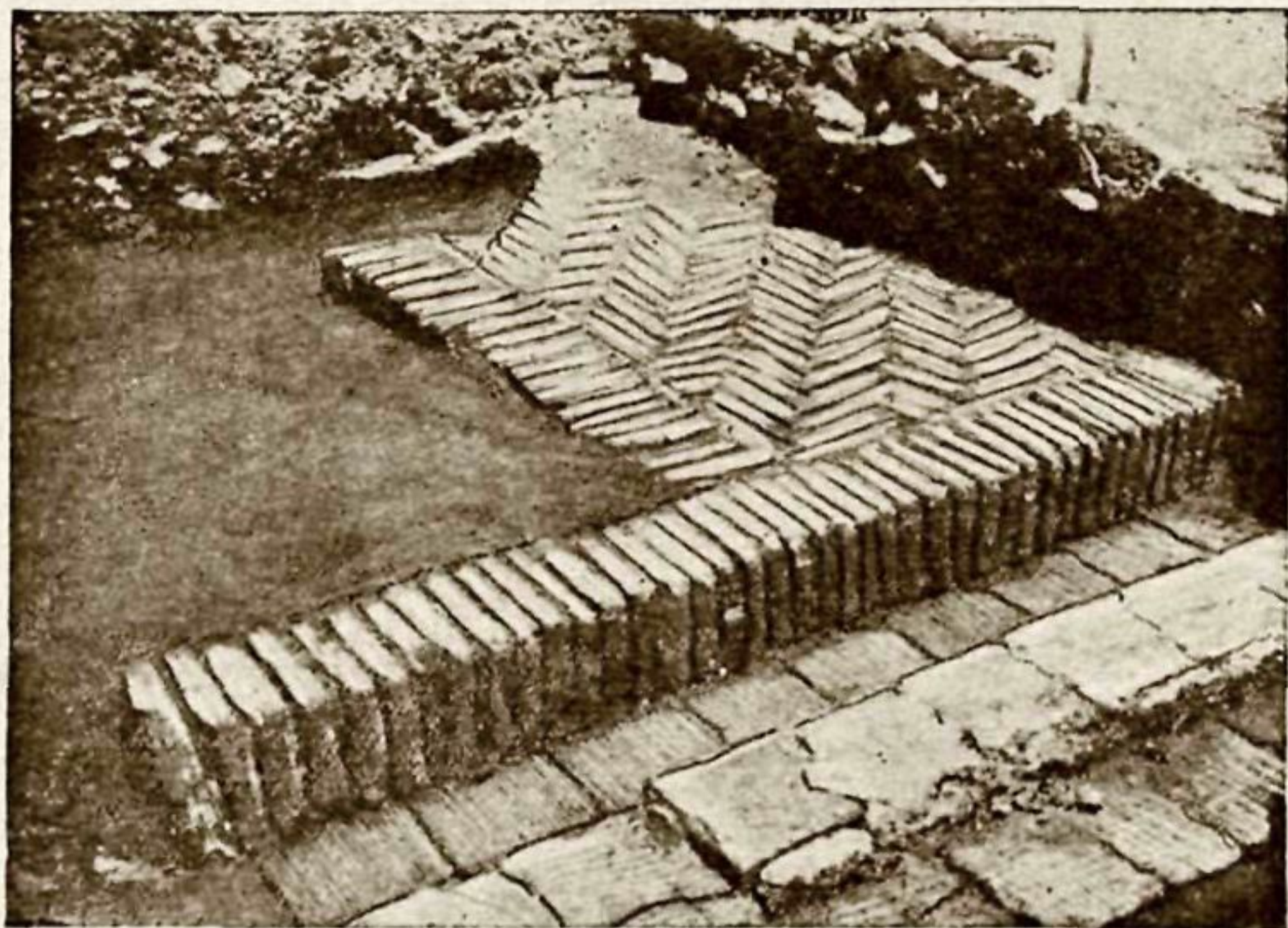

Рис. 35. Порог и половой настил из жженого кирпича, примыкающий к западному помещению.

может быть, изображения женщины; последний мотив, насколько нам известно, уже отмечался в росписях среднеазиатских памятников архитектуры.

В раскопе № 3, в южной его части, выявилась площадь внутреннего двора, примыкающего к открытому летнему помещению, имеющему половой настил из плиток обожженного кирпича размером $27 \times 27 \times 4$ см, положенных в елку (рис. 35). Этот кирпичный настил был погребен под наслоением различного строительного мусора, достигающим толщины одного метра. Со стороны внутреннего двора половой настил ограничивается порогом из ряда положенных на ребро плиток кирпича. Такой же порог, окаймлявший фигурную кладку с западной стороны, отходит и в северном направлении, замыкая, повидимому, восточную часть вскрытого помещения. Аналогично устроенные пороги были обнаружены в 1936 г. в двух местах при обследовании восточного фасада этого здания: один из них отделял помещение парадной тронной залы от айвана, другой — айван от примыкавшей к нему площади внутреннего двора. С южной стороны вскрытого айвана, сантиметров на тридцать ниже уровня его пола, проходит выло-

* Например, изображение охотничьей сцены на серебряном кувшине из деревни Курлово, см. Восточное серебро, табл. IV, рис. 88. Беркут, схвативший джейрана (Я. И. Смирнов, Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб, 1909).

женный из обожженного кирпича настил шириною в три плитки, причем средний ряд плиток, сложенный на ганчевом растворе и состоящий из двух рядов, положенных друг на друга, вероятно, служил стенкой арыка, подводящего воду к бассейну (рис. 35). Дойдя до середины северного фаса, арык под прямым углом поворачивает на Ю, остатки его в виде лотка-дорожки и были обнаружены в северном направлении от хауза (рис. 36),

Квадраты 4с, 4d и 4e (рис. 37), вскрытые до уровня кирпичного настила, дали остатки строительного материала, состоящего в нижней своей части, главным образом, из фрагментов алебастровой решетки; в северо-восточном углу квадрата 4f на полу айвана была обнаружена небольшая горка из мелких кусков жженого алебастрового камня, свидетельствующая о каких-то незаконченных ремонтно-отделочных работах.

На глубине около семидесяти сантиметров от поверхности завала, прилегавшего к северной стене, был обнаружен верхний край панели из алебастрового штука, покрывающего внутреннюю сторону большого куска сте-

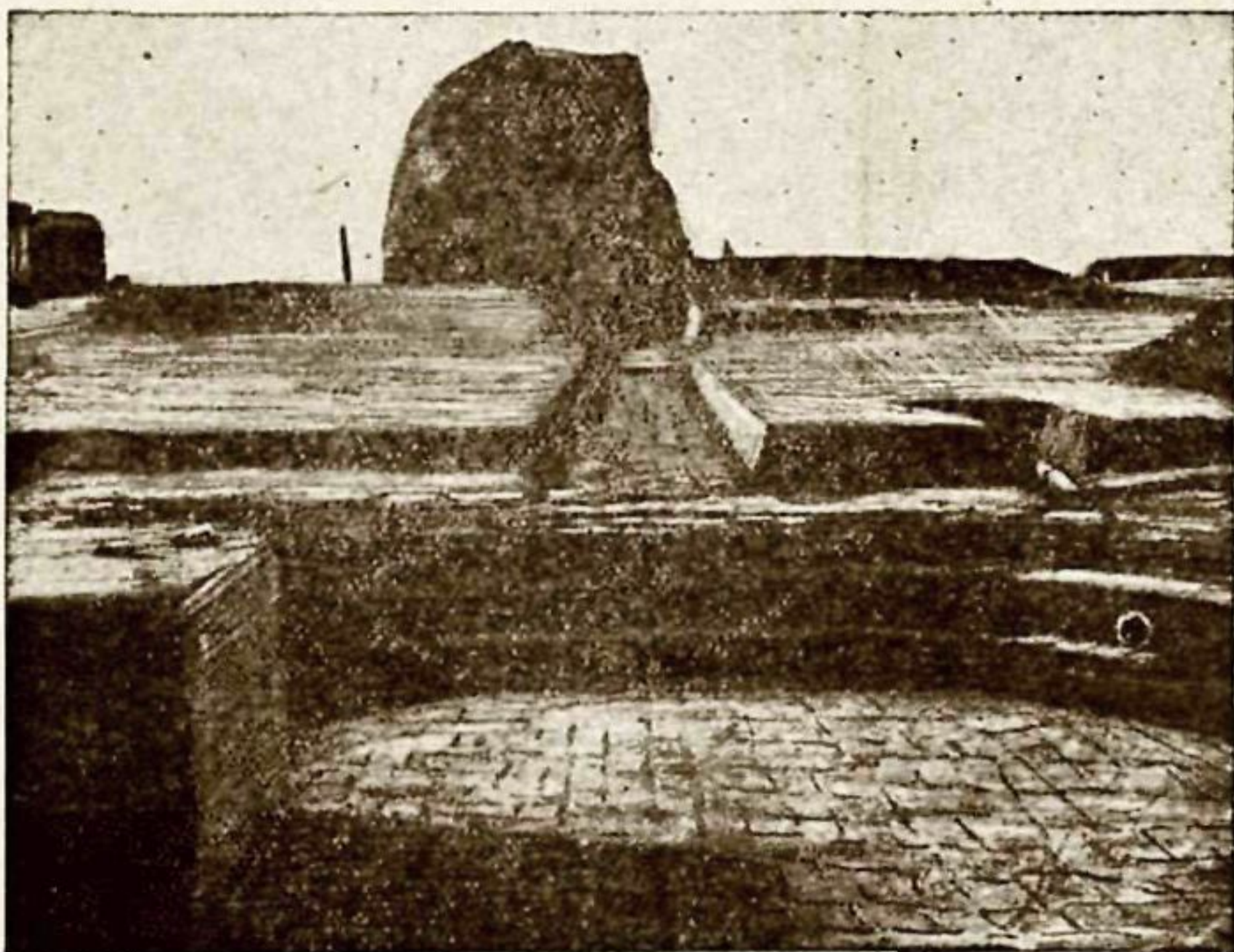

Рис. 36. Две системы, подводящие воду в бассейн.

ны, сохранившейся на высоту до 10 м от уровня пола помещения, вскрытого на квадратах 1с, 1b, 2с и 2b. Хотя южная стена этого помещения на раскопанном участке и не обнаружена, но границы его с этой стороны все же можно было точно нанести на план, так как на высоту до 0,8 м уцелела на месте нижняя часть резной алебастровой панели, покрывавшей южную стену. Восточная и западная границы помещения шириной в 3,55 м весной 1937 г. не прослежены. С внутренней стороны южная и северная стены его покрыты резным штуком. Нижний пояс панели северной стены высотой около 1,5 м сохранился почти полностью. По верху ее проходила резная арабская надпись, отдельные обломки которой еще держатся на месте. Главным элементом орнаментального мотива этой панели была звезда. По высоте и окаймлявшей ее сверху арабской надписи эта панель тождественна с панелью северо-восточного угла парадного айвана. В нижних наслоениях строительного мусора близ северной стены отмечено значительное количество фрагментов резного штука, многие из которых являются обломками указанной надписи. Пол этого помещения, сложенный из квадратных плиток обожженного кирпича, почти целиком сохранился в южной части; около северной стены половой настил не уцелел (рис. 37).

Суммируя полученные данные, можно считать окончательно установленным, что в северном фасе дворцового сооружения имелось два помещения: одно закрытое, стены которого были декорированы резным алебастровым штукатуром, а другое открытое — типа айвана, отделенное от первого стеной, примыкало к нему со стороны внутреннего двора. Уровень пола закрытого помещения находился на 35—40 см ниже среднего уровня дворовой площади. Очевидно, посередине северного фаса, по аналогии с которым был, вероятно, сооружен и южный, возвышался айван.

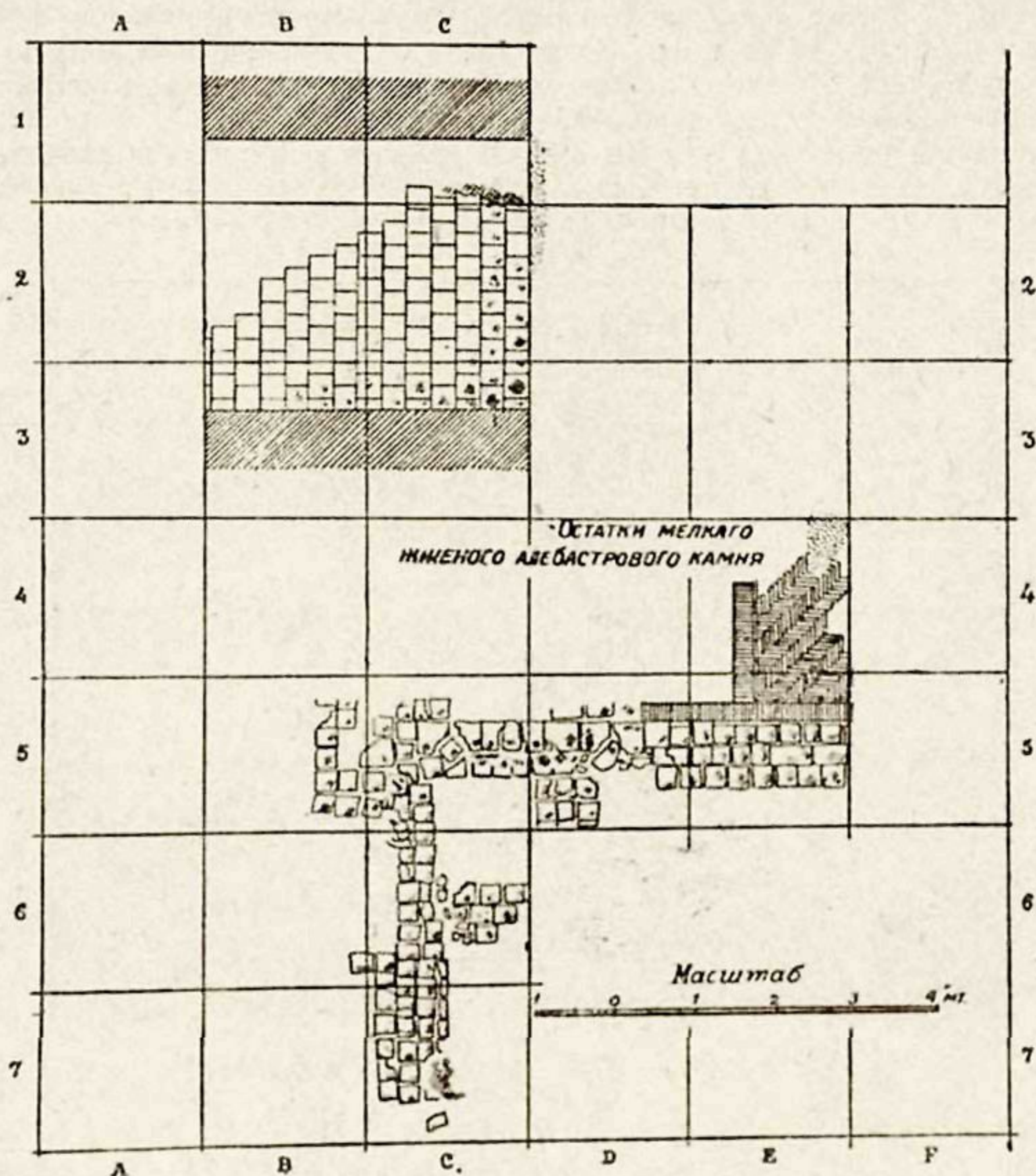

Рис. 37. План вскрытой части северного фаса здания № 2.

В результате проведенных весной 1937 года полевых исследований по изучению здания № 2 удалось выявить следующие данные, касающиеся истории этого дворцового сооружения:

- 1) границы северной части айвана, примыкавшего к парадной тронной зале, которые затем нанесены на план;
- 2) юго-западную часть помещения более легкого типа, находящуюся с северной стороны айвана и соединенную с ним коридором;
- 3) наличие посередине внутреннего двора большого квадратного бассейна вместе с остатками сооружений, подводивших к нему воду;
- 4) два периода в существовании этого бассейна, повидимому, соответствующие двум периодам существования самого здания;
- 5) наличие посередине северного фаса айвана и закрытого помещения, декорированного резным штукатуром;

6) остатки системы помещений, расположенных в северной части восточного фаса.

Было также установлено, что последний ремонт этого дворцового сооружения был неожиданно прерван в первой половине XII или в самом начале XIII в.

В процессе обследования был собран многочисленный керамический материал, не считая изделий из стекла и металла; последним намечено посвятить специальные работы.

Дворец термезских правителей по своему архитектурному типу должен, очевидно, занять промежуточное положение между дворцами, сохранившими черты оседлого и кочевого быта. К сожалению, следует отметить, что из отдельных остатков древних дворцовых сооружений лучше всего остается выявленной ападана, наиболее мощная и выдающаяся часть постройки. Наряду с этим некоторые детали декоративной отделки термезского дворца, как например, арочные пролеты, украшенные фестонами, являются признаком типа строений, имеющих большой путь своего исторического развития.

Интересно отметить, что основным элементом в орнаментации некоторых панно было изображение звезды, количество лучей которой и форма значительно варьировали. Такие „звездные панно“ находились в большинстве случаев на лицевой стороне устоев центральной части парадного тронного зала. Эта своего рода барочность в архитектуре так называемого сельджукского периода, отразилась на всех памятниках эпохи, предшествовавшей монгольскому завоеванию. Этот пышный стиль, выявленный еще в сооружениях столицы халифата Самарры, отмечается также и на памятниках Узбекистана. Показное величие архитектурных сооружений, витиеватые, громкие титулы правителей, оказывавшие моральное воздействие на трудовое население, обремененное непосильными налогами, способствовали еще большему его закабалению.

Резьба по алебастру в качестве архитектурной отделки помещений часто встречается и в памятниках значительно более позднего времени. По типу этого рода отделки наиболее близким к парадной зале дворца термезских правителей является „белый зал“ Ситора-и-Махи-Хосса, загородного дворца последнего бухарского эмира. Изумительная по своему тонкому мастерству отделка того и другого зала, вместе с тем, дает прекрасные образцы дешевой декорации помещения. Но по качеству и мастерству отделки зала XII в. во много раз выше залы XX в. Если в первом искусная рука мастера смело наносила разные причудливые кривые орнаментального мотива, оживленные в своем сплетении внутренней динамикой и подчиненные общей композиции, то во втором, кроме изумительной тщательности в нанесении линий и несколько своеобразного мотива, отметить нечего — здесь орнамент как бы застыл, втиснутый в рамки трафарета.

Наиболее характерными частями архитектурной отделки дворцового сооружения являются резной штук и разнообразные плитки тесаного фигурного кирпича. Уже первые исследователи этого дворца отметили почти полную аналогию (хотя только в единичных экземплярах) между формами этого кирпича и кирпича, примененного в мавзолеях Мухаммеда Ханапья*, Султана Санджара** и других сооружениях этого периода. Из найденного нами декоративного кирпича 5—6 форм имеют полное сходство с формами плиток из облицовок того и другого мавзолеев, опубликованных в работе Н. М. Бачинского***. В ней для первого мавзолея приведено 17, а для второго — 14 разных образцов фигурного кирпича.

* Б. Н. Засыпкин, Архитектурные памятники Средней Азии, журн. „Вопросы реставрации“, вып. II. Москва, 1928, стр. 277.

** Б. Н. Засыпкин, Памятники монументального искусства советского Востока в сборн. „Художественная культура советского Востока“. М.—Л., 1931, стр. 31.

*** Н. М. Бачинский, Архитектурные памятники Туркмении. Москва—Ашхабад, 1939, стр. 31 и 39, вып. 1, Туркменского государственного научно-исследовательского института истории.

В своей статье „Архитектура Сел джуков в Средней Азии“ С. А. Судаков, повидимому, подражая западным исследователям в выделении сельджукского периода в истории архитектуры Средней Азии, замечает, что „Мечеть Тульхатын-Баба, Мухаммед Ханапья и мазар Султан Санджара исчерпывают сохранившиеся до нашего времени памятники архитектуры Сельджуков в пределах советской Средней Азии“¹, и несколько дальше указывает на общие черты архитектуры Сельджуков с караханидскими памятниками в Бухаре². Нам, однако, кажется, что памятники эпохи Сельджуков и эпохи Караханидов следует отнести к одному отделу архитектуры, к которому должны быть отнесены все сооружения, построенные на территории Средней Азии в XI—XII и отчасти XIII вв. Вопросом об отражении экономических и классовых отношений этого периода в памятниках его материальной культуры мы намерены заняться в процессе более детальной обработки материалов Термезской археологической комплексной экспедиции.

В заключение считаю необходимым отметить, что для истории архитектуры Средней Азии требуется специальное изучение всей орнаментации вскрытого дворцового сооружения, которое является своего рода Самаррой для Узбекистана и, несомненно, будет служить одним из отправных пунктов при датировке близких по времени объектов. В виде примера можно привести деревянные резные колонны из селений Курут³ и Обурдон⁴, датированные в 1927 г. М. С. Массоном XI—XII вв⁵. Сравнивая их орнаментальные мотивы с мотивами резной штуковой декорации, мы находим одни и те же элементы в орнаментации, нанесенные мастерами и по дереву и по алебастру, которые давно уже существовали у местного населения Средней Азии⁶.

¹ С. А. Судаков, Архитектура сельджуков в Средней Азии, журн. „Социалистическая наука и техника“ 1935, № 10, стр. 64.

² Там же, стр. 65.

³ М. С. Андреев Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 г., Сборник По Таджикистану, в. 1, Ташкент, 1927 стр. 10.

⁴ М. С. Андреев. Деревянная колонка в Матче. Известия РАИМК, т. IV. л. 1925.

⁵ М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Сборник „По Таджикистану. в. 1. Ташкент, 1927, стр. 31—32.

⁶ Ibid, стр 40

П. И. КНЯЗЕВ

РАЗВЕДОЧНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В КВАРТАЛЕ МЕТАЛЛИСТОВ ДРЕВНЕГО ТЕРМЕЗА

Летом 1938 г. Термезской комплексной археологической экспедицией Узкомстариса при Комитете наук при СНК УзССР были произведены разведочно-археологические работы на территории квартала металлистов Древнего Термеза в приамударьинской части городища.

Для выполнения этих работ был сформирован отряд № 4 из двух научных сотрудников (начальника отряда П. И. Князева и коллектора Р. А. Набиева) и рабочих переменного состава (от 5 до 11). Полевые работы отряда продолжались около 2 месяцев. Общее руководство работами отряда осуществлялось доктором археологии М. Е. Массоном, принимавшим также непосредственное участие и в процессе полевых работ.

Специфика и новизна постановки подобного рода исследований в археологической практике, наряду с довольно тяжелыми климатическими условиями, создали особые трудности при проведении полевых работ.

В 1936 и 1937 гг. сотрудниками ТАКЭ было отмечено, что на значительной площади, находящейся приблизительно в 0,5—1 км к СВ от крайней северо-восточной „бурджи-калы“, на поверхности рассеяны многочисленные куски металлических „шлаков“. Это обстоятельство дало повод предположить, что на данной площади в какие-то периоды существования города находился ремесленный квартал металлургов или металлистов. С каким именно металлом было связано производство, его характер и продолжительность — было неясно. При составлении топографической схемы приамударьинской части городища археологом В. А. Шишкиным было предположительно зафиксировано местоположение этого квартала. Эта площадь в 1933 г. была более детально обследована отрядом № 4.

Квартал металлистов занимает площадь около 8 га. Центральная его часть имеет форму, близкую к прямоугольнику (длина 300 м, ширина 200), вытянутому в широтном направлении. Около 2 га занимают дополнительные, выдающиеся в разных местах окраинные части площади. М. Е. Массон на основании подъемного керамического материала, обнаруженного в квартале металлистов и в других частях городища, установил, что в основном современные формы микрорельефа отражают те черты структуры и топографии города, которые он имел к началу XIII века, т. е. ко времени монгольского нашествия.

Современная поверхность древнего квартала металлистов довольно резко выделяется на площади городища сравнительно большим растительным покровом, что обусловлено обилием золистого материала, насытившего почву и образовавшегося в результате многовековой деятельности существовавших здесь производственных мастерских.

В основном современная поверхность квартала металлистов в верхней ее части до глубины 0,5—1,0—1,5 м состоит из лесса, смешанного с песком, и содержит значительное количество золы, а также культурных остатков, состоящих по преимуществу из строительного мусора и фрагментов керамики, обломков стекла, костей животных, угля и т. д.

Земляной покров, скрывающий остатки сооружений города, существовавшего в начале XIII в., на площади квартала большей частью имеет мощность всего лишь от 0,5 до 1,5 м. Поэтому современный микрорельеф является довольно надежным признаком для распознавания топографических элементов в устройстве кварталов Древнего Термеза.

Повидимому, существенную роль в формировании современного микрорельефа имело направление преобладающего на территории города ветра, так называемого „афганца“, дующего преимущественно с З или ЮЗ, и одновременно с перемещением лессовых и песчаных частиц на месте, несущего с собой также значительное количество частиц песка и лесса со стороны Афганистана.

Кроме общей морфологии рельефа площади города, на образование современного микрорельефа поверхности существенно влияла также и ориентировка самих городов и сооружений или их развалин. Непосредственно на почвенном покрове дневной поверхности находятся многочисленные обломки жженого кирпича, большое количество мелкого строительного мусора, обломки фрагментов неполивной и поливной керамики, обломки стеклянных сосудов, отходы кричного производства железа и другие многочисленные культурные остатки.

На дневной поверхности довольно отчетливо можно выделить три типа отдельных участков (пятен), совершенно лишенных почвенного и растительного покрова:

1) интенсивно золистые, содержащие куски кричного железа и состоящие преимущественно из золы с примесью лесса; подобного рода „пятна“ связаны непосредственно с мастерскими металлистов и могут служить руководящим признаком для их распознавания. Они часто содержат значительное количество обломков жженого кирпича и мелкого строительного мусора;

2) интенсивно золистые пятна, содержащие керамические шлаки; зола явно преобладает над лессом; они содержат также значительное количество обломков жженого кирпича и строительного мусора, указывая тем самым местоположение керамических мастерских;

3) глинистые пятна с значительным количеством строительного мусора и обломков жженого кирпича.

Своим образованием такие пятна обязаны разрушению жилых домов и других сооружений, главным образом не служивших производственным целям. Они обычно лишены растительного покрова, нередко покрыты глинистой коркой, образующей иногда „такырную“ поверхность. Их ориентировка, в сочетании с микрорельефом, позволяет в некоторых случаях судить об основных элементах планировки сооружений.

Нередко в золистых пятнах отчетливо выраженное линейное расположение строительного мусора в сочетании с микрорельефом также позволяет наметить планировку ранее существовавших сооружений.

По характеру микрорельефа и по золистым пятнам, содержащим следы производственной деятельности, можно с значительной долей вероятности наметить некоторые черты структуры квартала, относящиеся к последнему периоду его существования.

Весьма четки границы квартала металлистов на Ю и В. Восточной границей его являлась большая и довольно широкая улица, проходившая в меридиональном направлении. Эта улица отделяла квартал металлистов на З от площадей, занятых на В преимущественно керамическими мастерскими.

Южной границей служила дорога, существующая и в настоящее время и являющаяся продолжением дороги, идущей вдоль северной стены калы и далее к В, близ квартала металлистов, вдоль берега р. Аму-Дарья.

На З и С границы квартала выражены менее четко. Близ северной границы квартала, повидимому, находились крупные водоемы типа хаузов, о чем свидетельствуют отчетливо выраженные в рельефе котлованоподобные углубления со сглаженными бортами. Однако не исключена возможность, что эти углубления представляют собой естественные формы рельефа и не связаны непосредственно с деятельностью человека.

Главные улицы квартала имели, повидимому, главным образом, северо-восточное направление, что подтверждается как ориентировкой помещений, вскрытых разведочной раскопкой в квадрате VII—4, так и стенами зданий, обнаруженными в шурфике, заложенном в квадрате I—8 и в яме (повидимому, бывшем окопе), в квадрате IX—6 (рис. 1). Наиболее крупная площадь в пределах квартала, вероятно, находилась близ западной его границы и имела в ширину 40—50 м при длине около 70 м. На участке, примыкающем к северо-восточному углу площади, располагалось какое-то довольно значительное здание, возможно, общественного назначения. Близость его к торговой площади одновременно с намечающимся характером планировки позволяет предположить, что здесь находился караван-сарай. На окраине квартала, главным образом, в угловых северо-восточных, юго-восточных и юго-западных частях находились, повидимому, весьма крупные керамические мастерские, так как именно в пределах квадратов X—1, 2; I—14, 15; X—15 расположены весьма крупные золистые пятна с керамическими шлаками. Эти места древних мастерских резко выражены в рельефе в виде несколько обособленных курганоподобных холмов. В юго-восточной части квартала, в квадратах X—14, 15, среди подъемного материала была встречена „сепоя“ (подставка, употребляемая керамистами), что также подтверждает предположение о местонахождении здесь керамических мастерских.

Отдельные менее крупные мастерские керамистов и стеклодувов, судя по производственным остаткам, находились не только в окраинных частях квартала металлистов, но и в его центральной части, однако количество их в общем незначительно.

Частью квартала, наиболее насыщенной кусками кричного железа, является его южная половина (ряды квадратов с V по X). На основании общих впечатлений, вынесенных при обследовании квартала, ориентировочно можно предположить, что в последние моменты существования квартала в его пределы входило не менее одной сотни самостоятельных мастерских.

Поверхность квартала металлистов в современном своем виде представляет довольно ровную площадь, нарушенную лишь слабой всхолмленностью, образовавшейся, главным образом, за счет обволакивания и закрытия земляным покровом развалин городских построек и сооружений.

Все находки, в той или иной мере характеризующие существование производства, сделанные как на дневной поверхности квартала, так и на глубине, в процессе разведочно-раскопочных работ разбиваются на четыре группы и свидетельствуют о былой деятельности мастеров: в пределах квартала металлистов, изготовлявших изделия из железа, керамистов, стеклодувов и, предположительно, металлистов цветных металлов (главным образом, медь, а возможно, и свинец).

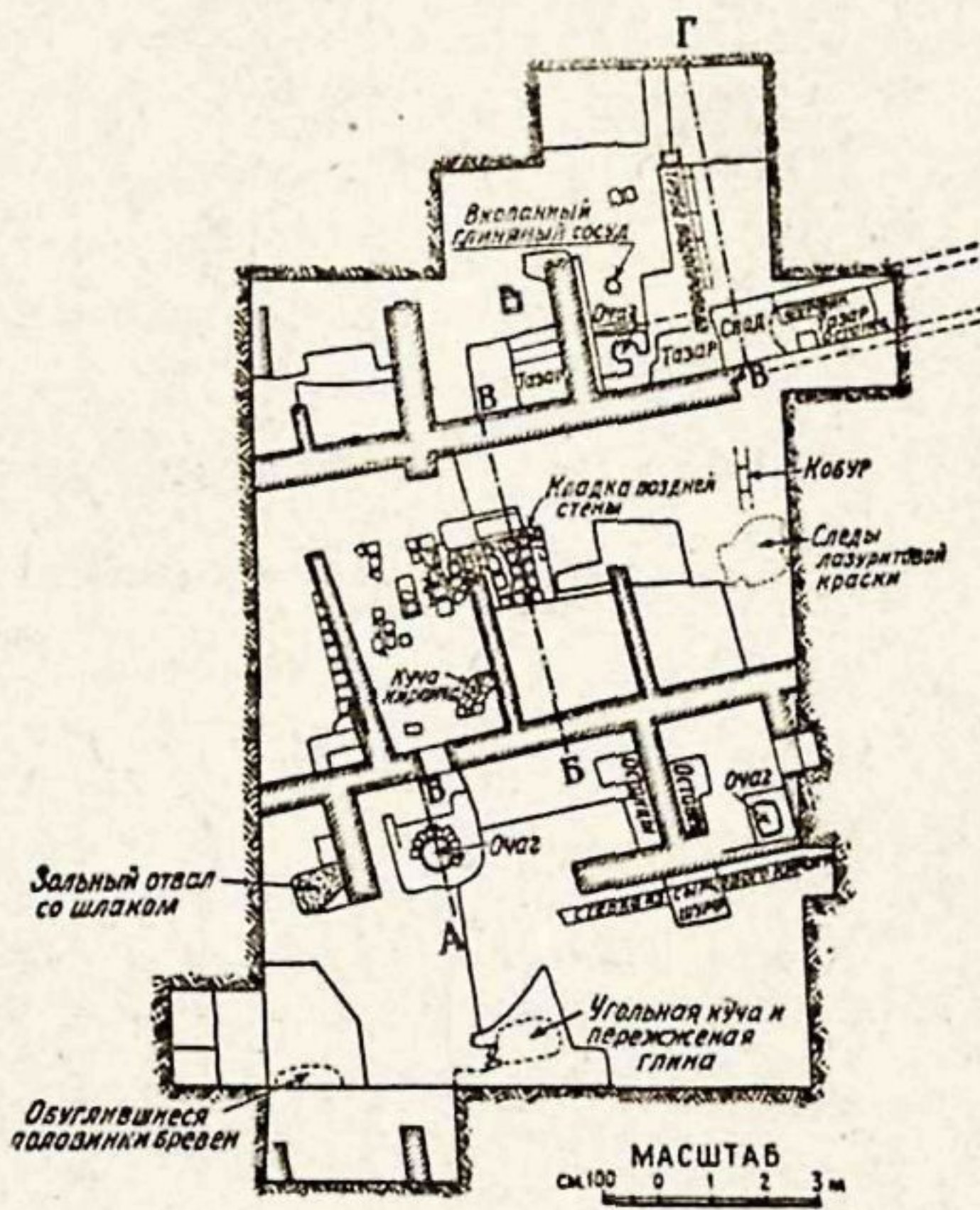

Рис. 1. План раскопа.

В первую группу находок входят многочисленные шлакоподобные тяжелые куски, содержащие в своем составе большое количество металла—железа. Подобные металлические массы, так называемые шлаки, рассеяны в большом количестве на поверхности и содержатся, как показали разведочно-раскопочные работы, во всех горизонтах культурных отложений, в большем или меньшем количестве, вплоть до материка (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Вес кричного железа, извлеченного на площади раскопа¹

№№ ярусов	Количество квадратов	Общий вес в кг	Средняя насыщенность одного квадрата в кг
I	10	10,25	1,02
II	18	46,70	2,59
III	22	43,95	1,99
IV	4	20,25	5,06
V	3	67,50	22,5
VI	2	27,00	13,5
VII	1	89,00	89,0
Итого		304,65 кг	

¹ Три верхние средневековые яруса дали 100,90 кг.

Таблица 2

Вес кричного железа, извлеченного из шурфов (в кг¹)

№№ шурфов	№№ ярусов								Общее количество
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1	—	—	—	5	6	5	2,5	—	18,5
2	—	2	1,5	—	—	—	—	—	3,5
3	1	—	2	—	—	—	—	—	3,0
4— у тазара	—	—	—	—	—	—	253	—	253,0
									278 кг

¹ Всего извлечено кричного железа из шурфов и по квадратам с площади раскопа 582,65 кг.

Анализ пробы, состоявшей из нескольких кусочков этого шлаковидного материала, собранного в 1937 г. В. А. Шишкиным, дал следующие результаты:

SiO₂—2,62, R₂O₃—95,70, Fe₂O₃—94,00, MnO—0,00, CaO—2,00, P₂O₅—0,06, S(общ.)—0,24, Cu—нет, Pb—нет, Zn—нет, Ag—нет, Au—нет*.

Как видно из приведенных данных, шлаковидный материал состоит в основном из железа и не содержит даже примесей цветных металлов. Подобный состав заставляет предположить, что материал представляет собою не отход производства шлака, а, наоборот, сырье.

Вместе с тем, обращают на себя внимание полное отсутствие на территории изучавшегося квартала хотя бы даже незначительного количества железной руды и бросающееся в глаза единообразие форм отдельных

* Анализ Химлаборатории Средазгеолтреста 20/IV 1938 г.; технический руководитель Окулич-Казарин.

кусков шлаковидного железного продукта. Куски его, как рассеянные на поверхности, так и содержащиеся во всех культурных горизонтах, имеют в преобладающем большинстве случаев, при неравной величине и весе, одинаковую сферическую поверхность и „ладошкоподобную“ форму (рис. 2). А между тем, известно, что металлургические шлаки не отличаются ни единообразием, ни правильностью своих форм.

Указанные соображения приводят к следующим выводам: 1) так называвшиеся „металлические шлаки“ в действительности шлаками не являются, а представляют собою куски металла—крицы сыродутного железа;

2) на территории изучавшегося квартала металлургии выплавки железа из руды не существовало.

Наличие довольно многочисленных кусков кричного железа, законченных и незаконченных металлических железных изделий, производственного брака и сопутствующих производству отходов, вместе с наличием остатков производственных сооружений, позволяют считать, что мы имеем дело со следами и остатками деятельности не металлургов, а металлистов.

Кричное железо, при выемке из плавильной печи или плавильного горна, в первой своей стадии является весьма нечистым и содержит в себе многочисленные включения кусочков угля, руды и другие примеси. Лишь путем неоднократной последующей проковки оно очищается и делается пригодным для изготовления металлических изделий.

Сферические куски кричного железа из квартала металлистов Древнего Термеза довольно чисты и во внутренних своих частях примесей угля и руды не содержат; таким образом они представляют собой, повидимому, уже окончательную стадию процесса обработки железа, перед пуском его в работу для изготовления изделий. Это предположение весьма вероятно, так как эти куски найдены непосредственно в мастерских.

Как было упомянуто, крицы имеют сферическую „ладошкообразную“ форму; диаметр их колеблется большей частью в пределах от 10 до 20 см и несколько более при высоте от основания до внешней купольной части от 5 до 10 см (по разрезу). Внутренняя часть сфероидов обычно свободна от загрязняющих включений, в то время как внешняя их часть содержит многочисленные, но весьма мелкие (3—5 см и редко более) частицы древесного угля.

Вес их колеблется от 0,5 до 4—5 кг, причем преобладают куски в 2—3 кг. Единообразие форм криц во всех культурных горизонтах

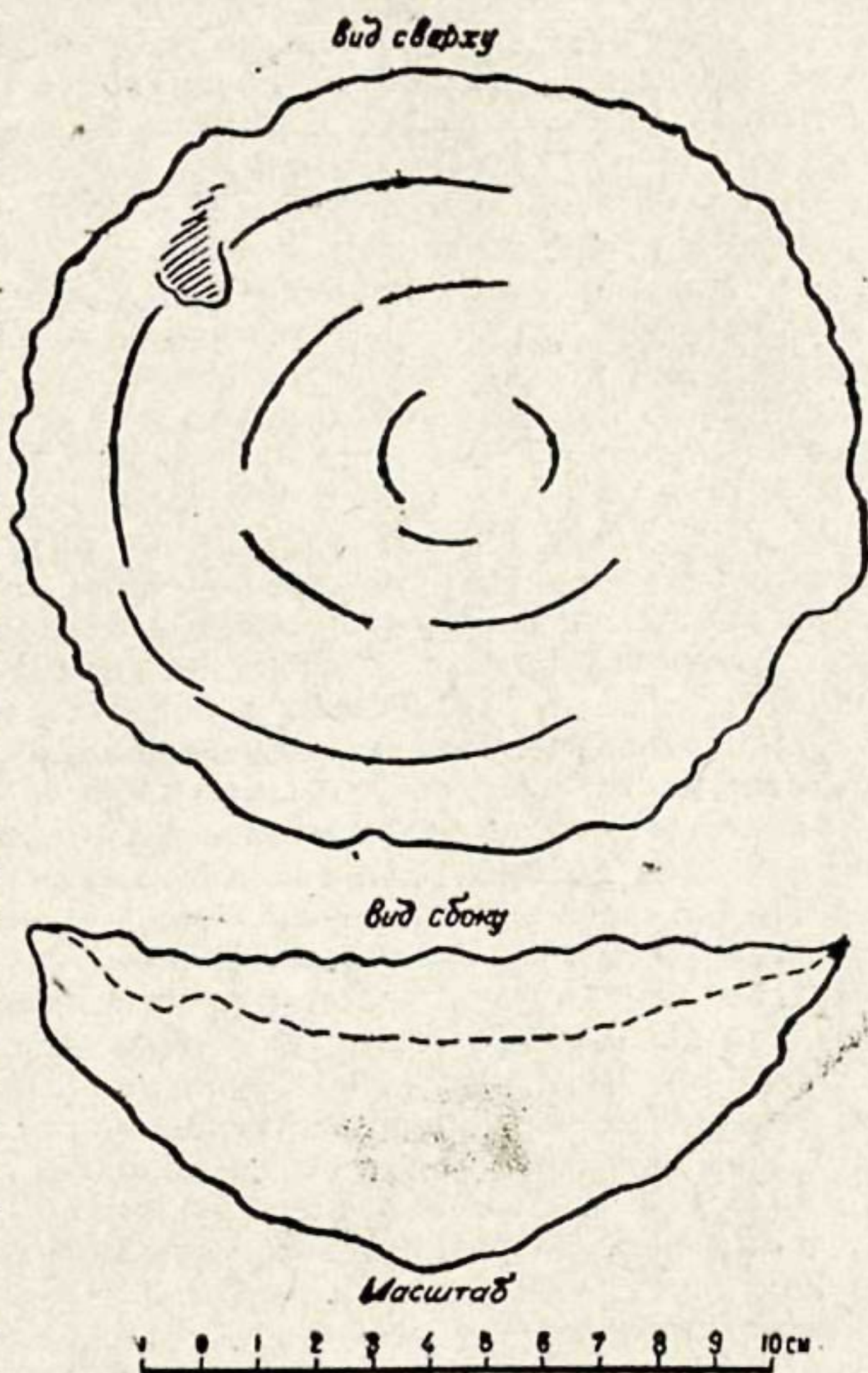

Рис. 2. Крица сыродутного железа из квартала металлистов Древнего Термеза (кушанский слой у тазара).

свидетельствует, очевидно, об единообразии производственного процесса обработки кричного железа в течение ряда столетий.

Где именно производилась конечная обработка криц железа, в результате которой они принимали описанные нами формы, остается неясным; неясны также и детали процесса, обуславливавшего сфероидальность криц. Вероятнее всего, что последнюю стадию обработки крицы проходили именно в Термезе, в горнах обычного среднеазиатского типа. Их сфероидальность обуславливалась скорее всего одинаковостью углублений, устраивавшихся в каменных или металлических ложках этих горнов. Небезынтересно отметить, что небольшой кусочек кричного железа, обнаруженный В. А. Шишкиным на поверхности городища древнего Варахша, имеет точно такую же сфероидальную форму.

Орудий производства при раскопках обнаружено не было. Характер металлических изделий (наконечник копья, арбяные гвозди, костыли и др.) говорит о том, что во вскрытых раскопом мастерских преобладало изготовление мелких изделий, повидимому, главным образом, удовлетворявших мелкие бытовые нужды. Изготавливались ли здесь и более крупные изделия (сельхозорудия и др.) — остается неясным.

Во вторую группу находок входят мелкие пузыристые, несомненно, керамические шлаки и сепоя. Возможно также, что и голубая краска, обнаруженная в большом количестве на полу в одном из помещений, вскрытых раскопом, также употреблялась керамистами. Во всяком случае, не вызывает сомнения наличие керамических мастерских, находившихся, как ранее отмечалось, главным образом, в окраинных частях квартала.

Третью группу находок составляют силикатные, несомненно, стекольные шлаки с кусками стекла. Общее количество находок их весьма незначительно. В изучавшемся квартале существовало, повидимому, лишь несколько единичных мастерских, занятых стекольным производством.

Четвертую группу находок составляют обломки плавильных тиглей, обнаруженных как на поверхности, так и в раскопе, и отнюдь не пригодных для черной металлургии. В северо-восточной части квартала на дневной поверхности обнаружены куски медных сплавов на площадке раскопа; в верхних его ярусах найден небольшой кусок полиметаллической руды, а также изделия из цветных металлов. Эти находки позволяют предположить, что ориентировочно в XI—XII в. на территории квартала существовали мастерские, занятые в незначительных количествах переплавкой руд цветных металлов и изготовлением из них изделий. Некоторым подтверждением этому является находка в раскопе обломков небольшого очага, использованного именно для этих целей; технологический процесс этой мелкой цветной металлургии остается неясным.

После обследования поверхности квартала металлистов, на одном из участков с значительным количеством криц металла и достаточно выразительным в отношении микрорельефа, в пределах квадрата VII—4, был произведен разведочный раскоп (рис. 3 и 4), вытянутый в меридиональном направлении. Максимальная длина раскопа 22 м, ширина 12 м.

Поверхность раскопочной площади была разбита на квадраты со сторонами в 2 м. На поверхности, перед началом работы, с помощью рейки и ватерпаса была произведена нивелировка, при которой высшая точка участка была принята за нулевую. Раскоп производился квадратами по площади и ярусами по вертикали, причем каждые 50 см выделялись в особый ярус. Все находимые в каждом ярусе в пределах данного квадрата предметы вначале поступали на выделенное для квадрата и яруса место на разборочной площадке, находящейся вблизи раскопа, и в последующем подвергались разборке.

Раскопочные работы сопровождалось систематическим ведением поквadratных описей, в которых фиксировались как характер снимаемых наносов, так и вскрытые сооружения и находки. Разведочным раскопом было охвачено 49 квадратов по 4 м² каждый, т. е. всего 196 м². В целях выяснения стратиграфического разреза, кроме раскопа, было пройдено 5 неглу-

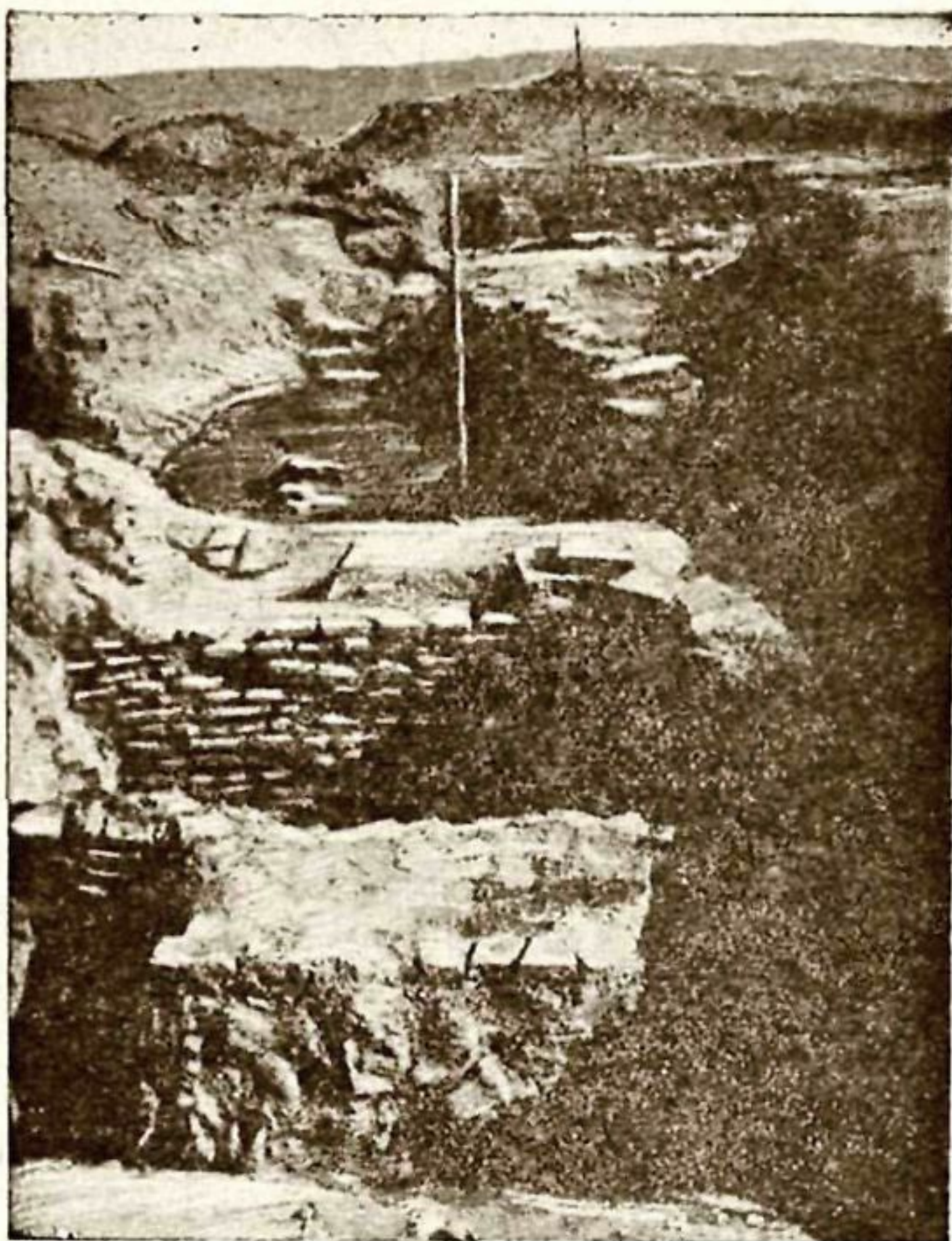

Рис. 3. Центральная часть раскопа. Вид с С.

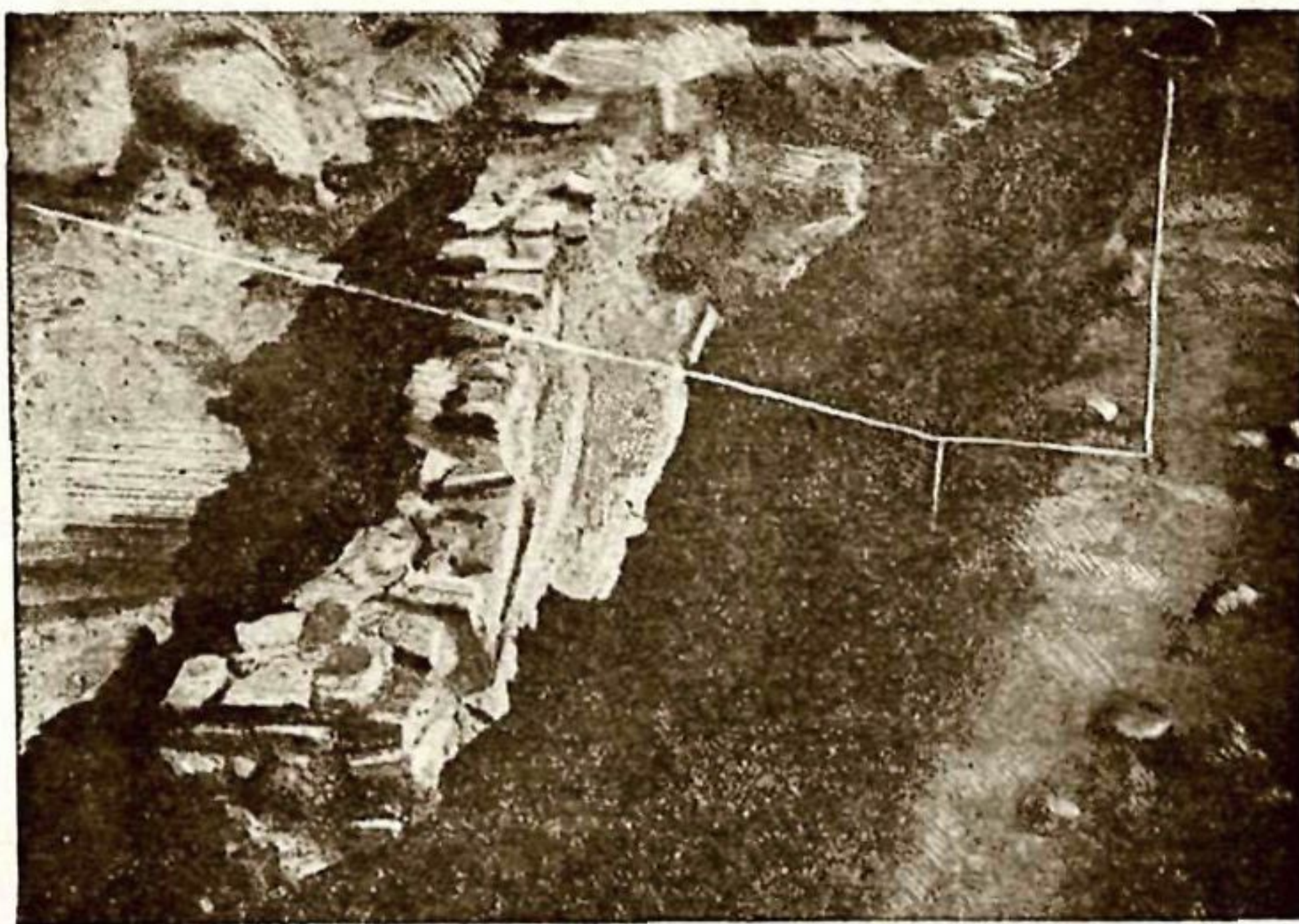

Рис. 4. Деталь двух стен (одна на другой).

Рис. 5. Восточный фасад тазара. Вид снизу из шурфа.

боких шурфов. Мощность культурных отложений в пределах раскопочной площадки—около 5 м.

По характеру находок представилось возможным определить, что как сооружения, так и предметы на глубине в пределах около 1,5 м от поверхности относятся к XI—XII и началу XIII в. Нижние отложения, близкие к матерiku, датируются М. Е. Массоном временем кушанов. В большей своей части глубина раскопа не превышает 1,5 м (три яруса).

Разведочным раскопом вскрыто около 14 обособляющихся помещений. Главнейшая часть сооружений может быть, повидимому, датирована XI—XII в., за исключением тазара (рис. 5 и 6), относящегося, по мнению М. Е. Массона, к IX—X в. н. э.

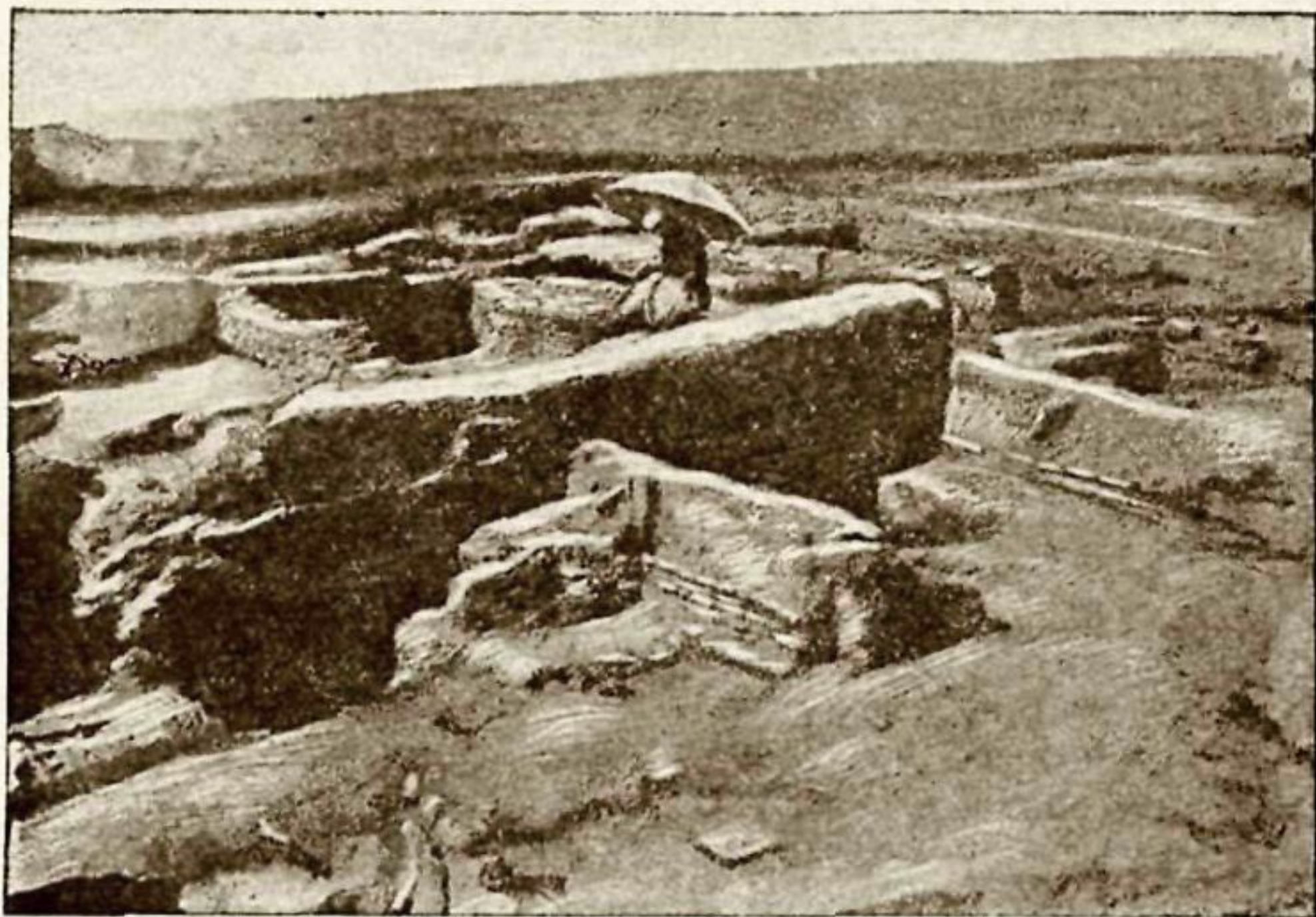

Рис. 7. Общий вид раскопа.

На основании находок, сделанных в процессе раскопочных работ, и общих полевых наблюдений ориентировочно можно предположить, что помещения 1, 2, 3, находящиеся в северной части площади (рис. 7), представляют собой, повидимому, лавочки (типа айванов), обращенные к улице. Весьма вероятно, что помещение 5 и 10 имели бытовое назначение. На участке 11, возможно, располагался двор, частично использовавшийся для бытовых нужд, но в основном связанный непосредственно с производственной деятельностью.

Весьма вероятно, что в помещениях 6 и 7 находилась какая-то комбинированная мастерская заргара и керамиста. Об этом свидетельствуют находки сепоя в помещении 7, голубой краски на полу, употреблявшейся, возможно, для окраски сосудов в голубой цвет, обломков очажка заргара и металлического медальона (?) в помещении 6 и здесь же нижней части какого-то технического сооружения, возможно, остатка печи для обжига керамических изделий (рис. 8, 9). Небольшое количество криц железа и остатков металлических изделий было обнаружено в помещениях 4, 8 и 9.

Повидимому, именно эти помещения и являлись мастерскими металлистов.

В помещении 8, кроме того, найден облицованный кирпичом золистый отвальчик, содержащий мелкие куски окислившегося железа и обломки металлических изделий (рис. 10, 11, 12). Повидимому, этот отвальчик находился в непосредственном соседстве с горном, остатками которого, весьма вероятно, и является стена A_1 и B_1 (рис. 1).

Возможно, так называемый „очаг“, находящийся у стенки В, являлся не бытовым очагом, а топкой у какой-либо технической печи (рис. 13). Поблизости от горна, на дворике (квадрат К—7), находилась, повидимому, угольная яма. Весьма вероятно, что мастерские в помещении 8 и 9 представляли собой сооружения типа айванов.

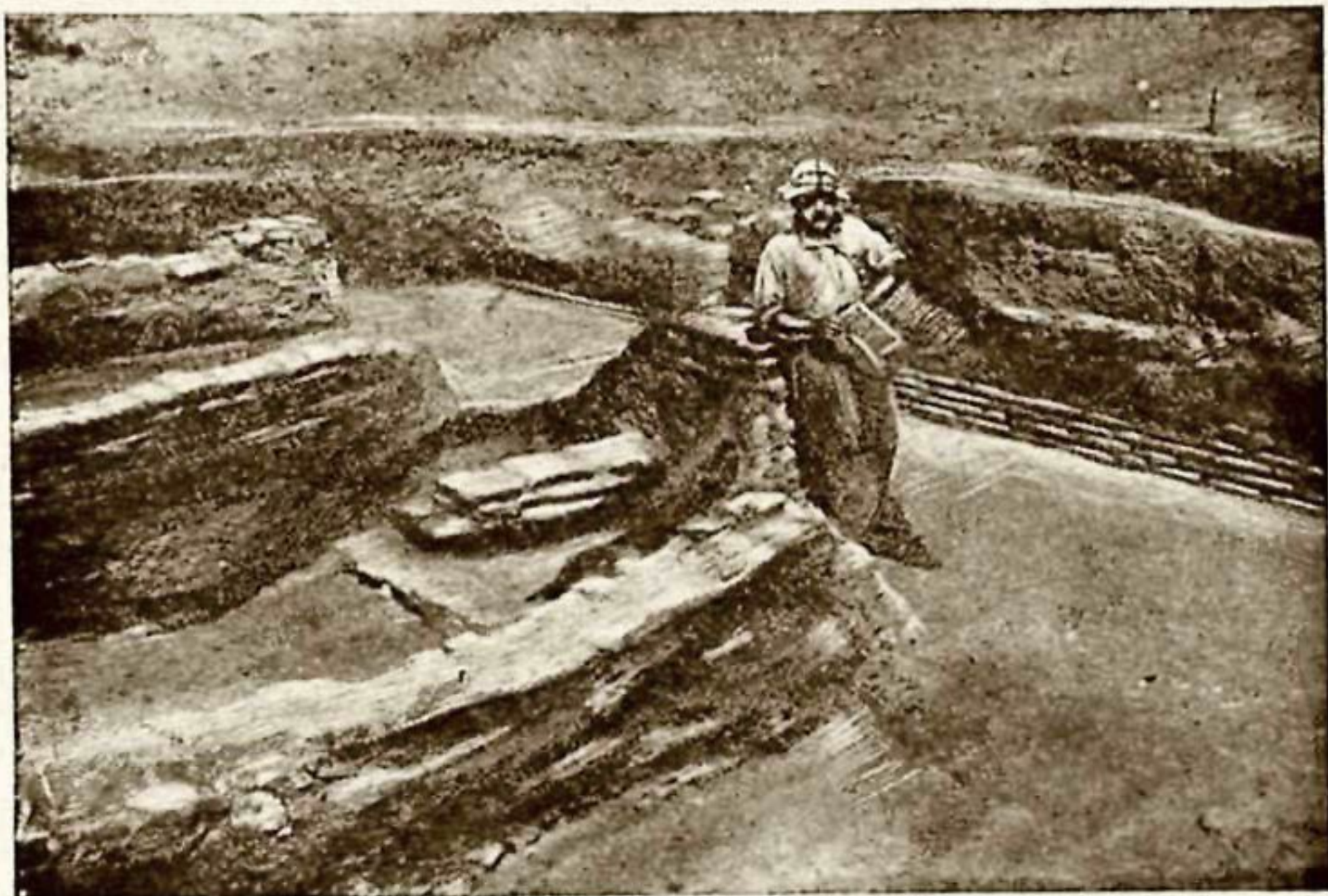

Рис. 8. Остатки технического сооружения.

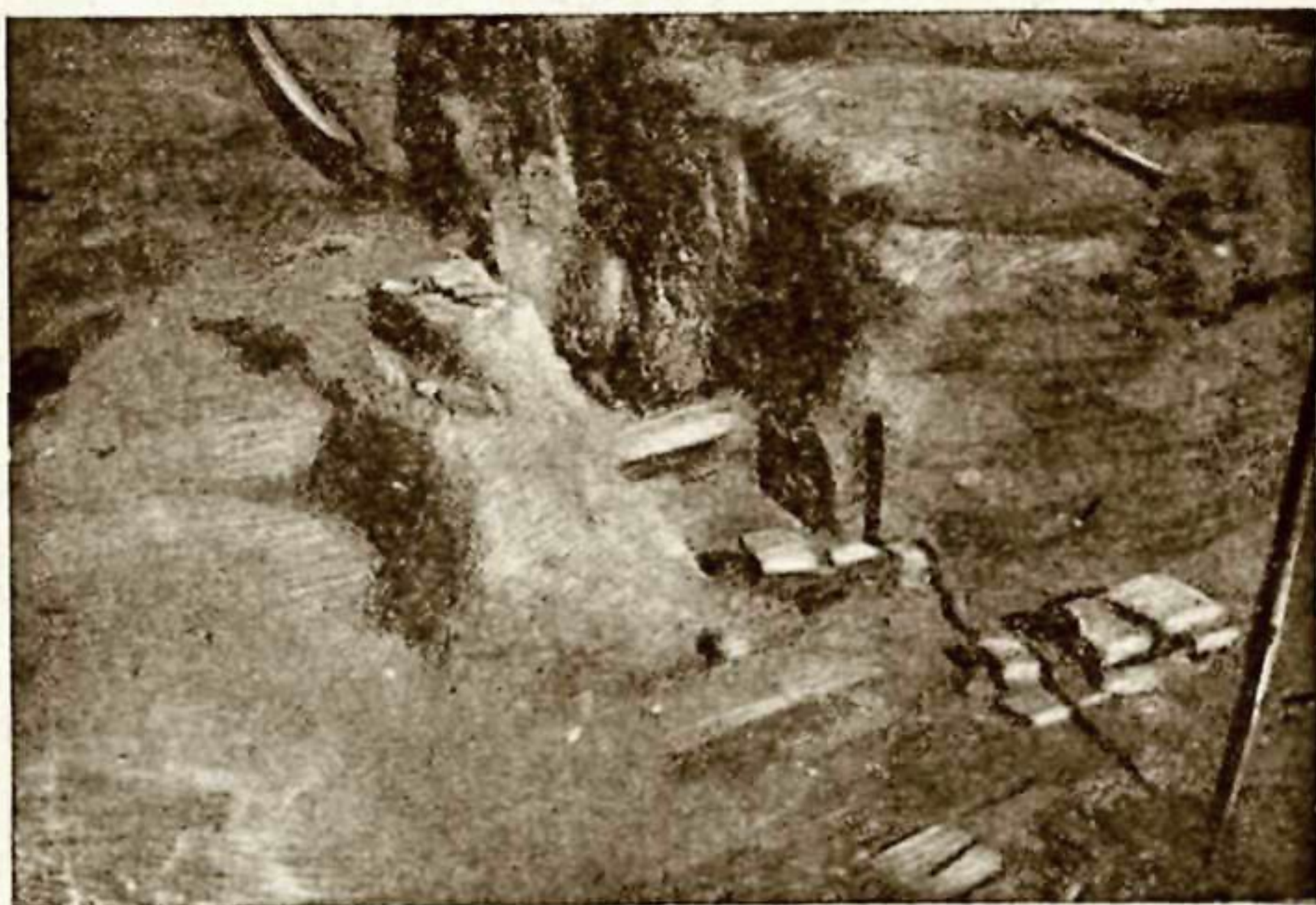

Рис. 9. Остатки технического сооружения в начале раскопа.

Кричное железо, вероятно, поступало в Термез уже до некоторой степени обработанным. Ближайшим к Термезу горным районом, содержащим железорудные месторождения и расположенным довольно удобно в отношении транспортной связи, являлся хребет Кугитанг. Вдоль восточного его склона, почти на всем его протяжении, наблюдаются выходы

юрских отложений, местами содержащих значительное количество линзовидных прослоек бурого железняка. Местами подобные линзы бурого железняка, возможно, разрабатывались горными выработками типа карье-

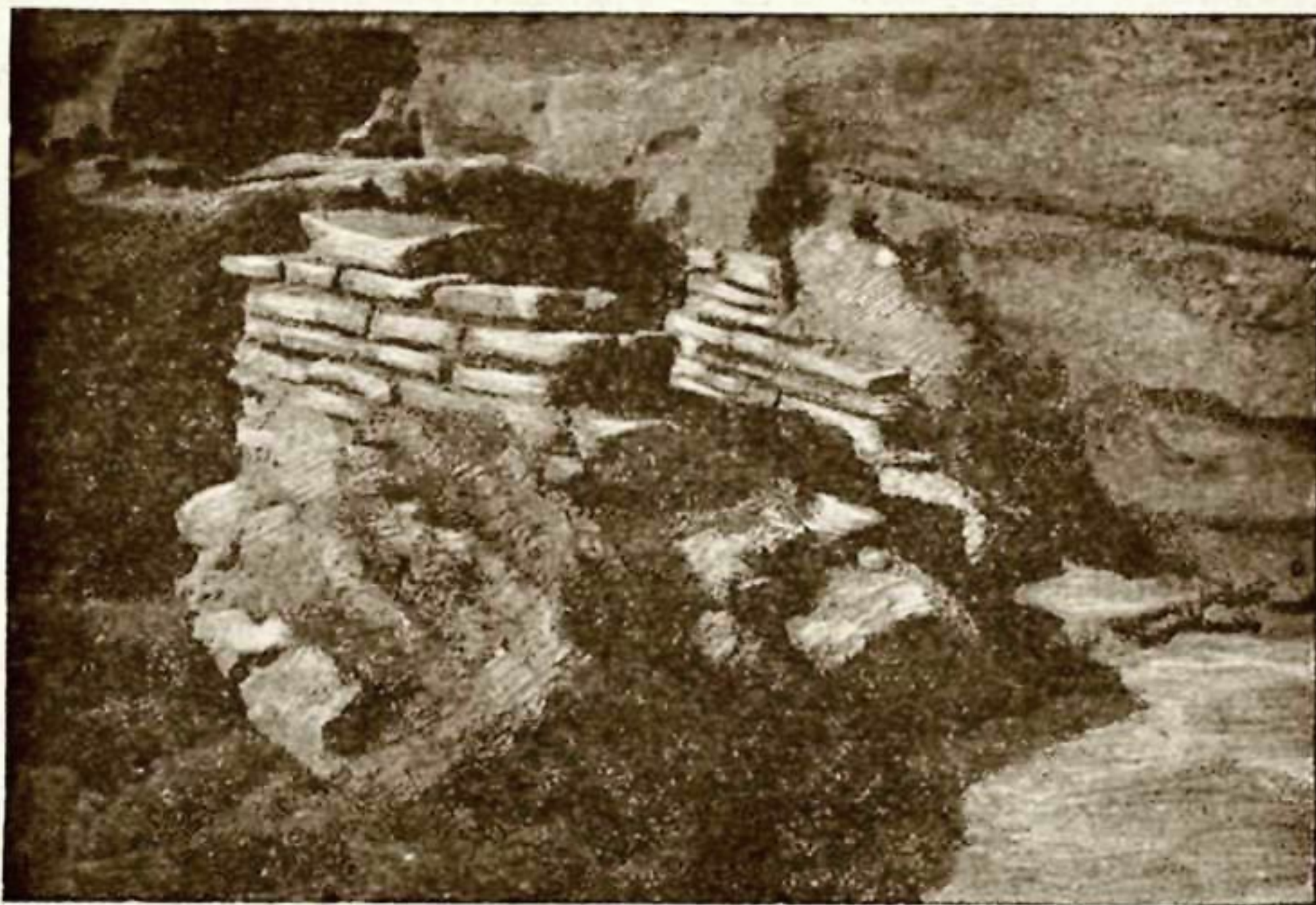

Рис. 10. Очаг, остатки горна (?). Скопление золистошлакового материала близ него.

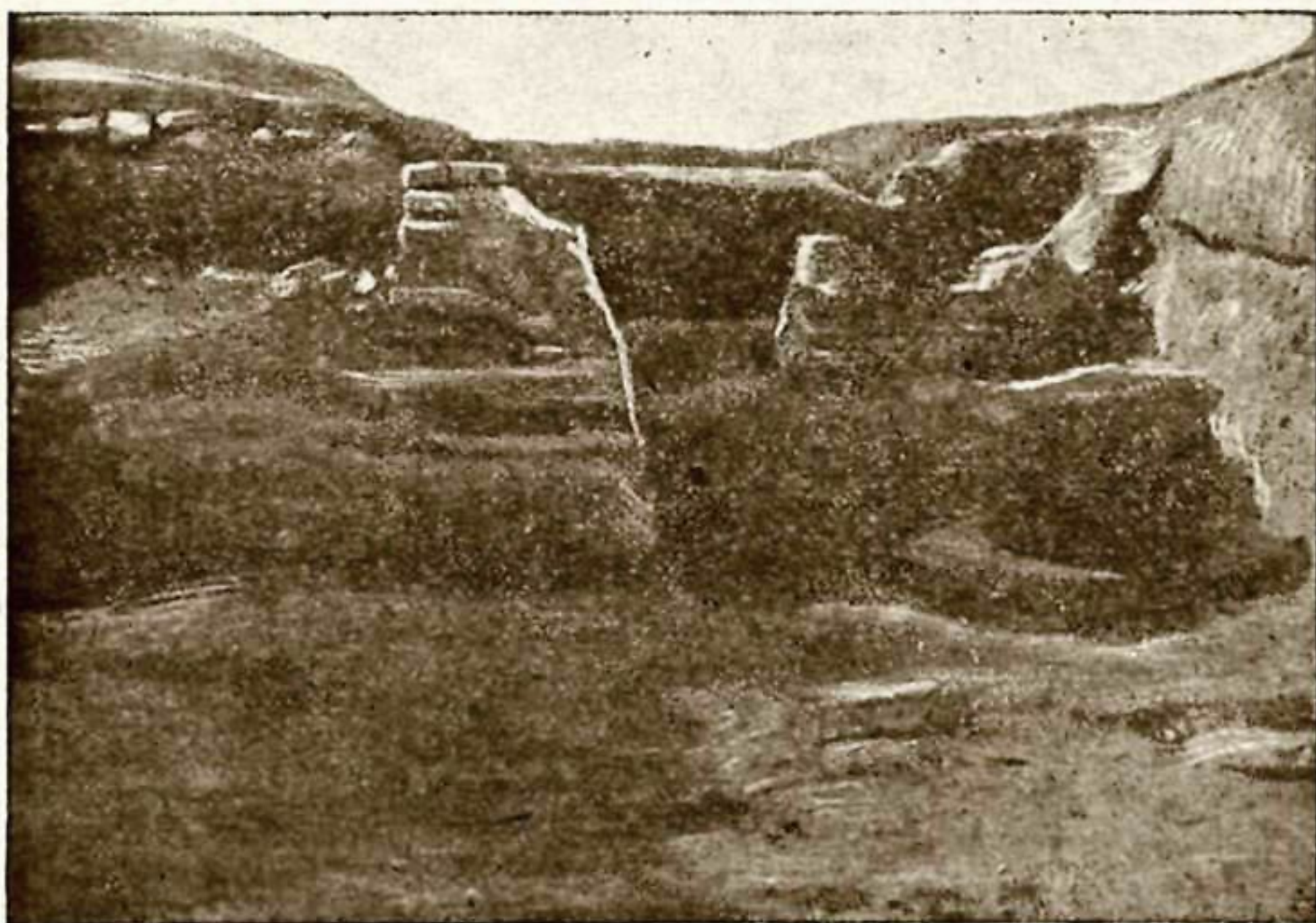

Рис. 11. Очаг, остатки горна (?). Вид с Ю.

ров, которые в настоящее время не сохранились в силу того, что подобные выемки на склонах гор легко размывались и сглаживались вследствие относительно малой крепости пород юрской толщи.

По данным В. А. Захаревича, пропластки бурых железняков на склонах гор выделяются в виде небольших гребешков. Мощность их обычно

не превышает 30 см, но по простираанию они иногда прослеживаются на сотни метров.

Подтверждением предположения о разработке бурых железняков юрской толщи в древности могут служить многочисленные россыпи шлаков,

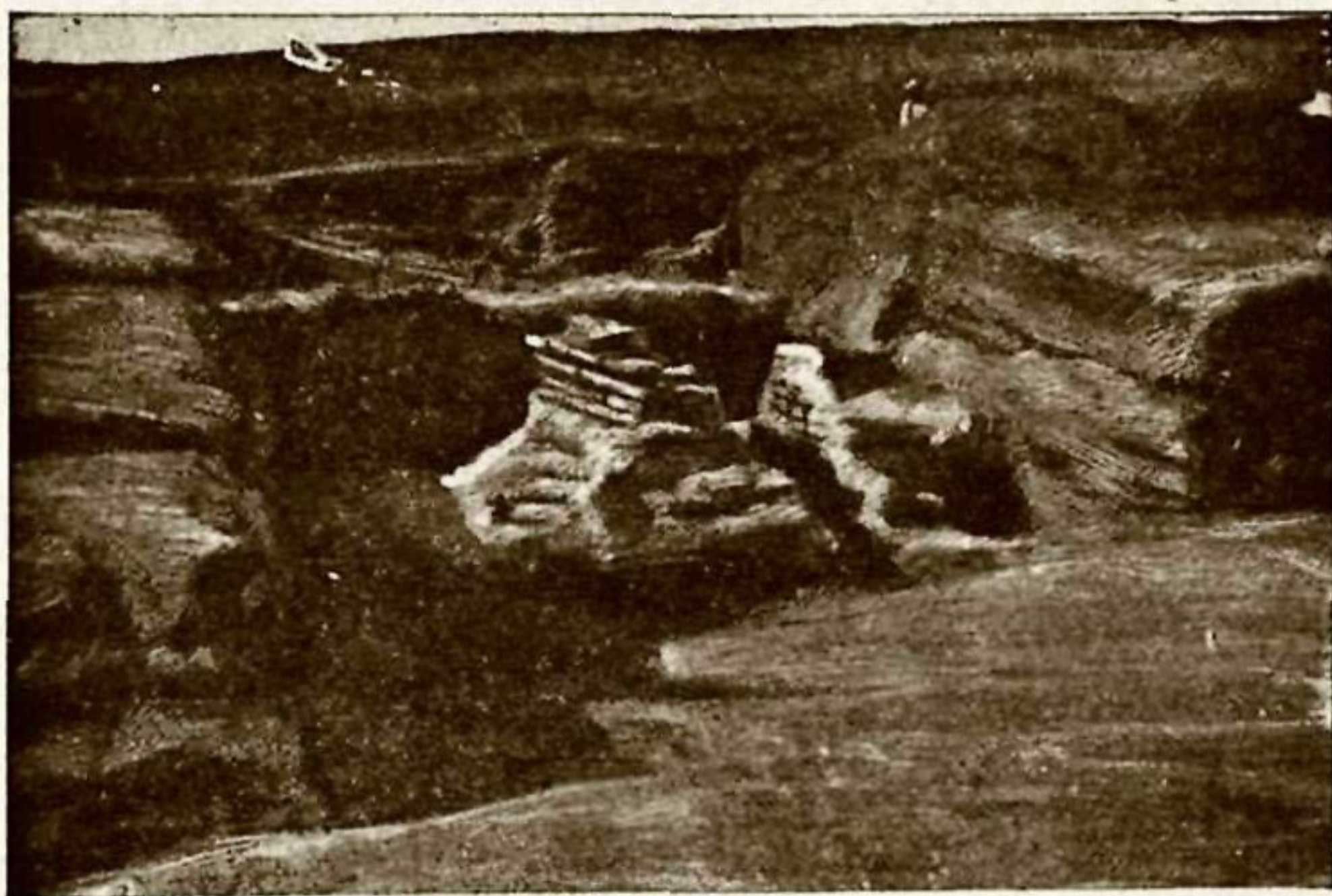

Рис. 12. Очаг, остатки горна (?). Вид с ЮЗ.

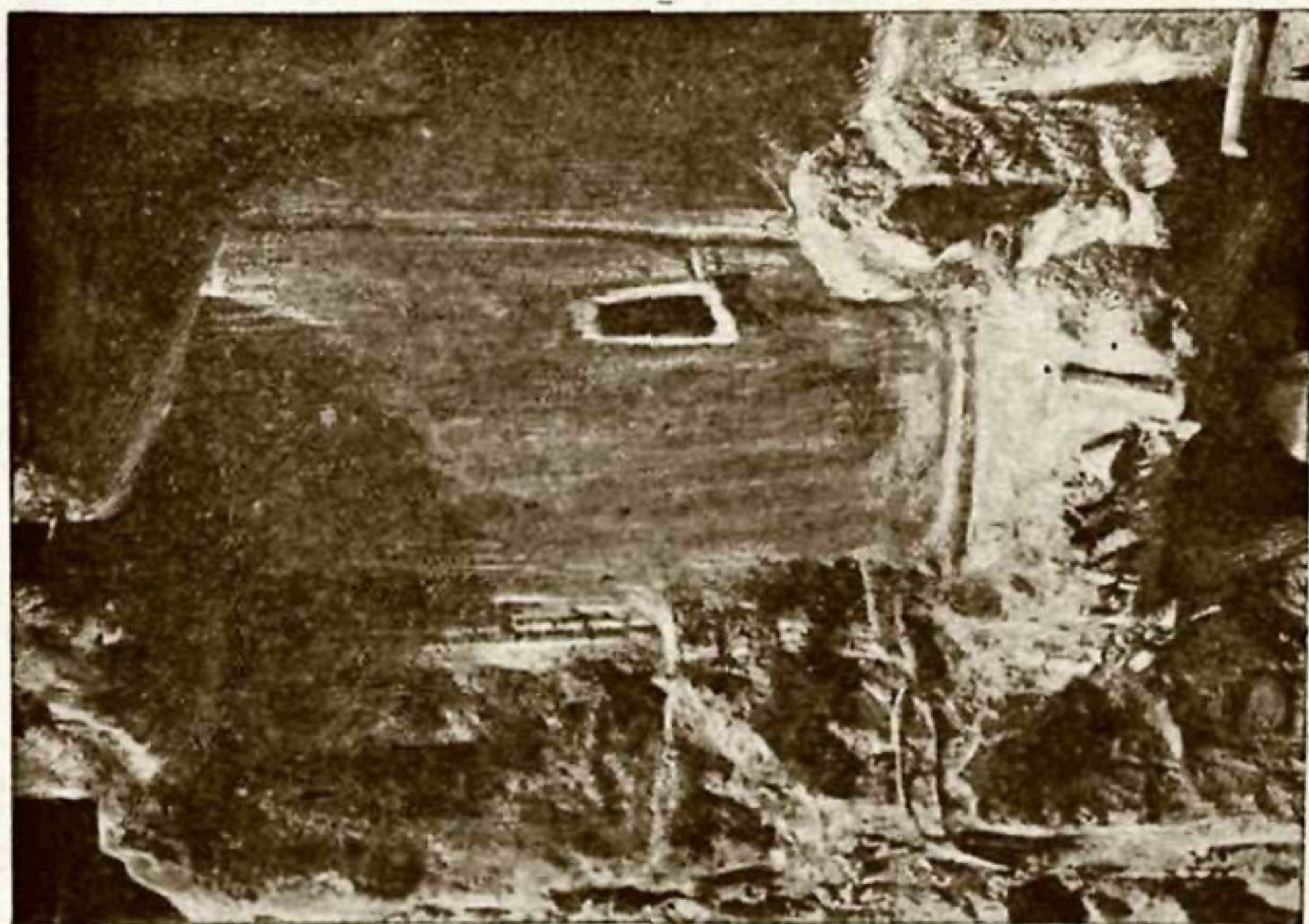

Рис. 13. Пол, стены и очажок. Помещение в квадрате В—10 (лавочка).

встречающиеся в большом количестве вдоль восточных склонов гор Кугитанг, никем до настоящего времени обстоятельно не описанные и еще не задокументированные. Содержание железа в образцах, взятых В. А. Захаревичем из прослоек бурых железняков в юрской толще Кугитанга, колеблется от 41,5 до 60,24%. В пределах хребта Кугитанг имеются также и установленные древние выработки на железные руды, сохранившиеся, главным образом, среди толщ палеозоя. Таковы, например:

1. Месторождение Сары-Саули, расположенное на восточных склонах хребта, сложенных палеозойскими отложениями, между рр. Сары-Саули и Дара. Здесь имеются карьеры, разрабатывавшие красный и бурый железняк. Поблизости расположены отвалы и шлаки железных руд.

2. Тилля-Кан (Захарли) в 10—12 км на СЗ от кишлака Кампыр-Тюбе, где в контакте палеозойских известняков с порфиритами находятся залежи магнетита и бурого железняка в сопровождении граната. На месторождении имеются древние выработки.

3. Чуня-Кан в 1,5 км от месторождения Тилля-Кан. Здесь на контакте пород палеозоя и мезозоя имеется большой карьер, вытянутый в широтном направлении на 175 м, при ширине в среднем 15—18 м и глубине 4—6 м. Карьер пройден как в железных рудах, так и в сильно ожелезненных породах.

Наличие значительного количества древних пунктов плавки, в настоящее время еще не изученных, наряду с остатками древних выработок позволяет допустить, что металлургические мастерские, снабжавшие Термез железом, находились именно в горах Кугитанг. Так как при раскопочных работах в квартале металлистов Древнего Термеза было установлено, что деятельность металлистов имеет здесь давность не менее двух тысяч лет, то есть все вероятнее ожидать встретить в Кугитанге и следы деятельности металлургов древних эпох.

Судя по тому, что куски кричного железа как древних, так и более поздних эпох, с временной амплитудой в одно тысячелетие, по своему характеру одинаковы, можно предположить, что и состояние и техника металлургии на протяжении столетий оставались почти одинаковыми, как это, повидимому, имело место и в производственных процессах металлистов.

Основные выводы, полученные в результате разведки на территории древнего квартала металлистов, сводятся к следующему.

1. Изучавшийся ремесленный квартал является местом, в основном занятым производственными мастерскими металлистов.

2. Этот квартал к началу XIII в. занимал площадь около 8 га.

3. Наряду с мастерскими металлистов, на территории квартала, повидимому, в небольшом количестве существовали и керамические мастерские, мастерские стеклодувов и заргаров—ювелиров, изготовлявших изделия из цветных металлов (кольца, медальоны, ложечки и т. д.).

4. Весьма вероятно, что на территории квартала, в ничтожных размерах имела место и цветная металлургия.

5. Квартал металлистов имеет большую древность; деятельность его протекала с перерывами, то замирая, то оживляясь, в течение ряда столетий. Наиболее интенсивной она была на границе нашей эры и позднее, в период, предшествовавший монгольскому нашествию (XI—XII вв.).

6. Технические процессы как у металлургов, так и у металлистов, оставались довольно стабильными в течение ряда столетий.

МАТЕРИАЛЫ ПО КУЛЬТУРНОЙ ФЛОРЕ ДРЕВНЕГО ТЕРМЕЗА XV в.

В 1939 г. проф. М. Е. Массоном была передана автору для обработки коллекция семян и косточек растений, собранных Термезской археологической комплексной экспедицией в раскопе здания Кургана*.

Коллекция относится к XV в. нашей эры и дает интересный материал к истории земледелия Термеза и всего Южного Узбекистана, а также вскрывает состояние земледельческой культуры 500 лет тому назад в полосе сухих субтропиков.

В южных районах Средней Азии земледелие** имеет седую давность и своеобразную историю. Это земледелие, формирование которого происходило в значительной мере за счет богатейших местных дикорастущих фондов, а также продвижения видов из других районов земного шара, названо бактрийско-согдийским.

Юг Средней Азии является колыбелью многих культурных растений. Отсюда ведут свое происхождение яблоня, многие виды груш, абрикос, виноград, грецкий орех, алыча, дыня и другие растения, разводимые здесь с незапамятных времен.

Первоначальное земледелие, сформированное местным сортиментом, было сильно обогащено в дальнейшем новыми культурами, двигавшимися сюда в первую очередь из стран Передней и Малой Азии, Ирана, Индии и Китая. Этот процесс значительно усилился в последнее время, уже после открытия Америки, когда сюда проникли многие растения Нового Света (картофель, подсолнух, помидоры и пр.). Обогащение культурной флоры особенно интенсивно осуществляется уже после Октябрьской революции, когда интродукционная работа достигла большого размаха и ботаник-агроном располагает богатейшими фондами мировой флоры.

История земледелия Узбекистана изучена крайне недостаточно — имеются лишь обрывочные сведения, указывающие на большую древность земледельческой культуры.

Исторические сведения об Узбекистане неполны и относятся к последнему периоду исторического прошлого. Однако и эти данные указывают, что еще за 2000 лет до нашего времени, особенно в южных районах, имелась как поливная, так и богарная культура. Как свидетельствует история, Александр Македонский, появившийся на берегах Оксуса (древнее название р. Аму-Дарья), застал у народов, населявших Среднюю Азию, сравнительно высокоорганизованное земледелие. На это также указывают древние китайские источники, особенно по культурной флоре Ферганской долины.

Анализ образцов растений, собранных в районе Древнего Термеза, сможет до некоторой степени приоткрыть туманную завесу над историей формирования культурной флоры Средней Азии.

* В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза.

** С. Н. Кудряшев, Растительность Гузара. Труды Ботанического института Узбекского филиала Академии Наук СССР, 1941.

К сожалению, собранные материалы носят фрагментарный характер и не смогут дать более или менее полной картины состава культурной флоры Древнего Термеза (в материалах, например, отсутствуют зерновые злаки, культура которых, несомненно, имела место в районе Древнего Термеза).

Установление генетических связей культурной флоры усложняется еще тем, что и современная флора южной полосы Средней Азии, особенно бассейна р. Сурхан-Дарья, изучена недостаточно.

Коллекция растений, собранных ТАКЭ, состояла преимущественно из косточек плодовых деревьев, затем семян бахчево-овощных культур, одного куска дерева, семян конопли и нута.

При обработке коллекции встретилось немало трудностей, так как установление сортов по косточкам и семенам в большинстве случаев невозможно.

Коллекция, найденная при раскопках Древнего Термеза, состояла из следующих видов:

I. Плодовые культуры

Абрикос — 29 косточек.

Персик — свыше 100 косточек, преимущественно расколотых.

Слива — 3 косточки.

Алыча — 2 косточки.

Миндаль культурный — 14 косточек, преимущественно расколотых.

Бухарский миндаль — 1 половинка косточки.

Фисташка — 5 косточек, расколотых.

Гранат — 1 семя.

Виноград — 46 семян.

II. Бахчево-овощные культуры

Арбуз — 17 семян.

Дыня — 33 семени.

Огурец — 36 семян.

III. Прочие культуры

Конопля — 1 семя.

Нут — 1 семя.

Исследование собранных образцов установило сравнительно большое число форм плодовых растений, характеристику которых приводим по отдельным культурам.

I. ПЛОДОВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Плодовые культуры представлены 9 видами, чему в немалой мере способствовала также лучшая сохранность косточек по сравнению с семенами бахчевых и других культур. К сожалению, большинство образцов плодовых растений было найдено уже расколотыми, что сильно затрудняло их определение. Наибольшим разнообразием форм представлены абрикос и персик; остальные культуры встречаются значительно реже.

1. АБРИКОС

Абрикос или урюк (*Armeniaca vulgaris* Lam.) — одна из популярных и разнообразных культур Узбекистана, насчитывающая здесь значительное число сортов, представлен 9 формами, которые были установлены по характеру косточки. Несмотря на то, что характер последней является более или менее константным признаком в пределах сорта, однако этот анализ все же не мог вскрыть действительного разнообразия сортимента, так как абри-

косы сильно изменчивы по окраске плодов, опушению, вкусу ядер (горькие и сладкие), форме плодов и пр.

Анализ косточек все же дает некоторое представление о характере этой культуры. Учитывая большую корреляцию формы косточки и плода, мы попытались реставрировать форму плодов. Отличия установленных форм абрикоса более наглядно представлены в ключе для определения.

Ключ для определения абрикосов

1. Косточки округлые, крупные, длиной 21 мм; в диаметре 21,5 мм, поверхность слегка шероховатая, ямчатая. № 1. Крупноплодный
+ Косточки округлые, овальные или почти ланцетные, более мелкие; длина не более 20,0 мм; ширина 15 мм 2
2. Канальчик спинного шва закрыт (имеются лишь мелкие углубления или отверстия) и если открыт, то только у самого основания 5
+ Канальчик спинного шва полуоткрыт; закрыт лишь в середине 3
3. Косточки широкоовальные, мелкие, длина 14—15 мм; гладкие; у основания округлые № 2. Мелкоплодный
+ Косточки овальные, более крупные, длина 18—20 мм; шероховатые; к основанию оттянуто-заостренные 4
4. Центральное ребро брюшного шва острое; боковые ребра вдавлены. № 3. Вытянутый, острый
+ Центральное ребро брюшного шва притупленное, с продольной бороздкой; боковые — слабо выдающиеся. № 4. Вытянутый, тупой
5. Косточки широкоовальные, почти округлые 6
+ Косточки овальные, более узкие, сильно оттянутые к основанию 8
6. Боковые ребра брюшного шва вдавлены
. № 5. Округлый, с вдавленными ребрами
+ Боковые ребра брюшного шва острые, выдающиеся 7
7. Косточки сильно вздутые № 6. Округлый, вздутый
+ Косточки средне-вздутые, № 7. Округлый, слабо вздутый
8. Косточки у основания скошенные, боковые ребра острые
. № 8. Овальный, скошенный
+ Косточки у основания усеченные, боковые ребра вдавлены. № 9. Овальный, выемчатый

Характеристика форм абрикоса

№ 1. Крупноплодный

Среди образцов абрикоса была встречена только одна крупная косточка (21×21,5×13,4 мм) округлой формы; средне-вздутая; индекс 2,9. На вершине округло-плоская, у основания округло-усеченно-выемчатая. Центральное и боковые ребра брюшного шва острые, сильно выдающиеся, особенно центральное ребро. Спинной шов тупой, в киль не вытянут, канальчик закрыт. Поверхность косточки шероховатая, слабо-ямчатая, повидимому, плохо отделяющаяся от мякоти. Это — самый крупноплодный сорт абрикоса, найденный в коллекции, да и на фоне современного культурного сортимента этот сорт имеет плоды средних размеров. Остальные сорта с более мелкими плодами отличаются иной формой.

№ 2. Мелкоплодный

Косточка округлая, мелкая ($14,3 \times 11,2 \times 7,7$ мм), на вершине широко-овальная, слегка заостренная; у основания округло-заостренная, слабо оттянутая, поверхность более или менее гладкая или еле шероховатая, хорошо отделяющаяся от мякоти.

Брюшной шов косточки 4,3 мм шириной. Центральное ребро брюшного шва острое, сильно выдающееся, также и боковые ребра. Спинное ребро заостренное, оттянутое в киль; канальчик полуоткрытый, закрыт в середине и открыт у основания и вершины.

Оригинальная форма с мелкими косточками, почти уже отсутствующая в данное время в культуре; если она и встречается, то только в горных районах, да и то с более крупными плодами.

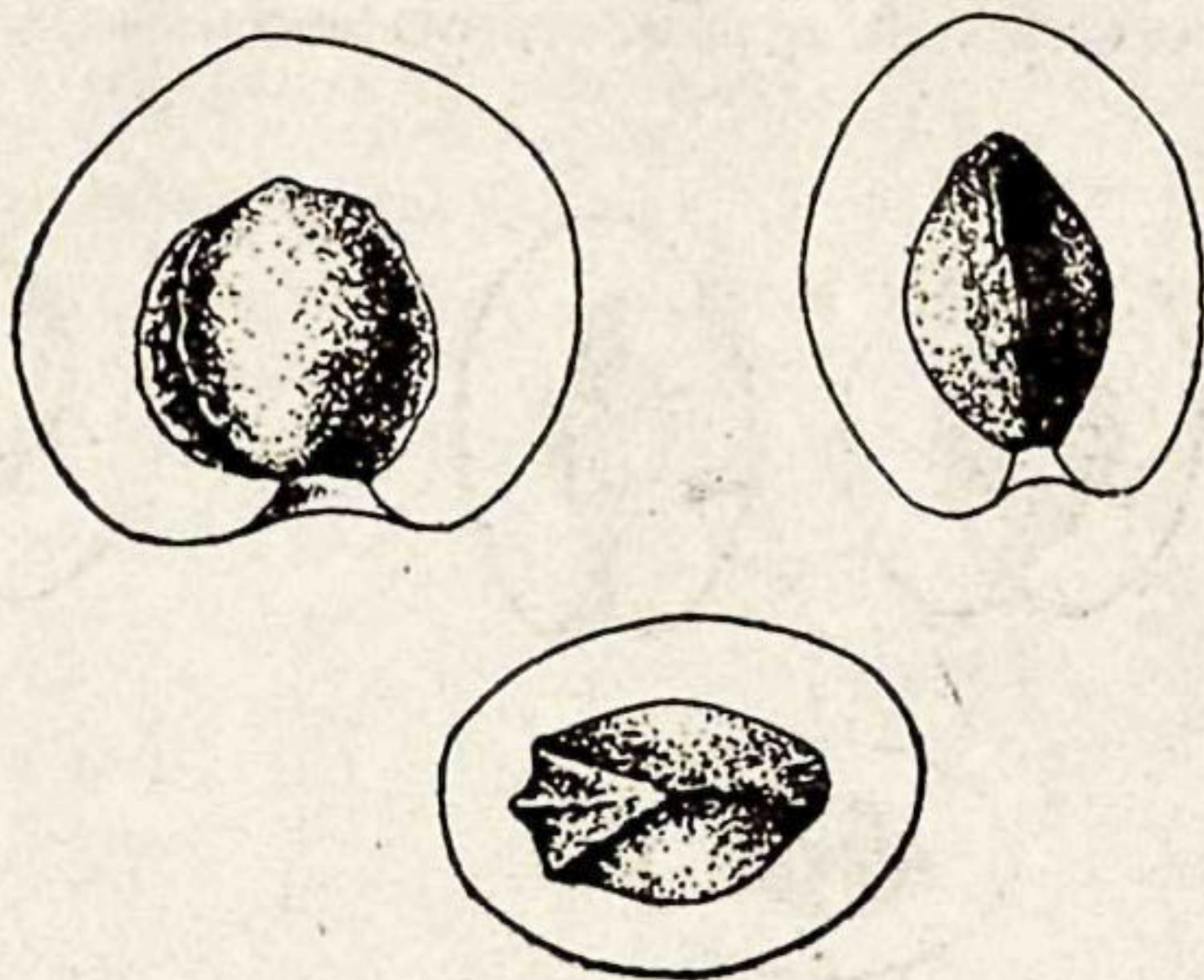
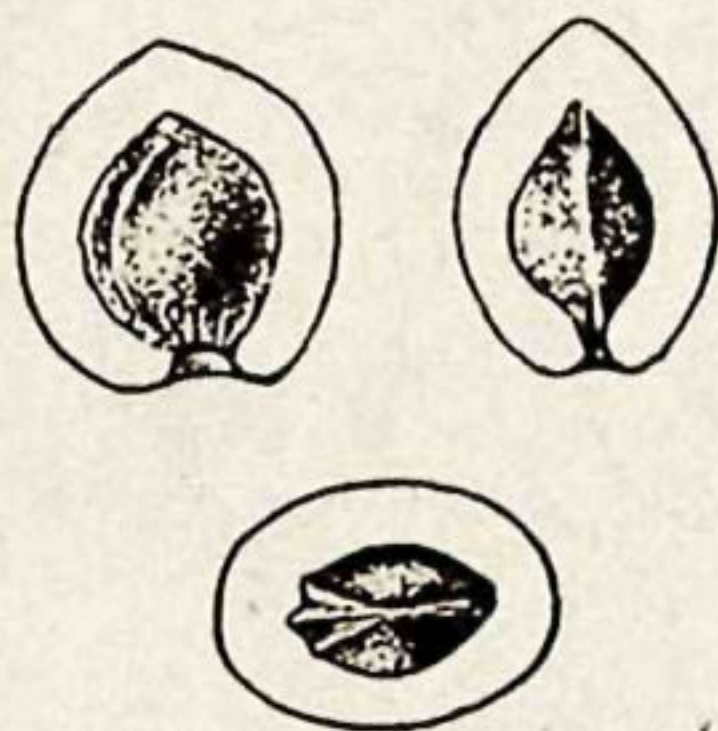

Рис. 1. Абрикос крупноплодный

№ 3. Вытянутый, с острым ребром

Косточка овальная, средних размеров ($19 \times 13,3 \times 9$ мм), на вершине закругленная, вздутая; к основанию оттянуто-заостренная, скошенная, шероховатая. Брюшной шов узкий; ширина 5,5 мм. Центральное ребро брюшного шва острое, боковые вдавлены. Спинной шов слабо заостренный, слегка килеватый. Канальчик спинного шва полуоткрыт, закрыт лишь в середине.

Форма с мелкоплодными косточками, оттянутыми и скошенными у основания и вдавленными боковыми ребрами, встречается редко.

2. Абрикос мелкоплодный.

№ 4. Вытянутый, с тупым ребром

Косточка овальная, мелкая ($19,8 \times 13,3 \times 9$ мм), средне-вздутая; индекс 3,4. На вершине притупленно-закругленная; у основания оттянуто-заостренная, скошенная, мелко шероховатая. Брюшной шов узкий — ширина 5,3 мм. Центральное ребро брюшного шва притупленное, с продольной бороздкой, боковые слабо выдаются по всей поверхности косточки. Спинной шов сглажен, канальчик открыт и закрыт только по середине. Форма, близкая к предыдущей; отличается лишь характером брюшного шва.

Форма, близкая к предыдущей; отличается лишь характером брюшного шва.

№ 5. Округлый, с вдавленными ребрами

Косточка широко-овальная, почти округлая, мелкая ($16,4 \times 14,6 \times 9,9$ мм), вздутая. На вершине закругленная, у основания округлая, слегка усеченная, слабо шероховатая, почти гладкая. Брюшной шов плохо развит, ширина 6,8 мм. Центральное ребро слабо заостренное или притупленное; боковые ребра вдавленные, спинной шов заостренный, оттянутый в киль. Канальчик закрыт. Сорт с мелкими плодами.

№ 6. Округлый, вздутый

Косточка широко-овальная, мелкая ($15 \times 13,8 \times 11,4$ мм) сильно вздутая, индекс 5,5. На вершине округло-заостренная, у основания округло-усечен-

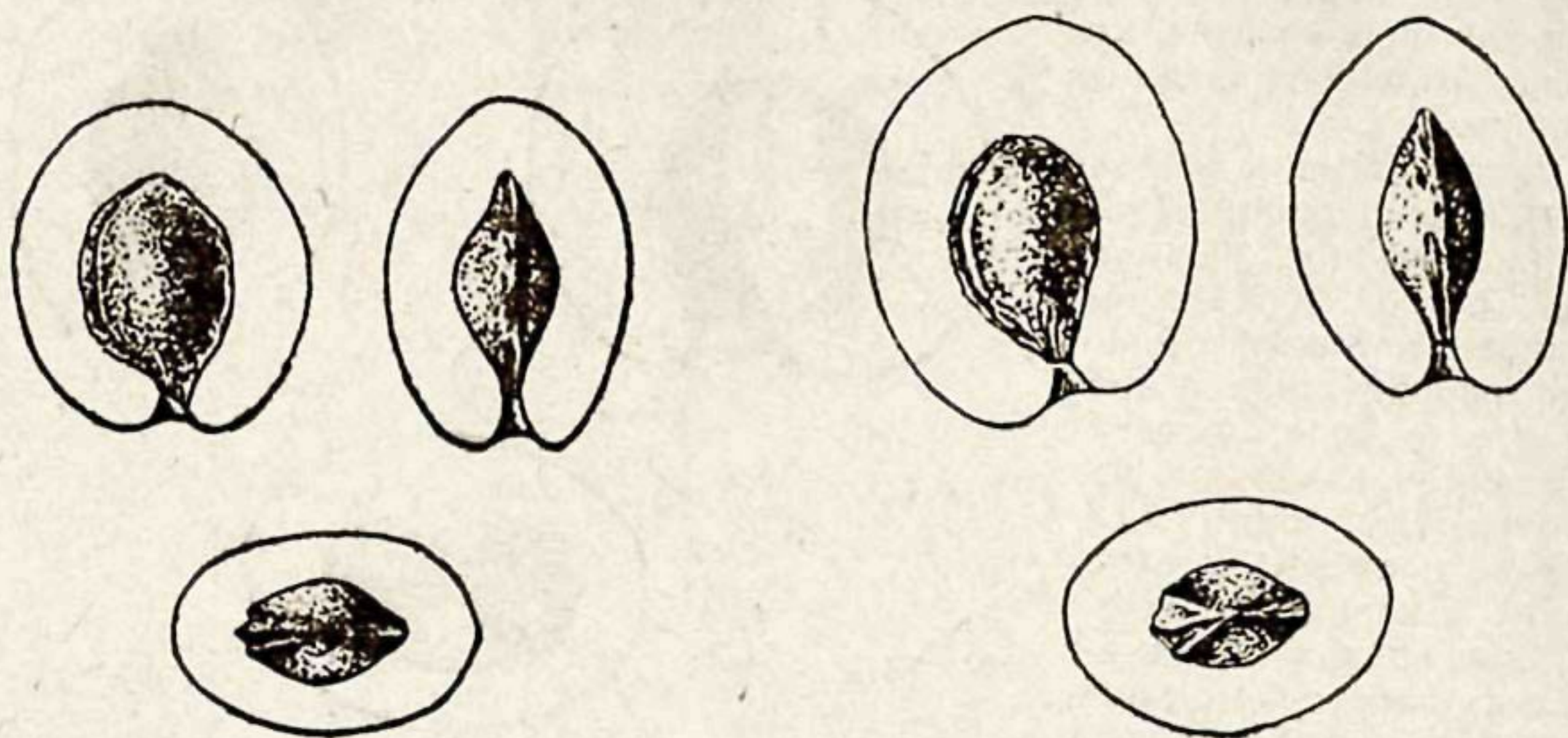

Рис. 3. Абрикос вытянутый, с острым ребром.

Рис. 4. Абрикос вытянутый, с тупым ребром.

но-скошенная, слегка шероховатая, почти гладкая, хорошо отделяющаяся от мякоти. Брюшной шов 6,3 мм шириной. Центральное и боковые ребра слабо-выдающиеся. Спинной шов сглажен. Канальчик закрыт. Сорт характерен сильно вздутой косточкой.

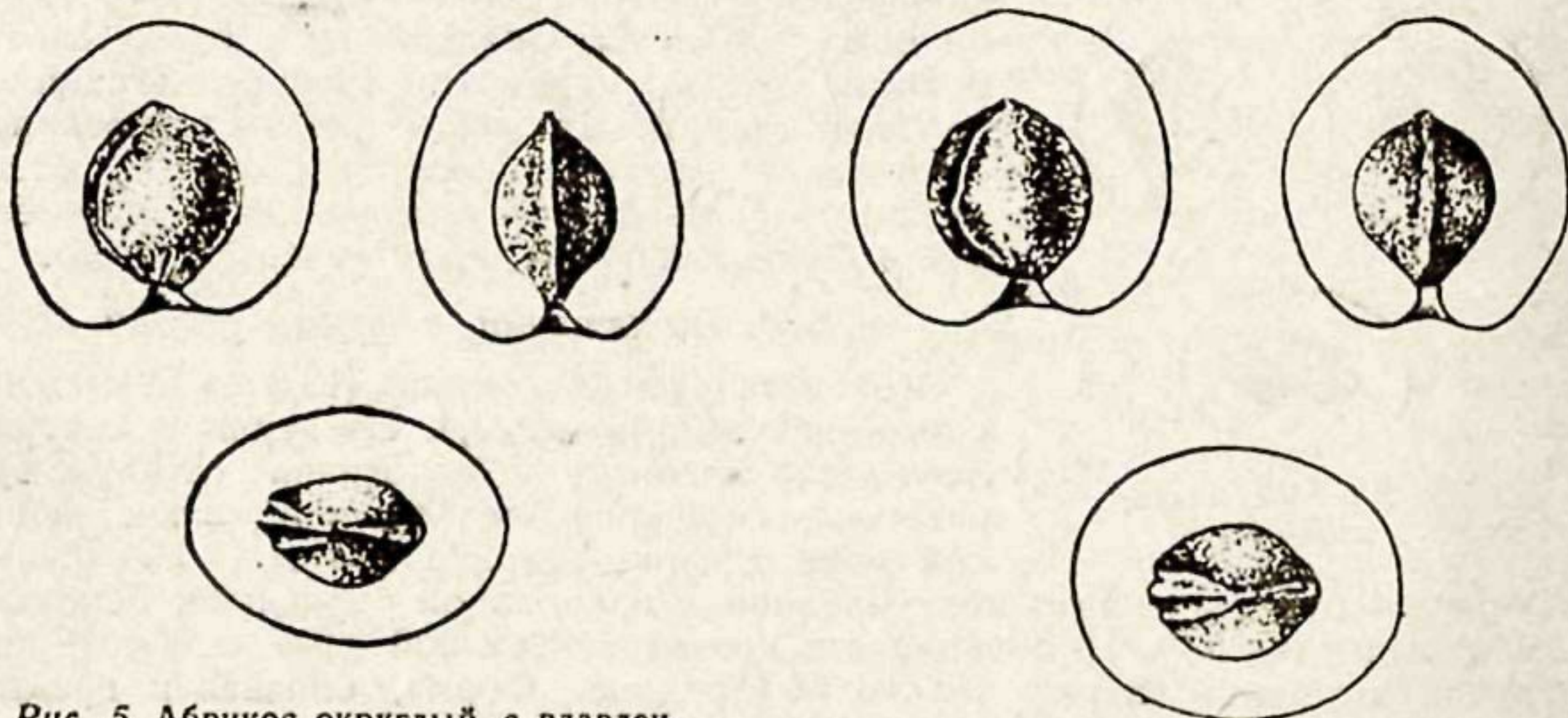

Рис. 5. Абрикос округлый, с вдавленными ребрами.

Рис. 6. Абрикос округлый, вздутый.

№ 7. Округло-плоский.

Косточка широко-овальная, мелкая ($16,6 \times 14,3 \times 9,8$ мм), слабо-вздутая, на вершине округло-заостренная, у основания округло-усеченная, слабо шероховатая, почти гладкая. Брюшной шов 7,5 мм шириной; ребра выдаются, центральное ребро острое. Спинной шов слегка килевидно оттянут; канальчик закрыт.

№ 8. Овальный, скошенный

Косточка овальная, мелкая ($15,2 \times 12,1 \times 9,4$ мм), слабо вздутая, слегка шероховатая, почти гладкая; на вершине округло-заостренная; у основания оттянутая; округло-скошенная. Брюшной шов $6,3$ мм шириной; центральное ребро острое, сильно выдающееся, также и боковые. Спинной шов сглажен, слегка килевидно оттянут, канальчик закрыт.

Рис. 7. Абрикос округлый, плоский.

Рис. 8. Абрикос овальный, скошенный.

№ 9. Овальный, выемчатый

Косточка овальная, мелкая ($16,3 \times 13,1 \times 8,8$ мм), средне-вздутая, на верхушке округло-заостренная или слабо заостренная, у основания округло-усеченная. Брюшной шов $4,5$ мм шириной; центральное ребро острое, сильно выдающееся; боковые выдаются слабо. Спинной шов сглажен; канальчик закрыт. Косточка слегка шероховатая, почти гладкая. Сорт близок к предыдущему; отличается преимущественно основанием косточки.

Абрикосы, собранные в районе Древнего Термеза, представлены преимущественно мелкоплодными, полукультурными (почти дикими) формами. В полосе поливного земледелия в настоящее время такие формы урюка уже отсутствуют в культуре.

Мелкоплодные урюки сохранились сейчас только в горных районах, да и там в большинстве случаев встречаются сорта более высококачественные по сравнению с описанными. Во всяком случае, анализ абрикосов Термеза показывает, что за 500-летний период в поливных районах Узбекистана до неузнаваемости изменился сортимент этой культуры.

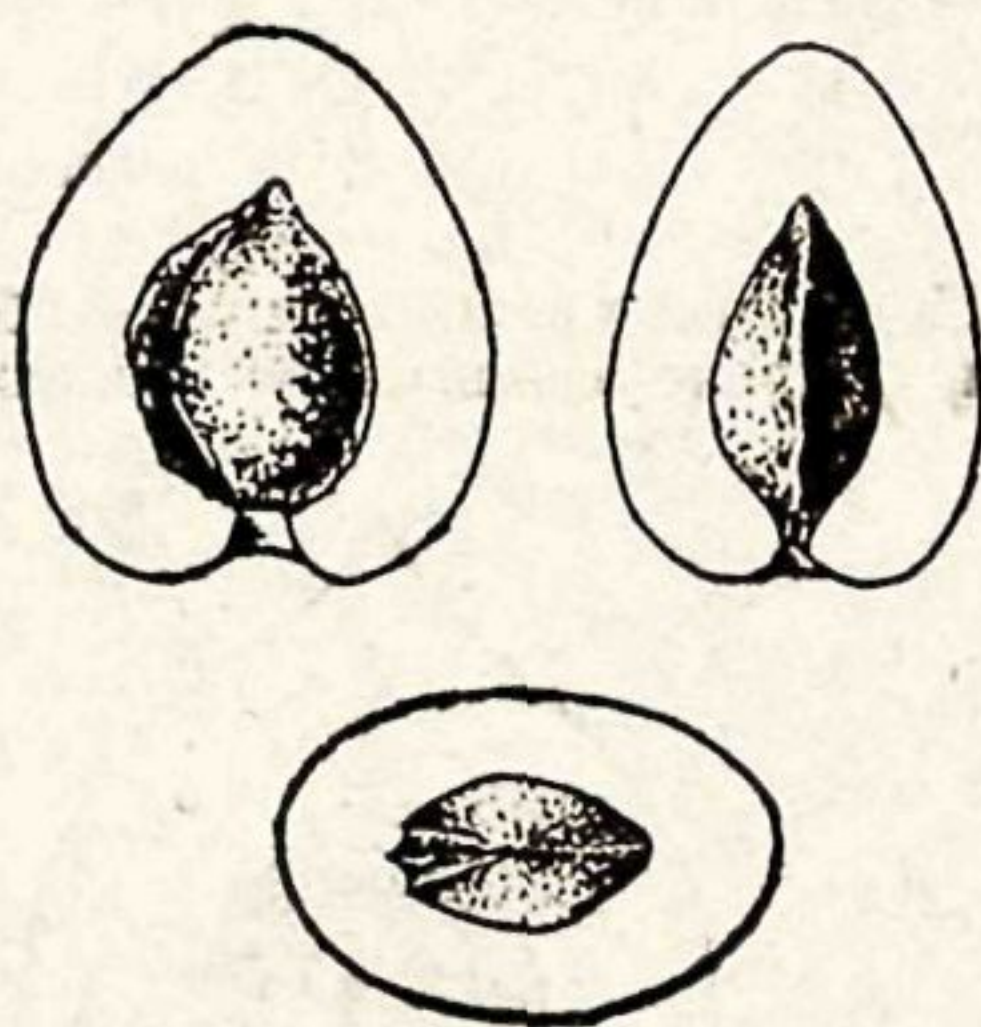

Рис. 9. Абрикос овальный, выемчатый.

2. ПЕРСИК

Кроме абрикоса, повидимому, крупную роль играл также персик — *Persica vulgaris*. К сожалению, косточки этого дерева, собранные археологической экспедицией, оказались плохо сохранившимися (в большинстве случаев в виде половинок). Все же по имеющимся материалам удалось установить наличие шести форм, отличия которых более детально указаны в ключе.

Ключ для определения персиков

1. Косточки широкоовальные 2
 + Косточки более узкие, овальные 3
2. Косточки с длинными, оттянутыми, тонкими, заостренными шипами
 длиной 6 мм № 1. Широкоовальный, с длинным шипом
 + Косточки с короткими, треугольно-заостренными шипами, дли-
 ной 1—2,5 мм № 2. Широкоовальный, с коротким шипом
3. Косточки изрезаны глубокими, извилистыми бороздками 4
 + Косточки с укороченными бороздками, ноздреватые 5
4. Косточки на вершине заостренно-оттянутые с шипом
 № 4. Овальный, с шипом
 + Косточки на вершине округлые, слабо-заостренные, с еле за-
 метным шипом № 3. Овальный, на вершине округлый
5. Косточка крупная, 34 мм длиной № 5. Крупный, ноздреватый
 + Косточка более мелкая, 29 мм длиной
 № 6. Мелкий, ноздреватый

Характеристика форм персика

Персик, несмотря на большое число образцов косточек, представлен, меньшим разнообразием форм по сравнению с абрикосом.

№ 1. Широкоовальный, с длинным шипом

та Косточка средних размеров, без носика (26 × 20,4 × 15 мм), сильно взды-
 я, широко-овальная, у основания округло-усеченная, слегка выемчатая у

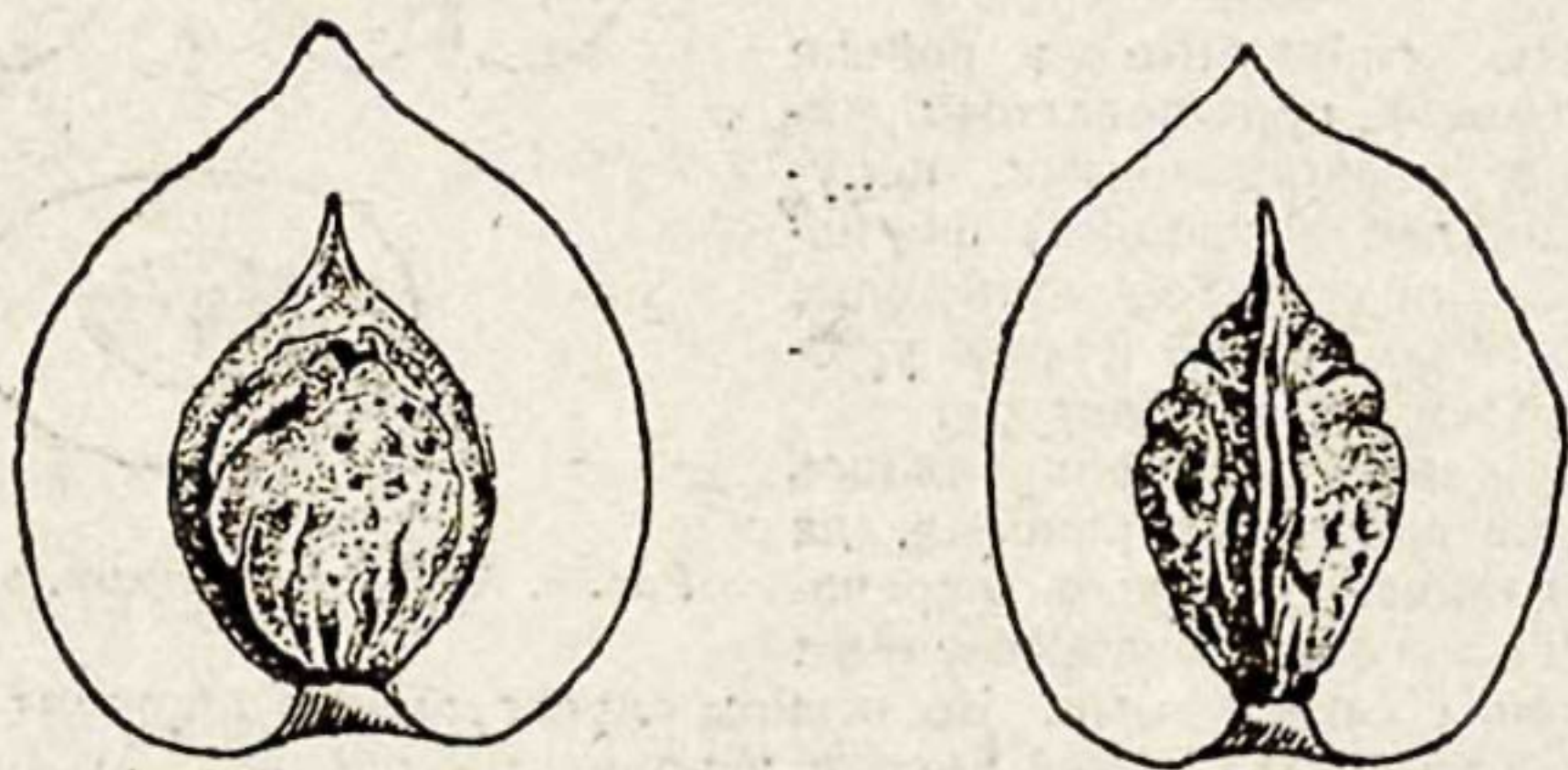

Рис. 10. Персик широкоовальный, с длинным шипом.

на вершине округло-заостренная, оттянутая в длинный, острый шип, 6 мм
 длиной. Поверхность косточки с укороченными бороздками, ноздреватая.
 Косточка хорошо отделяется от мякоти. Среди собранного материала такие
 формы встречаются крайне редко; обычны косточки с короткими шипами
 или заостренные на вершине, без развитого шипа (рис. 10).

№ 2. Широкоовальный, с коротким шипом

Косточка мелкая ($24,0 \times 19,5 \times 14,5$ мм), средне-вздутая, широко овальная, у основания усеченная или слегка выемчатая, на вершине округло-заостренная, слабо-оттянутая, с коротким, треугольно-заостренным шипом, 1—2 мм длиной. Поверхность слабо-бороздчатая, слегка ноздреватая. Косточка

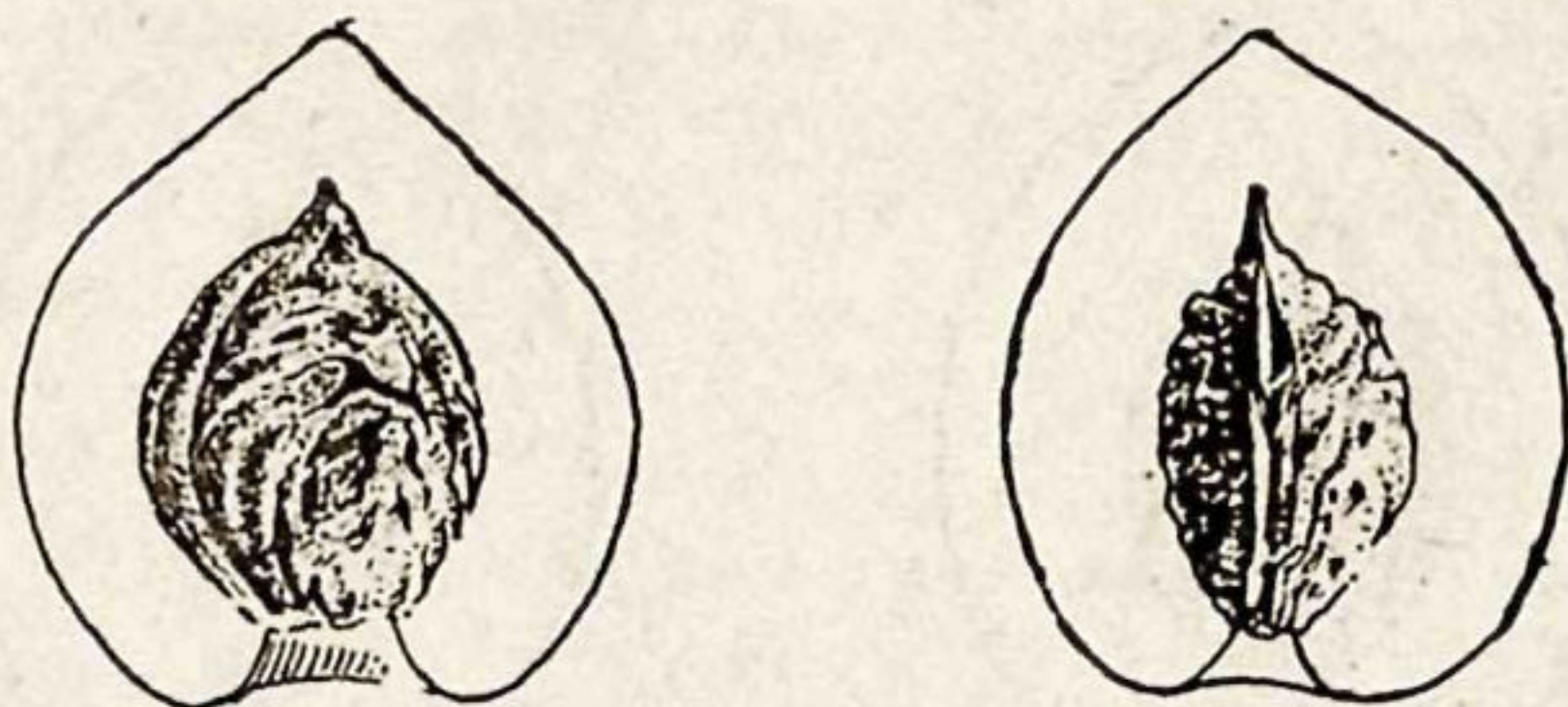

Рис. 11. Персик широкоовальный, с коротким шипом.

хорошо отделяется от мякоти. Такие формы встречаются редко среди собранных образцов (рис. 11).

№ 3. Овальный, на вершине округлый

Косточка мелкая ($25,3 \times 19,3 \times 14,9$ мм), средне-вздутая, овальная, у основания округло-усеченная, на вершине закругленно оттянутая, без шипа, с глубокими, извилистыми бороздками; хорошо отделяется от мякоти. Форма, часто встречающаяся среди собранных образцов (рис. 12).

№ 4. Овальный, с шипом

Косточка средних размеров ($25,9 \times 17,5 \times 12,7$ мм), средне-вздутая, овальная, у основания округло-усеченная; на вершине округло-вытянутая-заостренная, переходящая в треугольный короткий шип; хорошо отделяется от мякоти; с поверхности изрезана глубокими, извилистыми бороздками, со слабой ноздреватостью. Форма, часто встречающаяся в собранной коллекции (рис. 13).

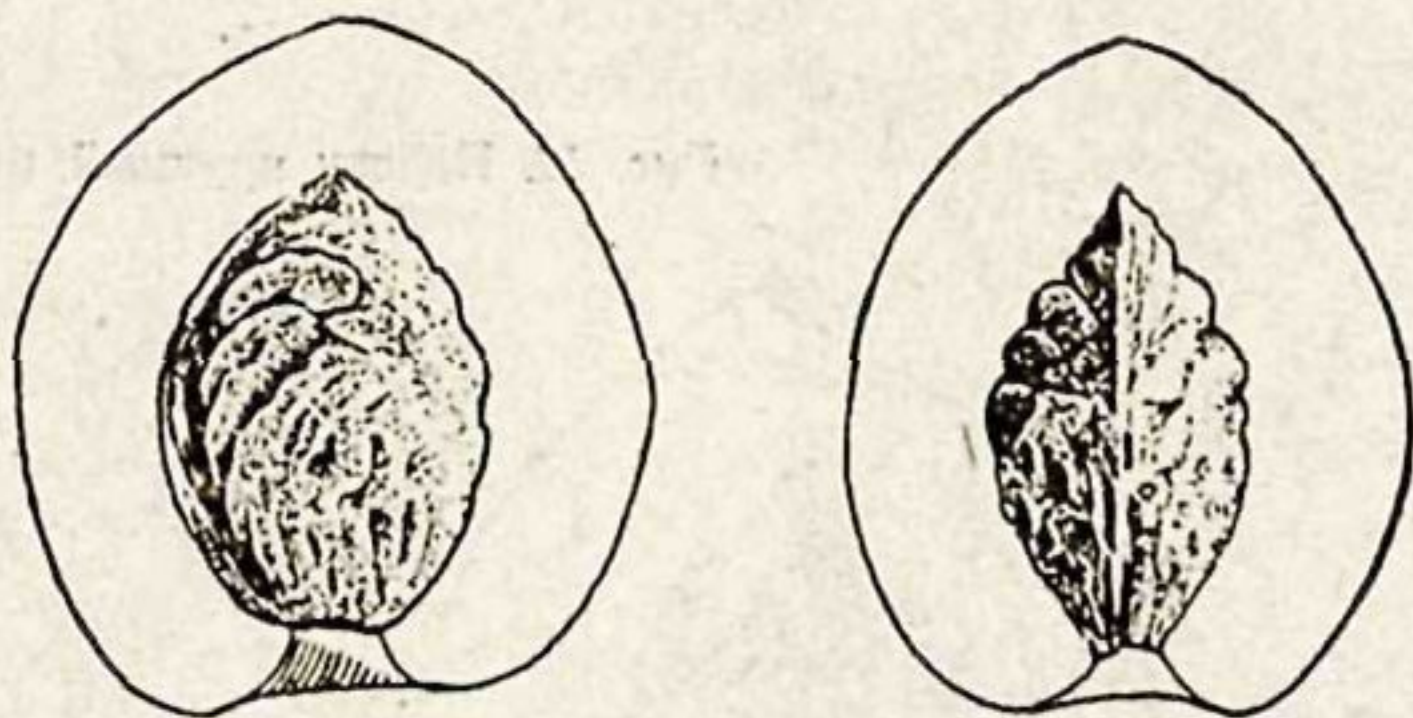

Рис. 12. Персик овальный, на вершине округлый.

№ 5. Крупный ноздреватый

Косточка крупная ($34,0 \times 24,5 \times 16,8$ мм), вздутая, у основания округло-усеченная, на вершине округло-вытянутая, заостренная, переходящая в широкий, треугольно-заостренный шип длиной 2,5 мм.

Косточка хорошо отделяется от мякоти; с укороченными бороздками; ноздреватая. Такие формы персика редко встречаются среди собранного материала (рис. 14).

№ 6. Мелкий, ноздреватый

Косточка средних размеров ($29,2 \times 21,3 \times 15,2$ мм), слабо вздутая, почти плоская, у основания округло-усеченная, слегка выемчатая или слабо скошенная; на вершине округлая, слегка вытянутая, слабозаостренная, с коротким шипом до 2 мм длиной, хорошо отделяется от мякоти; с поверх-

ности с укороченными бороздками, ноздреватая. Форма, часто встречающаяся среди собранных образцов. (рис 15).

Персик Термеза XV в. представлен обычными культурными формами с отделяющейся косточкой и, повидимому, опушенными плодами. Возможно, некоторые формы имели и голые, неопушенные плоды, но с отделяющей

Рис. 13. Персик овальный, с шипом.

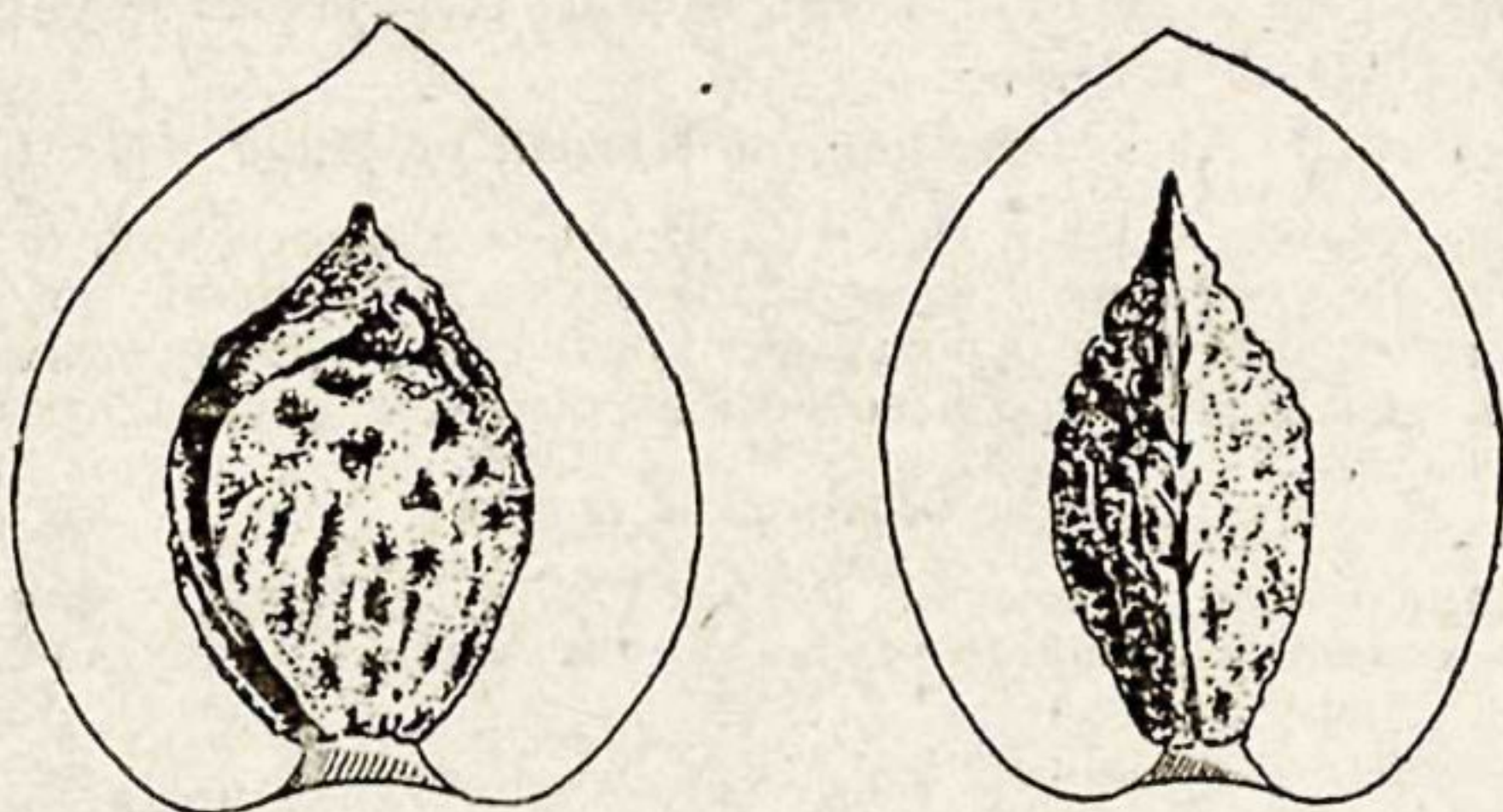

Рис. 14. Персик крупный, ноздреватый.

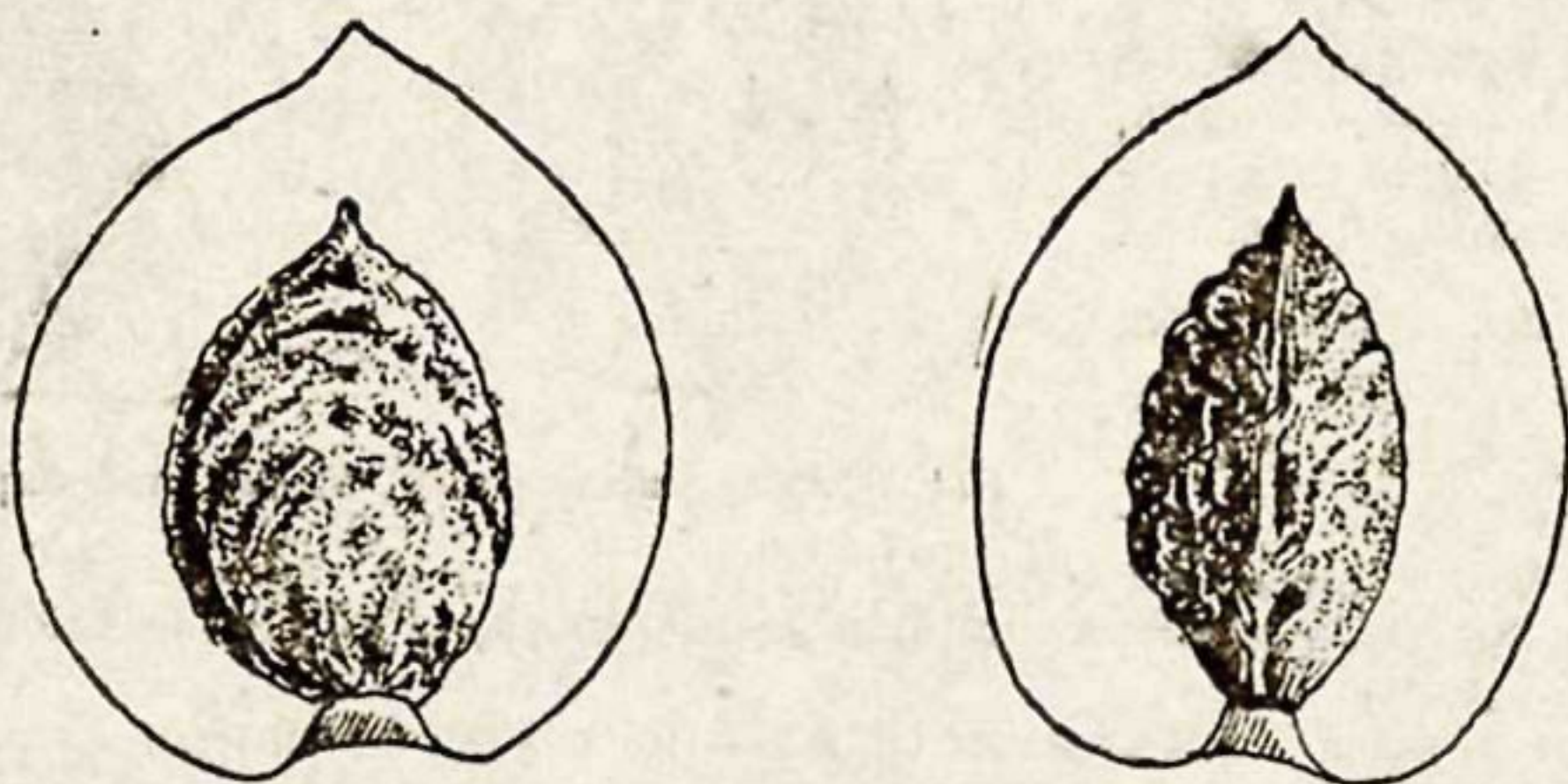

Рис. 15. Персик мелкий, ноздреватый.

ся косточкой — нектарины. Здесь не обнаружено форм с неотделяющейся косточкой, так называемых павий.

По характеру косточек персики относятся к обычным формам, широко распространенным и сейчас в культуре на территории современного Узбекистана.

Не обнаружено персиков с рубчатой структурой косточки (когда углубленные бороздки вытянуты от основания к вершине косточки параллельными рядами). Эти персики характерны для Средней Азии и Зап. Китая и выделены, как особый вид *P. ferganensis*. Кроме характера косточки, эти формы отличаются плоскими плодами, а также дугонервной нервацией листьев.

Анализ косточек персика также показывает, что в Древнем Термезе разводился преимущественно мелкоплодный сортимент и культивировалось немалое число форм этого полиморфного растения.

3. АЛЫЧА

Алыча (*Prunus divaricata* Ldb.) обнаружена в коллекции в виде одной формы с очень мелкими косточками, длина которых равна в среднем 11,8 мм, а диаметр — 8,8 мм. Косточка более или менее гладкая. Это, повидимому, одна из диких, мелкоплодных форм, изредка встречающихся в культуре и в настоящее время.

Эти формы по качеству плодов превосходят даже культурный сортимент.

Алыча широко распространена в диком виде в горных районах Средней Азии и, в частности, в Памиро-Алае и неслучайно называется местным населением тогалыча — горная алыча.

Prunus divaricata — древнейшая культура Средней Азии, которая является ее родиной. Эта культура уже 500 лет тому назад имела место в районе Древнего Термеза.

Рис. 16. Косточки алычи.

4. СЛИВА

Слива (*Prunus domestica* L.) представлена одной формой с широкоовальными, мелкими косточками (15,3 × 11,9 × 6,6 мм), плоскими, у основания округлыми, на вершине округло-плоскими, с шероховатой и ямчатой поверхностью. Брюшной шов широкий, спинной — с широкой и глубокой бороздкой.

Рис. 17. Косточки сливы.

По форме слива сильно напоминает обычную карюлю с темнолиловыми, сизыми плодами, нередко встречающуюся в культуре в Сурхан-Дарье.

5. МИНДАЛЬ

Миндаль (*Amygdalus communis* L.) собран в виде плохо сохранившихся, преимущественно расколотых косточек. При анализе установлено две формы, отличающиеся характером косточек; эти отличия следующие:

1. Брюшной шов тупой, спинной — раздвоен. № 1. Миндаль с тупым брюшным швом

+ Брюшной шов острый, спинной цельный или с еле заметным раздвоением. № 2. Миндаль с острым брюшным швом

№ 1. Миндаль с тупым брюшным швом

Косточки средних размеров (26,0 × 16,4 × 10,0 мм), плоские, овальные или широкоовальные, толстокорые, на вершине закругленно-слабо-заостренные, почти симметричные, палево-коричневые, в верхней части с ясно очерченными точками, к основанию расплывающимися, переходящими в каналцы.

Спинной шов выпукло-изогнут, раздвоенный, брюшной тупой, килевидно-оттянутый (рис. 18).

№ 2. Миндаль с острым брюшным швом

Косточки овальной или слегка яйцевидной формы, средних размеров (26,7 × 15,7 × 10,0 мм), плоские, несимметричные, палевые или коричневатопалевые, с ясно очерченными точками, местами расплывающимися, особенно в нижней части, в канальцы. Спинной шов слабо раздвоенный, почти цельный, на небольшом протяжении прямой, брюшной—острый, в виде лезвия (рис. 19).

Две отмеченные формы миндаля являются более или менее характерными для Узбекистана и сорта такого типа часто попадаются и сейчас в культуре.

Миндаль возделывается во многих районах Средней Азии, а также встречается в диком виде.

6. БУХАРСКИЙ МИНДАЛЬ

Бухарский миндаль (*Amygdalus bucharica* Korsh.)—растение, близкое обычному культурному миндалю, распространенное в диком виде в пределах Памиро-Алая: от Туркестанского до Гиссарского хребта, почти по всему Западному Таджикистану и частично в Узбекистане.

В диком виде этот миндаль встречается и в западных отрогах Гиссарского хребта, в частности, в бассейне р. Сурхан-Дарья, и вполне понятно нахождение его в коллекции из Термеза.

Бухарский миндаль отличается от обычного культурного миндаля рядом признаков, особенно характером косточки: у бухарского миндаля косточка обычно гладкая, как бы полированная, редко мелкоморщинистая и даже слегка складчатая.

Единственная косточка бухарского миндаля из термезской коллекции имеет типичную, овально-вытянутую форму и средние размеры; длина 26,3 мм; диаметр 14,0 мм; гладкая, коричневая, на вершине заостренная, переходящая в короткий шип; у основания округлая.

Спинной шов разделенный, брюшной—острый (рис. 20).

Бухарский миндаль, повидимому, был редкой культурой и одиночно встречался среди посадок других плодовых деревьев; возможно, это дикорастущие формы, собранные в горных районах.

7. ФИСТАШКА

Фисташка (*Pistacia vera* L.) представлена мелкими косточками длиной 15,5 мм и 7,4 мм в диаметре. К основанию косточки заостренно-округлые, нередко скошенные, к вершине притупленно-заостренные. Собранные образцы, повидимому, принадлежат к обычным дикорастущим формам из ближайших районов, возможно, и культивируемым. Фисташка широко распространена в диком виде в Средней Азии и редко встречается в культуре. Дикорастущая фисташка попадает и в бассейне р. Сурхан-Дарья разреженными зарослями, больше же одиночными экземплярами, и образует массивы лишь в Бабатаге. Во всяком случае, до агрикультуры фисташка имела широкое распространение в полосе предгорий и 500 лет тому назад ее ареал был значительно шире, чем теперь.

Рис 18. Косточка миндаля с тупым брюшным швом.

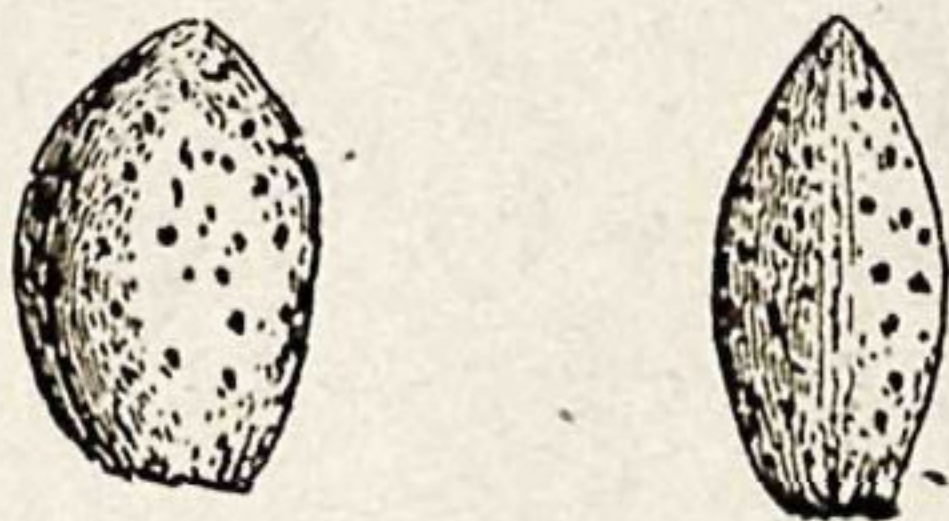

Рис. 19. Косточка миндаля с острым брюшным швом.

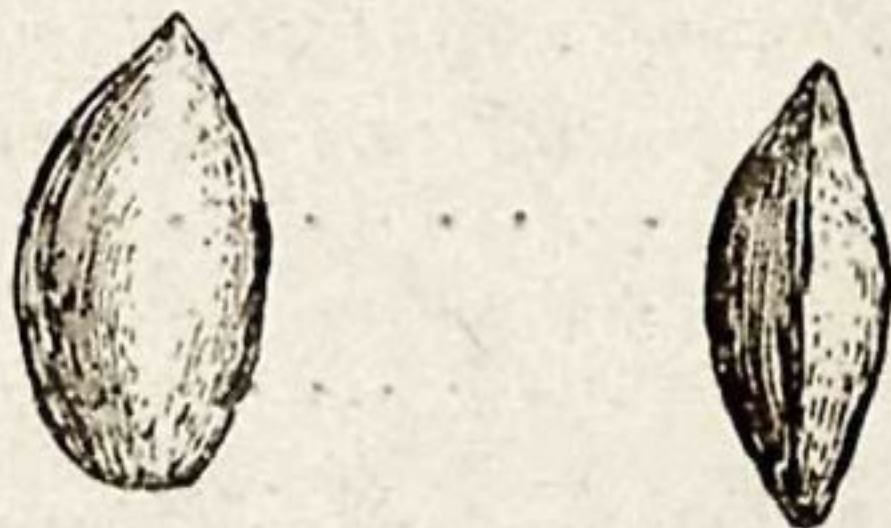

Рис. 20. Косточка бухарского миндаля.

8. ГРАНАТ

Гранат (*Punica granatum* L.) обнаружен в коллекции в виде 1 семени, притом плохо сохранившегося. Это растение редко встречается в культуре в Узбекистане, а также и в бассейне р. Сурхан-Дарьи.

Наряду с культурой, гранат произрастает и в диком виде в Таджикистане и Туркмении.

9. ВИНОГРАД

Виноград (*Vitis vinifera* L.) в коллекции представлен значительным числом семян, правда, плохо сохранившихся, сильно почерневших. Семена принадлежат обычному культурному винограду, широко распространенному сейчас на территории Сурхандарьинской области.

Определение сортов по семенам, особенно плохо сохранившимся, очень трудно. Однако собранные семена больше всего походят на семена современных сортов винограда, разводимых в районе Сурхан-Дарьи, в частности, на сорт хак-доди с крупными, округлыми, зелеными плодами, затем Шароби с темнокрасными широко-овальными ягодами и длинными, круглыми гроздьями и сорт хаузи с округлыми, черными ягодами и рыхлыми гроздьями.

* *

В коллекции отсутствует целый ряд таких видов, как яблоня, груша, грецкий орех, шелковица; однако эти растения должны были иметь место в культуре исследуемого района.

II. БАХЧЕВО-ОВОЩНЫЕ КУЛЬТУРЫ

Кроме плодовых культур, были обнаружены семена бахчевых растений. По этим остаткам, правда, трудно судить о состоянии бахчеводства, тем более, что многие бахчевые, особенно арбузы и дыни, перевозятся на очень большие расстояния и могли быть занесены и из других районов. Однако, учитывая большую древность бахчевых в районе Сурхан-Дарьи, культура многих видов здесь, несомненно, имела место с давних пор.

1. АРБУЗ

Арбуз (*Citrullus vulgaris* L.) представлен более или менее однородным семенным материалом, относящимся, повидимому, к одному сорту обычного арбуза, широко разводимого в настоящее время на поливных и богарных землях. Семена арбуза средних размеров; длина 13,1 мм; ширина 8,3 мм; светлые, без рисунка, овально-яйцевидные, у основания округлые, к вершине округло-заостренно-оттянутые; на вершине притупленные, с ободком, с рубчиком.

Наряду со светлокоришневыми семенами встречаются почти белые, но повидимому, эти семена недостаточно зрелые. Семена принадлежат обычно съедобному арбузу, среднесемянному. Более детально установить форму не представлялось возможным; впрочем и современные арбузы изучены в этом отношении недостаточно.

2. ДЫНЯ

Дыня представлена большим числом семян, относящихся к обычной культурной дыне (*Cucumis orientalis* S. Kudr.), распространенной в пределах Средней Азии, Ирана и Афганистана. Собранные семена относятся к подвиду зард (ssp. *Zard Pang.*) — иранской дыне, встречающейся, кроме Ирана, в Афганистане, а также и в южной полосе Средней Азии.

Семена средних размеров; длина 12,1 мм; диаметр 5,1 мм; светлые, овально-эллипсоидальной формы; к основанию и вершине округло-заостренные, в верхней части согнутые (характерная особенность этих дынь). Собранные семена, повидимому, относятся к одному сорту.

Дыни из подвида зард имеют и теперь широкое распространение в Сурхандарьинской области.

3. ОГУРЕЦ

Семена огурца собраны в большом количестве и относятся к обычным формам, разводимым в Средней Азии, — *Cucumis sativus* L. var. *irano-turanicum* Gabaev. Эта разновидность является эндемичной для Средней Азии, Ирана и Афганистана. Она характеризуется грязноохристыми плодами (в зрелом состоянии), густо покрытыми трещиноватой сеткой.

Семена крупные; длина 11,3 мм; диаметр 4,8 мм; эллипсоидальные или овально-эллипсоидальные, у основания округлые, к вершине округло-заостренные, на вершине притупленные.

Семена обычного типа, сходные с маргеланскими огурцами, широко распространенными в Узбекистане.

III. ПРОЧИЕ КУЛЬТУРЫ

Кроме указанных растений, также отмечены семена конопли и нута.

1. КОНОПЛЯ

Конопля представлена только 1 семенем, относящимся к обычной культурной конопле *Cannabis sativa* L., разводимой изредка в Узбекистане, причем в культуре чаще встречается индийская конопля.

2. НУТ

Найдено 1 семя, сильно потемневшее, относящееся к обычному культурному нуту — *Cicer arietinum* L., древней культуре Узбекистана.

Кроме этих культур, был найден кусок древесины, который, по определению А. А. Никитина, оказался принадлежащим обычному тополю, нередко разводимому в Узбекистане и других республиках Средней Азии как парковое растение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурная флора Древнего Термеза уже в XV в. нашей эры была представлена значительным разнообразием видов.

Собранная археологической экспедицией коллекция не отражает действительного состава культурной флоры; сортимент возделываемых видов был, несомненно, богаче и разнообразнее.

В коллекции лучше всего представлены плодовые культуры (благодаря хорошей сохранности косточек), но отсутствуют такие культурные растения, как рис, люцерна, хлопчатник, которые, несомненно, имели здесь распространение.

Для более полного представления о культурной флоре XV в. Древнего Термеза считаем необходимым, помимо учета собранных образцов, также указать виды, которые должны были возделываться в этих районах, учитывая историю формирования культурной флоры Узбекистана и всей Средней Азии.

Анализ культурных растений Древнего Термеза показывает, что многие виды представлены малоценным сортиментом — дикорастущими или полукультурными формами.

В первую очередь необходимо отметить абрикос или урюк. Абрикос Древнего Термеза был представлен мелкоплодными сортами, которые в настоящее время сохранились преимущественно в горных районах, в поясе древесно-кустарниковой растительности. На равнинах, в полосе орошаемого земледелия, такие формы абрикоса обычно отсутствуют и встречается более ценный сортимент. Горный мелкоплодный абрикос — полукультурные формы, наиболее близкие к дикорастущему.

Еще в XV в. он был широко распространен в культуре в районе Термеза; в настоящее время вытеснен из орошаемой полосы, сохранившись кое-где в горных, труднодоступных районах. Многими мелкими формами был представлен персик, алыча и др.

Этот факт показывает, что процесс отбора ценных форм, улучшения сортимента происходил интенсивно и за 500-летний период абрикос был изменен до неузнаваемости.

Судя по имеющейся коллекции, сортимент возделываемых видов был неоднороден. Наряду с видами древнего бактрийско-согдийского земледелия, т. е. видами, имеющими в районах Средней Азии и южных, прилегающих стран очаги первичной интродукции, встречались виды, проникшие из районов Передней и Малой Азии, а также Китая.

Из видов бактрийско-согдийского земледелия в первую очередь нужно отметить абрикос. Это растение и сейчас в горах Ферганы встречается в диком виде. Ранее оно имело более широкое распространение, но в значительной мере было уничтожено (как и многие другие древесные породы). Дикие заросли абрикоса сохранились только небольшими пятнами; этот урюк был когда-то взят в культуру, где и создан изумительный по разнообразию сортимент.

Алыча, встречающаяся в культуре в районе Древнего Термеза, а также гранат и бухарский миндаль — несомненно, местного памиро-алайского происхождения. Бухарский миндаль и в настоящее время имеет широкий ареал в горных районах.

Одной из древних культур является фисташка, которая и сейчас используется преимущественно в диком виде. Основной ареал фисташки — ценной ксерофильной плодовой породы — лежит в районах бактрийско-согдийского земледелия.

К древнейшим культурам нужно отнести и виноград, разводимый с давних пор в Средней Азии (где насчитывается большое число специфичных сортов); а также распространенный и в диком виде.

Древней культурой является дыня — *Cucumis orientalis*. Районы Средней Азии, Афганистана и Ирана являются очагами первичной интродукции этой культуры, представленной большим разнообразием сортов. Особенно любопытно отметить обитание южных, иранских позднеспелых дынь из подвида зард. Наряду с культурными дынями здесь встречаются дикие — *Cucumis agrestis* с немалым числом форм, а также полукультурная *C. microcarpus*.

Отмеченные растения, найденные при раскопках Древнего Термеза, являются древнейшими представителями культурной флоры — флоры районов бактрийско-согдийского земледелия.

Из Китая проник сюда персик, причем отсутствовал в культуре ферганский персик, а были распространены обычные формы, широко возделываемые и сейчас на территории Узбекистана.

Через Иран, Малую Азию двигалась сюда культура сливы, изредка встречающейся сейчас в Узбекистане.

Анализ культурной флоры Древнего Термеза XV в. вполне подтверждает ранее развитую нами мысль об истории формирования культурной флоры Средней Азии.

Здесь отсутствовали такие, ныне популярные и распространенные культуры, как тыква (*Cucurbita moschata* и *C. maxima*), табак (*Nicotiana rustica* и *N. tabacum*), перец (*Capsicum mexicanum*), кукуруза, подсолнечник, помидоры и другие виды Нового Света, двигавшиеся сюда уже после открытия Америки через страны Передней Азии и Восточной Европы. Таким образом в XV в. районы Сурхан-Дарьи имели культурную флору, слагающуюся местными видами, а также видами, проникшими сюда из стран Ирана, Передней Азии, а также Китая и Индии.

Культурная флора Термеза XV в. впоследствии резко изменилась благодаря продвижению многих ценных видов и форм.

В заключение считаем необходимым несколько остановиться на характере земледелия Древнего Термеза, учитывая историю культурной флоры Средней Азии.

В Термезе, окруженном пустынными пространствами, существовало поливное земледелие. Культурная полоса обсаживалась древесными, парковыми

породами, из которых широкое распространение имели: тополь, ива, карагач, возможно, чинар. В садах возделывался разнообразный сортимент: абрикос, персик, гранат, алыча, слива, виноград. В культуре, повидимому, была яблоня, инжир, грецкий орех, шелковица.

Среди садовых, а также парковых культур встречались посевы люцерны, изредка хлопчатника — гузы (*Gossypium herbaceum*), риса, нута, маша, возможно, пшеницы.

Пестрый состав культур был на огородах. Из бахчевых встречались отмеченные арбуз, дыня, огурец. По всей вероятности, культивировались лук, свекла, морковь, репа, редька, баклажан. Изредка попадалась конопля.

В дальнейшем эта флора была обогащена многими новыми видами и сортами, находящими благоприятные условия в полосе сухих субтропиков в жаркой, плодородной долине Сурхан-Дарьи.

Д. Д. БУКИНИЧ

КАНАЛЫ ДРЕВНЕГО ТЕРМЕЗА *

В программу работ Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) на весенний период текущего года был включен, между прочим, и вопрос об орошении Древнего Термеза. На развалинах его, в наиболее отдаленном от источника орошения пункте, у мавзолея Хаким-Термези не сохранилось никаких следов оросительной сети. Мощные наслоения керамики и битого кирпича, оставшиеся от отдаленных эпох, свидетельствуют о былой кипучей жизни в этом пункте, связывающем Аму-Дарью с большим торговым путем, проходившим по правому берегу Сурхана.

Древний Термез, расположенный на 12 км ниже впадения р. Сурхан в Аму-Дарью, мог орошаться только из Сурхана. До сих пор остается спорным вопрос — в каком месте от реки отходил канал.

По мнению Б. Н. Кастальского, этот пункт нужно искать „где-нибудь между теперешними кишлаками Ак-Курган и Арпа-Пая“, т. е. на расстоянии 60—70 км от устья Сурхана (1). Он считает, что древний канал имел две ветви, из которых одна орошала район у развалин старого кишлака Занг и район теперешнего города Джар-Курган, а другая, пройдя полосу песков Катта-Кум „на расстоянии 13—14 верст“, направлялась к Древнему Термезу.

„В полосе песков в настоящее время, — как пишет Кастальский, — сохранились следы древнего арыка, а на полянках между барханами попадаются весьма интересные фрагменты домонгольской керамики и стекла“.

Наши поездки весной 1937 г. не подтвердили мнения Кастальского. Фрагменты даже доарабской керамики в небольшом количестве действительно встречаются в песках у казармы на 506 километре Термез-Сталинабадской железнодорожной ветки, но следов древнего арыка в Катта-Кумах между Джаркурганским оазисом и рекою Сурхан не обнаружено. Повидимому, Кастальский принял за них отдельные остатки древней оросительной сети, местами засыпанной песками, местами отмытой рекой.

Маршрутная съемка выяснила, что вдоль Сурхана по самому краю верхней террасы на участке между Чагыш-Тугаем и Тали-Тагора, между гребнями отвалов протекал небольшой арык шириной не больше 6—8 м; арык брал воду не из Зангского древнего арыка, а из самого Сурхана. Та же съемка выяснила, что к развалинам Древнего Термеза тянутся следы двух древних магистралей, теряющиеся у развалин кишлака близ раскапываемого дворца термезских правителей. Головы магистралей были гораздо ближе к Древнему Термезу, нежели предполагает Кастальский; примерно оттуда же и отводится Термезский канал в настоящее время. Между прочим, из современного Термезского канала вода доходит по концевым распределителям колхозной сети до раскапываемого дворца. К сожалению, этот участок перекопан при экскаваторных работах и определить длину холостой части

* Многие положения в статье Д. Д. Букинича дискуссионны (изменение режима среднеазиатских рек в XI—XII вв., время появления крупной ирригационной сети в долине Сурхана, указание только на естественно-исторические причины сокращения здесь земледелия, гибель его в XVI—XVII вв. и др.). Редакция.

Древнетермезского канала невозможно. Во всяком случае, она составляла не более 10 км, если считать так называемый „Баляндоб“ за начало рабочей части древней оросительной сети.

Против мнения Кастальского говорят и чисто теоретические соображения. Так, в инженерных американских оросительных системах потери в сети на фильтрацию и испарение достигают в среднем 60%. Не подлежит сомнению, что древний канал, обладавший по мнению Кастальского протяжением 60—70 км, имел колоссальные потери. В действительности же его протяжение должно было превышать 100 км, если считать, что он отводился примерно от того места, где теперь отводится новый Кумкурганский канал, или даже из Санг-Гардак-Дарьи. Если пользоваться усредненной таблицей, приводимой в курсе проф. А. Н. Костякова „Основы мелиорации“, то при неблагоприятных условиях от каждых 10 м³ воды расхода в канале на протяжении 100 км ничего бы не оставалось для орошения полей — все пошло бы на потери в пути вследствие фильтрации и испарения. О том, что условия были неблагоприятны для древнего канала, говорят следующие факты:

1) канал имел несоразмерно длинную холостую часть (а на нее падает наибольший процент потерь), причем в ответвлении к Древнему Термезу он должен был пересекать полосу песков Катта-Кум, игравшую роль колоссальной губки;

2) орошаемые площади были расположены не компактно, а длинной полосой вдоль правого берега р. Сурхан;

3) проходя по высоким отметкам верхней террасы, канал имел естественный дренаж, что не создавало подпора фильтрационному потоку.

Еще более неблагоприятными условия могли быть в том случае, если бы канал был проведен от Санг-Гардак-Дарьи по косогорному участку. От самой головы до теперешней станции Сурхан он должен был постоянно подвергаться размывам со стороны боковых саев (селевых оврагов, по которым периодически проходят разрушительные предгорные дождевые потоки). Наличие в трех пунктах на этих оврагах каких-то сооружений из кирпича дает повод исследователям говорить о переброске канала через сая при помощи акведуков.

Имея в виду один из таких древних акведуков, — так называемый Таш-Купрюк, — Кастальский, подсчитывая орошаемую каналом площадь, пишет: „говорить об этом орошении, кроме того, Зангского и Бишхотанского районов с Термезским в придачу, конечно, не приходится, — для этого размеры акведуков должны быть значительно мощнее“*.

В результате осмотра Ташкупрюкского акведука и устоев, разобранных строительством системного управления на овраге Ак-Капчигай-Сай, было установлено (вопреки господствовавшему мнению), что в древности существовал большой оросительный канал, бравший начало из Санг-Гардак-Дарьи, по которому вода могла доходить и до Древнего Термеза. Следы канаво-подобных промоин, которые можно наблюдать по обе стороны поперечных оврагов, повидимому, нужно отнести не к искусственным ирригационным сооружениям, а к естественным рытвинам, оставшимся от угасших селевых потоков. Впоследствии эти потоки были прорезаны каньонами современных оврагов. Это — так называемые „сель-хана“, как их называют местные жители, т. е. вместилища селей, из которых затихающие воды уже растекались по верхней присурханской террасе. Если присмотреться к направлению рытвин, то все они не проходят по оси акведуков. Возможно, что из тех потоков, которые действовали более продолжительное время, и проводились небольшие арыки в вегетационный период. Но подобное селевое орошение типа „Кюрен-Дагского, лиманного“ в Туркмении не охватывало больших площадей и на нем не могло возникнуть большой культуры. В самом деле, на селевом участке между ст. Сурхан и разъездом Красный Октябрь мы не находим никаких следов архитектурных памятников. Не находим также и керамического материала, которым насыщены те участки долины Сурхана,

* „Вестник ирригации“ № 3, 1930.

где эта культура оставляла следы в различные эпохи. Незначительный керамический материал на полях колхозников на этом участке в виде простейшей неполивной и поливной керамики относится уже к новейшему времени.

Кумкурганская степь была слабо обжитым районом в древнейшие эпохи, вплоть до того времени, когда была построена Кумкурганская инженерная сеть с ее быстотоками, перепадами, дюкерами, и когда на полях появился трактор. Если бы в этом районе существовало с древних времен неинженерное орошение, то края присурханской террасы были бы испещрены сетью оврагов от небрежного пользования водою за продолжительный исторический период. Явными следами оросительного арыка средних размеров можно считать только небольшой сохранившийся его фрагмент у 4 и 5 отделений Кумкурганского совхоза (у Ак-Кургана). Этот арык, местами отмытый рекою, брал воду из Сурхана, а не из Санг-Гардак-Дарьи. Сохранившийся его фрагмент, повидимому, нужно считать головным участком древнего занга.

Нужно сказать, что по правобережью Сурхана, у Тали-Тагора нами встречен фрагмент от большого оросительного канала в виде развилки с хорошо сохранившимся профилем (ширина между гребнями отвалов у этого канала около 20 м). Этот короткий отрезок, ни выше ни ниже не прослеживаемый, приходится рассматривать как одну из неосуществленных попыток прорытия большого канала. Это, повидимому, один из вариантов для головы Салаватского канала. Подобные же попытки были сделаны не так давно при спрямлении Янгиарыкской магистрали. Прокопы эти также заброшены.

Решение вопроса о древних оросительных системах затрудняется вследствие наличия валов, находящихся по окраинам так называемых „кыров“, прилегающих к Сурханской долине со стороны предгорий. Эти валы, как выяснено нами, тектонического происхождения, но не специалист может легко принять их за искусственные сооружения. Их можно наблюдать и по окраинам верхней террасы, например, у второго отделения Кумкурганского совхоза.

Какими же сооружениями приходится считать так называемые „акведуки“ Кастальского? Недаром население до сих пор упорно называет их „купрюк“ — мост. Они и были, повидимому, виадуками на большом караванном пути, обеспечивающими непрерывность движения во время прохода селей.

„Акведуки“ в Кумкурганском районе представляют исключительный интерес не с точки зрения их назначения, а с точки зрения методики, так как археологические данные помогают здесь расшифровывать геологические явления.

В жизни Кумкурганских оврагов отчетливо намечаются два периода: древний, когда воды, урегулированные лесами, растекались в зоне затихающих вод (они-то и дали те рытвины, которые принимают за древние арыки), и новейший, когда бурные, неурегулированные сели образовали овраги. В первый период происходило еще накопление материала и тогда же образовались так называемые „вложенные террасы“, к которым и приурочены древние сооружения — „акведуки“. На одной из них основано и новейшее сооружение — Аккапчигайский дюкер Кумкурганского совхоза. Судя по бозсуйским находкам, в том числе и находкам у Чагатайских ворот, а также по керамике в погребенной линзе на обнажении Чиракчинской террасы в Каунчах, эпоху, на которую падает это изменение в режиме среднеазиатских рек, можно примерно датировать XI—XII в. н. э.

На площади Термезского „треугольника“ правобережья между Сурханом, Аму-Дарьей и Катта-Кумами культура никогда не достигала той высоты, на которой мы можем ее наблюдать в различные эпохи, например, в Самаркандском или Ташкентском оазисах. Причина этого лежит в источнике орошения. „Многочисленные деспотии, — говорит Энгельс, — возникавшие в Персии и Индии, все отлично понимали свою первостепенную обязанность заботиться об орошении долин, без которого в этих странах не-

возможно земледелие" (2). В Сурханской долине никакое правительство в древние времена не в состоянии было в полной мере проявить эту заботу. Можно сказать, что в Средней Азии нет такой реки, которая имела бы столько неблагоприятных условий для ирригации. Особенно резко они выражены на правом берегу Сурхана, в его нижнем течении. Прежде всего постоянной угрозой для орошения являлись здесь пески Катта-Кумы. Есть основание предполагать, что в древности полоса этих песков между шлейфами предгорий и рекою занимала меньшее пространство. Тем не менее этот „очаг развевания" был для прилегающих культурных оазисов опасен в том отношении, что в этом районе господствующие ветры дуют как раз в сторону реки. Они уже похоронили в древности значительную площадь орошаемых земель и поныне представляют некоторую угрозу у Ходжа-Кемальского лесного хозяйства.

Другим неблагоприятным условием в нижнем течении Сурхана является подвижность самого русла и разрушение верхней террасы, на которой расположены орошаемые земли. Если динамическая ось главного потока в реке по каким-либо причинам перемещалась, то для направления потока в желательную сторону требовались колоссальные усилия. Следы прорывов сипайных сооружений из камня и камыша можно наблюдать по всему головному участку. Такой дорогостоящий способ борьбы с рекою был, конечно, не под силу древнему ирригатору: он в этом случае отступал перед наступающей рекою и выбирал новые места для головы канала. На участке Сурхана между Тали-Тагора и Чакыш-Тугаем можно наблюдать на обрывах террасы ясные следы отмытых каналов. Самые головы канала, находившиеся на нижней пойменной террасе, совершенно смыты рекою. Остались только отдельные небольшие участки от магистралей, уцелевшие в разных местах на второй террасе. Разрушительная деятельность реки проявлялась и в заилении поймы. Такие заиленные тугаи с рекою, отступившей к противоположному берегу, можно наблюдать на том же участке Чакыш-Тугая и выше — у Карышак-Тепе.

Наконец, третьим фактором, неблагоприятным для этого участка реки (начиная от впадения Тупаланг-Дарьи), являлись наносы. Режим последних характерен для Сурхана в том отношении, что они влекутся во взмученном состоянии. При попадании воды из реки в канал наносы быстро отлагались в головной части канала. Все это вместе взятое создавало чрезвычайно трудные условия для борьбы с заилением каналов и заставляло древнего ирригатора закладывать головы оросительных каналов дальше, вверх по течению, на участке между Салаватом (Салли-Абадом) и Чакыш-Тугаем, так как они стремились получить большие уклоны для создания незаиляемых скоростей. Кроме того, головы этих каналов находились здесь в более или менее фиксированных участках реки.

Необходимо отметить, что повсеместно на головных участках оросительных каналов мы находим специальные сооружения для их охраны — так называемые „тепе" (Тали-Тагора, Ходжа-Камал, Карышак, Джар-Курган).

Итак, в низовьях Сурхана, на правом его берегу, в давние времена шла непрерывная борьба человека с разрушительной деятельностью реки и с надвигающимися песками. Пески гнали земледельца к реке, а река обратно — к пескам. В результате этой борьбы узкая прибрежная орошаемая полоса вдоль террас между Чакыш-Тугаем и Ходжа-Камал-Тепе сокращалась и, в конце концов, под влиянием указанных причин земледелие XVI—XVII вв. на этом участке погибло. Существовала ли здесь ирригация в доарабскую эпоху, сказать трудно, так как позднейшая узбекская ирригационная система, несомненно, использовала более древнюю оросительную сеть. Во всяком случае, общий фон культуры здесь узбекский, как и у Тали-Тагора (судя по керамике).

Сурханская долина не могла быть густо населена уже по той причине, что оросительная способность р. Сурхана была недостаточно велика.

Большая площадь под развалинами в Термезском треугольнике занята

наслоениями культур от прошлых эпох. Древний Термез, выражаясь грубо, был „проходным двором“, в котором каждая эпоха оставила свои следы.

Не в развитии земледелия заключалась историческая роль Древнего Термеза: это был не более как форпост на пути завоеваний, и как таковой он нуждался скорее в водоснабжении, нежели в солидной ирригационной сети.

На вопрос, откуда подводилась вода для орошения Древнего Термеза до XVI в. вряд ли удастся ответить удовлетворительно даже в результате детальных изысканий. Слишком затемнена эта древнейшая сеть позднейшими ирригационными мероприятиями. На участке между Балянд-Обом верхним и Салаватом можно наблюдать как одна сеть перекрывается другой. В новейшее время обе сети прорезаны распределителями от современного Термезского канала. Исследование древней сети, начиная от развалин Древнего Термеза, потребовало бы шурфовки на большой площади, а местами и детальных раскопок, что было бы сопряжено с еще большими трудностями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Б. Н. Кастальский, Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин. „Вестник ирригации“ 1930, № 3, Ташкент, отдельный оттиск, стр. 16.
- 2) Фридрих Энгельс, Анти-Дюринг. Соцэкгиз, 1931, стр. 166.

Н. М. БАЧИНСКИЙ

СЫРЦОВЫЕ ЗДАНИЯ ДРЕВНЕГО ТЕРМЕЗА

Работы пятого отряда ТАКЭ, развернувшиеся на территории Приамударьинской группы развалин Древнего Термеза, т. е. на площади, где город сложился со второй половины XIII в., охватили, главным образом, район колхозных полей к С от железнодорожной линии. Вследствие малочисленности отряда и весьма сжатых сроков работ, мы, конечно, не имели возможности охватить фиксацией всю огромную площадь бывшего города, усеянную развалинами сырцовых сооружений, но и та их часть, которая нами осмотрена, представляет большой интерес и убеждает в необходимости изучения сырцового зодчества как в Термезе, так и в других районах Средней Азии.

Можно бесспорно установить, что большинство конструктивно-декоративных деталей, восхищающих нас в кирпичном зодчестве IX—XIII вв.,

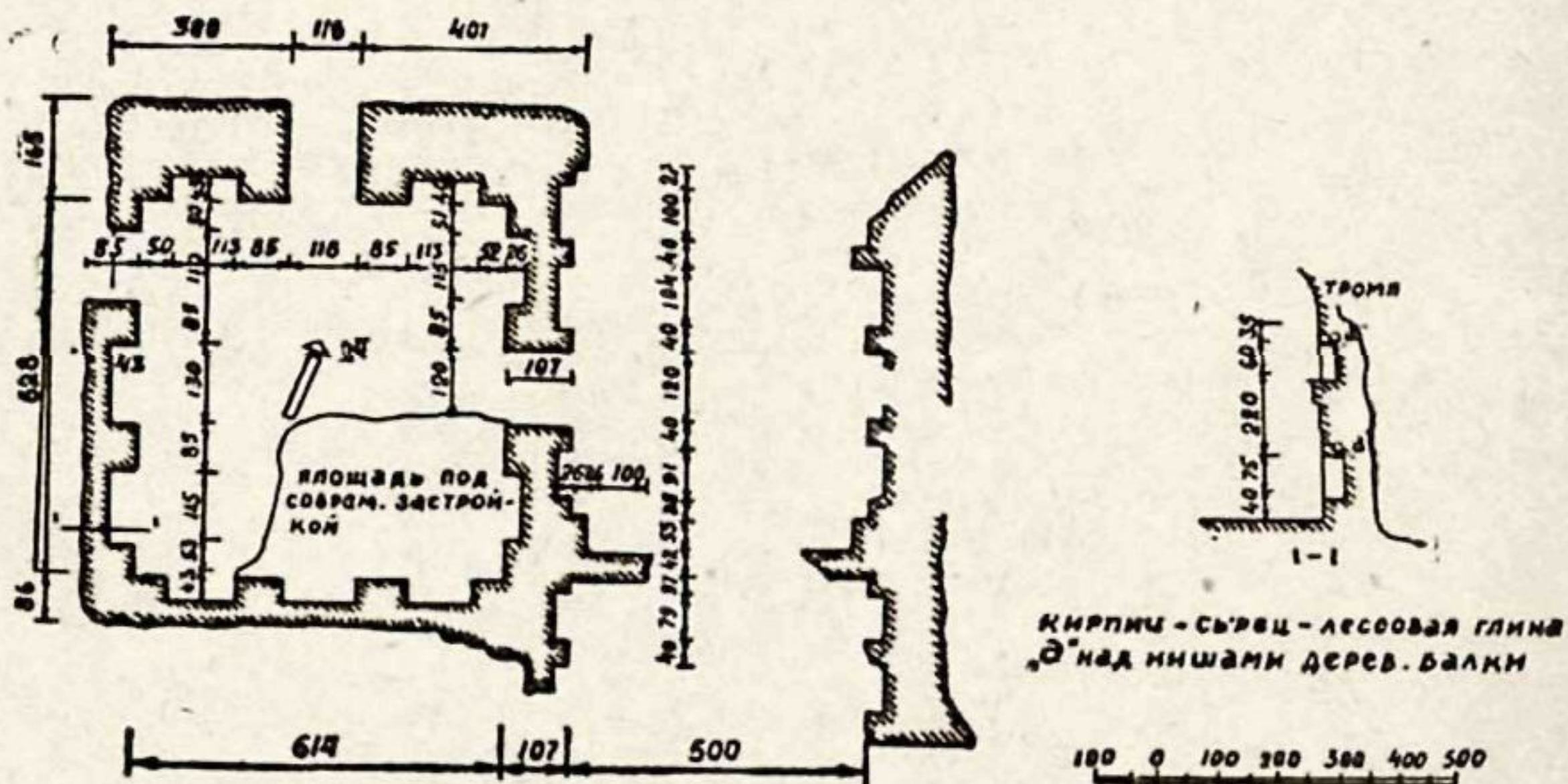

Рис. 1. План сырцового здания № 1 и продольный разрез одной из стен здания.

виртуозная легкость парусов времени зрелого мастерства в строительстве из обожженного кирпича, повторяют без существенных дополнений конструктивные приемы, разработанные и примененные в свое время в сырце. В данном случае конструктивные приемы в сырце были той критической школой, через которую прошли почти все конструкции, известные нам частично по сооружениям из жженого кирпича, частично по тому, что много прекрасных решений (например, парусов), известных нам по сырцо-

вым сооружениям, неизвестны в обожженном кирпиче, тогда как по характеру выполнения и назначению они с успехом могли бы здесь применяться.

Сравнительно небольшое число обследованных и зафиксированных нами по Термезу объектов из сырца не давало бы, конечно, права делать подобные утверждения, если бы, помимо сооружений, зафиксированных отрядом, не было отмечено еще около 90 примеров рационального использования сушеного кирпича и пахсы. Кроме того, автор провел наблюдения по целому ряду сырцовых сооружений в Старом Мерве, особенно на бывшей окраине оазиса, ныне погребенного под песками, в 40—45 км к С от Султан-Калы, где сырцовые сооружения представлены исключительно богато, хотя имеют несколько иное назначение, чем термезские. Наблюдения в Мерве подтверждают выводы, сделанные в отношении сырцовых сооружений Термеза, и позволяют высказать предположение, что в эпоху до XIII в. тесная культурная и экономическая связь между этими пунктами нашла свое отражение и в зодчестве.

Сушеный кирпич, как строительный материал, применялся с времен весьма глубокой древности: Ассирия и Вавилон, Египет и Финикия, Хетты и Парфия строили из сырца как жилые, так и общественные сооружения, дворцы, храмы, городские стены и сооружения стратегического назначения.

Многочисленные обследованные образцы сушеного кирпича показывают прекрасный замес лессовой глины, как правило, без всяких добавок и с полной просушкой. Излом обычно удавалось делать в желаемом направлении и он не обнаруживал никакой слоистости, отличаясь одинаково ровным тоном как у поверхности, так и внутри кирпича. Аналогичные испытания кирпича-сырца, изготовленного в последнее время, демонстрируют, наоборот, все признаки небрежного приготовления глины и недостаточно тщательной формовки: слоистость, пустоты внутри, более темный цвет сердцевины кирпича по сравнению с поверхностями и крайне неравномерное распределение тощих и жирных слоев. Последние явно говорят об употреблении в дело поверхностных слоев почвы без очистки от „культурных добавок“ и всякого рода органических примесей.

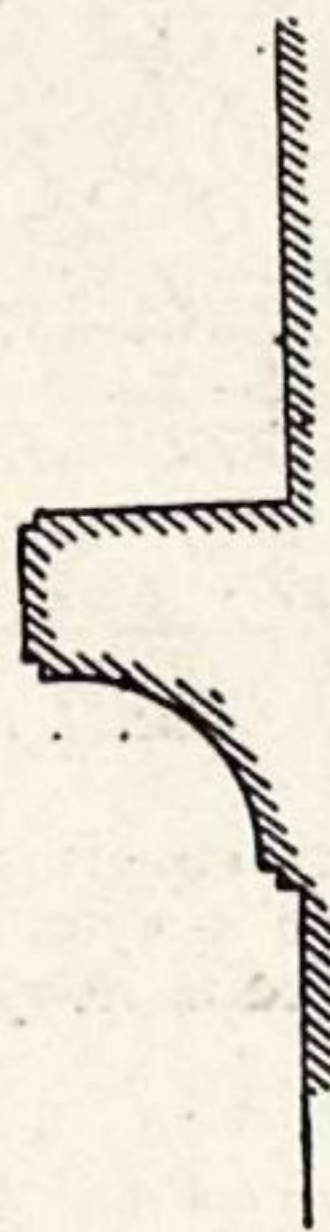

Рис. 2. Профиль полки из сырца и глины внутри здания.

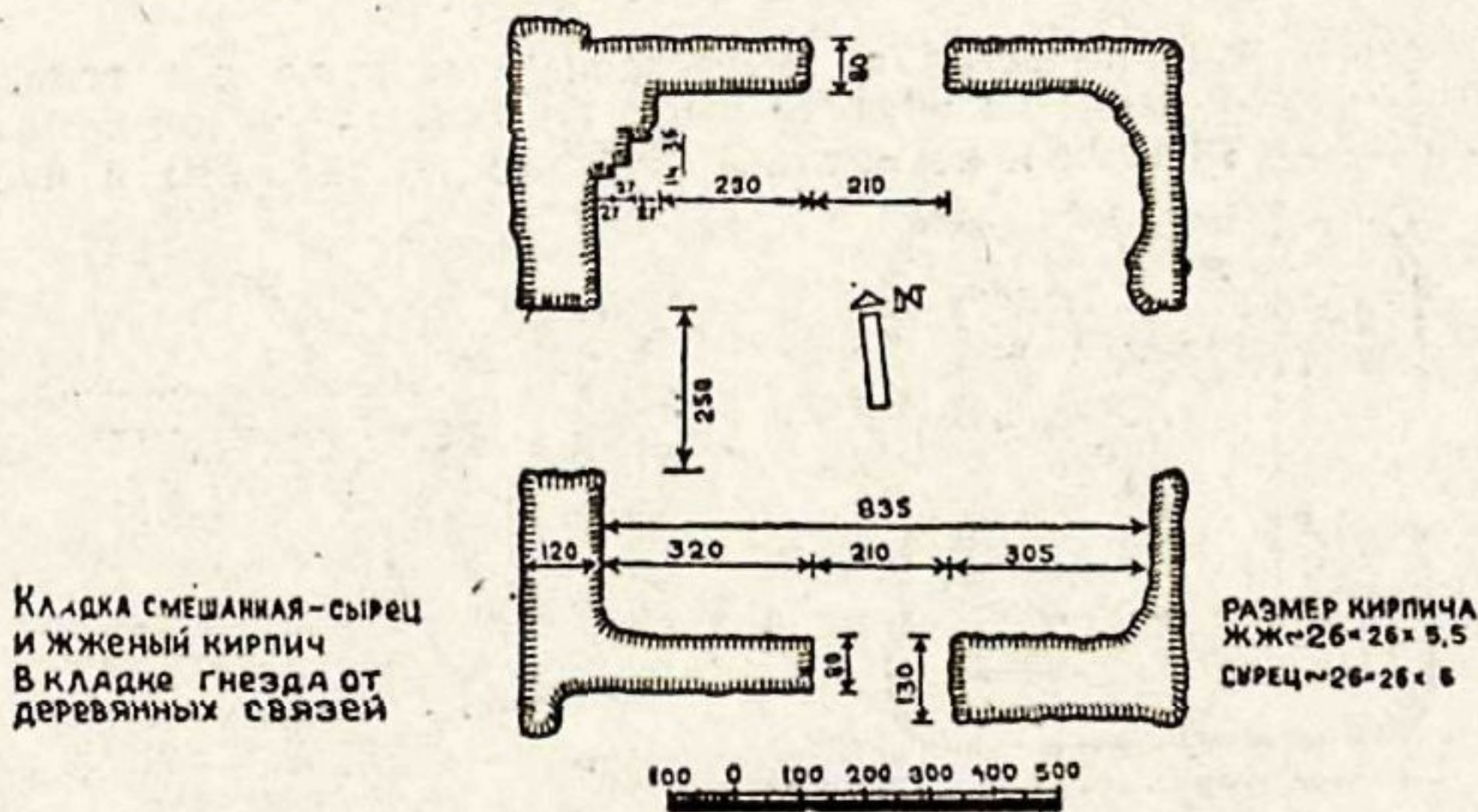

Рис. 3. План сырцового здания № 2.

Как нам сообщил в свое время весьма опытный старый бухарский мастер-строитель Абдусалам Абдурахманов, для получения хорошего качества сырцового кирпича необходимо было (в условиях города Бухары) глину для приготовления сырца „брать в таких местах, где культурный слой (в

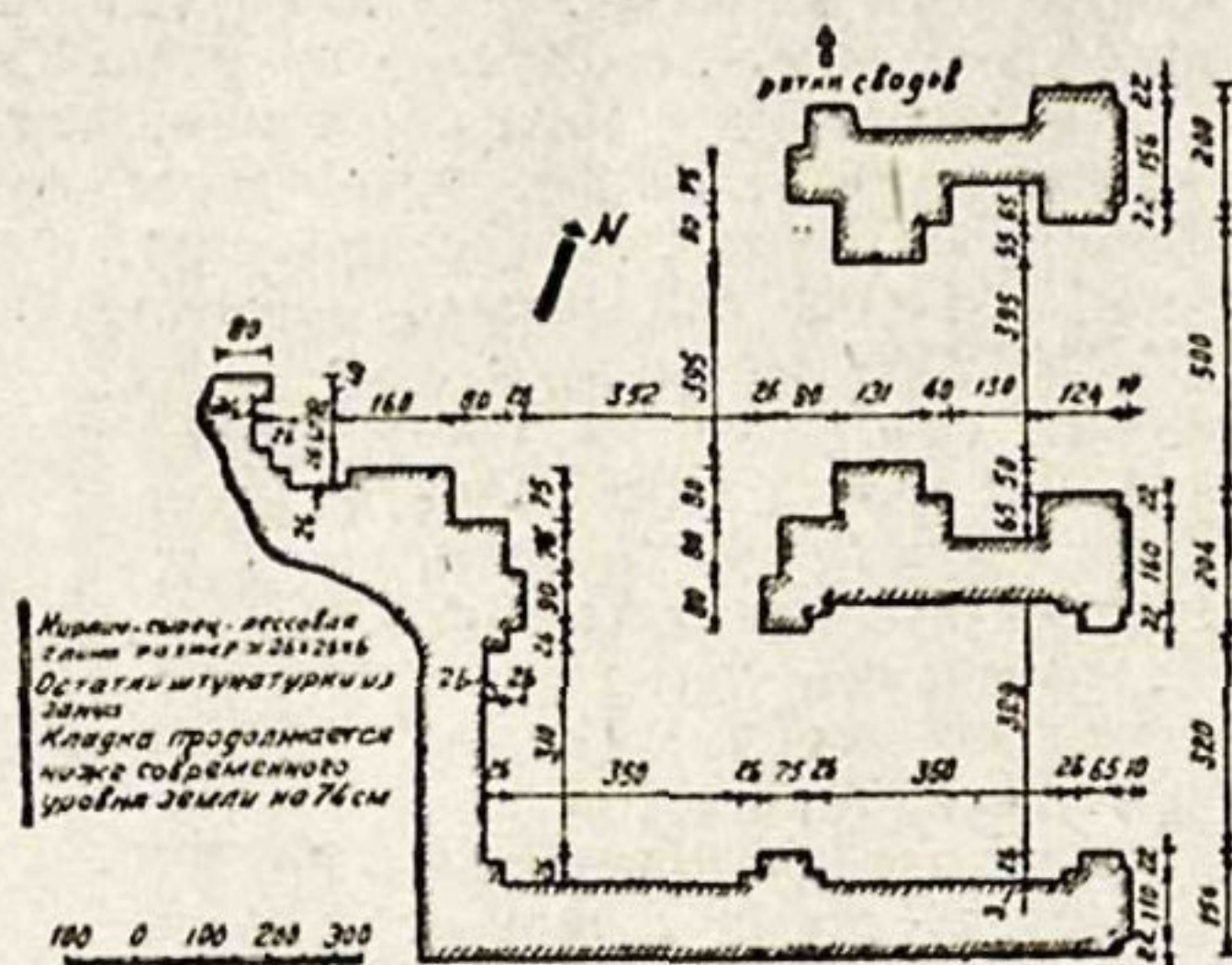

Рис. 4. План сырцового здания № 3.

данном случае остатки черепков, угля, соломы и т. п.) не был бы мощным". Это давало возможность пользоваться глиной без нежелательных добавок. При трудности получения чистой глины (например, в условиях того же города Бухары), имеющуюся приходилось высушивать в кучах, разбивать и просеивать. В тех случаях, когда желательно было избежать просеивания глины, ее оставляли в комьях и кучах на воздухе на два года для выветривания, просушки и вымораживания, причем для предохранения от сильного размыва кучи накрыва-

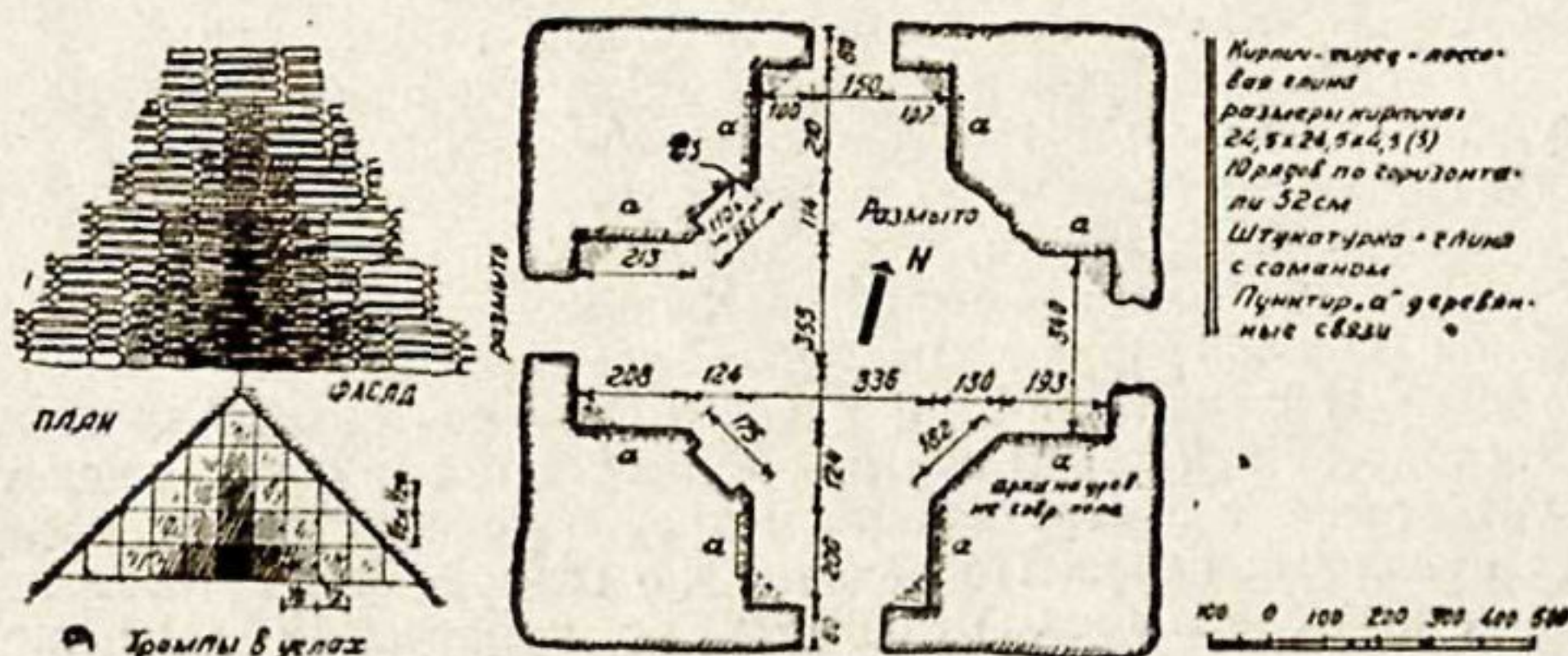

Рис. 5. План сырцового здания № 4.

лись слоем камыша или старыми берданами (1). В случае предварительного высушивания и просеивания производился замес глины с водой, после чего полученная масса складывалась в кучи, покрывалась камышом

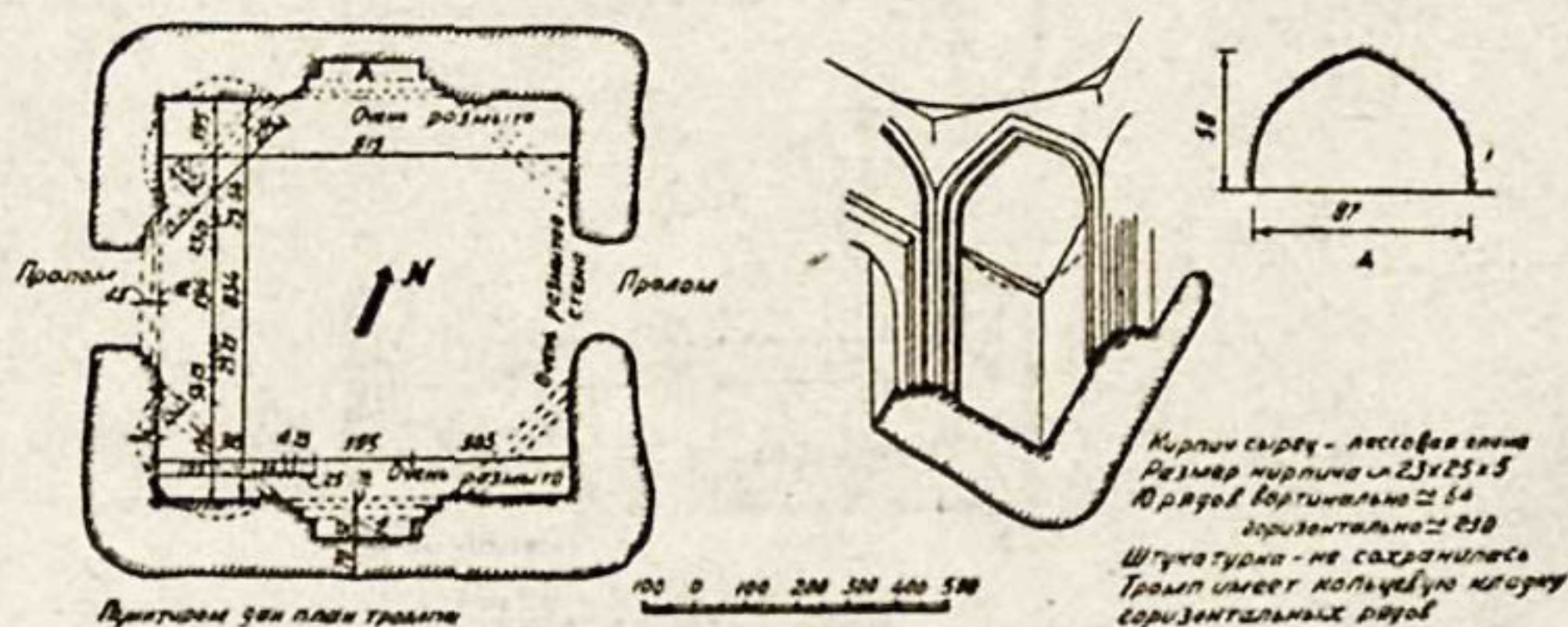

Рис. 6. План сырцового здания № 5; план, фас углового тропа и очертания кривых образующих одной из арок.

или берданами и оставалась для „вызревания“ также на два года. После двухлетнего пребывания на воздухе глина поливалась водой и тщательно перемешивалась (ногами и кетменями) и только после этого в нее иног-

нее было необходимо, так как формы для изготовления кирпича отличались от принятых у нас тем, что не имели дна и представляли собой, собственно, рамки, куда подмастерье бросал комок замешанной глины. Мастер специальной колотушкой, сильными ударами утрамбовывал в форме сырую массу,

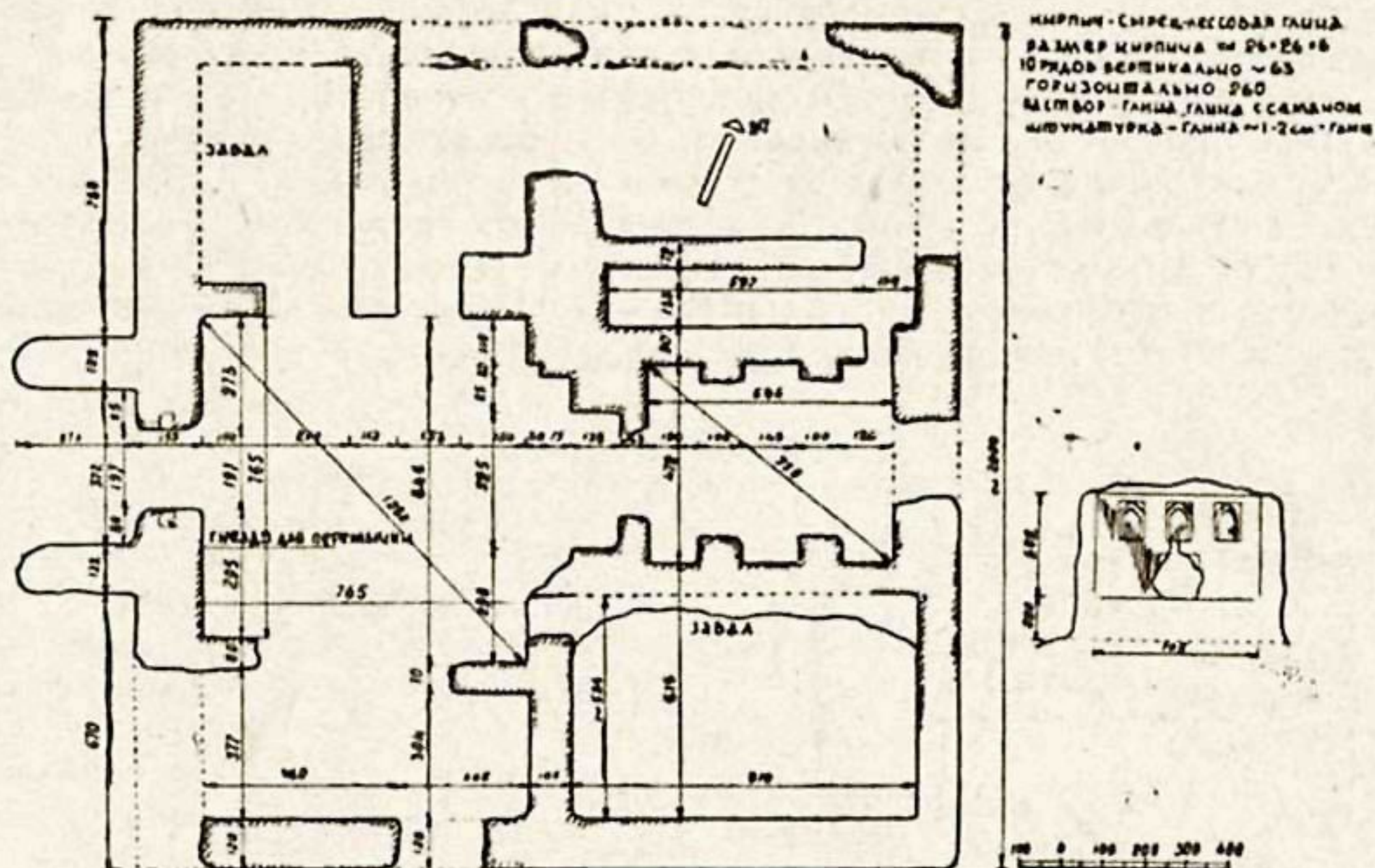

Рис. 7. План сырцового здания № 6 и разрез через первое после входа помещение.

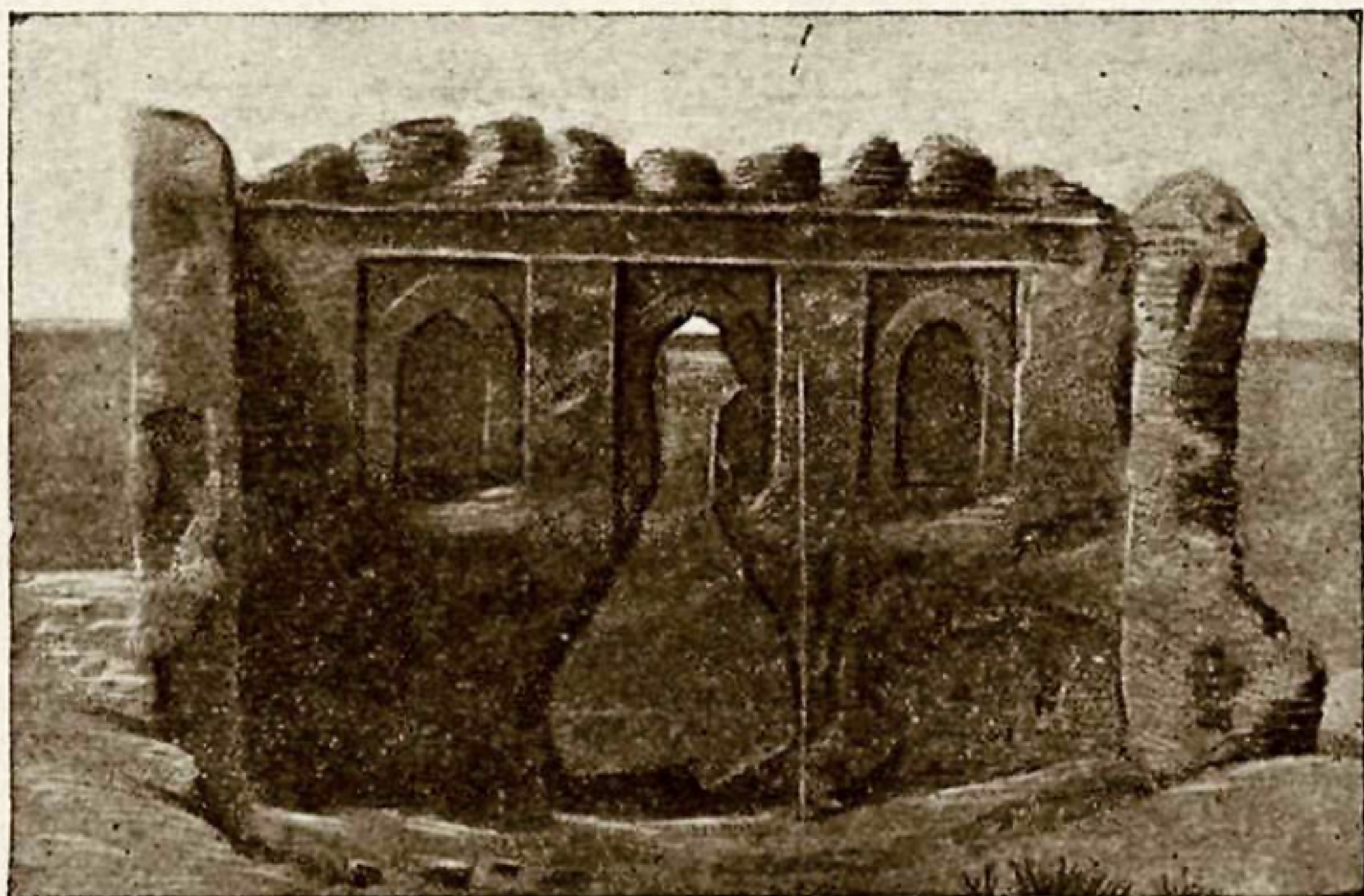

Рис. 8. Центральная часть здания № 6 (внутри).

излишек глины скатывал с формы круглой рукояткой трамбовки (как тесто скалкой) и, вывернув готовый кирпич на приготовленное место, передвигался дальше по площадке. Изготовление кирпича подобным образом требовало определенных навыков, так как недостаточная трамбовка не позволяла получить ровный кирпич с чистой кромкой, а чрезмерное уплотнение

глиняной массы в форме не давало возможности легко извлечь полученный кирпич из формы. После двух-трехдневной предварительной просушки, кирпич складывался в штабеля и обязательно накрывался берданами, если не было специальных навесов. Наиболее благоприятным временем года для формовки сырцового кирпича считалась поздняя осень и зима, вероятно, из-за более умеренных температур, так как летом свежий кирпич быстро покрывается коркой по поверхности и при дальнейшей просушке дает трещины; верхняя корка начинает коробиться и отпадать, что, естественно, уменьшает прочность самого кирпича. Просушка кирпича должна была продолжаться не менее двух-трех лет, после чего он считался готовым материалом, пригодным для любых конструктивных нагрузок, принятых для сырца. Судя же по трехэтажным сырцовым сооружениям со сводчатыми перекрытиями в Древнем Термезе и Старом Мерве, эти нагрузки были достаточно велики и предъявляли к материалу серьезные требования.

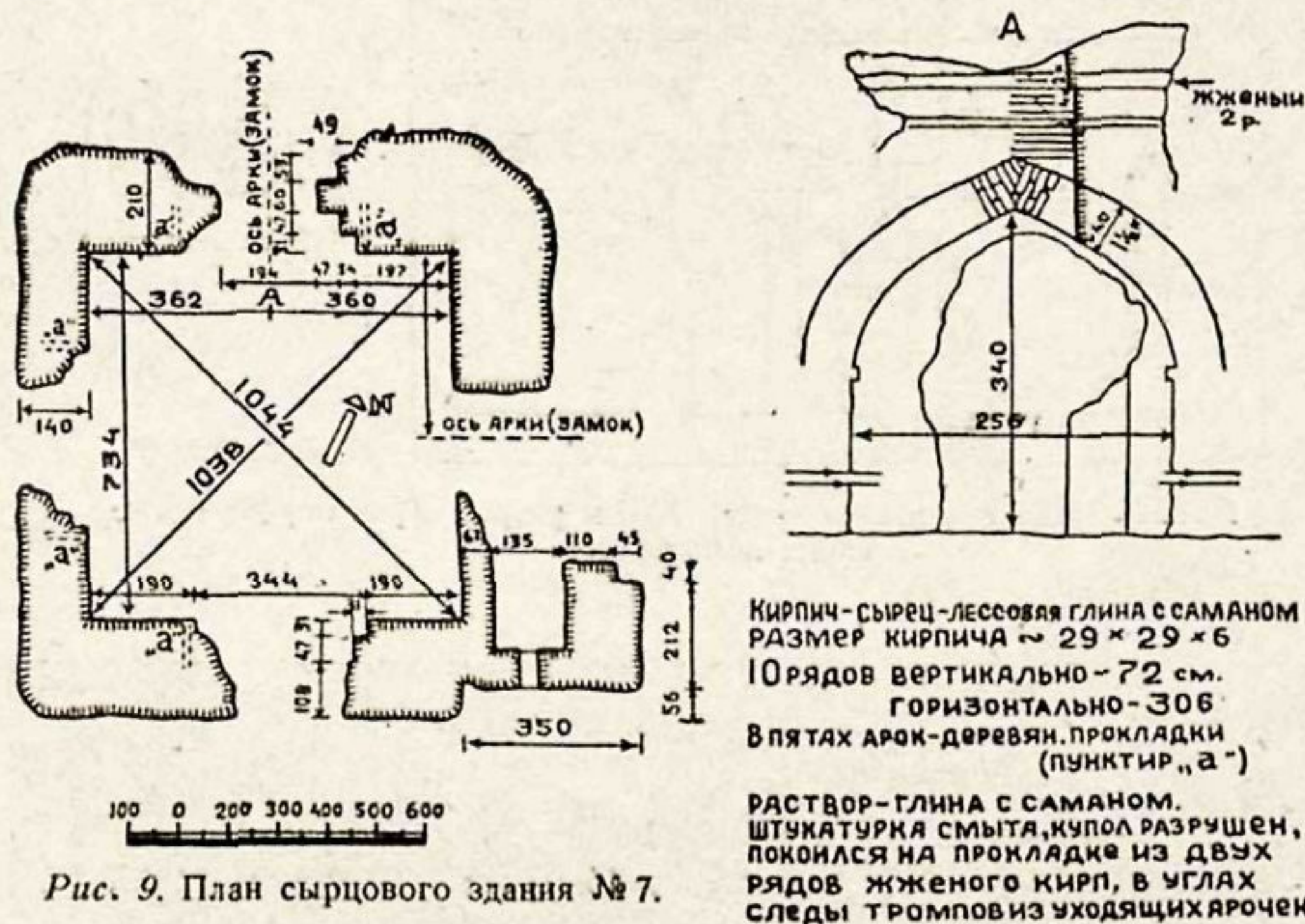

Рис. 9. План сырцового здания № 7.

Далее усто Абдусалям сообщил, что применение кирпича сырого или плохо просушенного допускалось только в сооружениях, где не предполагалось наносить штукатурки на стены, так как плохо просушенный кирпич претерпевал бы в кладке значительные деформации от нагрузок и отрывал бы штукатурку от тела стены: штукатурка на стенах из плохо просушенного сырца вскоре после нанесения начинает выпучиваться, а затем и совсем отваливается. Хорошо просушенный кирпич схватывается с глиняным раствором лучше, чем кирпич сырой, и усадка стен за счет осадки раствора — крайне незначительна: хорошо высохший кирпич жадно впитывает в себя влагу глиняного раствора, который вследствие этого быстро густеет и вскоре высыхает, способствуя созданию монолитности всей кладки.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что вышеприведенные сведения старого бухарского мастера весьма близки к соответствующим высказываниям Витрувия в трактате „Десять книг об архитектуре“ (2). Здесь мы читаем: „Выделывать же их (кирпичи. Н. Б.) надо весенней и осенней порой, чтобы они высыхали равномерно. Ибо приготовляемые в пору солнцестояния негодны потому, что солнце преждевременно высушивает их верхнюю корку и кирпич, кажущийся снаружи сухим, внутри остается сырым; когда же он потом высохнет, то сжимается и от этого лопаются там, где засох раньше. А кирпичи, покрытые трещинами, делаются нестойкими.

Наиболее же пригодными будут кирпичи, выделанные за два года впе-

ред, потому что раньше этого они не могут высохнуть до нутра. Таким образом, „когда их кладут свежими и не сухими, в то время как наложенная в них (3) штукатурка застывает и отвердевает, сами они, уседаая, не могут оставаться в том же, как она положении и, сдвигаясь при сжатии, не держатся с ней вместе, а порывают с ней связь. Поэтому штукатурка, отставши от кладки, не может устоять сама по себе, из-за тонкости, и лупится, а самые стены то здесь, то там оседают и портятся. Вот почему в Утике (4) идет для кладки стен только сухой и за пять лет вперед вылепленный кирпич, проверенный, как таковой, должностными лицами“.

Форма кирпича в обследованных 5 отрядом ТАКЭ термезских сырцовых сооружениях везде плиточная; размеры варьируют от $24 \times 24 \times 4,5$ см до $30 \times 30 \times 7,5$ см. Наиболее распространенный размер $25 \times 25 \times 5$ см и $26 \times 26 \times 6$ см, причем ни в одном сооружении не удалось проследить кладки из кирпича только одного размера: кирпич, приготовлявшийся для постройки не был строго единого размера, что, впрочем, и не могло играть большой роли при разнице в 1—1,5 см.

Проведенное обследование сырцовых объектов Древнего Термеза не может, конечно, рассматриваться как исчерпывающее, но, тем не менее, уже

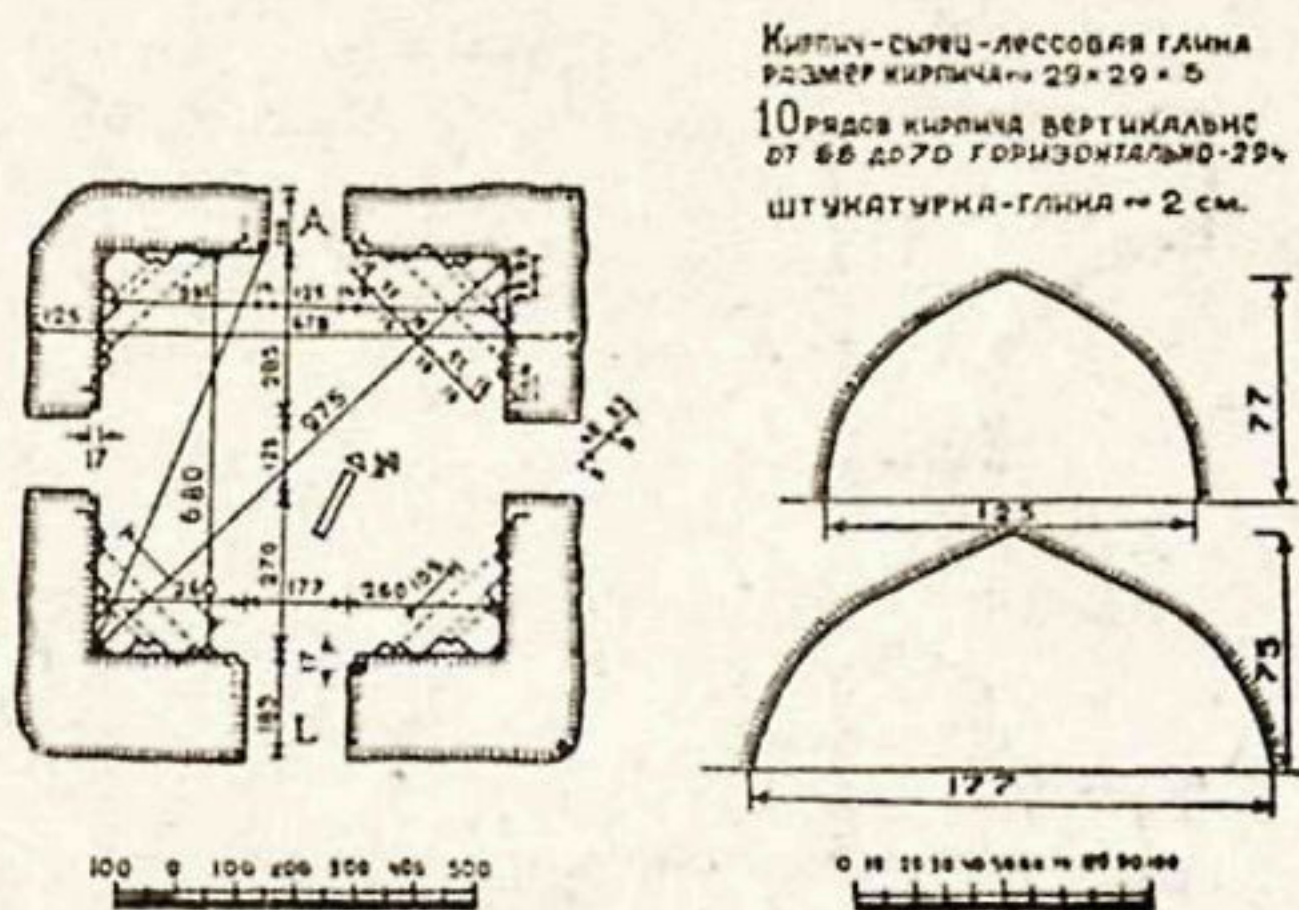

Рис. 10. План сырцового здания № 8 и очертания кривых образующих двух арок.

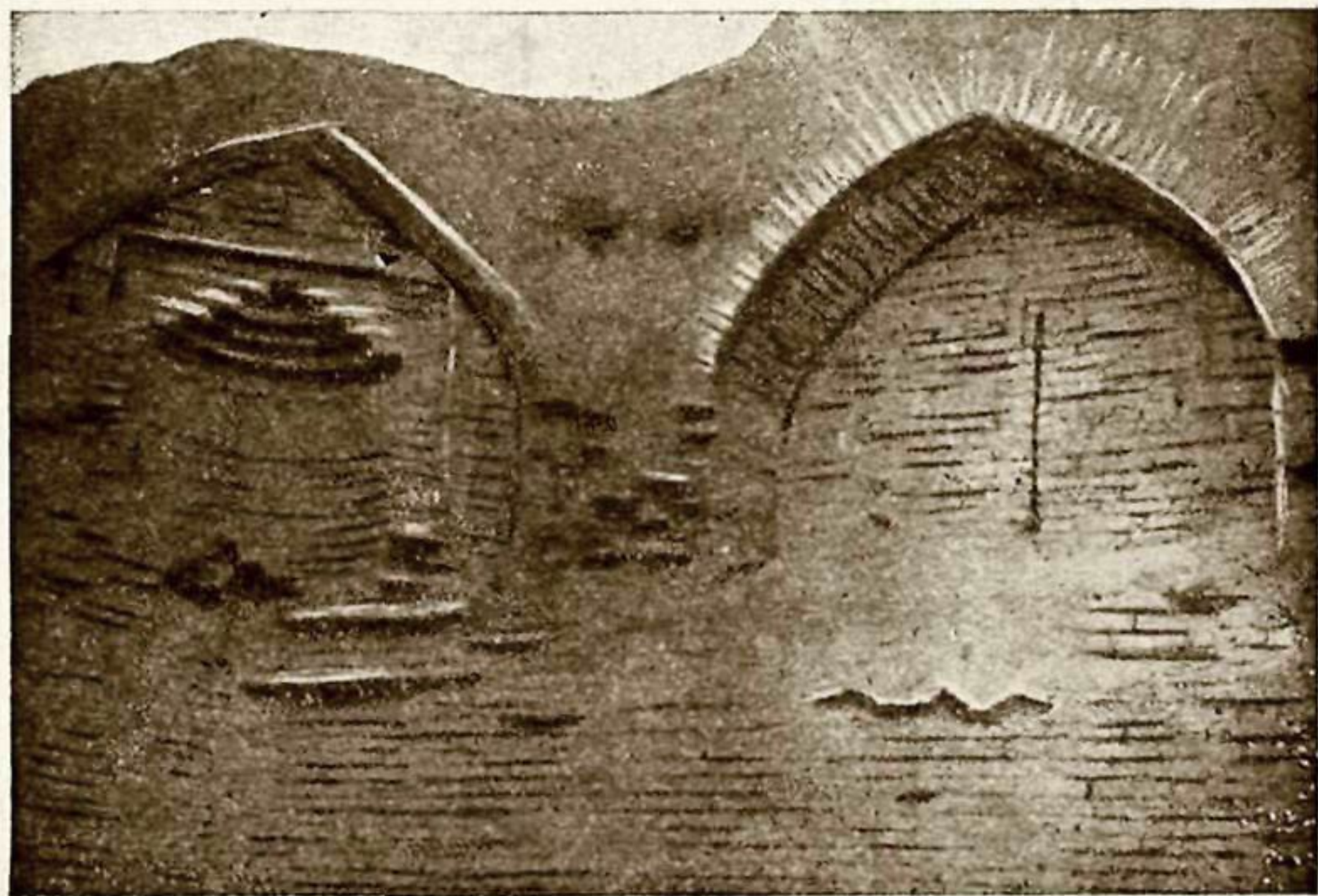

Рис. 11. Угловой троп и части стены внутри здания № 8.

и теперь можно установить некоторые характерные для строительства этого города черты. К сожалению, отсутствие специальной топографической съемки местности не позволяет говорить о городской планировке, хотя

отдельные группы обследованных зданий увязываются до некоторой степени в ансамбли и создают впечатление архитектурно оформленных площадей, как например, группа с объектами № 5 и № 13 (рис. 6 и 19)*. Ориентация отдельных близко друг к другу расположенных домов также позволяет наметить магистрали, хотя использование местным населением древних сырцовых сооружений на удобрение полей чрезвычайно затрудняет задачу

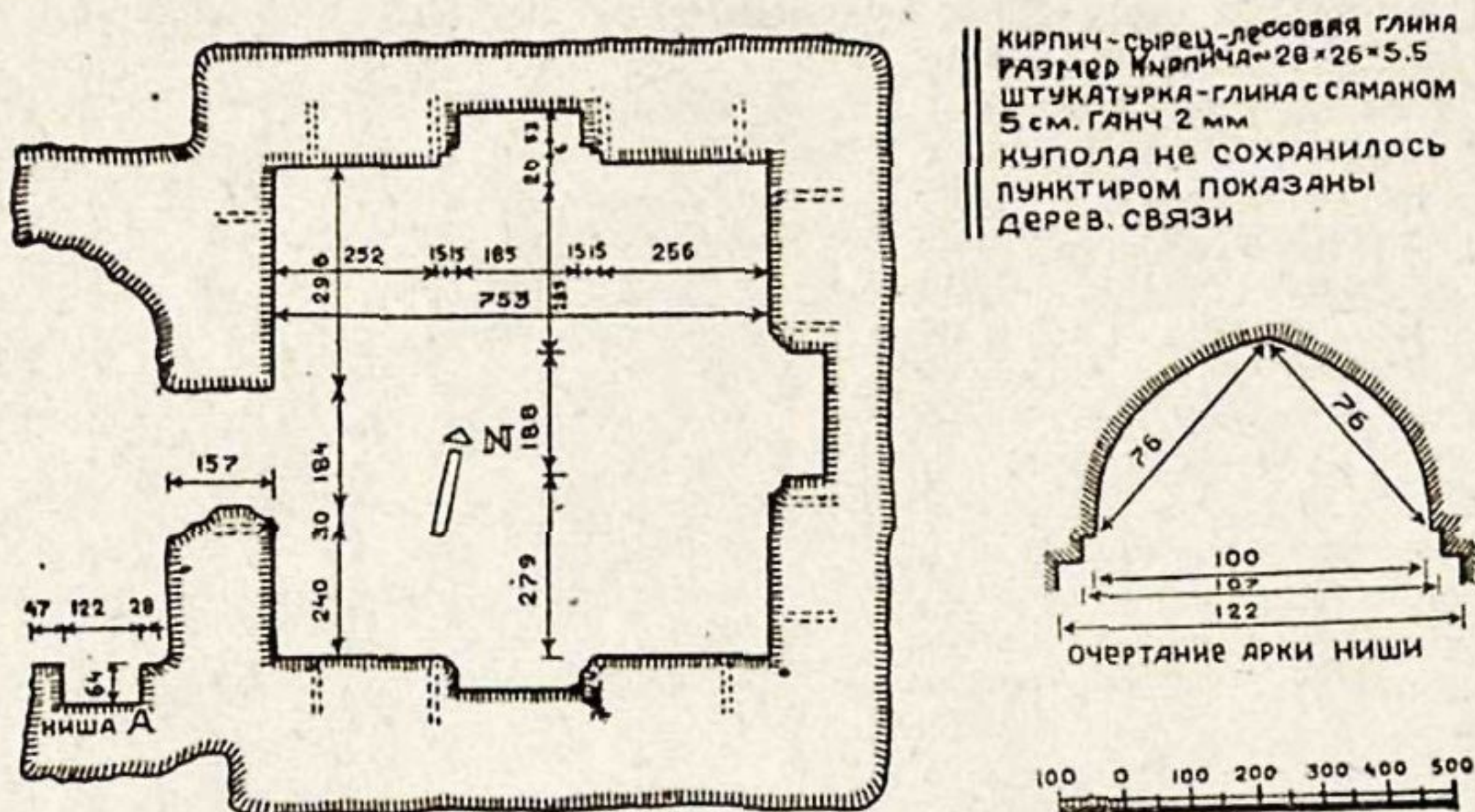

Рис. 12. План сырцового здания № 9 и очертания арки ниши.

Рис. 13. Сырцовое здание № 9.

определения общей картины планировки города. Ввиду этого работу по дальнейшему обследованию сырцового зодчества Древнего Термеза безусловно необходимо продолжать и закончить в ближайшие годы. Получение своего рода „охранной“ грамоты на термезские сырцовые сооружения (кро-

* Нумерация зданий условная и не должна рассматриваться как последовательная в развитии типа или конструкции сырцовых сооружений.

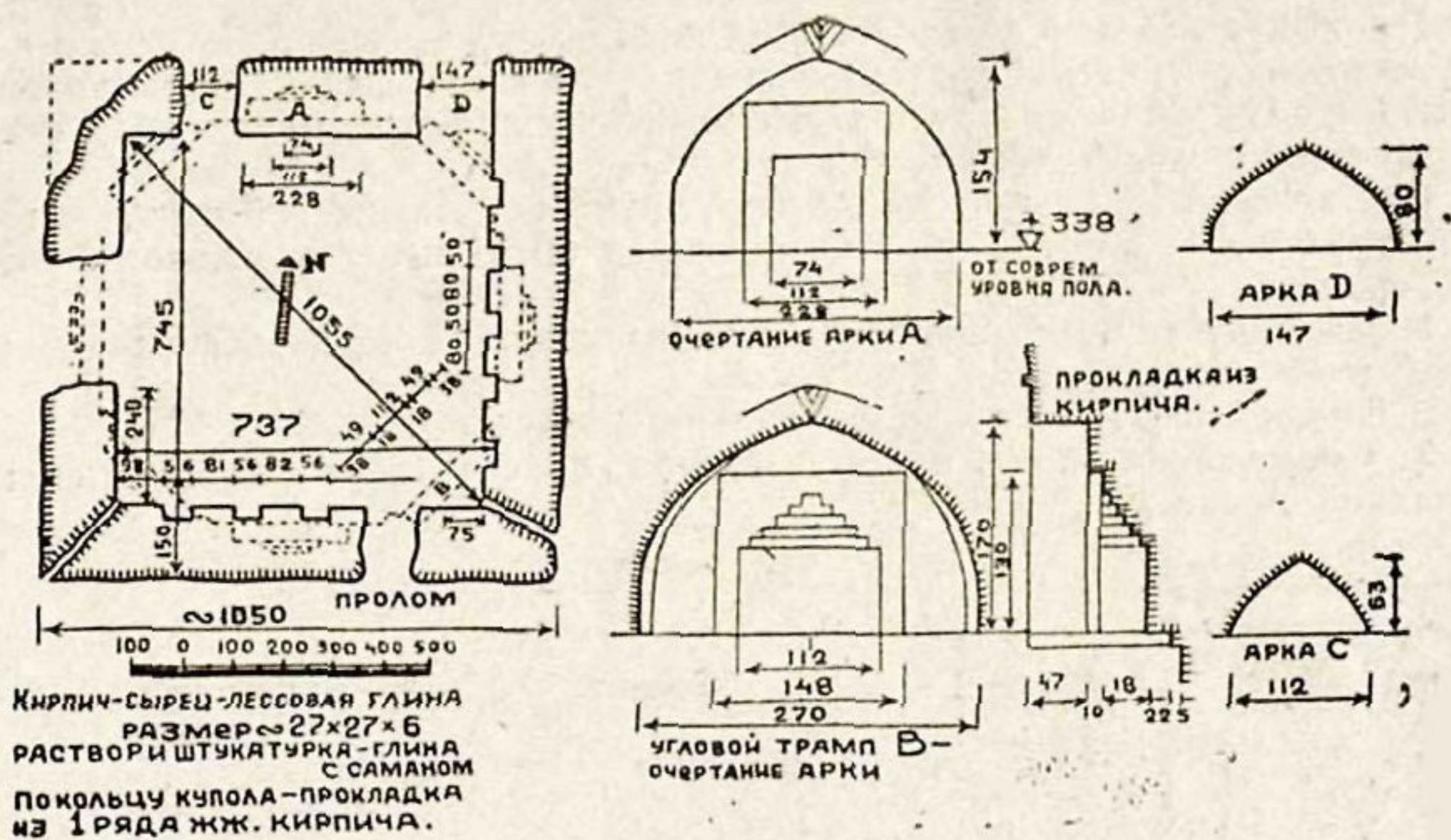

Рис. 14. План сырцового здания № 10 и обмеры деталей.

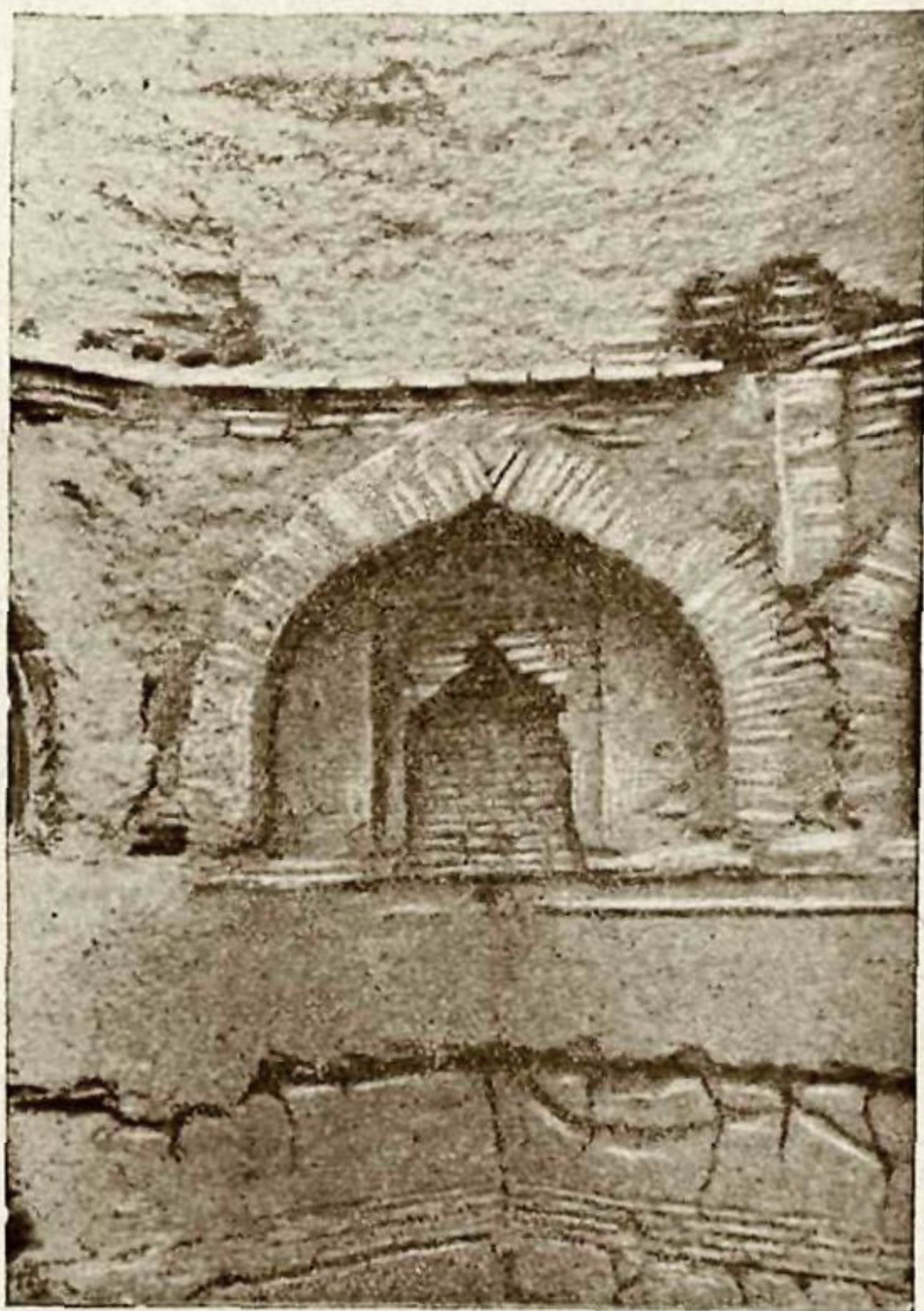

Рис. 15. Угловой трамп в здании № 10.

ме взятых под постоянную охрану) на период в 5 лет, позволило бы закончить обследование и собрать весьма интересный и ценный материал; интересный не только со стороны историко-архитектурной, но также и историко-технологической, с точки зрения той самой „прикладной археологии“ (5), которая может дать много практически ценного для дела социалистического строительства.

Обследование фундаментов объектов, зафиксированных 5 отрядом, показало три способа подготовки оснований под сырцовые сооружения Древнего Термеза.

1. Подведение глинобитной площадки под всю площадь, занимаемую зданием.
2. Подведение сырцового фундамента под стены.
3. Сооружение здания без фундамента, просто на расчищенной спланированной площадке.

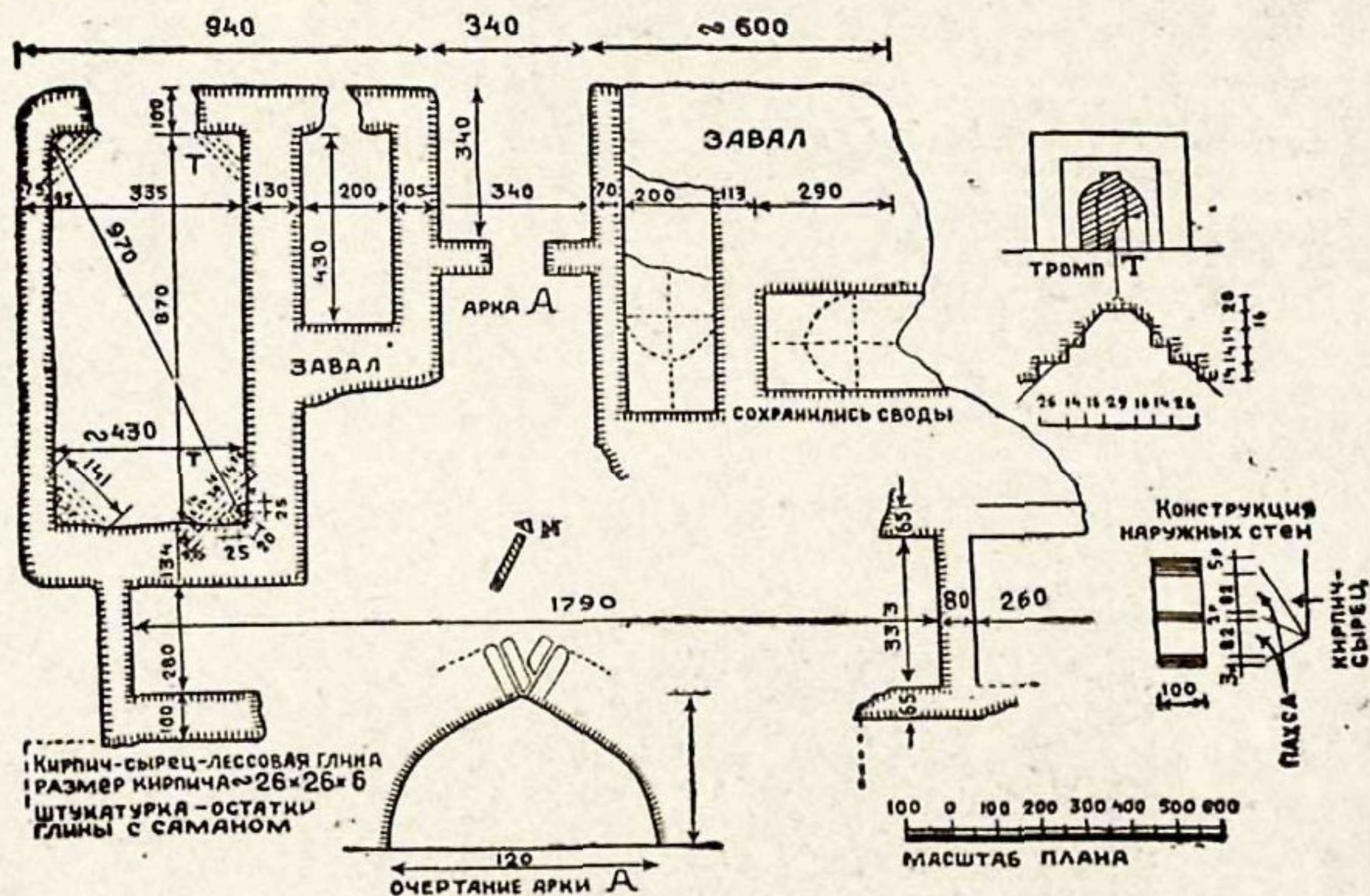

Рис. 16. План сырцового здания № 11 и обмеры деталей.

Сплошная глинобитная площадка выведена, например, под сооружениями №№ 5, 7, 13 (рис. 6, 9, 19), причем эта площадка иногда выходила с одной стороны за габариты сооружения в виде суфы (объект № 13), а с остальных трех сторон шла по обрезу поля стен. У других сооружений площадка делалась точно по размерам постройки (объект № 5,) или, если этого требовал рельеф строительного участка, — подводилась со стороны низкой к более высокой, создавая необходимую горизонтальную поверхность (объект № 7). Такие площадки делались как из пахсы, так и из кирпича, иногда попеременно, слоями (рис. 19, 20, 14, 15 или 23 и 24).

Обычный, известный каждому современному строителю фундамент, но без принятого расширения к подошве, найден на очень многих зафиксированных и незафиксированных сооружениях и может быть принят за нормальный для сырцовых построек Древнего Термеза. Глубина заложения этого типа фундаментов в большинстве объектов около одного метра. Интересно попутно отметить, что произведенное отрядом вскрытие фундамента у известного сырцового памятника Кырк-Кыз обнаружило такой же фундамент и под этим монументальным сооружением.

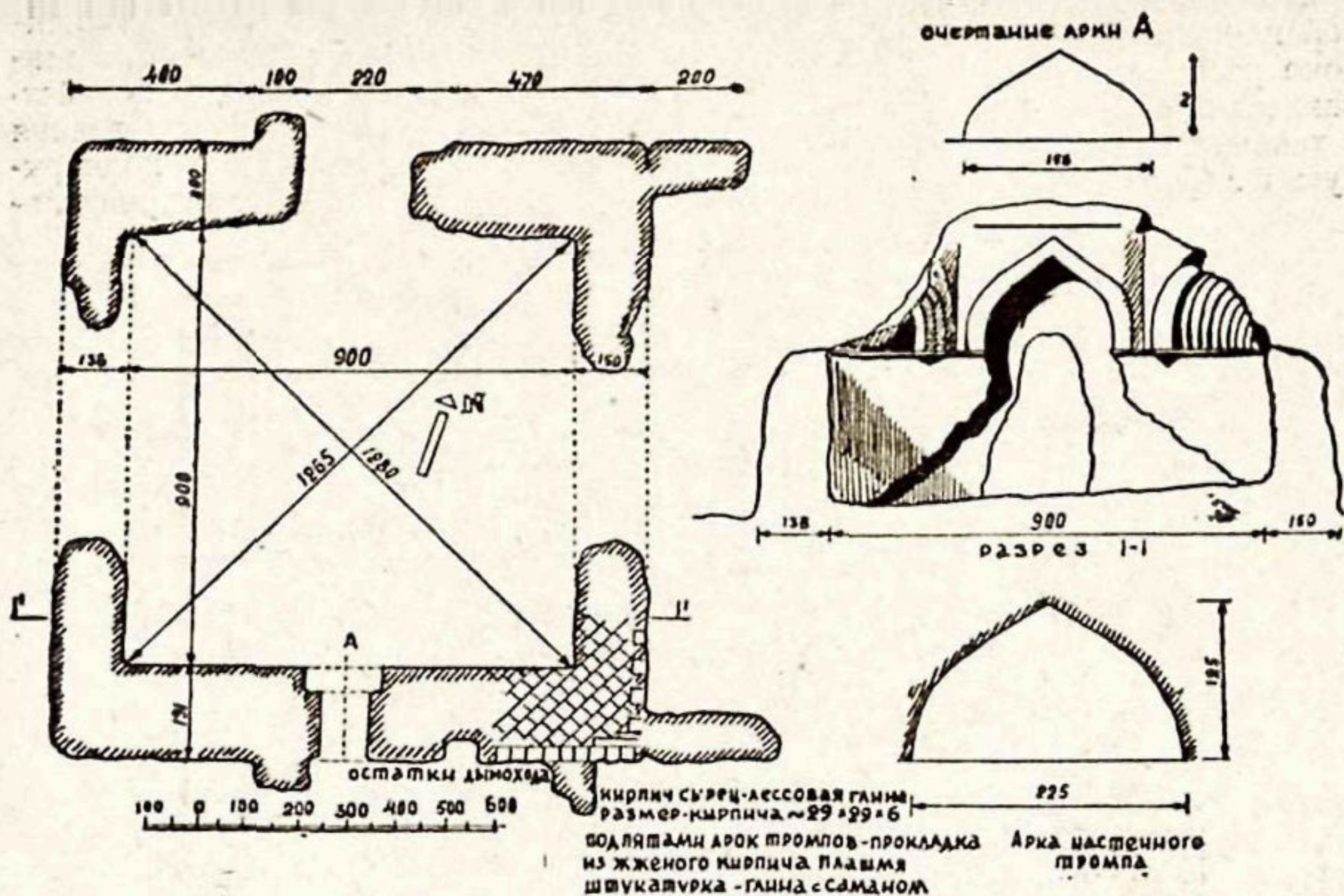

Рис. 17. Сырцовое здание № 12. План и разрез.

Рис. 18. Пролет в стене здания № 12.

Небольшие по объему здания сооружались часто просто на расчищенной площадке, без выкладки фундамента — прием, вообще достаточно широко распространенный в Средней Азии при возведении жилых и хозяйственных построек. Плотный лессовый грунт обеспечивал сохранность здания в течение ближайших 15—20 лет. Однако здесь же необходимо подчеркнуть и зафиксированную нами отрицательную сторону подобного строитель-

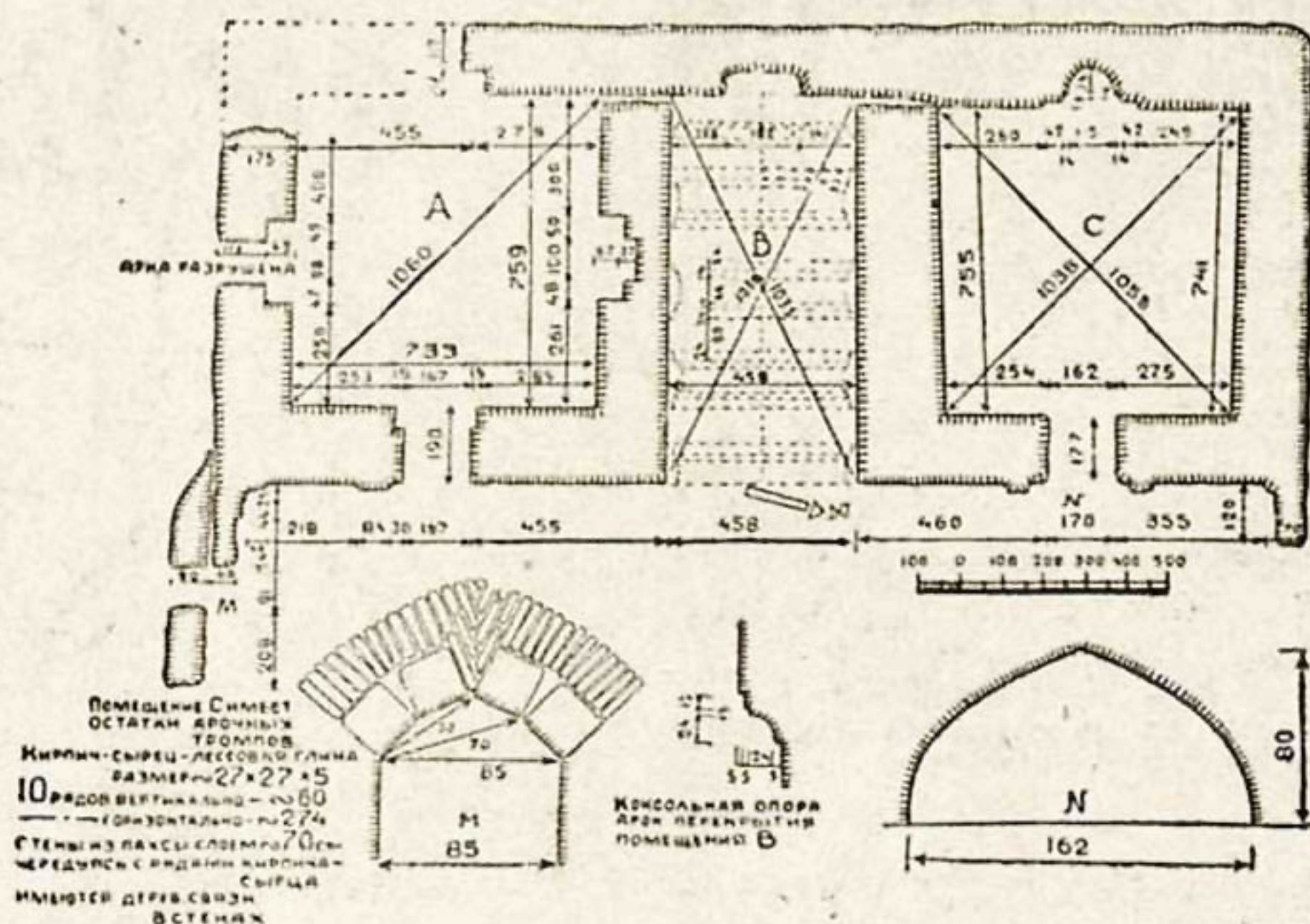

Рис. 19. План сырцового здания № 13 и обмеры деталей.

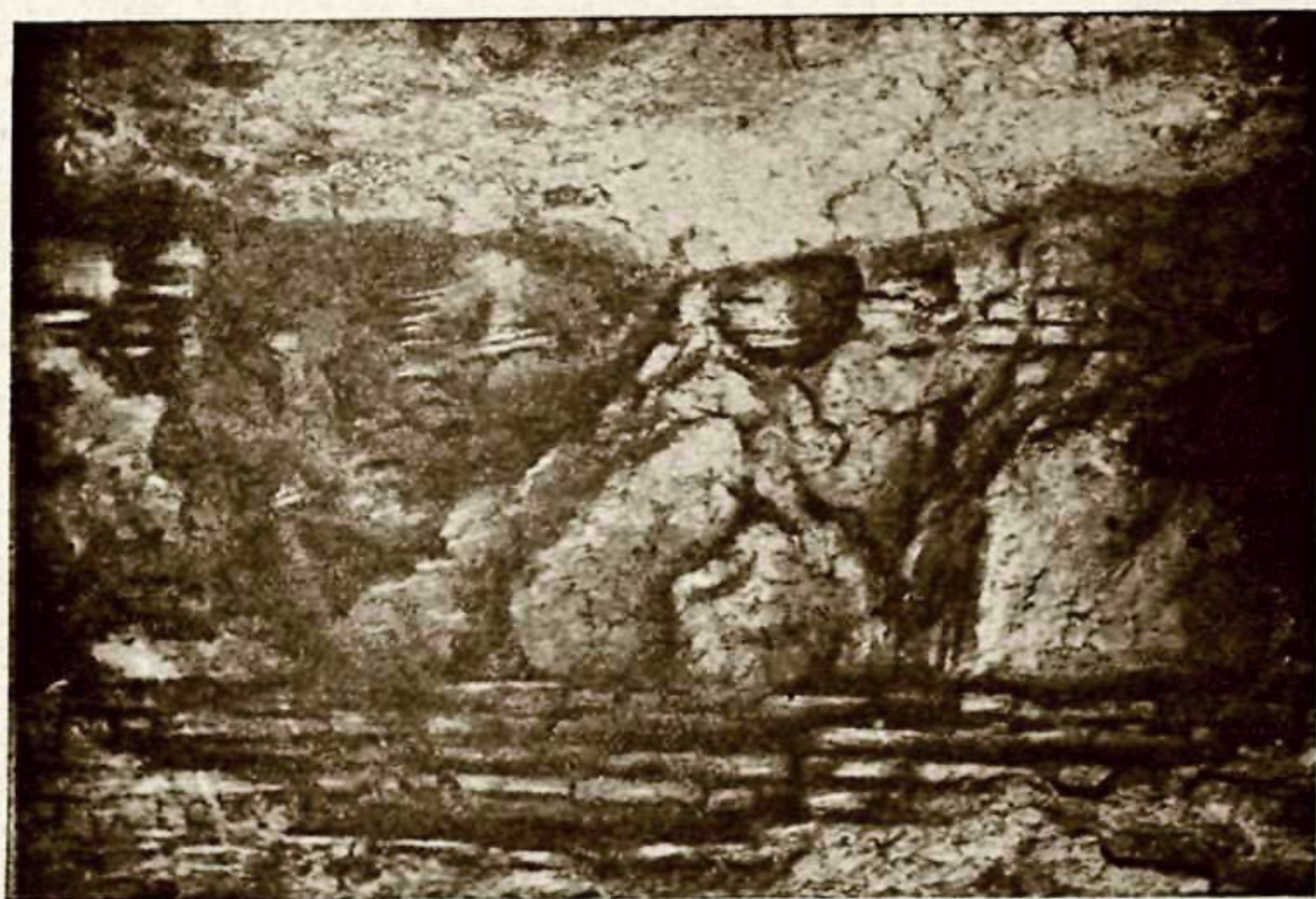

Рис. 20. Кладка из рядов кирпича и пахсы в здании № 13 (западная стена).

ного приема — все почти объекты „безфундаментной“ постройки Древнего Термеза имеют трещины в углах или даже рухнувшие углы. Учитывая, что вообще при купольных перекрытиях углы сооружения являются частями, наиболее чувствительными к малейшим неравномерным осадкам грунта, следует признать манеру возведения стен прямо на поверхности земли не-

рациональной. Позже, с внедрением в строительную практику камышевых поясов в нижней части стен (Куния-Ургенч, Бухара) стали выводить деревянную обвязку из брусьев или притесанных бревен, что, конечно, содействовало более равномерному распределению нагрузки на грунт и предохраняло сырцовые сооружения от трещин в углах и в перемычках над дверными и оконными проемами. Правда, деревянная обвязка подвержена порче и гниению, но уложенная на камышевый пояс, сохраняется сравнительно долго — лет 20—25, и этот срок службы для сырцовых сооружений в наших условиях можно считать вполне достаточным, не говоря уже о том, что современные методы пропитки дерева консервирующими составами могли бы значительно удлинить срок службы такой обвязки.

Кладка стен термезских сырцовых зданий везде очень тщательная, со строгим соблюдением перевязи, для чего мастер пользовался неизбежно и половинками кирпича. Заслуживает внимания особое стремление соблюсти параллельность осей тычков с вертикальной осью кладки данного участка. В некоторых объектах при переходе стен в паруса кладка производилась в соответствующем направлении (рис. 17 и 19), что было, конечно, удобнее в процессе работы, хотя и требовало применения не прямых, а косых половинок кирпича (разбитого по диагонали).

Очень часто, впрочем, кладка проводилась комбинированно — ряды кирпичной кладки перемежались поясами из пахсы, что, вероятно, следует рассматривать, как стремление создать лучшую связь кладки стены по горизонтали (рис. 16, 19, 23, 31, 15, 20, 24).

Деревянные связи (часто, правда, только гнезда от них)

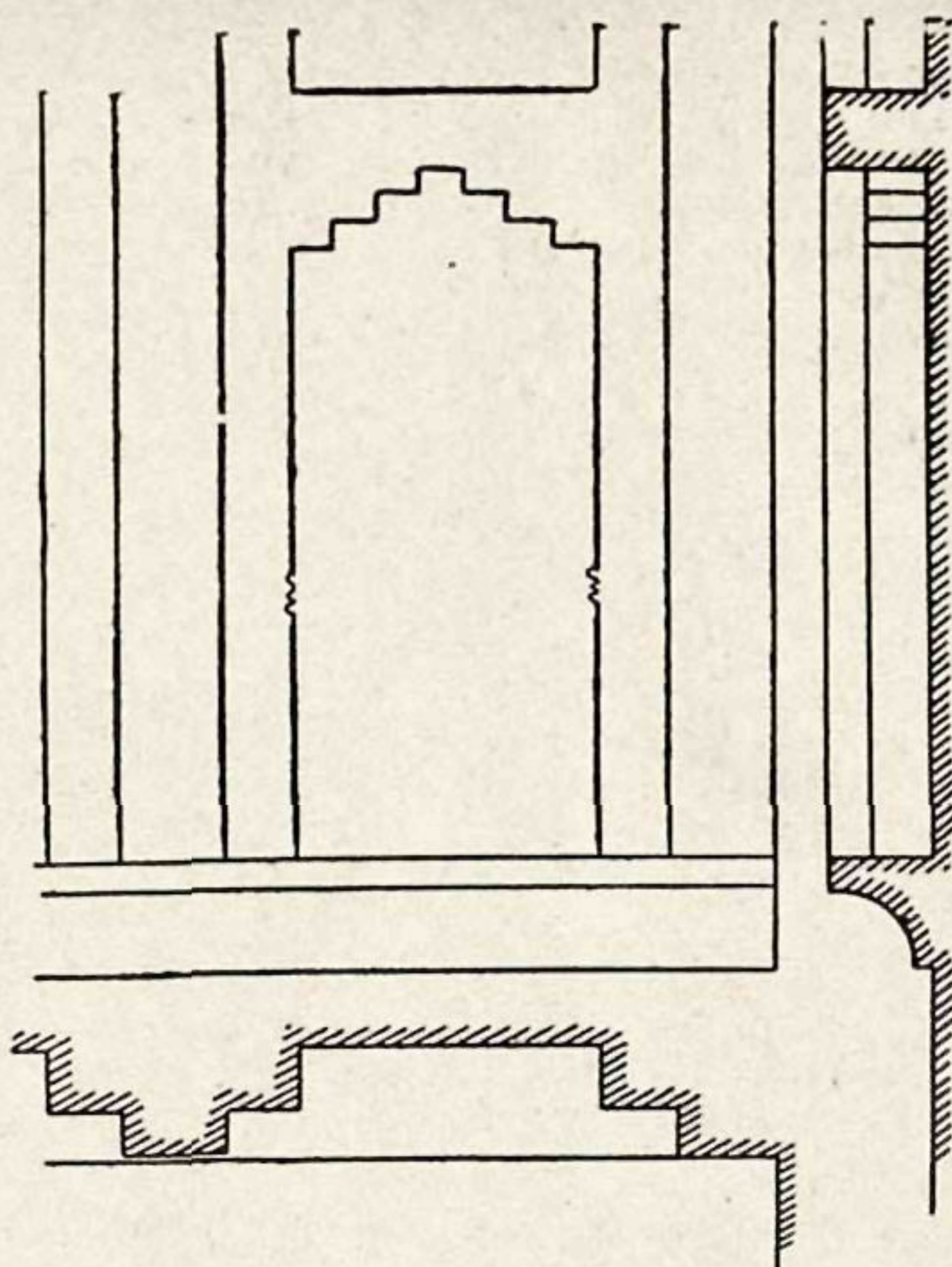

Рис. 21. Профиль, план и фас кладки в щипцовой стене помещения В в здании № 13.

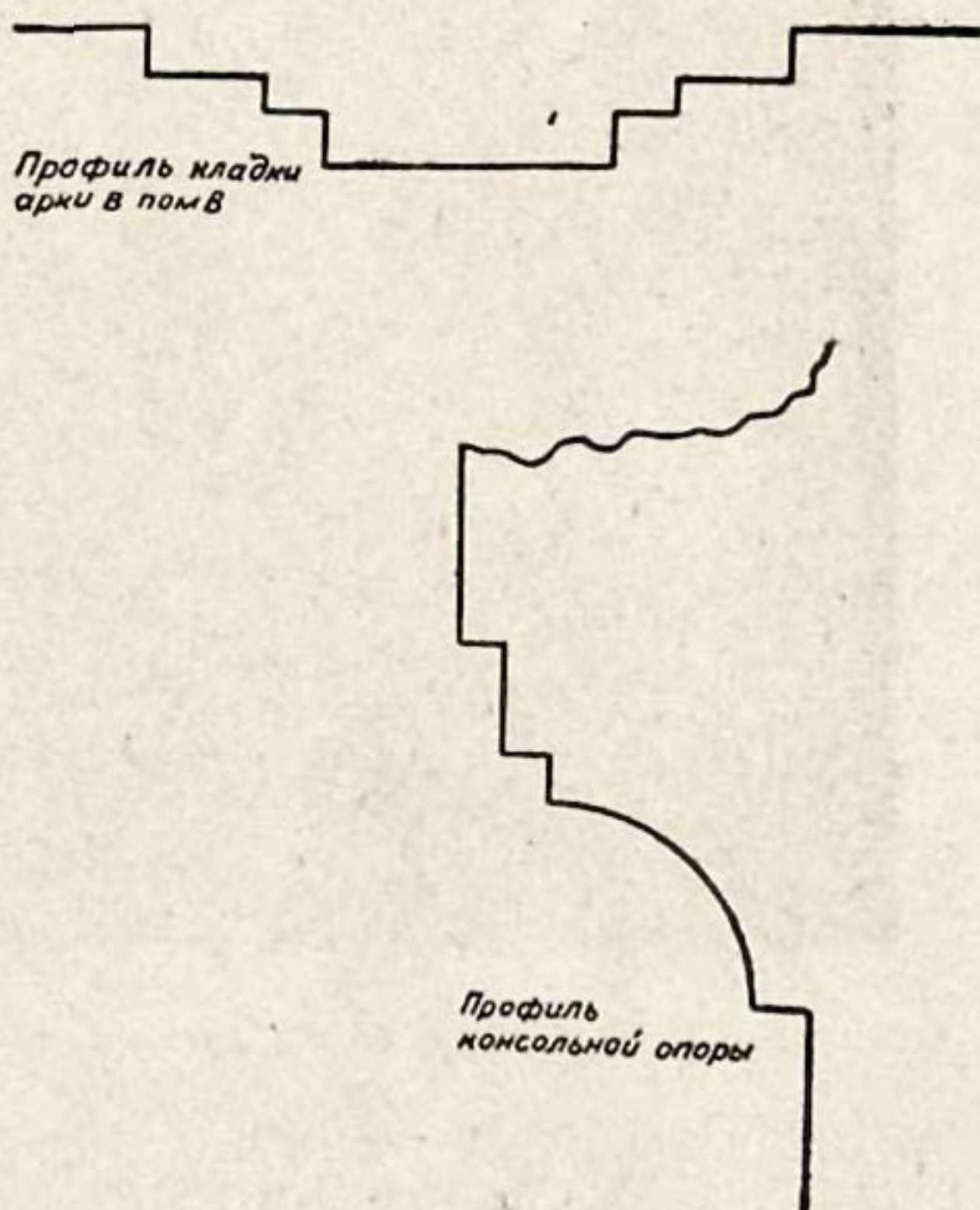

Рис. 22. Профиль консольной опоры и внешней стороны кладки арки в помещении В здания № 13.

обнаружены нами в очень многих обследованных объектах; материал — отрезки жердей толщиной 5—7 см, закладывались как перпендикулярно к плоскости стены, так и параллельно ей, в толще кладки. Закладки деревянных связей производились в самых разнообразных частях стен, но всегда с соблюдением единого горизонта; деревянные связи располагались как около углов (рис. 12), так и пят арок (рис. 9), иногда только в части стены, примыкавшей к дверному проему (рис. 29).

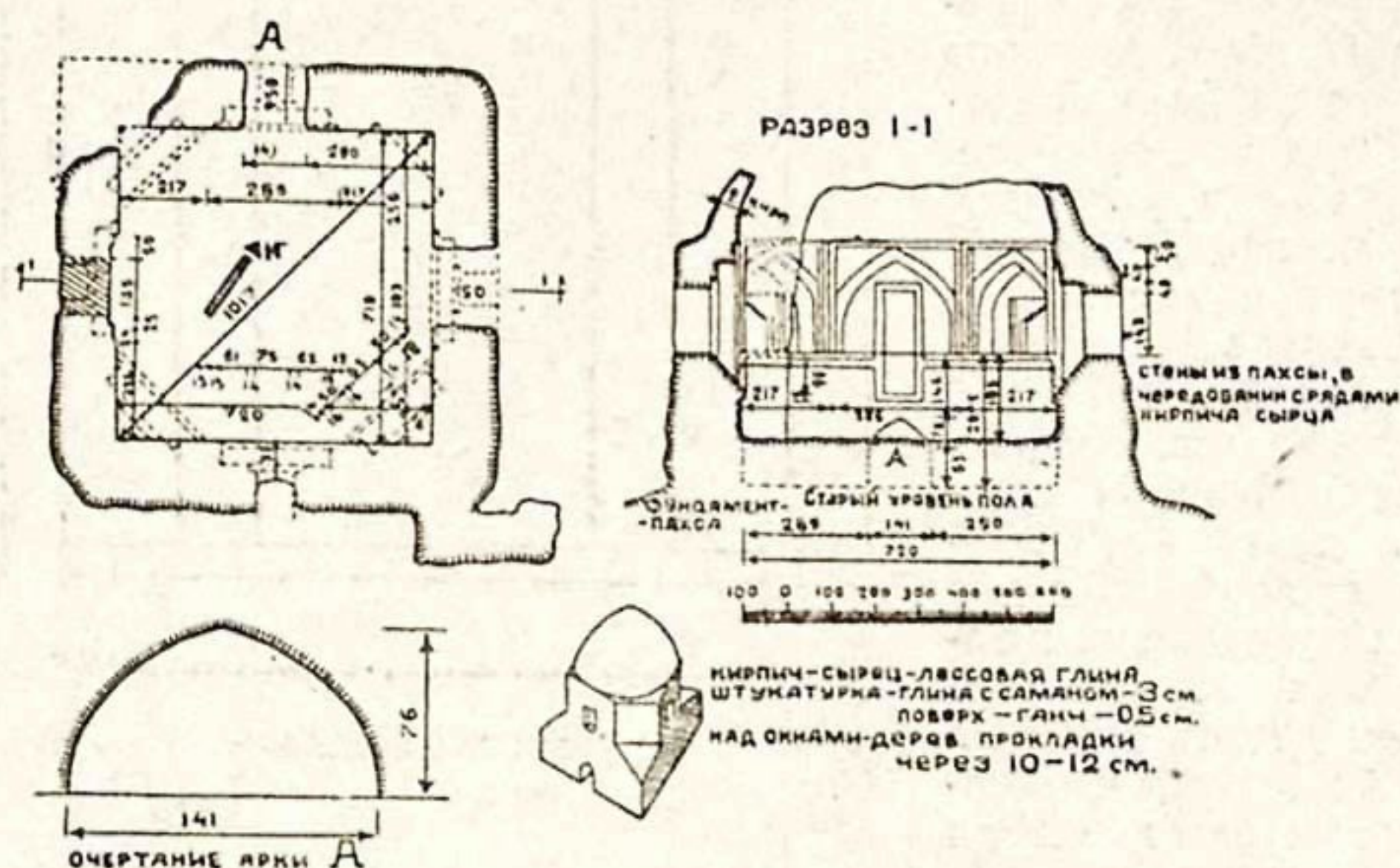

Рис. 23. План и разрез сырцового здания № 14.

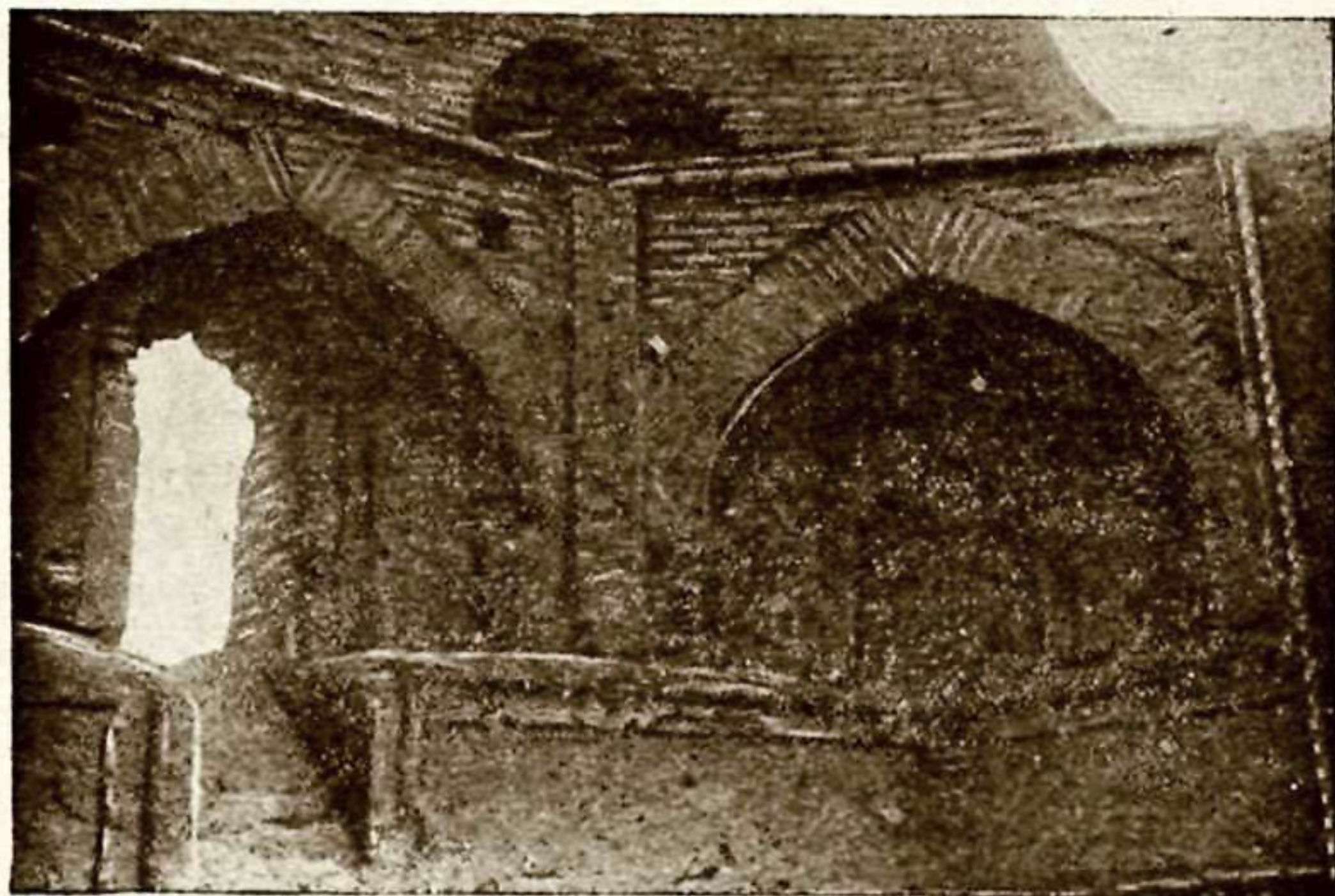

Рис. 24. Внутренний вид здания № 14.

Внутри сооружений стены часто оформлялись нишами (6) (рис. 1, 4, 6, 7, 12, 14, 29, 31), что делалось не только в декоративных целях: ниши значительно уменьшали вес стены, в то же время не влияя отрицательно на конструктивные ее достоинства. Перемычки над нишами оформлялись как горизонтально помощью настила тонких брусьев (рис. 1 и 14), так и в виде

арочек (рис. 5, 6, 7, 9, 12, 17 и 29). Последние вообще с предельной полнотой использованы в строительстве сырцовых сооружений Древнего Термеза и Старого Мерва; достаточно вспомнить все разнообразие арок в Термезском Кырк-Кызе и хотя бы перекрытие лестничного прохода в Мервской Кыз-Кала (рис. 49 и 50).

Раствором в кладках сырцовых сооружений Древнего Термеза везде служила глина, т. е. тот же материал, из которого сделан и сам кирпич. В растворе многих объектов обнаружены добавки измельченной соломы (саман) (рис. 7, 9 и 14); иногда раствором служила чистая глина и в одном случае (рис. 7) установлено, что раствор с добавкой соломы чередовался с раствором из чистой глины (7). Раствор применялся в кладке стен не очень густого замеса; при кладке же арок и сводов он был безусловно гуще. В

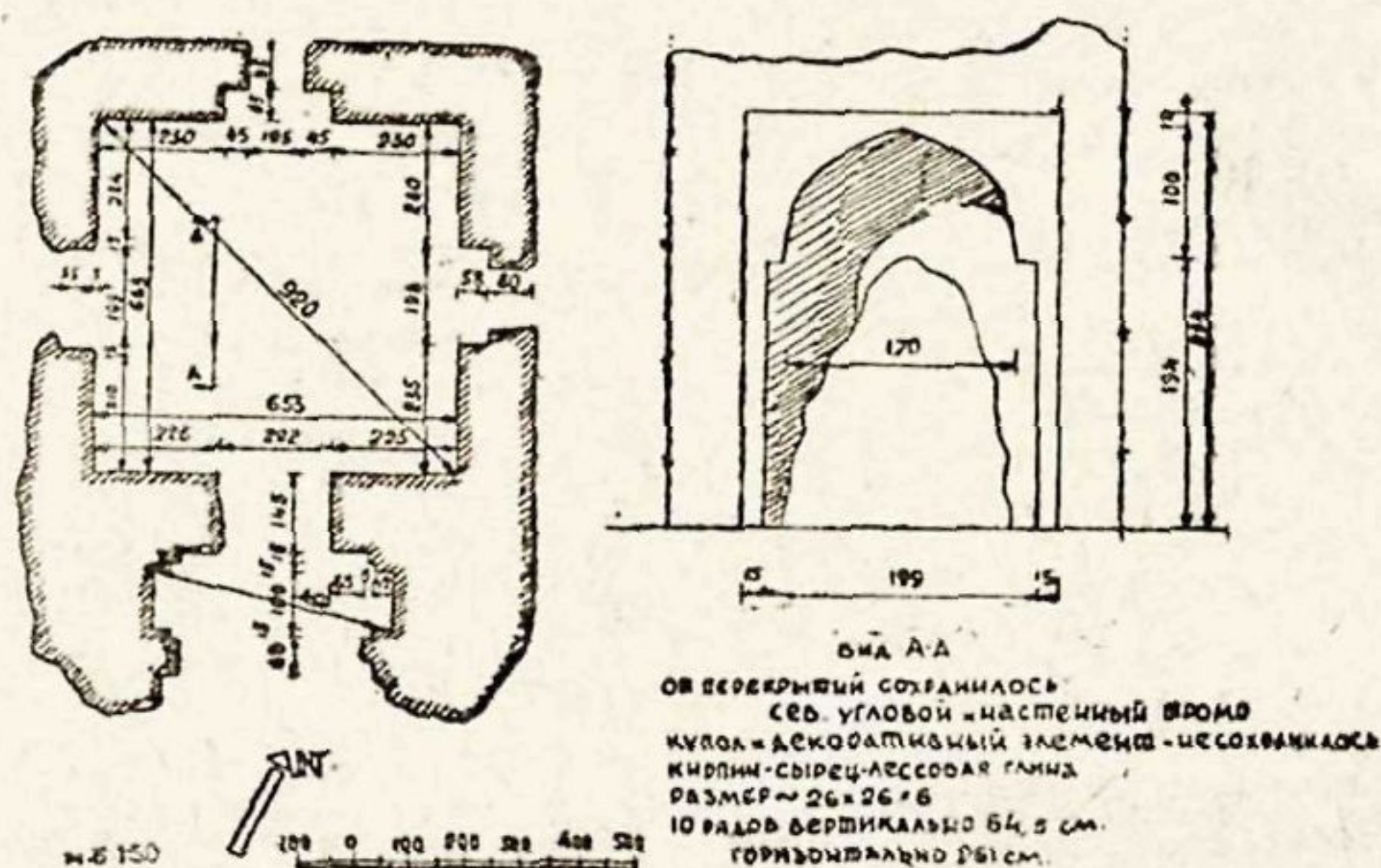

Рис. 25. План сырцового здания № 15 и обмер одной из стенных ниш (ныне пролом).

одном из древних мервских сырцовых зданий (8), большинство которых по конструкциям и форме материала идентично обследованным 5 отрядом ТАКЭ в Древнем Термезе, нами зафиксирована арка (рис. 50), замковая часть которой уложена таким образом, что клиновые части фактически заполнены только раствором. Этот способ кладки замка допустим только при очень густом замесе раствора; в противном случае замковый кирпич просто выполз бы из гнезда при кладке вышележащего ряда кирпича. Там же нам довелось наблюдать очень плоский свод, перекрывающий один из коридоров справа, внизу (9) (рис. 48), где кладка велась явно на жидком растворе; это ясно из конфигурации кривых, различных у смежных рядов; здесь некоторые кирпичи выползли на 2—4 см из своих гнезд. В Древнем Термезе мы наблюдали арку, очертания которой были на одной из сторон исправлены подрезкой кирпича и раствора уже в кладке (рис. 6).

Первоначальную толщину стен сырцовых сооружений Древнего Термеза определить точно в настоящее время весьма трудно, так как стены размывались дождями в течение столетий, что, конечно, не могло пройти бесследно для сырцовой кладки. В одних и тех же объектах в настоящее время толщина стен различна: со стороны, подверженной действию господствующих ветров, стены, естественно, размывы еще больше и стали тоньше. По наблюдениям 5 отряда ТАКЭ, нормальной толщиной наружной стены для сырцового жилого дома Древнего Термеза можно принять кладку в 5—6 кирпичей; то же подтверждают и наблюдения автора над аналогичными постройками Старого Мерва. Стены выше основания парусов делались тоньше, и обычно в центральных сооружениях переход от четверика

стен к восьмирику пояса парусов подчеркивался гранью с внешней стороны, тогда как внутри постройки стены четверика и надстенные арки парусного яруса выкладывались в одной плоскости. Угловые паруса с внешней стороны здания часто скрывались под ровной кладкой стен, выведенных до высоты барабана; иногда же кладка, покрывавшая паруса с наружной стороны, косо срезалась, образуя покатую поверхность под углом 40—50° к отвесной поверхности стены (рис. 23).

Применение обожженного кирпича в сырцовых кладках Термеза имело место в весьма ограниченных рамках; как правило, из жженого кирпича укладывался (ряд или два) пояс под основание купола (рис. 33) и так же,

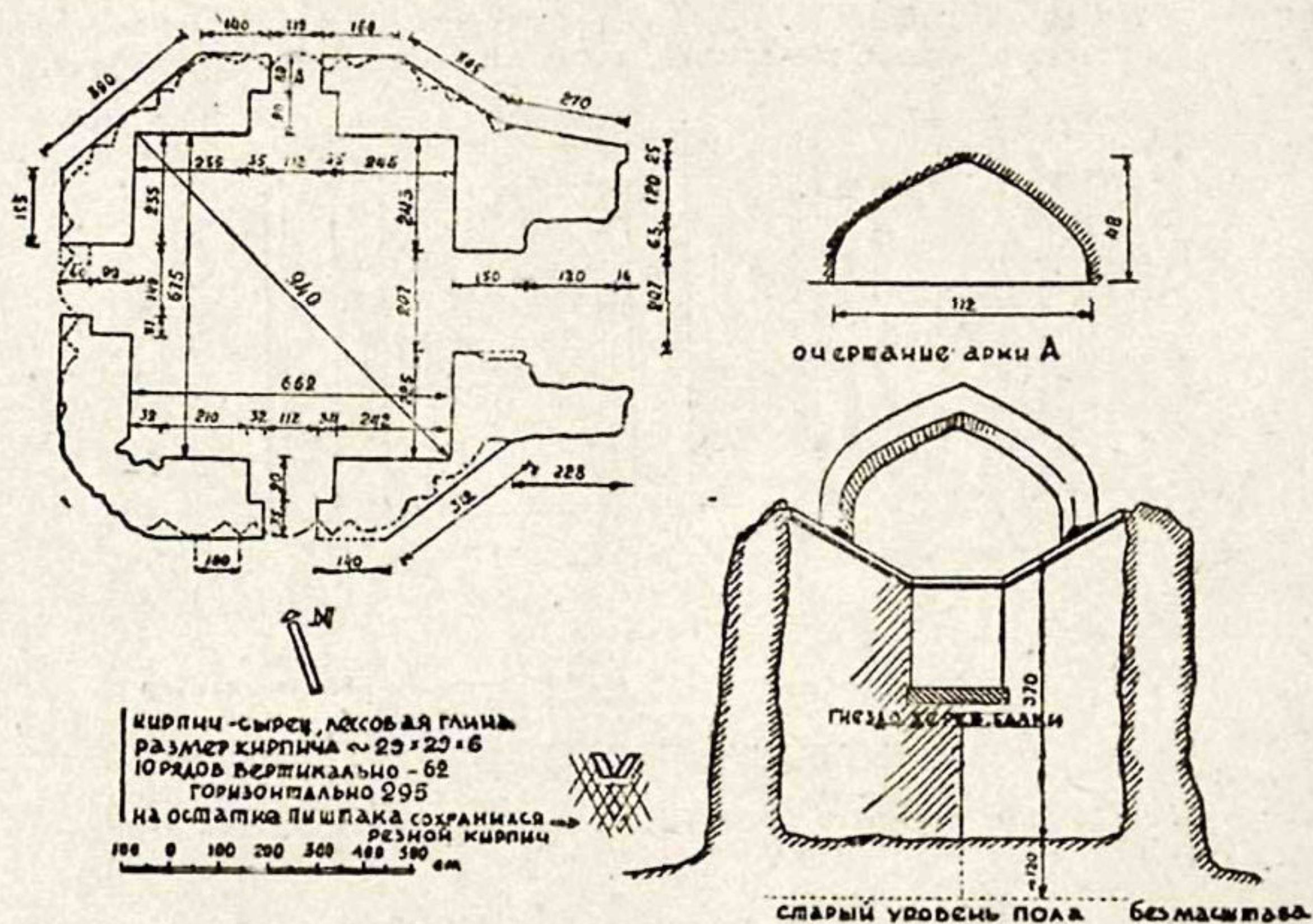

Рис. 26. План сырцового здания № 16; оформление угла внутри здания.

но реже — пояс по верхнему обрезу четверика перед переходом в восьмирик. И в том и в другом случае кирпич этот обычно выпускался на $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ своей ширины, образуя своим выступом декоративную грань, подчеркивающую конструктивную границу на переходе восьмигранника в круг купола или четверика в восьмирик. В последнем случае слой обожженного кирпича служил как бы прокладкой под пятами арочных парусов и их шипцовых стенок.

Считать эти пояса из жженого кирпича конструктивным мероприятием едва ли было бы логично, так как часто этот пояс выкладывался из обожженного кирпича только в своей видимой части, т. е. внутри здания выпускался жженный кирпич, а вглубь кладки стен тот же ряд кладки выводился из сырца. Кроме того, в ряде зданий те же пояса выведены из кирпича сырцового, и нет никаких оснований утверждать, что эти здания сохранились хуже или пострадали больше, чем объекты с поясами из кирпича обожженного. Иногда декоративное назначение выпущенного ряда кладки в подкупольном поясе подчеркивалось тем, что кладка велась фестоном, т. е. кирпич выпускался углами (рис. 33); по такому ряду затем шла обычная кладка, иногда с выпуском (рис. 33), иногда заподлицо с нижележащими частями здания (рис. 15, 24).

Переход от восьмигранника — выше парусного яруса к кругу купола осуществлялся с большой легкостью, свидетельствующей о высоком мас-

терстве строителей. Обычно в местах над гранями восьмерика, в нижних рядах кладки купола, выводились ячеистые паруса в 5—6 рядов, очень мягко переводившие гранность пояса тромпов к кругу тамбура купола (рис. 15, 24, 28, 31, 33).

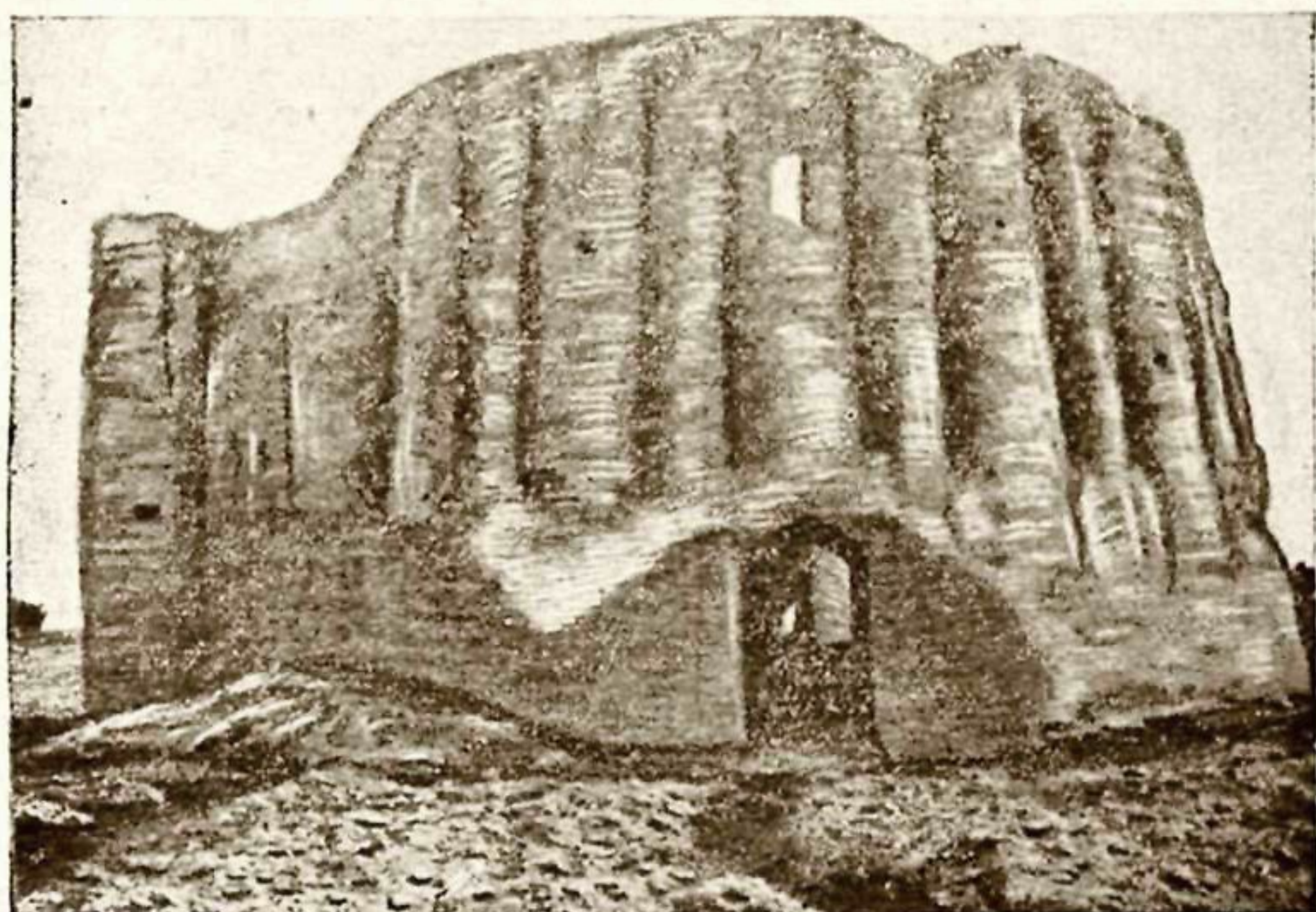

Рис. 27. Внешний вид сырцового здания № 16 (с ЮЮЗ).

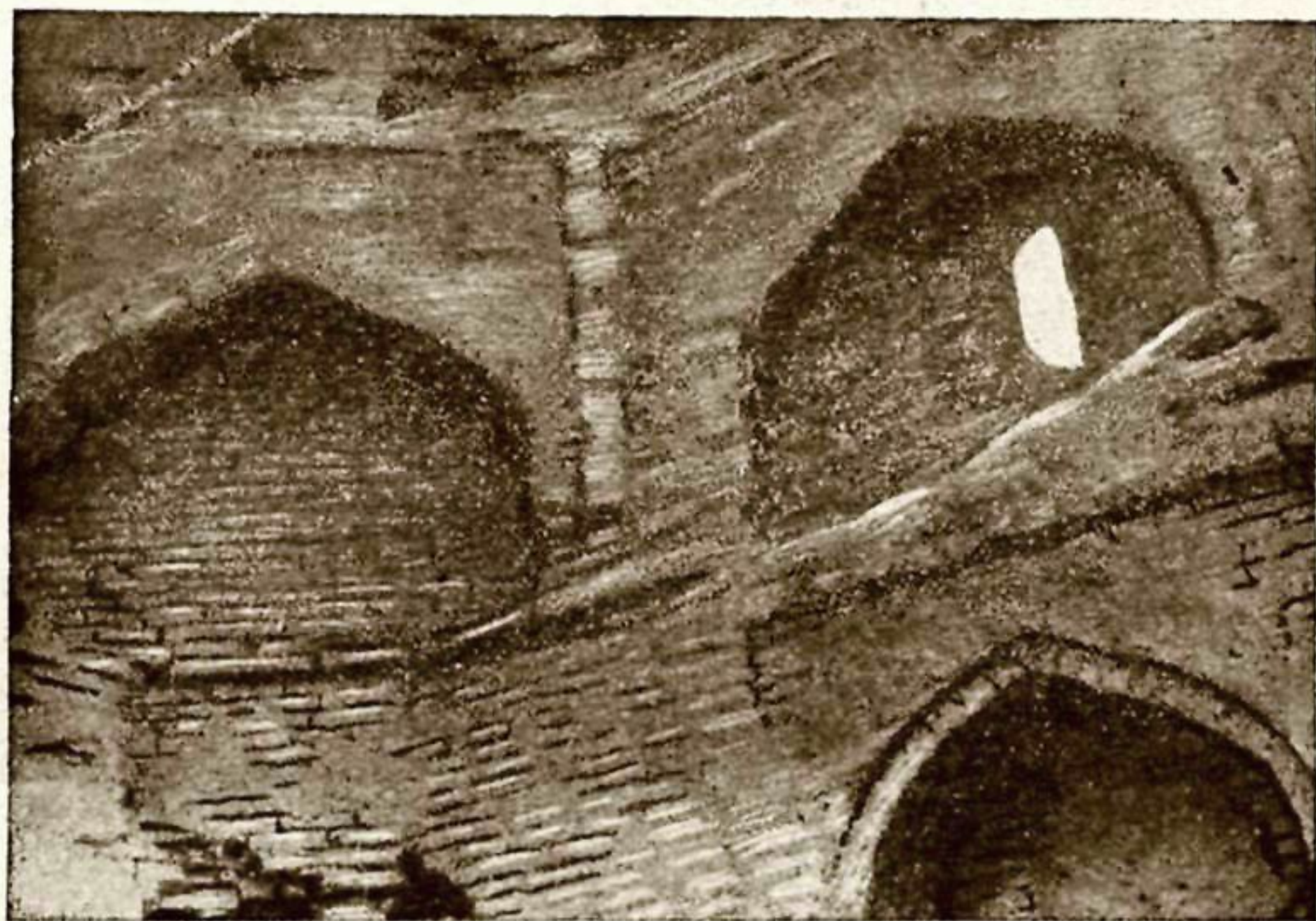

Рис. 28. Внутренний вид сырцового здания № 16.

К сожалению, 5 отряду ТАКЭ в 1937 г. не довелось видеть на территории Древнего Термеза ни одного сырцового сооружения с полностью сохранившимся куполом, ввиду чего нельзя утверждать категорически, что купола эти выводились сплошной кладкой до самого замка без свето-

вых отверстий или фонаря в замковой части. Сохранившиеся части куполов не дают никаких оснований и для обратного утверждения; вообще же сооружение светового фонаря на вершине купола едва ли мыслимо в данном случае. В некоторых сооружениях количество света, проникавшее через дверной проем, и было всей световой квотой для жилой площади, что в условиях большого количества солнечных дней в Термезе было, конечно, допустимо. Но наряду с этим зафиксированы дома, где оконные проемы имелись во всех четырех стенах (рис. 23 и 24), причем для лучшего

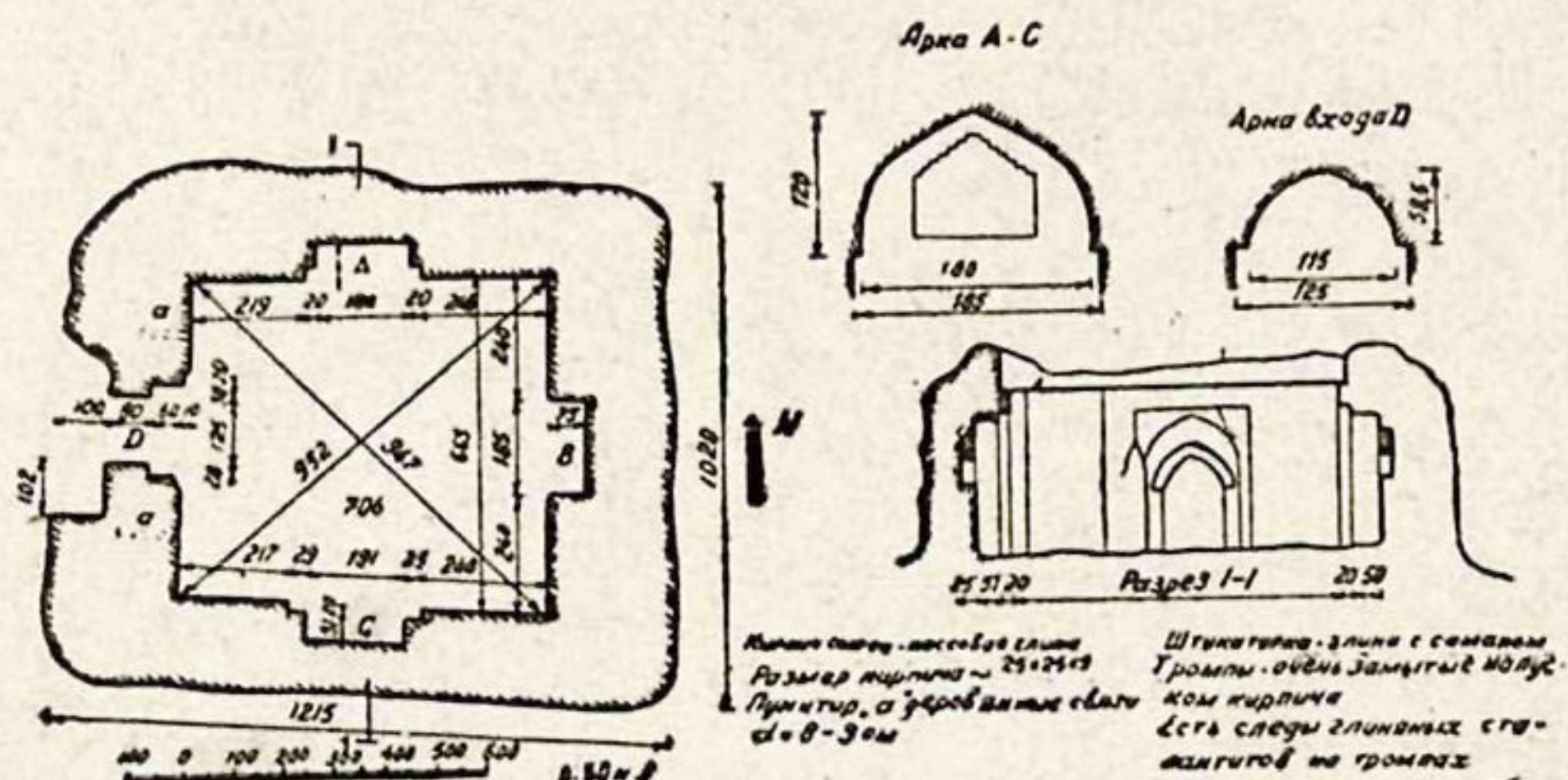

Рис. 29. План и разрез сырцового здания № 17.

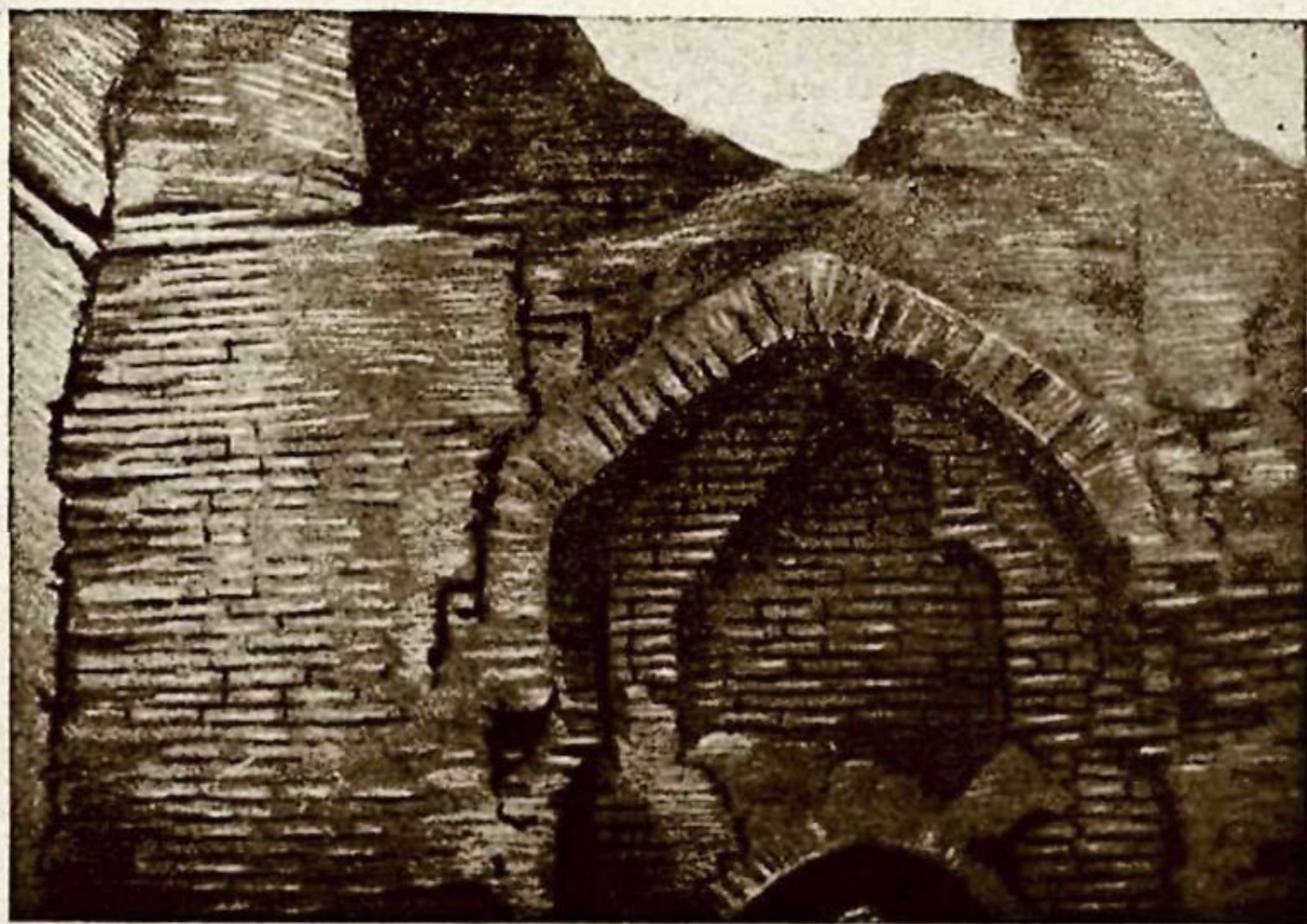

Рис. 30. Внутренний вид сырцового здания № 17.

распределения света подоконная часть стены срезалась под углом, как это делается в современных сооружениях с оконными проемами полуподвальных этажей. Следует здесь же отметить, что во многих объектах щипцовые стены настенных тромпов проломаны и разрушены, так что можно лишь предполагать с некоторой достоверностью наличие здесь в свое время световых отверстий.

Трудно себе представить, чтобы оконные проемы в жилых домах Древ-

него Термеза были всегда и во все стороны полностью открыты во все световые отверстия. Какие-нибудь виды ограждения от излишнего света, пыли, дождя и т. п., безусловно, существовали, но были ли это решетки из ганча или дерева, завесы из ткани и бердана или ставни, в настоящее время, на основании сохранившихся частей зданий, решить невозможно; совершенно очевидно, что в таком культурном городе, каким был Древний Термез, едва ли жилье было открыто солнцу, дождям и всем ветрам, осо-

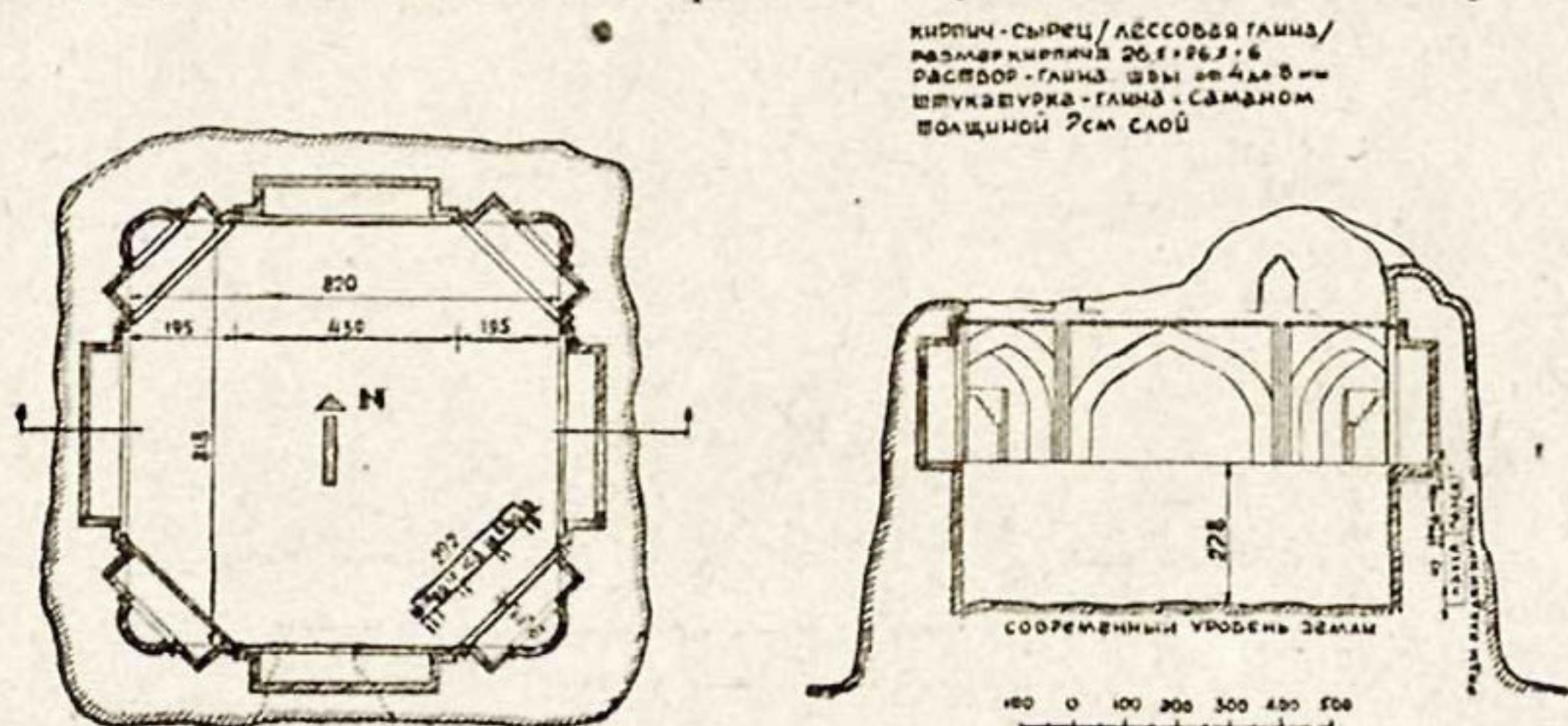

Рис. 31. План и разрез сырцового здания № 18.

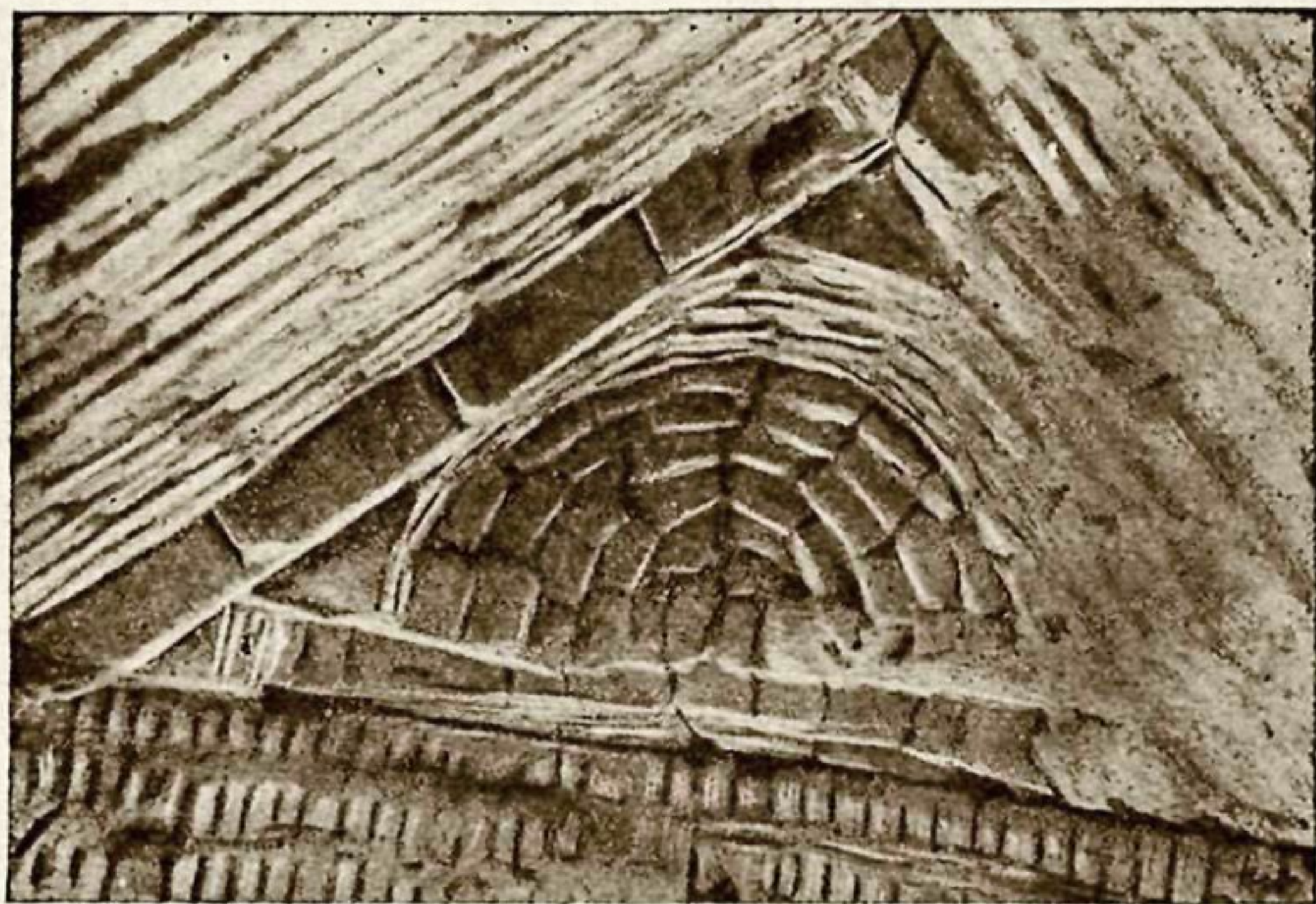

Рис. 32. Угловой троп — снизу вверх — в здании № 18.

бенно так называемому (в наше время) „афганцу“ — горячему южному ветру, несущему с собой массу тончайшей лессовой пыли, застилающей весь небосвод и являющейся одной из неприятнейших сторон жизни в Термезе.

Во всех сырцовых сооружениях Древнего Термеза можно со значительной достоверностью установить следы штукатурки, покрывавшей внутренние стены; штукатурка из глины с саманом (рис. 4, 5, 6, 7, 14, 16, 17, 29, 31) иногда покрывалась тонким слоем ганча (рис. 4, 6, 7, 23). Намет глино-саманной штукатурки делался, толщиной в 2—2,5 см, ганч же нано-

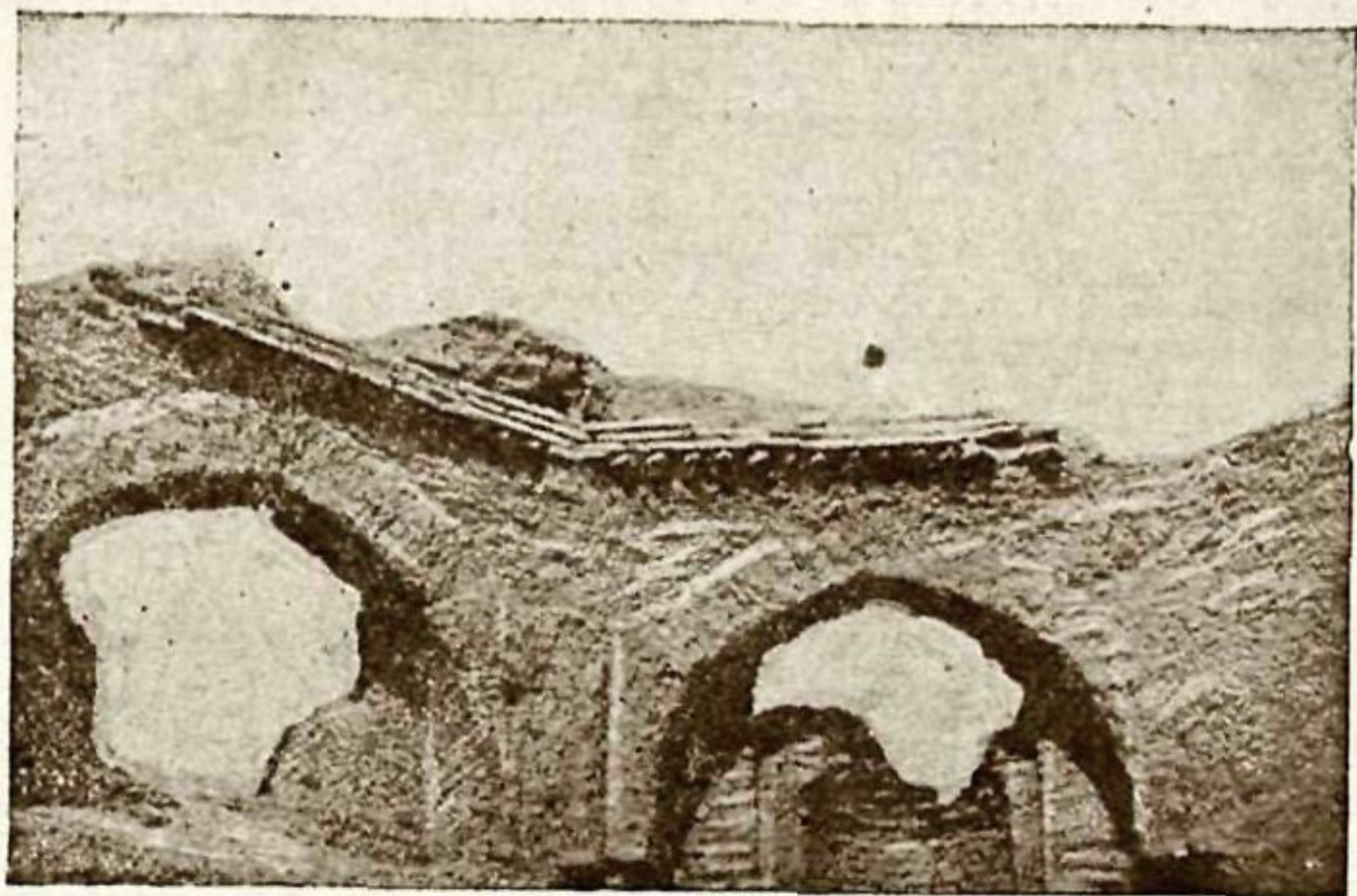

Рис. 33. Остатки перехода от восьми граней к кругу купола в здании № 18.

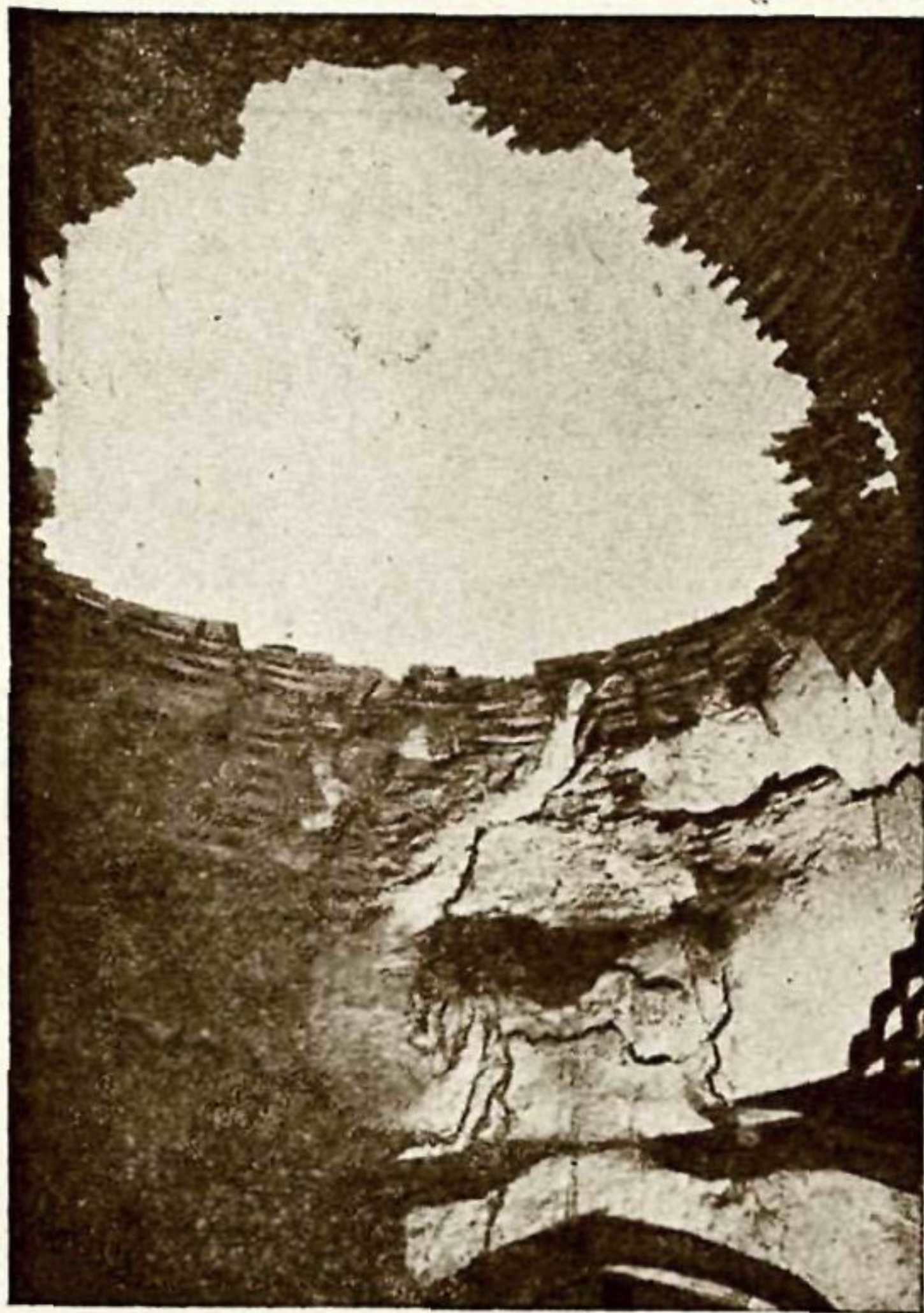

Рис. 34. Переход от восьми граней к куполу. Виден ячеистый парусок на грани восьмерика.

сился слоем весьма тонким (2, 3, 4 и 5 мм), что не может не вызвать некоторого удивления, так как применение чрезмерно тонкого слоя значительно затрудняло работу. Возможно, что минимальный расход последнего объяснялся его сравнительно высокой стоимостью; то же относится, вероятно, и к обожженному кирпичу, расход которого в термезских сырцовых сооружениях, как сказано выше, был крайне ограничен.

Штукатурка покрывала не только плоскости стен, проемы, паруса и купол. Ею выделялись желательные контуры выпускаемого наружу кирпича в обрамлениях и тягах, причем приходится удивляться поразительной стойкости и прочности штукатурки: в объектах с сильно размытой кладкой, с рухнувшим перекрытием и наполовину разобранными стенами, т. е. в со-

оружениях, открытых всем возможным воздействиям атмосферных

факторов, мы находим глиняную штукатурку, сохранившую профилировку, приданную ей мастерами несколько веков тому назад (рис. 15, 19, 24). На одном из сырцовых жилых домов старого Мерва, на наружных стенах совершенно ясно сохранились глиняные штукатурные пилястры и фигурные тяги обрамлений окон и дверей, и все это несмотря на отсутствие кровли (рис. 42, 43, 44).

Старый зодчий в Термезе был настолько уверен в высоких технических качествах глино-саманной штукатурки, что применял ее, как правило, для всех видов отделочных работ в сырцовых сооружениях, в том числе и для штукатурной моделировки—отделки сталактитов в ячейках тромповой и полукупольной кладки. В сильно пострадавших от времени объектах

Рис. 35. Наружный вид одного из сырцовых зданий; ясно видны срезы перекрытия в углах.

(рис. 5 и 9), в первом случае в парусе здания, во втором— на остатках декоративной отделки полукупола порталной части, мы видим еще довольно ясно сохранившиеся примитивные „сталактиты“—ячейки, выполненные консольной кладкой. Этот вид работ невольно вызывает уважение к глубокому знанию материала старыми мастерами, заставлявшими быть предельно выразительным такой материал, как глина, в то же время никогда не переходя известной границы благоразумия—не придавая глине форм, ей не свойственных, и функций, чуждых характеру самого материала. В строгом соблюдении этих принципов и скрыта значительная часть того высокого мастерства, которое вызывает уважение у современного архитектора и строителя и жажду исследования у археолога и историка архитектуры.

* *

Форма арок во всех обследованных 5 отрядом объектах — стрельчатая; большинство из них позволяет безошибочно установить первоначальную их форму, так как арка с деформациями очень мало. Обычно, если арка не была разрушена, она сохраняла безукоризненные формы, некогда ей приданные. Кладка арок проводилась, вероятно, без опалубки, но пользование кружалом (10) для наиболее легкого и простого сохранения правильной формы подтверждается сохранившимися выступами, служившими некогда

пятами для опора нижних частей кружал (рис. 9), и своеобразными ступенчатыми переходами от вертикальной кладки проема к арочному завершению (объекты 12, 25, 29). В парусных арках шаблон можно было опирать на нижеидущую кладку стен, почему никаких специальных приспособлений не требовалось. В большинстве случаев кладка арок велась в $1\frac{1}{2}$ кирпича обычным для среднеазиатских сооружений спосо-

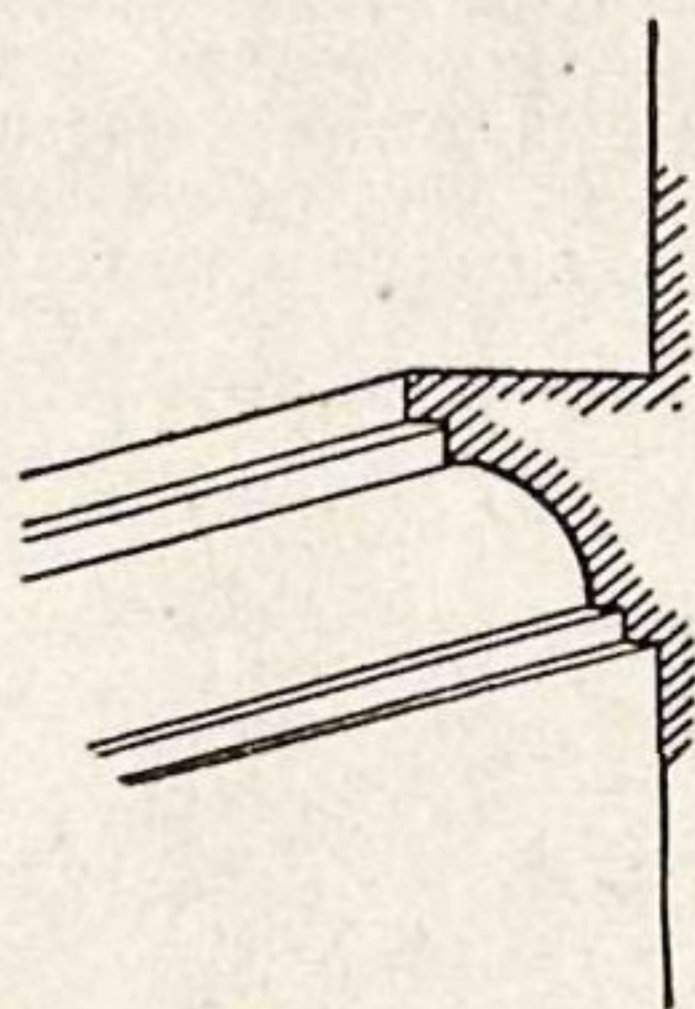

Рис. 36. Профиль глиняной полочки внутри сырцового здания.

бом, т. е. в пятке кирпич укладывался горизонтально, плашмя и постепенно поворачивался по мере подъема арки, а в замке ставился почти вертикально. Такой способ кладки отнюдь не следует рассматривать, как единственный или обязательный; в этом отношении среднеазиатские мастера были весьма изощренными знатоками арок и сводов и в Термезе, как и в других местах, известны прекрасные образцы других видов кладки (Кырк-Кыз в Термезе, Кыз-Кала в Старом Мерве, мавзолей Мухаммед Ханапья там же и мн. др.). Среди обследованных сырцовых объектов, в здании № 13 (рис. 19) мы видим арку, объединяющую два вида кладки с очень своеобразным решением замковой части. Небольшой пролет—всего 85 см—перекрыт четырьмя кирпичами, поставленными на ребро, плашмя к плоскости стены (к зрителю); арка не получает плавной образующей кривой, так как каждая ее половина состоит фактически из двух

прямых отрезков (ширина кирпича 27 см). В замке в таких случаях встречается обычно соответственно затесанный и поставленный также плашмя кирпичный клин. Здесь же замковая часть заложена кирпичом на ребро к плоскости стены (к зрителю), причем кладка замка проведена „в елку“

Рис. 37. Остатки одного из сырцовых зданий, разбираемых для удобрения почвы.

и осуществлена таким образом, что служит одновременно замком ко второму ряду кирпича, уложенного на ребро на первой арке и образующем как бы вторую арку над первой.

В здании № 13 весьма любопытно применение ряда арок для перекрытия сравнительно большого вытянутого помещения размером 4,58 × 9,55 м,

открытого на фасадную сторону; его перекрывают пять шестиуступчатых в профиле арок, каждая шириною 1,46 м, а промежутки между этими профилированными арками заполнены плоской кладкой. Так как фасадная стена (восточная) сильно размыта, следов оформления первой арки, обращенной когда-то к зрителю, не сохранилось, но на арке имеется сейчас три задних грани; естественно поэтому предположить что такие же три грани были выпущены и на фасадную сторону. Пяты этих арок покоятся на консольных опорах, выполненных с большим вкусом (рис. 22).

Будучи большим специалистом по кладке сырцовых сводов вообще, мастер, строивший объект № 13, повидимому, во избежание впечатления

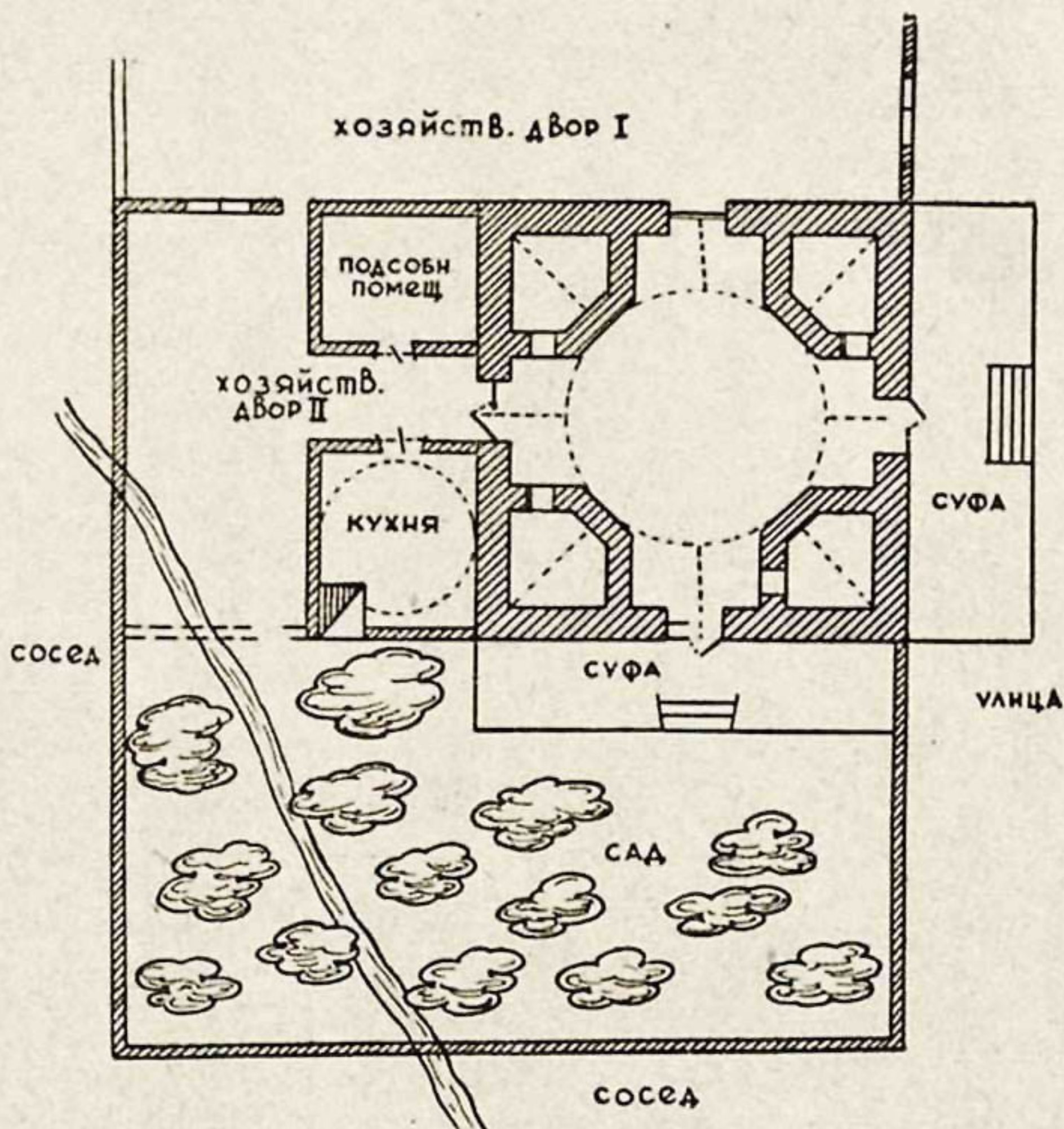

Рис. 38. Опыт реконструкции плана усадьбы и сырцового жилого дома в Древнем Термезе

однообразия от длинных перекрытий такого рода, заменил кладку сплошного свода кладкой из ряда отдельных арок, разбивающих верх помещения на отдельные, уходящие вглубь отрезки.

Щипцовая стена этого помещения была оформлена в верхней своей части четырьмя пилястрами несколько более упрощенного профиля, чем профили арок перекрытия. Эти пилястры опирались на консольную полочку простого профиля с выкружкой (рис. 22). Между пилястрами (всего четыре) размещены три ложных арочки, пролетом в 3 кирпича боковые и $3\frac{1}{2}$ средняя, общей высотой 2,45 м; очертания арочек ломаные; они сложены выпуском кирпича, по три с каждой стороны (рис. 21).

В нижней части стены расположена михрабная ниша, которая вместе с михрабом в соседнем помещении (с) позволяет высказать предположение, что это здание, вероятно, служило мечетью.

Оформление парусов во всех сырцовых сооружениях Древнего Терме́за

чрезвычайно разнообразно. Оконтуренные простой аркой внутри паруса имеют плоские или изогнутые поверхности и почти всегда углубленные ниши, из которых многие являются, собственно, дополнительными деталями парусного перехода от четверика к восьмиерику, т. е. заполняют так называемую пазуху паруса. При этом паруса соответственно переконструировались, например, обычный треугольник ячеистого паруса с напускными рядами кладки (11), обращенный вершиной вниз, фигурирует здесь в обратном положении — вершиной вверх (рис. 30). Простых, гладких заполнений в парусах встречается, как сказано, очень немного (рис. 26 и 28). Большинство из них оформлено весьма декоративно, хотя здесь же следует под-

Рис. 39. Сырцовая башня на окраине Мервского оазиса (XI—XII в.). Южная сторона.

черкнуть, что вся эта декоративность парусов вытекает непосредственно из их конструктивной сущности. Некоторые из них представляют собой прототипы конструкций (рис. 5), не дошедших до нас в зданиях из обожженного кирпича; другие известны по сооружениям (возможно, одновременным) из этого материала, как например, парус, состоящий из ряда уходящих вглубь арок, уменьшающихся постепенно в пролете и стреле, в сырцовом доме № 12 (рис. 17, Термез) и в одном из мавзолеев (восточном) Кассана (12).

В монументальном сооружении этот же прием оформления паруса известен по мечети в Дели (Индия, конец XII в.?), где пять перспективных арок, уходящих вглубь паруса, облицованы поливным кирпичом и фланкируются изразцовыми колонками, поддерживающими первое кольцо кладки барабана купола (13). Этот парус и колонки по

сторонам его точно повторяют образцы оформления сырцовых сооружений Термеза, где колонки или пилястры на гранях восьмиерика имеются почти во всех сооружениях, в которых дошли до нас верхние части зданий.

Довольно широко было распространено оформление паруса нишей со ступенчатыми полукупольчиками (рис. 14, 15, 23, 24, 31, 32 и 33); иногда такая ниша расчленялась на три грани (рис. 16) и сводилась кверху полукуполом с поднятой гранью замковой части. Прекрасное полукупольное заполнение обнаружено в здании № 5 (рис. 6), где декоративная простота выполнения самого арочного паруса компенсируется богато профилированным обрамлением из тяг, оконтуривающих все арки парусного яруса.

Основание полукупольного заполнения равняется здесь половине окружности и расположено на прямом угле четверика таким образом, что большая часть полуокружности углублена в стену и только середина, прихо-

дящаяся на самый угол, несколько нависает над стыком стен. В других случаях, угол ниже паруса имел диагональную вспомогательную стенку (здание № 16, рис. 26 и 28), где она продолжена вниз и примерно на второй трети высоты четырехгранника опирается на настил из деревянных балочек. Здание это вообще выпадает несколько из категории обследованных объектов, большинство которых может быть определено, как жилые дома. Здание № 16 прежде всего резко отличается от других своим внешним оформлением; внутренний квадрат плана переведен с внешней стороны в восьмигранник по цоколю. Одна из этих граней (восточная) развита была в портал. Выше цоколя стены здания принимают многогранную форму, причем многогранность эта выражена чередующимися выступами угольной и полукруглой формы (в плане), близкими по общему характеру к так называемым „гофрированным“ зданиям в Старом Мерве, Хорезме и Термезе. Верхняя часть стен сильно размыта и разрушена, так что судить о завершении их вверху—нет никаких данных. Сооружение это было перекрыто куполом, который с внешней стороны, вероятно, был совершенно скрыт стенами, поднимающимися кверху, несколько суживаясь. Аналогичное „ребристое“ оформление внешней стороны стен центрических сооружений из обожженного кирпича известно по иранским памятникам: на башне у Масджид-и-Джума в Бостаме, на мавзолеях в Куме у Кашанских ворот, на мавзолее трех сеидов в Амоле, а также на мавзолее Мумине Хатун в Нахичевани (14). Постройки же подобного типа из сырца не были известны или, во всяком случае, не опубликованы. По мнению М. Е. Массона, описываемое сооружение также является мавзолеем, что вполне вероятно, так как здание имеет по входу с каждой стороны, но в то же время в нем нет окон, если не считать одного, небольшого и высоко расположенного над входом на северной стороне. Портал дошел до нас в крайне разрушенном состоянии; можно с большей или меньшей определенностью отметить лишь, что порталная ниша была оформлена полукуполом и что портал был декорирован фигурной кладкой чередующихся кирпичей, сырцовых и жженных.

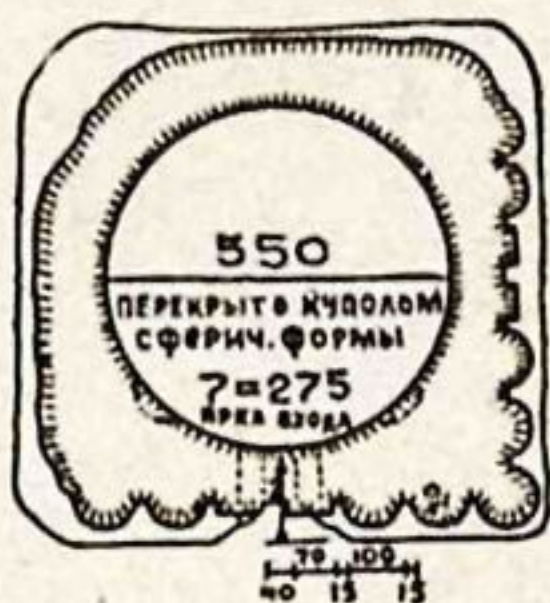
Этот мавзолей представляет значительный интерес, как памятник высоко развитой сырцовой архитектуры с весьма своеобразными законченными формами, развитие которых в сырце, безусловно, предшествовало во времени подобным сооружениям из обожженного кирпича. Обследованные нами осенью 1937 г. сырцовые сооружения на бывшей окраине Мервского оазиса (15) позволяют говорить довольно точно о памятниках XI—XII вв., среди которых следует отметить отдельно стоящую постройку башенного типа, оформленную также „гофром“. На квадратном в плане цоколе, суживающемся кверху, с каждой стороны расположено по восемь полуколонн, из коих две средних выступают прямоугольниками, а боковые полуцилиндрами (рис. 39, 40 и 41). Это сооружение, вместе с описанным Термезским гофрированным мавзолеем, составляет новую группу памятников, достойных самого пристального изучения. Термезский мавзолей по некоторым конструктивным особенностям весьма соблазнительно отнести также к XII в., но утверждать это еще рано, так как дальнейшие исследования и изучение сырцовых сооружений Древнего Термеза должны и могут дать много нового материала, могущего подтвердить или опровергнуть наше предположение.

* *

Обследованные сырцовые сооружения Древнего Термеза можно по их планам разделить на две группы: а) здания жилые и б) культовые. Первая группа представлена подавляющим большинством обследованных и зафиксированных объектов (здание № 16*) причем в них довольно определенно вырисовывается типичный план жилого дома среднего горожанина (рис. 3, 5, 6, 9, 10, 12, 14, 17, 23, 25, 29, 31), представляющий квадрат, в нижней части переводившийся в восьмигранник парусами и далее переходивший в

* Повидимому, часть сооружений, относимых автором к жилым зданиям, принадлежит постройкам общественного и культового назначения. Редакция.

круг основания купольного перекрытия. Нижние части стен, как уже сказано, часто оформлялись большим или меньшим числом ниш, но имеются объекты, где стены совершенно гладкие. Один из обследованных объектов № 4 (рис. 5) представляет значительный интерес в отношении разрешения

КИРПИЧ-СЫРЕЦ 32×32×7,5
ГОФРИРОВАННАЯ ПОСТРОЙКА
ИЗ СЫРЦА

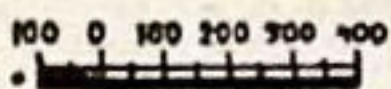

Рис. 40. План сырцовой башни на окраине Древнемервского оазиса.

помещение развито из квадрата в восьмиугольник за счет срезанных углов выступающих квадратов комнатушек, что позволило легко перекрыть это помещение куполом, без дополнительных угловых тромпов. Боковые ответвления центрального зала были перекрыты, надо думать, сводами.

крестовым планом вопроса деления квадрата сооружения на пять помещений. Крайне деформированная и размытая кладка и обвалы верхней части сооружения делают необходимыми значительные работы по расчистке для получения совершенно законченной картины устройства этих помещений, вскрыть которые 5 отряд ТАКЭ не имел возможности. Центральное помещение, перекрытое некогда куполом, представляет собой фактически площадь на пересечении двух продолговатых комнат — коридоров, ширина которых равна одной трети стороны квадрата всего плана; центральное

Рис. 41. Остатки сырцового здания на территории городища Старого Мерва. Вид с Ю В.

Следы хозяйственных построек еще намечаются с северной стороны, но, тем не менее, общую картину организации этого жилого дома можно себе представить хотя бы с некоторой долей вероятности (рис. 38).

Здесь же хотелось бы отметить, что объекты 4 и 16 (рис. 5, 26) являются тем видом сооружений, разрушенность которых вызывает у современного исследователя чувство величайшего сожаления и досады на те поколения путешественников и писателей, которые, возможно, могли в свое время застать еще хоть некоторые следы исчезнувших конструкций в сырце и ничего не сделали для того, чтобы как-то отметить виденное.

План сооружений № 6 можно принять за план жилого дома более богатого, чем остальные; здесь намечается шесть комнат, из коих первая от

входа (считая за таковую первую после проема в остатках портала с западной стороны) была, вероятно, „двусветной“ (16), тогда как остальные помещения располагались в два этажа. Эта манера планировки, где парадная комната по высоте равна двум этажам окружающих ее жилых помещений

Рис. 42. Остатки сырцового здания на территории городища Старого Мерва. Вид с Ю.

сохранялась очень долго в среднеазиатских жилых домах и известна как в постройках более поздних, например в жилых домах Бухары (17), Самарканда и Ташкента, так и в остатках больших сырцовых жилых домов Старого Мерва (рис. 41, 42, 43, 44). По остаткам пяти арок и сводов в здании № 6 можно предполагать, что, кроме упомянутого выше „двусветного“ помещения, перекрытого, вероятно, куполом, все остальные комнаты нижнего этажа были перекрыты сводами. Хорошо сохранилось сводчатое перекрытие коридора, примыкающего к комнате в северном углу здания; кладка свода здесь подобна кладке в коридорах Кырк-Кыз и так называемого „согдийского замка“ на горе Муг (18). Последнее обстоятельство в связи с ранней датировкой постройки на горе Муг, приобретает особый интерес и позволяет говорить о древности отдельных строительных приемов, встречающихся в сырцовых сооружениях Средней Азии.

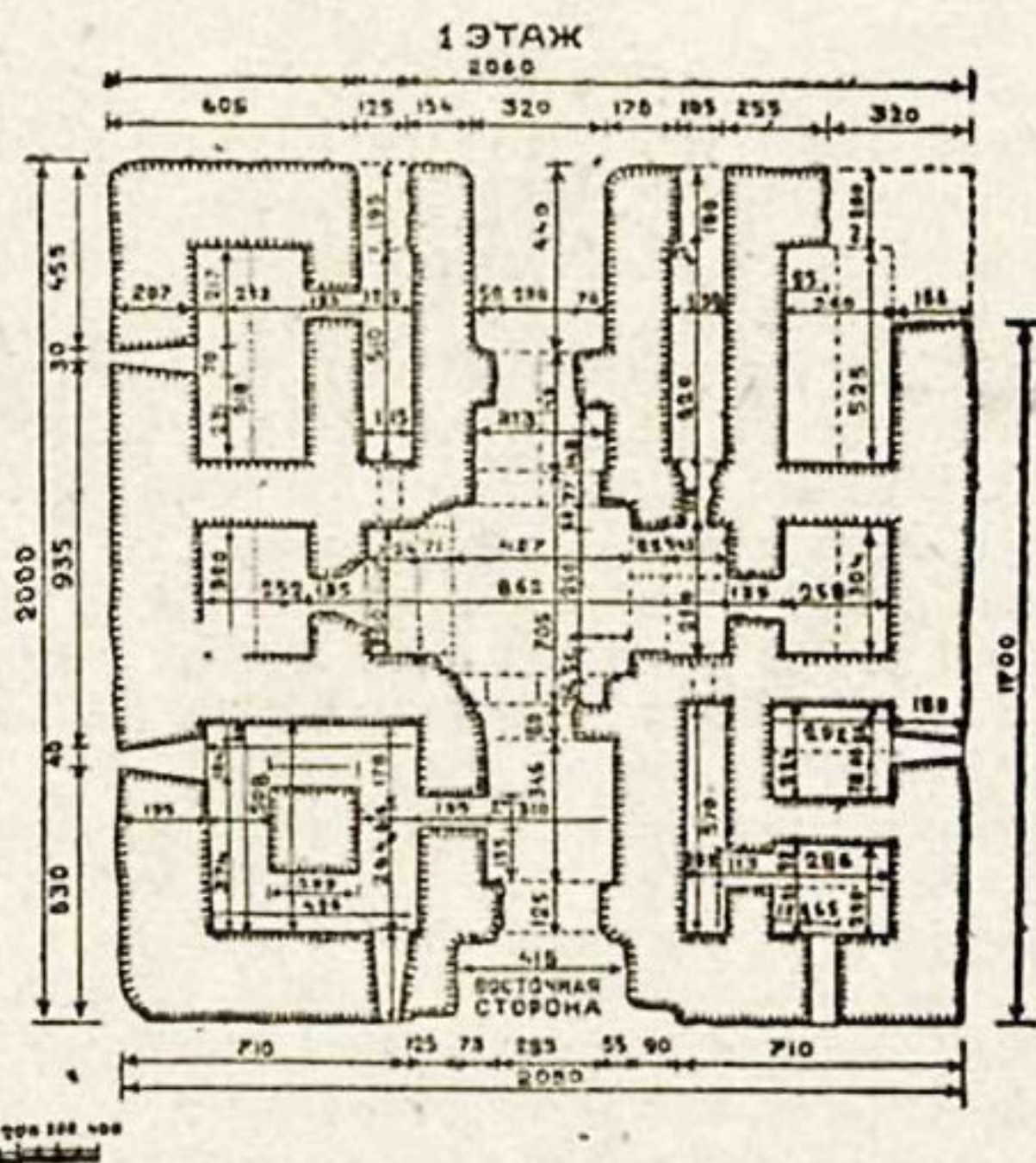

Рис. 43. План первого этажа сырцового здания, изображенного на рис. 40, 41, 42.

Планировка нижнего этажа в объекте № 6 проста, но не симметрична; лестница, ведущая на второй этаж, находилась, вероятно, в упомянутом выше коридоре, в котором перекрытие прохода из угловой комнаты в сред-

нюю сохранилось и приходилось под ступенями лестницы. Перекрытие этой „лестничной клетки“ могло быть осуществлено арочками, расположенными ступенчато, подобно перекрытию над лестницей в одном из сырцовых „гофрированных“ зданий Старого Мерва (Кыз-Кала Малая, рис. 47 и 48). Этот прием уже, безусловно, высокоразвитого зодчества, обнаруженный в сырцовых сооружениях Средней Азии, позволяет нам говорить о срав-

нительно ранних датировках, возможных для сохранившихся сырцовых сооружений на нашей территории.

Как сказано, нижний этаж здания состоял из шести комнат с главным входом с западной стороны. Другие входы, вероятно, имелись с восточной (на одной оси с главным входом) и с южной сторон; один из этих „черных“ ходов вел, вероятно, на хозяйственный двор, а другой — в сад. Впрочем, утверждать это определенно нельзя, так как при сегодняшнем состоянии отверстий, имеющих в восточной и южной стенах объекта № 6, трудно сказать, являлись ли они разрушившимися дверными проемами или поздними проломами и размывами.

Возможно, что в здании име-

лись и подвальные или полугодвальные помещения, так как комнаты, примыкающие к восточной стене, расположены сравнительно высоко. Возможно, впрочем, что как раз эти комнаты являются помещениями второго этажа и под ними завален нижний этаж. Из упомянутых в настоящем отчете зданий многокомнатными жилыми домами являются объекты 1, 3, 6 и 11 (рис. 1, 4, 7, 16), причем в объекте № 6 можно установить точно число помещений одного из этажей, в других же зданиях количество комнат устанавливается примерно по реконструированным планам. В объекте № 1 комнат было, вероятно, две, в объекте № 3 сохранилось четыре, а по реконструкции устанавливается девять; в объекте № 11 зафиксированы остатки 8 помещений, но план очень асимметричен и реконструировать его без раскопок невозможно. В этом здании отмечено три узких помещения, возможно коридоров, весьма сходных с коридорами в одном из древнемервских сырцовых жилых домов (рис. 43). Вообще развитый тип сырцового многокомнатного, двухэтажного жилого дома имеет много общих черт с упомянутым древнемервским сооружением (рис. 41, 42, 43, 44). Комнаты первого и второго этажей размещены вокруг центрального помещения, по высоте проходившего оба этажа и перекрытого, очевидно, куполом, с окнами в тамбурной его части. В нижней своей части центральное помещение по площади меньше, чем на уровне второго этажа, а внутренние стены его короче стен нижнего этажа. Все это позволяет установить своеобразный круговой балкон в центральной „зале“ на уровне второго этажа. Некоторые особенности в плане второго этажа позволяют высказать предположение о существовании если не полного третьего этажа, то, во всяком случае, надстроек на перекрытии второго (19).

Среди однокомнатных планов в объектах, обследованных 5 отрядом ТАКЭ, наиболее интересным является, пожалуй, объект № 4 (рис. 5), где мы видим пример остроумного расчленения квадрата плана на пять помещений. К сожалению, отряд не имел возможности раскопать предполагае-

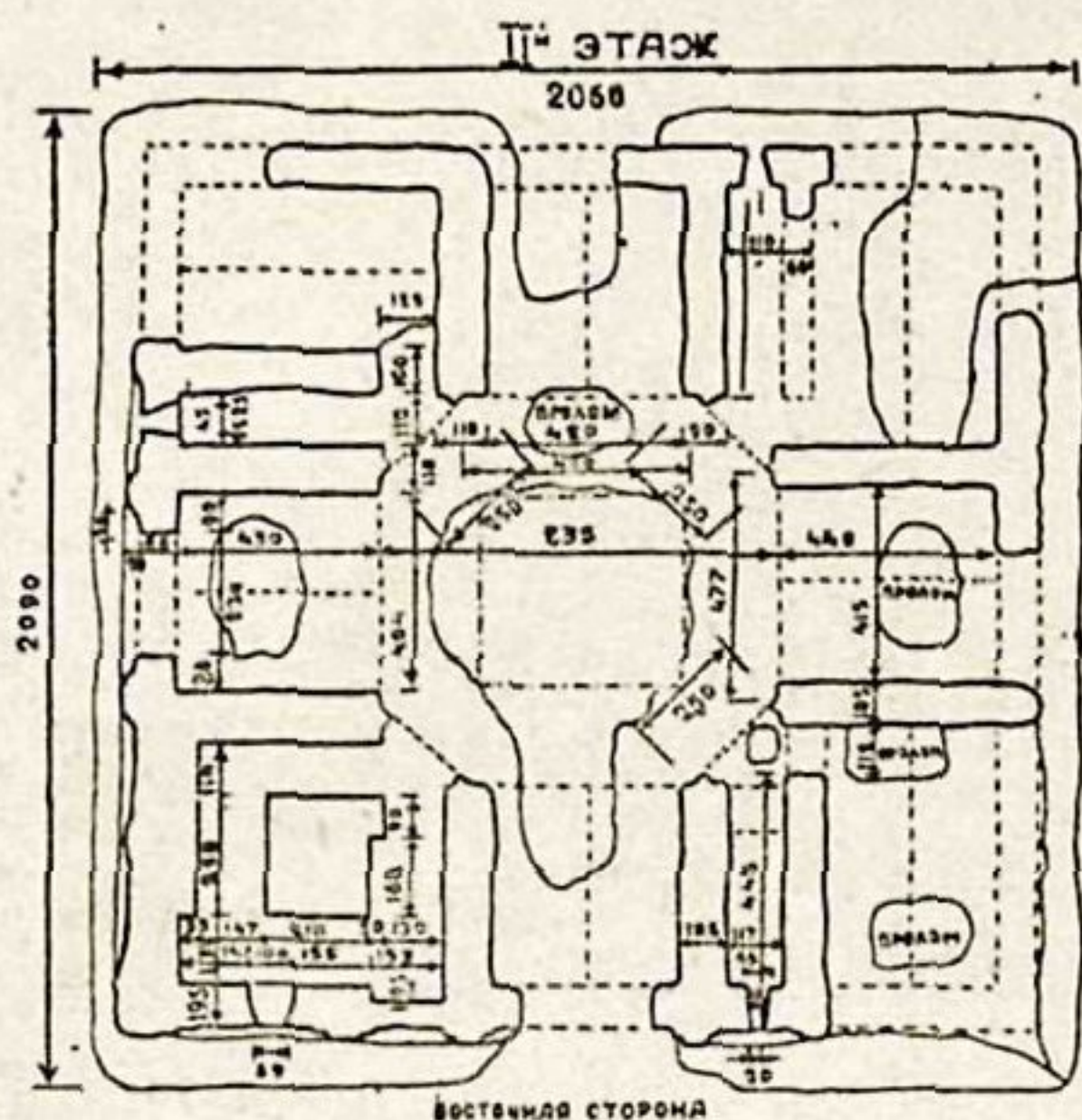

Рис. 44. План второго этажа того же здания.

мые угловые помещения, входы в которые „заперты“ (20) закладкой „на скорую руку“, а позже завалены размывами верхних частей сооружения.

В объекте № 4 крестообразный план центрального помещения как бы вписан в квадрат внешних стен и организован делением всего квадрата сооружения на девять равных частей, из коих четыре угловых оформлены в виде отдельных маленьких комнат, а центральная и примыкающие к ней части, расположенные на перекрещивающихся осях, объединены в одно большое помещение.

Для увеличения этого последнего, выходящие в центральное помещение углы малых комнат срезаны и с внешней стороны оформлены неглубокими нишами. Эти срезы углов дают центральной части конфигурацию восьмигранника, что было сделано с целью облегчения перехода к основанию купола. Угловые помещения были, вероятно, перекрыты полукуполами, остатки которых намечаются в подходах извне к центральному помещению. Очень хороши здесь паруса, конструктивно и декоративно простые и одновременно эффектные.

Все другие однокомнатные планы идентичны, правильный квадрат нарушен только в одном случае — на объекте № 17 (рис. 29), где одна из сторон сдвинута, вероятно, вследствие топографических условий участка, что ясно говорит о значитель-

Рис. 45. Ступенчатый свод в большом сырцовом здании (Кыз-Кала Малая) в Старом Мерве

ной населенности пункта и даже о некоторой тесноте внутри города. Позже эта теснота приняла в некоторых городах Средней Азии такие размеры, что, например в Бухаре, нельзя было найти ни одного жилого дома с прямоугольным планом (21).

В некоторых случаях простой квадратный план дома в Древнем Термезе проходил через руки хорошего зодчего, и это сразу чувствуется при графической фиксации некоторых обмеров. Примером может служить объект № 18 (рис. 31), где простой с внешней стороны квадратный план дома разработан внутри с предельной тщательностью, умением и искусством.

В то время как объекты №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 17, 18 представляют собой остатки жилых помещений, объекты №№ 13 и 16, как это довольно четко устанавливается, являлись культовыми сооружениями, причем, как сказано выше, объект № 16 — вероятно мавзолей, а объект № 13 — мечеть с интересным разрешением планировки. Последняя была возведена на специальной глинобитной площадке, служащей одновременно

и фундаментом сооружения; площадка эта с фасадной стороны примерно на 1 м поднята выше горизонта прилегающей площади.

По плану мечеть представляет собой прямоугольник с соотношением сторон 1:2,5; площадь застройки разделена на два квадратных помещения по сторонам и одно меньшее, прямоугольное, расположенное между ними. Центральное помещение не имеет и не имело передней стены и перекрыто сводом, расчлененным как бы на ряд чередующихся арок сложного и простого профилей в сечении. Это открытое помещение с михрабной нишей в

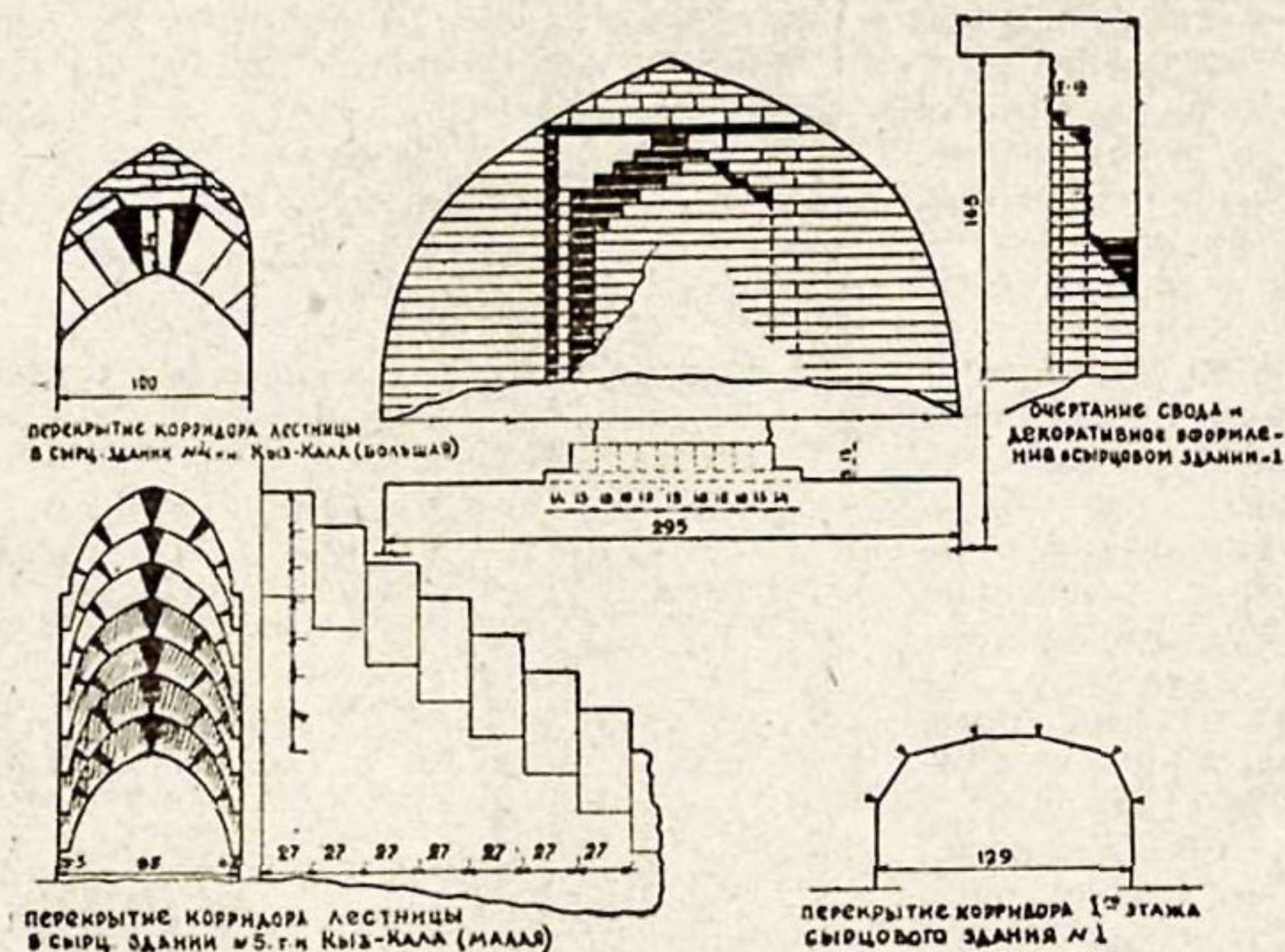

Рис. 46. Детали сырцовых зданий в Старом Мерве. Слева внизу фас и разрез перекрытия ступенчатым сводом лестничного хода в „гофрированном“ здании Кыз-Кала Малая.

щипцовой стене и было, вероятно, собственно мечетью; по высоте оно больше, чем примыкающие к нему две перекрытые куполами комнаты. Поскольку это возможно теперь установить, мечеть не имела выделенного портала и ее фасадная часть—ассоциируется до некоторой степени с фасадом дворца в Ктезифоне и незаконченным фасадом мавзолея Хаджи Ахмада Ясавийского в г. Туркестане.

*
* *

Работы 5 отряда ТАКЭ в Древнем Термезе выявили в обследованных сырцовых сооружениях: а) строительный материал, б) конструкции стен и перекрытий и в) планы,— что дает некоторые основания и для практических выводов, изложенных ниже.

Представляется безусловно необходимым дальнейшее, более широкое и углубленное изучение сырцового зодчества Древнего Термеза. Это должно быть, безусловно, осуществлено в ближайшие годы, так как объекты находятся под угрозой полного исчезновения.

Даже далеко не полное обследование сырцовых сооружений Древнего Термеза, наряду с данными по сырцовым зданиям Старого Мерва, позволяет поставить вопрос о реальном воплощении принципов „прикладной археологии“. Материал и конструкции этих сооружений ясны, и нет никакого сомнения, что старые архитектурные приемы вполне применимы и в наше время. Грандиозное строительство первого в мире социалистического государства дает в руки современников все возможности для реализации богатого и часто забытого технического опыта прошлого.

Строительство таких объектов, как колхозные гаражи, машинно-тракторные мастерские, склады зерна и хлопка, наконец, жилые дома и мн. др. может быть легко осуществлено там, где сооружение объектов современных конструкций затрудняется вследствие неблагоприятных транспортных условий и недостатка привозного строительного материала.

Можно с уверенностью сказать, что стоит построить из сырца только первые два-три объекта упомянутого назначения с купольными и сводчатыми перекрытиями и показать на примере рациональность применения местного материала при минимальном расходе дефицитного леса (окна, двери), как забытые старые конструкции найдут широчайшее применение в колхозном строительстве Узбекистана. Целью работ Узкомстариса и родственных ему организаций братских республик может стать не только изучение технического опыта прошлого, но и популяризация этого забытого ныне умения старых мастеров и подлинных образцов технического народного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) *Берданы*— среднеазиатские цыновки из пшеничной соломы или расщепленного болотного тростника.

2) *Витрувий*, Десять книг об архитектуре. Москва, МСМXXXVI; книга вторая, глава III, раздел 2, стр. 44.

3) Полагаю, что следует читать „наложенная на них штукатурка“; в тексте цитируемого перевода это место, вероятно, случайно ускользнуло от внимания редактора. Других изданий Витрувия для сравнения, к сожалению, не имею.

4) Утика или Утека—некогда большой и благоустроенный город древнефиникийской колонии на северном берегу Африки, в районе Карфагена; ныне в развалинах. По Аристотелю, Утека была основана жителями Тира в XI в. до н. э.

5) Пользуюсь здесь термином, впервые примененным М. Е. Массоном в его докладе на XV пленуме Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Доклад этот поставил ряд конкретных задач археологического порядка, разрешение которых являлось бы прямыми практическими вкладами в дело социалистического строительства нашей страны. См. М. Е. Массон. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии, Ташкент, 1937.

6) Пользуюсь этим термином для обозначения арочных ниш, расположенных в одной плоскости со стенами, в отличие от угловых арок, пяты которых опирались на стены, расположенные под углом друг к другу.

7) В сырцовых жилых домах Старого Мерва раствором в кладках везде служила чистая лессовая глина без всяких добавок.

8) Так называемая „Кыз-Кала“ Большая, сырцовое „гофрированное“ здание на ЮЗЗ от мавзолея Султана Санджара, за западной стеной Султан-Калы.

9) Жилой дом, приводимый на рис. 40, 41, 42, 43, 44, 45 и 46.

10) Это кружало можно представить себе или в виде тех ганчевых кружал, которыми пользовались и позднее, или выполненных из дерева. Изготовление кружала из ганча обычно с камышевой арматурой не представляет затруднений; на приготовленную горизонтальную площадку наносится контур половины будущей арки, площадка посыпается сухим ганчем и вдоль контура укладывается полосой раствор ганча шириной в 7—8 см и толщиной в 3—4 см. В тело будущего шаблона закладываются отрезки камыша длиной в 20—30 см, как позволяет кривая арка, с таким расчетом, чтобы конец предыдущего отрезка карыша захватывал начало отрезка последующего.

11) Ср. сборник „Искусство Средней Азии“, вып. 5 трудов Секции истории искусств РАНИОН, Москва, 1930, табл. XI, рис. 6, иллюстрирующие статью Б. Н. Засыпкина „Архитектурные памятники Ферганы“, стр. 62—73.

12) Там же, табл. XI, рис. 5.

13) Рисунок этого паруса и колонн по его сторонам приведен в анонимном литографированном издании курса лекции „История магометанского искусства“ в разделе „Магометанская архитектура в Индии“. По некоторым данным можно предположить, что лекции эти записаны в 90-х годах прошлого столетия в Петербургской Академии художеств.

14) „Строительная промышленность“ № 1, 1930 г. Статья Б. Н. Засыпкина „Заметка по строительной культуре Советского Востока“, стр. 70—77.

15) В 40 км к С от Султан-Калы; сооружения эти, лежащие теперь уже в пустыне, частично засыпаются песком. Среди них имеется ряд исключительно интересных объектов, главным образом стратегического назначения, но архитектурно оформленных с большой тщательностью. Обследование проводилось экспедицией Туркменского института истории под руководством автора.

16) „Двусветный“ — разумеется, конечно, чисто условно. Помещение было перекрыто, вероятно, куполом со световыми проемами в барабане, так что о „двух светах“ речь идет только для подчеркивания высоты данного помещения.

17) Н. Бачинский, Жилой дом в Бухаре. В рукописи, в фондах Научно-исследовательского института архитектуры Всероссийской Академии художеств. Ленинград, 1935 г.

18) *И. А. Васильев*, Согдийский замок на горе Муг (предварительный отчет). Согдийский сборник Изд-во АН СССР, Л., 1934, стр. 18—32.

19) Мощный столб в центре левой угловой комнаты продолжен и во втором этаже, где его наличие не вызывается никакими конструктивными соображениями. Можно только предположить, что эта угловая часть всего сооружения была *увенчана* башней; тогда оправдывается предположение о наличии упомянутого столба и его утоплений во втором этаже ($2,09 \times 2,11$ м в первом этаже и $2,15 \times 2,58$ м во втором).

20) О таком способе „запирать“ сырцовые помещения сообщил любезно археолог *Г. В. Григорьев*, встретивший подобные закладки и в более ранних сооружениях, во время раскопок в Янгиюльском районе УзССР, где Узкомстарисом были организованы археологические разведки в 1934 г. В термезских сырцовых домах такие закладки встречались довольно часто, причем по характеру их выполнения видно было, что они предусматривались, как мероприятие кратковременное — например, иногда закладка дверного проема проводилась только в один кирпич. Такая закладка ясно видна на рис. 35.

21) *Н. М. Бачинский*, цитированное сочинение (прим. 17).

Ответственные редакторы проф. И. К. Додонов и проф. М. Е. Массон.

Р 06599. Подписано к печати 11/IX 1944 г. Тираж 250 экз. Уч.-авт. листов 28,9 Печ. листов 14,25. В одном печ. листе типогр. знаков 76.800. Цена 27 руб. Переплет 3 руб.

Ташкентская типография № 1. 1944. Заказ 194